

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

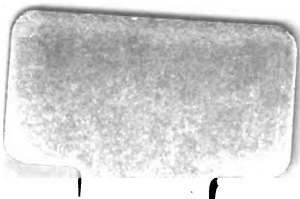
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P-law 236.4

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

ОКТАВРЬ 8245 1879
98-21

ДѢЛО

ГОДЪ ТРИНАДАТЫЙ

№ 10.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. НА ВОЛОСКЪ. Романъ. (Окончаніе). . . П. ЛЪТНЕВА.
2. ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОСТИ И
НРАВСТВЕННОСТИ. (Ст. вторая). . . Л. И. МЕЧНИКОВА.
3. НОЧЬЮ. Стихотвореніе. . . . . А. В. КРУГЛОВА.
4. ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ НРАВОВЪ. . . П. СЕВЕРНА.
5. ВѢТЕРЬ. Стихотвореніе. . . . . Д. ЧВРТКОВА.
6. МАРСЕЛЬСКІЯ ТАЙНЫ. Романъ.
(Гл. XXVIII—XXXVI) . . . . . ЭМІЛІЯ ЗОЛІ.
7. ФОН-ВИЗИНЪ И ЕГО ВРЕМЯ.
(Окончаніе). . . . . С. С. ШАНКОВА.
8. ВОЛОНТЕРЬ. Историческій романъ.
(Гл. I—VIII.) Переводъ съ испанскаго . . . . . ИЕРЕСА ГАЛЬДОСА.
9. ФРАНЦУЗСКОЕ СЕЛО ВЪ КОНЦѢ .
XVIII ВѢКА. . . . . П. С—СБАГО.

P 16442

(См. на оборотѣ.)

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

10. ТУРИСТЪ-ЭСТЕТИКЪ . . . . . П. П—СКАГО.
(«Воспоминанія и критическіе очерки»). Собраніе статей и замѣтокъ П. В. Анненкова. 1849—1868 г. Отдѣлъ второй. Спб., 1879.)
11. НОВЫЯ КНИГИ . . . . .
Экспедиція на рѣку Молочную. Опытъ сельско-хозяйственнаго и экономическаго изслѣдованія южно-русскихъ землевладѣльцевъ, землевладѣльцевъ-мennonитовъ и колонистовъ-мennonитовъ и лютеранъ. Выпускъ I. Н. К. Калагеорги и В. М. Борисова. Спб. 1878.—Общедоступная гигиена. Д-ра Эрисмана. Спб. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева, 1878.—О психомоторныхъ центрахъ и развитіи ихъ у человѣка и животныхъ. Изъ популярныхъ лекцій профессора К. Тарханова. Спб. 1879.
12. ОБРАЗЦОВОЕ ЗЕМСТВО ВЪ ЗАКОНДОВАННОМЪ КРУГУ. . . . . С. С. ШАНКОВА.
(Журналы рязанскаго губернскаго земскаго собранія. Рязань и Москва, 1865—1878.—Доклады членовъ рязанской губернской земской управы о ревизіи уѣздовъ. Т. I, Рязань, 1874; т. II и III, Москва, 1877—78.—Сборникъ постановленій рязанскаго губернскаго земскаго собранія. 2 т., Рязань, 1874—77.—Обзоръ земской дѣятельности рязанской губерніи за девятилѣтіе съ 1866 по 1875 г. Докладъ князя С. Волконскаго. Ряз. 1875.—Протоколы сѣздовъ земскихъ врачей рязанской губерніи. 2 выпуска, Р., 1874—75.—Журналы земскихъ собраній скопинскаго, данковскаго, спасскаго и раненбургскаго за разные годы).
13. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ. (Статья вторая). . . . .
14. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ . . . . . П. Ш.
Какъ „дѣдушка“ изъ „Молвы“ ошибся въ лѣтосчисленіи.—Мои бесѣды съ нимъ о гуманности и идеалахъ.—Разные факты на ту-же тему.—Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ. — Общее собраніе членовъ Общества 21 октября.—Впечатлѣніе, вынесенное изъ него.—Чего должно опасаться общество въ своемъ будущемъ?—Неумѣнье наше сойти съ личной точки зрѣнія въ общихъ дѣлахъ.—Поменьше модныхъ увлеченій и побольше интеллигентнаго элемента!—Молочно-хозяйственная выставка въ Петербургѣ.—Преобладаніе финляндскихъ экспонентовъ надъ русскими въ количественномъ и качественномъ отношеніи.—Образовательныя средства маленькой Финляндіи и несчастный выводъ для нашихъ архипатріотовъ.
15. КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. Письма „знатныхъ иностранцевъ“. Письма лорда Розберри. . . . . ОТКРОВЕННОГО ПИСАТЕЛЯ.
16. ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА „ДѢЛО“ ВЪ 1680 ГОДУ.

О ПОДПИСКѢ
НА
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
„ДЪЛО“
ВЪ 1880 ГОДУ.

Журналъ «ДЪЛО» будетъ издается въ 1880 году, при постоянномъ участіи прежнихъ его сотрудниковъ, въ томъ-же направленіи и по той-же программѣ, какъ и въ прошлыя двѣ-надцать лѣтъ.

Годовое изданіе журнала „Дѣло“ состоитъ изъ *двѣнадцати* книгъ, отъ 30 до 32 листовъ каждая, большого формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛУ НА ГОДЪ:

безъ пересылки и доставки . . . . 14 р. 50 к.
съ доставкой въ Петербургъ. . . . 15 р. 50 к.
съ пересылкой многороднымъ . . . 16 р. „

ЗА-ГРАНИЦУ ВО ВСѢ ГОСУДАРСТВА. . 19 р.

Подписку просятъ адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Главную
Контору журнала „Дѣло“, по Надеждинской ул., д. № 39.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕСЯТОЙ КНИЖКИ.

На волосѣ. Романъ. (Окончаніе). . .	<i>П. Лѣтнева.</i>
Вопросы общественности и прав- ственности. (Ст. вторая). . .	<i>Л. И. Мечникова.</i>
Ночью. Стихотвореніе.	<i>А. В. Крулова.</i>
Изъ современныхъ правовъ.	<i>Н. Северина.</i>
Вѣтеръ. Стихотвореніе.	<i>Д. Черткова.</i>
Марсельскія тайны. Романъ. (Гл. XXVIII—XXXVI).	<i>Эмиля Золя.</i>
Фон-Визинъ и его время. (Окончаніе).	<i>С. С. Шаикова.</i>
Волонтеръ. Историческій романъ. (Гл. I—VIII.) Переводъ съ ис- панскаго.	<i>Переса Гальдоса.</i>
Французское село въ концѣ XVIII вѣка.	<i>Н. С—скаго.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Туристъ-эстетикъ	<i>П. П—скаго.</i>
Новыя книги.	
Образцовое земство въ заколдован- номъ кругу.	<i>С. С. Шаикова.</i>
Очерки современной журналистики. (Статья вторая).	
Внутреннее обозрѣніе.	<i>Н. III.</i>
Картинки общественной жизни. Пись- ма „знатныхъ иностранцевъ“.	
Письма лорда Розберри	<i>Откровеннаго Писателя.</i>

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

№ 10.

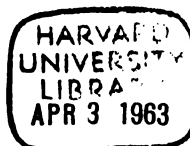

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВА, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.
1879.

ИЗВ. № 24576

△
226.40 1877
10
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 31 октября 1879 года.

(2 * 2)

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные годовые экземпляры „ДѢЛА“ за послѣдніе три года можно приобрести въ конторѣ редакціи по слѣдующей цѣнѣ:

За 1876 годъ съ пересылкою	7 р.
За 1877 годъ	” 10 р.
За 1878 годъ	” 12 р.

Отдѣльныя книги журнала каждая съ пересыл. по 2 р.

НА ВОЛОСКЪ.

РОМАНЪ.

XII.

На другое утро, едва дѣти встали и одѣлись, Азанѣевъ объявилъ, что повезетъ ихъ къ матери. Они изъявили самую шумную радость и торопились собраться ѣхать.

— Теперь Вѣра уже не мама, а просто Вѣра, сказалъ Гриша полу-вопросительно, полу-утвердительно.

По желанію Ольшевской, они стали-было называть ее „мамой“.

— У насъ теперь своя мама; наша мама воротилась, лепетала Лили, упорно приставая съ этими словами къ Вѣрѣ, которая су-мрачно пила чай, намазывая масло на хлѣбъ.

— Какіе милые ангелы! сказала Вѣра иронически. — Они уиѣютъ колотъ не хуже большихъ.

Няня увела обувать и одѣвать дѣтей; Вѣра осталась одна съ Азанѣевымъ.

— Алексѣй Львовичъ, я также поѣду съ вами, сказала она.

— Куда? спросилъ онъ, пораженный.

— Къ Еленѣ Николаевнѣ, отвѣтила она спокойно.

Азанѣевъ смотрѣлъ на нее, не вѣря своимъ ушамъ. Онъ не постигалъ, какъ она не понимаетъ, что такое для Елены ея присутствіе въ первыя блаженныя минуты свиданія съ дѣтьми.

— Зачѣмъ-же это? возразилъ онъ.

— Да просто такъ. Мы съ Еленой Николаевной были хоро-

шія знакомыя; мнѣ желательно ее видѣть, послушать ея приключенія...

— Я не нахожу, чтобъ это было естати, и удивляюсь вамъ, что вы это предлагаете, сказалъ онъ, едва сдерживая гнѣвъ при словѣ „приключенія“.

— Что же, развѣ ваша жена сердится на меня? Ужь этого я не понимаю. Развитая женщина, какъ она, должна-бы понять, что мы другъ передъ другомъ ни въ чемъ не виноваты. Вы любили ее шесть лѣтъ, потомъ полюбили меня, — кажется, это въ порядкѣ вещей: вѣчная вѣрность не въ натурѣ человѣка; да Елена Николаевна и не претендовала, кажется, за это. Потомъ ей вздумалось уѣхать; и это очень натурально...

Азанѣевъ сдѣлалъ невольное движеніе; брови его сильно нахмурились, Вѣра продолжала:

— Всякій воленъ въ своихъ поступкахъ; конечно, она хорошо сдѣлала, что уѣзжала; вѣроятно, она нашла себѣ какой-нибудь интересъ въ жизни. А вы не знаете, зачѣмъ она пріѣхала? Она такъ и будетъ жить на квартирѣ?

Азанѣевъ посмотрѣлъ на нее молча. Эти хладнокровные, безцеремонные вопросы, касавшіеся самыхъ интимныхъ, завѣтныхъ струнъ его души, поднимали въ немъ столько гнѣва и горечи, что онъ боялся высказать Вѣрѣ слишкомъ рѣзкія вещи. Все-же она любила его, какъ онъ думалъ. „Полно, такъ-ли? пришло ему теперь въ голову.—Она можетъ ощущать страсть, но любовь—это для нея необитаемой островъ“. И онъ съ горечью видѣлъ въ ней проявленіе того эгоизма, который она возводитъ въ принципъ, чтобъ каждый человѣкъ желалъ добра только одному себѣ и считалъ съ своей дороги все, что мѣшаетъ ему.

— Готовы дѣти? спросилъ онъ, отворяя дверь въ дѣтскую. — Поѣдьте, дѣти!

— Такъ, по вашему мнѣнію, я не должна участвовать въ семейномъ собраніи? съ горькой улыбкой сказала Ольшевская. — Я должна сидѣть дома, какъ наказанный школьникъ?

— Я прошу не ѣхать съ нами, сказалъ Азанѣевъ серьезно. — А сидѣть одной вамъ зачѣмъ-же? У васъ столько знакомыхъ! прибавилъ онъ иронически. — Поѣзжайте съ ними куда-нибудь блины ѣсть, или на представленіе ученыхъ собакъ.

Вѣра поблѣднѣла; глаза ея сверкнули и бросили раздраженный

взглядъ на Азанѣва. Она порывисто встала и ушла къ себѣ, хлопнувъ дверью.

Свиданіе матери съ дѣтymi состоялось, наконецъ. Алексѣй Львовичъ былъ свидѣтелемъ безумной радости Елены, ея горячихъ ласкъ, ея восторженныхъ восклицаній. Она не могла оторваться отъ дѣтей, не могла прійти въ себя.

— Бываетъ-же такое счастье! вырвалось у нея по-временамъ, и она съ благодарной любовью смотрѣла на мужа.

Азанѣву было и тяжело, и сладко. Онъ самъ былъ, какъ въ чадѣ. Иногда ему смутно приходилъ въ голову вопросъ: зачѣмъ они всѣ здѣсь, въ этомъ тѣсномъ, бѣдномъ номерѣ гостинницы, когда у него въ домѣ огромныя пустыя залы, рояль, цвѣты, которые такъ любитъ Елена?.. Онъ порывался всѣмъ существомъ своимъ взять свою дорогую жену въ свои объятія, съ любовью ввести ее опять въ свой домъ и начать переживать блаженные дни своего медоваго мѣсяца. А Вѣра?.. Теперь Азанѣвъ былъ далекъ отъ мысли свести этихъ двухъ женщинъ на совмѣстную жизнь; онъ зналъ, что онѣ, какъ огонь и вода, слиться не могутъ. Вѣра была не нужна для него; но чѣмъ болѣе онъ сознавалъ ея ненужность, тѣмъ болѣе его упрекала совѣсть въ желаніи выгнать отъ себя женщину, бывшую для него преданной сидѣлкой, для дѣтей его ласковой матерью, — женщиной, которой онъ самъ подалъ поводъ считать себя его невѣстой, поманилъ богатствомъ, освоилъ съ роскошной жизнью. „У нея достанетъ ума и такта уйти самой“, утѣшалъ онъ себя.

Часа въ три Елена Николаевна велѣла принести обѣдъ изъ лучшей гостинницы. Мужъ ея вызвался съѣздить заказать самъ и привезъ изобильное количество всякой снѣди, пирожного, и фруктовъ. Тогда Елена подошла къ нему и сказала, положивъ руку ему на плечо:

— Тебѣ не будетъ неприятно, если я приглашу съ нами обѣдать Молчанова? Я-бы не желала, чтобъ онъ думалъ, что я со-всѣмъ о немъ забыла.

Азанѣву это было не совсѣмъ пріятно, но онъ, скрѣпя сердце, далъ свое согласіе, и Елена пошла позвать Молчанова. Черезъ нѣсколько минутъ она возвратилась съ нимъ и сказала ему съ сіяющими лицомъ:

— Посмотрите моихъ дѣтей!

Дѣти тотчасъ подружились съ новымъ знакомымъ, и ихъ болтовня избавила всѣхъ отъ затруднительныхъ минутъ перваго знакомства. Впечатлѣнія обоихъ мужчинъ были не очень пріятныя, именно потому, что оба нашли другъ друга гораздо лучше и симпатичнѣе, чѣмъ ожидали. Молчановъ представлялъ себѣ Азанѣва фатомъ, кутилой и разбогатѣвшимъ рагвепи, а тотъ, въ свою очередь, ожидалъ найти степного дикаря съ претензіями, и оба ошиблись. Какъ-бы то ни было, они оба выбивались изъ силъ, чтобъ понравиться другъ другу, но всѣ ихъ старанія пропали даромъ. Главнымъ предметомъ разговора было дѣло, приведшее Молчанова въ Петербургъ. Азанѣвъ интересовался имъ, спрашивалъ и давалъ точныя и полезныя указанія, какъ достигнуть успѣха, рекомендовалъ знакомыхъ адвокатовъ, нотаріусовъ и пр.

Молчановъ остался послѣ обѣда только для того, чтобъ выкурить сигару и выпить чашку кофе; съ послѣднимъ глоткомъ онъ всталъ, говоря, что ему нельзя терять времени и надо писать прошеніе въ судъ. Такое умѣнье держать себя смягчило даже Азанѣва; Елена Николаевна была также довольна своимъ рыцаремъ.

По уходѣ гостя, Азанѣвъ отозвалъ жену и, сѣвъ рядомъ съ ней на диванъ, взявъ ея руку и нѣжно поцѣловалъ.

Дѣти начали-было смотрѣть книгу съ картинками, но скоро Лили, утомленная радостными волненіями этого дня, задремала и крѣпко заснула, вся умѣстившись своимъ маленькимъ тѣльцемъ въ большихъ мягкихъ креслахъ.

Тогда Гриша досталъ свои карандаши и бумагу—сегодняшній подарокъ матери—и, усѣвшись у окна, весь предался своему любимому занятію—рисованію.

— Намъ о многомъ надо переговорить, Лѣля, сказалъ тихо Азанѣвъ, — только съ чего начать, не знаю!

Нѣсколько минутъ оба молчали въ волненіи.

Съ тѣхъ поръ, какъ Азанѣвъ видѣлъ свою жену только въ чужихъ стѣнахъ гостинницы, она производила на него странное впечатлѣніе совершенно незнакомой женщины, мысли и чувства которой были отъ него скрыты.

„Въ самомъ дѣлѣ, думалъ онъ съ горечью,—что я знаю объ ея жизни безъ меня, о томъ времени, когда она жила подъ покровительствомъ другого человѣка?“

Притомъ она казалась ему такою самостоятельною и такъ держалась за свою самостоятельность, что онъ не смѣлъ, несмотря на свое страстное желаніе, высказать ей прямо и рѣзко всѣ свои чувства и требованія.

— Елена, началъ онъ осторожно и сдержанно, пытливо смотря ей въ лицо, — неужели ты думаешь долго еще продолжать такую ненормальную жизнь?.. Я понимаю все, что ты мнѣ говорила вчера... Я уважаю твои мотивы... Но согласишься сама, что стараться длить такое положеніе было-бы и несправедливо, и жестоко съ твоей стороны...

Щеки Елены вспыхнули яркимъ румянцемъ.

— Да, сказала она; — только ты забываешь одно...

Она хотѣла продолжать; но онъ прервалъ ее:

— Я не забываю ничего. Ты хочешь напомнить мнѣ о Вѣрѣ Ольшевской; а я тебѣ скажу, что, вступая въ мой домъ, ты не нарушишь ничьихъ правъ, не возбудишь ничьей ревности.

— Какъ-же это?

— Да развѣ не понимаешь ты, продолжалъ Азанъевъ, съ силою схвативъ ее за руку, — что моя любовь съ Вѣрой Ольшевской замерла въ тотъ день, когда я пріѣхалъ съ нею изъ Москвы? Теперь этой любви нѣтъ и въ поминѣ; мы съ Вѣрой чужіе, совсѣмъ чужіе люди, и никогда мы не сходились съ нею ближе, чѣмъ было при тебѣ.

Елена не вѣрила... Она не могла понять, какъ могло это случиться, когда она была такъ твердо убѣждена, что ея отсутствіе сблизитъ ихъ...

— Но какъ-же это? Отчего? спросила она чуть слышно.

— Отчего? Объяснить тебѣ это?.. въ раздумьи сказала Азанъевъ. — Съ того самаго рокового вечера, когда меня, какъ громомъ, поразило убѣжденіе, что ты покинула меня и я тебя больше не увижу, Ольшевская вдругъ перестала для меня существовать: она сдѣлалась для меня ничѣмъ. Я опасно заболѣлъ; она ходила за мною; но мнѣ было легче, когда она оставляла меня. А когда я сталъ поправляться, знаешь-ли, чѣмъ она вздумала развлекать меня? Предложеніями кататься съ нею, пикниками, попойками и разными пари на шампанское... Любопытно, не правда-ли? А о томъ, что было моею постоянной мыслію, что едва не свело меня съ ума, о чемъ одному я могъ говорить, — она какъ-

будто и забыла. Она и не подозрѣвала, что ты была моею идеей, что я ждалъ и звалъ тебя, постоянно видѣлъ тебя во снѣ и на яву, составлялъ безумные планы ѣхать тебя отыскивать, что ты ни на минуту не выходила у меня изъ головы!

— Довольно... довольно! сказала Елена, потрясенная звуками его голоса и страстью, звучавшею въ этихъ словахъ. — Я не могу слышать этого... Прости мнѣ, прости все, что ты вытерпѣлъ!

Она тихо плакала, склонившись къ нему на грудь; но ее все еще не покидало сомнѣніе въ его любви къ Ольшевской.

„Быть можетъ, это только временное охлажденіе, думала она, — пока онъ боялся за мою жизнь... Пройдетъ страхъ, и прежнее чувство снова воскреснетъ“...

— Что-же дальше? сказала она, наконецъ.

— Дальше то, что вся эта привлекательность Вѣры, эта удалъ, которая мнѣ такъ нравилась, ея смѣхъ, ея пѣсни, ея капризный, блестящій разговоръ, — однимъ словомъ, все, за что я въ нее влюбился, сдѣлалось мнѣ противно, отвратительно, невозможно!.. Съ нашей няней Марфой Матвѣвной я иногда говорилъ о тебѣ, и для меня это было утѣшеніемъ; съ Вѣрой-же никогда ни одного задушевнаго слова!

— Но развѣ ее не оскорбляло твое отчужденіе? Развѣ она не жаловалась? спросила Елена.

— Она вела себя такъ, какъ - будто между нами и не могло быть другихъ отношеній. Не было больше и рѣчи о нашей недавней любви. Впрочемъ, вѣдь я былъ больной, прибавилъ съ улыбкой Азанѣвъ, — а больныхъ она любить не можетъ: это ужъ такая натура. Впрочемъ, это не мѣшало ей быть для меня хорошей сидѣлкой; но самое благоразуміе ея ухода и это особенное искусство дѣлать свое время между вѣчными развѣздами и обязанностями сидѣлки доказывали мнѣ, что въ ней нѣтъ ни любви, ни тревоги.

— Точно-ли?.. Не ошибаешься-ли ты?.. прошептала Елена. — Для меня это такъ ново, такъ неожиданно! Но зачѣмъ-же она остается съ тобою, если вы не любите другъ друга?

— А гдѣшла-бы она такой комфортъ? возразилъ онъ. — У меня въ домѣ она безконтрольная хозяйка: она сама покупаетъ экипажи, лошадей, нанимаетъ прислугу. Можно-ли было ожидать,

чтобъ изъ безпечной, мечтательной дѣвушки, выдающей послѣдній рубль на удовольствія, она превратилась въ такую практическую, до мелочей доходящую, хозяйку? Не вѣришь самому себѣ, когда подумаешь, что такая женщина могла увлечь и ослѣпить меня до того, что я для нея разрушилъ и твое, и свое счастье!..

— Она такъ хороша собой! тихо замѣтила Елена.

— Послушай, продолжалъ ей мужъ, тѣснѣе прижимаясь къ ея плечу:— я долженъ сдѣлать тебѣ еще одно признаніе. Разъ мнѣ сдѣлалось такъ худо, что я былъ убѣжденъ въ близкой смерти. Меня тревожила участь дѣтей. Тогда я призвалъ Вѣру и сказалъ ей, что если я получу подтвержденіе, что я вдовецъ, то я женюсь на ней, хотя бы въ послѣднія минуты передъ кончиной, и оставляю ее опекушкой моихъ дѣтей. И знаешь ли, я потомъ нѣсколько разъ замѣчалъ, что она разсчитываетъ на эту перспективу.

Легкое облако покрыло лицо Елены.

— Да, ей тяжело будетъ мое появленіе на сцену, сказала она.

— Но вѣдь это пустыя слова, поспѣшилъ сказать Азанѣвъ.— Когда ты переѣдешь ко мнѣ, она пойметъ, что ей не слѣдуетъ оставаться въ нашемъ домѣ; а если ее будетъ удерживать привычка къ роскоши и комфорту, я готовъ предоставить ей всѣ средства, лишь бы она оставила насъ...

— Не будемъ ничего рѣшать покажѣтъ! Я...

Разговоръ былъ прерванъ стукомъ въ дверь.

— Можно войти? раздался развязный голосъ. И вслѣдъ за этими словами гостя была уже въ комнатѣ.

XIII.

Гостя эта была Серафима Петровна Дубкова. Она ворвалась такъ поспѣшно, какъ будто боялась, что ее не впускаютъ, и съ любопытствомъ устремила глаза на мужа и жену, стараясь прочесть на ихъ лицахъ, что происходило между ними.

— Здравствуйте, Алексѣй Львовичъ! Здравствуй, Леночка! Ты вчера такъ скоро отъ меня убѣжала, что я не успѣла спросить подробно твой адресъ. Насилу я тебя розыскала.

— А долго вы розыскивали? спросил сухо Азанѣвъ.

Дубкова, не отвѣчая, оглянулась назадъ и сказала:

— Гдѣ-же это Вѣра Павловна?

Мужъ и жена оба вздрогнули.

— Она со мной пріѣхала, продолжала Дубкова.—Я заѣзжала къ вамъ, Алексѣй Львовичъ, узнать, гдѣ остановилась Леночка; думала, не застану-ли ее у васъ, но вмѣсто того застала одну Вѣру Павловну. Она мнѣ сказала адресъ номеровъ, и я уговорила ее поѣхать вмѣстѣ.

— Вы сказали, что она пріѣхала съ вами сюда? переспросилъ Азанѣвъ, чрезвычайно раздосадованный такимъ поступкомъ Вѣры.

— Да, да, отвѣчала Дубкова;—не понимаю, куда она могла дѣваться. Мы вошли вмѣстѣ; но я остановилась на минутку поговорить съ швейцаромъ, и въ это время Вѣра Павловна пропала. Я думала, что она пошла впередъ.

— Можетъ быть, у нея есть знакомые въ этихъ номерахъ, сказала Елена.

— Что-же, интересенъ былъ вашъ разговоръ съ швейцаромъ? явительно перебилъ Азанѣвъ, которому одинъ видъ Серафимы Петровны разстраивалъ нервы.

— Я спрашивала у него, сколько здѣсь всѣхъ номеровъ и по какой цѣнѣ отдаются, отвѣчала Дубкова, нисколько не подозрѣвая насмѣшки;—у нихъ здѣсь еще надъ этимъ этажемъ два этажа, и въ самомъ верхнемъ есть номера въ пятьдесятъ копеекъ, даже въ сорокъ!

— Скажите, пожалуйста! сказалъ Азанѣвъ.

— Ну, тамъ, конечно, живутъ все больше бѣдныя. А ты знаешь, Леночка, тутъ рядомъ съ тобой живетъ помѣсячно полковникъ въ отставкѣ, съ женой и съ дочерью.

— Какая поразительная новость! сказалъ Азанѣвъ.—Не пойдутъ-ли вамъ съ ними познакомиться, Серафима Петровна? Пойдемте вмѣстѣ!

Дубкова догадалась, наконецъ, что Азанѣвъ смѣется надъ нею, и сдѣлалась вся пунцовая отъ гнѣва.

— Я никогда не лѣзу на знакомства, отвѣчала она, гордо вздернувъ голову;—я предоставляю это другимъ.

— Твои дѣти ходятъ въ гимназію? спросила Елена, чтобы переиѣнить разговоръ.

— Собираюсь отдать въ пансіонъ, отвѣчала Дубкова,—хотя, по моему мнѣнію, домашнее воспитаніе было-бы лучше. Но для этого нужно брать гувернантку; а гувернантки всегда производятъ раздоръ въ семьѣ. Извѣстно, каковы наши мужья!.. Я не желаю, чтобы мнѣ пришлось бѣжать изъ дома. Покорно благодарю!

Азанѣевъ всталъ и взялъ перчатки.

— До свиданія, Елена, сказалъ онъ, пожимая руку жены.— Я пройду по одному дѣлу; а потомъ заѣду за дѣтьми.

Проводивъ мужа до дверей, Елена воротилась къ своей кузинѣ и сказала серьезнымъ тономъ:

— Серафима, я прошу тебя на будущее время воздержаться отъ всякихъ намековъ на моего мужа. То, что было между нимъ и мною, не касается ни до кого, и я не позволю никому въ это вмѣшиваться.

— Помилуй, что-же я сказала? возразила оторопѣвшая Серафима.

— И я должна тебѣ объявить, продолжала тѣмъ-же тономъ Елена,—что иначе наше знакомство должно прекратиться.

Эта угроза была такъ страшна для Серафимы, что она тотчасъ залилась слезами. Любопытство и сплетни, составлявшія нѣкоторый комфортъ ея жизни, находили такую богатую поживу въ семьѣ Азанѣевыхъ, что она не могла себѣ представить, что съ нею будетъ, если двери ихъ для нея закроются.

— Я никогда не имѣла намѣренія обидѣть, бормотала она со слезами;—это я просто сказала... У меня такой характеръ: я что думаю, то и говорю... Ты ко мнѣ не справедлива, Леночка; я, ей-богу, тебя люблю.

Онѣ помирились, и Дубкова начала съ аппетитомъ ѣсть виноградъ и конфекты, оставшіяся отъ десерта. Но какъ искусно ни вводила она разговоръ на семейныя отношенія Азанѣевыхъ, все-таки не могла узнать ничего.

— Хорошо, кто умѣетъ такъ школить мужей! не воздержалась она сказать на прощаніе.

Елена молчала.

— Вотъ ты такая тихонькая съ виду, продолжала кузина,—

а какъ славно свои дѣла обдѣлала! Мы, грѣшныя, за мужьями бѣгаемъ, а ты сдѣлала, что мужъ за тобой бѣгаетъ. Смотри-ка, сколько онъ тебѣ навезъ! прибавила она съ завистью, указывая на опустошенные ящики съ конфетами, печеніями и закусками. — Ну, прощай; завтра прѣзжай ко мнѣ обѣдать.

— Не могу, сказала Елена.

— Отчего это?

— У меня срочная работа. Завтра надо идти по дѣлу.

Дубкова посмотрѣла на нее во всѣ глаза и пожала плечами.

— Васъ не разберешь, сказала она, идя къ двери; но опять остановилась, говоря со смѣхомъ: — а Вѣра Павловна-то побоялась идти къ тебѣ, улизнула! И куда она могла такъ скоро улизнуть?

И, не дожидаясь отвѣта, Дубкова ушла.

Куда, въ самомъ дѣлѣ, могла исчезнуть Вѣра? Чтобъ узнать это, мы должны вернуться за нѣсколько часовъ назадъ. Все происходило такъ, какъ рассказывала Дубкова: мучимая любопытствомъ, она поѣхала въ домъ Азанѣва разузнавать все про Елену: гдѣ она и какое дѣйствіе произвело ея появленіе? Ей показалось очень интереснымъ затащить и Вѣру на квартиру, гдѣ происходитъ свиданіе супруговъ, и она стала ее уговаривать поѣхать вмѣстѣ. У Вѣры была слабость не умѣть отказываться ни отъ какихъ приглашеній, а главное, она не придавала никакой важности своимъ отношеніямъ къ Еленѣ Николаевнѣ; все, что для той было такъ важно, что перевернуло всю ея жизнь, для Вѣры казалось самымъ простымъ, обыденнымъ эпизодомъ. Кончилось тѣмъ, что она поѣхала.

Когда Серафима Петровна остановилась на площадкѣ лѣстницы для интереснаго разговора съ швейцаромъ, Вѣра, не дожидаясь ее, пошла наверхъ. Она шла по коридору, читая надъ дверями цифры номеровъ, когда одна изъ этихъ дверей отворилась и изъ нея вышелъ Молчановъ.

— Вѣ... Вѣра! вскрикнуть онъ.

Она не вскрикнула, но смотрѣла на него въ ошолобѣніи.

— Это вы! прошептала она. — Какъ вы очутились здѣсь? Тс! Не говорите никому, что вы меня знаете.

Губы ея побѣлѣли; она пошатнулась.

— Вамъ дурно? сказалъ испуганно Молчановъ.

— Да, чуть слышно проговорила она; — уведите меня куда-нибудь.

Обхвативъ ее рукою, Молчановъ поспѣшно ввелъ ее въ свою комнату, усадилъ на кресло и подаль ей стаканъ воды.

— Ахъ, сказала она, прижимая руку къ сердцу, — я думала, что не увижу васъ больше никогда... Я не знала, что встрѣча съ вами произведетъ на меня такое впечатлѣніе... Я хотѣла все забыть, но не забыла... я все помню!

Молчановъ не могъ выговорить ни слова отъ волненія; онъ держалъ руку Вѣры и молча смотрѣлъ въ лицо своему бывшему кумиру, своей первой любви, родившейся и улетучившейся вмѣстѣ съ весной.

Воспоминанія перенесли его къ тѣмъ днямъ, когда она прибѣгала къ нему въ теплые, душистые майскіе вечера, и какъ они становились все ближе другъ къ другу, и какъ, наконецъ... Но онъ и до сихъ поръ не могъ вспомнить объ этомъ равнодушно. Онъ глядѣлъ на Вѣру и былъ пораженъ происшедшей въ ней пережвѣной. Ему помвилась дѣвушка, почти ребенокъ, свѣжая, веселая, какъ сама весна, рѣзвая, ласковая, довѣрчивая, въ короткомъ простенькомъ платьѣ, съ двумя висащими роскошными косами бѣлокуро-золотистыхъ волосъ. Теперь онъ видѣлъ женщину съ изысканными манерами, очевидно, привыкшую носить шелкъ и бархатъ, привыкшую исполнять всѣ свои прихоти. На ея, все еще чрезвычайно красивомъ, лицѣ лежала уже печать утомленія, грусти, неудовлетворенности.

Она какъ-будто угадала его мысли и сказала ему со страннымъ выраженіемъ:

— Нагнитесь ко мнѣ поближе... Дайте взглянуть на васъ. Вотъ вы какой — все такой-же!.. А я!.. Господи! Мнѣ кажется, годы, вѣка прошли съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, а вѣдь это было такъ недавно!

Глаза ея вдругъ сдѣлались серьезны и какъ-будто потемнѣли. На минуту она закрыла лицо руками, чтобы Молчановъ не могъ видѣть его выраженія.

— Вы живете здѣсь, въ Петербургѣ? тихо спросилъ Молчановъ.

— Я? Да, отвѣчала она разсѣянно. — А вы по-прежнему подъ пятой у грозной супруги? прибавила она съ оттѣнкомъ прежняго шаловливаго юмора. — Она здѣсь съ вами, конечно?

— Нѣтъ, жены моей здѣсь нѣтъ; я пріѣхалъ по ея дѣламъ. Но вы... скажите мнѣ, Вѣра, какъ вамъ живется? Хорошо-ли?

Она слегка усмѣхнулась и провела рукой по своей шелковой юбкѣ!

— Я живу, сказала она съ разстановкой, — въ гувернанткахъ у богача Азанѣва.

— Азанѣва? быстро прервалъ ее Молчановъ. — Вы сказали: Азанѣва, того, который недавно получилъ большое наследство?

— Ну, да; а что? спросила Вѣра съ удивленіемъ.

— Такъ вы та самая женщина...

Молчановъ не договорилъ. Это открытіе ошеломило его. Елена Николаевна въ своихъ разсказахъ никогда не называла ни имени, ни фамиліи своей соперницы; и Молчановъ, въ свою очередь, упоминалъ ей вскользь только „объ учительницѣ“, а не о Вѣрѣ Ольшевской.

— Что вы говорите? Какая женщина? спросила безпокойно Вѣра.

Молчановъ все смотрѣлъ на нее. Сколько разъ онъ мысленно представлялъ себѣ ту, которая отняла счастье жизни у Елены, сколько разъ онъ говорилъ о ней съ горечью и презрѣніемъ! И — вотъ кто она!

— Да говорите-же! Что вы на меня такъ смотрите? вскричала Вѣра, краснѣя отъ нервнаго раздраженія.

— Ничего. Я хотѣлъ сказать, что это вы — та самая женщина, которая разлучила Елену Николаевну съ мужемъ?

— А вы почему это знаете? въ изумленіи спросила она.

— Я знаю отъ самой Елены Николаевны.

— А-а! протянула Вѣра, соображая что-то. — Такъ вы знакомы? Гдѣ-же вы повнакомились?

— Тамъ, въ нашихъ краяхъ.

— И она откровенничала съ вами? Что-же вы теперь обо мнѣ думаете? спросила Вѣра насмѣшливо.

Онъ молча пожалъ плечами.

— Я удивляюсь, что у васъ это все такъ скоро, проговорилъ онъ съ горечью; — вы тогда только-что разстались со мною и... черезъ какой-нибудь мѣсяцъ вы уже любите другого...

Онъ вдругъ замолчалъ, вспомнивъ, что самъ онъ почти такъ-же скоро полюбилъ другую. Въ хаосѣ своихъ чувствъ онъ самъ уже не понималъ больше, кого изъ нихъ онъ любилъ, кого ревновалъ.

Вѣра странно усмѣхнулась и молчала.

— Стало быть, вы очень любите Азанѣва, если пошли на все, чтобъ только сойтись съ нимъ? спросилъ Молчановъ.

— На что это — на „все?“ переспросила она.

— Я хочу сказать, что вы не остановились даже передъ тѣмъ, чтобъ разбить всю жизнь женщины, отнять у нея мужа, который, какъ вы знаете, любилъ ее...

— Такъ что-же она его не защищала? прервала съ пренебреженіемъ Вѣра. — Если она сама не умѣла отстоять своихъ интересовъ, съ какой-же стати мнѣ ихъ отстаивать? Странно, право!.. Всѣ наладили: „отняла, разлучила, разбила...“ Я ничего не отнимала, а просто брала то, что мнѣ нравилось; я шла прямо къ цѣли. А если изъ этого для нихъ вышли какія-то осложненія и огорченія, то это ихъ дѣло, а не мое.

— Я и говорю, что вы, значить, были ослѣплены любовью, чтобы зажуричь себѣ глаза на все, возразилъ Молчановъ.

— Какой любовью? Съ чего вы взяли? Я никогда не любила Азанѣва, сказала Вѣра порывисто и рѣзко.

— Не любилъ?.. повторилъ Молчановъ.

Она сидѣла съ пылающимъ лицомъ; слезы дрожали на ея рѣсницахъ.

— Я любила только одного человѣка въ жизни — васъ! сказала она съ неподдѣльнымъ чувствомъ.

Молчановъ вскинулся, частью отъ смущенія, частью отъ прежняго ожившаго чувства, и не могъ удержаться, чтобъ не поцѣловать ея руки.

— Вы это знаете... я дала вамъ довольно доказательствъ для этого, продолжала съ волненіемъ Вѣра. — Я была тогда та-кая неопытная, увлекающаяся дѣвочка!.. Я думала, что нашъ романъ будетъ вѣчно продолжаться, вѣчно будутъ цвѣсти дѣ-

ревья, и мы вѣчно и привольно будемъ гулять по дугамъ и лѣсамъ... Приѣздъ вашей жены не пробудилъ во мнѣ даже никакого предчувствія того, что меня ожидало; я пошла къ вамъ, какъ обыкновенно ходила, и... что-же меня встрѣтило?..

— Не напоминайте мнѣ этого, хоть изъ жалости, сказала Молчановъ, весь блѣдный; — еслибъ вы знали, какая мука для меня сознавать, какую унижительную роль я игралъ тогда!.. Мнѣ казалось, что вы меня возненавидѣли за мою слабость и низость.

— Да, это правда, вы не ошиблись, отвѣчала она: — я васъ возненавидѣла. Мнѣ казалось невозможнымъ, возмутительнымъ, чудовищнымъ — позволять такъ оскорблять любимую женщину, какъ вы позволяли вашей женѣ. Впослѣдствіи я пережила на свѣтѣ, посмотрѣлась на мужей и женъ и убѣдилась, что вы вовсе не такъ виноваты и не составляете исключения изъ мужей. Но въ то время, вы не знаете, сколько отчаянія и бѣшенства было во мнѣ, когда я, выгнанная вашей женой, почти бѣжала изъ села... Я была озлоблена противъ всѣхъ женъ; мнѣ хотѣлось ихъ всѣхъ дразнить, унижать, надувать. Я кокетничала на-пропалую; потому я замѣтила, что нравлюсь Азанѣву, и исключительно выбрала его для моей цѣли.

— Почему-же его? спросилъ Молчановъ. — Если ваша цѣль была досаждать женамъ, то вѣдь вы видѣли, что жена Азанѣва не того сорта, какъ была моя, и не за что преслѣдовать ее.

— А вотъ потому мнѣ этого и хотѣлось, что Азанѣвъ любилъ свою жену; она была хороша собой и привлекательна, и мнѣ интересно было видѣть, могу-ли я завлечь его до того, чтобъ онъ бросилъ ее для меня. Игра стоила свѣчь.

— Какъ безсердечно вы это говорите! вскричалъ Молчановъ.

— Не притворяюсь и не сантиментальничаю, возразила Вѣра. — Впрочемъ, можетъ быть, это такъ и ограничилось-бы однимъ кокетствомъ съ моей стороны, еслибъ не одно обстоятельство...

— Какое? спросилъ Молчановъ, пристально глядя на нее.

— Вы думаете, я буду скрывать? возразила она насмѣшливо. — Нисколько! Дѣло было въ томъ, что Азанѣвъ сдѣлался богачомъ. Роскошь всегда была моей мечтой: не изъ корыстолюбія я желала денегъ, а для того, чтобъ окружить себя такою

обстановкой, которая подходила-бы къ моимъ требованіямъ. Большому кораблю большое и плаваніе, прибавила она, улыбаясь. — Притомъ я красива; а какая-же красота устоять въ бѣдности? Какой цвѣтъ лица не испортится при бѣганіи пѣшкомъ во всякую погоду, и въ вѣтеръ, и въ зной? Да и кто будетъ любить? Мелкій трудовой людъ? Но ему не до того. Зачѣмъ-же мнѣ зарывать талантъ свой въ землю? Я хотѣла быть замѣтной вездѣ: въ театрахъ, въ клубахъ, въ высшемъ обществѣ, и для этого я жаждала богатства.

— То-есть вы предпочли жизнь содержанки трудовой жизни, холодно замѣтилъ Молчановъ. — Это и не вы одна.

— Содержанки? Нѣтъ, сказала она, неприятно затронутая этимъ словомъ. — Вы ошибаетесь, Молчановъ. Я ничего болѣе, какъ гувернантка и экономка.

Во взглядѣ Молчанова выразилось недовѣріе. Вѣра продолжала съ улыбкой, полной невыразимой горечи и ироніи:

— Я никогда не была любовницей Азанѣва. Вы можете мнѣ повѣрить, потому что мнѣ много надо мужества, чтобъ сознаться, что не я этого не хотѣла, а онъ!.. Я для него не существую, какъ женщина: онъ любитъ одну только женщину на свѣтѣ — свою жену. Прежде я издѣвалась надъ этимъ постоянствомъ, а теперь завидую такимъ натурамъ... И желала-бы смѣяться, желала-бы презирать, да, говоря откровенно, не могу!

Въ голосѣ Вѣры было столько затаеннаго волненія, что Молчановъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее.

— Вѣдь вы сказали, что вы не любите Азанѣва, возразилъ онъ; — чему-же вамъ завидовать?

— Оставьте этотъ разговоръ, прервала нетерпѣливо Вѣра; — я и то жалѣю, что начала его. Скажите мнѣ про Елену Николаевну: какія ея цѣли, какіе планы? Какъ она жила это время? Съ кѣмъ? Какіе у нея были интересы?

Молчановъ почувствовалъ, что кровь бросается ему въ лицо: пылкій взглядъ Вѣры какъ-будто впился въ его душу. Отвѣтъ его былъ сбивчивъ, непонятенъ; но Вѣра, казалось, вполне удовлетворилась имъ. На губахъ ея мелькнула лукавая усмѣшка. „Такъ вотъ что!“ какъ будто сказали ея глаза, и вслѣдъ за тѣмъ лицо ея снова омрачилось уныніемъ, горечью, грустью.

— Вы говорили Еленѣ Николаевнѣ обо мнѣ? Она знаетъ... все? спросила она съ особеннымъ удареніемъ.

— Ничего. Я никогда не называлъ вашего имени, отвѣчалъ Молчановъ.

— А, это хорошо! Ну, такъ я прошу васъ, не говорите никому, ни одной живой душѣ о томъ, что вы меня знали, гдѣ, когда и при какихъ обстоятельствахъ. Даете слово?

— Даю, если вы этого хотите; но, стало быть, мы должны притворяться незнакомыми?

— Ну, да!.. Впрочемъ, мы и такъ незнакомые... чужіе! сказала она съ горько-проницательской улыбкой.

— Вѣра, возразилъ Молчановъ, взявъ ея руку, — мы не можемъ быть чужими послѣ того, какъ...

Она нетерпѣливо махнула рукой.

— Не говорите, перебила она;—все ушло, все утекло!.. Хорошо еще, что я могу говорить съ вами вотъ такъ откровенно, какъ теперь. Знаете-ли, я все одна, одна... все ловлю, все ищу чего-то, и ничто мнѣ не дается!.. Я не понимаю смысла жизни, не могу дорожить ею, потому что сама я никому недорогога.. Чего-бы я не дала, чтобъ прижаться къ чьейнибудь груди и отдохнуть!

— Вѣра! заговорилъ опять Молчановъ, тронутый ея пылкостью.

— О, нѣтъ, не вы, не вы! сказала она, улыбаясь. — Вы несвободны, и притомъ *вдвойнѣ* несвободны. Я понимаю все. Ну, теперь прощайте.

Она привстала и, со свойственнымъ ей граціознымъ движеніемъ, положила обѣ руки ему на плечи.

— Помните, что я васъ любила, сказала она;—вы были моя первая любовь. Теперь поцѣлуйте меня и простимся.

Она съ грустной улыбкой подставила ему свой прелестный лобъ.

Молчановъ, взволнованный до глубины души, хотѣлъ удержать ее, но она вырвалась и скрылась.

XIV.

Азанѣевъ привезъ дѣтей домой и нашелъ Вѣру Ольшевскую въ постели, съ головной болью и въ жару. Не зная ничего о ея визитѣ къ Молчанову, Алексѣй Львовичъ предположилъ, что на нее сильно подѣйствовало возвращеніе его жены и крушеніе всѣхъ ея надеждъ. Это его огорчило и обезпокоило. „Я дурно обошелся съ ней сегодня утромъ, думалъ онъ; — ея женское самолюбіе страдаетъ, а для нея выше этого страданія нѣтъ“.

Азанѣевъ былъ правъ только вполонину. Не отъ одного самолюбія страдала Вѣра: она сама не могла опредѣлить, какое странное, капризное чувство пробудилось въ ней со вчерашняго вечера къ Азанѣеву. До сихъ поръ она считала его своей собственностью и относилась къ нему какъ-то снисходительно и покровительственно, какъ къ больному, который безъ нея не звалъ-бы, что дѣлать. Она была увѣрена, что онъ уважаетъ ее за это, дорожитъ ею, и что, если судьба поблагопріятствуетъ ей сдѣлаться его женою, то она окажетъ ему честь, поставитъ его домъ на такую ногу, что онъ самъ будетъ восхищенъ. А теперь она ясно видѣла, что, при первомъ появленіи его жены, онъ готовъ выкинуть ее изъ своего дома, какъ первую встрѣчную наемщицу, и только изъ деликатности не говоритъ ей этого.

О борьбѣ не могло быть и рѣчи: Азанѣевъ зналъ теперь навѣрное, кого онъ предпочитаетъ, и отъ всей его бывшей страсти къ Вѣрѣ не осталось въ немъ ни простой привязанности, ни сожалѣнія, ни уваженія. *Уваженія* — вотъ чего теперь жаждала Вѣра. Хоть частички того уваженія, которое внушала Елена!.. Ея страданія, ея великодушіе къ соперницѣ, готовность отъ всего отречься для счастья мужа — все, надъ чѣмъ тогда смѣялась Вѣра, теперь внушало ей зависть и желаніе подражанія.

Въ ея настоятельномъ требованіи отъ Молчанова скрывать ихъ прежнее знакомство и любовь, Вѣрой руководило желаніе скрыть отъ Азанѣева, что она уже прежде него испытала чувства и волненія любви. Главную прелесть ея въ его глазахъ составляла эта нетронутость ощущеній, которую она выставяла ему на видъ, говоря ему, что онъ первый пробудилъ въ ней трепеть

„Дѣло“, № 10 1879 г.

любви, огонь чувства... Вѣрѣ даже казалось, что это не обманъ съ ея стороны, что, разлюбивъ Молчанова, она какъ-будто въ самомъ дѣлѣ никогда никого не любила; но теперь, въ присутствіи этой живой улики, она почувствовала себя очень неловко. Ей хотѣлось остаться благородной и чистой въ глазахъ Азанѣва.

Между тѣмъ Елена, проводивъ мужа съ дѣтьми въ десять часовъ вечера, отдыхала отъ сладкихъ волненій этого дня, лежа на диванѣ и закинувъ голову на руки. Раздался осторожный, робкій стукъ. Такъ стучать могъ только Молчановъ.

— Войдите, милый, сказала ему Елена нѣжнымъ, особенно ласковымъ голосомъ;—я совсѣмъ забыла о васъ, но не сердитесь—это только сегодня.

Она протянула ему руку; глаза ея были влажны.

— Вы счастливы? спросилъ Молчановъ, садясь возлѣ нея.

— Да, я счастлива, сказала она, поднимая на него признательный взглядъ.—Еслибъ вы знали, какое блаженство для меня видѣть дѣтей!.. И они были такъ рады мнѣ, такъ ласкали меня!.. Ахъ, для одной этой минуты!.. Да... Жизнь хороша!..

Молчановъ невольно улыбнулся при мысли, что эта жизнь—для нея новая жизнь; она на лету поймала его взглядъ и улыбку и поняла ихъ значеніе.

— Да, да!.. Вамъ я обязана всѣмъ этимъ... Вы дали мнѣ вторую жизнь... вы спасли меня отъ страшнаго шага... сказала она.

Она молча съ глубокимъ чувствомъ пожалъ ея руку.

— Понравились вамъ мои дѣти? спросила Елена съ наивной гордостью материнской любви.

— Они прелестны—какъ-же не понравиться? Вы будете видѣть ихъ часто?

— Всякій день, вѣроятно.

— И всегда здѣсь, на этой квартирѣ? выпытывалъ Молчановъ, мучимый вопросомъ, переѣдетъ-ли она жить въ мужу или нѣтъ.

— Не спрашивайте меня о томъ, что будетъ, отвѣчала Елена;—я ничего не знаю, ничего не предвижу, ничего не желаю... Я счастлива настоящимъ!..

Молчановъ добросовѣстно хлопоталъ по дѣламъ жены; но, къ сожалѣнію своему, онъ не могъ ихъ окончить прежде Рождества и подробно писалъ ей объ этомъ. Въ отвѣтъ онъ получилъ отъ Полины Григорьевны извѣщеніе о смерти дяди и о томъ, что она, немедленно послѣ похоронъ, поѣдетъ сама въ Петербургъ совѣтоваться съ адвокатами на-счетъ спорныхъ пунктовъ завѣщанія дяди. Молчановъ былъ пораженъ, какъ громомъ, и съ горестью высчитывалъ, сколько еще свободныхъ дней можетъ выпасть на его долю. Чѣмъ болѣе онъ сознавалъ, что Елена была потеряна для него, тѣмъ болѣе дорожилъ крохами, выпадавшими на его долю.

Онъ бывалъ у нея каждый день, оказывалъ ей тысячу мелкихъ услугъ, отыскивалъ ей книги, лексиконы, и всячески старался быть ей полезнымъ. Елена все свое свободное время занималась переводами и имѣла удовольствіе наканунѣ праздника получить за работу рублей двѣсти изъ знакомой редакціи. Дѣтей своихъ она видѣла почти каждый день, но съ мужемъ ея произошла перемѣна, сильно безпокоившая ее. Съ каждымъ днемъ онъ становился тревожнѣе, взволнованнѣе, раздражительнѣе.

На первый день Рождества, отправивъ дѣтей домой съ няней, онъ остался провести вечеръ у жены.

— Ты не ждешь никого къ себѣ сегодня? спросилъ онъ отрывисто.

— Конечно, нѣтъ; кого-же мнѣ ждать? сказала Елена съ безпокойствомъ, замѣчая какой-то особенный блескъ въ его глазахъ.

— Я думалъ, что, можетъ быть, твой „рыцарь“ вздумаетъ зайдти... Избавь меня отъ него, пожалуйста.

— За что ты его не любишь? спросила она, улыбувшись.

— Онъ вѣчно торчитъ между мною и тобою, раздражительно сказалъ Азанъевъ.

— Помилуй, Алексѣй, онъ такъ рѣдко бываетъ при тебѣ!

— Значить, безъ меня? Тѣмъ хуже.

— Что это съ тобой?

— Что со мной?.. Со мной то, что такъ жить нельзя, Елена.

Онъ поблѣднѣлъ, такъ, какъ блѣднѣлъ теперь всегда, при малѣйшемъ волненіи, и дыханіе его участилось. Елена тоже измѣнилась въ лицѣ и, привставъ, смотрѣла на него вопросительно.

Она смутно чувствовала, что этотъ разговоръ ихъ будетъ имѣть рѣшительный исходъ и повлечетъ за собою окончательную перемѣну въ ея судьбѣ.

— Я ее понимаю тебя, продолжалъ Азанѣевъ: — ты какъ-будто нашла себѣ норму жизни на этой квартирѣ и не ждешь и не желаешь никакой перемѣны...

Онъ остановился въ ожиданіи ея отвѣта; но она не отвѣчала.

— Неужели мы вѣчно будемъ играть съ тобой въ жмурки? продолжалъ онъ. — Неужели намъ нечего сказать другъ другу, чтобы разъяснило, наконецъ, эту путаницу...

— Я не знаю, чего ты хочешь... въ смятеніи проговорила Елена.

— Я хочу, чтобы ты жила со мною... чтобы ты вспомнила, наконецъ, что ты жена и мать... что у тебя есть домъ, свой домъ... свое родное пепелище...

Елена молчала съ глубокой внутренней дрожью. О, сколько разъ думала она объ этомъ сама!.. Сколько разъ сердце ея неудержимо стремилось къ домашнему очагу! Но на его порогѣ стояла Ольшевская, и эта мысль леденила ее ужасомъ, заставляла отступать противъ воли. Конечно, она могла-бы настоять на удаленіи изъ дома Ольшевской, но она не хотѣла употреблять такихъ грубыхъ средствъ, боясь, чтобы они не пробудили прежняго чувства въ сердцѣ ея мужа; горькій опытъ сдѣлалъ ее недовѣрчивой и осторожной.

— Что-же ты молчишь? сказалъ Азанѣевъ, придвигаясь къ ней ближе. — Или ты все еще сердись на меня?..

Онъ взялъ ее за руку и продолжалъ растроганнымъ голосомъ:

— Скажи, сколько времени положила ты на мой искусь, на искупленіе моей вины, моего невольнаго грѣха?

— Я не понимаю, про что ты говоришь, сказала Елена; — я не знаю никакой вины за тобой.

— Тогда зачѣмъ-же ты остаешься?.. Отчего не ѣдешь со мною?.. Что за охота тебѣ мучить меня, скажи! прибавилъ онъ голосомъ, въ которомъ снова послышалось раздраженіе. — Да, наконецъ, я повторяю тебѣ, что такъ не можетъ продолжаться; ты должна на что-нибудь рѣшиться; я затѣмъ и пріѣхалъ, чтобы,

наконецъ, это кончить. Слышишь-ли, Елена?.. Время колебаній и недомолвокъ прошло. Скажи все, что у тебя лежитъ на душѣ... Я, съ своей стороны, сдѣлаю тоже. Ну, рѣшайся-же!

Она молчала нѣсколько секундъ, какъ-будто собираясь съ силами, потомъ отступила отъ него и, сложивъ руки на груди, устремила на него горячій, пристальный взглядъ:

— Скажи, проговорила она страстно, — кого ты любишь?.. Какой любовью ты любишь меня? Какой любовью — ее?

— Но развѣ я не говорилъ тебѣ? возразилъ Азанѣвъ. — Развѣ ты мнѣ уже не вѣришь, Елена?

— Вѣрю; но чувство такъ прихотливо, такъ непонятно иногда самому человѣку! Когда ты былъ боленъ, ты тосковалъ обо мнѣ, и всякое другое чувство было вытѣснено на время. Можешь-ли ты поручиться, что когда ты совсѣмъ успокоишься на-счетъ меня, то не наступитъ реакція и подавленное чувство къ Ольшевской не возьметъ опять верхъ?

При этихъ словахъ Азанѣвъ вскочилъ, словно ужаленный змѣей.

— Послушай, Елена, заговорилъ онъ быстро, весь блѣдный и задыхаясь отъ волненія, — ты выдумала для меня пытку, о которой я не имѣлъ понятія. Что я могу сказать тебѣ? Что отвѣчать на твои предположенія? Слова безсильны, когда къ нимъ нѣтъ довѣрія.

— Не сердись, Алексѣй! Я сказала только, что ты можешь ошибаться, обманывать самого себя.

— Нѣтъ, это невозможно, это невыносимо! вскричалъ, внѣ себя, Азанѣвъ, хватаясь за голову. — Слышать такія слова отъ нея, послѣ того, что она заставила меня выстрадать! Посмотри на меня, неужели тебѣ мало всего? Неужели даромъ у меня эти сѣдые волосы, эти впалые глаза, ввалившіяся щеки? Ты, можетъ быть, скажешь, что это игра воображенія, обманъ чувствъ. А я скажу тебѣ — нѣтъ! Это сдѣлала ты! Ты обманула меня! продолжалъ онъ съ силой. — Ты унесла у меня вѣру, мое лучшее достояніе, ты убила во мнѣ все... растоптала мой идеаль!

— Алексѣй! въ ужасѣ шептала Елена, протягивая къ нему руки, какъ-бы защищаясь.

— Погоди! Я никогда не лгалъ тебѣ, никогда не обманывалъ, зато и я вѣрилъ въ тебя. А ты какъ поступила со мной?

Ты ушла, даже не предупредивъ меня. Посмотри на себя: ты цвѣтешь, ты сіяешь. Кому ты обязана этимъ? Мнѣ; я сохранилъ тебѣ твои вѣрованія, убѣжденія. А ты? Ты вырвала ихъ у меня съ корнемъ.

Онъ стиснулъ голову руками и, поднявъ на нее глаза, сверкавшіе гнѣвомъ и болью, прибавилъ:

— Ты поступила хуже, чѣмъ убійцы и разбойники; тѣ убиваютъ только тѣло, — ты убила душу.

Онъ въ первый разъ далъ волю бурнымъ чувствамъ, накипѣвшимъ въ его груди, и съ особеннымъ наслажденіемъ высказывалъ, наконецъ, громко и явственно то, что втеченіи столькихъ дней и ночей безмолвно скоплялось у него на сердцѣ.

Елена слушала его, безпрестанно мѣняясь въ лицѣ; все чаще и чаще становилось ея дыханіе, все ярче разгорались глаза. Никакія его клятвы, никакія увѣренія не могли бы произвести на нее такого чарующаго дѣйствія, какъ эти слова. Наконецъ-то, она прозрѣла, наконецъ, убѣдилась, ощутила всѣмъ существомъ своимъ, что у нея нѣтъ соперницы, и точно тяжелый камень скатился съ ея души. Все, даже самая рѣзкость его упрековъ, говорило о силѣ его любви, и чѣмъ грубѣе, чѣмъ суровѣе были его слова, тѣмъ слаще отзывались они у нея на сердцѣ. Вся трепеща, озаренная внутреннимъ свѣтомъ счастья, она бросилась ему на шею и сжала его въ своихъ объятіяхъ.

— Ахъ, прости меня! Я никогда не думала, не подозрѣвала, чтобъ ты такъ чувствовалъ.

Азанъевъ съ силою привлекъ ее къ себѣ; онъ радъ былъ, что его слова произвели, наконецъ, желанное дѣйствіе, но ему и въ голову не приходило, чтобъ они сдѣлали такой переворотъ во всѣхъ мысляхъ и чувствахъ его жены. Видя, что она растрогана и потрясена, онъ поспѣшилъ воспользоваться благопріятной минутой и сказалъ ей:

— Послушай, Елена! Исполни мою просьбу, согласишься сдѣлать для меня одну только маленькую уступку: пріѣзжай ко мнѣ, просто хоть на нѣсколько часовъ, не болѣе. Ты видишь, какъ скромны мои требованія; я ничего не желаю, кромѣ того, чтобы ты увидѣла насъ съ нею вмѣстѣ и убѣдилась собственными глазами.

— Я пріѣду! быстро сказала Елена.

— Приѣдешь? обрадовался Азанѣвъ. — Ну, вотъ и прекрасно! А мнѣ такъ давно хотѣлось устроить елку для дѣтей, только я не рѣшался сказать тебѣ; теперь это такъ удобно въ большихъ комнатахъ, и они такъ этого желаютъ!

— Я приѣду... я согласна! повторила Елена. — И ты пригласишь дѣтей своихъ знакомыхъ?

— Да, нашихъ общихъ старыхъ знакомыхъ. Въ томъ числѣ и твоего „рыцаря“ пригласить надо; не правда-ли?

Елена, улыбаясь, кивнула головой.

Елка была назначена на третій день Рождества.

Елена была, какъ нельзя болѣе, довольна, что все такъ устроилось и что ей не надо сразу переѣзжать къ мужу; ей гораздо болѣе улыбалась мысль появиться въ первый разъ въ его домѣ въ качествѣ гостя, а не хозяйки, тѣмъ болѣе, что, хотя сердце ея и успокоилось относительно мужа и Вѣры Ольшевской, но все-таки она не могла побѣдить въ себѣ тяжелаго, гнетущаго ощущенія, при мысли снова встрѣтиться лицомъ къ лицу съ этой женщиной, заставившей ее пережить такія страшные дни.

Ее также невольно радовала мысль, что она взяла предосторожность заказать себѣ новое, выѣздное платье; она не могла защититься отъ чувства женскаго кокетства и желала предстать передъ своей соперницей во всеоружіи красоты; ее смущали только слова Азанѣва, что Вѣра больна, что она совѣмъ измѣнилась съ приѣзда Елены, грустить, не ѣсть, не пить, и Елена невольно боялась, чтобъ новая тактика, принятая Вѣрой, не сдѣлала впечатлѣнія на ея мужа.

XV.

Елена Николаевна приѣхала на вечеръ къ своему мужу нарочно пораньше, чтобъ не имѣть вида гостя. Подъѣздъ еще только освѣщали; ни одного лакея не было въ передней; всѣ были заняты приготовленіями. Елена быстро раздѣлась и неслышно скользнула въ полуосвѣщенныя комнаты. Этотъ домъ, эти стѣны навѣяли на нее воспоминанія прошлаго, и сердце ея томительно сжалось. Стоя одна въ уборной, передъ большимъ зеркаломъ, она дрожащей рукой поправляла волосы, прислушиваясь

въ то-же время къ долетавшимъ до нея издали голосамъ. Но у нея такъ шумѣло въ ухахъ, что она ничего не могла разобрать. Вскорѣ, однако, она оправилась и пошла отыскивать хозяевъ. Двери большой залы были притворены, и, по свѣту, изливавшемуся оттуда во всѣ щели и скважины, Елена догадалась, что тамъ зажигаютъ елку.

Она не ошиблась. Въ огромной бѣлой залѣ, съ колоннами, убранными цвѣтами, красовалась посредию великолѣпная елка, еще въ половину освѣщенная и увѣшанная всѣмъ, о чемъ только можетъ мечтать дѣтское воображеніе. На стульяхъ, столахъ, на полу, — всюду пестрѣли груды игрушекъ, раскрытыя ящики съ конфетами, лентами, костюмами и проч. Вѣра Ольшевская стояла на стулѣ и, съ трудомъ доставая до верхушки елки, прикрѣпляла тамъ что-то блестящее и сверкающее разными цвѣтами. Лили въ безмолвномъ восторгѣ стояла у самага ея стула, обхвативъ руками ея ботинки и закинувъ голову совсѣмъ кверху. Гриша съ озабоченнымъ видомъ трудился въ потѣ лица надъ прикрѣпленіемъ къ вѣткѣ цѣлой гирлянды золотыхъ орѣховъ и миндалей. У Елены Николаевны упало сердце, когда она увидала и узнала Ольшевскую. Могла-ли она забыть эти неподражаемыя черты, эти плавныя движенія, эти дивныя, золотистыя локоны, мягкими кольцами спускавшіеся вдоль ея плечъ?.. Она хотѣла подойти къ ней поближе, но вдругъ раздался крикъ: „мама, мама!“, и дѣти, бросивъ все, кинулись на шею Еленѣ. Вѣра оглянулась и сошла со стула.

— Здравствуйте, Елена Николаевна, сказала она.

Щеки обѣихъ вспыхнули, когда онѣ встрѣтились глазами другъ съ другомъ, и съ минуту онѣ стояли молча, наблюдая одна другую.

„Какъ она измѣнилась! думала Елена, глядя на похудѣвшее, серьезное, будто утомленное лицо Вѣры. — Это какая-то другая, не та Вѣра, которую я знала, такую бойкую, блестящую... И даже въ одеждѣ у нея стало меньше вкуса. Къ чему столько волановъ, буфъ и бахромы? Это совсѣмъ скрадываетъ ея прелестную талію“.

Дѣйствительно, перевѣсъ изящества туалета былъ рѣшительно на сторонѣ Елены. Ея блѣдно-палевое платье съ матовымъ, молочнымъ отливомъ, убранный кружевами и бантами того-же цвѣ-

та, превосходно облегалo ея плечи, бюстъ и талью; на ея темныхъ волосахъ живописно отдѣлялись двѣ блѣдно-желтыя розы, и ихъ зелень спускалась ей на шею.

На Вѣрѣ было модное платье изъ трехъ цвѣтовъ, которые до того пережѣшивались и перекрещивались одинъ съ другимъ, что трудно было что-нибудь разобрать въ этомъ изобиліи бульоне, плисе, кокилье, фестоновъ и рюшей. Всѣхъ этихъ украшеній было такъ много, что за ними скрывался теперь вполнѣ граціозный и стройный станъ Вѣры. Въ противоположность простотѣ Елены Николаевны, на Вѣрѣ сверкали чудесные брильянты: брошка, закалывавшая кружевное фишю, и тяжелый, дорогой браслетъ.

Ни гѣни прежней игривости и веселости не оставалось болѣе въ чертахъ Вѣры, подернувшихся матовой блѣдностью; и большіе, темные глаза ея казались еще больше отъ темныхъ круговъ подъ ними. Все выраженіе лица измѣнилось, какъ-бы подъ гнетомъ заботы или кручины. Даже то степенное, неторопливое движеніе, которымъ она сошла со стула, а не соскочила, какъ прежде, дѣлало ее непохожею на себя. Но и въ этомъ новомъ видѣ она была прелестна и въ высшей степени привлекательна.

— Какъ дѣти обрадовались вамъ! сказала она съ отгѣнкомъ меланхоліи въ голосѣ.

— Они больше всего обрадовались елѣ, возразила Елена, стараясь быть какъ можно дружелюбнѣе съ нею.

Входъ Азанѣва прекратилъ неловкость, которую онѣ обѣ чувствовали. Все лицо его просіяло отъ удовольствія при видѣ жены, и онъ горячо поцѣловалъ обѣ ея руки. Ольшевская тотчасъ воротилась къ елѣ и продолжала убрать ее.

— Твоя комната осталась незанятою, шепнулъ Азанѣвъ женѣ: — тамъ все такъ, какъ было при тебѣ; я даже дѣтей не пускаю туда.

— Я не хочу ее видѣть, вздохнула Елена: — я не была тамъ счастлива.

Чтобъ развлечь ее, Азанѣвъ подвелъ ее къ цвѣтамъ, но въ эту минуту, несмотря на ранній часъ, послышалось шуршанье шелковыхъ платьевъ. Это была Серафима Петровна Дубкова, въ сопровожденіи двухъ своихъ неизмѣнныхъ пріятельницъ, Саловой и Байковой, дѣти которыхъ, по настоянію Гриши и Лили, были

приглашены на елку. Серафима была въ восторгѣ, что ея пріятельницамъ удалось попасть на этотъ вечеръ; она даже нарочно заѣзжала за ними въ каретѣ съ тою цѣлью, чтобъ онѣ могли всѣ вмѣстѣ, „en trois“, насладиться курьезной сценой свиданія жены съ „любовницей мужа“, какъ Дубкова обыкновенно называла Вѣру. Это, достойное другъ друга, „трио“ такъ жаждало попасть на предполагаемую семейную сцену, что даже пренебрегло приличіями и явилось не въ урочный часъ. Серафима Петровна, по своему обыкновенію, не вошла, а влетѣла въ комнату съ видомъ сыщика, пронюхавшаго добычу. Но на лицѣ ея выразилось полное разочарованіе: она, пожертвовавшая своимъ высокимъ тономъ и нарочно пріѣхавшая раньше всѣхъ, чтобъ быть свидѣтельницею встрѣчи Елены съ Ольшевской, ничего уже не застала; все было кончено безъ нея, и всѣ были совершенно свободны и покойны. Ошеломленная неудачей, она нѣсколько секундъ не могла придти въ себя; наконецъ, заговорила развязнымъ тономъ, обращаясь къ Саловой.

— А вѣдь вы мнѣ правду говорили, что часы-то у меня врутъ. Представь, Елена, остановила она хозяйку за руку, — нынче принесли мнѣ ихъ отъ часовщика, — а, знаешь, всегда отдаю къ Мозеру, — ну, и, вѣрно, по ошибкѣ, тамъ поставили впередъ... Вдругъ вижу у васъ въ передней на цѣлый часъ назади!.. Когда это ты успѣла сшить себѣ это платье, Елена?

— Недавно, отвѣчала та, улыбаясь и смутно догадываясь о потерпѣнномъ кузиной fiasco.

Пока дамы охорашивались передъ зеркаломъ и усаживались въ гостиной, а дѣти шумной гурьбой побѣжали къ елкѣ, — въ комнату вошелъ Дубковъ въ сопровожденіи своихъ двухъ дочерей.

— Что это вы, къ чему такъ рано собрались?.. недовольнымъ тономъ привѣтствовала ихъ Дубкова.

— Нисколько не рано, мама, перебила ее старшая дочь, Додо; — кто же это ѣздитъ на елку, какъ на балъ?

— Мы просто на-отрѣзъ объявили папа, прервала ее меньшая дочь, Ада, разодѣтая въ пухъ и прахъ, вертя своей кудрявой головкой съ вѣнкомъ изъ незабудокъ, — что если онъ будетъ мѣшкать, мы съ нимъ не поѣдемъ...

Ольшевская проводила дѣтей въ залу, гдѣ стояла елка, и, возвратившись къ гостямъ, овладѣла разговоромъ. Такъ-какъ она

знала всѣ свѣтскіе толки, всѣ parties de plaisir, всѣ nouvelles du jour, то разговоръ завязался неутомляемый, бойкій, и всѣ почувствовали себя въ своей тарелкѣ. Одинъ только Дубковъ не принималъ ни въ чемъ участія и стоялъ поодаль; углы рта его неприятно опустились книзу при видѣ знаменитаго „трио“, торжественно возсѣдавашаго на первомъ мѣстѣ. Теперь только онъ понялъ тактику своей жены, взявшей съ собой въ карету одного своего любимца, Федю, и покинувшей ему на руки обѣихъ дочерей. Она заѣзжала за своими пріятельницами, а онъ зналъ по опыту, что когда онѣ собирались вмѣстѣ, то ему грозилъ какой-нибудь скандалъ. Всѣ три женщины имѣли обыкновеніе избирать его мишенью для своего остроумія и краснорѣчія; ни одного слова не говорилось просто, безъ тайнаго умысла, и въ самыхъ обыкновенныхъ, повидимому, замѣчаніяхъ скрывались отравленные стрѣлы. Поэтому онъ держалъ себя очень осторожно, и, какъ ни безобиденъ казался ему разговоръ въ гостиной, онъ все-таки счелъ за лучшее отойти отъ грѣха и ретироваться къ дверямъ залы. Тамъ дѣти, собравшись гурьбой, устроили себѣ отдѣльную маленькую елку изъ отломившейся вѣтки большой и, схватившись за руки, отплясывали вокругъ нея какой то фантастическій танецъ. Сначала Дубковъ смотрѣлъ на нихъ разсѣянно и безцѣльно; но вскорѣ вниманіе его было привлечено отдѣльной парой, непринимавшей участія въ общемъ весельи. Старшая дочь его, Додо, сидѣла въ изысканной позѣ на бархатномъ эсѣ, живописно разметавъ по немъ легкія оборки своего платья, и, подложивъ руку подъ голову, кидала косвенные взгляды въ противоположное зеркало. Возлѣ нея Гриша, съ разгорѣвшимися щеками и сверкающими глазами, съ восторгомъ рассказывалъ ей всю программу нынѣшняго вечера: будутъ живыя картины, сюрпризъ для мамы, и настоящія декораціи; приглашены распорядители и парикмахеры изъ театра и гримировщикъ; вчера на дѣтей уже приѣхали костюмы. Додо слушала его съ разсѣяннымъ видомъ, стараясь показать, какъ это мало ее интересуетъ, но на самомъ дѣлѣ она была взволнована, и сердце ея билось разнородными чувствами.

Каждый разъ, какъ Дубкову случалось бывать съ своимъ семействомъ въ гостяхъ, онъ испытывалъ неприятное чувство: его коробила какая-то фальшь и ненатуральная вычурность въ мане-

рахъ его дѣтей. Онъ съ досадою отвернулся отъ Додо и какъ-разъ попалъ на другую сцену. Его меньшая дочь, Ада, схватившись за руки съ маленькой Байковой, вертѣла ее изъ всѣхъ силъ, стараясь ее уронить. Но такъ-какъ та не поддавалась, Ада тихонько поставила ей ногу, и дѣвочка растянулась на полу.

— Ада, Ада выиграла! раздалися дѣтскіе голоса, и всѣ мальчики и дѣвочки подбѣжали къ играющимъ.

— Да, я выиграла, сказала Ада, торжествуя: — извольте платить мнѣ пари...

Въ эту минуту Азанѣвъ подошелъ къ Дубкову и предложилъ ему сигару.

— Что вы все удаляетесь?.. сказалъ онъ шутя. — Тамъ повась соскучились...

— Благодарю васъ, я не курю, сказалъ Дубковъ; — а вотъ я все люблюсь на вашихъ дѣтей...

— И на своихъ, конечно?.. замѣтилъ Азанѣвъ.

— Какъ вамъ сказать? Я, знаете-ли, люблю безъискусственность, простоту... чтобъ были, какъ дѣти, — вотъ какъ ваши... Что это, однако, за шумъ у нихъ поднялся?..

Всѣ дѣти, столпившіяся въ одну кучу, кричали:

— Додо, смотри, Додо! Федя поѣлъ всѣ твои конфеты, самыя лучшіе, которые Гриша подарилъ... и Ада спрятала твою коробку...

— Тсъ! Дѣти, по мѣстамъ!.. виѣшался, наконецъ, Дубковъ, видя, что его потомство производить безпорядокъ. — Федя, ступай въ уголь! Ты больше не получишь сегодня конфетъ...

Не успѣлъ онъ еще докончить этихъ словъ, какъ всевидящее материнское око уже уловило, въ чемъ дѣло. Дрожащая отъ негодованія рука выхватила Федю изъ среды дѣтей и, крѣпко обнявъ его, увлекла въ гостиную. Федя былъ любимецъ Серафимы Петровны, и между ея соумышленницами было положено, что отецъ ненавидитъ его, несправедливо къ нему придирается и нарочно, въ пику женѣ, находить въ немъ всевозможные недостатки. Дубковъ, видя, что его авторитетъ поруганъ, разсвирѣпѣлъ. Это была послѣдняя капля горечи, переполнившая его чашу, и онъ, не помня себя, послѣдовалъ за женой въ гостиную.

Тамъ шелъ оживленный разговоръ, повидимому, интересовавшій

всѣхъ. Темой разговора было воспитаніе дѣтей; Дубковъ, смутно прислушиваясь къ спору, чувствовалъ, что начинаетъ краснѣть и волноваться. Онъ зналъ, что вся партія жены противъ него, и боялся, чтобъ къ ней не примкнули остальные дамы.

— Нѣтъ, вотъ что вы мнѣ разтолкуйте, mesdames, говорила съ особеннымъ чувствомъ Дубкова, снова усаживаясь на свое мѣсто и все еще не выпуская изъ рукъ Федю, притавшагося къ ней въ колѣни: — откуда берется у нашихъ мужей эта безтолковая жестокость?.. Ну, положимъ, мужъ ненавидитъ жену; ну, Богъ съ ними, — это ихъ счеты!.. Но какъ-же на ребенкѣ-то, на безвинномъ существѣ, срывать сердце, вымещать?.. Ну, положимъ, жена виновата; а ребенокъ-то безотвѣтный что сдѣлалъ?.. А вѣдь его наказываютъ, ставятъ въ уголъ, срамятъ передъ другими дѣтьми.

Федя началъ всхлипывать въ ея колѣняхъ.

— А если этотъ „безотвѣтный“, вступился дрожащимъ голосомъ Дубковъ, — такъ испорченъ своей матушкой, что, кромѣ наказанія, съ нимъ ничего не подѣлаешь...

Посыпались восклицанія, возраженія и намеки. Разговоръ грозилъ совсѣмъ перейти въ личный, когда Елена Николаевна, въ видѣ громоотвода, сказала:

— Мнѣ кажется, что какъ-бы мы ни воспитывали дѣтей, они все-таки будутъ отчасти развиваться самостоятельно, сообразно своимъ врожденнымъ наклонностямъ; поэтому вліяніе родителей не имѣетъ особенной важности.

— Нѣтъ-съ, извините! прервалъ ее Дубковъ, горячася все болѣе и болѣе. — Мы видимъ примѣры, что дѣти съ самой ранней юности искалѣчены, изуродованы родительскимъ воспитаніемъ, что они словечка въ простотѣ не скажутъ, что они понятія не имѣютъ о правдѣ...

И какъ-бы въ подтвержденіе его словъ, Додо подошла къ матери съ искусственно-скучающимъ и утомленнымъ лицомъ.

— Я посижу съ вами, мама; можно?.. сказала она. — Тамъ дѣти такъ шумятъ... вздумали переодѣваться... Мнѣ это такъ надоѣло... я предложила читать — никто не хочетъ.

И пока мать горделиво оглядывала все собраніе, какъ-бы приглашая его полюбоваться на свою дочь, Додо наклонилась къ ея уху и быстро шепнула:

— Еслибъ ты только позволила мнѣ надѣть мой новый молдаванскій костюмъ, я-бы тоже стала играть... Позволь, мама!

Съ другой стороны, Ада, кокетливо извиваясь всѣмъ тѣломъ, тоже что-то шептала матери.

Въ это время Гриша, забравшись на трельяжъ и свѣсившись оттуда внизъ головою, закричалъ Адѣ:

— Смотрите-ка, Ада, куда я забрался!

Ада ненатурально вскрикнула и театрално поднесла руки къ глазамъ.

— Аделаида, ступай прочь отсюда! рѣзко замѣтилъ ей отецъ, круто потертывая ее за плечи.

Она капризно рванулась всѣмъ тѣломъ и вывернулась изъ рукъ отца:

— Оставь меня въ покоѣ, сказала она сердито, надувъ губы. Но вдругъ лицо ея просіяло и приняло ангельское выраженіе: въ комнату входилъ новый гость, нѣкто Рудаковъ, богачъ и красавецъ, недавно познакомившійся съ Дубковыми и явно ухаживавшій за Вѣрой.

— Bonjour, monsieur! кокетливо сказала Ада, опуская глазки и дѣлая граціозный реверансъ.

Мало-по-малу начали сѣзжаться гости, все прежніе знакомые Елены, товарищи хорошихъ и трудныхъ дней, дѣлвшіе когда-то все вмѣстѣ. Дѣтей тоже набралось множество. Были и новые знакомые, все партія Ольшевской, набранная ею по клубамъ изъ холостой молодежи. Многіе увивались вокругъ нея, но болѣе и настойчивѣе всѣхъ ухаживалъ Рудаковъ. Онъ безпрестанно звалъ ее танцевать, слѣдилъ за ней глазами и при каждомъ удобномъ случаѣ старался заговорить; она-же въ этотъ вечеръ была особенно грустна и какъ-будто чѣмъ-то озабочена.

Явился и Молчановъ. Азанѣевъ тотчасъ представилъ его Вѣрѣ Павловнѣ, какъ хорошаго знакомаго своей жены; Вѣра, слегка улыбаясь, граціозно-вѣжливо подала ему руку и ничто, ни въ ея лицѣ, ни въ равнодушномъ взглядѣ, не выдало ея тайны. Но Молчановъ сконфузился и покраснѣлъ. Замѣтивъ это, Вѣра поспѣшно заговорила съ другими; но потомъ, улучивъ свободную минуту, шепнула Молчанову:

— Помните-же ваше обѣщаніе, никому ни слова обо мнѣ!

И тотчасъ замѣшалась въ группу дѣтей и стала подводить ихъ

къ елкѣ, шутить съ ними и одѣлать ихъ лакомствами и игрушками.

Дѣти кричали, хохотали и прыгали вокругъ елки, тербели ее и нѣсколько разъ, сначала нечаянно, а потомъ и нарочно, поджигали вѣтви или игрушки; тогда матери кричали, молодые люди кидались тушить, и дѣтскому восторгу и веселью не было конца. Елка вспыхивала то краснымъ, то зеленымъ, то бѣлымъ бенгальскимъ огнемъ, но это было уже ее послѣднее усиліе; вскорѣ она вся потухла и стояла темная и мрачная, лишенная своихъ украшеній, какъ-будто внезапно увядшая. Ее быстро убрали; зала освѣтилась яркимъ газовымъ свѣтомъ, и музыка грянула съ новой энергіей.

Елена отъ души любовалась на своихъ дѣтей; они казались ей, а можетъ быть, и дѣйствительно были, милѣе и граціознѣе всѣхъ другихъ. Азанъевъ, съ нескрываемой радостью, слѣдилъ за нею и почти не отходилъ отъ нея. Одно только смущало его: неотвязный взглядъ Вѣры, который онъ вездѣ и постоянно чувствовалъ на себѣ. Въ этомъ взглядѣ было что-то неуловимое, какое-то необъяснимое чувство, которое манило и мучило его, какъ неразрѣшимая загадка. Опять Вѣра являлась въ новомъ видѣ, такая, какою не была никогда. Она не поражала больше быстрыми измѣненіями, переходами отъ бѣшенаго веселья къ мрачной неподвижности; напротивъ, она вела себя ровно и любезно со всѣми, занималась дѣтми, танцевала, разговаривала съ молодыми людьми, но все это съ какимъ-то тихимъ, измученнымъ видомъ, какъ-будто изъ жизни ее исчезли всякіе интересы. Елена невольно и тревожно наблюдала за нею, и въ нее закрадывалась злая мысль—не комедія-ли это, чтобъ пробудить любовь и сожалѣніе ея мужа? Но эти синіе круги подъ глазами, эта горькая черта около губъ могли-ли быть притворствомъ? Нѣтъ, она страдала, или душевно, или физически.

Во время наблюденій Елены, Молчановъ подошелъ къ ней и спросилъ, помѣстившись сзади ея стула:

— Вамъ хорошо сегодня? Вы между друзей?

— Ахъ, это вы! сказала она, ласково оборачиваясь къ нему. — Гдѣ это вы скрывались? Я васъ искала.

— Я игралъ въ карты съ мужемъ вашей кузины, Дубковымъ.

Мы съ нимъ разговорились; онъ, кажется, человѣкъ дѣльный и хорошій адвокатъ.

— Да; его кліенты очень имъ довольны, сказала Елена.— Если вамъ нужно адвоката, то лучше всего обратитесь къ Дубкову.

— Я рекомендую его моей женѣ, когда она пріѣдетъ. Она велѣла мнѣ пріискать адвоката.

— А я вашу жену и не видала никогда, хотя жила такъ близко отъ нея, улыбнулась Елена.— Еслибъ намъ пришлось встрѣтиться здѣсь, въ Петербургѣ, ей и въ голову не пришло-бы, что я была ея жилищей.

Молчанова обезпокоивало еще другое: что если его жена встрѣтитъ Вѣру Ольшевскую?.. Но онъ успокоилъ себя мыслью, что на улицѣ такая встрѣча не имѣетъ значенія; а общихъ знакомыхъ домовъ у нихъ нѣтъ. Пока онъ размышлялъ объ этомъ, Елена наклонилась къ его уху и тихо спросила:

— Скажите-же мнѣ, какое впечатлѣніе произвела на васъ эта особа?

И она указала глазами на Вѣру Ольшевскую, сидѣвшую у рояля и перебиравшую клавиши. Справа, слѣва и сзади ее окружали трое молодыхъ людей.

— Какая особа? спросилъ Молчановъ въ смятеніи, чтобъ выиграть время и приготовиться къ отвѣту.

— Ну, конечно, она, та, которая заставила меня бѣжать изъ дома и испортила мнѣ жизнь, отвѣчала Елена съ легкимъ нетерпѣніемъ.

— Что-же я могу сказать про нее? началъ Молчановъ, путаясь.— На вечерѣ трудно узнать человѣка.

— Однако, какъ вы находите ея внѣшній видъ, манеру, обращеніе? Понятно-ли для васъ, что мужъ мой могъ увлечься ею до такой степени, какъ онъ увлекся?

— На это я могу отвѣчать, что для меня это непонятно, сказалъ Молчановъ взволнованнымъ шопотомъ.— Быть *вашимъ* мужемъ и увлечься другою—этого я-бы не сдѣлалъ.

Онъ выговорилъ эти слова съ такою дрожью въ голосѣ, съ такимъ отгнѣнкомъ страсти, въ первый разъ прорвавшейся наружу, что Елена съ изумленіемъ взглянула на него.

Молчановъ былъ блѣденъ, и на ея недоумѣвающей взглядъ от-

вѣчалъ горящимъ взглядомъ уже нескрываемаго чувства. Бывають минуты и настроенія, когда все, глубоко лежащее на днѣ человѣческой души, неудержимо поднимается и просится наружу. Пока Елена была больной, блѣдной, страждущей женщиной, пока она была поглощена своими несчастіями, ему легко было держаться съ нею только роли друга и покровителя; всякая другая роль такъ не шла-бы къ этой строгой и простой обстановкѣ. Но здѣсь онъ почувствовалъ себя перенесеннымъ въ другой міръ, чувственный міръ красокъ, звуковъ, благоуханій и яркихъ образовъ. Поэзія бала ударила ему въ голову, какъ вино; эти танцы, эти оживленные лица молодыхъ дѣвушекъ и мужчинъ говорили такъ ясно о любви и счастіи; и сама Елена, въ ореолѣ невиданной имъ красоты, въ бальномъ платьѣ, въ цвѣтахъ, сіяющая жизнью и молодостью, казалась такъ соблазнительно-доступна.

Елена не знала, что ей дѣлать. Она не могла, конечно, игнорировать чувствъ Молчанова, но была увѣрена, что онъ вѣчно будетъ скрывать ихъ на днѣ души и никогда не выскажетъ, и была поражена его смѣлостью.

— Я желала-бы, чтобъ вы поближе познакомились съ Ольшевской, поговорили съ нею и высказали мнѣ тогда свое мнѣніе объ ней, сказала она;—почему вы не пригласили ее танцовать?..

— Если ужъ танцовать, такъ я желалъ-бы съ вами, возразилъ Молчановъ;—дадите вы мнѣ это удовольствіе?

Тонъ этой просьбы былъ такъ значителенъ, что Елена пришла въ смущеніе. Ее выручилъ Азанѣевъ. Онъ видѣлъ оживленный разговоръ своей жены съ Молчановымъ, и ему было это непріятно, такъ-что онъ не выдержалъ и подошелъ. Улыбка, съ которой Елена встрѣтила мужа, нѣсколько отрезвила Молчанова; все его поэтическое настроеніе исчезло, глаза потухли, и онъ подумалъ, какъ-бы ему встать и ретироваться подальше отъ счастливыхъ супруговъ, когда встрѣтилъ пристальный, призывающій взглядъ Вѣры. Она, очевидно, хотѣла что-то сказать ему; онъ даже угадывалъ, что это должно было касаться его и Елены Николаевны, и совсѣмъ уже хотѣлъ подойти къ ней, когда ее окружили со всѣхъ сторонъ дѣти и съ оживленными лицами

начали что-то толковать ей, потомъ схватили ее за руки и волей-неволей увлекли за собой.

Между тѣмъ начались приготовленія для живыхъ картинъ. Двери залы захлопнулись; въ гостиной разставляли стулья для зрителей, и гости, въ особенности дамы, очень довольныя разнообразіемъ вечера, переходили отъ одной къ другой, дѣлая различныя замѣчанія.

— Помяните мое слово, говорила Серафима, обращаясь къ своей пріятельницѣ Саловой, заглядывавшей въ щелку уборной, гдѣ одѣвали ея дочь, — помяните мое слово, что эта Вѣра Павловна подцѣпнѣтъ себѣ въ мужья Рудакова. Замѣтили вы, какъ онъ за ней ухаживаетъ? А она такъ кокетничаетъ, что просто смотрѣть гадко.

— Да, людямъ счастье! вздохнувъ, отвѣчала Салова. — Какая нибудь гувернантка, а партію сдѣлаетъ лучше, чѣмъ наши дочери...

Елена Николаевна подошла къ мужу и взяла его за руку:

— Сядемъ рядомъ, сказала она, — вонъ тамъ, поближе къ сценѣ. Ольшевская будетъ участвовать?

— Въ живыхъ картинахъ?.. Кажется, будетъ, отвѣчалъ Азанибевъ; — она держитъ все это въ секретѣ, но, вѣроятно, будетъ. Ты знаешь, она завѣдуетъ всѣмъ сама, безъ всякаго контроля съ моей стороны; я сдалъ все на ея руки, и она отлично распоряжается.

— Ты не находишь, что она измѣнилась въ послѣднее время?..

— Она измѣнилась давно. Развѣ можно въ ней узнать прежнюю Вѣру, ту безшабашную голову, какой она была во время нашей бѣдности? Богатство совсѣмъ измѣнило ее; теперь я знаю ея вкусы и стремленія: имѣть свой домъ, свои экипажи, своихъ лакеевъ, — вотъ ея идеалъ!..

Елена Николаевна не успѣла ничего отвѣтить, какъ раздался звонокъ. Огни въ гостиной разомъ потухли и наступилъ минутный мракъ; затѣмъ двери залы медленно распахнулись, и, освѣщенная бенгальскимъ огнемъ, явилась передъ зрителями первая картина. Она представляла сельскій праздникъ и не отличалась ничѣмъ особеннымъ, кромѣ живописныхъ позъ и красивыхъ костюмовъ.

За ней послѣдовали другія картины, въ которыхъ попеременно фигурировали дѣти всѣхъ гостей. Но болѣе всѣхъ понравилась гостямъ и въ особенности Еленѣ Николаевнѣ послѣдняя картина, въ которой участвовала Ольшевская.

Ольшевская изображала Агарь, изгоняемую Сарой изъ дома Авраимова. Сару представляла Додо, превосходно загримированная, а Измаила — маленькая Лили, одѣтая въ рубище, съ голыми ножками и всклокоченными кудрями. Она крѣпко держалась за руку Агари и не сводила съ нея своихъ блестящихъ, голубыхъ глазъ. Но лучше всѣхъ была Ольшевская. Не говоря уже о костюмѣ, который необыкновенно шелъ къ ея оригинальной красотѣ, выраженіе лица ея было поразительно и произвело сильное впечатлѣніе на всѣхъ. Въ особенности Рудаковъ стоялъ, какъ ошалѣлый, весь подавшись впередъ, будто готовый упасть къ ея ногамъ.

— Можно ли равнодушно видѣть такую красоту?.. говорила Елена, крѣпко сжимая свои маленькія руки на колѣняхъ.

— Она красавица, это правда, отвѣчалъ Азанѣвъ; — но я не знаю, почему мнѣ все кажется, что будто она, вмѣстѣ съ костюмомъ, спрячетъ въ комодъ и это лицо, выраженіе котораго такъ поразительно прекрасно. Знаешь-ли, я совершенно утратилъ въ нее вѣру; я чувствую, что никогда, никогда больше она не произведетъ на меня того головокружительнаго впечатлѣнія, которое производитъ теперь хоть-бы на этого Рудакова.

И онъ указалъ глазами на молодого человѣка, который, послѣ ухода Ольшевской, все еще стоялъ, какъ потерянный.

Вскорѣ явилась она сама, переодѣтая по бальному, съ золотыми колосьями въ волосахъ; проходя мимо Молчанова, она незамѣтно кивнула ему головой и прошла прямо къ роялю, у котораго въ эту минуту не было ни души.

Молчанову было неловко съ Вѣрой; онъ не любилъ ее больше; въ особенности охладило его къ ней открытіе, что она такъ упорно завлекала Азанѣва и интриговала въ то самое время, какъ онъ еще тосковалъ по ней. Но чувство какой-то досады на Елену и неопредѣленная жажда женскаго общества заставили его подойти къ Вѣрѣ и сѣсть возлѣ нея.

— Вы говорили съ нею обо мнѣ? были первыя слова Вѣры, полныя раздраженія и подозрительности.

— Можетъ быть, и о васъ, отвѣчалъ Молчановъ.

— И рассказали все? продолжала она съ горькой ироніей.

— Съ какой-же стати?

— Такъ она все еще не знаетъ, что мы съ вами были когда-то близки?

— Конечно, не знаетъ.

— Хорошо. Такъ что-же вы могли говорить съ нею обо мнѣ?

— Общія мѣста, сказалъ Молчановъ, затрудняясь.

— Вы неоткровенны со мною, сказала съ горечью Вѣра; — однако, вы могли-бы помочь мнѣ освѣтить тотъ мракъ, въ которомъ я блуждаю. Вы ея другъ, вы должны знать ея планы... Неужели вы меня не предупредите, если они направлены противъ меня?

— Я не понимаю, что вы хотите сказать. Елена Николаевна не имѣетъ никакихъ плановъ.

— Такъ зачѣмъ-же она пріѣхала? Чтобъ выгнать меня отсюда? Скажите прямо!

— Я этого не знаю. Мнѣ кажется, вы сами должны оставить этотъ домъ, потому что занимаете чужое мѣсто.

Прекрасные глаза Вѣры поднялись на него съ упрекомъ и на нихъ навернулись слезы.

— Теперь я вижу, какъ сильно вы влюблены въ нее, сказала она; — только одни ея интересы трогаютъ васъ. Вы, кажется, очень строго смотрите на мои отношенія къ Азанѣву, но вѣдь и она немногимъ лучше меня: она завлекла васъ, женатаго человека, увезла васъ отъ жены въ Петербургъ, а мужу своему хочетъ представиться любящей и вѣрной голубкой.

— Васъ ослѣпляетъ ревность, сказалъ Молчановъ, поблѣднѣвъ; — вы солгали мнѣ, сказавъ, что вы не любите Азанѣва.

— Довольно, прервала вдругъ Вѣра, и вся фізіономія ея измѣнилась. Къ ней подбѣгали гурьбою дѣти, подходили дамы, мужчины и въ томъ числѣ Азанѣвъ. Ее просили пѣть.

— Не могу, не могу, говорила она.

— Вы такъ давно не пѣли! сказалъ ей Азанѣвъ. — Вамъ надо упражнять голосъ.

— Не могу; что-же дѣлать, если не поется!

Она встала и отошла отъ рояля. Къ ней тотчасъ подлетѣлъ Рудаковъ и не отходилъ отъ нея больше.

Вечеръ кончился ужиномъ. Старые знакомые наперерывъ звали къ себѣ Елену, и она волей-неволей должна была обѣщать быть у всѣхъ. Она официально говорила всѣмъ, что провела эти три мѣсяца въ дальней губерніи у тетки.

Елена уѣхала послѣдняя, уложивъ дѣтей и дождавшись, пока они заснули. Мужъ поѣхалъ самъ проводить ее.

Вернувшись, онъ засталъ Вѣру въ большой залѣ съ полупотухшими огнями, посреди остатковъ пиршества. Она сидѣла у закрытаго рояля, положивъ на него голову, какъ-будто спала.

— Вы не легли еще? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я все думала, отвѣчала она. — Знаете-ли вы, что сегодня Рудаковъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, просилъ моей руки?

— Неужели? вскричалъ Азанѣвъ.

— Что вы посоветуете мнѣ отвѣчать ему? спросила она, глядя на него такъ странно и такъ пытливо, что онъ смутился.

Послѣ минутнаго молчанія, во время котораго Азанѣвъ старался скрыть отъ нея радость, овладѣвшую имъ при этомъ извѣстіи, онъ сказалъ рѣшительно:

— По-моему, это очень подходящій бракъ.

— Почему-же? Онъ богатъ, а я бѣдна?

— Вы не бѣдны, Вѣра Павловна. Вы оказали такія услуги мнѣ и моимъ дѣтямъ, что я съ радостью готовъ отдать вамъ часть моего состоянія. Бѣдность ни въ какомъ случаѣ не должна быть препятствіемъ...

Азанѣвъ остановился, прерванный судорожнымъ смѣхомъ Вѣры.

— А, такъ вотъ какъ! сказала она. — Вы хотите отъ меня освободиться, вы спѣшите выстроить мнѣ золотой мостъ, по которому-бы я ушла отъ васъ, да еще приписываете моему вопросу такой смыслъ, какъ будто я испытывала васъ на-счетъ „приданого“! продолжала она, все смѣясь. — Ха, ха, ха! Это прелестно! Вотъ какъ мы понимаемъ другъ друга!

Она встала порывистымъ, гордымъ движеніемъ.

— Слушайте, Алексѣй Львовичъ, продолжала она: — я люблю деньги, какъ средство наслажденія жизнью — только. Если-же на нихъ я куплю себѣ бракъ съ нелюбимымъ человекомъ, мнѣ ихъ не надо. Я пришла къ вамъ ни съ чѣмъ, ни съ чѣмъ и уйду, а любить... любить можно только разъ въ жизни, — вы должны знать это сами!

Съ этими словами она вышла, оставивъ Азанѣва, пораженнаго и безмолвнаго.

XVI.

На другой день Елена сидѣла, погруженная въ свои размышленія, держа книгу, которую не читала, когда дверь тихо скрипнула, и передъ нею явился Молчановъ. Лицо и глаза его были тусклы и блѣдны; онъ какъ-будто сторбился и постарѣлъ въ эту ночь.

— Прощайте, Елена Николаевна, сказалъ онъ такъ тихо, что она сначала не услышала.

— Прощайте, я переѣзжаю, повторилъ онъ.

— Куда? Что это значить? вскричала она.

— Моя жена пріѣхала съ утреннимъ поѣздомъ, объяснилъ онъ и, боязливо оглянувшись на дверь, захлопнулъ ее поплотнѣе;— ей не правятся эти нумера, и мы сейчасъ переѣдемъ въ другіе. Это здѣсь на углу, на Невскомъ.

Онъ замолчалъ. Елена не находила ни слова отвѣчать ему, понимая все, что происходитъ въ немъ. Вздохъ сочувствія и жалости вырвался изъ ея груди.

— Но мы еще будемъ видѣться? проговорила она, наконецъ.

— Да, можетъ быть... но...

Онъ не договорилъ, но Елена поняла, что значить „но“. Съ этого дня ихъ свиданія будутъ въ родѣ свиданій заключенныхъ, точно черезъ рѣшетку и въ присутствіи жандармовъ. И теперь уже Молчановъ былъ, какъ связанный, говорилъ тише обыкновеннаго, какъ-будто боялся, что подслушиваютъ, казался безпокоенъ. Надъ нимъ невидимо, или, лучше сказать, видимо, тяготѣло иго, которое онъ привыкъ нести съ давнихъ поръ.

Но все-таки Елена начала говорить съ нимъ такъ дружески, такъ довѣрчиво, что вызвала въ немъ прежнія струны; онъ рассказалъ ей, что жена его ведетъ процессъ съ родными за наследство дяди и намѣрена остаться здѣсь всю зиму, не столько для процесса, сколько для петербургскихъ удовольствій, которыхъ она давно жаждала. Дочь свою она намѣревалась отдать въ какой-нибудь модный пансіонъ.

Только-что Молчановъ разговаривался, какъ въ коридорѣ послышался громкій женскій голосъ:

— Кто тутъ? Коридорный! звала Полина Григорьевна.— Отнесите господина изъ 32 №; онъ долженъ быть здѣсь у кого-нибудь; скажите, что его просятъ въ номеръ.

— Надо идти, прошептала Молчановъ, но не трогаясь съ мѣста.

— Навѣщайте-же меня иногда, сказала Елена, протягивая ему руку.

Онъ взялъ эту руку, прижался къ ней губами и замеръ... и не могъ оторваться. Въ этомъ горячемъ поцѣлуѣ вылилась вся тоска прощанія, не съ одной Еленой, но со всѣми мечтами, стремлениями и порывами молодой жизни, со всѣмъ, что такъ заманчиво, такъ сладко поманило его вдалѣ... Это былъ минутный блуждающій огонекъ: онъ ярко блеснулъ и поигралъ передъ нимъ. и затѣмъ все погрузилось въ прежнюю безразсвѣтную тьму. У Елены на глазахъ были слезы; она нѣсколько разъ поцѣловала его въ голову. При этой ея ласкѣ, въ глазахъ Молчанова въ послѣдній разъ мелькнулъ лучъ радости и гордости; затѣмъ все ступсывалось, потухло, пропало. Онъ вышелъ, понуривъ голову, какъ будто заранѣе подставляя ее подъ ярмо.

Вскорѣ затѣмъ слышалась въ коридорѣ и на лѣстницѣ возня, переноска чемодановъ, переговоры и перебранка съ прислугой. Молчанова посылали туда и сюда; онъ долженъ былъ одновременно и нанимать извозчиковъ, и разсчитываться за постой, и наблюдать за перенесеніемъ вещей. Сама Полина Григорьевна стояла наверху лѣстницы, брезгливо подбирая платье отъ воображаемой грязи, и говорила, пожимая плечами: „Dieu, comme c'est sale ici!“ Вавочка, въ новомъ траурномъ платьѣ, по послѣдней картинкѣ журнала, выступала, какъ пава, передъ коридорными, очевидно, разсчитывая поразить ихъ своей красотой и нарядомъ. Черезъ полчаса весь этотъ поѣздъ шумно укатилъ въ другую гостиницу.

До новаго года Елена провела время въ невольныхъ визитахъ къ своимъ знакомымъ, куда она брала и дѣтей. Мужъ часто сопровождалъ ее; раза два она была въ театрѣ вдвоемъ съ нимъ. Онъ говорилъ ей, что Ольшевская не совсѣмъ здорова, но ѣздить къ своимъ знакомымъ и въ клубъ.

Была Елена и у кузины своей Дубковой и встрѣтила тамъ жену Молчанова. Полина Григорьевна свисока поклонилась и продолжала оживленный разговоръ о дѣлахъ съ хозяиномъ дома. Серафима Петровна не вытерпѣла, увела Елену въ спальню и тамъ рассказала ей съ хвастовствомъ и восторгомъ, что эта дама хлопочетъ о миліонномъ наслѣдствѣ, что у нея въ самарской губерніи лѣса, луга, мельницы и фабрики, что она выбрала Дубкова своимъ адвокатомъ и ему можетъ перепасть отъ этого дѣла нѣсколько тысячъ.

Елена невольно улыбалась, зная все про Полину Григорьевну гораздо лучше своей кузины, но не разувѣряла ее.

— Вотъ посмотри, какая у нея дочь! прибавила Серафима и потащила Елену въ дѣтскую, гдѣ Вавочка сидѣла между дѣвочками Дубковыми и говорила безъ умолку.

— На дѣдушкиныхъ похоронахъ, рассказывала она, — ѣхало за гробомъ тридцать каретъ: наша карета, потомъ губернаторская, потомъ князя Шаховскаго, моего дяди, и потомъ весь городъ. Я сидѣла съ княжнами; на мнѣ была шубка съ опушкой изъ чернаго соболя, и шляпа черная съ бѣлой каемкой. Мама дала мнѣ много денегъ, все золотыхъ, и я ихъ била нищимъ въ окно кареты...

— Золотые-то! вскричала практичная Додо Дубкова съ такимъ видомъ, что ее не надуешь.

— Всякія были: и серебряныя, и мѣдныя, поправила Вавочка.

Елена глядѣла на нее и искала въ ея чертахъ какого-нибудь признака, что она дочь Молчанова. Этотъ правильный, продолговатый профиль былъ его; цвѣтъ и разрѣзъ глазъ напоминалъ его глаза; но душа въ нихъ свѣтилась другая, душа уже передѣланная, выдресированная на другой ладъ.

— Пойдемте въ гостиную, тамъ подадутъ кофе, сказала младшая Дубкова. И дѣти отправились, а за ними и большія.

Въ гостиной Полина Григорьевна говорила Дубкову:

— Если вы завтра пріѣдете ко мнѣ въ гостиницу Демута, я покажу вамъ всѣ документы. Я сама принуждена всѣмъ этимъ заниматься и хлопотать, потому что мой мужъ—вы видѣли его, но вы его не знаете—мой мужъ преданъ одной только страсти—агрономіи. Больше онъ ничего знать не хочетъ, и всѣ дѣла взва-

лвааетъ на меня. Онъ мнѣ прямо сказалъ: „ну, матушка, это наслѣдство твое, я въ него не вступаю, хлопочи сама“.

— Однако, замѣтила Серафима, — это рѣдкіе мужья, которые такъ безкорыстны.

— Вѣдь у него самого большое имѣніе близъ самой желѣзной дороги, да лѣсу десятинъ сто, врала Полина Григорьевна, присвоивая себѣ весь участокъ, гдѣ мужъ ея былъ лѣсничимъ. — Да и я не особенно-бы хлопотала объ этомъ процессѣ, еслибы не для Вавочки. Для кого мы собираемъ и копимъ? Конечно, не для себя, а для дѣтей!

— Конечно, для дѣтей, подтвердила Серафима; — наши дѣти, это будущее поколѣніе...

— И много общающее поколѣніе, подхватила Полина Григорьевна; — повѣрьте, наши дочери не позволятъ мужьямъ такъ затереть себя, какъ насъ бѣдныхъ затирали!

— Да, да! вскричала въ восторгѣ Серафима, кидая косвенные, угрожающіе взгляды на мужа. — Это мы такія были дуры, что молчали, когда насъ тиранили; а теперь не то.

Елена встала и хотѣла прощаться.

— Нѣтъ, ты у меня объѣдаешь, прервала Дубкова.

— Ахъ, вскричала Полина Григорьевна, — а я такъ засидѣлась, что довела время до объѣда! Извините, пожалуйста!

— Нѣтъ, нѣтъ, вы объѣдаете у насъ, сказала Серафима, перелѣгая къ ней; — я прошу васъ сдѣлать намъ эту честь и удовольствие.

Дубковъ также присоединился къ увѣщаніямъ жены.

— Очень вамъ благодарна; но какъ-же мой мужъ?.. ломалась Молчанова. — Я, право, не знаю, что съ нимъ будетъ, если я не ворочусь объѣдать. Мы съ Вавочкой такъ недавно пріѣхали, что онъ еще не успѣлъ на насъ наглядѣться. Вы не повѣрьте: онъ чуть съума не сошелъ тутъ въ Петербургѣ одинъ. Хотѣлъ бросить все и ѣхать на праздники къ намъ. Поэтому я и поспѣшила сюда.

— У него были здѣсь знакомые, сказала Дубкова, поглядывая на Елену: — вотъ моя кузина Азанѣева; вашъ мужъ былъ у нихъ на вечерѣ на третій день Рождества.

— Да; тамъ мы и познакомились, подтвердилъ Дубковъ.

— Гм! промычала Полина Григорьевна съ невольной, кислой

гримасой. — Такъ вы знакомы съ моимъ мужемъ? обратилась она къ Еленѣ.

— Да; мы останавливались въ одной гостинницѣ, отвѣтила холодно Елена и тотчасъ простилась.

Она боялась, что ей навяжутъ знакомство мадамъ Молчановой.

— Какая молчаливая ваша кузина! замѣтила послѣ ея ухода осторожно Полина Григорьевна. — А, должно быть, очень милая, прибавила она, выпытывая чувства своей хозяйки.

— Ахъ, она пренесчастливая, возразила Серафима и тутъ-же, не дожидаясь поощренія, начала подробно рассказывать, какъ мужъ Елены влюбился въ гувернантку, какъ Елена уѣзжала отъ него на нѣсколько мѣсяцевъ и какъ теперь пріѣхала требовать себѣ приличнаго содержанія и доли капитала, которой мужъ будто-бы не хочетъ давать. Полина Григорьевна жадно слушала сплетню и подстрекала Дубкову своими любопытными разспросами. Новые друзья были въ восторгѣ другъ отъ друга; имъ стало еще ловчѣе, когда Дубковъ, выведенный изъ терпѣнія импровизаціями жены на-счетъ отношеній супруговъ Азанѣвыхъ, незамѣтно ушелъ. Но такъ-какъ Серафима Петровна отчетливо называла всѣхъ по именамъ и фамиліямъ въ своемъ рассказѣ, не выпуская даже именъ горничныхъ, кухарокъ и дворниковъ, то скоро изъ устъ Молчановой вылетѣлъ подавленный крикъ, и она, какъ пружина, вдругъ выпрямилась на креслахъ.

— Ольшевская? Вѣра Павловна? вскричала она, вся покрывшись красными пятнами. — Такъ вы сказали?.. Не ошиблись?

— Какъ-же можно ошибиться? А что? любопытно спросила Серафима, чуя поживу новой сплетни.

— Какая она? Высокаго роста, бѣлокурые волосы, черные глаза? съ волненіемъ спрашивала Полина Григорьевна.

— Роста она немного пониже васъ, начала Серафима съ точностію портретиста;—волосы бѣлокурые, глаза черные, носъ прямой съ горбинкой, ротъ нельзя сказать, чтобъ малъ, подбородокъ немножко вотъ сюда выдался... Ну, бюстъ, фигура... Мужчины находятъ, что она очень хороша, а по моему, препротивная.

— И по-моему, препротивная, сказала Молчанова. — Ахъ, Боже мой, такъ вѣдь это навѣрно та самая мерзавка!

Въ волненіи она не замѣчала, что произносить неупотребительное въ гостиниой слово; но именно это слово „мерзавка“ еще тѣснѣе сблизило ее съ Серафимой.

— А вы развѣ ее знаете? Что такое? Расскажите-ка, дружески-фамиллярно спросила она.

— Я думаю, что я ее знаю, когда я выгнала ее отъ себя! Да, выгнала, обругала и выгнала! отвѣчала Полина Григорьевна, красная, какъ пюнь.

— Стало быть, она стояла того? возразила Серафима, наслаждаясь предвкушаемымъ открытіемъ.

— Помилюйте, она завела съ моимъ мужемъ шуры-муры въ мое отсутствіе. Пріѣхала она въ наше село сельской учительницей и такъ прекрасно себя показала! Я пріѣзжаю изъ Самары и нахожу, что мой мужъ живетъ въ открытой связи съ этой Ольшевской. Какъ это вамъ нравится?

— Неужели? вскричала, непритворно изумленная, Серафима. — А здѣсь она выдавала себя за такую дѣвственницу! И Азанѣевъ, кажется, считаетъ, что она его перваго полюбила.

— Ну, я-бы его разувѣрила, еслибы увидала. Да, однако, позвольте, начала съ ужасомъ соображать Молчанова: — вы мнѣ сказали, что Пьеръ... что мой мужъ былъ на вечерѣ у Азанѣева... Вѣдь и эта негодайка также тамъ была?

— Еще-бы! Конечно, была; вѣдь она тамъ живетъ подъ видомъ гувернантки. И какую роль играетъ, еслибъ вы видѣли, какъ расфуфырена, бриліанты на ней какіе!

— И бриліанты! Вотъ кому счастье-то достается, а еще говорятъ, что Богъ правосуденъ! Такъ, стало быть, Пьеръ опять свидѣлся и сошелся со своимъ предметомъ? Вотъ какъ! Не замѣтили вы, разговаривалъ онъ съ нею? Скажите мнѣ, пожалуйста, все, что вы замѣтили, милая Серафима Петровна.

— Разговаривалъ, какже, онъ разговаривалъ съ ней, отвѣчала поспѣшно Дубкова;—они долго сидѣли вдвоемъ у рояля и, кажется, танцовали вмѣстѣ.

— Ну, нѣтъ, я этого не позволю, чтобы надо мной издѣвались, говорила Полина Григорьевна. — Я сорву маску съ этой госпожи; а Пьера я допрошу, по какому праву онъ могъ это сдѣлать? Извините меня, Серафима Петровна, я поѣду домой.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, сейчасъ подадутъ обѣдать, вскричала

Дубкова, серьезно испугавшись, что всё расходы на обѣдъ пропадутъ даромъ.—Притомъ мой мужъ готовить для васъ справку, которую вы просили.

Молчанова осталась. Ей хотѣлось еще пораспросить про своего врага—Ольшевскую.

XVII.

Въ утро новаго года Елена Николаевна Азанѣва кончала одѣваться у себя на квартирѣ, когда въ дверь ея тихо постучались.

Было только одиннадцать часовъ; Елена подумала, что въ такой ранній часъ не можетъ явиться никто, кромѣ ея мужа, и побѣжала къ двери съ распущенными волосами. Мошелъ Молчановъ. Лицо его было блѣдно, безцвѣтно, уныло; на губахъ блуждала насильственная, почти жалкая улыбка, которою онъ хотѣлъ показать, будто все идетъ по-прежнему. Разиѣнявшись поздравленіями съ новымъ годомъ и разными пожеланіями, они оба замолчали въ смущеніи, не зная, что сказать другъ другу. Между ними вдругъ легла цѣлая бездна: объ откровенномъ, задушевномъ обмѣнѣ мыслей не могло болѣе быть рѣчи. Отношенія Молчанова къ женѣ, сознаніе своей безхарактерности, своего безсилія противустоять ея деспотизму составляли для него такую большую рану, что онъ ни для кого на свѣтѣ не приподнялъ-бы завѣсу съ этого уголка своего внутренняго міра. А открыть его Еленѣ было еще больнѣе, чѣмъ кому-бы то ни было. Не могъ же онъ сознаться, что всё эти дни онъ собирался идти къ ней, *твердо* рѣшался на это, и всё эти смѣлые проевты разлетались, какъ дымъ, отъ взгляда жены, и ея оклика: „Буда ты? Поѣзжай со мной въ лавки“. „Проводи меня въ Исакіевскій соборъ“. „Заважи обѣдъ“. „Возьми ложу въ театръ и возвращайся сейчасъ“. И теперь онъ потому пришелъ такъ рано, что урвался тайкомъ, какъ школьникъ. Его послали къ Филипову за вѣкомъ, булками и сухарями, и въ гастрономическій магазинъ за сыромъ и консервами; и онъ воспользовался случаемъ улизнуть въ неуказанное мѣсто.

Молчановъ сидѣлъ, какъ связанный, понуривъ голову и свер-

тивая папиросу. Елена, сидѣвшая напротивъ него, на диванѣ, имѣла видъ хозяйки, занимающей самого церемоннаго гостя. Ей было до боли жалко своего прежняго друга; но эту жалость-то и нельзя было выказывать.

— Гдѣ вы встрѣтили новый годъ? спросила она, наконецъ.

— Я былъ съ женою въ клубъ художниковъ, отвѣчалъ Молчановъ. — А вы?.. Въ своемъ семействѣ?

Онъ взглянулъ на нее пытливо. Надеждъ у него не было давно; но оставалась еще какая-то болѣзненная ревность къ ея мужу. Ему было-бы очень горько узнать, что она окончательно сошлась съ нимъ.

— Да, отвѣчала Елена, — вчера до десяти часовъ вечера я сидѣла съ дѣтьми у нихъ; потомъ они легли спать; Алексѣй проводилъ меня домой, и мы съ нимъ вдвоемъ провели время до 12 часовъ.

Молчановъ измѣнился въ лицѣ; ея отвѣтъ и выраженіе лица почти подтвердили его опасенія. Онъ молчалъ. Чтобъ не оставаться въ безмолвіи. Елена продолжала:

— Алексѣй Львовичъ долженъ скоро заѣхать за мною; у него обѣдаютъ сегодня кое-кто изъ нашихъ знакомыхъ; мы съ ними условились ѣхать вечеромъ въ театръ, а оттуда ужинать.

— Это, кажется, всегдашняя програма здѣшнихъ удовольствій, замѣтилъ Молчановъ.

Елена равнодушно усмѣхнулась.

— Провести время съ друзьями пріятно вездѣ, сказала она; — но вотъ у Ольшевской настоящая страсть къ такому рода провожденію времени. Она хотѣла устроить сегодня „folle jougnée“. Съ утра ѣхать съ визитами набирать цѣлую партію знакомыхъ, потомъ всѣмъ вмѣстѣ кататься на конькахъ, завтракать въ ресторанѣ, до обѣда кататься на тройкахъ, послѣ обѣда еще куда-то и, наконецъ, въ театръ и въ клубъ. Однимъ словомъ, цѣлый день кружиться въ вихрѣ, спѣшить изъ одного мѣста въ другое и не имѣть минуты, чтобъ опомниться. Я не спорю, что это очень весело; но, или для новичковъ, ничего не испытавшихъ, или для тѣхъ, кто хочетъ забыться отъ горя или отъ скуки.

— Однако, этотъ проектъ не осуществится? спросилъ Молчановъ.

— Большинство голосовъ не одобрили, отвѣтила Елена, — а главное, Алексѣй Львовичъ не совсѣмъ здоровъ: у него возобновилось опять это ужасное сердцебіеніе. Я предложила програму болѣе скромную, но Ольшевская все-таки поѣхала одна выполнять свой „folle jougnée“. Она въ какомъ-то странно-возбужденномъ состояніи, прибавила Елена задумчиво.

Молчановъ всталъ, какъ-будто хотѣлъ проститься съ нею, но вдругъ опять сѣлъ; лицо его то краснѣло, то блѣднѣло; въ немъ, видимо, происходила борьба.

— Елена Николаевна, началъ онъ сдавленнымъ голосомъ, — я недаромъ пришелъ къ вамъ сегодня... Я пришелъ довериться вамъ, посоветоваться съ вами... Вы еще недавно были моимъ другомъ, прибавилъ онъ съ невыразимо-печальной улыбкой, въ которой сказалось все сожалѣніе и вся тоска по томъ утраченномъ времени.

— Я всегда вашъ другъ, тихо сказала Елена.

— Во-первыхъ, я долженъ покаяться передъ вами въ обманѣ и скрытности, началъ, собравшись съ мужествомъ, Молчановъ. — Я допустилъ васъ думать, что я здѣсь увидѣлъ въ первый разъ Вѣру Павловну Ольшевскую, тогда какъ я зналъ ее прежде, и зналъ гораздо короче, чѣмъ вы.

— Неужели? вскричала удивленная Елена. — Съ какой-же цѣлью вы скрывали?

— Она взяла съ меня слово скрывать это именно отъ васъ и отъ вашего мужа, но теперь обстоятельства перемѣнились, все должно открыться. Неужели вы не догадываетесь, Елена Николаевна?.. Вѣра Ольшевская та самая дѣвушка, въ которую я былъ влюбленъ...

— Сельская учительница? спросила Елена.

— Она самая. Вы помните все, что я вамъ о ней рассказывалъ?

— Помню, помню... Боже мой, такъ это была она?

— Я тогда не сказалъ вамъ всего, Елена Николаевна. Я не сказалъ, что жена моя изъ ревности сдѣлала Ольшевской оскорбительную сцену, вслѣдствіе которой она уѣхала. Теперь жена моя узнала, что Вѣра Павловна здѣсь, въ Петербургѣ, и хочетъ непременно, какъ она выражается, „сорвать съ нея мас-

, то есть, другими словами, сдѣлать скандалъ при встрѣчѣ съ нею.

— А, понимаю, сказала Елена.

— Вы понимаете, что я долженъ былъ васъ предупредить, продолжалъ Молчановъ съ волненіемъ; — я знаю, на что способна моя жена; она можетъ пріѣхать къ вамъ, къ вашему мужу съ объясненіями на-счетъ Ольшевской.

— Эти объясненія до меня не касаются, я не буду ихъ слушать, спокойно возразила Елена.

— Но Ольшевской они могутъ повредить; надо предупредить ее, чтобъ она избѣгала встрѣчи.

— Хорошо, я помогу ей. Но, прибавила Елена, уступая чувству женскаго любопытства, — почему вы сами не повидаетесь съ Вѣрой и не скажете ей?

— Я сказалъ вамъ, и этого довольно; я знаю, что вы сдѣлаете все, чтобъ остеречь ее.

— Но я третье лицо между вами... А третье лицо всегда мѣшаетъ, сказала Елена, старавшаяся разъяснить себѣ настоящее чувство Молчанова къ Вѣрѣ.

— Мѣшать тутъ не чему, возразилъ онъ холодно: — мы съ Вѣрой Павловной чужіе.

— А мнѣ всегда казалось, что вы должны быть постоянны въ любви, замѣтила Елена.

Молчановъ покраснѣлъ и пришелъ въ сильное волненіе.

— Постоянство зависяетъ отъ того лица, которое внушаетъ любовь, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ. — Нельзя продолжать любить женщину, которая едва разсталась съ однимъ, кидается на шею другому. Но... когда встрѣтишь такую... передъ которой желалъ-бы цѣлый вѣкъ стоять на колѣняхъ... которой радъ-бы отдать и душу, и жизнь, еслибъ только было можно... Та не имѣетъ права сомнѣваться въ постоянствѣ!

Въ свою очередь, Елена вспыхнула. Ея смущеніе одобрило Молчанова.

— Такая женщина для меня — вы! сказалъ онъ страстнымъ шопотомъ.

Дверь отворилась, и вошелъ Азанѣевъ. Это былъ отвѣтъ... отвѣтъ судьбы. Молчановъ всталъ, почти шатаясь, ничего не видя и не помня, и протянулъ руку Еленѣ на прощаніе. Онъ

не понималъ, что ему говорилъ Азанъевъ, и отвѣчалъ, самъ не зная что.

Когда онъ вышелъ на улицу, холодный зимній холодъ обвѣялъ его пылающую голову, и онъ сталъ медленно приходитъ въ себя. Неужели внѣшняя обстановка, уединенная комната и присутствіе Елены имѣли на него такое вліяніе, что передъ нимъ исчезала дѣйствительность и пробуждались игра нервъ, томительныя желанія и порывы къ счастью?.. Но пробужденіе было каждый разъ все тяжелѣе. Молчановъ чувствовалъ себя совсѣмъ измученнымъ, разбитымъ своею беспочвенностью, неопредѣленностью своихъ стремленій, тщетой своихъ попытокъ завоевать у судьбы хоть что-нибудь для себя. Онъ не желалъ больше испытывать мукъ ожиданія, разочарованія, надеждъ и отчаянія. Все, что возбуждаетъ нервы, что волнуетъ кровь, что потемняетъ разумъ, онъ пережилъ въ эти послѣдніе мѣсяцы и остался все тѣмъ-же неудачникомъ. „Это слишкомъ дорого достается, думалъ онъ, — лучше ужъ не выходить изъ хомута... Все легче, чѣмъ это безцѣльное шатаніе изъ стороны въ сторону“. Въ глаза ему бросилась вывѣска гастрономическаго магазина, и онъ съ испугомъ вспомнилъ про сыръ, булки и прочее. Черезъ четверть часа онъ подходилъ къ своей квартирѣ, нагруженный кулками и свертками, повторяя уныло: „Хомутъ такъ хомутъ, когда нѣтъ другой доли!“

Конечно, ему не прошло даромъ его двухчасовое отсутствіе, когда онъ долженъ былъ только полчаса употребить на комисіи, и онъ не протестовалъ. Потому онъ весь погрузился въ разсматриваніе бумагъ и документовъ для веденія процесса, началъ дѣлать выписки, копія, составлять прошенія и просилъ жену, чтобы она, ради такого важнаго дѣла, не брала его нынѣшній день съ собою никуда.

— Я и не нуждаюсь въ твоей компаніи, отвѣчала Полина Григорьевна;—теперь у меня есть знакомые; мадамъ Дубкова заѣдетъ за мной взять меня на выставку картинъ.

XVIII.

Молчановъ говорилъ Еленѣ о своемъ эпизодѣ съ сельской учительницей такъ поверхностно и неподробно, что Елена, зная ха-

раκτήрь Вѣры, скорѣе склонна была думать, что она кокетничала съ Молчановымъ, водила его и забавлялась имъ, но не любила. Это ея впечатлѣніе невольно вылилось въ разговорѣ ея съ мужемъ, которому она сочла долгомъ передать предостереженіе Молчанова.

— Миѣ кажется, что это все пустяки, сказалъ Азанѣвъ, нерасположенный вѣрить Молчанову, — и предостереженіе твоего рыцаря очень дурного тона. Ну, что-же, что его жена ревнуетъ Вѣру? Боятся ея ревности вовсе нечего; не можетъ-же она ворваться въ домъ, гдѣ она незнакома; не можетъ-же на улицѣ вцѣпиться въ Вѣру и выпарапать ей глаза! Такія исторія и между кухарками рѣдки.

— Но она можетъ наговорить ей дерзостей, очернить ее, замѣтила Елена.

— На дерзости Вѣра съумѣетъ отвѣтить, а чернить никому нельзя запретить.

— Но все-таки ты скажешь объ этомъ Вѣрѣ? спросила Елена.

— Конечно, скажу, тѣмъ болѣе, что любопытно узнать отъ нея подробности этого романчика... если только онъ былъ. Признаюсь тебѣ, я сильно подозреваю г. Молчанова въ желаніи порисоваться передъ тобою.

— Что за идея! возразила Елена.

— Конечно, ты будешь защищать его, потому что ты имѣешь къ нему слабость, прервалъ Азанѣвъ съ колкостью. — Но еслибъ это было такъ, какъ онъ представляетъ, почему-же Вѣра со всѣмъ не узнала его у насъ на вечерѣ? Я самъ подвелъ его къ ней, представилъ его, и она заговорила съ нимъ, какъ съ знакомымъ.

— Онъ говоритъ, что она просила его скрывать ихъ знакомство, сказала Елена.

— Ну, этому ужъ я не повѣрю, возразилъ Азанѣвъ. — Какая цѣль? Да и когда-же она могла объ этомъ просить? Вѣдь они тутъ въ первый разъ увидѣлись.

— Не знаю, сказала Елена въ раздумьи; — это очень загадочно.

— Ничего нѣтъ загадочнаго. Просто твой рыцарь не хотѣлъ

ударить передъ тобою лицомъ въ грязь. Ему лестно было показать тебѣ, что и онъ былъ любимъ...

— Какой вздоръ! прервала Елена.— Молчановъ человекъ неглупый и непошлый; онъ не будетъ ставить себя въ смѣшное положеніе, еслибъ все это оказалось не правда.

— Ну, да, онъ совершенство; какъ-же совершенству быть смѣшнымъ?

Елена не возражала. Она видѣла, что мужъ ея въ раздраженномъ состояніи, и не хотѣла поддывать масла въ огонь; она напомнила ему, что пора ѣхать встрѣчать гостей.

Все это происходило на ея квартирѣ, тотчасъ послѣ ухода Молчанова.

Приѣхавъ въ домъ Азанѣва, они не застали тамъ никого. Гостей еще не было, и Вѣра Ольшевская еще не возвращалась. Время быстро прошло въ играхъ и разговорахъ съ дѣтьми. Потомъ явилась семья Платоновыхъ: мужъ, пріятель Азанѣва, жена, тихая и симпатичная женщина, и ихъ шестилѣтняя дочь. Немного погодя, вошла еще пара: молодые, веселые новобрачные—Межецкіе, и человекъ два изъ товарищей по службѣ Азанѣва. Послѣ всѣхъ пригатила и Вѣра Павловна, съ шумомъ, на тройкѣ съ колокольчиками, и вошла со свитой изъ трехъ молодыхъ людей. Подавая руку Еленѣ Николаевнѣ, она покраснѣла. Несмотря на довольно частыя свиданія, обѣ онѣ не могли привыкнуть видѣть равнодушно другъ друга. Послѣ легкаго, шуточного разсказа о томъ, какъ катались по льду на конькахъ, какъ кто-то упалъ и тому подобное, Вѣра, остававшаяся все время въ мѣховой шапочкѣ съ чернымъ перомъ, которая чрезвычайно шла къ ней, отправилась, наконецъ, снимать ее и поправлять прическу. Азанѣвъ незамѣтно послѣдовалъ за нею. Хотя Елена знала, о чемъ онъ хочетъ говорить съ нею, но сердце ея сжалось... Ей казалось, что мужъ во второй разъ ускользаетъ отъ нея. Вѣра остановилась въ будуарѣ передъ зеркаломъ и, взявъ гребень, слегка взбивала мягкія золотистыя волны своихъ волосъ, когда Азанѣвъ подошелъ и сѣлъ возлѣ. Она взглянула вопросительно и тотчасъ почувала, что что-то неладно.

— Какъ вамъ нравится нашъ новый знакомый, Молчановъ? спросилъ Азанъевъ шутивнымъ тономъ.

У нея сердце упало въ груди. Она быстро сообразила, что этотъ вопросъ не даромъ, что Азанъевъ что-нибудь знаетъ, но что именно? Бъ счастью, ея занятіе прической благопріятствовало ей скрыть свои душевныя движенія. Она приблизила лицо свое къ зеркалу и, путая волосы на лобъ и на глаза, отвѣчала разсѣянно:

— Молчановъ? Что же, онъ человѣкъ, какъ человѣкъ.

— Могли-ли-бы вы полюбить такого человѣка?

У Вѣры зарябило въ глазахъ. Ей показалось, что Азанъевъ знаетъ все и нарочно тѣшится надъ нею, какъ кошка надъ мышью, чтобъ потомъ кинуть ей въ глаза обвиненіе во лжи, двуличности и обманѣ. Но, вмѣстѣ съ сознаниемъ опасности, въ ней пробудились и задоръ, и смѣлость.

— Отчего вы это спрашиваете? спросила она, вдругъ повернувшись къ Азанъеву и глядя на него блестящими глазами, сквозъ пряди спутанныхъ волосъ.

— Признайтесь, вѣдь вы его любили? возразилъ Азанъевъ.

Опять ее бросило въ жаръ и въ холодъ. Неизвѣстность была для нея ужасна, и она сказала торопливо и рѣзко:

— Да что такое? Чего вы отъ меня хотите? Объяснитесь!

— Зачѣмъ вы скрывали, что вы уже знали Молчанова прежде?

— Я не скрывала, сказала она и опять уткнулась въ зеркало; гребень такъ и мелькалъ у нея въ рукахъ.

— Какъ не скрывали? возразилъ Азанъевъ. — Вы встрѣтились съ нимъ, какъ чужіе.

— А какъ-же иначе? Развѣ мнѣ бросаться къ нему на шею, или провозглашать во всеуслышаніе, что это старый знакомый?

— Ну, это не отвѣтъ, Вѣра Павловна. Всякій понимаетъ разницу въ встрѣчѣ со знакомымъ или незнакомымъ человѣкомъ.

— Сказать вамъ по правдѣ, возразила Вѣра, — я не особенно желала-бы включать Молчанова въ число моихъ знакомыхъ; поэтому я и встрѣтила его... *d'un air glacé*, прибавила она съ шутивнымъ видомъ. — Мы съ нимъ разстались не въ слишкомъ хорошихъ отношеніяхъ.

— За что-же вы поссорились? Чѣмъ онъ былъ для васъ?

— Чѣмъ онъ былъ для меня?.. Что это за вопросъ?

Еслибъ Азанъевъ былъ женщина, онъ обратилъ-бы вниманіе на то, что Вѣра усердно теперь заплетала всѣ свои волосы въ мелкія косички, чего никогда въ жизни не дѣлала, и одинъ этотъ фактъ обнаружилъ-бы передъ нимъ ея смятеніе и волненіе; но онъ такихъ тонкостей не замѣчалъ и не видѣлъ ничего подозрительнаго въ обращеніи Вѣры. Въ отвѣтъ на ея слова, онъ добросовѣстно рассказалъ ей все, слышанное имъ отъ жены. Тогда Вѣра широко вздохнула всею грудью, и въ щеки ея опять вступилъ румянецъ. Она поняла, что Молчановъ не выдалъ ее, даже Еленѣ.

— Такъ эта госпожа преслѣдуетъ меня даже и здѣсь! сказала она про жену Молчанова и расхохоталась своимъ музыкальнымъ смѣхомъ. — Что-же, она съ кинжаломъ или съ револьверомъ подстерегаетъ меня на улицѣ, не говорилъ этого ея муженекъ?

— Но изъ-за чего вышла вся эта исторія? спросилъ Азанъевъ. — И гдѣ вы познакомились съ Молчановыми?

— Это когда я была сельской учительницей, небрежно отвѣчала Вѣра, мгновенно расплетая всѣ свои косички и дѣлая обыкновенную прическу. — Я вамъ рассказывала тогда.

— Вы никогда не рассказывали о томъ времени, когда вы были сельской учительницей.

— Ахъ, нѣтъ, я говорила, да вы забыли. Да, впрочемъ, въ этомъ не было ничего интереснаго. Я познакомилась съ Молчановыми въ отсутствіе его жены, то есть, просто я начала ходить гулять въ ихъ садъ; при встрѣчѣ съ хозяиномъ, мы разбѣживались поклонами, кое-какими фразами, замѣчаніями. Вдругъ прѣзжаетъ эта Бобелина, а я себѣ, ничего не подозрѣвая, иду въ садъ, по обыкновенію, подхожу къ Молчанову, начинаю говорить что-то про цвѣты... Для такого сорта женщинъ, какъ жена Молчанова, достаточно увидѣть дѣвушку рядомъ съ мужчиной, чтобъ тотчасъ-же убѣдиться въ ихъ интимности: она налетѣла на насъ съ пѣной у рта, и вышла сцена. Тѣмъ и кончилось мое знакомство съ Молчановыми. Судите сами, чего-же мнѣ было особенно радоваться ему, встрѣтившись у васъ на вечерѣ?

— Конечно, такъ, возразилъ Азанъевъ; — но, по его словамъ, выходить не совѣтъ такъ.

— А какъ-же?

— Выходить, что у васъ съ нимъ былъ романъ.

— Не знаю, у него, можетъ быть, былъ романъ, безъ моего вѣдома, сказала Вѣра съ неестественнымъ смѣхомъ и заметалась по комнатѣ, будто ища чего-то. На этотъ разъ ея смущеніе не укрылось отъ Азанѣва и неприятно кольнуло его. Онъ, если можно такъ выразиться, ревновалъ Вѣру въ прошедшемъ, потому что все его оправданіе въ безумномъ увлеченіи Вѣрой состояло въ очарованіи ея первой, свѣжей, дѣвственной любви; и ему стыдно и горько было бы разочароваться въ этомъ.

— Такія вещи не бывають безъ вѣдома женщины, сказалъ онъ холодно;—его романъ долженъ быть и вашимъ романомъ; а вы, помните, увѣрили меня во время оно, что никогда еще не испытали ни трепета, ни волненія, никогда не слыхали словъ страсти...

— Вы не вѣрите мнѣ? спросила она, поднявъ на него одинъ изъ прежнихъ, бархатистыхъ взглядовъ. Она поняла волновавшее его чувство и, по женскому обыкновенію, преувеличила его, раздула въ своемъ воображеніи и увидала въ немъ чуть-ли не возвратъ прежней любви. Все существо ея содрогнулось отъ восторга. Теперь она мечтала только о томъ, что если придется уйти изъ его дома, то уйти не изгнанной, но втайнѣ оплакиваемой, втайнѣ жалаемой, оставляя послѣ себя сожалѣнія и поэтическія воспоминанія.

— Я вѣрилъ вамъ, отвѣтилъ Азанѣвъ;—но какъ-же вы объясните претензію Молчанова на вашу взаимность?

— Этой претензіи онъ имѣть не можетъ, смѣло возразила Вѣра;—а если онъ питалъ ко мнѣ нѣжное чувство, то неужели это кажется вамъ такъ удивительно и неужели я въ этомъ виновата?

Она сказала эти слова, краснѣя и съ какой-то непривычной ей робостью, которая придавала ей женственную прелесть.

— Нѣтъ, конечно, вы не виноваты; но...

Послышался топотъ дѣтскихъ ножекъ; вбѣжала Лили, вся въ розовыхъ бантахъ, и бросилась къ Вѣрѣ.

— Кушать подавать! картавила она.—Поваръ велѣлъ сказать, что кушать готово.

— Ты захотѣла кушать? смѣясь, спросила Вѣра.

— Я захотѣла кушать, и Гриша захотѣлъ кушать, и мама захотѣла кушать, и гости захотѣли кушать, и...

— И весь міръ захотѣлъ кушать, перебила Вѣра, цѣлуя дѣвочку, и, обхвативъ ее за талью, помчала ее вальсомъ черезъ всѣ комнаты въ залу.

Сѣли за обѣдъ. Всѣ были веселы и разговорчивы; но веселѣе всѣхъ—Вѣра. Она говорила безъ умолку, рассказывала анекдоты, играла съ дѣтьми. Разъ, подъ шумъ общаго разговора, она сказала Еленѣ:

— Какъ я смѣялась, когда Алексѣй Львовичъ рассказывалъ мнѣ трагическія угрозы мосье Молчанова!

— Онъ не дѣлалъ никакихъ угрозъ, замѣтила Елена; — напротивъ, онъ заботился о васъ.

— Я очень ему благодарна, но прятаться отъ его супруги не намѣрена.

Но въ душѣ Вѣра далеко не была покойна; въ душѣ она страшно боялась, и боялась именно Полины Григорьевны: она одна знала ея прошедшее и могла бросить его ей въ лицо. Опровергнуть ее не такъ легко, какъ безотвѣтнаго Молчанова. Вѣра могла смѣло и не колеблясь лгать, такъ, какъ она лгала Азанѣву, подъ вліяніемъ страстнаго желанія скрыть отъ него истину; но поддерживать ложь холодно, хитро и систематично, никогда не прорваться ни словомъ, ни взглядомъ — на это у нея не достало-бы терпѣнія.

„Надо обдумать это, говорила она самой себѣ;—надо приготовить“.

— Вѣра Павловна задумалась, замѣтилъ одинъ изъ гостей.

Она вздрогнула.

— Кто? Я? О, нѣтъ, сказала она, наливая себѣ рюмку вина.—Сегодня ни о чемъ не задумываюсь и думать не хочу. Однако, не опоздаемъ-ли мы въ театръ, господа?

— Сейчасъ, какъ встанемъ, поѣдемъ, сказалъ Азанѣвъ; — я уже велѣлъ, чтобъ лошади и экипажи были готовы.

— А отсюда ужинать въ ресторанъ? спросила Вѣра.

— Да, поѣдемъ ужинать.

— И посидимъ подольше; я готова всю ночь просидѣть сегодня, сказала Вѣра тономъ избалованнаго ребенка.

XIX.

Первый актъ оперы уже начался, когда Азанѣвы со своимъ обществомъ размѣстились въ двухъ ложахъ бель-этажа. Елена и Вѣра Павловна обѣ любили и понимали музыку и во все продолженіе перваго акта были поглощены звуками, раздававшимися въ ихъ ушахъ. Но когда упалъ занавѣсъ и началось неумолкаемое журчаніе разговоровъ, Вѣра откинулась назадъ на спинку стула, обмахиваясь вѣромъ, взяла нѣсколько конфетъ, придвинулась ближе къ борту ложи и, усѣвшись какъ можно удобнѣе, медленно начала наводить бинокль на всѣ пункты залы, раслаиваясь со знакомыми. Раза два окинула она взглядомъ всѣ со-сѣднія и дальнія ложи и—вдругъ какъ-будто обожглась, быстро опустила бинокль и сдѣлала невольное движеніе, будто хотѣла спрятаться въ глубину ложи. Въ одномъ ряду съ ними, не да-лѣе какъ черезъ двѣ или три ложи, она увидала лицо Полины Григорьевны Молчановой съ глазами, устремленными прямо и пристально на нее. Вѣрѣ самой было досадно на себя за свое чувство паническаго страха; но тѣмъ не менѣе это лицо производило на нее впечатлѣніе головы Медузы. Изъ блѣдной она сдѣ-лалась мало-по-малу красна, какъ огонь, и, кусая губы, чтобъ скрыть смущеніе, нервно-весело заговорила съ сидѣвшими позади ея мужчинами.

Скоро и Елена не могла не замѣтить знаковъ и дружескихъ поклоновъ своей кузины Дубковой, которая сидѣла въ одной ло-жѣ съ Молчановой и сіяла полнымъ торжествомъ. Она гордилась и своимъ уборомъ съ перьями, и своими бриліантовыми серьгами, а главное тѣмъ, что вывозитъ провинціальную даму въ большой петербургскій свѣтъ. Хотя ложа была взята Полиной Григорьевной, Дубкова считала почему-то, что не та ее везетъ, а она ее; тогда-какъ Молчанова, со своей стороны, думала сдѣлать одолженіе женѣ адвоката, пригласивъ ее въ бель-этажъ русской оперы.

— Видите вы ее, видите? переговаривались онѣ, устремивши бинокли на ложу Азанѣвыхъ.

— Я давно ее вижу, говорила Полина Григорьевна;—и она

меня увидала. Смотрите, спряталась!.. Знаетъ кошка, чье мясо съѣла.

— Заимѣли вы на ней медальонъ на золотой цѣпочкѣ? Онъ стоитъ рублей двѣсти... Ахъ. да, я и забыла спросить: ну, какъ вамъ понравилась наша Меншикова?

— Я вѣдь уже слышала ее не одинъ разъ, возразила Полина Григорьевна, величественно драпируясь въ свою черную кружевную мантилю.

— Слышали? Гдѣ-же? спросила нѣсколько разочарованная Дубова.

— Здѣсь-же, былъ отвѣтъ.

Серафима притихла немножко; потомъ начала вертѣться, заглядывать въ ложу Азанѣвыхъ, дѣлать знаки, грозить кому-то изъ нихъ вѣромъ, вышла - было въ коридоръ искать своего мужа, но тутъ подняли занавѣсъ, и она должна была увѣстись. Ее утѣшила мысль, что антрактовъ еще будетъ много и, можетъ быть, удастся свести Молчанову съ Вѣрой Ольшневской. Ничто такъ не занимало Серафиму, какъ встрѣча между ними: вотъ это было-бы для нея настоящее представленіе, не чета Меншиковой и всѣмъ этимъ Гугенотамъ!

Но напрасно она въ каждомъ антрактѣ уговаривала свою спутницу идти прогуливаться по галереямъ и фойе: желанной встрѣчи не было. Вѣра или оставалась въ ложѣ, окруженная своими сателитами, или, если выходила, то также собирала вокругъ себя толпу, сквозь которую трудно было до нея добраться. Въ ложу Азанѣвыхъ Полинѣ Григорьевнѣ, какъ незнакомой, нельзя было явиться; оставалось только блуждать вокругъ, какъ около воротъ рая. Елена, одна знавшая Молчанову въ лицо, съ безпокойствомъ слѣдила за ихъ эволюціями; но, видя, что Вѣра дѣлаетъ видъ, будто ничего не видитъ и не замѣчаетъ, молчала въ свою очередь. Азанѣвъ ничего не подозрѣвалъ; но ему нездоровилось въ этотъ вечеръ, и онъ былъ довольно мраченъ. Вѣра, изъ гордости, не хотѣла сознаться самой себѣ, что съ радостью уѣхала-бы, не дожидаясь конца оперы; но это было-бы явнымъ признаніемъ своего безсилія, и она мужественно продолжала восхищаться музыкой и разговаривать.

Между тѣмъ Серафима Петровна подхватывала, и поочередно, и виѣсть, молодыхъ людей, выходившихъ изъ ложи Азанѣва,

и распранивала ихъ. Такимъ образомъ, она узнала всю програму ихъ дня и пришла въ сильное негодованіе, что не была включена въ эту програму. Она тотчасъ побѣжала сообщить Полинѣ Григорьевнѣ всѣ собранныя свѣденія.

— Вотъ какъ у насъ въ Петербургѣ родственны! сказала она ей съ ироническимъ смѣхомъ. — У моей кузины нынче былъ обѣдъ и гости; видите, вотъ эту ложу рядомъ съ ними: это все ихъ гости; они на свой счетъ брали для нихъ ложу, и теперь прямо отсюда поѣдутъ всѣ вмѣстѣ на ужинъ въ ресторанъ. А я ничего не знаю, мнѣ хоть-бы слово пикнули!

— Я на вашемъ мѣстѣ и вниманія-бы не обратила, сказала Полина Григорьевна.

— Я и такъ не обращаю вниманія. Это свинство, больше ничего. Но только я удивляюсь, какъ зазнаются въ богатствѣ! Не эта-ли самая Елена Николаевна, бывало, считала за счастье, если я къ ней пріѣду... Ну, да она напрасно беретъ такой форсъ: еще неизвѣстно, кто кого выгонитъ — она-ли любовницу своего мужа, или та ее.

— Да ужъ и теперь хорошо, съ насмѣшкой сказала Молчанова, — жена гдѣ-то въ номерахъ проживаетъ, а эта въ домѣ мужа хозяйничаетъ. О, если-бы я была жена Азанѣва! прибавила она глухо съ такимъ выраженіемъ, что Серафима еще плакениѣ стала желать ея стычки съ Вѣрой, въ надеждѣ видѣть чуть не смертоубійство.

— Вы посмотрите только, какъ эта дѣвчонка принимаетъ на себя видъ царицы! подстрекала она.

— Да, я своимъ глазамъ не повѣрила, что это наша смиренная сельская учительница... Бывало, шлепаетъ по грязи безъ калошъ, въ какомъ-то платчишкѣ, какъ мѣщанка. А теперь и атласъ, и жемчугъ намъ ни почемъ! Я ей припомню при случаѣ, что она была!

— А знаете, сказала Серафима, — мнѣ-бы хотѣлось тоже побѣхать сегодня ужинать въ ресторанъ, рассмотреть все это общество и показать, что я въ ихъ приглашеніяхъ не нуждаюсь: могу сама, гдѣ захочу. А вы какъ думаете?

— Поѣдемъ, поѣдемъ, сказала съ злобщей усмѣшкой Молчанова; — въ общественное мѣсто всякій имѣетъ право.

— Еще-бы! Ужъ не воображаютъ-ли они, что откупили весь

ресторанъ! Минѣ сейчасъ говорилъ вотъ этотъ Башинскій, что они туда послали передового приготовить имъ мѣсто и заказать ужинъ. И намъ-бы не худо такъ сдѣлать.

— То есть какъ?

— А вотъ... Иванъ Федоровичъ! Иванъ Федоровичъ! начала Серафима вливать своего мужа изъ коридора. Когда Дубковъ подошелъ, она объяснила ему, что онъ долженъ ѣхать въ ресторанъ предупредить, чтобъ имъ было мѣсто.

— Помилуй, что ты! отиѣвивался мужъ. — Развѣ можетъ не достать намъ мѣста? Кто-же это о себѣ предупреждаетъ?

— Какъ кто? А вотъ Азанѣвы. Развѣ мы хуже ихъ?

— Ну, да они цѣлой компаніей: это другое дѣло.

— Пожалуйста, оставь свои умствованія. Тутъ надо не умствовать, а дѣло дѣлать. Повзжай и будь готовъ насъ встрѣтить, когда мы приѣдемъ.

Дубковъ пожалъ плечами, но не возражалъ болѣе.

Вѣра встала съ чувствомъ облегченія, когда занавѣсъ упалъ въ послѣдній разъ и зала наполнилась шумомъ рукоплексаній и вызововъ. Наконецъ-то, ее перестанутъ преслѣдовать эти злые свѣтлые глаза, которые не давали ей ни минуты покоя, мѣшали ей слушать, отравляли для нея все. Она торопила всѣхъ ѣхать; ей хотѣлось скорѣе забыться въ веселой пирушкѣ отъ этого непріятнаго кошмара.

Приѣхавъ въ ресторанъ, они встрѣтили Дубкова, меланхолично прохаживавшагося по отведенной для нихъ боковой залѣ.

— А, и вы съ нами, сказалъ ему Азанѣвъ, не подозрѣвая, что Дубковъ уже объявилъ прислугѣ, что къ обществу присоединятся еще двѣ дамы и чтобъ для нихъ поставлены были приборы.

Дамы сняли шляпы и перчатки и покойно усѣлись на диванахъ; мужчины закурили папиросы; прислуга проворно и ловко шныряла взадъ и впередъ, принося и унося разныя вещи; пошли разговоры объ оперѣ, о политикѣ и газетныхъ извѣстіяхъ. Когда блюда были принесены и поставлены на столъ, общество, съ пробудившимся аппетитомъ, принялось за яства.

— Два лишніе прибора, замѣтила Вѣра, — признакъ, что еще кто-нибудь придетъ.

Едва успѣла она это выговорить, какъ послышался голосъ Дубковой:

— Гдѣ-же? Здѣсь... А, вотъ они! Извините, господа, мы вамъ не помѣшаемъ?

XX.

Всѣ взоры устремились на спутницу Дубковой, высокую, какъ каланча, даму, въ черномъ бархатномъ платьѣ съ безконечнымъ шлейфомъ и въ черномъ газовомъ траурномъ уборѣ на головѣ.

— Елена, здравствуй! говорила Серафима Петровна. — Какъ я тебя давно не видала! Вотъ мадамъ Молчанова, вы вѣдь знакомы?

— Я имѣла удовольствіе видѣть у васъ мадамъ Азанѣву, возразила Молчанова, протягивая руку Еленѣ.

— Не правда-ли, какъ превосходно пѣла Меншикова? спрашивала у всѣхъ Дубкова, усаживаясь за столъ. — Мы досидѣли до самаго конца, пока ее перестали уже вызывать, а то все вызывали!

— Я нѣсколько лѣтъ уже не была въ Петербургѣ, начала развязно Полина Григорьевна, — мнѣ здѣсь много незнакомаго.

И, сдѣлавъ видъ, будто сейчасъ только увидала Вѣру Ольшевскую, она заговорила, прищуривъ глаза:

— Кого я вижу!.. Да это старая знакомая... госпожа... госпожа Ольшевская... Такъ?

— Да, я Ольшевская, отвѣтила Вѣра твердо и гордо, безъ малѣйшаго смущенія. Когда опасность стала къ ней прямо лицомъ къ лицу, она не отступила, не опустила глазъ, и ея неукротимый характеръ сказался вполне въ этомъ желаніи идти на борьбу — равную или неравную, все равно.

Она обратилась къ своему обществу и весело, безъ всякой натяжки, начала шутить и разговаривать, какъ въ самыя блестящія свои дни. Полина Григорьевна, ожидавшая болѣе эффекта отъ своихъ словъ, позеленѣла отъ злости.

— Я все смотрю на васъ, обратилась она опять къ Вѣрѣ, —

любуюсь на ваши брошки, браслеты... Какой шикъ! Вамъ, стало быть, повезло съ тѣхъ поръ?

— И вамъ, кажется, повезло, возразила насмѣшливо Вѣра.

— О, я получила наслѣдство отъ дяди. Мои деньги добыты признанными средствами...

Но Вѣра уже не слушала ее; она живо переговаривалась о чемъ-то со своими сосѣдами и никогда не была такъ остроумна, такъ очаровательна.

— Ты видишь, шепнулъ Азанѣевъ женѣ, — Вѣра сама отлично съумѣетъ себя оградить. Торжество на ея сторонѣ.

Но онъ ошибался. Полину Григорьевну также не легко было сбить съ толку. Ея положеніе въ незнакомомъ ей обществѣ, куда она ворвалась чуть не силою, было неловкое, чего она никакъ не предвидѣла; въ шумѣ общаго разговора, ей трудно было находить случай обращаться съ колкостями къ Вѣрѣ; но чѣмъ досаднѣе ей это было, тѣмъ непримиримѣе бушевала въ ней ярость и ненависть. Но каждый разъ, какъ она пыталась пустить въ свою непріятельницу ядовитую стрѣлу, или Азанѣевъ, или жена его подхватывали ее на лету и отвращали въ сторону; значительные намеки и рѣзкія слова замирали и теряли свое значеніе въ порывахъ общаго смѣха и веселыхъ шутокъ.

Тогда Полина Григорьевна изобрѣла геніальный маневръ. Она начала вполголоса, но ясно и отчетливо, рассказывать Дубковой всю исторію своего мужа и Ольшевской, и мало-по-малу все общество стало только дѣлать видъ будто занимается своимъ разговоромъ, а на самомъ дѣлѣ прислушивалось къ интересной сплетнѣ. Всѣ понимали, о чемъ идетъ дѣло, и всѣми овладѣвало невольное любопытство видѣть, какъ выпутаются дѣйствующія лица изъ этого положенія. Несмотря на смѣлость и твердую рѣшимость Вѣры бравировать врага, на нее не могло не подѣйствовать это общее настроеніе, и она нѣсколько разъ измѣнялась въ лицѣ.

— Да, говорила Дубкова на слова Полины Григорьевны, — такіе случаи бывають.

— Это язва нашего общества, возразила та, возвышая голосъ, — что такая женщина можетъ сидѣть рядомъ съ нами, поднявши голову, да еще прикидываться честной и недоступной. Въ этомъ-то и главное: конечно, мало-ли такихъ, которыя пошли

на такую жизнь; но зато у нихъ ужъ и своя вывѣска, свое названіе; онѣ и держать себя, какъ кокетки, не прикрываются званіемъ гувернантокъ... Хороша воспитательница дѣтей, ха, ха, ха!

Всѣ притихли, и одинъ только этотъ зловѣщій, полный ненависти, голосъ раздавался въ комнатѣ. Несмотря на усилія Вѣры не обращать вниманія на свою непріятельницу, она чувствовала, что дальнѣйшее ея молчаніе дастъ побѣду въ руки той. И что подумаетъ Азанѣевъ, вида, что она, такая смѣлая, допускаетъ оскорблять себя? Но, прежде чѣмъ она успѣла заговорить, Азанѣевъ, весь блѣдный, заговорилъ самъ.

— Напротивъ, сказалъ онъ, обращаясь къ Полинѣ Григорьевнѣ, — общество поступаетъ очень благоразумно, что не позволяетъ обвинять никого безъ доказательствъ. Нельзя же слушать всего, что можетъ быть внушено или собственной фантазіей, или завистью, или клеветой!

— Если вы говорите это на мой счетъ, возразила съ дрожащими губами Полина Григорьевна, — то я могу доказать, что говорю не клевету.

— Оставьте, Алексѣй Львовичъ! воскликнула Вѣра звучнымъ, самоувѣреннымъ голосомъ. — Эта госпожа гоняется за мной цѣлый вечеръ, какъ гончая на охотѣ, но видно не угоняется, за потерей чутья!

И Вѣра засмѣялась естественно, неудержимо. Ей больше ничего не было страшно: она шла на проломъ и ставила свою послѣднюю карту. Ясно, что повѣрять той изъ нихъ, кто будетъ утверждать смѣлѣе; стало быть, нужно только быть смѣлой.

— Берегитесь, *барышня!* зашипѣла Молчанова, задыхаясь отъ злости. — Если я заговорю, вамъ плохо придется.

— Ну, начинайте скорѣе вашу обвинительную рѣчь, прервала порывисто и страстно Вѣра, — а то это уже слишкомъ долго длится. Хотите и помогу вамъ? Я начну сама. Господа, вотъ за что гоняется за мной эта дама: я имѣла честь возбудить ея ревность. Нынѣшней весной я жила въ ихъ краяхъ, и мадамъ Молчановой вообразилось, что ея супругъ интересуется мною.

— Осмѣльтесь сказать, что между вами ничего не было, вскричала Полина Григорьевна внѣ себя, — что я не застала васъ съ нею ночью въ саду, въ бесѣдѣ!

— Въ самомъ дѣлѣ, какъ это мѣръ не перевернулся отъ такого преступленія, какъ досидѣть вдвоемъ до двухъ часовъ въ чудесную лунную ночь! отпарировала Вѣра съ удивительнымъ присутствіемъ духа.— Наконецъ, еслибъ господинъ Молчановъ и увлекся мною, это доказывало-бы только, что ни одинъ мужчина не можетъ видѣть меня равнодушно. Чѣмъ-же я тутъ виновата, согласитесь, господа? шутливо обратилась она въ общество.

— Ну, корчите невинность! сказала Полина Григорьевна. — Вы знаете, что я хочу сказать и въ какихъ отношеніяхъ вы были съ моимъ мужемъ. Не заставляйте меня называть вещи по имени! Не забудьте, что я разъ уже выгнала васъ изъ моего дома!

— Да, вы это сдѣлали; вы поступили, какъ рехнувшаяся отъ ревности женщина, и, по вашему тогдашнему поведенію, я всего скорѣе ожидала-бы васъ встрѣтить въ съумасшедшемъ домѣ, а не здѣсь.

Объ онѣ безсознательно встали и стояли другъ противъ друга, какъ два борца, съ горящими глазами. По лицу Молчановой прошло какое-то странное выраженіе, въ родѣ змѣиной улыбки.

— И я ожидала-бы васъ встрѣтить въ другомъ мѣстѣ, сказала она значительно и медленно.

— Въ какомъ-же? сорвалось съ губъ Вѣры.

— Въ заведеніи для женщинъ „въ интересномъ положеніи“, отвѣчала торжествующая Полина Григорьевна, впиваясь въ нее глазами;— вамъ скоро пора уже туда отправляться: не пропустите срокъ.

Въ первый разъ во все время Вѣра осталась безгласна и будто оцѣпенѣла.

— Поѣдьте отсюда! сказала Елена, кидая негодующій взглядъ на Молчанову и явно принимая сторону Вѣры.

Всѣ шумно встали; смятеніе было общее; всѣ засуетились и зашпѣшили, сами не зная куда.

— Хорошо, что вы молчите, Вѣра Павловна; на нѣкоторыя вещи можно отвѣчать только презрѣніемъ, сказалъ громко Азанѣевъ, подавая ей шубку.

Еленѣ было невыразимо жаль преслѣдуемую дѣвушку, и она сказала ей нѣсколько сочувственныхъ словъ.

Вся компанія Азанѣевыхъ вышла въ одно время, оставивъ

Молчанову громко оправдываться передъ Дубковыми, которые одни ее слушали. Елена безпокоилась за мужа, который былъ очень блѣденъ, и тотчасъ согласилась на его предложеніе ѣхать ночевать къ нему. Она боялась, чтобъ съ нимъ не сдѣлалось сердцебиеніе, и желала не оставлять его.

Они втроемъ сѣли въ карету. Упорное молчаніе Вѣры отнимало и у спутниковъ ея охоту говорить. Дорогою имъ показалось, что она плачетъ.

— Полноте, Вѣра Павловна, сказалъ Азанѣевъ, — это не похоже на васъ. Весь вечеръ вы были такъ храбры, такъ въ духѣ, а теперь сентиментальничаете, какъ провинціальная барышня. Надъ всѣмъ этимъ смѣяться надо.

— Такъ вы вѣрите мнѣ, а не ей? спросила тихо Вѣра.

— Вѣрно, у васъ очень разстроены нервы, что вы дѣлаете какой вопросъ. Я всегда вамъ вѣрилъ и буду вѣрить.

— Потому что вы хорошій человѣкъ, сказала она со вздохомъ.

XXI.

Комната, приготовленная Еленѣ Николаевнѣ въ домѣ ея мужа, была вся нѣжно-голубая. Съ тѣхъ поръ, какъ она сказала ему, что не можетъ видѣть своей прежней комнаты, онъ тотчасъ же отдѣлалъ для нея другую. Зная ея вкусъ, онъ заказалъ все голубое. Азанѣевъ не удовольствовался этимъ: не зная, какъ доказать ей свою преданность и раскаяніе, онъ, съ предвѣденіемъ влюбленнаго, накупилъ ей всевозможныхъ вещей, которыя, когда-то (онъ помнилъ) ей нравились. Между прочимъ, онъ добылъ букетъ живыхъ ландышей, который не успѣлъ еще отвезти къ ней и который красовался теперь на ея бѣломъ, мраморномъ столѣ. Стоя передъ этимъ свѣжимъ, благоухающимъ букетомъ, Елена почувствовала себя глубоко растроганной.

Отославъ горничную и раздѣвшись сама, она легла въ постель. Непривычная усталость вечера, проведеннаго въ шумной компаніи, давала себя чувствовать. Она думала, что сейчасъ заснетъ, но напрасно! Долго металась она по постели, долго мучили ее странныя галлюцинаціи: то ей видѣлись злые глаза Мол-

чановой, то мелькало лицо Алексѣя Львовича, то всплывалъ, въ какомъ-то сіяніи, плѣнительный, измѣнительный образъ Ольшевской.

Она заснула не прежде трехъ часовъ.

Много ли, мало-ли она спала — она не знала, но вдругъ ее пробудилъ какой-то странный шорохъ въ ногахъ ея постели. Она вздрогнула и открыла глаза. Лампа давно погасла и кругомъ нея царствовалъ глубокой мракъ и безмолвіе.

— Кто тутъ? спросила она, слегка дрогнувшимъ голосомъ.

Отвѣта не было, но кто-то безмолвно хватался за ея ноги, сжимая ихъ съ нервной силой. Ей послышался сдержанный крикъ, и все стихло.

Дрожа отъ страха, она вырвалась, вскочила и отдернула драпировку, закрывавшую окно. Яркій свѣтъ полной луны влился бѣлымъ потокомъ въ комнату, и она очутилась лицомъ къ лицу съ Ольшевской.

— Что съ вами?.. Что случилось? вскричала Елена съ испугомъ.

Вѣра подняла блѣдное, искаженное лицо и пробормотала какое-то слово, вродѣ: „идите“ или „пойдемте“.

— Идти?.. Куда?.. спрашивала Елена, пугаясь все больше и больше. — Какое-нибудь несчастіе?.. Ахъ, вѣрно, онъ... съ нимъ случилось что-нибудь ужасное!..

И вообразивъ, что мужъ ея опасно занемогъ, Елена накинула блузу и бросилась къ двери; но Ольшевская съ силой схватила ее и заставила опять сѣсть на постель.

— Не то, не то, прошептала она, совершенно измѣнившимся голосомъ; — не будите его. Ничего... не бойтесь.

— Такъ что-же? снова спросила Елена, замирая отъ страха.

— Ничего.

Вѣра откинула волосы съ лица и тяжело перевела духъ. Въ глазахъ ея все еще стояло выраженіе ужаса, но мало-по-малу она немного успокоилась.

— Надо ѣхать... я не могу здѣсь оставаться, заговорила она лихорадочнымъ шопотомъ, бессознательно сжимая руки Елены. — Пойдемте! Кромѣ васъ, я не могу никому довѣриться.

— Господи, да что-же это такое? вскричала Елена въ вол-

ненія.—Ради Бога, не мучьте меня, скажите, что такое случилось?.. Не скрывайте ничего!

Вѣра молчала. Она становилась все блѣднѣе и блѣднѣе. Выраженіе страданія разлилось по ея лицу; какой-то странный, испуганный, умоляющій взглядъ брызнулъ, какъ молнія, изъ ея глазъ.

— Елена Николаевна!

— Что?.. Что такое?.. Да говорите-же, ради Бога! кинулась къ ней Елена и отвела руки отъ помертвѣвшаго лица Ольшевской.

— Оставьте меня! Я васъ обманула, съ трудомъ выговорила Вѣра, — я... я...

— Ну, что-же? Договаривайте!

Вмѣсто отвѣта, Ольшевская рванулась и какъ-будто заметалась по комнатѣ. Елена Николаевна совсѣмъ растерялась и не знала, что дѣлать. Вдругъ ее словно обожгло огнемъ; она затрепетала всѣмъ тѣломъ.

— Вѣра, голубушка! Вы что-нибудь сдѣлали съ собой... вы отравились?.. Вѣра! Вѣра... такъ-ли?.. Я побѣгу за докторомъ... я...

Ольшевская остановила ее за руку:

— Нѣтъ, не то, вы не угадали, сказала она съ отчаяніемъ, — хотя лучше было-бы то, что вы подумали.

Она встала и остановилась передъ Еленой съ какимъ-то безумнымъ, блуждающимъ взглядомъ. Горячешный блескъ ея глазъ ясно говорилъ, что съ ней творится что-то недоброе.

— Елена Николаевна, начала она, — я...

Судорога искривила ея губы, и она не могла кончить.

— Нѣтъ, не могу... не стану!.. Нѣтъ... лучше бѣжать... умереть... чѣмъ пережить послѣдній позоръ...

Она рванулась-было къ двери, но вдругъ упала въ какомъ-то изнеможеніи и положила голову на коверъ; потомъ приподнялась на колѣняхъ, хотѣла встать, но тутъ-же снова припала лицомъ къ холодной, желѣзной спинкѣ кровати.

— Елена Николаевна! Сжальтесь! Помогите! крикнула она во весь голосъ.

Елена поняла, наконецъ. Мгновенно, точно яркій свѣтъ, озарилъ передъ ней все, что было темнаго, загадочнаго въ пове-

деніи Вѣры относительно Молчанова. Она вспомнила и разительную переѣну въ ея лицѣ и обращеніи, и странный покррой ея платьевъ, и ея смятеніе, когда жена Молчанова бросила ей въ лицо грубый намекъ на ея положеніе.

— Ну, вы поняли, наконецъ, что со мною? Семь мѣсяцевъ я скрывала... молчала, сказала Вѣра глухимъ, прерывистымъ голосомъ, видя по движенію Елены, что истина стала ясна для нея.— Сжальтесь же надо мною, возьмите меня отсюда!

— Хорошо, хорошо, успокойтесь, я все сдѣлаю, говорила Елена, сама вся дрожа отъ волненія и поспѣшно одѣваясь.

— Постоите, теперь мнѣ легче, дайте мнѣ отдохнуть, сказала Вѣра, въ утомленіи прислонясь къ кровати. — О, какъ я наказана!.. Еслибъ я только могла предвидѣть, что это начнется преждевременно! Я такъ хорошо, такъ подробно все обдумала, все приготовила къ надлежащему времени... Никто въ мірѣ не могъ-бы узнать этого, и вотъ теперь!.. Ахъ, судьба мститъ мнѣ за васъ!

— Не отчаявайтесь; это не такое еще несчастье, старалась успокоить ее Елена.

— И какъ это могло случиться? продолжала Вѣра съ горечью.— Да, я знаю, что это все отъ этой проклятой женщины. Вы не знаете, какъ она меня терзала весь вечеръ... какихъ усилий мнѣ стоило бравировать ее!.. Я не выдержала... Охъ, какія страданія! Спасите меня... поѣдемъ!

— Я готова; но куда-же мы поѣдемъ?

— Не знаю... Везите меня, куда хотите... въ больницу... въ клинику... Охъ, тамъ страшно!.. Говорятъ, тамъ зараженный воздухъ...

Она вздрогнула всѣмъ тѣломъ.

Елена смотрѣла на нее съ улыбкой жалости. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, покинуть ее въ такомъ страшномъ положеніи, одну, на чужія руки?

— А не лучше ли, сказала она въ раздумьи, — вамъ остаться здѣсь? Можно сдѣлать все такъ тайно и незамѣтно, что никто и не узнаетъ... Я скажу просто, что вы больны, и не отойду отъ васъ ни на минуту.

Вѣра прервала ее восклицаніемъ упрека, боли и гнѣва.

— Здѣсь! вскричала она, вся встрепенувшись.— Здѣсь, у него

въ дождѣ, на его глазахъ... послѣ того, какъ я его обманула, оскорбила!.. Лучше на улицѣ... лучше въ рѣкѣ — вездѣ, только не здѣсь!.. Или вы не понимаете, почему я пришла къ вамъ, именно къ вамъ? Мнѣ всѣ здѣсь враги, всѣ выдадутъ меня ему... Ваша няня меня ненавидитъ и нарочно пойдетъ будить его и приведетъ его смотрѣть на мой стыдъ и униженіе; горничная готова сейчасъ продать меня кому угодно. Только вы одиѣ можете имѣть настолько великодушія, чтобъ увести меня отсюда куда-нибудь... куда глаза глядятъ... Я не справлюсь одна... я не сойду съ лѣстницы... я не найму извозчика... Спасите меня, спасите... увезите, пока не поздно!

Она схватила себя за волосы, и глаза ея, эти прелестные, почти черные глаза померкли и словно подернулись предсмертнымъ туманомъ.

Елена не возражала болѣе; она была не въ силахъ ни упрекать ее, ни читать ей наставленія. Она видѣла только одно, что Вѣра страдаетъ, и, понимая, какъ женщина, ея физическія и нравственныя муки, заботилась только о томъ, чтобъ облегчить ея страданія.

— Ну, одѣвайтесь, идемъ! сказала она рѣшительно, закутывая ее въ большой платокъ и надѣвая на нее шубку. Вѣра слушалась, какъ ребенокъ, и, вся дрожа, прижималась къ своей покровительницѣ.

— Куда-же мы поѣдемъ? спросила она, въ свою очередь.

— Я повезу васъ къ моей знакомой акушеркѣ, отвѣчала Елена.

Много мытарствъ представлялось еще на пути несчастной, униженной дѣвушкѣ: изумленіе прислуги, пробужденной шумомъ отпираемой двери, изумленіе швейцара, дворника...

Нашли, наконецъ, извозчика, поѣхали.

— Все пропало, все пропало! мрачно твердила Вѣра. — Теперь всѣ узнаютъ... Я все время питала себя мечтой уговорить васъ скрывать отъ всѣхъ... Но теперь кончено; все равно, всѣ узнаютъ... Ахъ, еслибъ только я предвидѣла... еслибъ знала заранее!..

— Не волнуйтесь такъ, сказала Елена; — вамъ нужно сохранить все ваше спокойствіе и присутствіе духа.

— Ахъ, вы все обо мнѣ! вздохнула Ольшевская. — Знаете,

мнѣ даже досадно, что вы такая добрая и великодушная... тяжело это! А, впрочемъ, все-таки спасибо!

Елена не отвѣчала.

XXII.

Азанѣевъ чуть не сошелъ съума на другое утро, не найдя въ домѣ ни своей жены, ни Вѣры Ольшевской. Прислуга молга сообщить только то, что онѣ обѣ ночью вышли; непріученные къ фамиллярности съ господами, слуги берегли про себя свои коментаріи. Алексѣю Львовичу приходило въ голову все, кромѣ истины; онъ два раза ѣздилъ на квартиру Елены Николаевны, но тамъ ничего не знали о ней. Тогда онъ отправился къ Молчанову спросить, не знаетъ-ли онъ чего о женѣ его; но тамъ онъ засталъ только бѣснующуюся Полину Григорьевну, которая рассказала ему, что мужъ ея получилъ утромъ записку неизвѣстно отъ кого и, не говоря ни слова, тотчасъ побѣжалъ куда-то вмѣстѣ съ посланнымъ. Говоря все это, она такъ злилась и такъ обвиняла всѣхъ, что Азанѣевъ поспѣшилъ уйти, совсѣмъ теряя голову. Неужели жена во второй разъ оставила его, или она заставила Вѣру уйти и уступить ей мѣсто? Но тогда гдѣ-же она сама?.. Онъ помчался опять домой, въ надеждѣ, нѣтъ-ли тамъ какихъ-нибудь извѣстій, и, дѣйствительно, ему подали записку, присланную по городской почтѣ: „не тревожься, я скоро приѣду и объясню все“. У Азанѣева отъ радости задрожали руки; онъ упалъ на диванъ и нѣсколько минутъ сидѣлъ, глубоко вдыхая въ себя воздухъ и дыша полною грудью. Потомъ онъ разсчиталъ, по времени полученія записки, что она написана была въ девять часовъ утра, а теперь уже было около трехъ... Онъ вздохнулъ, но рѣшился терпѣливо ждать и даже спросилъ себѣ чаю: онъ ничего не ѣлъ съ утра. Не прошло часа, какъ послышался нетерпѣливый звонокъ. Азанѣевъ вскочилъ и бросился-было въ переднюю, но не успѣлъ онъ дойти до нея, какъ вбѣжала Елена, блѣдная, запыхавшаяся, разстроенная.

— Поѣдемъ! было первое ея слово.

— Куда? Гдѣ ты была? Что это значить? спрашивалъ Азанѣевъ, схватывая ея за руки и глядя ей въ глаза.

— Ахъ, да вѣдь ты ничего не знаешь! сказала Елена

Въ короткихъ словахъ она передала ему все...

— Я пріѣхала за тобой, докончила она; — она хочетъ тебя видѣть и просить у тебя прощенія.

— Но не потревожить-ли это ее въ настоящую минуту? спросилъ глубоко взволнованный Азанѣвъ.

— Да ей только эта минута и осталась! Развѣ я не сказала тебѣ, что она умираетъ?..

— Какъ умираетъ? ужаснулся Азанѣвъ.

— Да, у нея воспаленіе, и докторъ сказалъ, что нѣтъ надежды. Поѣдемъ, поѣдемъ скорѣе! Молчановъ уже давно тамъ; за нимъ посылали, по ея требованію.

— Что-же онъ? спросилъ Азанѣвъ.

— Потрясенъ ужасно. Вѣдь онъ самъ ничего не зналъ объ этомъ. Вѣра не хотѣла ни ему, никому въ мірѣ говорить о своемъ положеніи. Она объяснила ему при мнѣ, что, разставшись съ нимъ навсегда, она хотѣла вполне разорвать съ этимъ прошедшимъ и уничтожить всѣ слѣды его, которые мѣшали-бы ей начать новую жизнь.

— Она всегда вѣрила, что ей удастся все, чего она захочетъ, сказалъ Азанѣвъ,—а природа положила ей на дорогѣ камень преткновенія.

Они поѣхали. Дорогою Елена рассказала другія подробности.

— Она умираетъ отъ сознанія своего безсилія, говорила она,— отъ униженной гордости и отъ отчаянія, что не можетъ оставить по себѣ такое поэтическое воспоминаніе, какъ бы ей хотѣлось. Удивительнѣе всего для меня то, что она искренна въ своемъ обманѣ, она вѣритъ лжи, которую говоритъ; и даже теперь она нисколько не винитъ себя во всемъ, что случилось, но считаетъ это какой-то страшной несправедливостью судьбы и людей.

Сани остановились у небольшого сѣраго дома. Хозяйка-акушерка, знакома я Елены, встрѣтила ихъ въ первой комнатѣ.

— Можно къ больной? спросила Елена.

— Можно, я думаю. Докторъ уже уѣхалъ; велѣлъ все обкладывать льдомъ, отвѣчала она.—Слышите, какъ она говоритъ?.. Все время, не переставая ни на минуту...

Въ самомъ дѣлѣ, изъ ближней комнаты раздавалась быстрая, горячешная рѣчь бредившей Вѣры.

— Я любила тебя тогда, говорила она Молчанову, — и хорошо намъ было... помнишь!.. То была ночь... и любовь... Ты принесть ихъ съ собою!.. И пѣлъ соловей... Ахъ, постой!.. ть!.. Она пришла и отняла тебя... Когда-же это было?.. Вчера... да... вчера... она бросилась на меня и растоптала... живую растоптала!

Послѣднія слова замерли въ безумномъ крикѣ бреда. Молчановъ схватилъ себя за голову и выбѣжалъ, блѣдный, съ красными глазами, не видя ни Елены, ни ея мужа. Тогда они оба вошли къ больной.

Порывисто дыша, охваченная предсмертной дрожью, но съ пылающими щеками и блестящими глазами, Ольшевская металась на постели. Никогда не была она такъ поразительно хороша, какъ теперь, оживленная огнемъ горячки. Это была красота трогательная, подкупающая, несравненная, и у всѣхъ, даже у самыхъ привычныхъ къ смерти, слезы стояли на глазахъ. Двѣ женщины у ея изголовья безпрестанно прикладывали ей ледъ къ головѣ, но она отстраняла ихъ и то приподнималась, то садилась, то вытягивалась.

— А, вы пришли, наконецъ! заговорила она, вдругъ увидѣвъ Азанѣва. — А я думала, вы не придете... не захотите... Но вы великодушный... и она тоже... великодушная, прибавила она, указавъ на Елену. — Только зачѣмъ принесли вы этотъ камень?.. Охъ, тяжело! Снимите его съ меня... Вотъ отъ этого мнѣ и было такъ тяжело и жутко съ вами подчасъ... продолжала она, непрерывно переходя отъ сознанія къ бреду. — Зачѣмъ вы мнѣ вѣрили во все?.. Я и сама себѣ иногда не вѣрила...

Она опять заматалась; губы ея что-то шептали безъ звука.

— Но вѣдь я не хотѣла обмануть тогда Алексѣя Львовича, продолжала она, — когда говорила ему, что не знала любви до него... Мнѣ такъ хотѣлось забыть то... прежде... что я и увѣрила себя, что этого ничего не было... Ахъ, вотъ опять... опять... куда-то ушло все... ахъ!..

Она бессознательно шевелила рукой передъ глазами. Азанѣвъ взялъ эту руку и поцѣловалъ.

— Я также виноватъ передъ вами, проговорилъ онъ безсвязно.

Лучъ сознанія и прежняя блестящая улыбка скользнули по лицу Вѣры.

— Тѣмъ, что не любили меня, хотя и пожертвовали мнѣ ею? сказала она, кивнувъ головой на Елену. — Это не ваша вина...

И она снова впала въ безсознательное состояніе; губы ея все шевелились и что-то шептали. Азанѣевъ наклонился къ ней, чтобъ разслушать, что она говорила. „Сходятся только подобные съ подобными...“ могъ онъ разобрать.

Вскорѣ бредъ ея сдѣлался непрерывнымъ. Она металась, кричала, хотѣла соскочить съ постели. Ее удержали, снова обложили льдомъ; но она все не переставала бредить. Затѣмъ она стала замѣтно слабѣть; губы все еще двигались, но слова, точно заплетаясь одно за другое, выходили съ трудомъ.

Елена Николаевна со слезами смотрѣла на нее. Ни ледъ, ни самыя сильныя средства — ничто не помогло. Болѣзнь свирѣпствовала съ какою-то яростью въ этомъ сильномъ, молодомъ организмѣ и торжествовала надъ всѣми усиліями спасти ея жертву.

Но въ силахъ болѣе выносить вида умирающей, Азанѣевы вышли въ другую комнату. Молчановъ уже исчезъ; подавленный, уничтоженный, онъ бѣжалъ отъ потрясающей развязки.

— Могъ-ли я вообразить, что между ними былъ такой романъ?... сказалъ Азанѣевъ, всплеснувъ руками. — И я могъ такъ ошибаться!.. Подумать, что я былъ такъ ослѣпленъ!.. Изъ-за чего мы разставались, изъ-за чего наша жизнь и счастье висѣли на волоскѣ!..

— Тсъ!.. сказала Елена со слезами въ голосѣ. — Послѣ объ этомъ!.. Она, можетъ-быть, еще слышитъ насъ... Все дурное отъ насъ отошло теперь. И ея страданья также сейчасъ кончатся.

Когда она вошла къ Вѣрѣ, та лежала уже тихо, не шевелилась. Печать спокойной, чистой красоты лежала на этихъ прелестныхъ, точно мраморныхъ чертахъ. Еще разъ дрогнули темныя, словно бархатныя, брови, шевельнулись губы — и сомкнулись съ серьезнымъ и торжественнымъ выраженіемъ. Ея короткій, но бурный, жизненный путь былъ конченъ.

II. Дѣтство.

К о н е ц ъ .

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОСТИ И ПРАВСТВЕННОСТИ.

(СТАТЬЯ ВТОРАЯ.)

III.

Нѣтъ обществѣнности безъ нравственности, какъ нѣтъ нравственности безъ обществѣнности—это элементарное положеніе сдѣлалось аксіомой нашего времени.

Лихорадка можетъ намъ сдѣлать больше зла, чѣмъ всякій лихой человѣкъ, но пока она окончательно не свела насъ съ ума, мы, конечно, не вздумаемъ обвинять ее за это въ безнравственности. Другое дѣло, если шарлатанъ-докторъ, взявшись лечить насъ отъ лихорадки, только усилить ее; онъ, помимо причиняемаго намъ физическаго зла, оскорбляетъ еще и наше нравственное чувство. Невѣжество можетъ служить оправданіемъ только тогда, когда человѣкомъ сдѣлано все, чтобы пріобрѣсти требуемое отъ него его общественнымъ положеніемъ знаніе. Везувій каждый пять или шесть лѣтъ разрушаетъ чуть не до-тла двѣ деревни Torre del Greco и Torre dell'Anunziata, но ни одному здоровому человѣку не взбрѣдетъ въ голову назвать Везувій безнравственною горой. Такимъ образомъ, нравственный принципъ, въ его общечеловѣческомъ значеніи, состоитъ изъ двухъ главныхъ элементовъ: общественнаго инстинкта самосохраненія и сознанія нашихъ дѣйствій.

Посмотримъ-же, что такое обществѣнность, т. е., какъ зарождается она среди всемірной борьбы за существованіе, какія соз-

даетъ она различныя формы, какъ въ основныхъ своихъ чертахъ видоизмѣняются эти формы и какое оказываютъ онѣ вліяніе на судьбы членовъ общественныхъ группъ? „Безполезно было-бы, говорить Эспинаса, — пытаться открыть законы, управляющіе общественной жизнью людей, изолируя эту общественную жизнь отъ аналогичныхъ съ нею проявленій въ другихъ зоологическихъ сферахъ. Нельзя не признать, однакожь, что простого сопоставленія общественной жизни людей съ общественной жизнью животныхъ еще недостаточно; надо прежде тщательно изслѣдовать оба эти термина сравненія; тогда связующія ихъ отношенія выяснятся уже сами собою. Я изслѣдую на этотъ разъ общественную жизнь животныхъ. Когда подвинется значительно впередъ экспериментальное знаніе общественной жизни человѣчества, тогда сравненіе ихъ станетъ плодотворнымъ и можно будетъ съ вѣроятностью успѣха выводить общій законъ или общіе законы для тѣхъ и другихъ“.

Понятіе единичности, полной индивидуальности, въ безусловномъ смыслѣ этого слова, едва-ли пригѣнимо хоть къ одному организованному существу. Особенно животныя, движимыя біологическою необходимостью, вступаютъ въ чрезвычайно сложныя и разнообразныя отношенія съ окружающими ихъ организмами. Не говоря уже о тѣхъ породахъ, которыхъ особи въ большемъ или меньшемъ числѣ живутъ постоянно вмѣстѣ, почти всѣ онѣ вступаютъ по крайней мѣрѣ во временныя союзы съ однородными имъ особями; даже тамъ, гдѣ полы еще не обособились, мы находимъ нѣкоторые слѣды совместнаго сожителства, если не общности. У многихъ низшихъ организмовъ вновь нарождающіяся особи, прежде чѣмъ отдѣлиться отъ организма, порождающаго ихъ, долго остаются точно припаянными къ нему, образуя, такимъ образомъ, какъ-бы цѣлую колонію. Короче говоря, общность, по мнѣнію Эспинаса, составляетъ вовсе не случайный фактъ, проявляющійся то здѣсь, то тамъ на нѣкоторыхъ ступеняхъ животнаго царства. Она есть общій законъ, и только наша близорукость заставляла насъ ограничивать общественную жизнь животныхъ ульями пчель, муравейниками, колоніями бобровъ и т. п. Начиная съ самыхъ низшихъ ступеней зоологической лѣстницы и кончая самыми высшими ея ступенями, рѣшительно всѣ животныя въ какой-ни-

будь моментъ своего существованія неизбежно состоятъ членами какого-нибудь общества. Эспинасъ возводитъ это положеніе въ біологическій законъ, на который проситъ обратить особенное вниманіе: *общественная среда вездѣ составляетъ необходимое условіе сохраненія и обновленія жизни*. Кроме того, восходя по ступенямъ зоологической лѣстницы снизу вверхъ, мы замѣчаемъ повсюду, что общественныя привычки возрастаютъ въ постоянной, хотя и неравномѣрной, прогрессіи: у всякой высшей группы эти общественныя привычки оказываются непремѣнно болѣе развитыми, по крайней мѣрѣ въ одномъ какомъ-либо направленіи, чѣмъ у высшихъ группъ. Мало-по-малу въ фактъ общественности у животныхъ начинаетъ выдѣляться психическій элементъ, т. е. психическое представленіе начинаетъ играть въ дѣлѣ ассоціаціи все болѣе замѣтную роль. Вопросы, которые Эспинасъ намѣревался рѣшить или по крайней мѣрѣ приблизить къ рѣшенію, выходятъ уже изъ предѣловъ той общей соціологіи, о „конституированіи“ которой онъ насъ уже оповѣстилъ. Вопросы эти сводятся имъ самимъ къ двумъ нижеслѣдующимъ группамъ:

1) „Какое отношеніе существуетъ между особями и психическимъ центромъ, управляющимъ ихъ дѣятельностью, а также между особями и группою, въ которой онѣ зарождаются? Какъ примирается индивидуальность части съ индивидуальностью цѣлаго?“ 2) „Какого рода существо представляетъ изъ себя общество? Представляется-ли оно, дѣйствительно, какъ существо, какъ нѣчто реальное и конкретное или только какъ отвлеченіе, какъ живой организмъ или какъ собирательное понятіе, котораго вся сущность заключается въ особяхъ?“ Мы нарочно перевели эти вопросы возможно ближе къ подлиннику для того, чтобы показать читателю, что не одна только метафизика любитъ выражаться головоломнымъ языкомъ. Альфредъ Фулье, давая отчетъ о книгѣ Эспинаса („Revue des deux mondes“, 15-го іюля текущаго года), совершенно основательно замѣчаетъ, что капитальнѣйшій вопросъ, разрѣшаемый новѣйшими соціологами, французскими, англійскими и нѣмецкими, можетъ быть поставленъ въ такой формѣ: „общество представляетъ-ли собою обособленный организмъ, живущій самостоятельную жизнью и имѣющій свое сознаніе?“ На первое онъ отвѣчаетъ категорически: да, общество есть организмъ; на второе точно также опредѣленно: нѣтъ, общество не имѣетъ своего

сознанія. Эта двойственность отвѣта объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что А. Фулье очень даровитый публицистъ, прекрасно знакомый съ юридическими и политическими теоріями; на этой почвѣ онъ чувствуетъ себя стоящимъ очень прочно и понимаетъ очень хорошо, куда ведутъ соціологическія разглагольствованія объ „общественной душѣ“, общественномъ сознаніи, и т. п., въ которомъ должна тонуть и поглощаться всякая единичная душа, всякое единичное сознаніе. На этой почвѣ онъ самостоятельно и трезво критикуетъ положенія Эспинаса, Спенсера, Шефле, ясно видитъ ихъ слабую сторону и отвергаетъ ихъ. Но въ зоологической и фізіологической эрудиціи онъ чувствуетъ себя гораздо слабѣе разбираемыхъ имъ авторовъ, а потому и увлекается ихъ доводами, не замѣчая даже, что самая двойственность его рѣшенія служить нѣкоторымъ указаніемъ на его несостоятельность, потому что она извращаетъ весь смыслъ органической эволюціи. Что-же это за чудовищный организмъ—общество, поглощающій въ себѣ столько сознательныхъ особей и самъ все-же не имѣющій сознанія? По размаху—все; по психическому содержанію—нуль. Вѣдь ужъ этого одного было-бы совершенно достаточно, чтобы всякій сознательный человѣкъ бѣжалъ, куда глаза глядятъ, хоть въ глушь фивандскихъ пустынь, отъ этого всепожирающаго чудовища. Мы очень жалѣемъ, что не можемъ здѣсь передать, хотя-бы вкратцѣ, содержаніе превосходно написаннаго историческаго вступленія Эспинаса, составляющаго на нашъ взглядъ едва-ли не самую интересную и поучительную часть его книги. Не то, чтобы мы, дѣйствительно, предполагали въ Платонѣ или въ Аристотелѣ найти вождѣнные отвѣты на волнующіе насъ теперь нравственные и общественные вопросы; но любопытно поучительно то, какъ мало наши собственныя воззрѣнія и теоріи подвинулись впередъ со времени этихъ двухъ великихъ учителей древности. Какъ часто какой-нибудь публицистъ, одаренный довольно дюжиннымъ талантомъ изложенія и совершеннымъ бесплодіемъ, стяжалъ себѣ громкую репутацію смѣлаго новатора и мыслителя только тѣмъ однимъ, что онъ перелагалъ на современные нравы тотъ или другой ключокъ, наудачу вырванный имъ изъ ученій софистовъ или Платона! Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ греческихъ республикахъ слишкомъ двѣ тысячи лѣтъ политическая и общественная жизнь кипѣла живымъ и горячимъ ключомъ. Она подни-

мала передъ ихъ маститыми мудрецами тѣ-же самыя роковыя вопросы, передъ которыми болѣе ста лѣтъ стоитъ теперь въ недоумѣніи передовая европейская мысль, какъ быкъ передъ горою; и вопросы эти отливались даже въ формы, тождественныя съ современными. По всѣмъ другимъ отраслямъ знанія мудрость этихъ патентованныхъ философовъ если не всегда кажется намъ ребяческою, то по крайней мѣрѣ отъ нея дышетъ на насъ чѣмъ-то архаическимъ, допотопнымъ. Но въ области общественной это далеко не такъ; иное положеніе не только Аристотеля, но даже Платона,—объ Эпикурѣ и Лукреціи я уже не говорю,—можетъ, пожалуй, иногда показаться слишкомъ смѣлой идеей даже для нашего времени. Запасъ точныхъ знаній, который у послѣдняго школьника нашего времени богаче, чѣмъ у перваго изъ греческихъ мудрецовъ, слишкомъ долго, въ отношеніи къ общественной теоріи и практикѣ, былъ „зарытымъ глупостью и бесполезнымъ кладомъ“. Въ са-моновѣйшее время только очень немногіе спеціалисты классицизма могутъ распознать ту значительнѣйшую часть ученія Руссо, которая представляетъ собою не болѣе, какъ переводъ противорѣчивыхъ ученій Платона.

Слишкомъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, софисты въ Греціи, сказали мы, ставили себѣ тѣ же вопросы, которые относительно животныхъ обществъ теперь пытается разрѣшить Эспинасъ, а относительно человѣческихъ обществъ рѣшаютъ Гербертъ Спенсеръ, Шефле и другіе новѣйшіе и прогрессивнѣйшіе социологи. Между софистами находились смѣльчаки, утверждавшіе, что общественная жизнь хотя и не стоитъ внѣ законовъ природы, тѣмъ не менѣе въ значительной степени обусловливается человѣческимъ произволомъ, что этотъ произволъ иногда можетъ рѣзко расходиться съ законами природы, и тогда необходимо обуздать его для спасенія гражданъ и самого общества. Эти воззрѣнія вызвали язвительныя насмѣшки Аристофана, проклятія Сократа, котораго афинскій комикъ, какъ извѣстно, тоже не щадилъ въ своихъ комедіяхъ. Нѣжный Платонъ рекомендовалъ побивать каменьями нечестивцевъ, дерзающихъ утверждать, будто общество и его учрежденія могутъ быть измѣняемы по волѣ людей, а не обусловливаются неизмѣнными провиденціальными законами. А между тѣмъ Платонъ не заходилъ въ своихъ натуралистическихъ или

позитивистскихъ воззрѣнiяхъ и наполовину такъ далеко, какъ заходить Эспинасъ, не говоря о Шефле и объ Егерѣ. Онъ категорически утверждалъ, что общество не есть организмъ, имѣющій самостоятельное физическое и нравственное существованiе, что достоинство общественныхъ формъ измѣняется тою степенью развитiя (добродѣтели), которую онѣ даютъ особамъ; наивысшее развитiе гражданъ, т. е. особей, по мнѣнiю Платона, составляетъ ту высшую цѣль, ради которой должно жертвовать даже существованiемъ общества. Впрочемъ, онъ твердо стоялъ на томъ, что наивысшее развитiе особей есть необходимое условiе благосостоянiя самого общества.

Уподобленiя общества живому организму встрѣчаются часто у мыслителей и писателей всѣхъ временъ, всѣхъ школъ; но эти мыслители и писатели составляли себѣ самыя разнохарактерныя понятiя о такихъ отношенiяхъ лица къ обществу, которыя слѣдуетъ считать нормальными или желательными. Даже неисправимый идеалистъ Руссо проводилъ параллель между органами человѣка и различными частями человѣческаго тѣла. Въ своей статьѣ о политической экономiи, помѣщенной въ „*Энциклопедiю*“, онъ говорилъ: „верховная власть изображаетъ голову; законы и обычаи — мозгъ; судьи и магистраты — органы воли и чувствъ“ и т. д. Однакоже, до сихъ поръ нѣкто еще не думалъ придавать такимъ притчамъ буквальное и къ тому-же научное значенiе. Всего дальше отъ представленiя объ обществѣ, какъ о самостоятельномъ организмѣ, былъ, конечно, Руссо, котораго и историческая (Блюнчли, Тень, Семнеръ Менъ) и натуралистская школы общественниковъ равно предають за это анафемѣ на всѣхъ соборахъ. Онъ очень вразумительно формулируетъ свой принципъ: „я изучаю людей такими, каковы они въ действительности, а законы — такими, каковы они могутъ быть“ (*J'étudie les hommes tels qu'ils sont, et les lois telles qu'elles peuvent être*). Наконецъ, по его слишкомъ всѣмъ извѣстному мнѣнiю, сущность всякой общественности должна составлять договоръ (*contrat social*). Къ этому мы вернемся еще нѣсколько ниже, а теперь продолжаемъ лишь бѣглый обзоръ социологическихъ доктринъ.

О. Контъ первый въ новѣйшее время прямо и методически говорилъ, что общественная жизнь управляется общими законами при-

роды, что между жизнью обществъ и развитіемъ организмовъ существуетъ ясная параллель; но онъ не считалъ отождествленіе обществъ съ организмомъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ своего ученія. Онъ даже упорно настаиваетъ на томъ, что предметъ біологіи (организмъ) и предметъ соціологіи (общество) вовсе не тождественны между собою. Біологія, по Контю, приготовляетъ соціологію, но она никакъ не сливается съ нею. Контъ отдѣляетъ ихъ одну отъ другой непроницаемой изгородью. Эту изгородь первый ломаетъ Спенсеръ. По его мнѣнію, предметъ всѣхъ научныхъ изслѣдованій вездѣ одинъ—развитіе, т. е. эволюція, а слѣдовательно, и наука одна. На самыхъ низменныхъ своихъ ступеняхъ міровая жизнь объясняется механическими законами. Но всякая высшая ступень вытекаетъ изъ низшей; сложнѣйшія явленія возникаютъ изъ сочетаній простѣйшихъ явленій. Всякій агрегатъ подлежитъ тѣмъ-же законамъ, какъ и элементы, составляющіе его... Мы не станемъ повторять здѣсь даже основныхъ положеній эволюціонной теоріи Герб. Спенсера, такъ-какъ она, во-первыхъ, слишкомъ обширна, а во-вторыхъ, достаточно уже популярна у насъ, не только по переводамъ, но и по многочисленнымъ журнальнымъ статьямъ, посвященнымъ каждому изъ трудовъ знаменитаго англійскаго писателя. Міровоззрѣніе Спенсера, безспорно, самое всеобъемлющее и самое цѣлостное изъ всѣхъ, проявившихся въ новѣйшей философіи. Эрудиція автора громадна, гибкость и плодovitость его ума по истинѣ изумительна. Но оно все-же—міровоззрѣніе философское, а не научное, и, по всей вѣроятности, должно раздѣлить участь всѣхъ философскихъ системъ, т. е. оно соберетъ, приурочитъ къ нѣкоторому метафизическому единству такіа явленія, которыхъ сродство не замѣчается вовсе дюжинными умами, но оно предоставитъ наукѣ устроить порядокъ внутри этихъ, наскоро сколоченныхъ имъ, группъ; оно окажетъ воспитательное вліяніе на умы, но системныя его построенія должны будутъ уступить мѣсто болѣе точнымъ построеніямъ науки. Это гимнастическое упражненіе, маневры, которыми умъ нашихъ поколѣній приучаетъ себя къ успѣшной борьбѣ, но дѣйствительныя побѣды будутъ одержаны имъ на иномъ полѣ.

Для Спенсера всякое явленіе или механично или органично. Оно механично на низшихъ ступеняхъ міровой эволюціи, орга-

ично на высшихъ ступеняхъ. И механичность и органичность, во Спенсеру, представляются нѣсколько иначе, чѣмъ ихъ понимать вообще. Онъ, напримѣръ, говоритъ, что кристалъ или геологическій слой органичны, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ дерево или животное, потому что и въ кристалѣ и въ геологическомъ слое дѣйствующія силы группируются въ строго-определенномъ порядкѣ. Куча песку, напримѣръ, не органична, потому что въ ней дѣйствующія силы могутъ достигать равновѣсія на множество различныхъ ладовъ. Для Спенсера не существуетъ то, что мы привыкли называть существомъ, а существуютъ только различныя ступени бытія. Для него наука есть организмъ, языкъ точно такъ-же организмъ; наконецъ, общество тоже организмъ, какъ онъ пытается установить въ своей социологіи.

Если насъ спросятъ: что такое общество—механизмъ-ли, движимый какою-нибудь пружиной, какъ часы, или организмъ, живущій и развивающійся, какъ растенія, животныя или люди?—то отвѣтъ ни на минуту не можетъ подлежать сомнѣнію. Каково-бы ни было это общество, — акціонерная-ли компанія, народъ, государство или человѣчество, — мы все равно должны будемъ отвѣтить, что оно есть организмъ, потому что оно неизмѣнно состоитъ изъ живыхъ частей. Но это не будетъ сообразно ни съ буквою, ни съ духомъ спенсеровскаго ученія. Для него, напримѣръ, человѣчество не есть организмъ потому, что оно еще недостаточно *интегрировалось*. Слѣдовательно, и относительно *каждаго* общества надо-бы было прежде всего рѣшить, насколько оно интегрировалось, а потомъ уже отвѣчать, организмъ-ли оно или нѣтъ? Мы слишкомъ наглядно видимъ, что въ одномъ обществѣ всѣ члены, дѣйствительно, сплотились между собою такъ тѣсно, что нельзя оказать какое-нибудь воздѣйствіе на одинъ членъ безъ того, чтобы оно тотчасъ-же не отразилось и на всѣхъ остальныхъ, и на цѣломъ. Въ другихъ эта солидарность, напротивъ того, очень слаба. Какъ-бы то ни было, но намъ представляется при этомъ другой вопросъ, а именно: реально-ли самое общество, или-же это слово выражаетъ собою не больше, какъ понятіе, способное обнимать очень различныя конкретныя явленія? Иванъ, да Петръ съ Сергѣемъ составили между собою какое-нибудь общество. Этими они несомнѣнно создали

несуществовавший рядъ взаимныхъ отношеній; но создали ли они какое-нибудь такое новое цѣлое, въ которомъ собственныя ихъ существованія слились, какъ, напримѣръ, клѣточки сѣраго и бѣлаго мозгового вещества слились въ нашемъ мозгу, какъ болѣе сложные органы слились въ нашемъ тѣлѣ? По мнѣнiю Спенсера, это выходитъ такъ; созданное Иваномъ, Петромъ и Сергѣемъ общество, такъ-сказать, проглотило ихъ въ себѣ и, однажды зародившись, будетъ уже „рости“ (Спенсеръ именно употребляетъ слово „growth“, т. е. произрастанiе), соображаясь со своими собственными законами, представляющими не только новое осложненiе органическихъ законовъ, но и независимыми отъ воли Петра, Ивана и Сергѣя, какъ и тѣ законы, въ силу которыхъ вчера они были молоды, сегодня вполнѣ зрѣлы, завтра составятся, а потомъ умрутъ. Для того, чтобы зародился такой организмъ, по мнѣнiю Спенсера, совершенно достаточно двухъ условiй: 1) чтобы сооставлялись вмѣстѣ разнородныя части, систематически распредѣлившия между собою различныя отправленiя, т. е., чтобы было *подраздѣленiе труда*; 2) чтобы всѣ эти части содѣйствовали одной общей цѣли, т. е., чтобы между ними была солидарность, кооперацiя. А такъ-какъ во всякомъ, гдѣ-либо виданномъ нами, обществѣ эти два условiя въ большей или меньшей степени соблюдены, то и выходитъ, что всякое общество есть организмъ.

Спенсеръ прежде всего англичанинъ, вѣрный англiйскому свойству мѣнѣе страшиться логической непослѣдовательности, чѣмъ шокирующихъ практическихъ послѣдствiй. Ему дороги извѣстныя политическiя формы, т. е. англiйскiй Self government, извѣстный политико-экономическiй строй, т. е. ученiе манчестерской школы, теорiя невмѣшательства, доведенная до крайняго предѣла специализацiя труда, солидарность и кооперацiя, умѣряемыя условiями капиталистическаго строя промышленности. Онъ и довелъ свое ученiе объ органичности общества до тѣхъ поръ, пока оно казалось ему удобнымъ для возведенiя всѣхъ этихъ историческихъ особенностей англiйскаго политическаго и общественнаго строя не въ идеаль, а въ неизбѣжный законъ природы. Для этого надо было остановить совершенно произвольно логическiй полетъ своей мысли у нѣкотораго предѣла, необозначеннаго ни логикомъ, ни

отвлеченною мыслию. Онъ такъ и поступилъ. Посвятивъ всю свою „Соціологію“ будто-бы научному установленію воззрѣнія на общество, какъ на организмъ, онъ, однакожь, замѣчаетъ между обществами и органическими существами два, будто-бы очень важныхъ, различія: 1-е, въ организмѣ всѣ части сложны, соприкасаются между собою, тогда какъ въ обществѣ *органы* (т. е. ин, грѣшныя, претендующіе на званіе особей, организмовъ) движутся свободно (конечно, не въ политическомъ смыслѣ: въ слишкомъ многихъ обществахъ это положеніе было-бы легко опровергнуть паспортною системою), отстоять на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга; 2-е, въ организмѣ сознаніе сосредоточено въ одной опредѣленной части, *чувствилищъ*, мозгу или главномъ нервномъ центрѣ; въ обществѣ оно разсѣяно повсюду; каждый членъ можетъ быть счастливъ или несчастливъ самъ по себѣ; общественнаго чувствилища не замѣчается нигдѣ.

Первое изъ этихъ возраженій представлялъ уже Гартманъ въ своей „Философіи безсознательнаго“. Онъ считалъ его настолько существеннымъ, что воззрѣніе на общество, какъ на организмъ, по его мнѣнію, должно быть отвергнуто абсолютно. Для Спенсера это дѣло представляется въ нѣсколько иномъ видѣ. Онъ не говоритъ, что общество есть животное и что анатомическій строй общества долженъ совершенно точно воспроизводить строй низшихъ организмовъ. Отсутствіе смежности частей, по его мнѣнію, не создаетъ еще грани между обществомъ и организмомъ и не мѣшаетъ той сожнутости, благодаря которой воздѣйствіе, оказанное на одного члена общества, отражается и на цѣломъ обществѣ и на всѣхъ другихъ, какъ рана въ ногу вызываетъ лихорадку во всемъ тѣлѣ.

Нѣмецъ Шефле съ истинно-германскою тяжеловѣсностью и обстоятельностью устраняетъ совершенно этотъ спорный пунктъ и ставитъ, какъ говорится, точки на всѣ і. Уже многіе замѣчали, что, если понятія особности, т. е. индивидуальности, механичности и ограниченности суть понятія относительныя, то понятія *далеко* и *близко*, которыя для всякаго организма обуславливаются прежде всего его собственными размѣрами и его привычками, слѣдовало-бы вовсе выкинуть изъ философскаго языка. Брошечная козявка считаетъ очень далеко отстоящимъ отъ себя

предметъ, находящійся на вершковомъ разстояніи, а при желѣзныхъ дорогахъ разстояніе отъ Москвы до Парижа можетъ казаться недалекимъ. Для того, чтобы приучить насъ видѣть въ обществѣ живой организмъ, необходимо перешагнуть черезъ очень многое такое, что слишкомъ прочно укоренилось въ нашихъ мозгахъ, такъ-что о большемъ или меньшемъ разстояніи между частями организма можно-бы и вовсе не говорить до разъясненія другихъ, гораздо болѣе существенныхъ недоразумѣній. Но Шефле все-же совершенно основательно замѣчаетъ, что и въ животныхъ организмахъ клѣточки не всѣ плотно примыкаютъ одна къ другой, что между ними находятся промежутки, наполненные отличнымъ отъ нихъ веществомъ, какъ, напримѣръ, серозная жидкость крови, нервная жидкость. Точно также и люди, состоящіе членами общества, отдѣлены другъ отъ друга не торичеліевою пустотой: насъ соединяютъ дороги, каналы, телеграфы и множество вещественныхъ благъ, составляющихъ то, что принято называть народнымъ богатствомъ. Такимъ образомъ, Шефле однимъ взмахомъ перескакиваетъ черезъ барьеръ, передъ которымъ Спенсеръ болѣе благоразумно, чѣмъ послѣдовательно, остановилъ своего ретиваго Пегаса. Согласитесь только, что общество есть „тѣло“, и тогда всякое анатомическое (морфологическое) различіе между устройствомъ общественнаго и всякаго другого тѣла исчезнетъ само собою. Шефле доказываетъ это блистательно, съ богатствомъ самой разносторонней эрудиціи, мало уступающимъ спенсеровской, съ широтою воззрѣній, рѣдко встрѣчаемой въ нѣмецкихъ ученыхъ трудахъ. Эспинасу даже становилось завидно, и онъ спѣшилъ напомнить читателю, что онъ тоже собственнымъ умомъ дошелъ до воззрѣнія на пути сообщенія и на экономическое богатство, какъ на между-клѣточное вещество общественнаго организма. Но пока онъ терпѣливо работалъ надъ тѣмъ, чтобы связать съ новѣйшими социологическими и философскими воззрѣніями тотъ богатый матеріалъ, который даютъ намъ объ общественной жизни животныхъ сочиненія Узо (Houzeau), Брема, Одюбона и т. п., даровитый нѣмецъ сочинилъ такую подробную анатомію и физиологію общественнаго тѣла, къ которой авторъ „Des Sociétés animales“ не находитъ ничего прибавить. Шефле изучаетъ обстоятельно сперва среду и элементарныя усло-

вія возникновенія общественных тѣлъ: природу, расовыя данныя населенія и т. п. Затѣмъ онъ описываетъ *клеточку* общественнаго организма, изображаемую, по его мнѣнію, семействомъ. Книга Шефле заключаетъ въ себѣ такой богатый матеріалъ и такъ много свѣтлыхъ мыслей, что намъ придется еще не разъ вернуться къ ней съ запросомъ. Здѣсь-же мы только желали-бы показать читателю, что мы не по предубѣжденію и не безъ доводовъ отказываемся применить къ совму тѣхъ, кто съ разностороннею эрудиціею провозглашаетъ на разныхъ языкахъ тожество организмовъ и общества. А потому позволимъ себѣ нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній о второй главѣ книги Шефле, въ которой понятіе общественной клеточки отождествляется съ понятіемъ семьи.

Не переносить-ли новѣйшая quasi-научная социологія въ свой новый міръ кое-что изъ устарѣвшаго хлама прежней социальной метафизики? Семья—слишкомъ высокое порожденіе животной и человѣческой эволюціи, и труды Бакхофена („Материнское право“), Мак-Ленана, Моргана, Лебока, Жиро-Телона уже достаточно показали намъ, что мы стали напрасно искать ее у первобытныхъ людей, даже тамъ, гдѣ несомнѣнно существуютъ общества, т. е. агломерации людей съ подраздѣленіемъ труда и съ коопераціею, говоря иначе, съ преслѣдованіемъ общими' усиліями одной цѣли. Разсуждая à priori, легко было набрести на мысль, что человѣкъ переходитъ отъ скотскаго эгоизма къ альтруизму подъ вліяніемъ половыхъ побужденій. Маудсли, нераздѣляющій воззрѣній новой социологической школы, тоже говоритъ, что корень нравственности (а, слѣдовательно, и общественности) слѣдуетъ искать въ половыхъ побужденіяхъ. Но это, столь-же смѣлое, какъ и голословное, положеніе не подтверждается ни этнографіею, ни зоологіею. Въ животномъ, какъ и въ человѣческомъ, мірѣ асоціація съ своими характерными признаками нерѣдко встрѣчается уже тамъ, гдѣ нѣтъ и рѣчи о семьѣ полиандрической (многомужіе), полигамической (многоженство) или моногамической (одноженство). Кто живалъ въ русскихъ степныхъ мѣстностяхъ, тотъ, вѣроятно, и самъ видѣлъ, что волки очень часто образуютъ между собою асоціацію для охоты. Два или три самца преслѣдуютъ одну общую цѣль; они очень хитро раздѣляютъ между собою работу: въ то время, какъ одинъ, напримѣръ, искусно лавируя, заманиваетъ въ извѣстную сторону всѣхъ собакъ, другой прокра-

дывается въ овчарню. Причемъ-же тутъ семья? Волкъ, какъ извѣстно, очень плохой семьянинъ; волчица съ своими дѣтенышами не составляетъ никакой общественной ячейки: она одну преслѣдуетъ цѣль—вскормить своихъ дѣтей, а самецъ отнюдь не содѣйствуетъ ей въ достиженіи этой цѣли. Семья получаетъ нѣкоторый общественный характеръ только тогда, когда отецъ и мать начинаютъ содѣйствовать другъ другу въ воспитаніи дѣтенышей, но это далеко не универсальный фактъ даже у людей, а въ зоологіи только у птицъ такая семья признается господствующею, и то не безусловно. Прудонъ уже давно замѣтилъ, что возрѣніе на семью, какъ на ячейку общественности, ведетъ къ очень жалкимъ недоразумѣніямъ. Имѣя въ виду только нашу высшую общественность, онъ съ обычною своею проицательностью, хотъ и безъ эрудиціи, утверждалъ, что истинная ячейка ея—рабочая мастерская. Въ животномъ царствѣ, гдѣ производительность встрѣчается какъ исключительное явленіе, ячейку общественности изображаютъ собою очень многочисленныя наступательныя и оборонительныя союзы... Не жалко-ли, что новѣйшіе соціологи такъ безцеремонно предрѣшаютъ такой капитальный вопросъ? Не странно-ли, что они обращаютъ вниманіе на разстоянія, которыми отдѣлены другъ отъ друга составныя части, клѣточки, органы или органыты, въ различныхъ живыхъ или органическихъ тѣлахъ, но упускаютъ изъ вида одну, несравненно болѣе существенную особенность, а именно: одинъ и тотъ-же человѣкъ, одно и то-же животное нерѣдко оказываются одновременно членами различныхъ обществъ. Уважите мнѣ хотъ одинъ такой примѣръ, гдѣ-бы одна и та-же рука, напримѣръ, сегодня принадлежала Ивану, завтра Петру, гдѣ одинъ и тотъ-же органъ служилъ-бы одновременно Ивану рукой, Петру головой, а Марьѣ сѣдалищемъ. А мнѣ доподлинно извѣстно нѣсколько такихъ органоитовъ, которыхъ я въ своемъ невѣжествѣ просто считаю за людей и которые одновременно были гражданами одного общества, предсѣдательствовали въ другомъ и исправляли должность секретаря въ третьемъ.

Мы сказали, что Шефле очень удачно перескочилъ черезъ одну изъ преградъ, поставленныхъ Герб. Спенсеромъ отождествленію общества съ организмами. Эпинасъ, вдохновенный его примѣромъ, лѣзетъ изъ кожи, чтобы точно также снести и вторую спенсеровскую перегородку. Общество не имѣетъ своего

нервнаго центра или чувствилища, т. е. именно того, чѣмъ характеризуется особь. Всѣ мы первое понятіе объ индивидуальности, особенности, почерпнули не изъ науки, а изъ собственнаго своего опыта, а потому слишкомъ приурочили его къ себѣ. Наука показываетъ намъ, что понятіе индивидуальности очень относительное. Строго говоря, названіе *недѣлимаго*, т. е. индивида, особи, можно присвоить, съ органической точки зрѣнія, только одной клѣточкѣ, потому что ее, дѣйствительно, нельзя раздѣлить. не убивъ въ ней жизни, не разложивъ ее на химическія составныя части, неспособныя порознь жить такъ, какъ онѣ жили вмѣстѣ. Но съ химической точки зрѣнія и клѣточка уже не индивидъ, а ассоціація нѣсколькихъ элементовъ. Ботаники, съ своей стороны, нашли удобнымъ установить пять ступеней индивидуальности, начиная отъ клѣточки и кончая цѣлымъ растеніемъ. Эрвстъ Гекель уже лѣтъ пятнадцать тому назадъ, въ своей общей органической морфологіи, установилъ ихъ шесть... Между морозомъ и кипяткомъ разница тоже въ степеняхъ. Фаренгейтъ, Цельзіусъ и Реомюръ даютъ намъ каждый свою формулу для выраженія той или другой степени жара или холода. Они не противорѣчатъ другъ другу, а только выражаютъ различными цифрами одинъ и тотъ-же фактъ. Мы, ощущая холодъ или жаръ, обыкновенно не знаемъ, какимъ числомъ градусовъ выражается данная температура на стоградусномъ или на реомюровомъ термометрѣ, но составляемъ себѣ очень опредѣленное понятіе, когда намъ тепло и когда холодно. Можетъ случиться, что мы ощущаемъ холодъ при такой температурѣ, когда обыкновенно намъ бываетъ тепло; тогда мы относимъ это ощущеніе къ какому-нибудь болѣзненному разстройству и выражаемъ его словомъ ознобъ... Такъ и въ индивидуальности; мы не знаемъ съ точностью, какую ступень индивидуальности выражаетъ собою наше я, какимъ мудренымъ прозвищемъ окрещена эта ступень недѣлимости по градуснику Негели, Гекеля или Егера. Отрѣжутъ намъ руки, ноги,—мы все-же не перестаемъ говорить о себѣ, какъ о я, совершенно не зная, гдѣ-же предѣлъ дѣлимости нашего недѣлимаго. Ребенокъ очень долго не говоритъ о своемъ я, но онъ плачетъ, если вы ущипнете его за руку или за ногу. Беременная женщина говоритъ о своемъ я, совершенно не зная, въ какой мѣрѣ это я обнимаетъ собою не ее одну, а также и живущее въ ней недѣлимое. При нѣкото-

рыхъ умственныхъ разстройствахъ человѣкъ воображаетъ себя двойственнымъ, тройственнымъ и т. д., но въ глазахъ всѣхъ другихъ его прежняя индивидуальность не приобрѣла никакого прибавленія. Это одна изъ интереснѣйшихъ и темнѣйшихъ сторонъ современной біологіи. Эту свою сторону біологія всего меньше способна служить прочною основою для дальнѣйшихъ научныхъ построений, такъ-какъ собственныя ея построения на этотъ счетъ еще нуждаются въ многочисленныхъ дополненіяхъ, въ провѣркѣ. Предѣлъ *длинности недлиннаго* на разныхъ ступеняхъ зоологической лѣстницы различный. Разрѣжьте какое-нибудь кольчатое животное на нѣсколько частей,—каждая часть продолжаетъ жить такъ-же или почти такъ-же, какъ жило цѣлое. Каждое кольцо заключаетъ въ себѣ нервный узелокъ, очень мало отставшій отъ того передового узелка, который изображаетъ собою головной мозгъ у такого животнаго. У позвоночныхъ всѣ такіе нервные узелки слились въ одинъ спинной мозгъ, а передовой узелокъ развился въ тотъ крайне сложный органъ, который мы называемъ главнымъ чувствилищемъ и въ которомъ мы предполагаемъ сосредоточенною всю психическую дѣятельность организма. Каждая часть нашего организма состоитъ въ тѣсной связи съ этимъ чувствилищемъ; связана она съ нимъ двумя системами телеграфическихъ нитей: по одной быстро дается знать въ это главное чувствилище о всякомъ возбужденіи, воспринятомъ извнѣ; по другой получается изъ главнаго чувствилища отвѣтъ на сдѣланное сообщеніе. Льюисъ одинъ изъ первыхъ предпринялъ длинный рядъ работъ, показывающихъ, что, однакожь, и въ высшихъ организмахъ эта централизація, это подчиненіе всѣхъ частей тѣла главному чувствилищу не такъ безусловны, какъ думали. Но и по его ученію, связанному имъ съ наибольшою полнотою въ своемъ „Physical basis of mind“ („Физическое основаніе мысли“), мозгъ все-же въ сильной степени сосредоточиваетъ въ себѣ дѣятельность, возможную, однакожь, въ очень слабой степени и безъ него. Отрѣзанная отъ человѣка рука или нога можетъ еще воспринимать извѣстныя возбужденія и даже реагировать противъ нихъ; но она не участвуетъ уже ни въ какомъ я, которое есть продуктъ дѣятельности только главнаго чувствилища. Гдѣ мы видимъ такое главное чувствилище, тамъ и предполагаемъ особность, индивидуальность, болѣе или менѣе подобную нашему я. Въ этомъ отношеніи самый просвѣщенный

психологъ поступаетъ точно такъ-же, какъ и вы, и я, какъ люди, непосвященные въ тайны психологіи. Отсюда вышло обыкновеніе считать животныхъ поголовамъ. Въ стадѣ столько барановъ, сколько головъ, хотя-бы нѣкоторые изъ этихъ барановъ и были безногіе; но обезглавленный баранъ въ счетъ не принимается: онъ можетъ быть бараниной, но не особью. Восходя снизу вверхъ по зоологической лѣстницѣ, мы легко замѣчаемъ, что это подчиненіе дѣятельности всѣхъ частей главному чувствилищу тѣмъ сильнѣе, чѣмъ богаче психическая жизнь, т. е. чѣмъ развитѣе и совершеннѣе организація. Когда Спенсеръ намъ говоритъ, что общество есть организмъ, но безъ такого главнаго чувствилища, то это одно уже нарушаетъ всякій паралелизмъ, всякую аналогію между общественнымъ и собственно органическимъ развитіемъ. Мѣсто и роль этого вновь открытаго чудовища въ общемъ ряду органическихъ существъ остаются загадочными, непонятными. Если возможенъ высшій организмъ безъ нервовъ, безъ центрального чувствилища, то почему-же невозможна высшая органическая жизнь безъ раздѣленія труда, безъ коопераціи?

Для чего Спенсеру нужно, чтобы общественный организмъ оставался безъ нервовъ и головы? Это объясняютъ намъ его „Политическіе опыты“, въ которыхъ онъ, какъ мы уже замѣтили выше, перекладываетъ на будто-бы научную подкладку либерализмъ лорда Маколея и старья аксіомы Ривардо мальтусіанской политической экономіи. Эти невинныя упражненія почтеннаго мыслителя вызвали возраженія не менѣе почтеннаго, особенно по біологическимъ вопросамъ, профессора Гексли, котораго, конечно, нельзя заподозрить ни въ равнодушіи къ эволюціонной теоріи, ни въ недостаточномъ уваженіи къ наукѣ вообще. Гексли убѣжденъ, что естествознаніе можетъ и должно оказать намъ существенныя услуги при обсужденіи и разрѣшеніи общественныхъ вопросовъ, но тѣмъ не менѣе онъ считаетъ всѣ эти уподобленія обществъ организмамъ совершенно ненаучными и произвольными. Къ тому-же они далеко не такъ новы, какъ кажутся на первый разъ. Спокойнѣе-вѣка поверхностные публицисты имѣли обыкновеніе доказывать превосходство восточныхъ монархій надъ республиками, а ихъ противники точно съ такимъ-же неуспѣхомъ ссылались на примѣръ муравьевъ. Человѣку смѣшно было-бы искать у пчелъ или у муравьевъ своихъ политическихъ идеаловъ. Но ужъ если вы стали на эту дорогу, —

говорить Гексли Спенсеру,—то будьте, по крайней мѣрѣ, логичны и послѣдовательны. Животный организмъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ сконцентрированнѣе его жизнь въ одномъ главномъ чувствилищѣ; а это никакъ нельзя признать за аргументъ въ пользу того административнаго невмѣшательства, которое проповѣдуетъ Спенсеръ. О. Контъ, проповѣдывавшій, какъ извѣстно, чудовищную теократію съ непогрѣшимымъ ученымъ папою во главѣ, могъ-бы съ гораздо большимъ основаніемъ, чѣмъ англійскій обновитель его ученія, приводить въ свою пользу законъ развитія живыхъ организмовъ. „Въ фізіологическомъ организмѣ, — вполнѣ основательно замѣчаетъ Гексли, — самодержавная власть мозга думаетъ за весь организмъ, дѣйствуетъ за весь организмъ и держитъ всѣ части организма въ ежесекундныхъ рукавицахъ“. Какое-же тутъ мѣсто „Self-government’у“ или самоуправленію? „Что-бы было, — спрашиваетъ онъ, — еслибы каждый мускулъ не признавалъ за мозгомъ никакого права вмѣшиваться въ его дѣла до тѣхъ норъ, пока онъ не мѣшаетъ другому сокращаться, сколько ему вздумается, еслибы каждая железа стояла за свое право выдѣлять свои соки по своему усмотрѣнію, лишь-бы она не мѣшала другимъ железамъ отправлять свою фізіологическую роль, какъ имъ вздумается?“ Изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы Гексли выдавалъ за общественный и политическій идеалъ ту централизацію, которую онъ видитъ въ совершеннѣйшихъ біологическихъ организмахъ. Изъ этого слѣдуетъ только, что установленный Спенсеромъ принципъ органичности общества — ненаучный принципъ, что приложенія этого принципа къ вопросамъ внутренней политики и администраціи — произвольны. Спенсеръ не оставляетъ возраженій Гексли безъ отвѣта. Онъ соглашается, что непокорность мускуловъ главному чувствилищу имѣла-бы необходимымъ своимъ послѣдствіемъ парализъ. Но, прибавляетъ онъ, мускулы — органы *отпущеніе*; а органы внутренніе исправляли-бы свое дѣло очень хорошо и безъ всякаго мозгового вмѣшательства. Это не выдерживаетъ никакой фізіологической критики. Железы — органы внутренніе; но и ихъ дѣятельность не независима отъ ощущеній, впечатлѣній и представленій, концентрируемыхъ въ нашемъ мозгу. Но даже и перескочивъ черезъ эту фізіологическую неточность, Спенсеръ можетъ сказать намъ только, что централизація въ общественномъ организмѣ есть продуктъ необходимости обороны и

соразмѣряется съ этою необходимостью. Но вѣдь это мы знали и безъ него.

Само собою разумѣется, что непоследовательность Спенсера, т. е. предполагаемое имъ отсутствіе въ общественномъ организмѣ нервовъ и нервныхъ центровъ, обратила на себя вниманіе не одного только Эспинаса. Со всею неуклюжею послѣдовательностью нѣмецкаго филистера, уже помянутый выше Егеръ развиваетъ ученіе Спенсера безъ всякихъ ограниченій. Англійскій позитивистъ говоритъ намъ, что общество — организмъ, и притомъ своеобразный организмъ, лишенный очень существенной стороны біологическихъ организмовъ, т. е. нервной дѣятельности. Ученый нѣмецъ идетъ дальше и безъ обиняковъ говоритъ, что общества—суть біологическія или зоологическія особи, индивиды, но только нѣсколько высшаго порядка. Онъ безъ обиняковъ включаетъ ихъ въ свою зоологію, да еще какъ!

Установивъ свою лѣстницу *морфологическихъ* особняковъ, отличающуюся существенно отъ той, которая введена въ общій научный обиходъ новѣйшими трудами Эрнста Гекеля, Егеръ развиваетъ свою теорію *біологическихъ* индивидуальностей, единственную интересную для насъ въ этомъ очеркѣ. А потому приводимъ ее здѣсь, по возможности, словами самого автора.

Біологическія особи составляютъ изъ особей морфологическихъ, т. е. изъ того, что Гекель назвалъ *бионъ* (формы жизни); онѣ отличаются отъ первыхъ тѣмъ, что состоятъ изъ частей, связанныхъ между собою не анатомически, а жизненно. Такимъ образомъ, Егеръ обходитъ тотъ первый пунктъ, по которому Спенсеръ еще отличаетъ общества отъ особей (т. е. что части общественного организма отстоятъ на большихъ разстояніяхъ и движутся свободно). Нельзя не признать, что пунктъ этотъ обойденъ у Егера удачнѣе, чѣмъ у Шефле. Этотъ послѣдній говоритъ только, что промежутки между „общественными клѣточками“ наполнены какими-нибудь соединительными между-клеточными тканями. Но ему все-же можно возражать, что всякій организмъ имѣетъ непремѣнно какую-нибудь внѣшнюю, геометрическую форму. Такъ-называемые *безформенные* организмы постоянно мѣняютъ свою форму, но въ каждую данную минуту ихъ можно нарисовать, а форму общественного организма невозможно опредѣлить никакими кривыми или прямыми линиями. Егеру тако-

го возраженія сдѣлать нельзя. Для него индивидуальность обществъ не въ формѣ, а въ жизненныхъ процессахъ.

Такихъ біологическихъ индивидуальностей Егеръ насчитываетъ три порядка: 1) *пара* или *чета*, 2) *семья* и 3) *государство*. Каждая послѣдующая предполагаетъ высшее развитіе предыдущей и еще нѣчто новое. Каждый изъ этихъ порядковъ раздѣляется на нѣсколько группъ сперва съ біологической точки зрѣнія, т. е., такъ-сказать, по сущности, потомъ съ морфологической точки зрѣнія, т. е. по формѣ.

Первый порядокъ, т. е. *чета* или *пара*, представляетъ слѣдующія подраздѣленія:

1) *По времени:*

а) *Пара временная*, когда двѣ особи разныхъ половъ сближаются только для совокупленія и потомъ расходятся. Сближеніе ихъ имѣетъ предметомъ сохраненіе вида, а вовсе не особей.

б) *Пара брачная*, когда обѣ особи, однажды сблизившись, живутъ уже вмѣстѣ до конца своихъ дней; цѣль ихъ сближенія обыкновенно уже не только сохраненіе вида, но и защита особи.

2) *По числу сближающихся особей:*

а) *Пара однобрачная* (моногамическая), состоящая изъ одной особи каждаго пола.

б) *Пара многобрачная* (полигамическая), въ которой одинъ полъ представляется одною особью, а другой — нѣсколькими. Всего чаще нѣсколько самокъ живутъ съ однимъ самцомъ,

въ такомъ случаѣ сожителство ихъ продолжительное, т. е. онѣ образуютъ брачную чету, какъ, напримѣръ, буры съ пѣтухомъ. Но случаются и обратные примѣры (всего чаще у нѣкоторыхъ рыбъ и амфибій), т. е. что самцовъ больше, чѣмъ самокъ, и одна самка совокупляется съ нѣсколькими самцами. Такія пары образуютъ обыкновенно временную чету, какъ лягушки въ пору любви, а потомъ расходятся.

Подраздѣленіе по формѣ для насъ здѣсь не интересно, а потому мы пропустимъ его. Замѣтимъ, однакожъ, что Егеръ, при всей своей обстоятельности, впадаетъ въ ту-же ошибку, которую мы выше замѣтили у Шефле и у многихъ другихъ соціологовъ этого направленія, т. е. онъ тщательно выслѣживаетъ и анализируетъ первѣйшіе слѣды той общественности, которая своимъ

происхожденіемъ обязана половымъ побужденіямъ. Но онъ какъ-будто вовсе не подозрѣваетъ, что у очень многихъ животныхъ мы уже находимъ зачатки совершенно иной общественности, не основанной ни на какихъ кровныхъ связяхъ, а только на со-вмѣстномъ преслѣдованіи одной общей цѣли. Рѣшительно невоз-можно усмотрѣть, почему самецъ и самка, встрѣчающіеся для совокупленія и потомъ расходящіеся навсегда, составляютъ біоло-гическую единицу, а два волка, охотящіеся вмѣстѣ, не состав-ляютъ біологической единицы? Тамъ, гдѣ фактъ служитъ только исходною точкою для многосложнѣйшихъ и отдаленнѣйшихъ ум-ственныхъ выкладокъ, какъ это дѣлается въ разбираемой нами социологіи, такое упущеніе крайне существенно и сильно подрыв-ваетъ наше довѣріе къ научности приемовъ автора и къ вѣрности его заключеній.

Но переходимъ къ *семьѣ*. Благо, она, по Егеру, представляетъ только два раздѣленія:

1) *Семейство безоловое* (ацефалическое), въ которомъ всѣ особи, связанные между собою родствомъ, состоятъ въ отношеніяхъ координаціи, составляютъ скопище (устрицы, крабы, моллюски, со-роки, птицы).

2) *Семейство съ головою* (цефалическое) — орда, стая, племя и др. Во главѣ такой семьи неизбѣжно имѣется вождь, которому подчинены всѣ остальные члены. Обыкновенно, главою бываетъ самецъ, и тогда общество называется патріархальнымъ; изрѣдка, однако, напримѣръ, у гусей, вождемъ бываетъ самка, и такое обще-ство называется матриархальнымъ.

Біологическія особи третьяго порядка составляются при помо-щи семей и называются *государствами*. Здѣсь появляется раздѣ-леніе труда (Спенсеръ считаетъ его, однакожъ, необходимымъ условіемъ всякаго общественнаго организма вообще), ведущее иног-да къ морфологическому различію. Этого рода біологическія осо-би встрѣчаются только у термитовъ, муравьевъ, пчелъ и у лю-дей (а вѣдь говорятъ: „природа не дѣлаетъ скачковъ“. Впрочемъ, ученый филистеръ сейчасъ произведетъ на нашихъ глазахъ еще и не такой *salto mortale*).

Въ государствѣ мы должны строго различать нижеслѣдующіе два случая:

а) Государство возникаетъ вслѣдствіе численнаго размноженія

семейства естественнымъ путемъ. Въ этомъ случаѣ оно называется *кровнымъ* или *родовымъ* государствомъ. Низшая его форма — половое государство свойственно насекомымъ; высшая его форма — національное государство встрѣчается только у людей.

б) Государство можетъ также возникать изъ собранія въ одномъ мѣстѣ особей, несвязанныхъ между собою кровными узами и болѣе или менѣе различныхъ между собою. Такого рода государства встрѣчаются только у людей и называются собирательными (агрегационными государствами); таковы Соединенные штаты сѣверной Америки и Швейцарія.

„Родовыя или кровныя государства — самыя естественныя“ (въ учебникѣ зоологіи говорить о разныхъ степеняхъ естественности нѣсколько не встати), потому что регулирующий принципъ всякой организаціи — подчиненіе (субординація) существуетъ въ нихъ, благодаря одному только присутствію старшихъ родичей. Государства собирательныя гораздо труднѣе достигаютъ организаціи, потому что первоначально ихъ составныя части только координированы, но не субординированы, и принципъ первородства въ нихъ вовсе недѣйствителенъ. Развиваясь, собирательныя государства представляютъ слѣдующія стадіи:

а) *государство двустороннее* или *государство партій*, какъ Америка, — могущество извнѣ, борьба внутри, необеспеченность личности;

б) *олигархія*, т. е. сперва владычество денежной аристократіи, которая, черезъ наслѣдственность, переходитъ въ *патриціатъ* (классическія древнія республики, Швейцарія). Если такое государство не погибаетъ преждевременно, то оно достигаетъ стадіи тираніи, чтобы потомъ разрушиться, какъ всякая плотъ“...

„Въ противоположность предыдущему и неизмѣримо выше его стоитъ *кровное* или *родовое* государство, составленное изъ *целыхъ семействъ*, всѣ члены которыхъ связаны узами родства. Мы уже встрѣчаемъ эту форму государства у животныхъ и можемъ установить слѣдующія стадіи его развитія:

„1) *Половое государство*, включающее два цеха: воспроизводителей (половыхъ) и работниковъ (безполовыхъ) и т. д.

„2) *Рабовладельческое* государство представляетъ собою вторичную и высшую форму предыдущаго. Оно есть послѣдствіе го-

сударства военнаго (воины включены въ цехъ работниковъ предыдущей графы), которое грабежомъ приобщаетъ къ себѣ нѣкоторое количество чужеродныхъ особей.

„3) *Собственническое* государство, непосредственно вытекающее изъ предыдущаго. Сюда входятъ государства *пастушеское, земледѣльческое* и т. п. Въ этой формѣ рабы или вытѣсняются вовсе домашними животными, или-же имѣются и рабы, и домашнія животныя. Эта форма встрѣчается у нѣкоторыхъ муравьевъ.

„Дальнѣйшія формы государствъ этого порядка встрѣчаются только у людей и выходятъ изъ области зоологическаго учебника. Замѣтимъ, однакожь, что наивысшая изъ формъ общественнаго развитія (конституціонная монархія) осуществима только въ *національномъ періодѣ* кровной или родовой государственности, тогда-какъ государства собирательныя могутъ вести только къ промежуточнымъ политическимъ формамъ: республикѣ, федераціи или деспотизму“.

Замѣтимъ, со своей стороны, что высшая форма филистерства осуществима только нѣмецкимъ ученымъ въ томъ періодѣ, когда онъ, отуманенный корпѣніемъ надъ книгами и громомъ недавнихъ побѣдъ, теряетъ способность отличать науку отъ кирасирскихъ ботфуртовъ своего излюбленнаго Бисмарка.

IV.

Съ тѣхъ поръ, какъ люди науки и мысли стали серьезно сосредоточивать свое вниманіе на общественныхъ и нравственныхъ вопросахъ (а въ Европѣ это случилось около двухъ съ половиною тысячъ лѣтъ тому назадъ), въ ихъ воззрѣніяхъ на этотъ счетъ рѣзко обнаружился два, существенно противоположныя направленія. Одни смотрѣли на общество, какъ на продуктъ одного только чисто-человѣческаго творчества, какъ на продуктъ договора, имѣющаго единственнымъ своимъ обезпеченіемъ сознательное или бессознательное, дѣятельное или страдательное одобреніе большинства договаривающихся лицъ и подлежащаго болѣе или мене радикальной передѣлкѣ каждый разъ, когда договаривающіяся стороны пожелають измѣнить однажды установленныя между ними условія. По этому воззрѣнію, слово „общество“ не отвѣча-

еть какому-нибудь дѣйствительно и самостоятельно существующему предмету, а выражает собою понятіе отвлеченное и собирательное. Дѣйствительно существуютъ только лица, для собственнаго своего блага придумавшія тотъ или другой общественный договоръ. Въ этомъ смыслѣ общественное благо должно быть понимаемо, какъ благо всѣхъ и каждого, или по крайней мѣрѣ какъ благо большинства лицъ, составляющихъ данное общество; справедливость, по понятіямъ приверженцевъ этихъ воззрѣній, заключается въ равномѣрномъ распредѣленіи правъ и обязанностей между участниками договора; нравственность, по смыслу этого ученія, состоитъ въ добросовѣстномъ исполненіи условій договора, даже тамъ, гдѣ уклоненіе отъ нихъ не подлежало-бы законной карѣ, а также въ постоянномъ стремленіи къ усовершенствованію договора, къ обобщенію среди массы тѣхъ благъ и преимуществъ, которыя въ данный моментъ составляютъ удѣлъ только немногихъ избранныхъ.

По воззрѣнію, крайне противоположному теоріи договора, общественное развитіе имѣетъ съ произвольною и сознательною дѣятельностью людей очень мало точекъ соприкосновенія. Для приверженцевъ этого второго направленія, общество, дѣйствительно, существуетъ самостоятельно, имѣетъ свои требованія и свои права, могущія противорѣчить требованіямъ и правамъ отдѣльныхъ лицъ. Жизнь общества управляется законами, независимыми ни отъ чьего произвола. Противники теоріи договора далеко не единодушны въ своихъ отвѣтахъ на вопросъ: какіе-же это законы и каково должно быть отношеніе частныхъ лицъ къ законамъ, управляющимъ общественною жизнью и развитіемъ? По мнѣнію однихъ, законы эти провиденціальныя, и мы не должны и не можемъ изучать ихъ и обсуждать, а должны только съ покорностью подчиняться верховнымъ велѣніямъ. По мнѣнію другихъ, это космическія или міровыя законы, доступные только философскому, умозрительному, а не научному изслѣдованію. Наконецъ, новѣйшіе приверженцы направленія, враждебнаго теоріи общественнаго договора, говорятъ, что это законы *органическіе*, доступные нашему изслѣдованію и пониманію, наравнѣ со всѣми другими законами природы.

Въ каждой изъ этихъ трехъ школь, на которыя дробится воззрѣніе, враждебное теоріи общественнаго договора, и которыя мы

раткости назовемъ школою *провиденціальною*, школою *фи-лософскою* и школою *органическою*. мы можемъ встрѣтить не-мало внутренняго разногласія и даже противорѣчій. Общественныя и нравственныя понятія, напримѣръ, буддиста очень существенно разнятся отъ понятій, напримѣръ, мусульманина, мадеиста или брахманиста, хотя и тѣ, и другіе, и третьи равно стоятъ на почвѣ провиденціально-общественнаго міровоззрѣнія. Въ школѣ философской разногласія, по крайней мѣрѣ кажущагося, едва-ли еще не больше, такъ-какъ философскихъ системъ существуетъ на свѣтѣ очень много, и каждая изъ нихъ имѣетъ свою философію исторіи, свою философію права, свою этику или теорію нравственности. Наконецъ, и школа органическая, переносящая общественныя и нравственныя вопросы на одну общую почву точнаго естествознанія и говорящая о нихъ однимъ общимъ научнымъ языкомъ, далека еще отъ того единодушія, котораго мы вправѣ ждать отъ нея, по отношенію по крайней мѣрѣ къ основнымъ и капитальнѣйшимъ ея положеніямъ и воззрѣніямъ. Такъ, напримѣръ, многіе изъ корифеевъ этой школы, признавая, что общественное развитіе управляется своими неизмѣнными законами, не осуждаютъ, однакожь, отдѣльныхъ лицъ на страдательную роль жертвъ или праздныхъ зрителей. Уподобляя жизнь общества единичной человѣческой жизни, они говорятъ, что никто, конечно, не въ силахъ сдѣлать такъ, чтобы для ребенка пора умственной и физической зрѣлости наступила въ возрастѣ восьми или десяти лѣтъ, или чтобы перезрѣлая красавица вернулась снова къ веснѣ своего существованія, но что тѣмъ не менѣе мы можемъ оказывать очень существенное вліяніе толковою педагогикою и гигиеною на каждое живое существо въ каждой порѣ его развитія. Точно также и общественное развитіе, по мнѣнію нѣкоторыхъ представителей этого оттѣнка органической школы, во многомъ зависитъ отъ того, найдетъ-ли данное общество благоприятныя для себя педагогическія и гигиеническія условія, и тогда произволь, сознательная дѣятельность отдѣльныхъ лицъ можетъ до нѣкоторой степени облегчить процессъ здороваго или нормальнаго общественнаго роста, устраняя неблагоприятныя условія, создавая вождельныя сочетанія имѣющихся на лицо природныхъ и историческихъ элементовъ. Другіе-же, напротивъ того, болѣе склонны уподоблять законы, управляющіе общественною жизнью, законамъ

метеорологическимъ или астрономическимъ. По ихъ мнѣнію, всякое притязаніе отдѣльныхъ лицъ оказывать какое-нибудь сознательное вліяніе на судьбы обществъ такъ-же жалко и смѣшно, какъ поползновеніе нѣкоторыхъ средне-африканскихъ царьковъ и колдуновъ свистомъ вызывать дождь или управлять по своему усмотрѣнію движеніемъ небесныхъ свѣтилъ. Въ числѣ приверженцевъ этого оттѣнка особенною рьяностью отличается Иполитъ Тень, а въ Германіи— Гартманъ, оба утверждающіе, что только стихійная, бессознательная дѣятельность людей имѣетъ нѣкоторое значеніе для общественнаго развитія. По мнѣнію этого почтеннаго психолога и историка, историческое значеніе всякой теоріи тѣмъ ничтожнѣе, чѣмъ сознательнѣе самая теорія, и онъ, не смущаясь, высказываетъ (въ своихъ „Origines de la France Contemporaine“) софизмы, вродѣ слѣдующихъ: „всякое ученіе, чтобы пріобрѣсти историческое значеніе, должно стать слѣпымъ, стихійнымъ. Чтобы перейти въ практику, чтобы стать побужденіемъ къ дѣятельности, чтобы овладѣть теченіемъ мысли, ученіе это должно осѣсть въ умахъ въ видѣ догматизированнаго вѣрованія, установившейся привычки, неизмѣнной склонности, домашняго преданія“... „Должно-ли возмущаться тѣмъ, что человѣчество въ исторической своей дѣятельности руководится стихійными побужденіями, предрасудками?“ спрашиваетъ онъ въ первомъ томѣ помянутаго своего популярно-историческаго произведенія (*L'ancien régime et la révolution*) и тутъ-же отвѣчаетъ: „разумъ нашъ не имѣетъ права возмущаться этимъ, потому что онъ самъ получаетъ историческое значеніе только тогда, когда онъ обращается въ инстинктъ, въ предрасудокъ“.

Съ нѣкоторыми изъ представителей органической школы мы уже познакомились изъ предыдущихъ главъ; дальше, на этихъ страницахъ, намъ еще придется освоиться болѣе или менѣе обстоятельно со многими другими оттѣнками этого самоновѣйшаго общественно-научнаго направленія. Здѣсь мы хотѣли только замѣтить, что основное противорѣчіе въ нашихъ воззрѣніяхъ на общественность обнаружилось уже болѣе двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ и что оно легко можетъ быть прослѣжено черезъ всю исторію развитія общественныхъ и нравственныхъ теорій, начиная съ сократовскихъ временъ и кончая эпохою Конта, Спенсера, Шефле. За пятьсотъ лѣтъ до Р. Х., въ разгаръ философской и политической дѣятельности въ Греціи, теорія общественнаго договора, та

самая, которою въ концѣ прошлаго столѣтія Руссо такъ сильно взволновалъ умы передоваго европейскаго человѣчества, уже высказывалась въ довольно опредѣленной и законченной своей формѣ устами такъ называемыхъ софистовъ. Мы мало знаемъ даже ихъ имена и объ ихъ ученіяхъ можемъ судить только по отрывкамъ, сохраненнымъ въ полемическихъ произведеніяхъ ихъ враговъ, и по нападкамъ на нихъ Катковыхъ и Цитовичей того времени. Желая обратить гнѣвъ афинянъ противъ нечестивцевъ, осмѣливавшихся утверждать, будто законы, при помощи которыхъ афинскіе богачи угнетали чернь, свалились не съ неба и не были обезпечены никакимъ неизмѣннымъ велѣніемъ судьбы, Аристофанъ заставляеть софиста въ одной изъ своихъ комедій произносить нижеслѣдующую тираду: „тотъ, кто установилъ законъ, запрещающій сыну бить своего отца, былъ такой-же человѣкъ, какъ и я. Отчего-же я не могу установить законъ, позволяющій сыновьямъ бить своихъ отцовъ? Посмотри на пѣтуховъ: развѣ они не дають при случаѣ трепки своимъ родителямъ? Чѣмъ-же пѣтухи хуже людей? Развѣ только тѣмъ, что они не пишутъ законовъ?“

Изъ подобныхъ выходовъ знаменитаго сикофанта-комика мы не должны заключать, будто софисты были изверги рода человѣческаго, попиравшіе всякіе нравственные и общественные законы, унижавшіе человѣческое достоинство и мечтавшіе только о трепкахъ и о мордобитіяхъ. Изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ, что все нечестіе этихъ афинскихъ революціонеровъ добраго стараго времени заключалось единственно въ томъ, что они различали міръ естественный и міръ искусственный. Во-первыхъ, по ихъ понятіямъ, произволъ и сознательныя стремленія человѣчества очень узко ограничены неизмѣнными законами природы; во-вторыхъ, напротивъ того, энергическій и умный человѣкъ могъ хозяйничать по своему произволу. Всю общественную жизнь они относили къ міру искусственному, увѣряя своихъ соотечественниковъ, что если ихъ общественныя учрежденія несправедливы и плохи, то этому виною не воля боговъ, не законы природы, а собственное ихъ невѣжество и недостатокъ энергіи. Это революціонное, по тогдашнему времени, ученіе было заглушено не однимъ только доносами Аристофана и идеалистовъ по Сократу и по Платону, но и философскою политикою противъ него почти всѣхъ извѣстныхъ мудрецовъ того времени. Однако, многіе изъ этихъ

„Дѣло“, № 10, 1879 г. 7

мудрецовъ, имѣвшіе наибольшій успѣхъ у классическихъ своихъ согражданъ и даже завѣщавшіе намъ нѣкоторые обрывки своей политической мудрости (наприм., Платонъ), такъ обильно черпали изъ міровоззрѣнія софистовъ, что вопросъ о томъ: управляется ли общество какими-нибудь самостоятельными и независящими отъ сознательнаго человѣческаго произвола законами, въ древнемъ мірѣ не нашелъ себѣ сколько-нибудь убѣдительнаго и обязательнаго для насъ рѣшенія. Когда христіанская Европа стала выходить изъ невѣжества и оступѣнія среднихъ вѣковъ, то и общественное міровоззрѣніе афинскихъ софистовъ возродилось въ первоначальной своей редакціи и силѣ. Великій патріархъ новѣйшаго философскаго движенія, Гобсъ, такъ, напримѣръ, выражается объ этомъ предметѣ: „дѣйствительно, говоритъ онъ, — искусство, (а не природа) создало Левиафана, т. е. республику или государство, Civitas, это искусственное подобіе человѣка, неизмѣримо громаднѣйшаго и неизмѣримо могущественнѣйшаго, чѣмъ тотъ естественный человѣкъ, для защиты и для блага котораго онъ придуманъ“. Дальше Гобсъ проводитъ нѣкоторую параллель между организаціею человѣка и строеніемъ общества. Но такіа уподобленія общества живымъ организмамъ встрѣчаются во всѣ времена и у самыхъ разнообразныхъ писателей, и они еще не даютъ намъ ни малѣйшаго повода причислять ихъ авторовъ къ органической школѣ. Гобсъ прежде всѣхъ и обстоятельнѣе всѣхъ въ христіанскомъ мірѣ возродилъ древне-греческое ученіе софистовъ объ общественномъ договорѣ и о возможности сознательно приспособлять общественныя учрежденія и законы къ нуждамъ и требованіямъ людей. Руссо въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, только популяризировалъ ученіе Гобса, приправляя его заимствованіями у классическихъ мудрецовъ, — популяризировалъ не всегда послѣдовательно и умно, но всегда крайне удачно, благодаря главнѣйшимъ образомъ своему замѣчательному литературному дарованію и своему рѣдкому умѣнью говорить съ своими современниками именно тѣмъ языкомъ, который былъ для нихъ наиболѣе убѣдительнымъ. Такимъ образомъ, имя Руссо неразрывно связано съ ученіемъ объ общественномъ договорѣ.

Конецъ прошлаго и начало нынѣшняго столѣтій были во всей передовой Европѣ тою рѣдкою въ исторіи эпохою, когда теорія общественнаго договора овладѣла всѣми лучшими умами. Воззрѣ-

ніе противоположное, вообще насчитывающее гораздо больше разнообразных и даровитыхъ представителей, тутъ смолкло, и втеченіи цѣлыхъ десятковъ лѣтъ не выставило подъ своимъ знаменемъ ни одного сколько-нибудь мощнаго бойца. Ретивый де-Местръ умно и даровито побивалъ ненавистнаго ему женеvскаго философа, словно чудомъ приворожившаго умы и сердца блестящей версальской знати и голодной невѣжественной французской черни; но побивалъ онъ собственно не ученіе Руссо, а ту редакцію, которую пресловутый авторъ „Contrat social“ придалъ ученію, перенятому имъ отъ классическихъ софистовъ черезъ англійскихъ сенсуалистовъ позднѣйшаго времени. Де-Местръ остро глумится надъ противодивизиационными выходками Руссо; онъ вполне основательно и безусловно отвергаетъ фикцію „природнаго состоянія“, столь любезную сантиментальнымъ риторамъ разныхъ странъ; онъ доказываетъ всю логическую несостоятельность дѣленія челоvеческой дѣятельности на „естественную“ и „искусственную“, умиленія передъ первою и негодованія по поводу второй. Самая модная шелковая матерія, продуктъ ліонскихъ ткачей, вооруженныхъ сложнѣйшими и совершеннѣйшими орудіями производства, по вполне справедливому мнѣнію де-Местра, точно такъ-же „естественна“, какъ и паутина, сотканная паукомъ безъ всякихъ орудій и ухищреній. Все это, конечно, вполне основательно, и вышепомянутыя измышленія Руссо, впрочемъ, по большей части только воскрешенныя имъ изъ давно отжившей древности, не выдерживаютъ сколько-нибудь строгой научной, или хотя-бы только логической, критики. Но дѣло въ томъ, что всѣ эти „естественныя состоянія“, вся эта декламация сантиментальнаго Жанъ-Жака объ извращеніи челоvческаго естества просвѣщеніемъ и культурой не находятся въ неразрывной связи съ провозглашенною имъ теорією общественнаго договора. При помощи этихъ quasi-философскихъ литературныхъ прибавленій, Руссо успѣлъ привлечь утонченную версальскую знать къ теоріи, враждебной всякому общественному неравенству. Но руководящій нравственный смыслъ этой, столь кстати воскрешенной имъ, теоріи лежалъ далеко отъ этихъ украшеній и прибавленій. Въ то время, когда французская общественная жизнь окончательно сложилась въ рамки, очень стѣснительныя и невыгодныя для лицъ и группъ, составлявшихъ французскую націю, Руссо (впрочемъ, и не одинъ только Руссо, но и

очень многие изъ энциклопедистовъ) напоминалъ дѣятельнымъ и мыслящимъ классамъ, что этотъ неблагопріятный для громаднѣйшаго большинства общественный складъ не имѣлъ себѣ никакого обезпеченія, кромѣ нѣмого согласія этого-же самаго большинства довольствоваться до поры до времени этимъ убыточнымъ для него строемъ. Этой-то руководящей сущности ученія объ общественномъ договорѣ не опровергъ ни графъ де-Местръ и ни одинъ изъ старыхъ противниковъ Руссо. А потому ученіе это быстро распространилось по всей просвѣщенной Европѣ. Англійскій писатель, относящійся къ теоріи общественного договора вообще и въ частности къ ученіямъ Руссо довольно неблагопріятно, уже помянутый выше Сомнеръ Менъ говоритъ по этому поводу нижеслѣдующее: „въ наше время не бывало примѣра, да и вообще въ исторіи видано только разъ или два, чтобы какое-бы то ни было ученіе оказывало на умы крайне-разнообразные и крайне-различно настроенные такое удивительное вліяніе, какъ книги, изданныя Жанъ-Жакомъ Руссо въ 1749 и въ 1762 гг.“ Это ученіе, т. е. теорія общественного договора, такъ-сказать, натурализованная женеццемъ Руссо во Франціи, сроднившееся съ національнымъ строемъ французскаго мышленія, — по признанію того-же заманшскаго автора, — „играетъ завѣдомо очень видную роль въ томъ вліяніи, которое французскія идеи и до сихъ поръ еще оказываютъ на весь цивилизованный міръ“. Въ Германіи такіе мощные и самостоятельные умы, какъ Кантъ и Фихте, не устояли противъ этого вліянія. Мы, конечно, не вправѣ утверждать, будто Кантъ заимствовалъ у Руссо его руководящія нравственныя и общественныя понятія; но несомнѣнно только то, что ученіе общественного договора и свободного человѣческаго творчества въ дѣлѣ созданія и передѣлки общественного строя было усноволено тяжеловѣсною нѣмецкою философіею и вывѣтрилось изъ нея только подъ вліяніемъ Гегеля и его болѣе или менѣе правовѣрныхъ послѣдователей... Впрочемъ, самая фактическая исторія Франціи за послѣдніе годы истекшаго столѣтія имѣетъ характеръ пракческаго испытанія этой теоріи общественного договора.

Испытаніе, къ сожалѣнію, не оказалось убѣдительнымъ ни въ ту, ни въ другую сторону. Горсть смѣлыхъ новаторовъ съ „*Contag Social*“ и другими трактатами Жанъ-Жака въ рукахъ, увлекаемая за собою массы столичнаго и сельскаго населенія,

въ нѣсколько лѣтъ испровергла вѣками установившійся общественный и политическій строй, тѣмъ самымъ показавъ, что какіе неизбѣжные законы природы не ограждаютъ насъ отъ подобныхъ катастрофъ. Но зато, съ другой стороны, едва-ли хоть одинъ изъ идеаловъ, имѣвшихся въ виду революціонерами 1786 и 1793 гг., нашелъ себѣ осуществленіе въ томъ новомъ общественномъ строѣ, который немедленно возникъ на мѣстѣ разрушеннаго. Это послѣднее обстоятельство, конечно, способно отчасти служить аргументомъ въ пользу космическихъ или органическихъ воззрѣній на общественность, такъ-какъ и жирондисты, и конвенціоналы пожали вовсе не то, что сѣяли. Но въ цѣломъ, какъ уже сказано, опытъ этотъ, самъ еще недостаточно уясненный въ научно-историческомъ своемъ значеніи, въ смыслѣ основного вопроса научной теоріи общественности не уясняетъ рѣшительно ничего. Послѣ французской революціи, какъ и до нея, мыслители разныхъ лагерей и разныхъ странъ продолжаютъ, каждый по своему, рѣшать этотъ основной соціологическій вопросъ: зависитъ-ли общественное благоденствіе и развитіе отъ нашихъ благихъ напѣреній и пожеланій, или-же оно управляется своими самостоятельными законами, имѣющими съ сознательною дѣятельностью людей очень мало точекъ соприкосновенія?

V.

Французская революція застала европейскую мысль въ состояніи, очень еще незрѣломъ и неподготовленномъ къ окончательному, хотя-бы только чисто-теоретическому, рѣшенію общественныхъ задачъ и вопросовъ. Даже описательная соціологія еще вовсе не существовала въ эти времена. Дѣятели разныхъ лагерей и разныхъ партій, мало еще знакомые съ самымъ механизмомъ общественныхъ явленій, слишкомъ исключительно и односторонне сосредоточивали все свое вниманіе на однихъ только поверхностныхъ политическихъ сферахъ, вовсе не подозрѣвая даже подъ ними какой-нибудь экономической, а тѣмъ менѣе антропологической, подкладки. Пробѣлъ этотъ слишкомъ бросался въ глаза и не могъ, конечно, ускользнуть отъ всеобщаго вниманія передовыхъ людей науки и мысли. И, дѣйствительно, не успѣлъ еще

стихнуть громъ борьбы, какъ и самая Франція, растерзанная чужеземнымъ вмѣшательствомъ въ ея судьбы и отечественною реставраціей, съ одинаковою холодною отворачивается и отъ прогрессивныхъ ученій Руссо, и отъ провиденціального хныканія Шатобриана, де-Местра и пр. Первыя слишкомъ скомпрометировали себя недавнимъ испытаніемъ, окончившимся полною реакціей. Последнее слишкомъ набило всѣмъ оскомину втеченіи тѣхъ долгихъ вѣковъ, когда оно было господствовавшимъ.

Среди наступившаго послѣ грознаго погрома затишья, вниманіе людей будущаго, людей жизни и мысли, начинаетъ чутко прислушиваться къ новому голосу, заговорившему о вѣковыхъ вопросахъ общественности и нравственности невѣданнымъ прежде языкомъ. Героями дня являются Жанъ-Баптистъ Сей и вся, такъ недавно еще блиставшая на нашихъ глазахъ, но уже отходящая замѣтно на задній планъ, плеяда экономистовъ. Ихъ несомнѣнная историческая заслуга заключается въ томъ, что они своевременно низвели общественную мысль съ ораторской трибуны за рабочій станокъ, съ общественнаго форума, гдѣ шумно обсуждаются тревожные политическіе вопросы дня, заставили насъ вернуться въ убогую лачугу, гдѣ жалкій батракъ въ потѣ лица готовить себѣ свой насущный хлѣбъ или изнываетъ въ голодной тоскѣ за невозможностью тяжелымъ трудомъ обезпечить себѣ существованіе.

Свободолюбивые мыслители XVIII столѣтія, въ восторженномъ преклоненіи передъ возрожденными ими классическими и гражданскими идеалами, не успѣли даже вспомнить, что болѣе двадцати вѣковъ успѣло протечь съ тѣхъ поръ, какъ волновавшіе ихъ вопросы впервые возникли передъ европейскимъ человѣчествомъ, имѣвшимъ во времена греческихъ софистовъ и Аристотеля своимъ подножіемъ человѣкоподобна стада рабовъ, на которыхъ безъ всякихъ разсужденій вваливалось тяжелое бремя низменныхъ заботъ о трудѣ, о матеріальныхъ условіяхъ гражданскаго существованія. Общественная наука сильно отстала со времени классической древности и оказалась способною только твердить старыя зады на новый ладъ; но общественная жизнь, хоть и медленно, все-же шла впередъ и облекала въ новыя формы, въ новую плоть, самыя престаарѣлыя міровыя задачи. Политико-экономисты дѣятельно способствовали тому, чтобы настроить обще-

ственную мысль въ унисонъ съ трудовымъ, промышленнымъ духомъ новаго времени. Они отвлекали ее изъ области чистыхъ умозрѣній, геометрическихъ построений и теоремъ къ наблюденію насущной дѣйствительности. Они охлаждали восторженный пылъ Гравховъ съ бастильской площади и Брутовъ изъ конвента. Бесплодно, говорили они, торжественно распѣвать марсельезу съ ея кровавымъ припѣвомъ: „aux armes, citoyens!“ Не саблю и не ружье, а только трудомъ и мыслью побѣдите вы дѣйствительнаго врага всякаго единичнаго и общаго благополучія, т. е. нищету. Этотъ тиранъ смѣется надъ всякими общественными договорами; онъ безъ зазрѣнія совѣсти попираетъ ногами всякія святыя и неотъемлемыя человѣческія права, сколько-бы вы ни провозглашали ихъ зычнымъ голосомъ Мирабо и всякихъ другихъ платоническихъ и политическихъ друзей человѣчества. Мы открыли силу, передъ которою должно склониться ницъ всякое народное самодержавіе... Подъ ихъ руководствомъ общественная мысль, на время забывая свои кичливыя поползновенія къ свободѣ, братству и равенству, принимается терпѣливо изучать сложные и запутанные законы производства, накопленія и распредѣленія богатствъ, составляющихъ элементарнѣйшее и необходимѣйшее условіе всякаго дѣйствительнаго благополучія. Экономисты по праву могутъ гордиться тѣмъ, что они открыли цѣлую новую область общественнаго міра, — область, прежде такъ же мало существовавшую для отважнѣйшихъ изслѣдователей общественныхъ и нравственныхъ задачъ, какъ не существовало Америки для европейскихъ мореплавателей до Колумба.

Въ тотъ длинный промежутокъ времени, когда передовая европейская мысль, истощенная недавнею борьбою, еще не ощущала въ себѣ отваги и мощи на новые самостоятельные подвиги, она съ успѣхомъ и съ большою пользою для себя проходила политико-экономическую школу. Она основательно освоилась съ тѣмъ неутѣшительнымъ, но безапелляционнымъ положеніемъ, что мы существуемъ на этомъ свѣтѣ прежде для того, чтобы работать и существовать, и только уже потомъ для того, чтобы учиться и подвигать науку впередъ. Она отучилась отъ классической привычки вѣчно вращаться въ однихъ только поверхностныхъ слояхъ, видѣть одну только казовую, декоративную, политическую сторону общественныхъ явленій. Она проникла въ сокровенную суть трудовой все-

мирной драмы борьбы за существование съ ея неизбѣжнымъ спутникомъ — соперничествомъ, состязаніемъ или конкуренціею. Она основательно узнала внутренній механизмъ или анатомію общества. Такимъ образомъ, политико экономисты дали ей все, что могли дать, хотя многіе изъ нихъ обѣщали и, повидимому, дѣйствительно, надѣялись дать ей нѣчто гораздо большее. Они пополнили наше общественное міровозрѣніе цѣлою и притомъ существеннѣйшею его стороною; они перенесли наши общественныя задачи на новую почву, гораздо болѣе древней пригодную для ихъ успѣшнѣйшаго научнаго разслѣдованія. Но дать окончательное рѣшеніе хотя-бы только одной изъ этихъ общественныхъ задачъ они не могли потому, что не экономическая дѣятельность вмѣщаетъ въ себѣ всю общественную жизнь, а общественная жизнь обнимаетъ собою всю экономическую дѣятельность и далеко не исчерпывается ею одною. Въ періодъ процвѣтанія политической экономіи мы, дѣйствительно, видимъ, что общественная наука дробится на множество самостоятельныхъ вѣтвей, плохо пополняющихъ одна другую, такъ-какъ каждая исходитъ изъ своихъ собственныхъ основныхъ началъ, несведенныхъ ни къ какому живительному единству. Политико-экономистъ вѣжливо расшаркивается, напримѣръ, передъ професоромъ нравственной философіи, но не безъ лукавой усмѣшки, зная очень хорошо, что самыя святая и нерушимыя предписанія нравственности разбиваются въ прахъ передъ голоднымъ брюхомъ и что какъ насытить это голодное брюхо — того не вѣдаетъ ни одинъ ученнѣйшій и глубокомысленнѣйшій моралистъ, а отъ нѣкоторыхъ нравственно-экономическихъ прогресій Мальтуса не одного только строгаго моралиста можетъ взять одурь и омерзѣніе... Открывая трактатъ государственнаго права, мы сталкиваемся съ необходимостью забывать очень многое изъ того, чему только-что научились изъ трактата политической экономіи и т. д... Но даже, еслибы всѣ эти отдѣльныя отрасли, на которыя дробится общественная наука всевозможныхъ академическихъ и школьныхъ программъ, и успѣли à la longue отрѣшиться отъ обильныхъ противорѣчій, которыми онѣ наводняются еще и до сихъ поръ, то тѣмъ не менѣе общему своею совокупностью онѣ все-таки не составили-бы одной руководящей общественной науки, какъ всѣ осколки и черепки разбитой чашки не составляютъ сосуда, пригоднаго для практиче-

скаго употребленія, до тѣхъ поръ, пока ихъ не сплотить въ одно цѣлое какой-нибудь крѣпкій цементъ. Такого-то цемента мы напрасно стали-бы искать въ твореніяхъ всевозможныхъ политико-экономистовъ, теоретиковъ права, моралистовъ и т. п. Общественная жизнь не слагается-же въ самомъ дѣлѣ изъ экономическихъ, юридическихъ, моралистическихъ, криминалистическихъ и т. п. ключковъ. Гораздо скорѣе можно считать политическую экономію, право, нравственность, уголовщину, за различно окрашенныя очки, которыя мы надѣваемъ для того, чтобы успѣшнѣе усмотрѣть ту или другую, случайно интересующую насъ, подробность общественной жизни.

Тотъ, кто слѣдилъ хоть съ поверхностнымъ вниманіемъ за событіями умственного и научнаго міра, легко могъ замѣтить уже лѣтъ десять тому назадъ, что передовая европейская мысль, отдохнувъ отъ истощенія, вызваннаго въ ней погромомъ французской революціи и вытекшихъ изъ него послѣдующихъ политическихъ событій, воспитавъ себя въ политико-экономической школѣ, далеко не утолившей ея жажды любознательности, возвращается снова къ роковымъ и основнымъ вопросамъ общественности и нравственности съ твердою рѣшимостью смѣло примѣнить къ ихъ разрѣшенію весь, значительно обогатившійся за послѣднее время, арсеналъ научныхъ орудій и пособій. Возвращаясь на это поприще, она прежде всего принимается за основной вопросъ, оставленный, какъ мы уже видѣли, безъ должнаго разрѣшенія политическими теоріями и политическими событіями конца XVIII столѣтія. Что-же такое общество: слово, абстракція, или предметъ, быть можетъ, живое существо? Какое отношеніе могутъ имѣть сознательная дѣятельность, идеалы, обдуманная стремленія отдѣльныхъ лицъ къ благоустройству или къ нормальному развитію общественности? Въ какой мѣрѣ благоустройство это предполагаетъ личное благоденствіе отдѣльныхъ группъ и лицъ, на которыя неизбѣжно разлагается всякое общество? и т. п. Выше мы уже видѣли, что всякій самоновѣйшій изслѣдователь общественныхъ и нравственныхъ задачъ точно такъ-же встрѣчаетъ съ первыхъ-же шаговъ на своемъ пути эти роковые вопросы, какъ встрѣчали ихъ Платонъ и Аристотель, Горгіасъ или Протагоръ и всякій другой, осмѣливавшійся болѣе двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ утруждать свою мысль этими го-

ловоломными, но крайне поучительными для насъ изслѣдованіями.

По мнѣнію Альфреда Эпинаса, приведенному въ самомъ началѣ этой статьи, новѣйшій изслѣдователь по крайней мѣрѣ уже не встрѣчаетъ той двойственности рѣшенія этихъ вопросовъ, которая царила повсюду еще такъ недавно, когда всякій мудрецъ принималъ ученіе софистовъ и Руссо объ общественномъ договорѣ, или же примывалъ къ одной изъ космическихъ школъ (провиденціональной, философской или органической), руководясь гораздо болѣе личными своими стремленіями, вкусами, склонностями, даже темпераментомъ, чѣмъ чисто-научными доводами. Съ тѣхъ поръ, какъ „конституировалась соціологія, какъ наука общая“, утверждаетъ все тотъ-же почтенный авторъ психологическаго трактата объ обществахъ животныхъ, вопросы эти разъ навсегда безапелляціонно рѣшены, къ великому посрамленію софистовъ и Руссо и къ торжеству органическихъ воззрѣній. Мы уже знаемъ, что Эпинасъ не преувеличиваетъ чрезмѣрно практическаго значенія этого возделѣннаго „конституированія соціологіи“; онъ понимаетъ очень хорошо, что общественной наукѣ и за этимъ возделѣннымъ предѣломъ еще далеко не придется опочить на лаврахъ; но онъ твердо увѣренъ, что съ этихъ поръ приобрѣтена твердая почва, на которой добросовѣстные мыслители разныхъ странъ и разныхъ воззрѣній могутъ дружно и совокупными силами трудиться надъ разрѣшеніемъ и дальнѣйшихъ общественныхъ задачъ, взаимно пополняя и провѣряя другъ друга. *Общество есть организм*, по мнѣнію молодого французскаго соціолога; этотъ, будто-бы уже научно-установленный, фактъ стоитъ внѣ дальнѣйшихъ споровъ и заставляетъ насъ навсегда отказаться отъ всякихъ мечтаній и утопій на тему общественнаго договора и непосредственнаго воздѣйствія сознательныхъ стремленій отдѣльныхъ лицъ на общественное благополучіе и развитіе. Мы уже достаточно познакомили читателя съ тѣми оговорками и ограниченіями, съ которыми Спенсеръ проводитъ свое воззрѣніе на общество, какъ на организмъ, въ самомъ началѣ второго тома своихъ „Основъ соціологіи“. Однако, замѣчая не только въ одномъ Эпинасѣ несомнѣнное стремленіе принять это положеніе Герберта Спенсера за исходный пунктъ всей новѣйшей теоріи общественности, создаваемой, дѣй-

но, съ громадною затратою разносторонней учености и
руководящаго труда, мы считаемъ нелишнимъ подвергнуть еще нѣ-
которой дополнительной провѣркѣ не столько самое воззрѣніе на
общество, какъ на организмъ, сколько то историческое значеніе,
которое юный французскій ученый придаетъ этому воззрѣнію; но
мы это сдѣлаемъ въ слѣдующемъ нашемъ этюдѣ.

Л. Мечниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Н О Ч Ь Ю.

(Изъ Прешерна *).

Погоди, милый другъ: будутъ лучше дни
И опять загорятся повсюду огни;
    Все живое тогда встрепенется;
Гады спрячутся въ темныя норы опять,
Перестанутъ людей боязливыхъ пугать;
    Пѣсня громкая снова полетѣтъ!

А въ ненастную эту холодную ночь
Пѣть, что весело пѣлось когда-то, не въ мочь;
    Я-же пѣть не умѣю другого!
И молчитъ моя лира покуда, дитя...
Но какъ пѣсня къ тебѣ донесется моя —
    Знай: огни зажигаются снова!

А. Бругловъ.

---

*) Славянскій поэтъ, другъ изв. чешскаго поэта — Челаковскаго, знаменитое стихотвореніе котораго „Панихида“ имѣетъ нѣсколько переводовъ на русскомъ языкѣ.

ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ПРАВОВЪ.

— Да Бога-ради! Неужели и онъ также, и Сырниковъ сдѣлался воромъ?

Съ этимъ вопросомъ, къ величайшему удовольствію разскащика, Иванъ Ивановичъ обращался поочередно ко всѣмъ присутствующимъ, быстро размахивая руками и энергическимъ жестомъ потирая у себя за ухомъ, какъ-будто сгоняя докучливую муху. При этомъ лицо его, очень доброе и открытое, но далеко не красивое, сморщивалось, точно отъ сильной физической боли.

Дѣло въ томъ, что Иванъ Ивановичъ питалъ такое непреодолимое отвращеніе къ темнымъ поступкамъ, что, дѣйствительно, ощущалъ нѣчто вродѣ головнаго тика, когда сталкивался съ явленіями подобнаго рода. А ужь, вѣжется, можно было-бы привыкнуть въ наше время къ подобнымъ явленіямъ!

На улицахъ, въ ресторанахъ и трактирахъ, на парадныхъ балахъ и скромныхъ вечеринкахъ, во всякимъ разговорамъ и разсказамъ прилетается вѣчно одна и та-же несносная, омерзительная присказка о мошенничествахъ и грабежахъ болѣе или менѣе крупныхъ и ловкихъ.

Одними подробностями о банковскихъ исторіяхъ можно довести порядочнаго человѣка до изступленія и заставить его думать, что чортъ знаетъ до какихъ крайнихъ мѣръ, съ цѣлью спасти любезное отечество отъ всепоглощающей заразы любоставанія.

И какъ быстро развилась эта зараза, какъ пышно зацвѣла и распустилась на нашей черноземной общественной почвѣ, съ какою

акуратностью преподносить она каждый день публикѣ новые плоды, одинъ другого неожиданнѣе и курьезнѣе!

— Каждое утро просыпаюсь я съ мыслью, что сегодня меня могутъ привлечь къ какому-нибудь скандальному дѣлу, говоритъ хозяинъ дома, г. Масловъ, высокій, плотный блондинъ съ внушительной физиономіей и акуратно подстриженными бакенбардами. — Какъ тутъ уберечься? Знакомыхъ и друзей пропасть, а теперь такое время, что ни за кого нельзя ручаться. Сегодня съ какимъ-нибудь милымъ человѣкомъ благодушествуешь, безъ всякаго опасенія идешь съ нимъ рядомъ по улицѣ и въ общественномъ мѣстѣ разговариваешь и къ себѣ въ домъ на партію виста зазовешь, а завтра вдругъ окажется, что милый человѣкъ цѣлый миліонъ привезарманилъ! При допросахъ забирается, разумѣется, и путается на чемъ свѣтъ стоитъ, ссылается на дружбу съ сотнями благородныхъ и высокопоставленныхъ лицъ, назоветъ и тебя... А тутъ, на бѣду, между его бумагами какая-нибудь записочка отыщется, въ которой приглашаешь его на чашку чаю или освѣдомляешься о какомъ-нибудь пустяшномъ дѣлѣ, ну, и конечно! Готовься ко всевозможнымъ допросамъ, къ выслушиванію самаго безшабашнаго вранья, подвергайся ухищреннымъ изловленіямъ разныхъ слѣдователей, прокуроровъ, адвокатовъ, враговъ и друзей обвиняемаго... Тыфу! Просто морозъ подираетъ по кожѣ, когда подумаешь, въ какое время живешь.

Его слушали съ большимъ интересомъ. Нѣкоторые изъ гостей сочувственно кивали головой, другіе тонко улыбались, но никто не ловилъ cadaго его слова съ такою жадностью, какъ Иванъ Ивановичъ. У него даже глаза сдѣлались больше отъ блеска, загоравшагося въ нихъ, и вся физиономія покрылась багровыми пятнами; на вискахъ и на лбу, высокою и крутою, выступали крупныя капли пота, которыя онъ безпрестанно обтиралъ, то правой, то лѣвой ладонью, не переставая повторять при этомъ, то громко во всеуслышаніе, то иногда про себя шопотомъ, свое любимое восклицаніе. И наконецъ:

— Да Бога-ради! вскричалъ онъ, какъ-будто сообразивши нѣчто особенно ужасное и обвода присутствующихъ взглядомъ, полнымъ неподдѣльнаго отчаянія, — да Бога-ради! Въдъ я съ этой шельмой Сырниковымъ одно время по цѣлымъ днямъ путал-

са! Мы съ нимъ заводъ хотѣли строить... Ословъ вызвался хлопотать намъ казенную субсидію...

Иванъ Ивановичъ стихъ на минуту, чтобъ перевести дыханіе, а затѣмъ снова продолжалъ, выпячивая впередъ руки съ растопыренными пальцами.

— У него, у этого подлеца Сырникова, моихъ писемъ и записокъ, по крайней мѣрѣ, дюжины двѣ найдется... Прешлой весной, мы съ нимъ каждую недѣлю вмѣстѣ обѣдали у Букова, и я часто зазывалъ его къ себѣ... Мнѣ тогда и въ голову не приходило, чтобъ онъ когда-нибудь сдѣлался воромъ!

— Кому-же такая мысль могла придти въ голову, помилуйте! Мы всѣ считали Сырникова образцомъ честности, не вы одни въ немъ ошиблись, утѣшали со всѣхъ сторонъ Ивана Ивановича.

Но онъ не утѣшался и продолжалъ ерошить себѣ волосы.

— Нѣтъ, нѣтъ вы не знаете! Вы съ нимъ не были такъ близки, какъ я; вы съ нимъ не намѣревались вести дѣло, не ругали вмѣстѣ мошенниковъ и взяточниковъ, не обсуждали правительственныя распоряженія. Онъ съ вами не пускался въ такія откровенности, какъ со мной... Представьте себѣ, что онъ, собака эдакая, первый рассказалъ мнѣ про Твирскаго, что онъ далъ казенный заводъ въ приданое за дочерью!.. А также про Тетеркина, будто его любовница за каждое назначеніе беретъ по десяти, да по двадцати тысячъ!..

— А мнѣ онъ объяснилъ, какимъ образомъ Дуркинъ ухитрился изъ трехъ тысячъ жалованья нанимать квартиру въ пять тысячъ и содержать Каролину, прервалъ его одинъ изъ присутствующихъ.

— Да Бога-ради!

— А мнѣ онъ рассказывалъ прекурьезную исторію про Балалайкина, я—каго предводителя, какъ онъ сорокъ тысячъ изъ опеки стащилъ и какъ дворяне согласились между собою внести за него эти деньги...

— Вѣроятно, для того, чтобъ дать ему возможность поживиться на другомъ мѣстѣ...

— Да, а главнымъ образомъ для того, чтобъ имѣть руку въ столицѣ... Вы знаете, его мать была гувернанткой у князей Чаровыхъ? Черезъ нихъ Балалайкинъ и вылѣзъ въ люди...

— Но вѣдь онъ женатъ на богатой?

— Такъ что-же изъ этого? Жена его недавно говорила въ одномъ домѣ, что за мужа платитъ не намѣрена, тѣмъ болѣе, что его все равно подъ судъ не отдадутъ, а взыщутъ эти деньги съ дворянъ...

— Да Бога-ради! Бога-ради! отмахивался на всѣ стороны Иванъ Ивановичъ.

Поднялся такой громкій смѣхъ, что въ теченіи нѣсколькихъ минутъ ничего не было слышно. Всѣ наперерывъ принялись огорашивать чудака.

— Я знаю навѣрное, что въ Пѣтушковскомъ дѣлѣ пятнадцать генераловъ замѣшано, кричалъ одинъ.

— И три архіерея, подхватилъ другой.

При этомъ назывались по имени генералы и архіереи.

— А про Ослова слышали, господа? виѣшался въ разговоръ молчаливый баринъ, сидѣвшій до сихъ поръ совершенно смирно въ одномъ изъ угловъ комнаты.

Иванъ Ивановичъ, точно ужаленный, обернулся въ ту сторону. Господинъ весьма обстоятельно рассказалъ, какъ Ословъ перевелъ все свое состояніе на имя жены для того, чтобъ не платить слѣдующей съ него суммы на поименіе банковскаго недочета.

Разсказъ его всѣхъ заинтересовалъ; многіе замѣчали, что этого надо было ожидать. Ословъ поступилъ, какъ Овечкинъ, какъ Цвѣточкинъ и какъ множество другихъ. Да и странно было-бы поступить иначе...

Но Иванъ Ивановичъ не переставалъ волноваться и изумляться.

— Ословъ! Даже Ословъ! Ну, ужъ послѣ этого! повторялъ онъ, разводя руками и беспомощно опуская голову.

Онъ глубоко задумался и, какъ туча, нахмурился. А вокругъ продолжали сыпаться анекдоты. Ихъ приправляли остроумными, обставляли пикантными подробностями. Всѣ хохотали, но Иванъ Ивановичъ пересталъ принимать участіе въ общей бесѣдѣ; у него не хватало силъ даже на обычное его восклицаніе. Онъ окончательно перекипятился, ослабъ даже, только отмахивался руками, издавая какіе-то неясные звуки горломъ, и вдругъ совершенно неожиданно сорвался съ мѣста, загребъ свою фуражку и, точно угорѣлый, выбѣжалъ изъ комнаты, ни съ кѣмъ не простившись.

Онъ былъ очень красенъ и дышалъ съ трудомъ; грудь стѣ-

снило, въ глазахъ помутилось. Въ подобныхъ случаяхъ Иванъ Ивановичъ всегда прибѣгалъ къ примитивнымъ средствамъ: обливалъ себѣ голову холодной водой до тѣхъ поръ, пока зубы не начинали стучать отъ стужи; помогалъ ему также усиленный моціонъ верстъ въ десять, въ пятнадцать, а иногда онъ сажалъ себя на строгую діету и питался однимъ хлѣбомъ съ молокомъ до тѣхъ поръ, пока не унимались припадки расхолодившейся въ немъ желчи.

Про докторовъ онъ говорилъ, что всѣ они шарлатаны уже потому, что осмѣливаются проповѣдывать непогрѣшимость такой невѣрной и малоисслѣдованной науки, какъ медицина. Иванъ Ивановичъ утверждалъ, что каждый человѣкъ, мало-мальски свѣдущій и образованный, всегда въ состояніи самъ себя лечить.

— Стоять только изучить химію, фізику, да немного анатоміи, повторялъ онъ каждый разъ, когда при немъ говорили о докторсахъ и болѣзняхъ. — Да и, наконецъ, развѣ посторонній человѣкъ можетъ знать лучше меня самого то, что происходитъ въ моемъ собственномъ брюхѣ, въ груди или въ головѣ? Конечно, нѣтъ, рѣшалъ онъ такъ авторитетно, что спорить съ нимъ было-бы совершенно напрасно.

Впрочемъ, Иванъ Ивановичъ держался своеобразныхъ идей не въ одной медицинѣ; когда рѣчь касалась политики, въ убѣжденіяхъ его оказывалось еще болѣе оригинальности и упорства, тѣмъ болѣе досаднаго и раздражающаго свойства, что они шли всегда въ разрѣзъ съ мнѣніемъ большинства.

— Да Бога ради! махалъ онъ беззащитно руками даже на такихъ людей, которые считались авторитетами. Впрочемъ, когда Иванъ Ивановичъ начиналъ спорить, онъ никогда не принималъ въ соображеніе личность своего противника и никогда не взвѣшивалъ, какой именно дозой почета и довѣрія пользуется она въ мнѣніи общества и начальства. — Да Бога ради! Развѣ можно судить такъ узко и глупо о томъ, въ чемъ вы ровно ничего не смыслите? настойчиво повторялъ онъ, когда дѣло шло о коварствахъ Англіи, измѣнахъ Австріи, легкомысленности Франціи и глубокомысліи Германіи.

А затѣмъ онъ тотчасъ-же принимался доказывать діаметрально-противоположное тому, что доказывалось всѣми газетами, всѣми слухами и сплетнями, даже самыми вѣрными, почерпнутыми
„Дѣло“, № 10, 1879 г.

изъ самыхъ близкихъ источниковъ, безпощадно опровергая всеобщія ожиданія и убѣжденія.

Недаромъ слылъ Иванъ Ивановичъ у начальства человѣкомъ безпокойнымъ; товарищи-же находили его непріятнымъ, а короткіе знакомые считали чужакомъ. При такой обстановкѣ, Иванъ Ивановичъ отнюдь не могъ рассчитывать на быструю и блестящую карьеру, и враговъ у него было множество.

Враги эти утверждали, что, какъ ни велики его заслуги, какъ ученаго и дѣятельнаго техника, отечество отлично обошлось-бы безъ этихъ заслугъ и что польза, приносимая его трудами, далеко не выкупаетъ тѣхъ непріятныхъ исторій и неловкихъ столкновеній, которыя постоянно порождаются его несчастною страстью громко и рѣзко высказывать свои мнѣнія, разоблачать чужія ошибки и обнаруживать темныя стороны тамъ, гдѣ ни одному разумному человѣку не пришло-бы въ голову ихъ отыскивать.

II.

Когда Иванъ Ивановичъ вышелъ отъ Масловыхъ, было около семи часовъ вечера. Все, что онъ слышалъ, коломъ стояло у него въ головѣ и положительно перевернуло все его міросозерцаніе. Особенно трудно было совладать съ новымъ представленіемъ объ Ословѣ. Десять лѣтъ сразу считать человѣка честнымъ и вдругъ узнать, что онъ ничѣмъ не лучше другихъ — есть съ чего расходиться желчи и разболѣться головѣ!

Иванъ Ивановичъ и не замѣтилъ, какъ онъ прошелъ нѣсколько улицъ, перерѣзалъ двѣ площади и очутился на одной изъ набережныхъ. Точно такъ-же машинально завернулъ онъ подъ темный сводъ каменной арки, съ будкой, украшенной часовымъ, и проникъ въ обширный и весьма опрятно содержанный дворъ, по которому сновали люди съ коротко обстриженными волосами, въ затасканныхъ форменныхъ курткахъ и скюртукахъ, и остановился у одного изъ входовъ, черпавшихъ на известномъ разстояніи одинъ отъ другого, внутри каменнаго четырехъ-угольнаго ящика, въ пять ярусовъ пронизаннаго окнами, такъ-же симметрично и почти такъ-же тѣсно расположенныхъ, какъ ячейки въ соту.

Едва успѣлъ Иванъ Ивановичъ занести ногу на первую сту-

леньку маленькой, каменной лѣстницы, что вела къ узкой площадке, съ дверью въ темный длинный коридоръ, какъ навстрѣчу ему высочила растрепанная *Сама*, горничная Фуксиныхъ.

— Дома господа? спросилъ у нея Иванъ Ивановичъ.

— Дома-съ. Баринъ проснулись, приказали за кислыми щами сбѣгать въ лавочку и опять заснули, а бариня въ гостиной за книжкой сидятъ... Пожалуйте-съ, прибавила она скороговоркой и юркнула мимо него дальше.

Иванъ Ивановичъ началъ пробираться вдоль чернаго коридора, извивавшагося лабиринтомъ по всему обширному зданію. Онъ шелъ медленно, почти ощупью. Газовые рожки были здѣсь такъ скупо разставлены и мерцали такимъ тусклымъ свѣтомъ, что волей-неволей приходилось ступать осторожно. Каждую минуту которая нибудь изъ дверей, выходящихъ въ этотъ коридоръ, растворялась; изъ нея выскакивали горничныя, кухарки, деньщички, вырывались отрывки громкой бабьей болтовни и разносились на далекое пространство запахи жаренаго кофе, луку, подгорѣлаго масла и тому подобное.

Впрочемъ, сюда выходили не однѣ только кухни большихъ помѣщеній, съ парадными подъѣздами на улицу; здѣсь также попадались входы въ маленькія квартиры съ плотно припертыми дверями, на которыхъ красовались металлическія дощечки или визитныя карточки съ фамиліями обитателей.

На той двери, передъ которой остановился Иванъ Ивановичъ, стояло имя Николая Петровича Фуксина. Иванъ Ивановичъ дернулъ звонокъ, и ему немедленно отворили. Въ тѣсной, темноватой прихожей, кромѣ деньщика дожидался пробужденія барина вѣстовой съ бумагами, а изъ гостиной выглянула молодая женщина, очень нарядная, въ затѣливой прическѣ и съ бойко бѣгающими черными глазками. Это была сама хозяйка, супруга того господина, внушительный храпъ котораго раздавался по всей квартирѣ.

— Максимъ, кто это? спросила она настолько громко, что Иванъ Ивановичъ слышалъ этотъ вопросъ, несмотря на бранчанье снимаемой сабли.

— Я, я, объявилъ онъ, по своему обыкновенію, торопливо и озабоченно.

Софья Ивановна тотчасъ-же узнала этотъ голосъ, и на лицѣ ея выразилась весьма неелстная для посѣтителя гримаска.

— Ахъ, это вы, Иванъ Ивановичъ! А я думала—Нѣжинцевъ; онъ обѣщался сегодня придти... Ну, да все равно, войдите. Коля еще спитъ, но его и безъ того пора будить. Войдите...

И, подойдя къ двери, ведущей въ маленькую комнату, называемую кабинетомъ Николая Петровича, она громко закричала:

— Вставай, Коля! Изъ штаба давно съ бумагами дожидаются... Да вотъ еще Иванъ Ивановичъ пришелъ... Вы по дѣлу, или такъ? обратилась она къ этому послѣднему.

— Надо кое-что передать Николаю Петровичу... Впрочемъ, я и такъ хотѣлъ зайти, давно не видались.

— Что вы!.. Да вы у насъ, кажется, третьяго дня были... Ну, все равно, садитесь... Ишь, какъ сопить!

Хозяинъ начиналъ просыпаться; храпъ его постепенно переходилъ въ какое-то хрюканье.

— Садитесь, повторила Софья Ивановна, примащиваясь сама на отоманѣ у трельяжа.

Но едва только гость захотѣлъ послѣдовать этому приглашенію и взялся за спинку близь-стоявшаго кресла, чтобъ поставить его въ болѣе удобное положеніе, какъ хозяйка засуетилась.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставьте, пожалуйста, это кресло, садитесь вотъ сюда, настойчиво указывала она на стулъ, торчавшій особнякомъ у печи.

Передвиженіе этого стула съ одного мѣста на другое не нарушало симетріи въ комнатѣ,—вотъ почему акуратная хозяйка такъ усердно имъ потчивала неприхотливыхъ посѣтителей вроде Ивана Ивановича. Соблюденіе порядка въ красивой обстановкѣ ихъ гостиной было, кажется, единственнымъ пунктомъ, на которомъ супруги Фуксинны вполне сходились между собою. Они оба обожали блестящія бездѣлушки, хрупкую затѣйливую мебель, всевозможныя тряпочки, украшенныя бахромой и кисточками, ажурныя этажерки и подставочки, трельяжи, оббитые такою дрянью, какъ искусственный плющъ, напимѣръ, съ колокольчиками изъ персти. У Софьи Ивановны доставало терпѣнія проводить цѣлыя

дни за обтираніемъ пыли съ этихъ цвѣточковъ и листочковъ, а также за чисткой и разстановкой вещицъ, натаскиваемыхъ ея супругомъ изъ гостинаго двора и съ разныхъ аукціоновъ, до которыхъ онъ былъ всегда большой охотникъ.

Пріемная Фуксинныхъ была всегда до такой степени переполнена этими разнокалибернымъ добромъ, что непривычный посѣтитель чувствовалъ себя въ ней точно такъ-же неловко, какъ въ магазинѣ, заставленномъ стеклянной и фарфоровой посудой.

Впрочемъ, даже и короткіе знакомые Фуксинныхъ не безъ боязни покидали мѣста, указанныя имъ хозяевами,—такъ трудно было здѣсь повернуться, не разбивъ или не опрокинувъ чего-нибудь!

Посѣщенія Ивана Ивановича постоянно сопровождались несчастіями подобнаго рода, а потому хозяева принимали всевозможныя мѣры для того, чтобъ оградить свои сокровища отъ его медвѣжьихъ хватокъ и порывистыхъ движеній.

Сегодня онъ былъ очень утомленъ и взволнованъ; по лицу его катился потъ, который онъ усердно обтиралъ носовымъ платкомъ огромныхъ размѣровъ, съ яркими цвѣтными каймами. Присѣвшая на отоманкѣ барыня нѣсколько времени посматривала на него съ иронической усмѣшкой, а затѣмъ, придвинувъ къ себѣ красивый рабочій ящичекъ, вынула изъ него начатое frivolité и, принимаясь за работу, спросила:

— Вы, вѣрно, съ вашего завода пѣшкомъ приперли, что такъ устали?

Иванъ Ивановичъ отвѣчалъ, что онъ сегодня обѣдалъ у Масловыхъ.

— У нихъ, говорятъ, новый трельяжъ въ залѣ, встрепенулась барыня;—правда это?

— Не замѣтилъ.

Отвѣтъ этотъ заставилъ ее презрительно пожать плечиками.

— Ну, конечно, гдѣ же вамъ замѣтить! У васъ мысли на разные міровые вопросы направлены; вамъ не до того, чтобы заниматься тѣмъ, что обыкновенныхъ смертныхъ интересуетъ!

— У Масловыхъ рассказывали... началъ было Иванъ Ивановичъ, но, спохватившись, оборвалъ начатую рѣчь на полусловѣ и, оглянувшись на дверь въ кабинетъ, спросилъ, скоро ли просвется Николай Петровичъ? — Мнѣ надо его видѣть... Подите,

пожалуйста, скажите ему, чтобы онъ шелъ сюда скорѣе, прибавилъ онъ съ возрастающею настойчивостью въ голосѣ и даже довольно повелительно.

— Боля, закричала Софья Ивановна, — проснись, пожалуйста! Сьума ты сошелъ такъ спать!

— Ну, что тамъ еще? заворчалъ охрипшій голосъ мужа за стѣной.

— Да вставай-же, наконецъ! Говорять тебѣ, курьеръ изъ штаба дожидается, а также Иванъ Ивановичъ... а ты все дрыхнешь! Фу, какой несносный!

— Слышу, слышу, приду сейчасъ... Чего тамъ, загорѣлось что-ли?

Голосъ все болѣе и болѣе ослабѣвалъ и почти тотчасъ-же снова раздался храпъ.

— Ахъ, противный! Это онъ каждый разъ такъ, послѣ вечера у Ангеловыхъ!.. Дуются въ стуюлку до разсвѣта, налижутя наливки и весь день потомъ точно оглашенные бродятъ. Нечего дѣлать, придется съ постели силой тащить.

Она вскочила съ мѣста и вылетѣла въ сосѣднюю комнату. Стѣны были тонкія, а разговоръ между супругами завязался такой крупный, что любознательному наблюдателю легко было-бы проникнуть въ сокровеннѣйшія тайны ихъ семейной жизни; для этого не стоило даже особенно напрягать слуха, такъ громогласно ворчалъ Николай Петровичъ и такъ звонко трещала ему въ отвѣтъ Софья Ивановна! Но Иванъ Ивановичъ былъ не изъ любопытныхъ; ему даже, повидимому, сдѣлалось такъ непріятно слушать препирательства хозяевъ, что онъ рѣшился покинуть опредѣленное ему мѣсто у печки и, взявъ со стола альбомъ съ фотографіями, подошелъ съ нимъ къ окну и началъ машинально передистывать картонныя рамки со вставленными въ нихъ болѣе или менѣе знакомыми фізіономіями до тѣхъ поръ, пока глазамъ его не представилось женское молодое личико, окруженное, точно ореоломъ, свѣтлыми вьющимися волосами. Большіе глаза, тоже свѣтлые (въ натурѣ они были сѣрые съ зеленоватымъ отливомъ), глядѣли такъ серьезно и настойчиво, что невольно возбуждали желаніе узнать думу, таившуюся за ними.

Иванъ Ивановичъ такъ засмотрѣлся на эту карточку, что не замѣтилъ появленія круглолицаго, заспаннаго хозяина; онъ оч-

нулся отъ своего забытья только тогда, когда Николай Петровичъ подошелъ къ нему совсѣмъ близко и, заглянувъ въ альбомъ, который онъ держалъ въ рукахъ, засопѣлъ густымъ басомъ надъ самымъ его ухомъ:

— Мое почтеніе, Иванъ Ивановичъ! На кого это вы такъ залюбовались? На Ниночку?

Хорошо, что въ комнатѣ стемнѣло и что нельзя было видѣть, какъ смутился Иванъ Ивановичъ при этомъ замѣчаніи, какъ онъ покраснѣлъ и съ какой неловкой торопливостью началъ складывать альбомъ.

— Соня мнѣ говорила, что вамъ надо мнѣ что-то передать, продолжалъ Фуксинъ, не дожидаясь отвѣта на свой первый вопросъ и разваливаясь на диванѣ.

Онъ съ трудомъ подавилъ свое желаніе зѣвнуть во весь ротъ.

Иванъ Ивановичъ положилъ альбомъ на столъ и усѣлся на свое мѣсто у печки.

— Мы обѣдали сегодня у Маслова, началъ онъ, покручивая между пальцами папиросу.

Хозяинъ его прервалъ:

— Вы обѣдали у Маслова? Тамъ всегда услышишь что-нибудь новенькое... Чортъ его знаетъ, этого Маслова, какъ онъ это дѣлаетъ, но только ему вѣчно раньше всѣхъ извѣстны всѣ назначенія...

— Объ Ословѣ слышали? прервалъ его, въ свою очередь, Иванъ Ивановичъ.

— Нѣтъ; а что?

И, тревожно оглянувшись на жену, онъ прибавилъ:

— Слышишь, Соня?

— Слышу, слышу.

Она за минуту передъ тѣмъ вспомнила, что у нея есть конфеты въ спальнѣ, и пошла-было за ними, но при имени Ослова остановилась, какъ вкопанная, въ дверяхъ.

— О немъ говорятъ, будто онъ перевелъ все свое состояніе на имя жены, продолжалъ взволнованнымъ голосомъ гость.

Хозяинъ съ недовольнымъ видомъ поджалъ губы и началъ нетерпѣливо постукивать пальцами по столу.

— Ну-съ, и что-же дальше? произнесъ Фуксинъ, сдвигая брови.

Иванъ Ивановичъ вскинулъ на своего собесѣдника изумленный взглядъ.

— Да это такая мерзость, что даже повѣрить трудно!..

— То-есть, въ какомъ-же смыслѣ мерзость?

— Да во всякомъ, помируйте! Человѣку оказываютъ такое огромное довѣріе...

— Вы только за этижъ зашли сегодня къ намъ? перебилъ его съ досадою хозяйинъ.

— Я зашелъ къ вамъ, потому что думалъ встрѣтить у васъ Нину Петровну... Она просила разузнать про ихъ новую начальницу; я разузналъ...

Николай Петровичъ возвысилъ голосъ.

— Соня, слышишь? Иванъ Ивановичъ разузналъ про Ниночкину начальницу.

Софья Ивановна высочила изъ сосѣдней комнаты съ коробкой въ рукахъ.

— Разузнали? Ну, что-жь?

— Да ничего особеннаго. Какъ я предполагалъ, такъ и вышло: свѣтская дама, вдова генерала, вотъ и все. Выхлопотали ей мѣсто друзья покойнаго мужа за то, что онъ дѣлился съ ними доходами... Въ дѣлѣ, конечно, ничего не смыслить...

— И отлично, замѣтила Софья Ивановна.

— Что-же тутъ отличнаго, помируйте? Развѣ такая женщина сьумѣетъ оцѣнить Нину Петровну?

— Она оцѣнить въ сестрѣ уже то, что Нина порядочная женщина, надѣбно выпятилъ грудь Николай Петровичъ.

А жена его немедленно подхватила:

— И если она свѣтская дама, какъ вы говорите, то она сьумѣетъ отличить Ниночку отъ окружающей ее швали... Манеры сестры, французское произвошеніе, все это должно ей броситься въ глаза... Она тотчасъ-же признаетъ въ ней женщину одного съ нею общества и образованія...

— Да Бога-ради! Какое-же отношеніе имѣютъ манеры и французскій языкъ къ обязанностямъ Нины Петровны? Ей надо слѣдить за тѣмъ, чтобы дѣти бѣдныхъ родителей были до-сыта накормлены и чисто одѣты... Причемъ тутъ французскій языкъ-то, скажите на милость?

— Вамъ не для чего такъ настоятельно повторять, что у сестры низкая должность; мы это и безъ васъ знаемъ, обидчиво произнесла мадамъ Фуксина, шумно захлопывая крышку рабочаго ящика.

При этомъ она даже вспыхнула отъ досады.

— Полно, Соня, стоять-ли обижаться! замѣтилъ Николай Петровичъ, пожимая плечами и презрительно приподнимая брови. Она усмѣхнулась и снова принялась за работу.

— Нина Петровна такъ честно исполняетъ свои обязанности, что ей дѣльной начальницы опасаться нечего; напротивъ того; продолжалъ между тѣмъ распространяться Иванъ Ивановичъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на эффектъ, производимый его словами,—еслибъ у насъ служащій человекъ былъ всегда огражденъ отъ произвола...

Супруги Фуксины съ усмѣшкой переглянулись.

— Поѣхалъ! процѣдилъ сквозъ зубы Николай Петровичъ.

Кто это выдумалъ, что Фуксины вѣчно грызутся между собой и что въ ихъ домѣ даже неприятно бывать, такъ безцеремонно высказываютъ они другъ другу неприятныя истины? Кто это выдумалъ, что они ни на чемъ сойтись не могутъ? Это сущій вздоръ. Есть вопросы, на которыхъ они сходятся съ истинно-трогательнымъ единодушіемъ. Вотъ, напримѣръ, когда Иванъ Ивановичъ у нихъ, какъ дружно смѣются они надъ каждымъ его словомъ!.. Надо быть такимъ чудакомъ, какъ онъ, чтобъ этого не замѣчать и высказывать свои убѣжденія такъ громко и рѣзко.

— Въ Пруссіи, продолжалъ онъ преслѣдовать свою мысль,— въ Пруссіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія нашелся государственныи человекъ, который объявилъ, что чиновникъ не долженъ считать себя слѣпымъ орудіемъ начальства... Тамъ безъ суда никого нельзя выгнать со службы; тамъ ведутся списки всѣмъ кандидатамъ на штатныя должности; списки эти публикуются печатно и всѣмъ извѣстны... Обойти человека потому только, что начальникъ любитъ окружать себя пріятными людьми, тамъ невозможно.

— Скажите, пожалуйста, какая жалость, что у насъ этого нѣтъ! иронически усмѣхнулась Софья Ивановна.— Тамъ васъ давно-бы произвели въ генералы.

— Можетъ быть, произвели-бы, а, можетъ быть, и нѣтъ; но

во всякомъ случаѣ это зависѣло-бы не отъ произвола какого-нибудь Теляткина, а отъ старшинства...

— Ну, да, вамъ-то было-бы, пожалуй, выгодноѣе при такихъ порядкахъ, но зато другимъ пришлось-бы хуже... Да вотъ нашей Ниночкѣ, напримѣръ. Она безъ году недѣлю служитъ и, казалось-бы, ни о какой наградѣ мечтать не смѣетъ, а между тѣмъ одинъ человѣкъ обѣщалъ мнѣ выхлопотать, чтобъ ей вспомошествованіе дали и отпускъ на шесть недѣль... Въ новой директрисѣ тоже можно найти дорожку...

Софья Ивановна весело подмигнула мужу.

— Не съѣздить-ли мнѣ къ Ослову, Количка, какъ ты думаешь? Жена его приходится ей кузиной; мнѣ это вчера Нѣжинцевъ говорилъ...

— Ословъ! Вы хотите ѣхать къ Ословымъ? вскричалъ Иванъ Ивановичъ, которому это имя тотчасъ-же напомнило разговоръ у Масловыхъ. — Да вѣдь я-же сію минуту передавалъ вашему мужу, что онъ все свое имѣніе перевелъ на имя жены; объ этомъ всѣ громко говорятъ...

Софья Ивановна расхохоталась.

— Вотъ нашли новость! Да мы это давнымъ-давно знаемъ...

Но мужъ ея сердито сдвинулъ брови.

— Ты ничего не понимаешь, Сося, молчи лучше.

А затѣмъ, обратясь къ гостю, онъ продолжалъ:

— Положимъ даже, что это и правда; положимъ, что Ословъ перевелъ свое имѣніе на имя жены, что-же вы изъ этого выводите, интересно было-бы знать?

— Онъ это сдѣлалъ, чтобы не платить слѣдующую съ него сумму въ банкъ...

— Можетъ быть.

— Да вѣдь это подлость!

Тутъ ужъ Николай Петровичъ не вытерпѣлъ; онъ приподнялся съ дивана, скрестилъ руки на груди и, пристально взглядывая на своего собесѣдника, произнесъ довольно запальчиво:

— А какъ вы назовете человѣка, который пачкаетъ своего благодѣтеля?

Глаза Ивана Ивановича тоже загорѣлись гнѣвомъ.

— Если благодѣтель окажется мерзавцемъ...

— Все равно, милостивый государь! Тутъ дѣло не въ томъ,

чѣмъ окажется въ послѣдствіи человѣкъ, протянувшій намъ руку помощи въ трудную минуту, тутъ рѣчь идетъ о принципѣ... Вы Ослову всѣмъ обязаны...

— Позвольте, позвольте!.. Чѣмъ же собственно я обязанъ Ослову? Тѣмъ, что онъ первый оцѣнилъ мои способности и далъ мнѣ случай примѣнить ихъ къ дѣлу, служить на пользу общества?

— Хотя-бы даже и этимъ; развѣ этого мало?

— Да Бога ради! Развѣ я не оправдалъ его довѣрія?

— Тутъ дѣло не въ томъ...

— Какъ не въ томъ? Именно въ этомъ и даже ни въ чемъ больше... Въ Бельгіи...

— Оставьте насъ, пожалуйста, въ покоѣ съ вашей Бельгіей! Очень намъ нужно знать, какъ тамъ съ чиновниками поступаютъ! Мы подъ тамошними законами не жили и жить не будемъ; у насъ свои порядки и въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ...

— За-границей люди совсѣмъ другіе; имъ, конечно, наши законы не годятся, перебила его Софья Ивановна; вотъ—въ Швейцаріи, напримѣръ, до того довели экономію, что даже въ черныхъ платьяхъ вѣнчаются... Помнишь, Боля, дочь нашей хозяйки въ Лозаннѣ? Надѣла бѣлый вуаль съ флеръ-доранжемъ на черное шелковое платье и распродовольна, воображаетъ, что на ней вѣнчальный нарядъ... Чистое безобразіе!

Ее никто не слушалъ; мужчины продолжали кричать и спорить о своемъ.

— Удивительно обогатилось-бы государство, еслибы Ословъ пустилъ свое семейство по міру! разводилъ руками Николай Петровичъ.

— Да тутъ принципъ, поймите-же, принципъ! волновался Иванъ Ивановичъ.

— А семейныя обязанности, это не принципъ, по-вашему? А представительность въ обществѣ? А необходимость поддерживать связи?.. Вы не забудьте, какое мѣсто онъ занимаетъ! На его послѣднемъ раутѣ даже князя были... Вы это, кажется, ни во что не ставите? Вотъ до чего доумничались!

— Да Бога ради! Развѣ можно припутывать всякій вздоръ

къ вопросамъ такой существенной важности, какъ общественная дѣятельность?

— Что вы намъ все тычете въ носъ вашу общественную дѣятельность?.. Можно подумать, что вы насъ удивить хотите этимъ словомъ!

— Коля правду говорить. Развѣ нельзя просто сказать: военная служба или штатская, въ такомъ-то полку или въ такомъ департаментѣ? замѣтила, въ свою очередь, Софья Ивановна.— Къ чему употреблять такія высокопарныя выраженія?

— Ну, ужь, матушка, не суйся, ради Бога! Ничего тутъ не понимаешь!

— Съ чего ты взялъ, чтобъ я молчала, скажи на милость? Я все это отлично понимаю, даже лучше васъ понимаю!.. Вчера мы съ Зиной Собакиной въ гостиномъ дворѣ встрѣтились... Она очень коротко знакома съ Ословыми... Ахъ, да, я и забыла совсѣмъ, она и Твирскихъ знаетъ, и ей сама сестра мсье Твирскаго рассказывала про исторію съ заводомъ. Помнишь, Коля, еще вчера у насъ Нѣжинцевъ говорилъ?.. Ну, теперь оказывается, что Твирскому нельзя было поступить иначе; надо-же было чѣмъ-нибудь обезпечить дочь!.. Къ тому-же все это вполне законно, и каждый на его мѣстѣ сдѣлалъ-бы то-же самое... Зина говоритъ...

— Полно трещать, это вовсе не бабье дѣло! Ну, что вы съ Зиной Собакиной въ казенныхъ заводахъ смыслите, скажите на милость? Развѣ это шляпки или турнюры? замѣтилъ съ сильнымъ раздраженіемъ мужъ.

— Ахъ, пожалуйста, пожалуйста! Какой несносный! Вѣчно перебиваетъ, не даетъ слова сказать, а самъ по цѣлымъ часамъ несетъ ерунду и требуетъ, чтобъ его слушали и поддакивали ему! Очень нужно! Да я съ тобой и говорить-то не хочу, потому что не стоитъ; я вотъ съ Иваномъ Ивановичемъ...

Она произнесла эти слова такимъ рѣшительнымъ тономъ и при этомъ такъ возвысила голосъ, что Николаю Петровичу ничего больше не осталось дѣлать, какъ покориться. Онъ и покорился и, съ видомъ человѣка, рѣшившагося терпѣливо присутствовать до конца скучной комедіи, откинулся на спинку кресла и началъ раскуривать сигару.

А Софья Ивановна между тѣмъ, повернувшись къ нему, въ

знакъ презрѣнія, спиной, обратилась прямо къ Ивану Ивановичу.

— Вы, вѣрно, не знаете всѣхъ подробностей этой исторіи? Ну, слушайте, вотъ какъ это вышло, очень просто, совсѣмъ не такъ, какъ рассказываютъ въ городѣ... У нихъ собрался тамъ комитетъ... Давно это было, въ прошломъ году, кажется, а, можетъ быть, и раньше, не умѣю вамъ сказать... ну, да все равно... Собрались толковать о дѣлахъ, однимъ словомъ... Что ты хихикаешь, точно дуракъ? накинулась она на ухмылявшагося супруга. — Какая важность, что я вашихъ дурацкихъ терминовъ не знаю, скажите, пожалуйста! Лишь-бы понятно было... а ты даже эдакъ не расскажешь! Какъ начнешь путаться въ словахъ, конца не видать! По сту разъ одно и то-же повторяешь... Ну-съ, толковали, толковали, и, наконецъ, рѣчь зашла о заводахъ, что мало дохода приносятъ, обратилась она снова къ гостю; — кто-то и выдумалъ спросить: не выгоднѣе-ли будетъ отдать въ аренду партикулярному человѣку? Всѣ согласились, что идея прекрасная; а такъ-какъ Твирскій у нихъ тамъ главный, то ему и поручили отыскать такого человѣка. Но вѣдь Твирскій не Святой Духъ, чтобы самому вникать во все и все знать, что у него въ вѣдомствѣ дѣлается; у него для этого есть чиновники, а у чиновниковъ этихъ пропасть родныхъ и знакомыхъ... Ну, извѣстное дѣло, всякій и рекомендуетъ своего... Но тутъ всѣ, точно сговорившись, начали просить за Теляткина, хвалить его, ручаться за его умъ, ловкость, надежность... Ручались и просили такіе люди, которымъ нельзя было не вѣрить; также и мадамъ Твирская пристала къ мужу, чтобы онъ отдалъ заводъ Теляткину... очень можетъ быть, что она при этомъ сказала ему, что старшая ихъ дочь влюблена въ него... Зина увѣряетъ, что она непременно должна была это сказать... Такъ что-же изъ этого? Неужели-же мсье Твирскому надо было обойти Теляткина только потому, что онъ сдѣлалъ предложеніе ихъ дочери? Это было-бы ужасно глупо, и все равно никто-бы этому не повѣрилъ... Изъ чего-бы онъ сталъ донкихотствовать, скажите на милость?

— Какъ изъ чего! вскричалъ внѣ себя Иванъ Ивановичъ. — Помилуйте! Въ одно и то-же время съ Теляткиннмъ явился и Овсовъ, тотъ самый, которому впоследствии сдали заводъ... Овсова тогда до торговъ не допустили, а между тѣмъ онъ предла-

галъ исполнить заказъ дешевле на два миліона... Эти два миліона не были-бы теперь въ карманахъ Теляткіна; они остались-бы въ касѣ...

— Неужели два миліона? воскликнула, въ свою очередь, Софья Ивановна. — Быть не можетъ!

Глаза ея широко раскрылись отъ изумленія.

— И все это досталось одному Теляткіну? продолжала она, переводя удивленный взглядъ съ гостя на мужа и съ мужа опять на гостя. — Я думала только тысячъ сорокъ, пятьдесятъ... а то два миліона! Неужели это правда, Коля?

Николай Петровичъ утвердительно кивнулъ головой, а Иванъ Ивановичъ, объясняя удивленіе Софьи Ивановны на свой ладъ и, по своему обыкновенію, совершенно превратно, спросилъ у нея, понимаетъ-ли она теперь, почему поступокъ Твирскаго нельзя называть иначе, какъ подлостью?

— Онъ далъ возможность поживиться этими двумя миліонами человѣку, который сдѣлался его зятемъ; это рѣшительно все равно, какъ еслибъ онъ эти два миліона прикарманилъ себѣ...

Софья Ивановна нетерпѣливо прервала его.

— Ахъ, что это вы? Я вовсе не то хочу сказать...

А затѣмъ она глубоко задумалась и послѣ довольно продолжительнаго молчанія спросила, кто еще, кромѣ Твирскаго, имѣетъ возможность распоряжаться заводами?

— Нѣжинцевъ тутъ не при чемъ? обратилась она къ мужу.

Онъ выпустилъ густой клубъ дыма, внимательно посмотрѣвъ на жену и угрюмо буркнулъ:

— Разумѣется, не при чемъ; съ чего ты это взяла?

— Нѣтъ, я такъ... мнѣ пришла одна мысль въ голову, я скажу тебѣ послѣ.

Николай Петровичъ еще усерднѣе засосалъ свою сигару и еще сосредоточеннѣе сдвинулъ брови. Ему тоже забрела на умъ новая мысль, можетъ быть, та-же самая, что и его женѣ... Кто знаетъ!..

Право-же, между супругами Фуксинными было гораздо больше согласія, чѣмъ можно было предполагать, слушая ихъ вѣчныя ссоры и брань. Недоразумѣнія въ пустякахъ нисколько не мѣшали имъ жить одинаковыми интересами, смотрѣть на жизнь одними глазами и при случаѣ отлично поддерживать другъ друга.

III.

Въ прихожей раздался звонокъ. Иванъ Ивановичъ протянулъ было руку за фуражкой, но Софья Ивановна подѣтигла это движеніе и тотчасъ-же остановила намѣреніе своего гостя.

— Куда вы? Это, вѣрно, Ниночка; больше никому быть... Теперь ужъ поздно, вы ее домой проводите...

Иванъ Ивановичъ положилъ фуражку на прежнее мѣсто и не безъ смущенія оглянулся на дверь въ прихожую. Онъ вдругъ какъ-то весь преобразился: глаза его приняли ласковое выраженіе, на губахъ заиграла добродушная усмѣшка, даже всѣ его движенія сдѣлались какъ-то мягче. Онъ тщательно потушилъ окурокъ папироски, прежде чѣмъ всунуть его въ стоявшую передъ нимъ пепельницу, машинальнымъ движеніемъ страхнулъ пепель, приставшій къ одному изъ его рукавовъ, и пригладилъ ладонью усы и бакенбарды.

— Сдѣлайте милость, воздержитесь при ней отъ вашихъ сужденій на-счетъ новой начальницы, замѣтилъ ему Николай Петровичъ; — у нея и безъ того голова набита всякимиъ вздоромъ и обо всемъ она судить шиворотъ на выворотъ. Вы знаете, мы ей никогда не совѣтовали брать казенное мѣсто, сама захотѣла... У насъ всегда нашелся-бы для нея кусокъ хлѣба и уголь, накопецъ, и занятіе приличное подыскалось-бы... Теперь ужъ, разумеется, поздно; теперь мы такъ устроились, что лишній человекъ насъ ужасно стѣснить...

— Развѣ Нина Петровна желаетъ покинуть свое мѣсто? спросилъ довольно тревожно Иванъ Ивановичъ.

— И не думаетъ, вмѣшалась въ разговоръ мадамъ Фуксина. — Богъ знаетъ, откуда у Коли такія мысли берутся? Кажется, пора-бы узнать характеръ сестрицы! Она вѣчно пищитъ, что для нея ни дѣлай; куда ни пристрой и какъ ни ухаживай за ней... Ужъ натура такая! Пищала въ дѣвушкахъ, пищала замужемъ, пищитъ и вдовой...

— Однако, матушка, тебѣ хорошо судить, сидя сложа лапки на диванѣ...

— Мнѣ можно сидѣть сложа лапки, мнѣ папаша далъ пятнадцать тысячъ въ приданое... Другой мужъ, поумнѣе васъ,

давно-бы сто тысячъ на эти деньги нажилъ! не замедлила огрызнуться Софья Ивановна.

Но Николай Петровичъ пропустилъ мимо ушей это замѣчаніе и продолжалъ доказывать, что положеніе Ниночки очень незавидно.

— Постоянно надо ладить съ чужими людьми, гнуть спину передъ каждымъ проходящимъ... Посмотрите только, на что она стала похожа за это послѣднее время, обратился онъ къ Ивану Ивановичу.

Молодая женщина, входившая въ эту минуту въ гостиную Фуксинныхъ, была похожа на дѣвушку лѣтъ семнадцати, — такъ шедущна и миниатюрна она казалась въ своемъ простенькомъ платьѣ какого-то страннаго, монашескаго покроя! Короткіе, въшпиеся волосы придавали ей еще болѣе молоджавости.

— Я сейчасъ вашу Варю видѣла, Иванъ Ивановичъ, проговорила она такимъ нѣжнымъ голоскомъ, протягивая этому послѣднему руку. — Она жалуется, что вы рѣдко ее навѣщаете...

Варя была сирота, племянница Ивана Ивановича. Она недавно вышла изъ института, въ который помѣстилъ ее дядя, и поступила гувернанткой къ дѣтямъ одного изъ его товарищей по службѣ.

— Я у нея завтра буду.

— Только не завтра. Она завтра на пикникъ ѣдетъ со своими барышнями.

Софья Ивановна начала спрашивать, гдѣ пикникъ и кто въ немъ будетъ участвовать, но Нина Петровна отвѣтила, что она ничего этого не знаетъ.

— Меня эти свѣтскія удовольствія интересовать не могутъ... Да и понятно: намучаешься цѣлый день съ дѣтьми, только и думаешь о томъ, чтобъ скорѣе заснуть... А на другое утро опять то-же самое: забота о томъ, чтобъ не проспать, да чтобъ дѣти не нашалили, а тутъ начальство... каждую минуту надо быть насторожѣ, во всѣмъ надо подлаживаться, каждому угодить... Сегодня экономъ объявилъ, что при новой начальницѣ намъ нельзя будетъ выходить безъ спроса, даже тогда, когда дѣти спать... Можете себя представить, какъ это весело! Мнѣ онъ замѣтилъ при этомъ, въ видѣ особенной любезности, что это распоряженіе до меня не касается, потому что я и безъ того никогда не выхожу

въ дежурные дни, а когда выхожу, то возвращаюсь домой очень рано; но вѣдь это одни только слова, и я отлично знаю, что для меня исключенія не сдѣлаютъ, если попадусь въ ихъ отеческіе когти. Я сказала г. Мошкову, что готова лучше все лѣто просидѣть въ спертой, душной комнатѣ, чѣмъ унижаться такимъ образомъ...

— Сама, матушка, виновата, сама захотѣла казенное мѣсто нѣтъ, на себя и пеняй, прервалъ Николай Петровичъ, подымаясь съ дивана и направляясь въ кабинетъ; — служба — вездѣ служба.

— Я ни на кого и не пеняю, братецъ; я только говорю, что такое стѣсненіе ужасно тяжело переносить, вотъ и все.

— Человѣкъ, у котораго нѣтъ денегъ, всегда стѣсненъ не тѣмъ, такъ другимъ, философически замѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

— Вчера ко мнѣ зашла наша молодая надзирательница, мадамъ Длиннополова, продолжала рассказывать Ниночка; — у нея дѣвочка глухая; доктора приказали водить ее каждый день въ лечебницу, тамъ ей спрынцованья какія-то дѣлаютъ... Послѣ двухъ разъ сдѣлалось лучше. А теперь вдругъ это новое распоряженіе, чтобъ не отлучаться даже въ свободные часы! Вотъ положеніе-то! Можете себѣ представить, въ какомъ отчаяніи бѣдная мать! Плачетъ съ утра до вечера... Но она такъ-же, какъ и я, говоритъ, что ни за что не будетъ унижаться... пусть лучше дѣвочка оглохнетъ!

— Вотъ дура-то! вскричала Софья Ивановна. — Велика важность спроситься у начальницы, когда хочешь выйти со двора! Никакой тутъ особенной тягости нѣтъ; а на-счетъ униженія, такъ, по-моему, ужъ одно то, что вы должны служить изъ-за денегъ, ужъ одно это такое униженіе, ниже котораго ничего нѣтъ... И, наконецъ, вѣдь вы эту начальницу не знаете, вы ее даже никогда не видали; она, можетъ быть, вовсе не такая, какъ говорить... Можетъ быть, экономя нарочно навралъ, чтобъ васъ всѣхъ взбаломутить...

Съ этими словами Фуксина поднялась съ отоманки и вышла въ сосѣдную комнату, гдѣ Саша готовила чай.

— Софья Ивановна права, началъ Иванъ Ивановичъ, оставшись наединѣ съ миниатюрной вдовой; — вы, Нина Петровна, напрасно представляете себѣ все это въ такихъ мрачныхъ крас-

кахъ; я разузналъ про вашу новую начальницу, она свѣтская дама, вотъ и все; большой строгости отъ нея ждать нельзя.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите, пожалуйста! Я ужь знаю!.. Она именно такая, какою экономя ее росписывалъ; съ нею никому житья не будетъ!

— Но вѣдь, сколько мнѣ помнится, вы и про старую директрису говорили, что ей давно пора въ отставку? замѣтилъ Иванъ Ивановичъ съ лукавой усмѣшкой.

Нина Петровна разсердилась. Вспышки гнѣва проявлялись въ ней только тѣмъ, что она начинала говорить быстрѣе и подбирала слова еще жалостливѣе; голосъ-же ея оставался все такой-же тонкій и нѣжный.

— Что я говорила? Никогда я ничего особеннаго про Аделаиду Богдановну не говорила! При ней были безпорядки, это правда; вамъ всѣ это скажутъ, не одна я; но зато она такихъ стѣсненій не придумывала. При ней мы, по крайней мѣрѣ по вечерамъ, отработавши весь день, чувствовали себя свободными и могли дѣлать все, что намъ угодно.... Если у насъ отнять даже эту послѣднюю крошку свободы, что-же намъ останется, скажите на милость? Неужели и вы такого мнѣнія, что у бѣднаго человѣка не должно быть никакихъ удовольствій, никакой независимости? Я этого не ожидала отъ васъ, Иванъ Ивановичъ! Значить, и вы не лучше другихъ? Послѣ этого съ вами и толковать не стоитъ!

Онъ слушалъ ее молча, не переставая улыбаться. Ему и въ голову не приходило оскорблять ее словами, оправдываться отъ ея нареканій; онъ зналъ, что ей доставляетъ наслажденіе облегчать такимъ образомъ сердце, срывать на комъ-бы то ни было желчь и злобу, накипѣвшую въ ея душѣ противъ той горькой, безотрадной обстановки, среди которой ей было порой такъ тѣсно, холодно и бѣдно, что всякое представленіе о добрѣ и злѣ, о правдѣ и неправдѣ, о томъ, что важно и неважно, спутывалось въ ней невообразимымъ хаосомъ.

Среди этого хаоса мельчайшія подробности послѣднихъ событий, послѣдней обиды затмѣвали всѣ прочія. Минутъ десять времени распространилась она о томъ, какъ одна изъ дѣвочекъ, состоящихъ подъ ея вѣденіемъ, достала изъ кухни спички и начала зажигать ихъ одну за другой въ темномъ коридорѣ, что

ведеть изъ дортуаровъ въ умывальную... Чуть было пожаръ не сдѣлался! И за это ей-же, Нинѣ Петровнѣ, досталось.

— Неужели виновницу даже въ карцеръ не посадили? полюбпытствовалъ Иванъ Ивановичъ.

Нина Петровна смутилась немножко.

— Нѣтъ... Впрочемъ, я сама за нее просила, прибавила она, краснѣя.— Еслибы вы только видѣли, какъ она испугалась, когда коробочка загорѣлась!

— Я такъ и думалъ, засмѣялся Иванъ Ивановичъ.

— Карцеръ ихъ нисколько не исправляетъ; напротивъ того, онѣ выходятъ оттуда еще злѣе и грубѣе... Да и, наконецъ, продолжала она, запинаясь,— мнѣ часто кажется, что онѣ отъ скуки и отъ тоски такъ шалать; еслибъ онѣ были въ семьѣ, какъ другія дѣти, имъ-бы не лѣзли въ голову такія глупости.

— Разумѣется, поспѣшилъ согласиться Иванъ Ивановичъ.

Какъ была мила ему эта маленькая женщина! Онъ, кажется, готовъ былъ согласиться со всѣмъ, что она ему скажетъ! Если съ нѣкоторыхъ поръ онъ пересталъ огорчаться ея печальми и даже подчасъ позволялъ себѣ слегка подтрунивать надъ ними, то это потому только, что въ головѣ его уже созрѣлъ планъ избавить ее отъ этихъ печалей, вырвать изъ мрачной тяжелой среды, окружить комфортомъ и нѣжными попеченіями, заставить забыть прошлое.

Бѣдняжка успѣла ужъ такъ много вынести въ жизни! Она осталась сиротой лѣтъ пятнадцати, въ тотъ годъ, когда братъ ея женился. Молодые Фуксины пріютили сестренку въ свое уютное гнѣздышко. Но въ этомъ гнѣздышкѣ она была совсѣмъ лишняя, и ее такъ немилосердно пилили попреками и намеками съ утра до вечера, такъ обидно хлопотали о томъ, чтобъ скорѣе спихнуть ее съ рукъ, что Ниночка сама выскочила за перваго встрѣчнаго офицера, очертя голову, не разобравши второпяхъ ни его тупости, ни сквернаго характера, не потрудившись поразмыслить даже о томъ, что онъ бѣденъ и всегда останется бѣднымъ. Ничего этого не разобрала Ниночка, выходя замужъ; но за то потомъ!..

Бъ счастью, пытка ея длилась недолго; не прошло двухъ лѣтъ, какъ офицеръ, потаскавши ее за собою чуть-ли не по всей Россіи,—время было такое, что войска постоянно передвигались

съ одного мѣста на другое, — внезапно умеръ отъ холеры въ какомъ-то дальнемъ городишѣ, оставивъ жену среди чужихъ людей, безъ средствъ, больную и измученную до полусмерти такими заботами и лишениями, которыя ей до замужества и во свѣ не грезились.

Снова пришлось поселиться у Фуксиныхъ и пользоваться ихъ гостепріимствомъ; снова начались неприятности съ Софьей Ивановной изъ-за каждой чашки и стула, изъ-за каждого слова, ссоры съ братомъ, сплетни съ ихъ знакомыми, исторіи съ прислугой... Нина Петровна рѣшила, что будетъ жить одна и своимъ трудомъ. Вообще жизнь у родственниковъ имѣла свойство возбуждать въ ней большую энергію и страстное стремленіе къ самостоятельности. Надо было только удивляться, сколько ловкости, силы воли и терпѣнія выказала Ниночка, чтобъ добиться желаемого, — мѣста въ казенномъ заведеніи, съ квартирой! И добилась. Правда, что Иванъ Ивановичъ дѣятельно помогалъ ей при этомъ; онъ узнавалъ объ открывающихся вакансіяхъ, черезъ кого надо просить и кого именно; онъ поставилъ на ноги всѣхъ своихъ пріятелей и даже рѣшился напомнить одному изъ старыхъ товарищей, нынѣ важному лицу, объ услугѣ, давно забытой съ обѣихъ сторонъ и за которую во время оно важная личность влялась ему въ вѣчной признательности.

— Если ты дашь мѣсто Песковой, мы съ тобой квиты будемъ, проговорилъ Иванъ Ивановичъ такимъ взволнованнымъ голосомъ, что важное лицо расхохоталось.

— Да что тебѣ эта женщина? Дочь, что-ли, или...

— У нея мужъ умеръ два года тому назадъ, и ей жить нечѣмъ, прервалъ неумѣстную шутку Иванъ Ивановичъ.

Мѣсто досталось Нинѣ Петровнѣ. Иванъ Ивановичъ былъ внѣ себя отъ радости, да и маленькая вдова съ мѣсяцъ времени не могла очнуться отъ счастья. Цѣлый мѣсяцъ она не пицала, не вздыхала и на все смотрѣла сквозь розовую призму.

Съ тѣхъ поръ прошло три года. Въ три года много утекаетъ воды; можно даже сказать, что пѣтъ такихъ иллюзій, которыя могли бы продержаться такое продолжительное время все въ той-же свѣжести и силѣ. Что-жъ мудренаго, если миниатюрная вдова отчасти разочаровалась въ прелести самостоятельной жизни и въ блаженствѣ кушать кофе, булочки и тому подобное на заработан-

ныя ея деньги? Порою доходило даже до того, что булки эти и кофе казались ей очень противными и горькими, при воспоминаніи о всѣхъ униженіяхъ и нравственной и физической ломкѣ, которыми они добывались. Сколько затаенной горечи пробивалось тогда въ ея голосъ и въ натянутой улыбкѣ, когда она повторяла: „я—нянька; у меня голова однѣми заботами о грязныхъ ребятишкахъ набита... Я сдѣлалась совсѣмъ дура и не могу понимать ничего изящнаго, ничего возвышеннаго... Скоро совсѣмъ идиоткой буду“!

Сегодня на нее напалъ именно такой стихъ.

— Знаете, говорила она, оставшись съ Иваномъ Ивановичемъ наединѣ,—знаете, сегодня попечительница наша, графиня З., заговорила со мной, спрашиваетъ, гдѣ я думаю провести время моего отпуска лѣтомъ. А я ей вдругъ объявляю, что у меня въ отдѣленіи заболѣла дѣвочка какой-то сыпью и что мы съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаемъ доктора; онъ, вѣрно, прикажетъ ее отвезти въ городскую больницу, чтобъ не заразила другихъ... Надо было видѣть, съ какимъ изумленіемъ посмотрѣла на меня графиня! Вѣрно, подумала, что я съума сошла. Да и въ самомъ дѣлѣ я порою путаюсь мыслями, такъ много у меня всякихъ заботъ, такая пропасть работы, вы не повѣрите!

О, нѣтъ! Иванъ Ивановичъ вѣрилъ каждому ея слову и скорбѣлъ каждою ея печалью и неудачей. Разставляя чашки въ столовой, Софья Ивановна увѣрила мужа, что Иванъ Ивановичъ каждый Ниночкинъ писекъ принимаетъ въ сурьезъ.

— А еще умнымъ человѣкомъ сльветъ! смѣялась она. — Какъ посмотрю я на васъ, на мужчинъ, даже смѣшно дѣлается, какъ каждый изъ васъ передъ всякой бабенкой спасуетъ.

— А какъ ты думаешь, женить она его на себѣ? посмѣялся Николай Петровичъ.

— Непремѣнно, безапелляціоннымъ тономъ рѣшила его супруга.

— Я не жалуясь на судьбу, нѣтъ, не думайте этого, пожалуйста, не думайте, продолжала между тѣмъ журчать Нина Петровна;—я только часто спрашиваю себя, какъ это случилось, что я вышла такая странная?

Голосъ у нея былъ тоненькій, тихій, ровный, слишкомъ даже ровный; нельзя было слушать его долго безъ того, чтобъ тоск-

ливое чувство не заползло въ душу. Голосокъ этотъ удивительно шелъ ко всей ея хрупкой фигуркѣ, къ задумчивому взгляду большихъ голубыхъ глазъ, вѣчно опечаленныхъ или озабоченныхъ.

— Другимъ женщинамъ моихъ лѣтъ нравятся наряды, выѣзды; ихъ тянетъ потанцовать и пококетничать, а мнѣ все это такъ противно, вы себя представить не можете!..

— О чемъ, матушка, опять заканючила? прервала ее Софья Ивановна, возвращаясь въ гостиную. — Сама захотѣла идти по трудовому пути, никто тебя на него не толкалъ; чего-же нить-то, скажи на милость?

Ниночка печально усмѣхнулась.

— Развѣ я жалуясь, Соня? Я только говорю, что подчасъ очень тяжело бываетъ и что никакое здоровье не выдержать...

И снова, обращаясь къ своему терпѣливому слушателю, она продолжала:

— У меня съ нѣкоторыхъ поръ стала такъ болѣть грудь и такъ ломать ноги, что я серьезно опасаясь сдѣлаться калѣкой на всю жизнь... Впрочемъ, все это вздоръ, заторопилась она прибавить; — я все-таки очень счастлива, что никѣмъ не обязываюсь. Увѣряю васъ, что я ни за что не промѣняла-бы свою жизнь на жизнь такихъ барынь, которыя весь день валяются на кушеткахъ съ пустыми романами въ рукахъ.

— Ну, счастлива, и отлично! Чего-же пищать-то? Пойдите лучше чай пить, продолжала Софья Ивановна, не замѣчая ядовитого намека, таившагося въ словахъ миниатюрной вдовы.

Но Нина Петровна не унималась; она и въ столовой продолжала разговоръ на ту-же тему, по три, по четыре раза повторяя одно и то-же.

— Я не пишу, Соня, я говорю только, что работа мнѣ часто не подъ силу бываетъ и что отвѣтственность у меня страшная... Подумайте только, Иванъ Ивановичъ, такая я маленькая, слабенькая и глупая, а у меня подъ командой столько дѣтей! И все такія капризные, лѣнивые, злые дѣти, такія испорченные!.. Не владѣи мнѣ сахару, Соня, я въ привкусу... Съ каждымъ изъ нихъ надо придумывать особенную манеру ладить... Благодарствуй, Коля, мнѣ хлѣба не надо; у меня совершенно пропалъ аппетитъ, я почти ничего не ѣмъ... Бить ихъ не позволяютъ, да я на это и не была-бы способна...

— Узналъ я про вашу новую начальницу... началъ Иванъ Ивановичъ.

Ниночка опустила ложечку, протянутую къ варенью, и отчаяннымъ жестомъ взмахнула ручкой.

— Охъ, слышала и я также про нее. Такой, говорятъ, характеръ, страсти! Когда мужъ ея полкомъ командовалъ, такъ она на всѣхъ офицеровъ ему доносила. Съ нею будетъ трудно ужиться; надо заранѣе принять мѣры. О томъ, чтобъ не смѣть отлучаться безъ позволенія, я вамъ ужъ говорила; но надо ждать штукъ еще хуже... Вотъ я сейчасъ отъ Курочкиныхъ, просила ихъ разузнать о мѣстѣ... Слышала я, что въ институтѣ открывается вакансія кастелянши...

— Охота тебѣ прежде времени торموшиться, замѣтилъ Николай Петровичъ.

— Да какъ-же быть, Коля? Когда нѣтъ состоянія, надо поневолѣ работать...

Обыкновенно, послѣ подобнаго заявленія, слѣдоваль со стороны г-на Фуксина намекъ на то, что не такая ужъ она сирота безпріютная, есть гдѣ, въ случаѣ надобности, голову приклонить. На это сестра его возражала, что она готова лучше въ судомойку идти, чѣмъ сидѣть на шеѣ кого-бы то ни было, что сами они люди небогатые, сегодня есть мѣсто, а завтра можетъ случиться, что и не будетъ и т. д., и т. д. до тѣхъ поръ, пока Софья Ивановна не обрывала эту канитель какимъ-нибудь рѣзкимъ словомъ.

Сегодня она это сдѣлала при самомъ началѣ и заговорила съ Иваномъ Ивановичемъ о совершенно постороннемъ предметѣ.

— Миѣ на-дняхъ про вашего брата рассказывали, что онъ тамъ всѣмъ барышнямъ вскружилъ головы, сказала она, аккуратно перетирая стаканъ, прежде чѣмъ налить въ него чай. — Оттуда сестра Лопаткина пріѣхала... Красавецъ, говорить, нисколько не похожъ на брата.

И, обернувшись къ мужу, Софья Ивановна прибавила со смѣхомъ:

— Ты слышишь, Коля, какіе я ему комплименты отпускаю!

Мужъ ея съ гостемъ тоже засмѣялись; одна Нина Петровна оставалась серьезной.

— Чѣмъ-же Иванъ Ивановичъ не хорошъ? спросила она, об-

вода недоумѣвающимъ взглядомъ присутствующихъ. И вдругъ, взглянувъ на часы, она поспѣшно вскочила съ мѣста и начала торопливо надѣвать перчатки.

— Скоро десять часовъ! Господи! Вотъ досидѣлась-то!

— Ну, чего всполошилась? Смѣшно, право! Точно въ монастырѣ живешь! Ворота заперты, такъ въ калитку пройдешь... Вѣдь новая начальница еще не приѣхала, порядки у васъ еще старые...

— Ахъ, Соня! Какъ ты странно судишь, право! Очень приятно такъ поздно идти по улицамъ! Мало-ли нахаловъ, да и пьяные, наконецъ!..

— Ты отлично знаешь, что Иванъ Ивановичъ тебя проводить.

— Что это, Соня! Охота Ивану Ивановичу въ такую даль тащиться! Что за пріятность! Мнѣ, право, совѣстно, Иванъ Ивановичъ... вамъ никакого не можетъ быть со мной удовольствія. Вы такой умный, ученый, а я...

Она долго, долго извинялась передъ нимъ, пока онъ одѣвался въ прихожей, пока спускались съ лѣстницы, пробирались по лабиринту нижняго этажа и переходили черезъ дворъ; она продолжала упорно повторять, что ей совѣстно его беспокоить даже и тогда, когда они вышли на улицу. Ужъ манера у нея была такая, несносная манера, по мнѣнію многихъ; но Ивану Ивановичу все въ ней было мило, и онъ шелъ рядомъ съ нею, ни единымъ словомъ не прерывая ее и ничѣмъ не высказывая, что ему надоѣло ее слушать.

Когда они дошли до половины пути, она вдругъ, безъ малѣйшаго предисловія, оборвала свои жалобы на полусловъ и, точно слохватившись, спросила, когда онъ ждетъ въ Петербургъ своего брата, Анатолія Ивановича?

— Я его вовсе не жду, угрюмо отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ.

А затѣмъ онъ все тѣмъ-же недовольнымъ тономъ началъ объяснять, что Анатолію надо держаться занимаемаго имъ мѣста, что нѣтъ ничего хуже, какъ перескакивать изъ одной губерніи въ другую, и что, наконецъ, о столицѣ ему нечего и думать уже потому, что онъ обязанъ еще три года прослужить тамъ, куда его пошлютъ.

— Онъ воспитывался на казенный счетъ; надо-же ему за это чѣмъ-нибудь расквитаться съ казною!

Нина Петровна замѣтила, что Аналолій Ивановичъ могъ-бы и здѣсь приносить пользу и что, еслибъ похлопотать, его перевели-бы сюда. Она назвала трехъ, четырехъ молодыхъ людей, которыми, по ходатайству ихъ родственниковъ, сократили срокъ обязательной службы въ провинціи.

На всѣ эти доводы Иванъ Ивановичъ только махнулъ рукой, не удостоивая ихъ даже отвѣтомъ, и миниатюрная вдова смолкла, но не надолго.

— Знаете, я чего боюсь для вашего брата? снова начала она. — Тамъ такая скука и общество такое скверное, что молодому человѣку легко втянуться въ гадость. Когда я жила съ мужемъ въ провинціи, намъ случалось видѣть примѣры... Приѣдетъ юноша съ прекрасными задатками, изъ хорошей семьи, держитъ себя благородно, ищетъ знакомства съ порядочными людьми, а тамъ, какъ поживетъ нѣсколько мѣсяцевъ, и начнетъ свихиваться: сегодня кутежъ, завтра карты, а тамъ что-нибудь и похуже...

Она говорила очень авторитетно. Между ея бровями засѣла складочка, отъ которой все лицо дышало рѣшительностью; прежняя томность безслѣдно испарилась; въ голосѣ даже зазвучала рѣзкость.

— Мнѣ кажется, что здѣсь, подъ вашимъ наблюденіемъ, ему было-бы гораздо лучше, а вамъ стоитъ только попросить г-на Ослова.

Иванъ Ивановичъ замахалъ руками.

— Бога ради, не говорите мнѣ про Ослова! Я сегодня узналъ про него такую штуку!.. И, наконецъ, все это вздоръ; я-же не сдѣлался ни кутилой, ни пьяницей, а въ какомъ мурѣ выжилъ цѣлыхъ пять лѣтъ, страсть!

— Вы другое дѣло, Иванъ Ивановичъ; у васъ очень твердый характеръ и вы ужасно, ужасно умны... вы... вы...

Она замаялась на мгновение, но тотчасъ-же оправилась и объявила глубоко прочувствованнымъ голосомъ, что такихъ людей, какъ онъ, очень мало но свѣтъ.

Онъ искоеа посмотрѣлъ на нее и не произнесъ ни слова; но

за то отъ прежней угрюмости не осталось и слѣда, и въ глазахъ засвѣтилось выраженіе такого глубокаго счастья!

А Нина Петровна между тѣмъ продолжала:

— Знаете, мнѣ ни съ кѣмъ не бываетъ такъ хорошо, какъ съ вами!

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, мы это увидимъ... Мы это увидимъ, повторилъ Иванъ Ивановичъ, какъ-будто про себя. — И вамъ это я скоро напомню, Нина Петровна, прибавилъ онъ, не спуская съ нея глазъ.

Она ничего не возражала, смутилась только немножко и начала внимательно всматриваться въ женщину съ какимъ-то сверткомъ въ рукѣ, которая шла къ нимъ на встрѣчу съ противоположнаго конца улицы. Когда женщина поравнялась съ ними и прошла мимо, Иванъ Ивановичъ прервалъ молчаніе.

— Я вамъ не говорилъ, Нина Петровна, на-дняхъ меня призывали къ князю и спрашивали на-счетъ экспедиціи...

Онъ назвалъ одну изъ отдаленнѣйшихъ нашихъ станцій на Ледовитомъ морѣ.

— Очень имъ хочется, чтобъ я туда поѣхалъ. Мнѣ вѣдь этотъ край извѣстенъ.

— И что-жь?

Она даже остановилась, чтобъ тревожно заглянуть ему въ глаза, и въ голосѣ ея зазвучало волненіе.

— Я сказалъ, что подумаю.

— Неужели вы уѣдете такъ далеко?

Она положительно произнесла эти слова съ испугомъ; всякій-бы это замѣтилъ на мѣстѣ Ивана Ивановича. Было около одиннадцати часовъ вечера, но весной петербургскія ночи такъ свѣтлы, что двумъ людямъ, идущимъ рядомъ, весьма нетрудно слѣдить за выраженіемъ лица другъ у друга.

— Я высчиталъ, продолжалъ поддразнивать свою спутницу Иванъ Ивановичъ, — что у меня отъ этой экспедиціи тысячи четыре останется.

— Только-то! протянула она губки. — Стоить изъ-за такихъ пустяговъ тремя годами жизнью жертвовать, нечего сказать! Еслибы тысячь тридцать, сорокъ, ну, тогда дѣло другое!

— Что вы! Что вы! Да откуда-же, подумайте только? Боль-

ше тысячи въ годъ отъ жалованья не отложишь, да тысячу изъ подъемныхъ.

— Ну, конечно, конечно, печально согласилась Нина Петровна.

Они прошли нѣсколько шаговъ молча. Она впала въ глубокое раздумье; брови ея сдвигались все больше и больше; ротъ принималъ какое-то особенное выраженіе, очень твердое и серьезное. Но вдругъ она какъ-будто что-то вспомнила, что-то очень хорошее, потому что черты лица ея внезапно разгладились, а глаза загорѣлись любопытствомъ.

— А вашъ снарядъ? спросила она, вскидывая на него улыбающійся взглядъ.

— На мой снарядъ ужъ покушники наклеиваются. Вчера еще приходилъ повѣренный отъ Милерта. Имъ очень хочется у меня купить это изобрѣтеніе.

— Вотъ видите, вотъ видите! радостно вскричала Нина Петровна.—Какъ-же вы смѣете послѣ этого думать объ экспедиціи въ Ледовитое море? Надо было прямо отказаться. Сколько вамъ даетъ Милертъ?

— Пока еще такъ мало, что и толковать не стоитъ. Они увѣряютъ, что потребуется много издержекъ на опыты... Да еще примутъ-ли въ Россіи?.. Надо ѣхать за-границу и предложить тамошнимъ специалистамъ... такова судьба почти всѣхъ нашихъ изобрѣтеній! Рискъ громадный, говорятъ, а барыши самые загадочные. Это я вамъ мнѣніе Милерта сообщаю, поспѣшилъ оговориться Иванъ Ивановичъ. — Что-же до меня касается, то я увѣжденъ, что моему изобрѣтенію и здѣсь предстоитъ будущность. Привилегію не могутъ не дать; надо только самому въ ходъ пустить, тогда непременно дадутъ привилегію.

— Ну, и пускайте, кто вамъ мѣшаетъ?

— Легко сказать, Нина Петровна! Вотъ ужъ семь лѣтъ, какъ я половину своего жалованья трачу на этотъ снарядъ, себя лишая всего изъ-за него, даже въ лишней книгѣ, въ лишней сигарѣ себѣ отказываю...

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но воздержался и, махнувъ рукой, прибавилъ съ улыбкой:

— Надоѣло!

— Да ужъ теперь недолго. Вы-же сами говорите, что въ

концу подходить; остается только заказать кое-какія штуки по вашимъ рисункамъ, пустяки, однимъ словомъ. Ну, какъ вамъ не стыдно терять терпѣніе именно теперь, когда вы, такъ сказать, у самого берега? Это Богъ знаетъ на что похоже! Это... это просто недостойно васъ, повторяла она, путаясь въ словахъ отъ волненія.

Ему было очень весело слѣдить за ея возрастающимъ раздраженіемъ; однако, онъ успѣшилъ успокоить ее.

— Не буду, не буду, не извольте гнѣваться; я только такъ, пошутилъ. Какая мнѣ крайность уступать Милерту плоды семилѣтнихъ трудовъ за какія-нибудь десять тысячъ? Лучше потѣспиться еще нѣсколько мѣсяцевъ...

Онъ докончилъ мысленно начатую фразу и дошелъ до дома, въ которомъ жила Нина Петровна, не переставая улыбаться. Повременамъ онъ украдкой взглядывалъ на миниатюрную вдову; она, вѣрно, думала о томъ-же, о чемъ и онъ думалъ, потому что и на ея губахъ блуждала счастливая улыбка. Они дошли молча, но прежде, чѣмъ разстаться, Нина Петровна крѣпче обыкновеннаго пожала ему руку и, успѣшно скрываясь за калиткой, которую ей отперъ заспанный сторожъ, весело закричала:

— До свиданія, Иванъ Ивановичъ! Начинайте скорѣе ваши опыты и придите мнѣ сказать, какъ они у васъ пойдутъ! Я буду ждать, приходите скорѣе!

III.

Когда Иванъ Ивановичъ разстался со своей маленькой пріятельницей и повернулъ въ переулокъ, чтобъ ближайшимъ путемъ дойти домой, на него пахнуло такою свѣжестью, что онъ вспомнилъ предостереженіе Фуксина—не полагаться на коварную ясность апрѣльскаго неба и захватить съ собой на всякій случай дождевой зонтикъ.

Иванъ Ивановичъ поднялъ глаза къ небу и ничего особеннаго не замѣтилъ на немъ: все такъ-же ясно и ровно свѣтила полная луна, все такъ-же мягко утопало сіяніе звѣздъ въ бѣлесоватой мглѣ заходящей зари... никакой бури, никакой грозы въ воздухѣ не предвидѣлось.

На душѣ у Ивана Ивановича было точно такъ-же ясно и безмятежно. Неприятное впечатлѣніе, вынесенное изъ разговоровъ съ Масловыми и Фуксинными, безслѣдно испарилось; бодрой, скорой походкой шагаль онъ вдоль опустѣвшихъ улицъ, не замѣчая усиливающагося холода и порывовъ вѣтра.

Давно ужъ не чувствовалъ онъ себя въ такомъ пріятномъ расположеніи духа. Никогда еще маленькая вдова не относилась такъ сочувственно и одобрительно ко всѣмъ его планамъ, какъ сегодня... И какъ доверчиво смотрѣла она ему при этомъ въ глаза, какъ мило улыбалась!

Кто это выдумалъ, что Иванъ Ивановичъ старикъ передъ Ниночкой? Это сущій вздоръ! Онъ только съ виду кажется старикомъ, потому что имѣетъ привычку держаться сутуловато, рѣдко брѣтается и одѣвается небрежно; на самомъ-же дѣлѣ ему около сорока лѣтъ, не больше, а ей двадцать-шесть...

Этому трудно повѣрить, но оно такъ и есть. Иванъ Ивановичъ отлично знаетъ, въ которомъ году родилась Нина Петровна; это для него вопросъ такой существенной важности, что онъ даже пускался на хитрости, чтобъ разрѣшить его, и добился того, что и Николай Петровичъ, и Софья Ивановна, оба сообщили ему годъ, мѣсяцъ и число Ниночкинаго рожденія. Миниатюрной вдовѣ минетъ нынѣшней осенью двадцать-семь лѣтъ; фактъ этотъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; стало-быть, такой ужъ *огромной* разницы въ лѣтахъ между ними нѣтъ и вовсе ужъ не такъ страшно приступить къ объясненію...

„Какая досада, что онъ не сдѣлалъ этого сегодня, когда она такъ возстала противъ продажи изобрѣтенія Милерту, или когда она ему сказала, что такихъ людей, какъ онъ, мало на свѣтѣ и что ей ни съ кѣмъ такъ не хорошо, какъ съ нимъ!“

Слова эти застряли въ сердцѣ Ивана Ивановича и при одномъ воспоминаніи о нихъ ему сдѣлалось тепло и отрадно. Даже Анисья съ недоумѣніемъ посмотрѣла на барина, отворяя ему дверь въ маленькую прихожую: такое расpredовольное было у него лицо, когда онъ спрашивалъ у нея, не былъ-ли кто-нибудь во время его отсутствія и не приносили-ли писемъ?

Письмо было. Почтальонъ принесть, и Анисья положила его, какъ всегда, на письменный столъ.

Иванъ Ивановичъ взялъ это письмо и началъ методически

взрѣзывать конвертъ перочиннымъ ножичкомъ. Листъ почтовой бумаги большого формата былъ весь исписанъ знакомымъ почеркомъ и такъ мелко, что первую мыслію Ивана Ивановича было прочесть его въ постели, посланной на длинной, жесткой кушеткѣ, въ той-же комнатѣ. Съ этой цѣлью онъ приказалъ Анисѣ зажечь свѣчу на столикѣ у постели и объявилъ ей, чтобъ она шла съ Богомъ, что ему ничего не надо, что онъ сейчасъ погаситъ лампу и ляжетъ. Однако, оставшись одинъ, онъ раздумалъ, опустился на кресло и началъ читать письмо у стола.

„Многоуважаемый другъ, Иванъ Ивановичъ“, сообщалъ ему пріятель изъ той отдаленной губерніи, гдѣ Анатолій справлялъ свою обязательную службу, „печальное извѣстіе имѣю сообщить тебѣ: твой братъ закутился и надѣлалъ множество непоправимыхъ глупостей“...

Съ первыхъ-же строкъ письмо задрожало между похолодѣвшими пальцами Ивана Ивановича; но дальше шли такія подробности, что волненіе его съ минуты на минуту начало усиливаться, кровь хлынула въ голову, въ глазахъ помутилось, и онъ потерялъ сознаніе.

Сколько времени длилось его безпамятство, Иванъ Ивановичъ опредѣлить не могъ. Когда онъ очнулся, въ комнатѣ было совершенно темно; сильный порывъ вѣтра съ шумомъ растворилъ плохо припертую раму, потушилъ лампу и свѣчу, а дождь крупной дробью хлесталъ по стекламъ и по подоконнику, стекая ручьемъ на полъ. Вдали раздавались раскаты грома и время отъ времени сверкала молнія... Надъ Петербургомъ разыгрывалась первая гроза.

Она въ нынѣшнемъ году ранѣе обыкновеннаго начала свои представленія и выбрала такое время, когда всѣ добрые люди спятъ... всѣ, за исключеніемъ тѣхъ, кто кончаетъ спѣшную работу, или тоскуетъ о другѣ, или терзается заботами о насущномъ хлѣбѣ, о сведеніи концовъ съ концами и тому подобномъ. Такихъ людей многое множество въ Петербургѣ, и представленіе первой грозы безъ зрителей не обошлось, о, нѣтъ! На другой день въ каждомъ домѣ нашлось по нѣскольку человѣкъ, которые могли-бы рассказать все, какъ было, въ подробности, въ котормъ часу начался громъ, до котораго часу лилъ дождь...

Иванъ Ивановичъ не зажигалъ лампы, потушенной вѣтромъ, и не отодвинулся отъ окна, въ которое хлесталъ дождь; онъ дождался, не трогаясь съ мѣста и не шевелясь, восхожденія солнца, и тогда снова принялся за чтеніе письма.

На этотъ разъ онъ дочиталъ его до конца.

„Скажу тебѣ откровенно“, совѣтовалъ ему, между прочимъ, словоохотливый пріятель, „что, по моему мнѣнію, ты поступишь вполне глупо, если выручишь его изъ бѣды. Ему нуженъ серьезный урокъ для того, чтобъ исправиться и сдѣлаться человѣкомъ. Въ настоящую минуту онъ все еще надѣется какъ-нибудь вернуться и бѣгаетъ по знакомымъ барынямъ, а тѣ, въ свою очередь, рыскаютъ по всему городу, чтобъ достать денегъ... Кто знаетъ, можетъ и дорыскаются до чего-нибудь! Только врядъ-ли: не такія у насъ мѣста, чтобъ достать десять тысячъ подъ вексель безъ надежнаго залога“...

Десять тысячъ какъ-разъ та сумма, которую Милертъ предлагалъ ему вчера! Чортъ этотъ Милертъ! Точно зналъ, право! Какъ-разъ въ самую удобную минуту явился!

„Впрочемъ, мы на всякій случай отложили ревизію до будущей недѣли“, писалъ въ заключеніе пріятель. Дальше шли соображенія о томъ, какія смягчающія обстоятельства можетъ подыскать ловкій адвокатъ въ дѣлѣ Анатолія, и что если повести это дѣло, какъ слѣдуетъ, присяжные непременно вынесутъ оправдательный приговоръ. Что-же касается до того, что братъ Ивана Ивановича посидитъ нѣсколько часовъ на скамьѣ подсудимыхъ, то пріятель усматривалъ въ этомъ даже известнаго рода пользу для провинившагося молодого человѣка.

Дойдя до этого мѣста, Иванъ Ивановичъ схватился обѣими руками за голову и долго-долго просидѣлъ неподвижно. Сердце сжималось такой болью, что ни о чемъ нельзя было думать, какъ только о томъ, чтобъ не застонать или не разревѣться, какъ баба.

Однако, когда въ девять часовъ утра Анисья, по своему обыкновенію, внесла налитый стаканъ чаю въ спальню, на письменномъ столѣ уже лежало готовое къ отправкѣ письмо, съ адресомъ г. Милерта на конвертѣ. Другое письмо къ министру, съ согласіемъ участвовать въ экспедиціи, отправляющейся въ Ледовитый океанъ, Иванъ Ивановичъ оканчивалъ, и тутъ-же была

приготовлена депеша, которую онъ приказалъ Анисьѣ немедленно отнести въ отдѣленіе.

Депеша состояла изъ слѣдующихъ словъ: „Деньги будутъ высланы на-дняхъ.“

Бѣдная Ниночка! Видно, не судьба ей быть счастливой! Видно, вѣкъ ей возиться съ капризными и злыми ребятишками, да подлаживаться къ начальству!

Прошло нѣсколько дней. Николай Петровичъ Фуксинъ вернулся изъ клуба довольно поздно и очень удивился, увидавъ свѣтъ въ гостиной жены. Обыкновенно Софья Ивановна, когда у нихъ не было гостей, ложилась спать очень рано, тотчасъ-же послѣ вечерняго чая.

— Сейчасъ только отъ насъ господинъ Нѣжинцевъ изволили уйти, доложила горничная, снимая съ барина пальто.

Жену свою Николай Петровичъ засталъ въ возбужденномъ состояніи. Она порывисто ходила по комнатѣ, приводила въ порядокъ мебель, сдувала пепель съ бархатной салфетки и складывала къ мѣсту раскиданные гостемъ альбомы и книги. Выраженіе лица у Софьи Ивановны было угрюмое и озабоченное; однако, при появленіи мужа, она не забыла спросить, чѣмъ кончилась его партія въ клубѣ?

— Выигралъ 4 рубля 75 копеекъ. Да ихъ ужъ и нѣтъ, всѣ на ужинъ спустилъ... Подали свѣжій горошекъ, знаешь, въ стручкахъ, какъ я люблю... ну, и соблазился. Видѣлъ Озерскаго; они завтра на дачу перебираются. Жена его за-границу собиралась, да въ нынѣшнемъ году не раскутисься! Съ такимъ подлымъ курсомъ и думать нечего о путешествіяхъ... Къ тому-же у нихъ, говорятъ, казенную квартиру отнимаютъ... А ты тутъ что дѣлала? Нѣжинцевъ былъ?

— Былъ. Я съ нимъ говорила объ этомъ дѣлѣ, помнишь?.. Обѣщался непременно устроить.

— Да вѣдь онъ совсѣмъ въ другомъ отдѣленіи служить! Она презрительно пожала плечами.

— Потому-то именно онъ намъ и можетъ помочь.

— Не понимаю!

— Да и надобности въ томъ нѣтъ никакой, чтобъ ты понималъ. Все будетъ сдѣлано, не безпокойся. Подрядъ ты получишь,

а тамъ ужь отъ тебя будетъ зависѣть... Конечно, отъ подряда такой выгоды не можетъ быть, какъ отъ завода, продолжала Софья Ивановна, задумчиво расправляя бахрому, которой было отдѣлано ея платье, — но все-таки!.. А встати о заводахъ: давно что-то нашего чудака не видать... Ты-бы навѣстилъ его, Коля; ужь не боленъ-ли онъ? Нѣжинцевъ говоритъ, что его и въ департаментѣ не видно.

Николай Петровичъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на жену. Никогда еще не проявляла она такой нѣжной заботливости объ Иванѣ Ивановичѣ.

— Ты ничего про его снарядъ не слышала? спросила она, снимая абажуръ съ лампы и осторожно спуская фитиль, чтобъ погасить огонь.

— Ничего особеннаго; а что? Я знаю, что онъ давнымъ-давно корпитъ надъ какимъ-то изобрѣтеніемъ, вотъ и все.

— Вотъ и все! передразнила Софья Ивановна мужа.

А затѣмъ она продолжала съ возрастающей досадою въ голосъ:

— Какой ты, однакожь, пустой человѣкъ, Коля! Никогда не поинтересуешься ничѣмъ дѣльнымъ или ученымъ, все только одинъ вздоръ на умѣ! Вотъ сегодня, напримѣръ, пришелъ изъ клуба и ничего не умѣешь рассказать, кромѣ того, что 4 р. 75 к. выигралъ, да зеленые стручки ѣлъ, только и новостей! А вѣдь, кажется, съ людьми провелъ вечеръ, много васъ тамъ оловъ-то собирается!

— Да ты это съ чего въ такой азартъ входишь, скажи на милость? Нѣжинцевъ, что-ли, расантиментальничался? На него это находить, я знаю! Какъ начнетъ о развитіи, да о прогресѣ ерунду нести, просто уши вянуть... Вотъ на скабрзные анекдоты, на это онъ мастеръ, нечего сказать... Прошлый разъ, у Цвѣточкина, всѣхъ насъ уморилъ со смѣху...

Но Софья Ивановна не дала ему договорить.

— Тутъ Нѣжинцевъ не причемъ, а, конечно, мнѣ досадно, что весь городъ толкуетъ про изобрѣтеніе Ивана Ивановича, даже въ газетахъ о немъ пишутъ, а мы съ тобой ничего не знаемъ.

— Да что толкуютъ-то?

Она схватила со стола газету и сунула ему въ руки.

— Возьми глаза въ зубы, да прочти!..

Николая Петровича немножко покоробило отъ вульгарнаго выраженія супруги.

— Какой у тебя неприличный тонъ, Соня! Какъ тебѣ не стыдно! замѣтилъ онъ, укоризненно покачивая головой и принимаясь за чтеніе указанной ему статьи.

— Правда ваша, мы не изъ нѣжныхъ, продолжала между тѣмъ ворчать Софья Ивановна. — Въ тонкостяхъ обращенія съ вашей сестрицей потягаться не можемъ. Гдѣ же намъ, помилуйте! Мы вѣдь не изъ благородныхъ, финти-фантамъ въ пансіонахъ не обучались!.. Впрочемъ. надо и то сказать, Нинѣ Петровнѣ супиры да сантименты не мѣшаютъ выгодныхъ жениховъ себѣ всматривать; знаетъ, небось, гдѣ раки зимуютъ!.. Воображаю, какъ она передъ всѣми задеретъ носъ, когда ей удастся посадить подъ свою юбку Ивана Ивановича!..

Она долго говорила, не обращая вниманія на то, что мужъ ея былъ слишкомъ занятъ чтеніемъ, чтобъ ее слушать.

— Соня! вскричалъ онъ, бросая газету на столъ. — Вѣдь ему за такую штуку, пожалуй, тысячъ сто дадутъ, какъ ты думаешь? Штука-то отличная...

— Ему дадутъ двѣсти тысячъ, поправила его Софья Ивановна. — Нѣжинцевъ говоритъ, что у нихъ объ этомъ толковали въ департаментъ... Ему дадутъ двѣсти тысячъ, а, пожалуй, и больше, повторила она.

Наступило довольно продолжительное молчаніе. Николай Петровичъ призадумался, а жена его продолжала приводить въ порядокъ комнату: зажгла свѣчу, погасила обѣ лампы, поставила на мѣсто стулъ, придвинутый черезчуръ близко къ кушеткѣ и, наконецъ, снова подошла къ мужу.

— Полно мечтать, Коля! Сколько ни думай, а ужъ тебѣ снаряда не выдумать! довольно ласково улыбнулась она, дотрогиваясь пальчикомъ до его плеча. — Пойдемъ-ка спать лучше!

Какъ у всѣхъ вспыльчивыхъ людей, сердце у Софьи Ивановны было очень отходчиво; она перестала сердиться на мужа; но изобрѣтеніе Ивана Ивановича и выгода, которую онъ долженъ былъ извлечь изъ него, не выходили у нея изъ ума.

— Ты понимаешь теперь, почему я была такъ зла на тебя? повторяла она, раздвѣваясь и ложась въ постель. — Цѣлыхъ пять

лѣтъ человѣкъ къ намъ таскается, а мы даже не знаемъ, что у него въ головѣ выдумка въ двѣсти тысячъ сидитъ! Вѣдь досадно, какъ ни говори, досадно! Знай мы это раньше, развѣ мы его такъ-бы принимали? Подумай только!

Еслибъ Софья Ивановна знала, за какую цѣну Иванъ Ивановичъ продалъ г-ну Милерту свое изобрѣтеніе и на что употребилъ онъ вырученныя деньги!.. Еслибъ она только знала, что онъ отправляется въ Ледовитое море на три года, а завѣтную мечту жениться на миниатюрной вдовѣ снова отложилъ на неопредѣленное время!..

Еслибъ она все это знала, она, можетъ быть, перестала-бы досадовать на мужа и, пожалуй, рѣшила-бы, что съ такимъ глупымъ чудакомъ, какъ Иванъ Ивановичъ, можно обращаться еще безцеремоннѣе!

Н. Северинъ.

В Ъ Т Е Р Ъ .

Вѣтеръ съ пѣсней заунывной,
Пѣсней громкой, непрерывной,
Ты несешься надо мной.
Ты несешься на просторѣ,
Видишь радости и горе
Жизни суетной земной...
Ты скажи, гдѣ край далекой,
Гдѣ нѣтъ горести глубокой,
Гдѣ прекрасно и свѣтло,
Гдѣ несчастій ожиданье,
Гдѣ гнетущее страданье
Горькихъ слезъ не принесло?
Нѣтъ, повсюду пролетая,
Ты того не видѣлъ края,—
Не легко его найти.
Вѣтеръ, мчись-же въ цѣли дальней
Съ пѣсней шумной и печальной,
По широкому пути!
Здѣсь несчастье, слезы тѣ-же;
Здѣсь улыбки видны рѣже,
Чѣмъ страданье и печаль,
Чѣмъ тоска въ борьбѣ съ тревогой...
Такъ лети другой дорогой
Въ неизвѣстную мнѣ даль!

Дмитрій Чертковъ.

МАРСЕЛЬСКІЯ ТАЙНЫ.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РОМАНЪ

ЭМИЛЯ ЗОЛЯ.

ГЛАВА XXVIII.

КАКЪ УРОДЪ МОЖЕТЪ СДѢЛАТЬСЯ КРАСАВЦЕМЪ.

Ужь болѣе двухъ мѣсяцевъ Маріюсъ и Фина возвратились въ Марсель. Молодой человѣкъ, выходя изъ конторы Дугласа, долженъ былъ сознаться, что онъ до сихъ поръ только терялъ время и что у него не было еще ни одного сантима изъ необходимыхъ на спасеніе Филиппа пятнадцати тысячъ. Рѣшительно онъ умѣлъ только любить и жертвовать собою; онъ чувствовалъ, что его душа была слишкомъ простая, узкая и честная, чтобъ добыть въ нѣсколько недѣль такую громадную сумму. Онъ всегда жилъ, какъ невинный ребенокъ, а печальныя событія, въ которыхъ онъ принималъ участіе въ послѣднее время, — любовь Арманды и Совера, а главное, преступленія Дугласа, — показали ему жизнь въ такомъ ужасающемъ видѣ, что онъ пришелъ въ отчаяніе. Онъ шелъ назадъ, а не впередъ; онъ боялся новой попыткой себя скомпрометировать окончательно, попавъ еще разъ въ руки мошенниковъ, которые не упустили-бы случая поэксплуатировать его. Онъ теперь видѣлъ вокругъ себя только однѣ западни.

Однако, девабрь приближался. Надо было сдѣлать, или Филиппъ будетъ безжалостно выставленъ къ позорному столбу. Уже нельзя было надѣяться ни на какое снисхожденіе, ни на какую

отсрочку. При этой мысли Маріюсъ плакалъ отъ безпомощной злобы. Онъ готовъ былъ для спасенія брата на любой геркулесовскій подвигъ; еслибъ ему позволили, онъ съ радостью взялся-бы разнести по камню стѣну тюрьмы. Этотъ тяжелый, ручной трудъ его не испугалъ-бы, но пятнадцать тысячъ франковъ приводили его въ ужасъ. Когда приходилось просить, унижаться, идти на сдѣлки, болѣе или менѣе сомнительныя, онъ терялъ голову и чувствовалъ свою полную неспособность на подобное дѣло. Этимъ только и можно объяснить наивное довѣріе, побудившее его обратиться къ Армандѣ и Дугласу.

Однако, всякая надежда еще не исчезла въ немъ. Благодаря именно тѣмъ качествамъ, которыя дѣлали его слабымъ въ жизненной борьбѣ, онъ все еще вѣрилъ въ доброту людей и утѣшалъ себя мыслью, что, наконецъ, найдется истинный, великодушный другъ. Въ этомъ настроеніи его поддерживала и Фина, которая была просто ангеломъ-хранителемъ бѣднаго юноши въ эти тяжелые дни.

Маріюсъ очень близко сошелся съ Кокурданами и почти каждый вечеръ проводилъ съ Финою. Сначала они только говорили о Филиппѣ; потомъ, хотя и не забывая бѣднаго узника, они стали чаще говорить о себѣ, о своемъ дѣтствѣ, о своей будущности и т. д. Ихъ бесѣды были искреннія и душевные, и они оба черпали въ нихъ отдыхъ отъ тревожной дня и новыя силы на завтрашнюю работу.

Мало-по-малу Маріюсъ привыкъ каждое утро пламенно желать, чтобъ поскорѣе наступилъ вечеръ. Когда въ его сердцѣ воскресала надежда, онъ бѣжалъ обрадовать ею Фину; когда его поражало разочарованіе, онъ точно также спѣшилъ рассказать ей все, увѣренный, что найдетъ въ ней сочувствіе и утѣшеніе. Только въ маленькой комнатѣ Фины онъ дышалъ легко и чувствовалъ себя если не счастливымъ, то по крайней мѣрѣ спокойнымъ.

Однажды вечеромъ онъ захотѣлъ непременно помочь молодой дѣвушкѣ связывать букеты для слѣдующаго дня; съ невинной радостью ребенка, онъ выдергивалъ шипы изъ розановъ и ловко подбиралъ одну къ другой фіалки и маргаритки. Съ этой минуты онъ сдѣлался цвѣточницей и каждый день азуратно занимался этимъ ремесломъ отъ восьми до девяти часовъ

вечера. Эта работа его забавляла и успокаивала его сердечную тревогу. А подавая цвѣты Финѣ и прикасаясь къ ея пальцамъ, онъ невольно вспыхивалъ. Безъ сомнѣнія, странное чувство, ощущаемое имъ въ эти мгновенія, возбудило въ немъ неожиданное призваніе къ ремеслу цвѣточницы.

Маріюсъ былъ до того наивенъ, что онъ изумился-бы и даже былъ-бы оскорбленъ, еслибы ему кто-нибудь сказалъ, что онъ влюбленъ въ Фину. Онъ воскликнулъ-бы, что онъ слишкомъ уродливъ для возбужденія въ комъ-нибудь къ себѣ любви; онъ счелъ-бы преступленіемъ страсть, развившуюся подъ тѣнью чужого несчастія, особенно когда этотъ чужой былъ его родной братъ. Но сердце его протестовало-бы. Маріюсъ впервые близко сошелся съ женщиной и попался въ сѣти перваго нѣжнаго взгляда. Сначала Фина, утѣшая и успокаивая его, казалась ниспосланной ему съ неба сестрою и матерью. Но мало-по-малу, невольно и безсознательно, эта сестра, эта мать обращалась въ жену, которую онъ любилъ со всѣмъ пламеннымъ жаромъ своего преданнаго сердца.

Эта любовь по-необходимости должна была проснуться въ этихъ молодыхъ людяхъ, которые вмѣстѣ плакали и утѣшали себя надеждами. Случай ихъ соединилъ, а сердечная доброта сковала ихъ цѣпями Гименея. Они были достойны друга друга и оба отличались одинаковымъ чувствомъ преданности и самопожертвованія.

Въ послѣднее время Фина иногда лукаво улыбалась, чего не замѣчалъ Маріюсъ. Она съ чисто женскимъ инстинктомъ поняла, что онъ ее любитъ, прежде чѣмъ онъ самъ далъ себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ. Но она ловко скрывала румянецъ, неожиданно вспыхивавшій на ея щекахъ, и учащенное колыханіе груди; она оставалась преданнымъ другомъ Маріюса, не обнаруживая своей страсти слишкомъ горячимъ пожатіемъ руки. Видя, какъ они по вечерамъ разбирали цвѣты, всякій принялъ-бы ихъ за брата и сестру.

Каждое воскресенье Фина отправлялась въ Сен-Генри. Она чувствовала къ Бланшъ какое-то сочувственное сожалѣніе, какую-то великодушную дружбу. Эта молодая дѣвушка, долженствовавшая вскорѣ родить и у которой сердце и вся жизнь были навѣки разбиты, становилась ей съ каждымъ днемъ все дороже-

Она съ грустью видѣла ея слезы, раскаяніе и укоры совѣсти, и старалась облегчить ея горе, развлечь ея уединенное, печальное существованіе. Своей веселой улыбкой она вносила хоть слабый лучь свѣта въ мрачный домъ, гдѣ Бланшъ плакала, думая вѣчно о Филиппѣ и его ребенкѣ.

Эти посѣщенія были для цвѣточницы какимъ-то священнымъ пилигримствомъ. Она отправлялась утромъ послѣ завтрака и оставалась съ Бланшъ до вечера. При закатѣ солнца она выходила изъ дома на берегъ моря, гдѣ ее ждалъ Маріюсъ, и они возвращались въ Марсель пѣшкомъ, рука объ руку, какъ молодые супруги.

Для Маріюса эти прогулки были настоящимъ блаженствомъ, и онъ считалъ воскресный вечеръ наградой за всѣ свои труды и заботы впродолженіи цѣлой недѣли. Онъ ждалъ Фину на берегу моря, забывая свое горе, и ждалъ съ замираніемъ сердца, чтобъ поскорѣе явилась молодая дѣвушка. Когда-же она была подлѣ него, они улыбались другъ другу и тихо, медленно возвращались въ сумеркахъ въ городъ, нѣняясь нѣжными словами дружбы и надежды. И всегда эта береговая дорога казалась Маріюсу слишкомъ короткой.

Въ одинъ изъ воскресныхъ вечеровъ онъ пришелъ очень рано на мѣсто свиданія. Деликатность мѣшала ему войти въ домъ Бланшъ и возбудить горькія мысли въ головѣ бѣдной молодой дѣвушки, а потому онъ сѣлъ на утесъ, который возвышался подлѣ селенія на берегу моря, и устремилъ свои взоры на безпредѣльную водную равнину. Около двухъ часовъ онъ сидѣлъ тутъ, погруженный въ неопредѣленную, нѣжно убаюкивавшую его, думу. Необозримый горизонтъ смягчалъ его сердце, и затаенная въ глубинѣ его души любовь къ Финѣ невольно, инстинктивно, просилась наружу; онъ видѣлъ въ голубыхъ волнахъ только образъ Фини и въ монотонномъ ихъ плескѣ слышалъ лишь имя Фини.

Наконецъ, явилась молодая дѣвушка и сѣла подлѣ него. Маріюсъ молча взялъ ея руку.

Сумерки медленно заволакивали тѣмной дымкой и море, и небо. Газовый отблескъ солнечнаго заката умиралъ на выдающихся утесахъ; безмятежная тишина ступевывала послѣдніе звуки засыпавшей жизни; въ воздухѣ было что-то нѣжное, ласкающее.

Взволнованный, тронутый до глубины души, Маріюсъ не произнеслъ ни слова, а, держа въ своихъ рукахъ руку Фини, продолжалъ мечтать. Взоры его по-прежнему блуждали въ туманной дали, гдѣ сливалось море съ небомъ, и онъ грустно улыбался. Вдругъ его губы безсознательно высказали громко то, что мучило его сердце.

— Нѣтъ, нѣтъ, прошепталъ онъ,—я слишкомъ уродливъ.

До этой минуты Финя также молчала, но нѣжная, лукавая улыбка играла на ея лицѣ. Наконецъ-то Маріюсъ рѣшился высказать ей свою любовь; она отгадывала это по необыкновенному блеску его глазъ и болѣе нѣжному пожатію его руки. Но, услыхавъ его слова, она разсердилась.

— Слишкомъ уродливъ! воскликнула она.—Но вы красавецъ, Маріюсъ!

Въ этомъ восклицаніи молодой дѣвушки было столько сердечнаго чувства, что Маріюсъ быстро обернулся и взглянулъ на нее съ безпокойствомъ. Финя поняла, что она разомъ выдала тайну своего сердца, и опустила голову. Щеки ея горѣли. Нѣсколько секундъ она молчала въ сильномъ смущеніи. Но не въ ея натурѣ было бояться откровеннаго признанія въ любви; она была слишкомъ искренна и откровенна, чтобъ разыграть лицемѣрную комедію, къ которой обыкновенно прибѣгаютъ молодыя дѣвушки.

— Выслушайте меня, сказала она, наконецъ, мужественно поднимая глаза и смотря прямо въ лицо дрожавшему всѣмъ тѣломъ Маріюсу. — Я хочу быть съ вами откровенной. Полгода тому назадъ я вовсе о васъ не думала. Я считала васъ уродомъ, вѣроятно, потому, что никогда на васъ не смотрѣла. Сегодня въ моихъ глазахъ вы стали красавцемъ... Право, я не знаю, какъ это случилось...

Несмотря на всю свою рѣшимость, она немного колебалась, и неожиданный румянецъ выступилъ на ея щекахъ. Она остановилась, не имѣя достаточно силъ, чтобъ прямо сказать Маріюсу, что его любить. Въ тому-же она знала застѣнчивость молодого человѣка и заговорила только, чтобъ побудить его самого сдѣлать ей признаніе. Но онъ оставался все въ прежнемъ восторженномъ положеніи. Ему не надо было ничего большаго, и онъ остался-бы всю ночь на этомъ утесѣ, не стараясь вырваться отъ Фини даль-

нѣйшаго, болѣе опредѣленнаго, признанія. Но Фи́на начинала терять терпѣніе.

Исторія любви цвѣточницы была очень проста, и не трудно объяснить, каки́мъ образомъ Маріюсъ сталъ въ ея глазахъ красавцемъ. Сначала она любила высокій ростъ и энергичное лицо Филиппа съ тѣмъ ослѣпленіемъ молодыхъ дѣвушекъ, которое побуждаетъ ихъ обыкновенно останавливать свой выборъ на человѣкѣ, сосредоточивающемъ всю свою красоту не въ сердцѣ, а на лицѣ. Потому, оскорбленная его холодностью и отгадавъ его грубую, самолюбивую натуру, она строго осудила его поведеніе въ отношеніи Бланшъ и мало-по-малу совершенно отвернулась отъ него. Въ это время она близко сошлась съ Маріюсомъ. Доброта и самопожертвованіе молодого человѣка возбудили въ ея сердцѣ любовь къ нему. Уродъ тѣломъ, Маріюсъ сіялъ красотой сердца. Въ первое время она видѣла въ немъ только друга, которому надо было помочь въ его горѣ, и она взяла на себя половину его тяжелой задачи, отчасти изъ прежней любви къ Филиппу, но еще болѣе по природному влеченію оказывать всѣмъ услуги. Таки́мъ образомъ, она заключила союзъ съ Маріюсомъ, и ихъ общія заботы о спасеніи Филиппа съ кажды́мъ днемъ все болѣе и болѣе ихъ сближали. Съ теченіемъ времени они полюбили другъ друга, живя одной надеждой и энергично стремясь къ одной цѣли.

И среди этого великодушнаго, благороднаго подвига самопожертвованія, Маріюсъ сталъ для нея красавцемъ. Фи́на забыла неправильность чертъ его лица, видя нѣжность и доброту его сердца. Она почувствовала въ себѣ пламенную привязанность и уваженіе къ благородной натурѣ, любовь которой ей казалась чѣмъ-то идеальнымъ. Быть любимой этой возвышенной душой стало ея задушевной мечтой; сравненіе Маріюса съ его братомъ Филиппомъ придавало первому какой-то небесный ореолъ. Съ этой минуты лицо Маріюса преобразилось въ ея глазахъ: онъ былъ красавецъ изъ красавцевъ, и она сильно удивилась-бы, еслибъ кто-нибудь сталъ увѣрять ее, что онъ уродъ.

Въ ухахъ Маріюса звонко раздавался ея крикъ любви, ясно говорившій: „ты красавецъ, и я тебя люблю“. Но онъ не смѣлъ открыть рта, боясь разсѣять чудный сонъ.

— Вы мнѣ не вѣрите? спросила, наконецъ, Фи́на, все съ той же нѣжной улыбкой и не вполне сознавая, что она говоритъ.

— Да, я вамъ вѣрю, отвѣчала Маріюсъ глубокимъ, тихимъ голосомъ; — сердце мое жаждетъ этой вѣры... Безъ васъ я при-
слушивался къ голосу волнъ, и онъ повѣдалъ мнѣ тайну... Я не
знаю, что случилось сегодня съ небомъ и моремъ, но ихъ нѣжный
ленеть растрогалъ мою душу и смутилъ мой умъ. Въ минуту
захода солнца, безпредѣльная водная даль открыла мнѣ тайну
моего сердца. Хотите знать, что повѣдали мнѣ морскія волны?

— Да, отвѣчала Фина, дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

Маріюсъ нагнулся къ ней и произнесъ почти шопотомъ:

-- Волны мнѣ сказали, что я васъ люблю.

Сумерки становились все темнѣе. На небѣ послѣдніе проблески
исчезали въ прозрачности млечнаго пути. Море, неподвижное,
темно-синее, засыпало. Свѣжее дыханіе умѣряло жаръ земли, еще
плавшей огнемъ страсти. Это была лучшая минута для объясне-
нія въ любви. Само море, казалось, своимъ тихимъ плескомъ у
подножія утеса подтверждало искренность словъ Маріюса.

— Ну, такъ у волнъ злой язычекъ, весело отвѣчала Фина; —
но сказали-ли онѣ вамъ по крайней мѣрѣ правду?

— Да, да, продолжалъ онъ восторженно, витая гдѣ-то въ
безоблачномъ пространствѣ, — онѣ сказали правду. Я чувствую
всѣмъ сердцемъ, что васъ люблю, мой дорогой другъ, и мнѣ ка-
жется, что я васъ любилъ со дня своего рожденія... О, какъ
мнѣ легко послѣ этого признанія! Давно мнѣ чего-то не доста-
вало; сидя съ вами, я чувствовалъ въ себѣ какую-то страстную
нѣжность и слышалъ невѣдомые голоса, шептавшіе мнѣ что-то
на ухо. Теперь я слышу ясно, я чувствую отчетливо, что я васъ
люблю.

Фина съ улыбкой слушала его.

— Вы не сердитесь? прибавилъ онъ вдругъ смиреннымъ то-
номъ. — Я знаю, что вы не можете меня любить.

— Вы ничего не знаете, отвѣчала Фина съ нѣжной рѣз-
костью. — Боже мой, какой вы нерѣшительный, какъ долго собира-
лись мнѣ это сказать! Мой отвѣтъ готовъ уже болѣе мѣсяца.

— И этотъ отвѣтъ?

— Спросите его у волнъ, отвѣчала Фина, смѣясь.

И она протянула Маріюсу свои обѣ руки. Онъ, какъ безум-
ный, осыпалъ ихъ поцѣлуями.

Ночь уже совершенно наступила, и глухой ропотъ моря распространялъ по землѣ сладострастную истому.

Наконецъ, Маріюсъ нагнулся къ молодой дѣвушкѣ и религіозно поцѣловалъ ее въ лобъ.

Тогда они стали весело болтать, какъ влюбленные или, споря, какъ дѣти, вспоминали о прошломъ, составляли планы въ будущемъ. Они говорили такъ, чтобъ слышать голоса другъ друга, казавшіеся имъ небесной музыкой, чтобъ ощущать теплое дыханіе своихъ пламенныхъ устъ. Они были такъ счастливы въ эту безмятежно-тихую ночь, въ виду непредѣльнаго моря!

— Вотъ, видишь-ли, сказала, наконецъ, Фина, — мы женимся послѣ освобожденія твоего брата. Надо прежде всего спасти Филиппа.

При имени брата Маріюсъ вздрогнулъ. Онъ совершенно забылъ о немъ. Теперь грустная дѣйствительность предстала передъ нимъ. Впродолженіи двухъ часовъ онъ виталъ въ седьмомъ небѣ и вдругъ грохнулся на землю.

— Филиппъ! сказалъ онъ. — Да, мы должны подумать о Филиппѣ!.. О, неужели мое счастье было такъ кратковременно? Ты вѣдь любишь моего брата? Ради Бога, скажи мнѣ правду!

Фина ничего не отвѣчала и громко заплакала. Слова Маріюса терзали ее сердце. Онъ настаивалъ, лилъ себя отъ отчаянія.

— Я тебя люблю, воскликнула тогда Фина, — потому что ты добръ, потому что ты умѣешь любить, потому что я найду въ тебѣ и мужа, и брата, и отца... Ты видишь, что я не могу любить Филиппа.

Этотъ крикъ сердца дышалъ такой любовью, такой слѣпой вѣрой, что Маріюсъ понялъ, наконецъ, какое у Фины пламенное, преданное сердце. Онъ восторженно сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ.

— Мы счастливы, произнесъ онъ, однако, черезъ нѣсколько минутъ, словно совѣсть его укоряла, — и, какъ злые эгоисты, забываемъ, что нашъ братъ томится въ тюрьмѣ! Нѣтъ, мы не умѣемъ хлопотать объ его освобожденіи.

— Ребенокъ! отвѣчала Фина. — Мы въ эту минуту становимся мужемъ и женою, и наше блаженство дастъ намъ во сто разъ болѣе силъ для борьбы. Ты увидишь, какое мужество придаетъ сознание, что любишь и что тебя любятъ.

И они замолчали. Море по-прежнему убаюкивало ихъ любовь своимъ монотоннымъ плескомъ.

Они возвратились въ Марсель при блескѣ звѣздъ, сіяя счастьемъ и надеждами.

XXIX.

БОРЬБА ВОЗВНОВЛЯЕТСЯ.

Бланшъ плакала съ утра до ночи. Осень становилась холодной, сумрачной. Море судорожно колыхалось; ревъ волнъ становился раздражающимъ; деревья на берегу стояли обнаженные. Всѣ эти признаки приближенія зимы усиливали только отчаяніе, которое грызло сердце Бланшъ.

Она жила въ одинокомъ домикѣ на берегу моря, въ разстояніи нѣсколькихъ минутъ ходьбы отъ селенія Сен-Генри. Она цѣлые дни сидѣла у окна, смотря на морскія волны, которыя съ однообразной правильностью разбивались объ утесы. Это было ея единственнымъ развлеченіемъ. Только иногда по вечерамъ она ходила со своей гувернанткой на берегъ и тамъ садилась на обломки скалы. Свѣжій вѣтерокъ немного освѣжалъ пожирившій ее внутренній огонь; она забывалась въ окружавшемъ ее полумракѣ и приходила домой, только продрогнувъ отъ холода.

Одна мысль всегда ее преслѣдовала. Днемъ и ночью, дома и на берегу моря, она думала о Филиппѣ и о ребенкѣ, котораго она носила въ себѣ.

Только Фина ее немного успокаивала. Еслибъ не еженедѣльные посѣщенія цвѣточницы, бѣдная молодая дѣвушка умерла-бы отъ отчаянія. Она чувствовала необходимость подѣлиться своимъ горемъ съ доброй, сочувственной душой. Одиночество пугало ее, и, оставаясь одна, она была вѣчно окружена страшными образами, которые вызывали укору ея совѣсти.

Когда-же приходила Фина, она запиралась съ нею въ свою маленькую комнату верхняго этажа, гдѣ онѣ могли на свободѣ говорить и плавать.

— О, какъ тяжела жизнь! говаривала Бланшъ. — Я думала сегодня цѣлый день о нашихъ странствіяхъ съ Филиппомъ среди утесовъ Жюгарды. Звѣзмъ я не бросилась тамъ въ бездну или не разбила себѣ голову о скалы?

— Зачѣмъ вы все плачете, все отчаяваетесь? отвѣчала нѣжно Фина.— Вы уже не дѣвочка; вы вскорѣ будете матерью и у васъ явятся святая обязанности. Ради Бога, не живите все въ прощедшемъ, котораго не воротить... Вы только кончите тѣмъ, что занеможете и убьете своего ребенка.

— Убить моего ребенка! восклицала Бланшъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и еще болѣе заливаясь слезами.— Не говорите мнѣ этого. Этотъ ребенокъ долженъ жить, чтобъ загладить мою вину и вымолить мнѣ прощеніе... О, Филиппъ зналъ, что говорилъ, увѣряя меня, что я принадлежу ему на-вѣки. Тщетно я публично отреклась отъ него, тщетно старалась его забыть. Моя гордость втоптана въ грязь, и я чувствую только, какъ любовь къ нему, мучительная, роковая любовь, терзаетъ мое сердце. Я теперь люблю Филиппа, какъ никогда прежде его не любила, люблю съ отчаяніемъ и горькими укорами совѣсти.

Фина ничего не отвѣчала. Она желала-бы, чтобъ Бланшъ была мужественнѣе и берегла свои силы для достойнаго исполненія своего материнскаго долга, когда наступитъ роковая минута. Но Бланшъ была, какъ всегда, бѣдное, слабое созданіе, умѣвшее только плакать, и цвѣточница давала себѣ слово энергично дѣйствовать за нее, дозволяя ей плакать въ-волю, такъ-какъ она ничего другого не умѣла.

— Еслибъ вы знали, продолжала Бланшъ,— какъ я страдаю, когда васъ здѣсь нѣтъ! Я чувствую въ себѣ Филиппа, и онъ жжетъ, терзаетъ меня; онъ воплотился въ моего ребенка; я ношу его въ своемъ сердцѣ, и онъ вѣчно упрекаетъ меня за мое клятвенное преступленіе. Онъ всегда передо мною, вокругъ меня, во мнѣ; я его вижу въ темницѣ; я слышу, какъ онъ меня проклинаетъ... О, какъ-бы я желала не имѣть вовсе сердца! Тогда я жила-бы счастливо.

— Полноте, успокойтесь, говорила Фина, но ей не всегда удавалось утишить хоть нѣсколько отчаяніе молодой дѣвушки.

Однажды, среди подобнаго кризиса, Бланшъ вдругъ пристально посмотрѣла на нее и прошептала дрожащимъ голосомъ:

— Вы выйдете за него замужъ, не правда-ли?

Фина не могла сразу понять, въ чемъ дѣло.

— Не скрывайте отъ меня ничего, продолжала съ жаромъ Бланшъ:— мнѣ лучше разомъ все узнать. Вы хорошая дѣвушка,

и я предпочитаю, чтобъ онъ женился на васъ, чѣмъ бѣгалъ-бы по развратнымъ женщинамъ Марсея... Когда я умру, вы скажите ему, что я его всегда любила.

Голосъ ея прервался рыданіями.

— Умоляю васъ, забудьте все для вашего ребенка, сказала Фина, нѣжно взявъ ее за руку. — Впрочемъ, успокойтесь, я никогда не буду женою Филиппа. Можетъ быть, я буду его сестрою.

— Какъ сестрою? спросила Бланшъ.

— Да, отвѣчала Фина, съ улыбкой вспоминая о Маріюсѣ. — Я люблю и любима.

И она рассказала ей исторію своей любви, которая очень успокоила Бланшъ. Съ этой минуты она полюбила еще болѣе Фину, стала думать о Филиппѣ съ меньшимъ отчаяніемъ и всецѣло предалась мысли о своемъ ребенкѣ. Чистая, истинная и преданная любовь Фины какъ-бы отразилась въ ея сердцѣ.

По-временамъ цвѣточница встрѣчала въ маленькомъ домикѣ на морскомъ берегу абата Шастанье, который старался утѣшить Бланшъ религіозными увѣщаніями. Онъ говорилъ ей о небѣ и желалъ вырвать изъ ея сердца земную страсть. Ему хотѣлось, чтобъ она поступила въ монастырь, такъ-какъ онъ полагалъ, что въ жизни для нея уже невозможно счастье. Она должна была остаться вѣчной вдовой и не имѣла достаточно нравственныхъ силъ, чтобъ примириться съ подобною жизнью. Но бѣдный патеръ не зналъ человѣческаго сердца, и Бланшъ предпочитала плакать съ Финою, говоря о Филиппѣ, чѣмъ слушать проповѣди абата Шастанье. Однако, добрый старикъ находилъ въ своемъ сердцѣ такія нѣжныя, трогательныя ноты, что молодая дѣвушка смотрѣла на него съ изумленіемъ и чувствовала какое-то странное желаніе проникнуть въ безмятежный міръ, гдѣ онъ обиталъ. Она хотѣла-бы броситься на колѣни въ церкви передъ алтаремъ и остаться тамъ въ восторженномъ полузабытѣ до своей смерти.

Однажды абатъ Шастанье вышелъ изъ дома Бланшъ вмѣстѣ съ Финою. Онъ желалъ сообщить ей недобрую вѣсть, которую онъ скрывалъ отъ бѣдной молодой дѣвушки. На берегу моря ждалъ цвѣточницу, какъ всегда, Маріюсѣ, и абатъ, обращаясь къ нему, сказалъ:

— Дитя мое, ваши грустные дни опять возобновятся. Я по-

лучилъ вчера письмо отъ г. Казалиса. Онъ очень удивляется, что приговоръ по дѣлу вашего брата еще не приведенъ въ исполненіе, и уже принялъ мѣры, чтобъ ускорить его выставленіе къ позорному столбу. Какъ ваши дѣла? Когда вы намѣрены освободить узника?

— Мы не сдѣлали ни шагу впередъ, отвѣчалъ съ отчаяніемъ Маріюсъ:—я надѣялся, что предо мною еще шесть недѣль.

— Не думаю, чтобъ г. Казалисъ могъ убѣдить предсѣдателя суда измѣнить своему слову... Къ тому-же никто не знаетъ о нашей просьбѣ, и я увѣренъ, что отсрочка продлится до конца декабря, какъ намъ обѣщали. Но все-же поторопитесь. Нельзя ручаться ни за что, и я счелъ своимъ долгомъ васъ предупредить.

Маріюсъ и Фина были въ отчаяніи. Они возвратились въ Марсель вмѣстѣ съ патеромъ, безмолвные, убитые. Впродолженіи недѣли любовь какъ-бы ослѣпила ихъ, а теперь они снова съ ужасомъ увидѣли, что подъ ихъ ногами зіяла та-же бездна.

ГЛАВА XXX.

Позорный столбъ.

Спустя нѣсколько дней, когда Маріюсъ шелъ утромъ въ свою контору, онъ встрѣтилъ громадную, шумную толпу, направлявшуюся по улицѣ Парадись къ Канеберфъ. Онъ остановился на углу улицы Дарсъ и, поднявшись на ципочки, увидать, что королевская площадь была вся переполнена народомъ. Вокругъ него бушевали народные волны; на всѣхъ лицахъ выражалось какое-то жестокое любопытство, и легко было понять, что каждый спѣшилъ на одно изъ тѣхъ дикихъ, лютыхъ зрѣлищъ, которыя составляютъ любимое развлеченіе толпы. Пламенное любопытство, одушевлявшее толпу, мало-по-малу овладѣло и Маріюсомъ; нѣкоторыя слова, схваченныя имъ на-лету, возбудили въ немъ смутную тревогу, и онъ поддакъ увлекавшему все народному потоку.

Онъ довольно легко добрался до королевской площади, но тамъ напывъ публики изъ улицы Парадись встрѣтилъ сопротивленіе въ тѣсно сжатой толпѣ, уже стоявшей на мѣстѣ. Всѣ

старались приподняться надъ передними рядами и устремляли любопытные взоры на Канебьеру.

Молодой человѣкъ смутно увидалъ конныхъ солдатъ; болѣе онъ ничего не могъ разобрать и еще не отгадывалъ, какое зрѣлище привлекало сюда весь городъ.

Вокругъ него шумѣла толпа, и среди общаго говора слышались отдѣльныя восклицанія:

- Его привезли сегодня ночью изъ Э.
- Да, и завтра его отвезутъ въ Тулонъ.
- Я желалъ-бы видѣть, какую онъ корчитъ рожу.
- Говорятъ, онъ зарыдалъ, когда палачъ принесъ веревки.
- Нѣтъ, нѣтъ, онъ ведетъ себя мужественно. Онъ здоровенный молодчина и не станетъ плакать, какъ женщина.
- Мерзавецъ! Его слѣдовало-бы побить камнями.
- Я постараюсь подойти ближе.
- погоди. Его встрѣтатъ свистками, и я хочу въ этомъ принять участіе.

Всѣ эти гнѣвные восклицанія тревожно раздавались въ ушахъ Маріуса. Ему становилось страшно и холодный потъ выступалъ у него на лицѣ. Онъ спрашивалъ себя съ ужасомъ, кто былъ этотъ человѣкъ, котораго толпа хотѣла закидать грязью?

Давка все усиливалась, и Маріусъ понялъ, что не въ состояніи пробить этой живой стѣны. Тогда онъ рѣшился обойти площадь и, медленно пройдя по улицамъ Ваканъ и Баво, очутился на Канебьерѣ. Тамъ его ожидало странное зрѣлище.

Канебьера во всю свою длину отъ гавани до алеи Бельронсъ кишѣла ежеминутно прибывавшей изъ сосѣднихъ улицъ толпой. Изъ тѣсно сомкнутыхъ ея рядовъ раздавались гнѣвные крики, сливавшіеся въ одинъ роковой грохотъ, напоминавшій ревъ морскихъ волнъ. Во всѣхъ окнахъ сосѣднихъ домовъ виднѣлись зрители; мальчишки торчали на фонаряхъ и вывѣскахъ. Весь городъ былъ тутъ, и каждый устремлялъ жадные взоры на одну точку. Болѣе шестидесяти тысячъ людей галдѣли, бранясь и издѣваясь надъ несчастнымъ привязаннымъ къ позорному столбу. Посрединѣ Канебьеры, противъ Королевской площади, возвышался эшафотъ, сколоченный изъ грубыхъ досокъ. На эшафотѣ виднѣлся столбъ съ привязаннымъ къ нему человѣкомъ. Двѣ роты сол-

дать, отрядъ жандармовъ и взводъ драгунъ окружали платформу, защищая преступника отъ народной ярости.

Въ первую минуту Маріусъ увидалъ только несчастнаго, привязаннаго къ позорному столбу, который возвышался надъ толпою; съ болѣзненно-сжавшимся сердцемъ онъ пытался увидѣть лицо несчастнаго. Можетъ быть, это былъ Филиппъ? Можетъ быть, Казалису удалось ускорить страшную минуту казни? При этой мысли въ глазахъ у Маріуса помутилось; слезы потекли по его щекамъ. Онъ прислонился къ двери какого-то магазина. Среди бившей его лихорадки ему казалось, что онъ узнаетъ въ несчастномъ своего брата, что на эшафотѣ былъ Филиппъ и что толпа его осыпала бранью.

Стыдъ, горе, жалость терзали душу Маріуса. Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ онъ находился какъ-бы въ столбнякѣ. Невозможно анализировать страданія, когда они становятся столь жгучими.

Наконецъ, онъ собрался съ силами и сталъ пристально смотрѣть на эшафотъ. Несчастный былъ крѣпко привязанъ къ столбу. На немъ были широкія, сѣрыя полотняныя шаровары и куртка, а на головѣ фуражка, нахлобученная на глаза. Къ тому-же онъ стоялъ, понизивъ голову, такъ-что толпа не могла разсмотрѣть его лица. Прямо передъ нимъ тянулась гавань и широкое свободное море, какъ-бы издѣвавшееся надъ нимъ; но онъ ни разу не взглянулъ въ ту сторону.

Въ сердцѣ Маріуса вкралось сомнѣніе, и ему стало легче. Несчастный казался вдвое толще его брата, и онъ зналъ, что Филиппъ не сталъ-бы смиренно опускать головы, а отвѣчалъ-бы толпѣ презрѣніемъ на презрѣніе. Но все-же онъ не совершенно успокоился и желалъ увидѣть черты лица преступника.

Въ толпѣ по-прежнему раздавались гнѣбныя и саркастическія замѣчанія:

— Эй, мошенникъ, подними голову, покажи намъ свое воровское лицо!

— Нѣтъ, онъ не подниметъ головы. Онъ надъ нами смѣется. Я только-что видѣлъ улыбку на его лицѣ.

— Наконечъ, ему связали руки и онъ не можетъ болѣе воровать.

— Вы думаете? Онъ едва не своровалъ своего помилованія.

— Да, да, какіе-то богатые и набожные люди хотѣли избавить его отъ позора быть привязаннымъ къ столбу.

— Надъ бѣднякомъ никто не сожалѣлся-бы.

— Но король не согласился; онъ сказалъ, что для всѣхъ мошенниковъ, къ какому-бы классу они ни принадлежали, наказаніе должно быть одно.

— О, король честный человѣкъ! А-а, Дугласъ, воръ, мошенникъ, извергъ, ханжа, тебѣ болѣе не выкидывать ловкихъ штукъ! Ты не станешь болѣе молиться въ церквахъ Богу, чтобъ онъ благословилъ твои мошенничества!

Маріусъ свободно перевелъ дыханіе. Изъ словъ сосѣда онъ узналъ имя преступника и теперь онъ, дѣйствительно, узналъ блѣдное, жирное лицо бывшаго нотаріуса.

Но все-же въ глубинѣ своей души онъ думалъ о братѣ и говорилъ себѣ, что и его также толпа будетъ бранить и проклипать.

Говоръ вокругъ Маріуса продолжался.

— Онъ разорилъ около пятидесяти семействъ. Каторга слишкомъ милостивое для него наказаніе.

— Его слѣдовало-бы растерзать на части.

— Да, да, мы его выхватимъ изъ рукъ солдатъ и уберемъ.

— Посмотрите, онъ на эшафотѣ, какъ у себя дома.

— Онъ мало страдаетъ. Жаль, что его не повѣсили за ноги.

— А, вотъ приближается палачъ. Онъ его развяжетъ. Побѣдимъ къ эшафоту!

Дѣйствительно, Дугласъ спускался съ платформы. Онъ сѣлъ въ маленькую телѣгу, запряженную одной лошадейю, и его повезли обратно въ тюрьму. Въ эту минуту въ толпѣ произошло сильное волненіе. Всѣ бросились впередъ, чтобъ освистать, а, можетъ быть, и убить несчастнаго. Но солдаты окружили телѣгу, а жандармы оттѣснили толпу.

Маріусъ посмотрѣлъ въ послѣдній разъ на преступника съ глубокимъ сожалѣніемъ. Конечно, Дугласъ былъ крупный злодѣй; но испытываемыя имъ въ эту минуту нравственныя муки униженія и стыда дѣлали его предметомъ скорѣе сожалѣнія, чѣмъ злобы.

Вдругъ Маріусъ, остававшійся все на прежнемъ мѣстѣ, услышалъ разговоръ двухъ, проходившихъ мимо, рабочихъ.

— Мы вернемся сюда въ будущемъ мѣсяцѣ. Тогда выставятъ къ позорному столбу, знаешь, того молодца, который обольстилъ молодую дѣвушку... Это будетъ веселѣе.

— Ахъ, да, Филиппа Кайоля. Я его зналъ; онъ молодецъ. Надо будетъ узнать заранѣе день казни, чтобъ не пропустить такого зрѣлища. Будетъ игра!

Рабочіе удалились. Маріюсъ былъ блѣдень, убитъ. Эти люди были правы: черезъ мѣсяцъ наступитъ очередь его брата. Онъ видѣлъ теперь во-очію, какой стыдъ, какія страданія его ожидали. Страшное горе защемило сердце молодого человѣка. Онъ закрылъ глаза; передъ нимъ на эшафотѣ уже стоялъ Филиппъ, осыпаемый бранью и насмѣшками толпы.

ГЛАВА XXXI.

Маріюсъ теряетъ голову.

Прислонясь къ вывѣскѣ какого-то магазина и понуривъ голову, Маріюсъ долго стоялъ, погруженный въ тревожную думу. Вдругъ кто-то дружески потрепалъ его по плечу. Онъ поднялъ голову и увидалъ передъ собою Совера.

— Э, другъ мой, что вы тутъ дѣлаете, чортъ возьми? воскликнулъ бывший носильщикъ со своимъ обычнымъ грубымъ смѣхомъ. — Вы такой мрачный, словно васъ самихъ сейчасъ привяжутъ къ позорному столбу.

Соверъ былъ одѣтъ богато; пальто и панталоны были на немъ самага тонкаго сукна, а полурастегнутый жилетъ обнаруживалъ бѣлоснѣжную рубашку. Толстая золотая цѣпь отъ часовъ съ массивными брелоками колола глаза. Было еще только десять часовъ утра, и потому Соверъ гулялъ въ туфляхъ и въ нахлобученной на глаза мягкой поярковой шляпѣ, а въ зубахъ у него торчалъ великолѣпный пѣнковый мундштукъ. Ясно было по всей его фигурѣ, что тротуаръ Канебьеры принадлежалъ ему; онъ былъ на этой блестящей улицѣ, какъ дома, занималъ на ней какъ можно болѣе мѣста и смотрѣлъ на проходящихъ фамиллярнымъ и покровительственнымъ тономъ. Засунувъ руки въ карманы панталонъ и широко разставивъ ноги, онъ бросалъ на Маріюса снисходительные взгляды, полные сознанія гордаго превосходства.

— Вы кажетесь очень грустнымъ и больнымъ, продолжалъ онъ;— берите лучше примѣръ съ меня, ѣшьте и пейте всласть, будьте здоровы и ведите веселую жизнь. У меня хорошій желудокъ, и я могу бросить сто франковъ, на что хочу. Конечно, надо быть богатымъ, чтобъ жить, какъ я, а не всё богаты.

Онъ смотрѣлъ на Маріюса съ презрительной жалостью; при видѣ этого бѣднаго, щедраго юноши, онъ ощущалъ тупую радость, что самъ онъ—толстякъ съ румянцемъ во всю щеку. Въ эту минуту онъ охотно далъ-бы Маріюсу въ займы тысячу франковъ.

Но молодой человѣкъ не слушалъ его болтовни. Онъ разсѣянно пожалъ ему руку и снова углубился въ свою мрачную думу. Онъ съ отчаяніемъ говорилъ себѣ, что три мѣсяца проходили, и онъ не сумѣлъ ничего сдѣлать для спасенія своего брата. Онъ готовъ былъ теперь продать себя и сдѣлать, какую угодно, подлость, чтобъ только получить нѣсколько тысячъ франковъ.

— Чортъ возьми, продолжалъ Соверъ, который любилъ слышать свой собственный голосъ, — молодой человѣкъ долженъ забавляться. А вы себѣ не позволяете никакихъ удовольствій; вы слишкомъ много работаете, другъ мой. Правда, удовольствія дорого стоятъ и на это надо много денегъ. У меня, напримѣръ, бывають недѣли, когда я расходую сотни франковъ. Вы, конечно, не можете такъ забавляться, какъ я; это невысказано; но вы въ состояніи позволить себѣ кое-какія развлеченія. Вѣдь у васъ гроши, не правда-ли? Хотите я васъ повезу куда-нибудь, гдѣ вы не станете скучать?

Дѣлая это предложеніе, Соверъ считалъ себя очень великодушнымъ и ждалъ теплой благодарности со стороны молодого человѣка. Но видя, что Маріюсъ все молчитъ, онъ схватилъ его за руку и потащилъ съ собою по тротуару.

— Я беру васъ подъ свое покровительство! воскликнулъ онъ;— я васъ живо пушу въ ходъ. Черезъ недѣлю вы будете такимъ-же веселымъ, какъ я... Я ѣмъ въ лучшихъ ресторанахъ; красивѣйшія женщины въ Марселѣ мои любовницы. Вы видите, я гуляю цѣлый день. Вотъ славная жизнь! А хотите знать, когда я сегодня легъ спать? Въ три часа утра! Я всю ночь провелъ въ корнелевскомъ клубѣ, гдѣ шла адская игра. Можете себѣ представить, тамъ были двѣ прелестныя женщины въ бархатныхъ

платьяхъ, кружевахъ и драгоценныхъ каменьяхъ, такъ-что страшно до нихъ дотронуться. Маленькая бринетка Клеронъ выиграла пять тысячъ франковъ.

— Какъ можно выиграть въ одну ночь пять тысячъ франковъ? произнесъ какимъ-то страннымъ голосомъ Маріюсъ, поднимая голову.

— Боже мой, какой вы наивный! воскликнулъ Соверъ со смѣхомъ. — Я видывалъ выигрыши гораздо крупнѣе. Нѣкоторымъ людямъ счастье везетъ. Въ прошломъ году я повезъ одного юношу въ клубъ. У него не было ни гроша, и я ему одолжилъ пять франковъ; въ двѣ ночи онъ выигралъ шестнадцать тысячъ франковъ. Мы виѣстѣ ихъ проѣли. Боже мой, какъ я веселился цѣлый мѣсяцъ!

Маріюсъ вспыхнулъ. Какой-то невѣдомый огонь пожиралъ его сердце. Онъ никогда не ощущалъ такого жгучаго чувства.

— Надо быть членомъ клуба, чтобъ играть? спросилъ онъ.

— Да, по правиламъ, отвѣчалъ съ улыбкой Соверъ, — только члены имѣютъ право играть. Но часто вокругъ зеленого стола болѣе толпится людей постороннихъ, неимѣющихъ права играть, чѣмъ членовъ клуба. Вы понимаете?

Теперь Маріюсъ взялъ за руку Совера и, пройдя молча нѣсколько шаговъ, спросилъ сухимъ, отрывистымъ голосомъ:

— Вы можете меня повезти сегодня въ корнелевскій клубъ?

— Bravo! воскликнулъ бывшій носильщикъ. — Мы позабавимся властью! Я вижу, что вы начинаете понимать жизнь. Вино, карты, женщины — вотъ настоящая цѣль существованія! Старайтесь нажить поболѣе денегъ, заведите любовницу, и вы вскорѣ растолстѣете, чортъ возьми... Конечно, я съ удовольствіемъ повезу васъ сегодня въ корнелевскій клубъ и познакомлю съ Клеронъ.

Маріюсъ нетерпѣливо махнулъ рукою. Какое ему было дѣло до Клеронъ? Одна только мысль преслѣдовала его. Такъ-какъ можно было въ двѣ ночи выиграть шестнадцать тысячъ франковъ, то онъ рѣшился попытать счастья и найти на зеленомъ столѣ вкупъ Филиппа. Подъ ударами судьбы его прямой, честный умъ какъ-бы помрачился. Извѣстіе, сообщенное ему абатомъ Шастанье, было послѣдней каплей, переполнившей чашу его горестей, а зрѣлище Дугласа, выставленнаго у позорнаго столба, окон-

чательно смутило его и почти свело съума. Онъ потерялъ голову и, не зная, куда обратиться за помощію, готовъ былъ видѣть въ картежной игрѣ единственное средство спасенія. Онъ смутно сознавалъ, что посѣщеніе игорнаго дома было нравственнымъ паденіемъ; но чувство самоотверженія иногда бываетъ до того слѣпо, что побуждаетъ самаго честнаго человѣка на подлое дѣло. Бъ тому-же безпомощность его душила, и онъ хотѣлъ, бросивъ перчатку судьбѣ, разомъ покончить со своимъ мучительнымъ положеніемъ.

— Значить, это дѣло рѣшенное, сказалъ Соверъ, прощаясь съ нимъ. — Гдѣ мы вечеромъ встрѣтимся?

— Здѣсь, на Канебьерѣ, отвѣчалъ Маріусъ; — я буду васъ ждать въ 10 часовъ.

Они разстались, и молодой человѣкъ отправился въ свою контору. Никогда онъ еще не находился въ такомъ волненіи. Весь день его была лихорадка; голова у него трещала, и онъ со страстнымъ нетерпѣніемъ ждалъ вечера, предвѣщая уже наслажденіе быть богачомъ и зная, что Филиппъ на свободѣ.

Вечеромъ около 8-ми часовъ онъ, по обыкновенію, пошелъ къ Финѣ.

— Что съ вами? спросила она съ безпокойствомъ, вида его лихорадочную дрожь.

— Не спрашивайте меня; Филиппъ будетъ свободенъ, и мы всѣ заживемъ счастливо, отвѣчалъ онъ и поспѣшно удалился.

Забѣжавъ домой, онъ взялъ сто франковъ, отложенные по сантимахъ на черный день, и отправился на Канебьеру ждать Совера.

Въ десять часовъ они оба входили въ корнелевскій клубъ.

ГЛАВА XXXII.

МАРІУСЪ ВЫИГРЫВАЕТЪ ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧЪ ФРАНКОВЪ.

Большой коммерческій городъ почти всегда бываетъ центромъ картежной игры и всякаго разврата. Когда цѣлое населеніе думаетъ только о торговыхъ спекуляціяхъ и всѣ классы общества съ утра до вечера заботятся только о большей и скорѣйшей наживѣ, естественно, что картежная игра дѣлается особымъ видомъ

спекуляціи, и въ сущности комерсанты, переходя изъ конторы въ игорный домъ, только продолжаютъ одну и ту-же азартную игру. Къ тому-же комерческая горячка очень заразительна, и въ городѣ, гдѣ деньги царятъ всецѣло, зеленый столъ становится открытой биржей, на которой всѣ богатые и бѣдные одинаково рискуютъ своими мѣдными сантимами и золотыми лудорами. Съ другой стороны, среди быстро наживаемыхъ и еще быстрее проживаемыхъ богатствъ, подъ одуряющимъ дыханіемъ безумной страсти къ спекуляціямъ, наступаютъ минуты непреодолимой жажды удовольствій, и тогда ослѣпленные блескомъ золота спекуляторы предаются разврату съ такимъ-же пыломъ, съ какимъ набрасывались на наживу денегъ.

Игорные дома — одна изъ самыхъ жестокихъ язвъ Марселя, гдѣ ихъ считаютъ сотнями. Полиція принимаетъ энергическія мѣры; но всѣ ея усилія тщетны, въ виду безумной ярости игроковъ. Сегодня закрываютъ одинъ игорный домъ, а завтра открывается рядомъ два. Большая часть изъ этихъ притоновъ разврата существуетъ подъ названіемъ клубовъ, и сначала въ нихъ имѣютъ доступъ только члены, а потомъ мало-по-малу туда являются всѣ, кто хочетъ, и даже уличныя женщины. Одной изъ подобныхъ тайныхъ трущобъ, гдѣ каждый день несчастные, легкомысленные люди теряли состояніе и честь, былъ и корнелевскій клубъ, куда Соверъ ввелъ Маріюса.

Въ принципѣ этотъ клубъ, какъ и всѣ остальные, долженъ былъ состоять только изъ членовъ, выбираемыхъ по большинству голосовъ и вносящихъ 25 франковъ. Но въ сущности всякій могъ въ него входить и играть. Сначала для приличія требовали отъ постороннихъ посѣтителей рекомендаціи членовъ, а потомъ и это оказалось излишнимъ.

Конечно, Соверъ былъ честный человекъ и не захотѣлъ сдѣлать что-нибудь низкое. Но страсть къ удовольствіямъ побуждала его водиться со странными друзьями. Онъ наивно говорилъ, что лучше жить съ мошенниками, чѣмъ съ честными людьми; послѣдніе всегда наводили скуку, а первые его забавляли; поэтому онъ инстинктивно предпочиталъ дурное общество, гдѣ могъ веселиться на-распашку. Къ тому-же подъ маской добродушія онъ скрывалъ рѣдкую хитрость и осторожность; онъ никогда не компрометировалъ себя, игралъ мало и удалялся отъ всякаго

скандала. Онъ очень хорошо зналъ, что большинство членовъ королевскаго клуба были люди недостойные; но онъ посѣщалъ его, ибо встрѣчалъ тамъ женщинъ легкаго поведенія и могъ вполне удовлетворять свои аппетиты выскочки.

Взойдя по лѣстницѣ во второй этажъ, Соверъ и Маріюсъ вошли въ большую залу, въ которой, какъ въ кофейнѣ, было разставлено около двадцати мраморныхъ столиковъ, съ плетеными при нихъ стульями, а по стѣнамъ тянулись диваны обитые краснымъ бархатомъ. Въ глубинѣ находился громадный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ; на немъ были разграфлены два четырехугольника красной тесьмой, а посрединѣ стояла корзинка для картъ. Это былъ игорный столъ. Кругомъ видѣлись стулья.

Маріюсъ остановился на порогѣ и бросилъ удивленный взглядъ на залу. Онъ задыхался, какъ человѣкъ, упавшій въ воду. Ему казалось, что его привели въ пещеру, гдѣ его растерзлютъ хищныя звѣри. Сердце его тревожно билось, въ вискахъ стучало. Какое-то чувство стыдливости и отвращенія дѣлало его неловкимъ, смущеннымъ.

Зала была почти пуста. Нѣсколько мужчинъ пили за отдѣльными столиками. Двѣ женщины шептались въ углу. Игорный столъ не былъ еще освѣщенъ.

— Чего мы выпьемъ? спросилъ Соверъ у Маріюса.

— Не знаю, отвѣчалъ молодой человѣкъ, смотря съ испугомъ на картежный столъ.

Бывшій носильщикъ приказалъ подать пива.

— А вотъ Клеронъ и ея подруга Инарда! воскликнулъ онъ, увидавъ разговаривавшихъ женщинъ. — Посмотрите, какія это красавицы! Вамъ-бы надо такую любовницу, чтобъ забыть свое горе.

Маріюсъ посмотрѣлъ на этихъ женщинъ. Клеронъ, маленькая брюнетка, очень помятая и завяшшая, съ блѣднымъ, изнуреннымъ лицомъ, была въ старомъ, полинявшемъ платьѣ. Инарда большого роста, сухая, казалась еще старше; ея острия кости точно хотѣли прорвать ея поношенное шелковое платье. Маріюсъ не могъ понять восторга, возбуждаемаго ими въ Соверѣ, и отвернулся съ презрительнымъ жестомъ. Свѣжее лицо Фини вдругъ представало передъ нимъ, и ему стало стыдно находиться въ такомъ вертепѣ. Только мысль о спасеніи брата удержала его отъ бѣгства.

Женщины, услыжавъ громкій голосъ Совера, обернулись и захохотали.

— О, съ этими красотками нельзя скучать, сказалъ Соверъ; — если вы хотите, мы ихъ возьмемъ съ собою.

— А развѣ играть не будутъ? спросилъ Маріюсъ рѣзко.

— Боже мой, какъ вы торопитесь! отвѣчалъ Соверъ. — Конечно, будутъ играть и до завтрашняго утра, если вы хотите. Вы всегда успѣете. Посмотрите, какъ Блеронъ и Инарда смотрятъ на меня.

Мамо-по-малу начали являться завсегдатаи. Мальчикъ зажегъ газъ, и нѣсколько игроковъ засѣло за игорный столъ. Женщины между тѣмъ ходили взадъ и впередъ по залѣ, улыбаясь знакомымъ мужчинамъ; онѣ кончили тѣмъ, что сѣли подлѣ банкюмета, надѣясь стащить два, три золотыхъ. Тогда и Соверъ согласился подойти къ игрокамъ.

— Объясните мнѣ правила этой игры, сказалъ Маріюсъ, нагибаясь къ Соверу, послѣ безмолвнаго изученія игры впродолженіи нѣсколькихъ минутъ.

— Да она проще всего на свѣтѣ! воскликнулъ бывшій носильщикъ со смѣхомъ. — Кто-же не знаетъ бакара?.. Садитесь за столъ и кладите свою ставку на одинъ изъ этихъ четырехугольникововъ, обведенныхъ красной тесьмой. Вы видите у банкюмета двѣ колоды разнаго цвѣта и въ пятьдесятъ двѣ карты; онъ сдаетъ по двѣ карты на каждый четырехугольникъ и двѣ себѣ... Десятки и фигуры не считаются: самый высшій счетъ девять очковъ, и надо стараться приблизиться, какъ можно болѣе, къ этому числу. Если у васъ болѣе, чѣмъ у банкюмета, вы выигрываете, если меньше, то проигрываете. Вотъ и все.

— Но, замѣтилъ Маріюсъ, — я вижу, что нѣкоторые игроки просятъ еще карту.

— Да, отвѣчалъ Соверъ, — можно переимѣнить одну карту. Но это часто портитъ дѣло. Я вамъ совѣтую всегда держаться шести очковъ; это хорошенъкое число.

— А вы будете играть? спросилъ Маріюсъ, усаживаясь за столъ.

— Нѣтъ, я лучше буду смѣяться съ Блеронъ, сказалъ Соверъ и началъ увиваться около маленькой брюнетки.

Въ сущности-же онъ не любилъ рисковать своими деньгами.

Онъ находилъ игру очень губительной и быстрой забавой; онъ любилъ болѣе продолжительныя и надежныя удовольствія.

Банкометъ иѣшалъ карты.

— Господа, ваши ставки, говорилъ онъ.

Маріюсъ съ судорожной дрожью положилъ на столъ пятьдесятъ франковъ. Онъ рѣшился въ два раза спустить свои деньги.

Въ глазахъ у него рябило, въ ушахъ звенѣло.

— Болѣе никто? спросилъ банкометъ и сдалъ карты.

Маріюсъ взялъ свои двѣ карты; у него было пять очковъ. Онъ пережвилъ карту, и у него оказалось четыре. У банкомета было три. Всѣ, сидѣвшіе за столомъ, удивились. Маріюсъ выигралъ.

Съ этой минуты молодой человѣкъ уже болѣе не принадлежалъ себѣ. Онъ находился въ какомъ-то странномъ снѣ. Впродолженіи пяти часовъ онъ оставался за игорнымъ столомъ, постоянно выигрывая. Онъ игралъ съ такой смѣлостью, что опытные игроки приходили въ ужасъ. Онъ выигрывалъ противъ всѣхъ вѣроятностей. Банкометы чередовались, и онъ всѣхъ одинаково обчищалъ.

Рядомъ съ нимъ сидѣлъ пожилой господинъ, смотрѣвшій на него съ удивленіемъ и завистью. Наконецъ, онъ нагнулся къ нему и спросилъ вполголоса:

— Скажите, пожалуйста, какой у васъ талисманъ?

Какъ извѣстно, всѣ игроки очень суевѣрны и каждый изобрѣтаетъ свой талисманъ, приносящій ему счастье.

— Я не хотѣлъ нисколько васъ обидѣть, продолжалъ старикъ, оскорбленный молчаніемъ Маріюса; — мнѣ очень хотѣлось-бы знать, что вамъ даетъ такое счастье? Я не скрываюсь; вотъ мой талисманъ!

И онъ, снявъ шляпу, показалъ маленькій образокъ Мадонны, вдѣланный въ тулю. Во всякое другое время Маріюсъ пришелъ-бы въ благородное негодованіе, но теперь онъ только махнулъ нетерпѣливо рукою и продолжалъ молча загребать золото.

Соверъ, обрадованный счастьемъ своего друга, помѣстился за его стуломъ. Онъ предпочиталъ смотрѣть, какъ играли другіе, чѣмъ играть самъ. Видъ большихъ суммъ золота на картежномъ столѣ веселилъ его, когда онъ ничѣмъ не рисковалъ.

Клеронъ и Инарда послѣдовали за нимъ и, фамиллярно опи-

раясь на стулъ Маріюса, улыбались ему. Какъ хищныя птицы, они прилетѣли на запахъ золота.

Пробило пять часовъ. Сѣрватый свѣтъ сталъ пробиваться въ окна. Игроки уходили одинъ за другимъ. Наконецъ, Маріюсъ остался одинъ; передъ нимъ лежали выигранныя имъ десять тысячъ франковъ.

Онъ проигралъ-бы безсознательно до слѣдующаго вечера, не чувствуя никакой усталости. Впродолженіи пяти часовъ онъ игралъ машинально, имѣя въ головѣ только одну мысль выиграть разомъ всю необходимую ему сумму и уже болѣе никогда не показываться въ подобную трущобу. Поэтому, очутившись одинъ за столомъ, онъ пришелъ въ отчаяніе и искалъ глазами партнера. Ему надо было еще выиграть пять тысячъ франковъ, и онъ проклиналъ, что утро наступило такъ рано.

Невдалекѣ отъ него за маленькимъ столикомъ сидѣлъ какой-то господинъ, который всю ночь самъ не игралъ, но пристально слѣдилъ за игрою Маріюса, какъ-бы чего-то ожидая. Теперь-же, видя, что молодой человекъ, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ волненія и бывшей его лихорадки, собирался уйти, онъ подошелъ къ нему.

— Милостивый государь, сказалъ онъ, — не угодно-ли вамъ сыграть со мною въ экарте?

Маріюсъ хотѣлъ съ радостью согласиться, но Соверъ вдругъ схватилъ его за руку и произнесъ шопотомъ:

— Не играйте! Ради Бога, откажитесь и уйдемте поскорѣе, а то вы потеряете весь свой выигрышъ.

Маріюсъ не хотѣлъ слушаться Совера, но тотъ почти насильно увлекъ его къ дверямъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, г. Феликсъ, сказалъ онъ, обращаясь къ позднему игроку, — мой другъ слишкомъ усталъ и не можетъ болѣе играть.

Феликсъ былъ, повидимому, очень недоволенъ непрошеннымъ вмѣшательствомъ Совера и пробормоталъ сквозь зубы:

— Нечего дѣлать, ночь пропала даромъ.

Очутившись на улицѣ, Маріюсъ спросилъ недовольнымъ тономъ, зачѣмъ Соверъ помѣшалъ ему играть? Послѣдній подробно объяснилъ, что Феликсъ, игравшій всегда совершенно честно, однако, навѣрняка обыгрывалъ запоздалыхъ игроковъ, пользуясь

тѣмъ, что онъ предлагалъ коммерческую игру и самъ имѣлъ совершенно свѣжій умъ, а его партнеръ былъ въ лихорадочномъ, возбужденномъ состояніи послѣ цѣлой ночи безумнаго азарта и едва разбиралъ карты.

— Система г. Феликса такая простая и вѣрная, прибавилъ бывший носильщикъ,—что я на его мѣстѣ взялъ-бы привилегію.

— Благодарю васъ, произнесъ молодой человѣкъ, поднимая воротникъ пальто и дрожа отъ утренняго холода.

Въ эту минуту онъ почувствовалъ, что кто-то взялъ его за руку. Онъ обернулся. Это была Инарда. Клеронъ овладѣла точно такъ-же Соверомъ. Обѣ женщины не выпускали изъ вида ни на минуту этихъ людей, особенно Маріюса, казавшагося имъ простакомъ, котораго легко было пообчистить.

— Неужели вы, господа, уже ляжете спать? спросила Инарда съ грубымъ хохотомъ.

Маріюсъ вырвалъ свою руку съ отвращеніемъ, котораго онъ и не старался скрыть.

— Красавицы мои, отвѣчалъ Соверъ,—я васъ охотно угощу. Только вы насъ хорошенько позабавьте. Ну, Маріюсъ, вы пойдете?

— Нѣтъ, отвѣчалъ рѣзко молодой человѣкъ.

— О, какъ жаль! произнесла, картава, Клеронъ. — А я думала, что вы насъ угостите шампанскимъ. Вѣдь вы обязаны поѣлаться съ нами вашимъ выигрышемъ.

Маріюсъ сунулъ руки въ карманъ и, вынувъ двѣ пригоршни золота, бросилъ ихъ почти въ лицо Инардѣ и Клеронъ, которыя, нисколько не оскорбившись, подобрали всѣ монеты.

— До свиданія, до вечера, сказалъ Маріюсъ.

— Да, до вечера, отвѣчалъ Соверъ и, обнявъ обѣихъ женщинъ, пошелъ съ ними по улицѣ, громко смѣясь и распѣвая пѣсни.

Маріюсъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, а потомъ, крадучись вдоль стѣны, пробрался въ свою скромную комнату въ улицѣ Сентъ. Было уже шесть часовъ. Онъ бросился на постель и тотчасъ-же заснулъ,

Онъ проснулся уже въ два часа, и первое, что ему бросилось въ глаза, была лежавшая на комодѣ груда золота, переливавшаяся огнемъ

на солнцѣ. Онъ вспомнилъ проведенную ночь со всѣми ея подробностями и сказалъ себѣ, что и въ этотъ вечеръ вернется въ игорный домъ. Неужели онъ сталъ игрокомъ? Эта мысль его пугала, и онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что онъ игралъ не для себя, а для спасенія Филиппа. Но воспоминаніе объ игрѣ возбуждало въ немъ какое-то сладострастное, жгучее чувство.

Но вдругъ образъ Фини пронесся передъ его ослѣпленными глазами, и онъ едва не зарыдалъ.

— У меня десять тысячъ франковъ, и я могу не возвращать-ся въ этотъ вертепъ, сказалъ онъ самъ себѣ; — остальные пять тысячъ будетъ нетрудно найти; главное, надо сохранить выигрышъ.

Онъ одѣлся и вышелъ на улицу. Голова у него страшно болѣла. Онъ даже не подумалъ отправиться въ контору, а зашелъ въ ресторанъ, но не могъ ничего ѣсть. Все кружилось въ его глазахъ, и дыханіе спиралось у него въ горлѣ.

Какъ только стемнѣло, онъ машинально побрѣлъ въ корнелевскій влудъ.

ГЛАВА XXXIII.

Руки Маріюса въ крови.

Входя въ залу, Маріюсъ засталъ Совера, сидѣвшаго за отдѣльнымъ столомъ между Клеронъ и Инардой. Бывшій носильщикъ не разставался съ ними съ самаго утра. Увидавъ Маріюса, онъ подошелъ къ нему и пожалъ руку.

— О, другъ мой, сказалъ онъ, — напрасно вы не отправились съ нами. Мы славно забавлялись цѣлый день. Эти красотки преуморительныя. Онѣ заставятъ и камни смѣяться... Вотъ какихъ женщинъ я люблю!

Съ этими словами онъ потащилъ молодого человѣка къ столу, гдѣ Клеронъ и Инарда пили пиво.

Маріюсъ присѣлъ къ нимъ неохотно.

— Возьмите меня въ компанію сегодня вечеромъ, сказала Инарда, обращаясь къ нему съ улыбкой.

— Нѣтъ, не возьму, сухо отвѣчалъ Маріюсъ.

— И хорошо онъ сдѣлалъ, что отказалъ! воскликнулъ Соверъ. —

Неужели вы хотите, чтобъ онъ проигралъ? Вы знаете, кто счастливъ въ любви, несчастливъ въ игрѣ.

Потомъ, обращаясь къ Маріусу, онъ прибавилъ вполголоса:

— Отчего вы не возьмете ее въ любовницы? Посмотрите, какіе взгляды бросаетъ она на васъ!

Маріусъ ничего не отвѣчалъ и молча пересѣлъ къ игорному столу, гдѣ уже начиналась игра, а онъ жаждалъ насладиться вчерашними ощущеніями.

Онъ хотѣлъ слѣдовать той-же тактикѣ, поставилъ пятьдесятъ франковъ и проигралъ ихъ; поставилъ новыя пятьдесятъ франковъ и также проигралъ. Ему рѣшительно не везло. Онъ потерялъ пять ставокъ, но все упорствовалъ.

Тогда Соверъ, слѣдившій за его игрою, нагнулся къ нему и поспѣшно произнесъ:

— Не играйте сегодня! Вы не въ ударѣ и проиграете все, что выиграли.

Молодой человѣкъ нетерпѣливо пожалъ плечами. Въ горлѣ у него пересохло; на лбу выступилъ холодный потъ.

— Оставьте меня! сказалъ онъ рѣзко. — Я знаю, что дѣлаю. Все или ничего!

— Какъ хотите. Я васъ предупредилъ. Въ нѣсколько часовъ у васъ не останется ни одного сантима. Всегда такъ бываетъ съ новичками. Я достаточно приглядѣлся къ игрѣ втеченіи десяти лѣтъ.

Онъ взялъ стулъ и сѣлъ за Маріусомъ, желая видѣть воочию, какъ осуществляются его предсказанія. Клеронъ и Инарда попрежнему помѣстились подлѣ молодого человѣка, въ надеждѣ получить отъ него хоть нѣсколько золотыхъ. Онѣ смѣялись, дѣлали глазки, и Соверъ по-временамъ грубо шутилъ съ ними. Но этотъ смѣхъ, эти шутки выводили изъ терпѣнія Маріуса.

Раза два или три онъ хотѣлъ обернуться и послать къ чорту, какъ обѣихъ женщинъ, такъ и Совера. Приводимый въ отчаяніе постоянными потерями и непостижимыми ударами судьбы, которые, повидимому, его преслѣдовали, онъ чувствовалъ, что въ его сердцѣ накипала злоба, которую онъ желалъ сорвать на комъ-бы то ни было.

Сначала онъ игралъ, какъ наканунѣ, рѣшительно, смѣло рискуя на пять очковъ и полагаясь на свою вчерашнюю удачу. Но ему

болѣе не везло, и смѣлость его не спасала. Тогда онъ сталъ играть осторожно, хитрить съ судьбою и рассчитывать вѣроятности, но и при этой искусной, обдуманной игрѣ потерялъ столько-же. Нѣсколько разъ у него было восемь очковъ, а у банкюмета девять. Судьба, повидимому, съ горькимъ удовольствіемъ раззоряла своего недавняго баловня. Впродолженіи часа этой неравной, тяжелой борьбы Маріюсъ потерялъ четыре тысячи франковъ.

— А что я вамъ говорилъ? Я это зналъ, сказалъ ему Соверъ.

Клеронъ и Инарда, видя, что золотныя монеты, на которыя онъ рассчитывали, ускользаютъ изъ ихъ рукъ, начинали подсмѣиваться надъ молодымъ человѣкомъ и искали глазами болѣе счастливаго игрока.

— Вы опытный игрокъ; научите-же меня, какъ играть? сказалъ, наконецъ, Маріюсъ, обращаясь къ Соверу, внѣ себя отъ отчаянія.

— О, отвѣчалъ бывшій носильщикъ, — еслибъ вы играли, какъ ангелъ, то проиграли-бы и тогда. Судьба слѣпа; она идетъ, куда хочетъ, и нельзя ея руководить. Лучше вовсе бросить игру.

— Нѣтъ, я хочу разомъ кончить.

— Такъ попробуйте серію.

Маріюсъ попробовалъ серію и потерялъ еще пятьсотъ франковъ.

— Чортъ возьми! воскликнулъ Соверъ. — Сыграйте теперь черезъ разъ.

Маріюсъ повиновался и снова проигралъ.

— Я васъ предупреждалъ, я васъ предупреждалъ, произнесъ его совѣтникъ. — Ну, рискните двойную ставку.

Маріюсъ рискнулъ двойную и тоже проигралъ.

— Я просто съума сойду! воскликнулъ онъ съ бѣшенствомъ.

— Не играйте болѣе.

— Нѣтъ, я хочу, и буду играть до конца.

Соверъ всталъ, посвистывая. Онъ никогда не ставилъ на зеленый столъ болѣе ста франковъ и не могъ понять подобнаго упорства.

— Послушайте, сказалъ онъ, — банкюметъ обжегъ себѣ пальцы и уходитъ. Возьмите его мѣсто. Можетъ быть, вы повернете колесо фортуны.

Маріюсъ занялъ мѣсто банкюмета, заплатилъ два франка за колоду, смѣшалъ карты и подалъ ихъ игрокамъ. Нѣсколько чело-вѣкъ по очереди смѣшали ихъ и снова передали Маріюсу, кото-рый смѣшалъ ихъ еще разъ, какъ ему позволяли правила. Игра началась, и теперь молодой чело-вѣкъ могъ въ нѣсколько сдать лишиться всего, что имѣлъ. Онъ проигралъ два раза и началъ сдавать въ третій; но Соверъ, слѣдившій внимательно за нимъ, сказалъ ему на ухо:

— Берегитесь, васъ обворовываютъ. Вы сдаете, какъ нови-чокъ.

— Какъ-же надо сдавать?

— Держите колоду круче и, сдавая, опускайте карты живѣе, а то игроки подсматриваютъ карты.

Маріюсъ послѣдовалъ этому благоразумному совѣту и выигралъ. Въ нѣсколько сдачъ онъ воротилъ значительную сумму. Потомъ ему снова не повезло, и онъ проигралъ. Мало-по-малу установи-лось какое-то странное равновѣсіе между выигрышемъ и проигры-шемъ; но все-же онъ чувствовалъ, что въ-концѣ-концовъ вы-скользнуть изъ его рукъ всѣ его десять тысячъ франковъ. Онъ прибѣгалъ ко всѣмъ средствамъ, чтобъ вернуть ускользавшую удачу. Нѣсколько разъ онъ перемѣнялъ колоду и игралъ непра-вильно, отрывисто, чтобъ сбить съ толку судьбу, но ничего не по-могало.

Соверъ во все это время не отходилъ отъ стола и зорко на-блюдалъ, чтобъ его друга не очень обворовывали. Особенно возбуж-далъ въ немъ сомнѣніе одинъ молодой чело-вѣкъ, который ста-вилъ маленькія ставки, а уже выигралъ круглую сумму. Мало-по-малу ему удалось подмѣтить уловку этого счастливаго игрока. Онъ всегда держалъ на столѣ передъ собою большую серебряную монету, увѣряя, что это талисманъ, а подъ нею скрывался золо-той въ двадцать пять франковъ. Въ пылу игры и среди кучъ денегъ, валявшихся на столѣ, онъ очень искусно сталкивалъ се-ребряную монету и обнаруживалъ золотой въ случаѣ выигрыша, а при проигрышѣ платилъ мелочью изъ кармана, не трогая се-ребряной монеты. Подобныя продѣлки очень часто случаются въ игорныхъ домахъ, и Соверъ это зналъ.

Онъ подкараулилъ, когда этотъ мошенникъ, проигравъ, сталъ

платить мелочью и, быстро столкнувъ серебряную монету, обнаружилъ золотой.

— Вы шулеръ! громко воскликнулъ онъ. — Вонъ отсюда!

Мошенникъ нисколько не смутился и дерзко отвѣчалъ:

— А вы что вѣшиваетесь?

Однако, онъ оставилъ золотой и отошелъ отъ стола. Другіе игроки удовольствовались этимъ. Маріюсъ поблѣднѣлъ. Онъ упалъ до того низко, что игралъ съ ворами.

Съ этой минуты онъ уже ничего не видѣлъ передъ собою; въ глазахъ у него помутилось, и онъ сталъ дѣлать грубыя ошибки. Онъ ужасно страдалъ. Къ отчаянію, возбуждаемому въ немъ проигрышемъ, прибавились и укору совѣсти; онъ дрожалъ отъ стыда, что сидѣлъ за зеленымъ столомъ въ такомъ обществѣ. Какой-то внутренній голосъ шепталъ ему, что благородное дѣло спасенія брата можно было совершить только благородными средствами, и ему вдругъ стали такъ противны карты, что онъ продолжалъ играть съ омерзѣніемъ и почти радовался проигрышамъ. Достаточно было одного факта, что воръ игралъ за однимъ столомъ съ нимъ, чтобы отрезвить его и вылечить отъ игорной горячки. Онъ теперь желалъ поскорѣе спустить все выигранныя имъ деньги и убѣжать изъ этой труппы, куда, конечно, никогда болѣе не ступить его нога. Вскорѣ у него осталось только двѣсти или триста франковъ.

Рядомъ съ нимъ, впродолженіи всего вечера, игралъ молодой человѣкъ, который такъ-же страшно проигрывалъ и, блѣдный, съ отчаяніемъ слѣдилъ за каждымъ золотымъ, исчезавшимъ изъ значительной суммы, которую онъ сначала положилъ на столъ. Нѣсколько разъ Маріюсъ, при всемъ своемъ волненіи, слышалъ, какъ онъ произносилъ вполголоса какія-то невнятные слова, которыя невольно возбуждали въ немъ тревожное опасеніе. Онъ смутно чувствовалъ, что въ душѣ этого юноши происходила страшная драма.

Наконецъ, юноша проигралъ послѣдній золотой. Лицо его судорожно исказилось; онъ закрылъ одной рукой глаза, другой поспѣшно вынулъ изъ кармана пистолеть, вложилъ дуло въ ротъ и выстрѣлилъ.

Раздался страшный трескъ. Кровь брызнула, и большія ваши, красныя и теплыя, упали на руки Маріюса.

Этотъ выстрѣлъ поразилъ присутствующихъ, какъ ударъ грома. Всѣ вскочили съ мѣстъ и смотрѣли вокругъ себя съ ужасомъ.

Несчастный упалъ мертвымъ на столъ; пуля прошла насквозь и выскочила у лѣваго уха, гдѣ образовалась отвратительная, зѣлющая рана. Кровь текла ручьемъ и вскорѣ образовала на зеленомъ сукнѣ густую лужу, среди которой торчали брошенныя игроками карты.

Черезъ минуту у стола послышались отовсюду восклицанія вполголоса:

— Кто этотъ несчастный?

— Кажется, кассиръ фирмы Ламберъ и К^о.

— Его семья честная и состоятельная. Его братъ купилъ контору стряпчего только двѣ недѣли тому назадъ.

— Вѣроятно, онъ похитилъ значительную сумму и проигралъ ее.

— Во всякомъ случаѣ, ему слѣдовало застрѣлиться гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ... Черезъ часъ явится полиція и вллубъ закроютъ.

— Провлятый обычай убивать себя за зеленымъ столомъ! Здѣсь было такъ хорошо! Намъ никто не мѣшалъ играть. Теперь отыскивай другой вллубъ.

— Уже послали за полицейскимъ комисаромъ?

— Да.

— Я уйду.

Бѣгство было общее. Всѣ игроки послѣдно исчезали, и на лѣстницѣ слышно было, какъ они спускались, словно пьяные, спотыкаясь на каждомъ шагу.

Марюсъ остался сидѣть за столомъ, рядомъ съ мертвымъ трупомъ. Онъ былъ въ какомъ-то столбнякѣ и дико, безсознательно смотрѣлъ на кровь, струившуюся изъ шеи несчастнаго, и на кровавыя пятна на его собственныхъ рукавахъ. Волоса поднимались у него дыбомъ и глаза безумно сверкали. Онъ держалъ еще въ рукавахъ карты. Вдругъ онъ ихъ бросилъ, страхнулъ руки, какъ-бы стараясь освободиться отъ слѣдовъ крови, и съ болѣзненнымъ стономъ выбѣжалъ безъ оглядки изъ зала.

Онъ даже не взялъ свои двѣсти или триста франковъ, лежавшихъ на столѣ и уже обогранныхъ кровью, быстро разливавшейся

по столу. Въ залѣ никого не осталось, кромѣ Клеронъ и Инарды. Соверъ спасся однимъ изъ первыхъ.

Оставшись одинъ, эти женщины тихо подошли къ столу. Золото притягивало ихъ.

— Раздѣлимъ, сказала Инарда.

— Да, но поскорѣе, а то придетъ полиція, отвѣчала Клеронъ.

Онѣ взяли по горсти золота и спрятали въ карманъ; потомъ обтерли платкомъ руки, запачканныя кровью, и выбѣжали на улицу, опасаясь встрѣчи съ полицейскимъ комисаромъ.

Было три часа утра, и шелъ мелкій, холодный дождь. Очень мраченъ и непривлекателенъ большой городъ въ этотъ часъ и въ такую погоду; на улицахъ пусто, грязно; дома выступаютъ черными силуэтами на сѣромъ небѣ.

Маріюсъ бѣжалъ, какъ съумасшедшій, среди окружавшей его безмолвной тишины. Онъ оступался на каждомъ шагу, ударялся объ углы домовъ, скользилъ въ грязи, попадалъ въ лужи и все же бѣжалъ, судорожно махая руками.

Ему казалось, что капли крови жгли ему кожу, и онъ кричалъ отъ боли. Его нравственныя страданія становились физическими, — до того поразила его воображеніе страшная драма, разыгравшаяся передъ его глазами! Одна мысль его преслѣдовала: добѣжать до моря и вымыть себѣ руки въ морскихъ волнахъ, которыя одинъ только могли потушить сожигавшій его огонь.

Онъ выбиралъ инстинктивно самые отдаленные закоулки, точно онъ былъ убійца. По-временамъ въ головѣ его мелькала безумная идея, что онъ убилъ несчастнаго юношу, чтобъ отнять у него пятнадцать тысячъ. Тогда ему слышались шаги погони, и онъ бѣжалъ еще шибче, пряча руки, которыя могли его выдать.

Его путь лежалъ черезъ алею Бельростъ; на встрѣчу ему попались рабочіе, шедшіе уже на работу. Сердце Маріюса болѣзненно сжалось, и онъ бросился въ сторону въ темные, узкіе переулки старого города.

Достигнувъ до Яичной площади, онъ вдругъ вспомнилъ о Финѣ. Эта мысль едва не убила его. Онъ забылъ о своей невѣстѣ. Она встала рано и могла уже быть на площади. Что подумала бы она, увидавъ его съ окровавленными руками? Не сочтеть ли она его низкимъ убійцей? Она закидаетъ его вопросами, и онъ не въ состояніи будетъ ей отвѣтить. Въ головѣ у него кружилось;

онъ ничего не понималъ и находился какъ-бы во снѣ, терзаемый страшнымъ кошмаромъ. Онъ успѣшно вернулся до перваго поперечнаго переулка и продолжалъ свою скачку съ препятствіями. Нѣсколько разъ онъ падалъ и снова поднимался, не останавливая своего бѣгства.

Наконецъ, показались черныя массы кораблей, тихо колыхавшихся въ гавани. Онъ пробѣжалъ по всей набережной и, не видя ни одной лодки, уже рѣшился броситься въ воду, чтобъ заглушить страшную боль отъ сожигавшихъ его кровавыхъ пятенъ. Однако, глаза его, дико блуждавшіе по сторонамъ, отыскали увеселительную гичку. Онъ прыгнулъ въ нее и, растянувшись на днѣ, опустил обѣ руки въ воду по плечо.

Вода охладила его жаръ и смыла кровь. По-временамъ онъ поднималъ руки и дико теръ ихъ, потомъ снова опускалъ. Прошелъ часъ, и онъ все еще находился въ томъ-же положеніи. Ему казалось, что всего моря не хватитъ, чтобъ очистить его руки. Однако, мало-по-малу онъ успокоился; голова его отяжелѣла; лихорадочная дрожь пробѣгала по его тѣлу.

Онъ всталъ и машинально направился въ улицу Сентъ. Онъ не думалъ ни о чемъ. Онъ не зналъ, гдѣ онъ былъ и что дѣлалъ. Войдя въ свою комнату, онъ легъ въ постель и у него открылась жесточайшая горячка.

ГЛАВА XXXIV.

Молитвенникъ Блары Мартели.

Маріюсъ пролежалъ въ бреду двѣ недѣли. У него было воспаленіе въ мозгу, и только усердный уходъ и его молодая, здоровая натура спасли его.

Однажды вечеромъ, въ сумерки, онъ открылъ глаза. Ему казалось, что онъ проснулся послѣ долгаго сна. Голова у него не болѣла, но онъ былъ очепь слабъ. Онъ приподнялся и увидалъ за занавѣсками своей кровати какую-то тѣнь.

— Кто тамъ? спросилъ онъ едва слышнымъ голосомъ.

— Слава Богу! воскликнула Фина, отдергивая занавѣски и видя, что Маріюсъ сидитъ на постели.— Вы спасены, мой другъ.

И она заплакала отъ радости.

Больной все понялъ и протянулъ къ ней свои исхудалыя руки.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ; — я чувствовалъ все время ваше присутствіе. Мнѣ кажется, что я видѣлъ страшный сонъ и во время его я по-временамъ видѣлъ васъ; вы смотрѣли на меня съ материнскою любовью. Я былъ очень боленъ, не правда-ли? прибавилъ онъ, опускаясь на подушки.

— Все кончено и не будемъ болѣе объ этомъ думать, отвѣчала Фина съ улыбкой;—но гдѣ вы были, другъ мой, въ то утро, когда вернулись домой больнымъ? Рукава вашего пальто были насквозь мокрые.

Маріюсъ провелъ рукою по лбу.

— Ахъ, да, воскликнулъ онъ,—я помню.

И онъ разсказалъ Финѣ, какъ провелъ двѣ ночи въ игорномъ домѣ, не скрывъ ничего и чистосердечно исповѣдываясь во всемъ, что онъ перечувствовалъ и перестрадалъ. Молодая дѣвушка плакала.

— Это страшный урокъ, данный мнѣ Провидѣніемъ, прибавилъ онъ, окончивъ свой разсказъ.—Я одну минуту чувствовалъ въ себѣ всѣ инстинкты игрока, но, слава Богу, смерть несчастнаго юноши меня излечила навсегда.

Онъ вдругъ остановился и спросилъ съ безпокойствомъ:

— Сколько времени я былъ боленъ?

— Двѣ недѣли.

— О, Боже-мой, намъ осталось только двадцать дней!

— Не безпокойтесь объ этомъ. Думайте только о своемъ выздоровленіи.

— Г. Мартели прислалъ за мною?

— Повторяю, не безпокойтесь ни о чемъ. Я была у него и все устроено.

Маріюсъ, повидимому, успокоился.

— Намъ остался одинъ путь къ спасенію, продолжала Фина:—занять денегъ у г. Мартели. Намъ надо было и начать съ этого... Теперь все пойдетъ хорошо... Ну, спите и не говорите болѣе; докторъ велѣлъ, чтобы вы лежали спокойно.

Маріюсъ выздоровѣлъ очень быстро, благодаря попеченіямъ Фини, и черезъ недѣлю могъ выйти на воздухъ. На слѣдующее

утро онъ уже хотѣлъ отправиться въ контору. Онъ жадалъ поскорѣ увидѣть Мартели и убѣдиться, можно-ли рассчитывать на него. Но Фина рѣшительно не пустила его, говоря, что будетъ чистымъ съумасшествіемъ идти на работу ранѣ двухъ дней.

— И нечего торопиться, прибавила она спокойно, что крайне удивляло Маріуса:—передъ нами еще цѣлая недѣля.

Прошло два дня, и Маріусъ получилъ позволеніе отъ своей сидѣлки начать свои занятія. Вмѣстѣ съ тѣмъ они рѣшили ѣхать въ понедѣльникъ въ Э. Фина говорила такъ положительно объ освобожденіи Филиппа, словно деньги, необходимыя на его выкупъ, находились у нея въ карманѣ.

Мартели принялъ молодого человѣка съ отеческой нѣжностью и предложилъ ему взять отпускъ на недѣлю; но Маріусъ отказался, говоря, что занятія только придадутъ ему новыя силы. Несмотря, однако, на любезный пріемъ хозяина, онъ чувствовалъ себя какъ-то неловко; его смущала мысль, что ему придется вскорѣ просить большую сумму въ займы у Мартели, который къ тому же смотрѣлъ на него съ какой-то странной, пристальной улыбкой.

— Я видѣлъ вашу невѣсту, сказалъ Мартели, провожая Маріуса до его конторки; — она славная, благородная дѣвушка. Любите ее, мой другъ, всѣмъ сердцемъ.

И, еще разъ улыбнувшись, онъ ушелъ.

Маріусъ съ особеннымъ удовольствіемъ увидалъ себя снова въ конторѣ и только-что хотѣлъ энергично приняться за свои занятія, такъ давно прерванныя, какъ вдругъ кто-то тихо постучался въ наружную дверь. Квартира Мартели находилась прямо напротивъ конторы, и потому посѣтители часто ошибались дверью. Маріусъ крикнулъ:

— Войдите.

На порогѣ показался человѣкъ въ длинномъ черномъ сюртукѣ, съ чисто-выбритымъ лицомъ и мягкими, вкрадчивыми манерами патера.

— Здѣсь живетъ дѣвица Клара Мартели? спросилъ онъ.

Маріусъ гдѣ-то видѣлъ этого человѣка, но тщетно старался припомнить, гдѣ именно.

— Я принесъ ей молитвенникъ, который она забыла на исповѣди, прибавилъ незнакомецъ слащавымъ голосомъ и вынулъ изъ кармана книгу въ футлярѣ.

Маріюсъ ничего не отвѣчалъ, по-прежнему спрашивая себя: „гдѣ я видѣлъ эту клерикальную рожу?“ Незнакомецъ понялъ недоумѣніе молодого человѣка и произнесъ, слегка наклонивъ голову:

— Я причетникъ церкви св. Виктора.

Маріюсъ тотчасъ вспомнилъ, что онъ видѣлъ этого человѣка въ церкви, гдѣ онъ искалъ однажды абата Шастанье. Въ головѣ его вдругъ блеснуло какое-то предвидѣніе.

— Васъ посылаетъ Донадеи, не правда-ли? спросилъ онъ.

— Да, отвѣчалъ причетникъ послѣ минутнаго колебанія.

— Хорошо, дайте мнѣ молитвенникъ; я его передамъ дѣвицѣ Мартели.

— Г. абать приказалъ мнѣ передать книгу ей лично въ руки.

— Она, можетъ быть, еще не встала. Вы ее теперь обезпокоите. А я ей передамъ, какъ только она выйдетъ изъ своей комнаты.

— Вы мнѣ обѣщали, что точно исполните порученіе абата?

— Да.

— Скажите, что абать нашелъ этотъ молитвенникъ въ часовнѣ послѣ исповѣди и прислалъ его со мною. Г. абать приказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ кланяться барышнѣ.

— Хорошо, я все скажу.

Причетникъ положилъ книгу на конторку и, поклонившись, ушелъ, но на лицѣ его все-же виднѣлось какое-то колебаніе.

Маріюсу показалось очень странно, что онъ такъ настаивалъ на личной передачѣ книги молоденькой дѣвушкѣ. Маріюсъ машинально взялъ молитвенникъ и вынулъ его изъ футляра. Онъ былъ, какъ обыкновенно, въ богатомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ. Разсматривая и поворачивая во всѣ стороны книгу, Маріюсъ вдругъ замѣтилъ, что надъ золотымъ обрѣзомъ торчалъ уголокъ бумажки, и, побуждаемый безсознательнымъ любопытствомъ, открылъ книгу.

Тоненькій розовый листокъ почтовой бумаги упалъ на полъ. Маріюсъ поднялъ его и хотѣлъ вложить обратно въ книгу, какъ его вниманіе неожиданно приковала къ себѣ буква Д съ рельефнымъ крестомъ въ углу бумажки. Онъ поспѣшно ее развернулъ и прочиталъ слѣдующее:

„Дорогая душа, спасеніе которой поручено мнѣ Богомъ, выслушайте меня, умоляю васъ. Вотъ что я придумалъ для обезпече-

нія вамъ вѣчнаго блаженства. Я не посмѣлъ вамъ сказать этого на словахъ, изъ боязни поддаться тѣмъ сладостнымъ ощущеніямъ, которыя внушаетъ мнѣ ваша святость. Вы не можете болѣе оставаться въ домѣ вашего брата. Это мѣсто заустѣнія; вашъ братъ предавъ всецѣло современнымъ идеямъ. Скройтесь въ уединенное, пустынное мѣсто; я передамъ васъ тамъ въ руки Бога. Быть можетъ, мои слезы и дрожь, неволью пробѣгавшая по моему тѣлу, открыли вамъ тайну моего сердца. Я васъ люблю, какъ наша мать, святая церковь, любить невинныя души, прибѣгающія къ ней. Я мечтаю о васъ цѣлыя ночи и вижу во снѣ, что мы поднимаемся на небо въ объятяхъ другъ друга. О, не сопротивляйтесь голосу Бога, васъ призывающему. Есть высшая религія, которую мы не отрываемъ простымъ смертнымъ. Эта религія соединяетъ попарно родственныя души и создаетъ небесныхъ супруговъ, а не мучениковъ. Припомните наши бесѣды. Скажите себѣ, что я васъ люблю, и приходите ко мнѣ. Я васъ жду у себя. Въ сосѣдней улицѣ насъ будетъ ждать карета“.

Маріюсъ всталъ въ тупикъ отъ этого чтенія. Абатъ Донадеи просто предлагалъ Кларѣ Мартели бѣжать съ нимъ, и грубый, чувственный порывъ, руководившій имъ въ этомъ случаѣ, проглядывалъ слишкомъ очевидно сквозь мистическія, смутныя его фразы. Молодой человѣкъ перечелъ еще разъ это гнустное письмо, и благородное негодованіе вспыхнуло въ его сердцѣ. Онъ рѣшился при мѣрно наказать недостойнаго патера, но, прежде чѣмъ что-нибудь предпринять, рѣшился убѣдиться, что, предавая вполне заслуженной карѣ Донадеи, онъ не нанесетъ удара молодой дѣвушкѣ, которая могла увлечься его пламенными рѣчами. Поэтому, взявъ молитвенникъ, Маріюсъ пошелъ въ квартиру своего хозяина.

ГЛАВА XXXV.

П л а н ъ М а р і ю с а .

Клара Мартели была молодая дѣвушка двадцати трехъ лѣтъ, которую обстоятельства заставили искать въ набожности единственнаго утѣшенія въ жизни. Она должна была выйти замужъ за своего двоюроднаго брата, но онъ утонулъ во время пивника. Отчаяніе привело ее къ подножію алтаря, и мало-по-малу посѣщеніе церквей сдѣлалось для нея такимъ наслажденіемъ, что она

желала всю жизнь провести въ таинственномъ полумракѣ церкви, убаюкиваемая нѣжнымъ лепетомъ патеровъ. Въ ней, собственно говоря, было мало набожности, но она вся отдавалась созерцанію; религія утѣшала ее въ горѣ, и она питала къ ней теплую благодарность. Быть можетъ, въ одинъ прекрасный день ей еще было суждено снова вкусить наслажденія жизни. Но теперь она жила тихо, уединенно, какъ отшельница. Ея братъ, свободный мыслитель и республиканецъ, отличавшійся глубокимъ умомъ и широкими взглядами, давалъ ей полную свободу вести себя, какъ ей было угодно, и употреблялъ свою власть, какъ глава семейства, только на то, чтобы обезпечить ей счастливое, независимое положеніе.

Маріюсъ нашелъ молодую дѣвушку въ маленькой гостиной, гдѣ она обыкновенно сидѣла за шитьемъ бѣлья и одежды для бѣдныхъ дѣтей. Она знала Маріюса и обходилась съ нимъ по-дружески, какъ съ близкимъ человѣкомъ въ домѣ. Часто Мартели возилъ съ собою своего прикащика на дачу, которую онъ имѣлъ на берегу моря, и тамъ молодые люди гуляли, какъ добрые товарищи. Благородныя сердца чувтъ тотчасъ другъ друга.

— Ахъ, это вы, Маріюсъ! сказала набожная красавица, увидавъ его, и, поспѣшно вставъ, протянула ему руку. — Какъ я рада, что вы выздоровѣли! Слава Богу, что небо вняло моимъ молитвамъ.

Молодой человѣкъ былъ тронутъ этимъ дружескимъ приемомъ. Онъ посмотрѣлъ ей прямо въ глаза и увидалъ въ нихъ чистое пламя возвышенной, дѣвственной души. Ея взглядъ былъ такой прямой, открытый, благородный, что всѣ его опасенія мгновенно исчезли.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ онъ; — но я пришелъ не для того, чтобы показать вамъ замогильнаго пришельца, а чтобы передать молитвенникъ, который вы забыли вчера въ церкви св. Виктора.

— Ахъ, да, отвѣчала Клара; — я только-что хотѣла за нимъ послать... Но какъ онъ попалъ къ вамъ въ руки?

— Его принесъ причетникъ.

— Причетникъ?

— Да, отъ абата Донадеи.

Клара взяла книгу и преспокойно положила ее на столъ, не обнаруживая ни малѣйшаго волненія.

Маріюсъ зорко слѣдилъ за нею. Еслибы на ея щекахъ показался малѣйшій слѣдъ румянца, онъ подумалъ-бы, что все погибло.

— Кстати, спросила Клара, садясь въ кресло;—вы, кажется, знаете абата Шастанье?

— Да, знаю, отвѣчалъ, удивленный этимъ вопросомъ, Маріюсъ.

— Это прекрасный человѣкъ, не правда-ли?

— О, да, у него благородное сердце и онъ искренно набожный, честный человѣкъ.

— Мой братъ его очень хвалить; но, вы знаете, въ религиозныхъ вопросахъ я ему не очень вѣрю, замѣтила молодая дѣвушка; — но если вы подтверждаете то-же, то, вѣроятно, абать Шастанье святой человѣкъ, и я завтра-же возьму его въ духовники.

— Вы оставляете абата Донадеи? воскликнулъ Маріюсъ съ жаромъ.

Клара посмотрѣла на него съ изумленіемъ и отвѣчала совершенно спокойно:

— Да, я его оставляю. Онъ слишкомъ молодъ и легкомысленъ, какъ всѣ итальянцы... При томъ я узнала о немъ много нехорошаго.

Говоря это, она спокойно шла, и ея лицо не выражало ни малѣйшаго волненія.

Маріюсъ вышелъ изъ комнаты, совершенно успокоенный. Онъ ясно видѣлъ, что могъ смѣло дѣйствовать противъ абата Донадеи и что, наказывая его, онъ не нанесетъ ни малѣйшаго удара этой чистой, дѣвственной душѣ, не сдѣлаетъ скандала въ семьѣ, которую онъ почти считалъ своею. Онъ былъ очень радъ, что письмо абата Донадеи попало въ его руки и не осквернило глазъ невинной молодой дѣвушки. Онъ оставилъ у себя эту записку и рѣшился не предъявлять ее марсельскому епископу, а самому примѣрно наказать и предать общему посмѣванію абата, который злобно подсмѣялся надъ нимъ, когда онъ прибѣгъ къ его покровительству для спасенія Филиппа. Планъ Маріюса былъ мгновенно обдуманъ; но для его осуществленія ему необходима была помощь его друга, Совера.

Послѣ завтрака онъ не вернулся въ контору, а сталъ искать бывшаго носильщика по кофейнямъ; но тщетно, Совера нигдѣ не оказывалось. Тогда онъ отправился къ Кугурдану младшему и спросилъ, гдѣ скрывался его хозяинъ.

— О, онъ не скрывается; это не въ его привычкахъ, отвѣчалъ юноша.—Онъ, вѣроятно, сидитъ въ одномъ изъ ресторановъ Резерва и старается, чтобъ объ этомъ зналъ весь Марсель.

Резервъ — мѣстечко на берегу за марсельской гаванью, гдѣ помѣщаются маленькіе, кокетливые рестораны, какъ въ Альерѣ или Сен-Клу. Соверъ любилъ тамъ бывать, потому что эти рестораны дорогіе и издали видно, кто помѣщается на ихъ живописныхъ терасахъ.

Маріюсъ отправился туда на лодкѣ и, не приставая къ берегу, уже услышалъ громкій хохотъ Совера. Руководимый этимъ хохотомъ, онъ тотчасъ нашелъ его на травѣ одного изъ ресторановъ въ обществѣ Клеронъ и Инарды, съ которыми онъ уже не разставался. Онъ былъ убѣжденъ, что, таская съ собою всюду женщинъ, онъ кажется еще богаче, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Тераса дрожала отъ его грубаго смѣха и громкихъ восклицаній. Онъ уже немного подпилъ.

— Bravo, bravo! воскликнулъ онъ, увидавъ Маріюса. — Мы начнемъ завтракать съизнова. Мы уже ѣдимъ съ пяти часовъ.

И онъ съ дѣтской гордостью сталъ пересчитывать блюда, которыя они уже съѣли.

— Здѣсь славно, прибавилъ онъ: — дорого, но прилично. Ну, что же вы будете ѣсть?

Маріюсъ извинился и объяснилъ, что онъ уже давно позавтракалъ.

— Это все равно, вы опять покушаете, сказалъ Соверъ, очень счастливый, что его застали съ такими прелестными женщинами; — мы будемъ ѣсть до вечера. Это обойдется дорого, да это ничего, чертъ возьми! Эй, Клеронъ! Не пей слишкомъ много шампанскаго, ты будешь пьяна!

Но Клеронъ не обратила вниманія на это предостереженіе и залпомъ выпила большой стаканъ шампанскаго. Впрочемъ, ей нечего было бояться опьяненія: она была уже пьяна.

— Боже мой, какъ эти женщины забавны! промолвилъ Соверъ, вставая и обмахиваясь салфеткой.

Онъ подошелъ къ самой рѣшеткѣ терасы и во все горло кричалъ, чтобъ его слышали прохожіе:

— Я много издержалъ денегъ съ ними; но я объ этомъ не сожалѣю: онѣ такъ забавны!

— А хотите завтра провести весело вечеръ? спросилъ неожиданно у него Маріюсъ.

— Конечно, хочу!

— Это будетъ стоить нѣсколько золотыхъ.

— Чортъ возьми! А будетъ очень забавно?

— Очень. Вы посмѣетесь на всѣ ваши деньги.

— Такъ я согласенъ.

— Весь городъ узнаетъ объ этой исторіи, и о васъ всѣ будутъ говорить нѣсколько дней.

— Согласенъ, согласенъ, съ удовольствіемъ!

— Такъ выслушайте мой планъ.

И Маріюсъ, нагнувшись, началъ говорить ему что-то на ухо. Выслушавъ его до конца, Соверъ громко захохоталъ.

— Отлично, великолѣпно! воскликнулъ онъ.—Я съ Клеронъ буду ждать васъ на бульварѣ Кордери въ десять часовъ. Вотъ будетъ славный, смѣшной фарсъ!

XXXVI.

КАКЪ АБАТЬ ДОНАДЕН УВЕЗЪ РОДСТВЕННУЮ ЕМУ
ДУШУ.

Абатъ Донаден поддался страстному порыву, какъ иногда случается съ хитрыми, скрытными натурами. Онъ, обыкновенно столь осторожный и осмотрительный, сдѣлалъ большую неловкость и созналъ это только тогда, когда причетникъ ушелъ съ молитвенникомъ и запиской.

Клара возбудила въ немъ животную страсть, и онъ жаждалъ обладать ею какой-бы то ни было цѣной. Онъ слишкомъ черезъ многое прошелъ въ жизни, чтобъ остановиться передъ такой мелочью, какъ обольщеніе. Оно его нисколько не пугало, но онъ беспокоился о послѣдствіяхъ этого обольщенія.

Впродолженіи двухъ мѣсяцевъ онъ старался заманить къ себѣ молодую дѣвушку, и Клара, въ невинности своей души, уже согла-

силась на посѣщеніе его на дому; но въ послѣднюю минуту онъ отказался отъ этого плана, понимая, что подобную интригу нельзя было вести въ Марсель. Тогда онъ рѣшился поставить на карту все и предпочелъ принести въ жертву любви свое положеніе и, похитивъ Клару, убѣжать съ нею въ Италію.

Донадеи былъ слишкомъ хитеръ и уменъ, чтобъ не обезпечить себѣ выхода изъ затруднительнаго положенія. Еслибъ молодая дѣвушка, наконецъ, ему надоѣла, онъ сдалъ-бы ее въ монастырь и съумѣлъ-бы войти снова въ милость кардинала. Обдумавъ дѣло и разсчитавъ все, онъ нашелъ, что похищеніе было самымъ легкимъ и наименѣе опаснымъ видомъ задуманнаго имъ преступленія. Онъ боялся только, чтобъ Клара не отвѣчала безмолвнымъ отказомъ явиться на свиданіе. Тогда его любовное письмо осталось-бы въ ея рукахъ и могло-бы служить опаснымъ орудіемъ противъ него. Но страсть ослѣпляла Донадеи, и онъ принималъ пламенную любовь молодой дѣвушки къ Богу за доказательство ея расположенія къ нему. Впрочемъ, несмотря на все это, онъ съ безпокойнымъ нетерпѣніемъ ждалъ возвращенія причетника.

— Ну? спросилъ онъ у своего посланнаго.

— Я отдалъ письмо.

— Лично барышня?

— Да, отвѣчала рѣшительнымъ тономъ причетникъ, который хотѣлъ ложью прикрыть неточное исполненіе даннаго ему абатомъ порученія.

Донадеи успокоился, надѣясь, что молодая дѣвушка, если и не согласится прійти къ нему на свиданіе, то сожжетъ его письмо, не возбуждая никакого скандала.

На слѣдующее утро въ квартиру абата явилась дама подъ густымъ вуалемъ и, вручивъ ему записку, быстро удалилась. Въ письмѣ было только три слова: „*Да, сегодня вечеромъ*“. Донадеи пришелъ въ восторгъ и тотчасъ сдѣлалъ всѣ необходимыя приготовленія къ отъѣзду.

Еслибъ кто-нибудь послѣдовалъ за дамой подъ густымъ вуалемъ, то увидалъ-бы, что она скорыми шагами направилась въ улицу Шантье, гдѣ ее ждалъ Соверъ. Подойдя къ нему, она подняла вуаль: это была Клеронъ.

— Онъ душа — вашъ абать, сказала она.

— Онъ тебѣ нравится? Тѣмъ лучше; но будь умница, вѣдь дѣло идетъ о спасеніи твоей души.

И они оба громко расхохотались. Вечеромъ, въ половинѣ девятаго, Соверъ и Клеронъ снова очутились на томъ-же мѣстѣ въ улицѣ Шантъе. Они ходили медленно взадъ и впередъ, ожидая кого-то. На Клеронъ было скромное, черное шерстяное платье и густой чернѣйшій вуаль. Соверъ былъ костюмированъ и къ нему очень шла грубая одежда комисіонера.

— Вотъ и Маріюсъ! воскликнулъ онъ.

— Вы готовы? спросилъ молодой человѣкъ, подходя къ нимъ.— И знаете свои роли?

— Чортъ возьми! отвѣчалъ бывшій носильщикъ.— Вы увидите, какъ мы знатно разыграемъ комедію. О, прекрасный фарсъ! Я буду смѣяться полгода.

— Ступайте къ абату! Мы васъ подождемъ здѣсь... и, главное, будьте осторожны.

Соверъ отправился къ Донадеи, который самъ открылъ ему дверь.

— Что вамъ угодно? спросилъ абатъ, одѣтый по-дорожному и, очевидно, разочарованный, увидавъ передъ собою мужчину.

— Я съ барышней, отвѣчалъ мнимый комисіонеръ.

— Хорошо. Просите ее войти.

— Она не дошла до вашего дома.

— Отчего?

— Она мнѣ сказала: передай господину, что я лучше прямо сяду въ карету.

— Хорошо, подождите; мнѣ надо кое-что захватить съ собою.

— Но барышнѣ страшно одной на бульварѣ.

— Такъ бѣгите къ ней и передайте, что карета стоитъ въ улицѣ Тиранъ. Пусть она сядетъ. Я буду черезъ пять минутъ.

Донадеи закрылъ дверь передъ носомъ Совера, который, внутренно смѣясь, вернулся къ остальнымъ заговорщикамъ.

— Все идетъ отлично, сказалъ онъ; — абатъ попался въ западню. Я знаю, гдѣ карета.

— Я уже видѣлъ ее, отвѣчалъ Маріюсъ: — она стоитъ въ улицѣ Тиранъ.

— Да. Намъ нечего терять времени; абатъ будетъ самъ черезъ пять минутъ.

И всё трое поспѣшно направились въ улицу Тиранъ, гдѣ, дѣйствительно, стояла порожняя карета. Маріюсъ и Соверъ спрятались въ подъѣздѣ сосѣдняго дома, а Клеронъ осталась одна на тротуарѣ. Но въ ожиданіи прихода Донадеи, она вполголоса шутила съ мнимымъ комисіонеромъ.

— Но онъ не захочетъ меня, говорила весело женщина, — и бросить на первой станціи.

— Кто знаетъ!

— Онъ красивый; а я боялась, чтобъ онъ не оказался старикомъ.

— Эге, ты ужь не влюбилась-ли въ него? Впрочемъ, я не ревнивъ. Только если ты по собственному желанію ѣдешь съ нимъ, то не мѣшало-бы тебѣ возвратить мнѣ тысячу франковъ, которыя я тебѣ далъ за эту комедію.

— Тысячу франковъ! Нѣтъ! Если онъ меня броситъ, то мнѣ придется пріѣхать обратно на свой счетъ.

— Я пошутилъ. Я никогда не беру назадъ то, что уже разъ далъ. Къ тому-же, я позабавлюсь на всѣ эти деньги.

Тутъ вѣшался въ ихъ разговоръ Маріюсъ.

— Поступайте во всемъ, согласно моей инструкціи, сказалъ онъ; — постарайтесь, чтобъ онъ замѣтилъ обманъ только въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Марселя. Не говорите ни слова и ловко играйте свою роль. Когда-же онъ увидитъ, кто вы, то, напротивъ, дѣйствуйте прямо, рѣзко; скажите, что у меня въ рукахъ его письмо и что я его представлю епископу, если онъ дурно обойдется съ вами или посмѣетъ возвратиться когда-нибудь въ Марсель. Посовѣтуйте ему искать счастья въ другомъ мѣстѣ.

— А я могу сейчасъ пріѣхать назадъ? спросила Клеронъ.

— Конечно. Я хочу только изгнать его на-вѣки изъ Марселя, предавъ всеобщему посмѣянію.

Соверъ не могъ удержаться отъ смѣха, представляя себѣ сцену объясненія между Клеронъ и Донадеи.

— Ты скажи ему, воскликнулъ онъ, — что ты замужня женщина и что твой мужъ потребуетъ развода послѣ такого скандала. Хочешь, я отправлюсь за вами въ погоню и на-смерть перепугаю твоего похитителя?

— Тихе, тихе! прошепталъ Маріюсъ. — Вотъ и онъ! Всѣ по мѣстамъ! Вы, Клеронъ, встаньте у дверцы кареты.

Всѣ повиновались.

Донадеи бѣжалъ по улицѣ, едва перевода дыханіе. Онъ бросилъ свою рясу и былъ щегольски одѣтъ въ дорожный статскій костюмъ.

— Милая, милая Клара, сказалъ онъ, цѣлуя руку уличной женщины, — какъ вы добры!

— Клара, Клеронъ, это все равно, прошепталъ Соверъ на ухо Маріусу.

— Это самъ Богъ васъ вдохновилъ, продолжалъ абать, помогая Клеронъ войти въ карету, и, садясь вслѣдъ за нею, прибавилъ: — мы летимъ на небо.

Кучеръ хлопнулъ бичомъ, и карета понеслась въ скачъ.

Тогда Маріусъ и Соверъ вышли изъ засады и стали громко хохотать.

— Дѣйствительно, абать увезъ родственную себѣ душу, сказалъ первый.

— Счастливаго пути, абать! закричалъ второй.

И они медленно отправились къ бульвару Кордери, весело рассуждая о случившемся.

— Представьте себѣ рожу Донадеи, когда онъ подниметь вуаль у Клеронъ, говорилъ Соверъ. — Вѣдь, между нами, она ужасный уродъ. Ей по крайней мѣрѣ лѣтъ тридцать пять.

Бывшій носильщикъ охотно признавалъ теперь, что Клеронъ была безобразна и стара, потому что эти два обстоятельства дѣлали еще забавнѣе только-что разыгранный фарсъ. Онъ смѣялся во все горло, держась за бока, и жаждалъ поскорѣе рассказать обо всемъ своимъ пріятелямъ.

Было около одиннадцати часовъ, а въ полночь всѣ, неложившіеся еще спать въ Марсель, уже знали, что абать Донадеи увезъ въ дорожной каретѣ Клеронъ, уличную женщину, появившуюся втеченіи пятнадцати лѣтъ во всѣхъ марсельскихъ притонахъ разврата. Соверъ рассказалъ это невѣроятное событіе со всевозможными подробностями, и во всѣхъ кофейняхъ повторяли, что абать поцѣловалъ руку у проститутки и, сажая ее въ карету, сказалъ: „мы летимъ на небо“.

Всего забавнѣе въ этой исторіи было то, что Соверъ не зналъ обстоятельствъ, побудившихъ Маріуса разыграть эту комедію и, полагая, что чѣмъ любовь Донадеи къ Клеронъ будетъ серьезнѣе, тѣмъ фарсъ покажется всѣмъ смѣшнѣе, онъ лгалъ безъ удержа

и увѣрялъ всѣхъ, что абать влюбился по уши въ пожилую, некрасивую проститутку. Удивленіе было общее, и никто не могъ понять, какъ модный абать, отъ котораго сходили съума столько свѣтскихъ набожныхъ женщинъ, увлекся подобнымъ погибшимъ и далеко не милымъ созданіемъ.

На слѣдующій день весь городъ зналъ объ этой скандальной исторіи, и Соверъ торжествовалъ: онъ сдѣлался извѣстнымъ человекомъ. Всѣ знали, что онъ былъ послѣднимъ содержателемъ Клеронъ и что у него отбилъ ее абать Донадеи. Съ самаго утра и до ночи онъ гулялъ въ туфляхъ по Канеберфъ, принимая съ комичными гримасами выраженіе соболѣзнованія, которое спѣшили высказать ему пріатели. Онъ громко кричалъ, отвѣчая однимъ, останавливая другихъ, и вообще во зло употреблялъ свою популярность, нисколько не жалѣя брошенную тысячу франковъ. Никогда деньги, израсходованныя имъ на свое удовольствіе, не приносили ему такихъ громадныхъ процентовъ.

Но черезъ два дня, когда вернулась Клеронъ, скандалъ принялъ громадныя размѣры. Соверъ купилъ ей шелковое платье и цѣлое утро каталъ ее въ коляскѣ по улицамъ Марселя. Прохожіе указывали на нихъ пальцемъ и многіе высовывались изъ оконъ, чтобы увидать ихъ. Соверъ едва не задыхался отъ счастья.

Клеронъ доѣхала съ абатомъ до Тулона. Увидавъ, кого онъ похитилъ, Донадеи пришелъ въ неописанную ярость и хотѣлъ бросить бѣдную женщину на большой дорогѣ, вдали отъ всякаго жилья. Но Клеронъ не поддавалась, а стала грозить абату письмомъ, которое находилось въ рукахъ Маріуса; онъ принужденъ былъ смириться и довезъ ее до Тулона, гдѣ они расстались. Она поѣхала обратно въ Марсель, а онъ отправился въ Италію.

Соверъ до того эксплуатировалъ свое счастливое положеніе и мозолилъ всѣмъ глаза своей любовницей, что городскія власти, по просьбѣ епископа, выслали, наконецъ, изъ Марселя Клеронъ, которая была принуждена искать счастья въ другихъ мѣстахъ. Съ этой минуты бывшій носильщикъ говорилъ разъ по десяти въ день всякому встрѣчному и поперечному:

— Ахъ, еслибъ вы знали, какая у меня была хорошенькая любовница! Патеры похитили ее у меня.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ФОН-ВИЗИНЪ И ЕГО ВРЕМЯ.

IV.

Русское общество въ вѣкъ Екатерины.

Нибогда контрастъ между идеалами литературы и дѣйствительностью не былъ такъ рѣзокъ, какъ въ эпоху фон-Визина. Литература, въ лицѣ своихъ представителей, пропагандировала освобожденіе крестьянъ, а въ дѣйствительности шло усиленное развитіе крѣпостного права. Литература, особенно правительственный „Наказъ“, говорили о справедливости и гуманности, а въ дѣйствительности господствовали неправосудіе, взяточничество и казнокрадство. Литература твердила объ облагороженіи нравовъ, объ „умонаклоненіи къ добру“, о развитіи „изящнѣйшаго сердца“, а въ дѣйствительности только избранное меньшинство, благодаря „случаю“ или „фавору“ въ разныхъ формахъ, получало возможность блестяще наружными доскомъ цивилизаціи. Частныя богатства достигали небывалой величины, но они проживались такъ-же быстро, какъ и наживались, и вся эта роскошь была въ сущности только блестящею завѣсою, за которой скрывались грязь и грубость. Великолѣпный князь „Тавриды“, незнавшій счета своимъ богатствамъ и ежегодно проживавшій миліоны, нерѣдко по цѣлымъ недѣлямъ не чесался и не умывался; вельможа, у котораго даже лошади убирались золотомъ и подковывались серебряными подковами, не имѣлъ понятія о вентиляціи комнатъ и жилъ въ спертomъ воздухѣ; разжирѣвшій откупщикъ, вмѣсто здоровой, но простой бани, вымывшись въ банѣ водой, потомъ снова засорялъ поры своего тѣла, окачиваясь виномъ; у особы, хваставшейся драгоцѣн-

нѣйшими картинными галереями, ѣвшей на золотѣ и державшей открытый столъ, за которымъ ежедневно обѣдало человѣкъ 100, нерѣдко стояли окна съ выбитыми стеклами, комнаты были загажены пылью и паутиной, а дворня бѣгала босикомъ. Если же упомянутую роскошь сравнить съ общею бѣдностью страны, истощенной внутренними беспорядками, продолжительными войнами, разбоями, чумою, то контрастъ выйдетъ еще разительнѣе. Въ московской губерніи въ 1760 г. четверть ржи стоила 86 коп., въ 1763 г. — 95, въ 1773 г. — 2 р. 19 к., въ 1787 г. — 7 руб. Въ такой-же степени поднимались цѣны и во всѣхъ другихъ губерніяхъ, такъ-что, по свидѣтельству вн. Щербатова, „въ 1785 и 1786 г. даже сыскать хлѣба было негдѣ; люди ѣли листь, сѣно, мохъ и съ голоду помирали, а вызябшій весь хлѣбъ въ зиму 1786—87 г. въ плодороднѣйшихъ губерніяхъ не оставлялъ надежды, чѣмъ-бы осѣменить къ будущему году землю“. Въ ярославскомъ генераль-губернаторствѣ люди питались пихтовою корою и умирали съ голода. („Рус. Арх.“, 1865, 884). „Нынѣ, писалъ въ 1788 г. вн. Щербатовъ, — большая часть государства бѣдствуетъ и монета, ходящая въ государствѣ, до крайности возвысилась цѣною. Московская, калужская, тульская, казанская, бѣлоградская, тамбовская губерніи и вся Малороссія претерпѣваютъ непопѣрннй голодъ, ѣдятъ солому, мякину, листь, сѣно, лебеду; но и сего уже не достаетъ, ибо, къ несчастію, и лебеда не родилась, и оной четверть по 4 руб. покупаютъ“.

Не менѣе разительный контрастъ представляло собою и умственное состояніе русскаго общества, и въ то время, какъ ничтожное меньшинство стояло на высотѣ европейской образованности, масса по-прежнему оставалась въ самомъ глубокомъ невѣжествѣ. Когда, напр., начались выборы депутатовъ въ екатерининскую законодательную комисію, то во многихъ уѣздахъ изъ дворянъ не нашлось ни одного человѣка, годнаго въ представители, и потому наказы буквально списывались съ наказовъ другихъ уѣздовъ, въ которыхъ грамотные люди водились („Сб. Ист. Общества“, I, стр. XXVII, 245, 296 и др.). Изъ 139 дворянъ, подписавшихся подъ наказомъ михайловскаго уѣзда, за 81 безграмотнаго подписались другіе; изъ 64 судиславскихъ выборныхъ 13 были безграмотны; подъ наказами калужскаго и медынскаго уѣздовъ обозначено 26 дворянъ, изъ нихъ 11 безграмотныхъ (ib., 279, 281,

295). При этомъ дворяне многихъ уѣздовъ, не заявляя никакихъ требованій и соображеній, чистосердечно заявляли, что не въ состояніи сдѣлать этого, „*по скудоумію своему*“ (ib., 305, 318, и др.). Около того-же времени въ Сибири почти половина сельскихъ священниковъ оказалась безграмотными и отказалась подписываться подъ присяжными листами, оправдываясь тѣмъ, что „онъ, попъ, слѣпъ“ или „онъ, попъ, очьми зѣло скорбенъ“. Масса купечества была тоже совершенно безграмотна; бывали даже безграмотные архіереи и губернаторы, а о полуграмотныхъ важныхъ сановникахъ ужъ и говорить нечего, — ихъ было множество; они едва умѣли читать и не могли написать безъ ошибки двухъ словъ, какъ въ послѣдствіи Аракчеевъ, писавшій, напр., „*поеду Внарыши*“. Даже второстепенные чиновники, напр., секретари, на которыхъ лежало все дѣлопроизводство, въ большинствѣ случаевъ были круглые невѣжды и неучи, незнавшіе ничего, кромѣ правилъ канцелярской рутинны. Всякій мало-мальски образованный чело­вѣкъ былъ презираемъ, ненавидимъ, и слово *ученый* было бранною кличкою („Рус. Арх.“, 1865 г.; 895, 1333; „Рус. Стар.“, VI, 39; IV, 695; VII, 42 и др.) Занятіе литературой, которою удѣляла часы своего отдыха сама Екатерина II, часто преслѣдовалось, какъ преступленіе, и одинъ вельможа, напр., „за стишки, помѣщенные въ журналѣ коллежскимъ совѣтникомъ, велѣлъ его высокоблагородію отсчитать по слинѣ 40 палокъ“ („Рус. Арх.“, 1866, 756; 1871, 971; 1873, 908). Книги были большою рѣдкостью; публичныхъ библиотекъ не существовало; на всю Россію полагалось только двѣ казенныхъ мизерныхъ газеты; обмѣнъ мыслей и распространеніе свѣдѣній въ обществѣ чрезвычайно замедлялись отвратительными дорогами и черепашинымъ ходомъ почты, которая нерѣдко слѣдовала отъ Петербурга до Москвы болѣе 20 дней, до Смоленска 1 мѣсяць, до Саратова 2 мѣсяца (Соловьевъ, XXVI, 211; XXVI, 147). При чрезвычайной малочисленности школъ и самомъ низкомъ уровнѣ школьнаго образованія, немногія професіональныя знанія, возвращавшіяся въ обществѣ, пріобрѣтались не теоретическимъ обученіемъ, а путемъ житейской практики; судья судилъ по навыку, дьячекъ пѣлъ по наслышкѣ, губернаторъ правилъ по преданію своихъ предшественниковъ и т. д. Молодой чело­вѣкъ, желавшій выйти въ люди, имѣлъ возможность учиться, главнымъ образомъ только прислуши-

ваясь и присматриваясь къ рѣчамъ и поступкамъ людей, вращаясь среди ихъ „съ примѣчаніемъ“, какъ тогда выражались („Рус. Арх.“, 1865, 474). Даже университетская наука не имѣла научнаго, обобщительнаго, философскаго характера, и въ то время, какъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ все еще процвѣтала средне-вѣковая схоластика, въ академіи наукъ и московскомъ университетѣ господствовала грубая экспериментальность; на лекціяхъ физики, напр., показывались главнымъ образомъ „курьезныя и удивительныя штуки, которыхъ дѣйствія такъ удивительны, что всѣхъ зрителей устрашаютъ, курьезныя, самодѣйствующія машины, вродѣ самодѣльной канарейки, удивительныя штуки — весьма курьезныя эксперименты великолѣпной электрической машины, движущихся лягушекъ и разныя движущіяся и перемѣняющіяся весьма курьезныя, чрезвычайныя и удивительныя картины и фигуры“. Даже такіе даровитые люди, какъ знаменитый механикъ Кулибинъ, до всего доходили самымъ грубымъ эмпирическимъ путемъ. Кулибинъ самъ говоритъ: „по случаю увидѣлъ я электрическія силы машину и таковую-же электризацію сдѣлалъ. *По случаю получилъ я для просмотра зрительный телескопъ*“ и то-же сдѣлалъ подражаніе ему. Другіе, не Кулибины, относились къ наукѣ еще грубѣе, и если интересовались ею, то почти исключительно съ точки зрѣнія диковинокъ, „монстровъ и раритетовъ“, какъ интересовались мартышками, говорящими скворцами, карликами и т. д. Для многихъ образованность была модою, и ею только щеголяли, какъ головнымъ уборомъ или камзоломъ новѣйшаго фасона; но и щеголяло-то незначительное меньшинство, между тѣмъ какъ масса общества пребывала въ невѣжествѣ и пробавлялась лишь изрѣдка доходившими до нея отрывочными знаніями, вовсе неизмѣнявшими характера ея традиціоннаго міросозерцанія. Бывали, правда, люди, которые, не довольствуясь традиціей, смутно чувствовали потребность новыхъ знаній; но, доходя до всего своимъ умомъ, безъ всякой научной помощи, читая безъ разбора все, что попадалось подъ руку, они большею частью разстраивали свой мозгъ и въ головѣ ихъ водворялся тотъ сумбуръ, который тогда опредѣляли словомъ „зачитался“ („Р. Ар.“, 1866, 822). Можно сказать, что такимъ образомъ *зачитывалась* масса людей, превращавшихся во всевозможныхъ мистиковъ и масоновъ, но европейскій мистицизмъ и масонство были собственно только новыми заграничными

формами доморощенаго мистицизма и суевѣрія. Многіе изъ просвѣщенѣйшихъ людей вѣка, какъ напр., сама Екатерина, далеко не были свободны отъ суевѣрія, и въ мемуарахъ того времени то-идѣло вы читаете о сбывшихся чудесныхъ предзнаменованіяхъ, вѣщихъ снахъ, предчувствіяхъ и т. д. Не только въ деревняхъ, но и въ большихъ городахъ сплошь и рядомъ возникали дѣла о порчѣ, вѣдовствѣ, колдовствѣ, сношеніяхъ съ нечистой силой („Р. Стар.“, VII, 725; „Древн. и Нов. Россія“, 1877, III, 285 и др.). Ворожеи, самозванные пророки, юродивые играли видную роль иногда даже въ высшихъ сферахъ („Р. Стар.“, IX, 415), не говоря уже о массѣ, у которой они пользовались безусловнымъ авторитетомъ. Таковъ былъ, напр., въ концѣ XVIII в. юродивый Иванъ въ Острогжскѣ, который руководилъ даже иными семейными дѣлами всѣхъ горожанъ („Др. и Нов. Россія“, 1878, I). Понятно, что въ такомъ невѣжественномъ и суевѣрномъ обществѣ былъ большой просторъ религіозной нетерпимости, благодаря которой раскольники преслѣдовались нерѣдко съ жестокостью, рѣзко противорѣчившею съ духомъ вѣка. Такъ, въ 1792 году въ южной Россіи начали преслѣдовать духоборцевъ, и екатеринославскій губернаторъ по этому случаю писалъ, что „всѣ, зараженные иконоборствомъ, не заслуживаютъ человѣколюбія“, такъ-какъ ересь эта „особенно опасна и лакома для послѣдователей“ тѣмъ, что „образъ жизни духоборцевъ основанъ на честнѣйшихъ правилахъ и важнѣйшее ихъ попеченіе относится ко всеобщему благу, а спасеніе они чаютъ только отъ благихъ дѣлъ“. Духоборцы приговорены были къ сожженію, но помилованы ссылкой въ Сибирь („Р. Арх.“ 1865, 818; „Записки Лопухина“, 93, 99). Въ такомъ обществѣ распространеніе идей французскаго раціонализма не представляло никакой существенной опасности, такъ-какъ для развитія ихъ не было почвы, да и сами-то поклонники ихъ, повольнодумствовавъ извѣстное время, исправлялись чрезвычайно легко. Вотъ, напр., что рассказываетъ о себѣ Лопухинъ: „читая извѣстную „Système de la nature“, съ восхищеніемъ читалъ я въ концѣ извлеченіе всей книги, подъ именемъ „Устава природы“. Я перевелъ уставъ этотъ, любовался своимъ переводомъ, но напечатать его нельзя было. Я расположился разсѣивать его въ рукописяхъ. Но только-что дописали первую самымъ красивымъ почеркомъ, какъ вдругъ почувствовалъ я неописанное раскаяніе; не могъ

заснуть ночью прежде, нежели сжегъ я и красивую мою тетрадку, и черновую. Но все я не былъ спокоенъ, пока не написалъ какъ-бы въ очищеніе себя разсужденіе о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями, которое въ первый разъ напечатано въ 1780 г.“ Или вотъ вольнодумецъ Карамышевъ является побесѣдовать къ извѣстному масону Гамалеѣ. „Узнавши, что я — горный чиновникъ, Гамалея замѣтилъ, что я долженъ знать нѣкоторыя науки, и спрашивалъ, посредствомъ которой я желалъ-бы убѣдиться въ безсмертіи души? Я съ трудомъ могъ удержаться отъ смѣха и, чтобы одурачить его, избралъ ботанику и съ тѣмъ вмѣстѣ, чтобы скрыть свой смѣхъ, вынимаю часы и смотрю на нихъ. Старикъ началъ говорить. Презрѣніе мое замѣняется вниманіемъ, наконецъ, переходитъ въ уваженіе и съ тѣмъ вмѣстѣ я ему сказалъ *довольно*. Не прошло еще пяти минутъ, а онъ уже убѣдилъ меня вполне, несмотря на всѣ предразсудки, съ коими я пришелъ“. Подобныхъ примѣровъ можно привести множество („Записки Лопухина“, 14, „Р. Стар.“, V, 567; „Записки Болотова“, II, 60).

Даже увеселительная сторона европейской культуры плохо еще привилась къ обществу. Правда, появились уже начатки театра, балы, маскарады и т. д.; но все это преимущественно въ столицахъ; масса-же дворянства, чиновничества и купечества по-прежнему оставалась при патриархальныхъ до-петровскихъ развлеченияхъ. Крѣпостныхъ театровъ, расплотившихся въ началѣ XIX в., еще не было, и благородные россияне забавлялись мартышками, попугаями, шутами, карликами, лошадьми и собаками, въ особенности-же охотою, которою страстно увлекались даже женщины и дѣти. Церковное пѣніе удовлетворяло эстетическо-музыкальнымъ потребностямъ массы и хорошими протодьяконами увлекались не менѣе, чѣмъ нынѣ оперными пѣвцами. Парады и разводы замѣняли собою балетъ, а зрѣлище тѣлесныхъ наказаній играло роль театальной трагедіи. Въ кулачныхъ бояхъ участвовали и чиновники, и духовные, и семинаристы, и студенты („Рус. Арх.“, 1863 г., 743; „Древн. и Нов. Россія“, 1877, IV, 361). О легкости семейныхъ нравовъ мы уже говорили; половая разнузданность доходила до крайности: французскія метресы, гаремы изъ крѣпостныхъ дѣвокъ, любовники изъ французскихъ куаферовъ, — все было къ услугамъ благополучныхъ россиянь обоого пола. Кар-

тежная игра свирѣпствовала всюду; проигрывались цѣлыя состоянія, проигрывались нерѣдко не только крестьяне, но даже собственные жены игроковъ. Жизнь была полна самаго шумнаго веселья: и въ столицахъ, и въ провинціяхъ, и въ городахъ, и въ усадьбахъ, самое радушное гостепрѣимство; столы, открытыя для всѣхъ желающихъ, хоры пѣсенниковъ и музыкантовъ, обѣды и пиры съ музыкой, съ пушечной пальбой, съ фейерверками, съ трепакомъ дворни. Пьянство, или, по тогдашнему выраженію, *шумство* доходило до безобразія, свирѣпствовало во всѣхъ классахъ общества и въ самой сильной степени содѣйствовало той ожесточенной борьбѣ „партіи“, которая шла во всѣхъ слояхъ общества.

Каждый сильный и вліятельный человѣкъ изображалъ изъ себя потрона или „милостивца“, около котораго сосредоточивались его родственники, пріятели, протеже, слуги, составлявшіе его партію. Какъ между членами одного кружка или одной и той-же партіи, такъ въ особенности между членами различныхъ партій господствовала обыкновенно ожесточенная борьба за фаворъ, за случай, за выгодное мѣсто, за лакомый кусокъ, за оскорбленное самолюбіе и т. д. Распря и ссора въ конца не было даже при дворѣ. Въ 1791 г. Алексѣй Орловъ такъ поссорился съ кн. Прозоровскимъ, что чуть не прибилъ его палкой, и изъ этого вышла цѣлая исторія государственной важности. („Рус. Арх.“, 1868, 826). Княгиня Дашкова была въ заклѣтой враждѣ съ Нарышкинымъ, изъ-за двухъ его свиней, которыхъ она убила за то, что онѣ забрели на ея землю; Нарышкинъ, встрѣчая ее при дворѣ и указывая на ея красное лицо, говорилъ: „она еще въ крови послѣ убійства моихъ свиней“. „Дашкова, говорила Екатерина, — съ Нарышкинымъ въ такой ссорѣ, что, сидя рядомъ, оборачиваются другъ отъ друга и составляютъ двуглаваго орла“. („Рус. Стар.“, IX, 414). Или вотъ въ придворномъ театрѣ, въ ложѣ графини Брюсовой, сидятъ Ал. Бибииковъ и Нарышкина, которая съ нимъ въ ссорѣ за то, что онъ не производитъ въ унтеръ-офицеры одного ея протеже. Начинается задорное объясненіе, кончающееся замѣчаніемъ Нарышкиной: „жалуетъ царь, да не жалуетъ псарь“, на что Бибииковъ отвѣчалъ ей: „у этого псара много такихъ суевъ на сворѣ бывало“ („Рус. Стар.“, V, 769). Подобныя стычки бывали даже въ засѣданіяхъ сената, а въ провинціи военные начальники бранились и ссорились съ гражданскими, свѣтскіе съ духовными, и

эти мелочныя, но упорныя распри кончались нерѣдко очень серьезно. Такъ, напр., пустая ссора жены сибирскаго генералъ-губернатора Якоби повела за собою обвиненіе его въ государственной измѣнѣ и возникло громадное дѣло, одна только выписка изъ котораго, составленная Державинымъ для императрицы, занимала 3,000 листовъ. Ссоры свѣтскихъ властей съ духовными доходили иногда даже до „личной расправы“ („Рус. Стар.“, VI, 120). Вотъ, напр., что рассказываетъ, между прочимъ, Добрынинъ о свѣскомъ архіерей: „преосвященный, будучи у трубчевскаго воеводы Колюбакина въ гостяхъ съ обѣда до полуночи, разсудилъ, для пріятнаго препровожденія времени, или по привычкѣ, назвать хозяина „свиньею“ и выплеснуть ему въ глаза бокаль вина. Колюбакинъ, не бывши лихъ, но будучи великъ и силенъ, отвѣсилъ зачинщику большимъ кулакомъ по уху такой ударъ, что ударенный палецъ пластомъ на земь и растянулся. Единный ужасъ штата архіерейскаго, при поверженіи своего владыки, былъ-бы недостаточенъ для спасенія. Его подняли и уѣхали изъ дома воеводскаго и изъ города въ Чолнскій монастырь, отстоящій отъ Трубчевска верстъ около семи, чему Колюбакинъ не препятствовалъ. По пріѣздѣ, какъ повѣствовало тогда всѣ исторіографы - „самовидцы и слуги“, архіерей предпринялъ всѣ предосторожности, дабы не наскочилъ врасплохъ Колюбакинъ, который мечтался ему съ кулакомъ въ глазахъ. Колюбакинъ на другой день явился не привидѣніемъ, однакожь, и не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ бить, но чтобъ просить прощенія и разрѣшенія въ содѣянномъ грѣхѣ. Не допущенъ онъ; чего ради и сталъ среди монастыря, противъ самыхъ оконъ архіерейскаго покоя, на колѣняхъ, и, будучи вполъняна, воздѣлъ кверху руки и возопилъ велегласно: „Отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою!“ Архіерей, смотря изъ окна, возгласилъ ему: „говори, паршивая овца въ стадѣ Христовомъ: сотвори мя, яко единого отъ наемниехъ твоихъ“. Колюбакинъ повторяетъ. *Архіерей*: „гради сѣмо, сынъ геенны!“ По допущеніи въ покои, архіерей читалъ ему челобитную, заготовленную имъ къ посылкѣ въ синодъ. Въ ней не позабыты были: помоканоны, кормчая книга, отлученіе отъ церкви и самыя анафемы. И начались переговоры. Главныя оныхъ артикулы состояли со стороны Колюбакина въ томъ, что обѣ договаривающіяся стороны вмѣстѣ наѣлись, напились, поссорились, подрались и кто былъ зачинщикъ

драки; а со стороны архіерея въ томъ, чтобы Колюбакинъ втеченіи мѣсяца пріѣхалъ къ нему въ кафедральный его сѣвскій домъ, гдѣ и дастъ онъ грѣшнику совершенное прощеніе и разрѣшеніе. Сіи статьи объ договаривающіяся стороны обязались честнымъ взаимнымъ словомъ исполнить свято и ненарушимо. Такимъ образомъ, преосвященный, посѣтивъ Трубчевскъ, далъ ему свое благословеніе, а самъ получа такое же отъ Колюбакина и сдѣлавъ съ нимъ счастливое амнистіціумъ, продолжалъ путешествіе свое въ Брянскъ, гдѣ съ нимъ ничего подобнаго не случилось, потому ли, что тамъ не было Колюбакина, или потому, что онъ никому виномъ глаза не заливалъ и свиньею не называлъ. По возвратѣ изъ Брянска домой, напрасно преосвященный ждалъ Колюбакина. Уже наступалъ праздникъ Рождества Христова, какъ архіерей позвалъ меня, приказалъ писать, подъ титуломъ пастыря сѣвской церкви, *запрещенія*, дабы никто изъ священниковъ ни съ какою святынею въ домъ Колюбакина не входилъ. Сіе запрещеніе собственноручно имъ подписано, запечатано и отправлено, при особомъ повелѣніи, къ трубчевскому протопопу для объявленія Колюбакину. Протопопъ, по пріѣздѣ послѣ праздникова къ архіерею, донесъ, что „онъ, идучи на самый праздникъ Рождества къ служенію обѣдни, зашелъ къ Колюбакину и объявилъ ему запретительную архіерейскую грамоту. Колюбакинъ, въ отвѣтъ, угощалъ его чаемъ, котораго протопопу пить было нельзя передъ служеніемъ“. Тѣмъ кончилось протопопское посланничество. Архіерей, не остановясь на семъ, послалъ брянскаго протопопа въ Петербургъ, съ изъясненіемъ черезъ партикулярныя письма обиды, къ нѣкоторымъ духовнымъ и свѣтскимъ особамъ. Но сіе посольство ничего не произвело кромѣ смѣха въ такомъ испорченномъ городѣ, который вѣрять, что зачинщиковъ драки вездѣ бьютъ. Къ тому же жители столицы, вѣроятно, по недостатку любви къ ближнему, толковали, что у архіерея дурное было на мысляхъ прощеніе, если онъ Колюбакина заманивалъ изъ Трубчевска въ Сѣвскъ“ („Добрынинъ“, 135 — 136). Подобныхъ столкновеній у преосвященнаго было множество (стр. 108, 113 и др.). Даже въ средѣ одного и того же сословія, корпораціи, кружка то-и-дѣло были или ссоры или распри, какъ, напр., между литераторами или членами академіи наукъ; стоитъ только вспомнить нѣкоторыя подробности біографій Ломоносова, Сумаро-

кова, Державина. Такия-же ссоры и раздоры шли въ средѣ дворянства, чиновничества, купечества, духовенства. Вотъ, напр., въ карачевскомъ уѣздѣ люди и крестьяне поручика Сафорова выѣхали косить сѣно, какъ напали на нихъ трое помѣщиковъ Львовыхъ, — одинъ совѣтникъ, другой асесоръ, третій корнетъ, — да прикащики двоихъ другихъ Львовыхъ съ людьми и крестьянами, человекъ до 600; помѣщики и прикащики верхами, а крестьяне пѣшкомъ; напали тайно изъ лѣсу и начали бить и рѣзать; убито было 11 человекъ, смертельно ранено 45, безъ вѣсти пропало 2 человека. Львовы, выступая въ походъ, взяли съ собою двухъ священниковъ и, отошедши съ версту отъ своего села Глыбочекъ, остановились подъ сосновою рощею, у колодца, отслужили молебенъ съ водосвятиемъ; помѣщики и люди ихъ приложились къ образу, и Львовы начали увѣщевать своихъ, чтобъ стояли крѣпко противъ враговъ, „имѣли неуступную драку“, не выдавая другъ друга, а кто не устоитъ, того самимъ колоть до смерти. Послѣ всего этого помѣщики выбрали лучшихъ крестьянъ и, напоя ихъ виномъ, повели атаку (Соловьевъ, XXIII, 250). Или вотъ сосѣди-помѣщики Азанчеевъ и Краевскій. Сосѣди жили дружно до того гибельнаго дня, въ который одному вздумалось прислать другому свѣжей рыбы въ знакъ дружескаго вниманія. Рыба оказалась испорченою. Вознегодовалъ обиженный и началась война гвельфовъ съ гибелинами, въ которую родные обѣихъ сторонъ и тѣхъ родныхъ родные ударились со всею жесточеніемъ ничѣмъ неодоливаемой провинціальной скуки. Ставъ у одного оказался на нѣсколько вершковъ выше положенія и затопилъ луга другого. Поскакалъ гонецъ съ грознымъ предложеніемъ срубить ставъ, былъ принятъ въ плети, и разлилась убогая рѣченка моремъ клаузь и сутяжническихъ придинокъ, процѣдила сквозь каверзы 1,000 душъ богача, занесла тию ябеды оранжерей, образцовые птичники, сады и парки, пустила одного изъ противниковъ по міру („Рус. Арх.“, 1873. 178). Въ городахъ то-и-дѣло начиналась жесточенная борьба между обывательскими партіями, особенно между купечествомъ и мѣщанствомъ, — борьба, доходившая до насилій и открытой междоусобицы (Соловьевъ, XXIV, 859; XXV, 270). Иногда весь городъ раздѣлялся на двѣ враждебныя партіи, какъ случилось, напр. въ Острогжскѣ по случаю погребенія мѣстной знаменитости, юрдиваго Ивана. „На-счетъ погребенія его, гласитъ хроника, — выш-

ло разногласіе и даже великая распря. Священникъ Георгій, младшей его воспитанницы мужъ, войсковые жители: Ларионовъ, Шедринъ, Талицкіе и прочіе, живущіе въ слободѣ, близъ новоостроужейся церкви, желали похоронить его въ новой церкви, а Ольшанскій священникъ Симеонъ, старшей питомцы мужъ, и съ нимъ граждане, желали положить на кладбищѣ; почему могила была приготовлена какъ на кладбищѣ, подлѣ церкви, близъ алтарнаго окна, по правую сторону, такъ и внутри новоостроужейся церкви. По желанію гражданъ, дѣйствующія лица (были): уѣзный судья и занимаемый (sic!) должность предводителя Мерщанскій, господинъ городничій маіоръ Чекмаревъ, подполковникъ Матвѣевъ и прочіе всѣ граждане. Господинъ же Суботинъ, Карноуховъ и Золотаревъ желали похоронять при новоостроужейся церкви, но болѣе держали нейтралитетъ. Во вторникъ тѣло принесено въ соборную церковь, стояло до среды; при выносѣ стеченіе народа было чрезвычайное. Тотъ день и почти всю ночь служили панихиды и даже лютеране ночью служили панихиды. Въ среду послѣ преждеосвященной обѣдни отпѣли погребеніе при великомъ множествѣ собранія народа. При выносѣ изъ церкви сдѣлалось большое превіе и шумъ: одни желали въ слободу, а другіе на кладбище; протопопъ Соколовъ былъ на сторонѣ священника Георгія и Ларионова, ибо отъ нихъ посланъ былъ нарочный къ преосвященному и ожидалось отъ него о положеніи тѣла въ новой церкви повелѣніе. Но городничій, съ полицейскою командою, ссору утишилъ и принудилъ, чтобъ тѣло несли на кладбище — и понесено. Тутъ усердіе къ покойному открылось столь великое, что гробъ его всякій желалъ нести; первый купеческій сынъ Федотъ Крапивинъ поднималъ и прочіе многіе граждане изъ простого народа, подхватя, несли гробъ необыкновеннымъ образомъ до самаго кладбища, — несли мары (носики для гробовъ) съ гробомъ не на плечахъ, а на рукахъ выше головъ. Принесли къ кладбищенской церкви, хотѣли тѣло поставить въ оной до полученія отъ преосвященнаго разрѣшенія, а церковь замнута и ключа скоро смекать было нельзя. Тутъ нечего было дѣлать: гробъ принесли къ могилѣ. Протопопъ и священникъ по духовному обряду тѣла землѣ не предали и удалились. Тутъ такое смятеніе было, что и вообразить нельзя "... („Др. и Нов. Рос.“, I, 126). Лѣтописецъ не говоритъ о послѣдствіяхъ этой распри, но, по

всей вѣроятности, она не кончилась погребеніемъ юродиваго, а продолжалась и послѣ его, поддерживаясь разными казусами и столкновеніями, разжигавшими борьбу партій и личностей, какъ это бывало во множествѣ другихъ городовъ. Мелочная злоба, житейскія дразги и сплетни то-и-дѣло раздражались публичными скандалами, доходившими нерѣдко до потасовокъ и побоищъ. Вотъ, напримѣръ, въ Ярославлѣ „на градскомъ собраніи (въ магистратѣ) купецъ Броуновъ обругалъ купца Фатьянова сквернословно и многократно, а купецъ Лбовскій, якобы во униженіе онаго Броунова, сквернословными-же словами говорилъ ему, чтобы онъ пересталъ“; магистратъ воспрещалъ „сіи случаи, не принадлежащіе до гражданскаго согласія“; но члены магистрата продолжали при всякомъ удобномъ случаѣ обзывать другъ друга ворами, взяточниками и т. д.; приказные-же заносили все это въ протоколъ (ib., IV, 358). Вотъ кадниковскій исправникъ, Безобразовъ, бьетъ священника, вырываетъ ему бороду и повреждаетъ дарохранительницу, которою тотъ защищался. Другой кадниковскій-же исправникъ, Ларіоновъ, закалываетъ кинжаломъ дворянскаго за сѣдателя, Лобачова. Копіистъ Соколовъ подрался съ дворяниномъ Блиновымъ и былъ убитъ, а убійца „волею божіею умре въ острогѣ“. Чиновники вологодской казенной палаты побили канцеляриста Мичурина такъ, что онъ „умре“. Въ Яренскѣ за сѣдатель и страпчій Усачевы удавили расправнаго судью Печина. Канцеляристъ Александровъ „уличился въ рѣзаніи подканцеляриста Покровскаго и въ содѣланіи ему двухъ ранъ“. И всѣ эти казусы случились только въ первые 6 мѣсяцевъ 1788 г. („Рус. Арх.“, 1865, 879). Или вотъ въ Москвѣ, во время крестнаго хода, протоіерей Левшинъ, братъ митрополита, ругаетъ протоіерея Панфилова, крича ему во все свое громогласіе: „поди, плѣшивый, откуда прочь, я терпѣть тебя не могу!“ Когда-же Панфиловъ не пошелъ, то Левшинъ приказалъ сторожамъ „толкать его по шеѣ“, „грозилъ большою своею палкою“ и, наконецъ, выгналъ изъ рядовъ процесіи пинками („Рус. Арх.“, 1871, 212). При этой ожесточенной „войнѣ всѣхъ со всѣми“ было самое широкое поле для развитія всевозможныхъ доносовъ, клеузъ и ябеды. „Ненавистное израженіе *слово и дѣло*“ было запрещено при Екатеринѣ; но перемѣнилась только форма, сущность-же осталась та-же, и каждая мало-мальски крупная ссора влекла за собою

доносъ, влязу, процесь. На этомъ поприщѣ отличались люди всѣхъ сословій, какъ мужчины, такъ и женщины. Въ магистратскихъ дѣлахъ Ярославля, напримѣръ, встрѣчаются такіа характеристики тогдашнихъ дамъ: „сія Авдотья Ильина Карпачева есть несносная ябедница, пьяница и записная влязунница“ („Древняя и Новая Россія, 1877, IV, 353). Люди болѣе грамотные, кроми влязунъ и доносовъ, доѣзжали враговъ пасквилями, какъ, напримѣръ, сѣвскій архіерей, сочинявшій ругательные стихи про мѣстнаго воеводу и распѣвавшій ихъ съ компаніей на своихъ вечерахъ („Добрынинъ“, 108). Объ ожесточенномъ тонѣ этихъ влязунъ и пасквилей можно судить по образцамъ тогдашней литературной полемики. Когда, напримѣръ, Елагинъ написалъ свою сатиру „На петиметра и кокетокъ“ и во вступленіи къ ней превознесъ до небесъ Сумарокова, то всѣ враги послѣдняго, начиная съ Ломоносова, набросились на Елагина, и на „россійскомъ парнасѣ“ закипѣла ожесточенная борьба. Ломоносовъ уязвилъ Сумарокова очень остроумнымъ письмомъ, а въ стихотворной эпиграмѣ выставилъ Елагина истощеннымъ развратникомъ и даже коснулся поведенія его жены. Кто-то отвѣчалъ Ломоносову стихами, начинающимися такъ:

Развратныхъ молодцовъ испорченный здѣсь вѣкъ:
Кто хочетъ защищать, тотъ скотъ, не человѣкъ;
Такого въ наши дни мы видимъ Телелуя,
Огромнаго вряля и глупаго халуя и т. д.

Эпиграму Ломоносова многіе приписывали сначала стихотворцу Сукину, и одно изъ отвѣтныхъ на него стихотвореній оканчивается такъ:

Но кто-бы это былъ, чтобъ вздоръ такой навралъ?
Теперь я дознаюсь, что толь нестройно вретъ,
Конечно, онъ, что Сукинъ сынъ слыветъ!

Сукинъ написалъ на Елагина другую эпиграму, и Елагинъ отвѣчалъ ему:

Такимъ-ли сдѣланъ ты, чтобъ могъ превозноситься,
Когда ты осужденъ отъ суки въ свѣтъ родиться?

Всѣ эти распри и раздоры объясняются рѣшительною неразвѣтностью общественнаго чувства, отсутствіемъ общественныхъ интересовъ, полнымъ просторомъ для чудовишнаго развитія личнаго произвола, такъ мощно развивавшагося на почвѣ вѣрноподданнаго права. Деспотизмъ и самодурство помѣщиковъ доходили до ко-

кого-то умоизступленія, и знаменитая Салтычиха была далеко не единственнымъ явленіемъ въ своемъ родѣ. Таковы-же были, напримѣръ, воронежскій помѣщикъ, гр. Девіеръ, который въ концѣ екатерининскаго царствованія перестрѣлялъ изъ пушекъ весь ѣхавшій къ нему по дѣлу земскій судъ, или одинъ изъ братьевъ Баташевыхъ, Андрей, нажившій всякой правдой и неправдой миліоны денегъ и 14 заводовъ. Онъ держалъ у себя постоянно толпы бѣглыхъ рекрутъ, крестьянъ и арестантовъ, былъ въ сношеніяхъ съ разбойниками, грабившими въ муромскихъ лѣсахъ, наводилъ ужасъ на всѣхъ окрестныхъ жителей, призывалъ къ себѣ цѣлыми селеніями казенныхъ крестьянъ, заставляя бесплатно работать на себя, и держалъ въ трепетѣ все мѣстное начальство. „До сихъ поръ еще на Выксѣ говорятъ о немъ съ ужасомъ, и старики рассказываютъ о безобразіи его оргій, о возмутительномъ его кощунствѣ надъ святыней, о несчастныхъ, спущенныхъ въ *дудки* (колодцы для добыванія руды), распятыхъ на крестѣ или заморенныхъ голодомъ“. Когда недавно стали перестраивать его домъ, то изъ его кабинета нашли потаенный ходъ въ подвалъ, а въ послѣднемъ множество человѣческихъ костей („Р. Арх.“, 1871, 2114). Вспомнимъ ужаснаго Куролесова въ „Семейной Хроникѣ“ Аксакова, и намъ не нужны будутъ другіе примѣры помѣщичьяго деспотизма и самоуправства. Но этотъ произволъ и самоуправство не были исключительнымъ продуктомъ крѣпостного права; они коренились въ самыхъ нравахъ празднаго и невѣжественнаго общества, и какой-нибудь исправникъ или благочинный легко превращались въ своего рода Баташевыхъ и Куролесовыхъ. Вотъ, напр., выѣхалъ помѣщикъ верхомъ прогуляться въ полѣ; но лошадь понесла и произвела безпорядокъ въ станѣ проѣзжавшаго куда-то на долгихъ архіерея. Помѣщика немедленно схватили и высѣкли (Дмитріевъ, „Мелочи“, 127). Въ Звенигородѣ былъ городничій Макшѣевъ, считавшій себя даже чѣмъ-то вродѣ папы. Когда священникъ выходилъ для произнесенія проповѣди, онъ сгонялъ его съ амвона: „пошелъ, я самъ скажу“, и затѣмъ начиналъ поученіе, обращаясь преимущественно къ будочникамъ, изъ которыхъ однихъ называлъ мошенниками, а другихъ хвалилъ („Р. Арх.“, 1869, 630). Понятно, что подобные господа „держали имя свое грозно“ и нерѣдко водворяли на мѣстѣ своего владычества настоящій терроръ. Посмо-

трите, напр., что дѣлалось въ половинѣ XVIII вѣка въ Ярославлѣ. Здѣсь свирѣпствуетъ „злой и непорядочный разоритель“, начальникъ сыскной команды, Лухъ, который, даже вопреки приказаніямъ высшаго начальства, не оставляетъ своей должности, „изъ Ярославля никуда не выступаетъ и, расположась по квартирамъ, стоитъ усиленно, злобствуя на магистратъ“, захватывая жителей, истязуя и грабя ихъ. Въ то-же время свирѣпствуютъ драгуны и пѣхотинцы „весьма озорнически“, нанося смертные побои, разбиваютъ бревнами ворота, вламываются въ купеческіе дома, грабятъ и насильничаютъ. Въ магистратъ является московскій регистраторъ Григорьевъ за лошадьми „для высочайшаго шествія“ и, набросившись на чиновника Срѣтенскаго, „ругалъ его веромъ, грозилъ смертною казнію, бранилъ ж—но“ и приказалъ сержанту бить его. Члены магистрата робко вступились за Срѣтенскаго. „Вы имѣете въ магистратѣ воровъ и укрываете оныхъ“, закричалъ Григорьевъ съ прибавленіемъ крѣпкихъ словъ, разорвалъ поданный ему конвертъ и требовалъ, чтобы подвергнуть Срѣтенскаго „пытѣмъ и смертному наказанію“. Наругавшись доволь, онъ уѣхалъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Въ тотъ-же магистратъ нѣсколько разъ является съ солдатами пьяный поручикъ Чириковъ, держитъ членовъ, неизвестно за что, подъ карауломъ, ругаетъ ихъ, бьетъ, „безчеловѣчно увѣчитъ“. Агенты знаменитаго митрополита Арсенія Мацѣвича захватываютъ обывателей за принадлежность къ расколу, за нехождение въ церковь и т. д. и сбѣгутъ ихъ плетями. Водочный сыщикъ, Сушинъ, вторгается въ дома частныхъ людей, наноситъ побои, проламываетъ головы, заковываетъ въ цѣпи, моритъ голодомъ, даже дѣтей и женщинъ, въ душевнѣйшей тюрьмѣ, носившей названіе „конской избѣ“; въ случаѣ укрывательства мужа, захватываетъ и мучитъ жену, вѣсто отца—сына и т. д. Полиціймейстеръ Кашинцевъ дерется съ утра до ночи, беретъ взятки всѣмъ—деньгами, лошадьми, экипажами; если не даютъ добровольно, отнимаетъ силою, посылая свою челядь просто грабить обывателей, захватываетъ купцовъ и звѣрски вымучиваетъ у нихъ деньги и т. д. („Древн. и Новая Россія“, 1877, III и IV).

Если при такихъ безпорядкахъ лица властныя не принимали въ нихъ участія и старались противодействовать имъ, то дѣйствовали тоже исключительно страхомъ, какъ, напр., рассказы

ваетъ о своей службѣ въ оренбургскомъ краѣ одинъ изъ лучшихъ администраторовъ того времени: „производя ревизію присутственныхъ мѣстъ, я употреблялъ самыя жестокія мѣры въ искорененію грабительства, а грабителей, вышедшихъ въ чины, коихъ невозможно было исправить тѣлеснымъ наказаніемъ, заставлялъ подавать прошенія въ отставку, которыхъ-же отсылалъ для преданія суду. Дѣйствуя такимъ образомъ, я разсѣялъ повсюду такой страхъ, что въ концѣ втораго мѣсяца, проѣзжая въ города, не находилъ ни жалующихся, ни нерѣшенныхъ дѣлъ... Неблагонамѣренныя-же члены и чиновники встрѣчали меня съ трепетомъ: мрачность ихъ лицъ доказывала черноту ихъ сердца“ („Записки Мертваго“, 51). Такъ-же дѣйствовали екатерининскіе генераль-губернаторы, напр., сибирскій Чичеринъ или ярославскій Мельгуновъ, отдававшій чиновниковъ въ солдаты даже за обыкновенное пьянство и посѣщенія публичныхъ женщинъ. („Рус. Арх.“, 1865, 883). Екатерина запретила пытку и освободила высшій классъ отъ тѣлесныхъ наказаній; но въ сущности пытка продолжала существовать, хотя и не въ столь рѣзкихъ формахъ, какъ прежде, а тѣлесныя наказанія людей низшихъ классовъ, особенно солдатъ, оставались въ прежней силѣ, не говоря уже о крѣпостныхъ крестьянахъ, которые въ этомъ отношеніи ничѣмъ не были ограждены отъ самаго необузданнаго произвола. Это было въ самое обыкновенное мирное время; въ экстренныхъ-же случаяхъ, напр., послѣ пугачевщины, наказанія принимали характеръ настоящаго террора. „Эти казни невѣроятны, говоритъ Пушкинъ, въ своей исторіи пугачевщины: — однихъ растаскивали по кольямъ, другихъ вѣшали ребрами на крюки, нѣкоторыхъ четвертовали, остальныхъ прощали, отрѣзавъ имъ носы и уши“. Въ экстренныхъ случаяхъ даже лица привилегированнаго класса, даже дамы, нерѣдко подвергались сѣченію, и Потемкинъ, встрѣчаясь съ извѣстнымъ Шешковскимъ, бывало, спрашивалъ: „ну, какво кнутобойничаешь?“ на что тотъ отвѣчалъ: „помаленьку, ваша свѣтлость, помаленьку“ („Русск. Арх.“ 1866, 264). Правительственная строгость и наказаніе казались вообще главною опорой общественнаго порядка, особенно во вторую половину екатерининскаго царствованія, когда подъ впечатлѣніями французской революціи началась усиленная реакція.

V.

Критика общественных педурговъ въ литературѣ.—Сатира фон-Визина и послѣдній періодъ его жизни.

Недуги русскаго общества—взяточничество, казнокрадство, зло крѣпостнаго права, невѣжество и самодурство и т. д. возбуждали рѣзкую критику въ сочиненіяхъ Екатерины, Хемницера, Щербатова, въ журналахъ Новикова и т. д. Но особенно во вторую половину царствованія, этой критикѣ были поставлены самые гѣсные предѣлы, и лучшія изъ упомянутыхъ произведеній, напр., сочиненія Щербатова, остались вовсе непечатанными, а послѣ смерти его даже были приняты мѣры къ истребленію ихъ оригиналовъ. Дальше всѣхъ другихъ пошелъ въ этомъ отношеніи несчастный Радищевъ. Не менѣе яркими красками, чѣмъ Щербатовъ, онъ изображаетъ дѣйствительное положеніе народа. Освобожденіе крестьянъ было завѣтною мечтою его, и набросанныя имъ возмутительныя картины крѣпостнаго права—лучшія мѣста въ его „Путешествіи“. Преклоняясь предъ идеаломъ свободы, Радищевъ доказываетъ тщету жившихъ тогда въ русскомъ обществѣ идеаловъ *внѣшняго порядка и тишины, роскоши и военной славы*. „Устройство на-счетъ свободы столь-же противно блаженству нашему, какъ и самыя узы. Сто невольниковъ, пригвожденныхъ къ стѣнамъ корабля, веслами въ пути своемъ двигаемаго, живутъ въ тишинѣ и устройствѣ; но загляни въ ихъ сердце и душу: терзаніе, скорбь, отчаяніе! Они желали-бы промѣнять жизнь на кончину, но и ту имъ оспариваютъ... Итакъ, да не ослѣпимся внѣшнимъ спокойствіемъ государства и его устройствомъ, и для сихъ только причинъ не почтемъ оное блаженнымъ. Смотри всегда на сердце согражданъ. Если въ нихъ найдемъ спокойствіе и миръ, тогда по истинѣ можно сказать: се блаженны!..“ Общественная роскошь, напр., „огромность зданій, бесполезныхъ обществу, есть явное доказательство порабощенія“... „Въ славѣ завоеваній — звукъ, гремѣніе, надутость и истощеніе!.. Плодъ завоеванія — убійства и ненависть“... У насъ обыкновенно изображаютъ Радищева и человѣкомъ не особенно далекимъ, и личностью исключительной, идеи которой будто-бы не находили никакого сочувствія въ тогдашнемъ обществѣ. Правда, подобныхъ людей тогда было срав-

нительно мало, но при болѣ легкихъ условіяхъ эта кучка разбросанныхъ по Россіи сознательныхъ послѣдователей европейскаго прогресса могла-бы играть видную роль. Подобно Радищеву, на французской политической литературѣ были воспитаны даже многіе не литераторы и не общественные дѣятели, какъ, напр., Винскій и упоминаемые въ его запискахъ жители оренбургскаго края: Арсеньевъ и др. Вотъ что говорить, напр., Винскій, человѣкъ, замѣтите, не получившій никакого систематическаго образованія и поэтому поставленный далеко не въ такія благопріятныя условія, какъ Радищевъ, учившійся въ заграничномъ университетѣ: „Заря наукъ для нашего отечества начала пробиваться сквозь мракъ невѣжества въ концѣ осьмага десятка прошедшаго столѣтія. Сколько-бы излиха ни вопіяли: „распинайте французовъ“, но они одни гораздо болѣе способствовали нашему наученію, нежели совокупно вся Европа. Россія, по волѣ Петра Великаго, находившись болѣе полувѣка подъ ферулою нѣмецкою, даже и признаковъ не являла просвѣщенія. Царствованію Екатерины принадлежитъ вся честь водворенія въ нашемъ отечествѣ полезныхъ наукъ, которыя разительнѣйшимъ образомъ начали имѣть вліяніе на нравственность. Повторяю паки: сколько-бы старообрядцы, новообрядцы и всѣ ихъ отголоски ни вопіяли: „распинайте французовъ“, но Вольтеры — не Мараты, Жанъ-Жакъ Руссо — не Дантоны, Бюфони — не Робеспьеры. Ежели когда-нибудь настанутъ времена правды, тогда великіе умы XVIII вѣка, истинные благодѣтели рода человѣческаго, получаютъ всю имъ принадлежащую честь и признательность“. („Русск. Арх.“ 1877, I, 86—87.) Винскій и его оренбургскіе друзья хорошо понимали причины французской революціи и ея значеніе; они радостно привѣтствовали паденіе стараго режима во Франціи и т. д. (стр. 99 и др.) Винскій далеко не былъ увлеченъ и екатерининской законодательной комисіей и разными реформами первой половины царствованія. „Судебныя мѣста, говоритъ, напр., онъ, — умножены съ умноженіемъ чиновниковъ, такъ-что иная губернія, управляемая прежде 50-ю чиновниками, раздѣлившись по сему учрежденію на 4 намѣстничества, въ каждомъ имѣла до 80 судей. Умноженіе судейскихъ мѣстъ, конечно, открыло многимъ бѣднымъ семействамъ средства къ существованію, ибо жалованье, по тогдашнему времени, назначено было довольно достаточное; но грубый хлѣбопашецъ скоро

почувствовали отъ себя перемены невыгоду, поелику, вмѣсто трехъ барановъ въ годъ, должны возить ихъ до 15-ти въ городъ“. („Р. Арх.“, 1877, 101). Учрежденіе совѣтнаго суда онъ называетъ „кукольной комедіей“ (ib), а относительно вольностей, данныхъ дворянству и городамъ, отзывается такъ: „въ другомъ европейскомъ народѣ подобныя узаконенія произвели-бы неминуемо во всемъ полезныя перемены, но Екатерина знала основательно своихъ россіянъ и твердо была увѣрена, что они не только не воспользуются даруемою свободою устраивать свое счастье, но не поймутъ ни содержанія, ни силы ея благоволенія, и что она, не отваживая ни малѣйше, симъ самымъ думала обморочить потомство. Сіе все въ точности воспослѣдовало: во всѣхъ собраніяхъ дворянства, кромѣ нелѣпостей, споровъ о пустякахъ и ссоръ, нивогда ни одно дѣльное дѣло не было предлагаемо. Люди благонамѣренны, съ знаніями и душами, или правительствомъ подъ различными видами устраняемы, или, ежели случалось во оныхъ искать совѣта, были заглушаемы вликами черни. („Русскій Архивъ“, 1877, стр. 102)... „Съ сего времени Екатерина перестала себя слишкомъ принуждать и, въ 14 лѣтъ владычества высмотрѣвши, что народъ русскій есть самый покладливый и не щекотливый, пустилась наслаждаться всемъ безъ многихъ оглядокъ“ (стр. 103).

Идеи Радищева и Винскаго могли свободно обращаться и зрѣть въ первую половину царствованія; но во время реакціи, наступившей послѣ нугачевщины и чрезвычайно усилившейся съ началомъ французской революціи, не только Радищевы, но даже Новиковы, Капнисты, Князьнины должны были замолкнуть. Какъ поклонники тогдашней дѣйствительности, вродѣ самой Екатерины, такъ и многіе порицатели, вродѣ кн. Щербатова, начали усиленно пропагандировать славянофильскій консерватизмъ, доказывая растлѣнность Запада и опасность „преждевременныхъ и послѣднихъ реформъ, противныхъ умоначертанію націи“. Митрополитъ Платонъ, Болтинъ, Щербатовъ самыми розовыми красками расписывали древнюю Русь; сама Екатерина въ своихъ запискахъ о русской исторіи систематически передѣлывала послѣднюю въ византійско-славянофильскомъ духѣ, а въ своемъ опроверженіи „Путешествія по Россіи абата Шапа“ доходила до слѣдующихъ утвержденій: „у насъ есть сенатъ, имѣющій тѣ-же права, что и парламенты“. — „Въ Россіи никто не ѣстъ ваши съ коноплянымъ ма-

слозь". — „Мало есть государствъ, въ которыхъ-бы законъ настолько уважался, какъ у насъ". — „Въ числѣ русскихъ генераловъ до сихъ поръ никто не встрѣчалъ слабоумнаго" и т. д. (XVIII вѣкъ, IV, 242, 264, 299 и др.).

При такихъ условіяхъ даровитѣйшій изъ русскихъ сатириковъ XVIII в. не могъ развить своихъ силъ съ надлежащею полнотою. Вышнія условія литературной дѣятельности даже въ первую половину екатерининскаго царствованія были не совсѣмъ благоприятны для сатиры, и еслибы, напр., Фон-Визинъ вздумалъ изображать тогдашнюю русскую жизнь такъ-же широко и свободно, какъ изображалъ онъ въ своихъ письмахъ состояніе Европы во время его путешествія, то его произведенія должны были остаться подъ спудомъ, подобно „Запискамъ" Добрынина, кн. Щербатова, „Путеству" Радищева. Тѣмъ не менѣе, фон-Визину удалось коснуться многихъ изъ тѣхъ общественныхъ золъ, о которыхъ мы говорили выше. Если изъ „Недоросля" исключить тѣ мѣста и сцены, въ которыхъ дѣйствуютъ теоретическія, чуждыя всякой естественности личности, вродѣ Стародума, проповѣдуется мораль и излагаются идеалы преобразованій, то останется блестящая, хотя и несовершенная въ художественномъ отношеніи, сатира основныхъ недуговъ русскаго общества. Въ комедіи мы видимъ извѣстный классъ, проникнутый простаковскими воззрѣніями на массу „подлаго" народа, который не считается даже людьми и живетъ хуже, чѣмъ свиньи Скотиннина. На такой почвѣ, естественно, развились такія мегеры, какъ Простакова, полуидіоты, какъ ея мужъ и недоросль Митрофанушка, скотоподобные Скотиннины, чисто-животная жизнь, съ ея враждою ко всякой свѣжей мысли, ко всякой нравственной чистотѣ, допускающая образованіе только по необходимости, для практическихъ служебныхъ цѣлей и довольствующаяся такими представителями знанія, какъ безтолковый пономарь Кутейкинъ или блюдолизъ и шарлатанъ Вральманъ. Сатира захватывала очень широко, но отсутствіе критики было причиной того, что общество не поняло этой широты и даже самъ фон-Визинъ приписывалъ успѣхъ своей пьесы личности Стародума и считалъ ее однимъ изъ главныхъ достоинствъ своей комедіи. Послѣ „Недоросля" фон-Визинъ не написалъ уже ничего капитальнаго, и всѣ его произведенія въ томъ-же родѣ, какъ, напр., комедія „Выборъ гувернера", „Добрый наставникъ", собраніе статей,

носящихъ общее заглавіе „Другъ честныхъ людей, или Стародумъ“,—не что иное, какъ варьяціи на тему „Недоросля“. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ варьяцій исполнены ѣдкой ироніи и блестящихъ сарказмовъ и вмѣстѣ съ двумя названными комедіями представляютъ много матеріаловъ для характеристики теневыхъ сторонъ русской жизни. Въ образѣ несчастныхъ Тришекъ, Парашекъ, Еремѣевны, Простаковой, Сорванцова, „продающаго людей на службу отечеству“, мы видимъ крѣпостныя отношенія. Простаковъ, бригадирша, Митрофанушка, Скотининъ показываютъ, каковы были плоды, выросшіе на почвѣ крѣпостныхъ порядковъ и тупого невѣжества. Изображенія нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ нерѣдко переходятъ въ самую злую карикатуру. Вотъ что, напр., пишетъ Скотининъ къ своей сестрицѣ „одного помета“. „На сихъ дняхъ сдѣлалось у меня несчастье; я чуть было не дошелъ до отчаянности. Лучшая моя пестрая свинья, которую, изъ почтенія къ покойной моей родительницѣ, прозвалъ я ея именемъ, Аксиныя скончалась отъ заушницы. Сколько ни старался я объ ея излеченіи, но вижу, что и свинные врачи не искусѣе человѣческихъ. Лечили нѣсколько мѣсяцевъ, денегъ перевели пропасть, а кончилось дѣло кончиною моей дражайшей Аксиныи, которая была дороже жизни и всего завода. Она жила безпорочно. Я между женщинами многихъ Аксиній знаю, но моя жила цѣломудреннѣе ихъ. Какъ скоро мнѣ сказали, что она трудна, съ тѣхъ поръ не выходилъ я изъ хлѣва до послѣдняго ея издыханія. Она умерла геройски, не показывая никакого знака нетерпѣнія. Я, будучи также смертный, истинно, глядя на нее, учился умирать“. Въ личности Кутейкина и въ „Посланіи къ слугамъ“ въ первый разъ въ русской литературѣ выведенъ въ сатирическомъ свѣтѣ извѣстный „просвѣтительный“ общественный элементъ, такъ зло осмѣянный въ мемуарахъ талантливаго Добрынина. Бригадиръ, этотъ прототипъ грибоѣдовскаго полковника Скалозуба, является достойнымъ представителемъ другого общественнаго элемента. Для него шагистика—альфа и омега человѣческой премудрости. Онъ рекомендуетъ читать „артикуль и уставъ военный; не худо прочесть также инструкцію межовую молодому человѣку“. Въ казармѣ, на плацу, дома, въ гостяхъ онъ вездѣ одинаковъ, вездѣ готовъ пустить въ ходъ свою зубосокрушительную десницу, и заканчиваетъ одну изъ своихъ бесѣдъ съ сыномъ слѣдующимъ образомъ:

„Иванъ, не бѣси меня! Ты знаешь, что я разошь ребра два у тебя выхвачу!“ Рядомъ съ нимъ выступаютъ совѣтникиъ Взятвинъ и генералъ ***, взяточники и казнокрады, прикрывающіеся ханжествомъ, „благочестивыя души, предъ которыми всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ“. Въ „Дисъ-Казнодѣѣ“, въ „Вопросахъ“, во „Всеобщей придворной граматикѣ“ Фон-Визинъ смѣло задѣваетъ тѣ сферы и отношенія, которыя воспѣвали и идеализировали его современники, вродѣ Державина. Онъ выставляетъ на видъ привилегію ничего недѣланья извѣстнаго класса, государственныя заслуги „шутовъ и пышной“, господство лжи, которая есть „выраженіе души подлой предъ душою надменною. Она состоитъ изъ безстыдныхъ похвалъ большому барину за тѣ заслуги, которыхъ онъ не оказалъ, и за тѣ достоинства, которыхъ не имѣеть“. „Что есть число?—Число значитъ счетъ, за сколько подлостей сколько милостей достать можно.—Что есть падежъ?—Падежъ есть наклоненіе сильныхъ къ наглости, а безсильныхъ къ подлости. Впрочемъ, большая часть бояръ думаетъ, что всѣ находятъ передъ ними *въ внимательномъ* падежѣ; снискиваютъ-же ихъ расположеніе и покровительство обыкновенно падежомъ *дательнымъ*“.

Сатира фон-Визина имѣеть много общаго съ другими сатирическими произведеніями той эпохи, но она гораздо талантливѣе, шире и смѣлѣе всѣхъ ихъ. Въ ней есть и существенные недостатки, общіе всей тогдашней сатирѣ. Преслѣдуя „моду на умы, моду на знанія“, неразумныя увлеченія всѣмъ иностраннымъ, фон-Визинъ подчинялся господствовавшему тогда въ извѣстныхъ слояхъ общества настроенію, въ значительной степени враждебному петровской реформѣ. Люди, безусловно увлекающіеся европейскими понятіями и нравами, у него всѣ поголовно дураки и полуидіоты, а представители европейской образованности въ Россіи—Вральманы. Конечно, глупыхъ и поверхностныхъ французмановъ тогда было множество, и еслибы сатира бичевала ихъ во имя болѣе серьезнаго и глубокаго усвоенія началъ европейской цивилизаціи, то она оказала-бы великія услуги дѣлу общественнаго развитія. Къ сожалѣнію, нападая на ложное увлеченіе европейскимъ лоскомъ, на передразниваніе всего иностраннаго, что было, дѣйствительно, и пошло, и карикатурно, фон-Визинъ не сумѣлъ возвыситься до пониманія тѣхъ свѣтлыхъ началъ европейской цивили-

заціи, которыя были такъ необходимы русскому обществу. Во всякомъ случаѣ какъ ни пошла была масса французомановъ, они все-таки были лучше Скотининныхъ, бригадировъ и совѣтниковъ, искреннѣе, умнѣе, даже честнѣе ихъ. Какъ ни варьировать ихъ фон-Визинъ, но даже по его изображеніямъ можно убѣдиться въ этомъ. Вотъ, напр., Иванъ, сынъ бригадира, наслышавшійся либеральныхъ фразъ и отрицающій по модѣ всѣ авторитеты, задаетъ отцу вопросъ: „да какое вы право имѣете надо мною властвовать?“ — *Бригадиръ*. Дуралей! Я твой отецъ. — *Сынъ*. Скажите мнѣ, батюшка, не всё-ли животныя, les animaux, одинаковы? — *Бригадиръ*. Конечно, всѣ... — *Сынъ*. Послушайте, если всѣ животныя одинаковы, то вѣдь и я могу тутъ-же включить себя? — *Бригадиръ*. Для чего нѣтъ! — *Сынъ*. Очень хорошо; а когда щенокъ не обязанъ уважать того пса, кто былъ его отцомъ, то долженъ-ли я вамъ хотя малѣйшимъ уважениемъ? — Какъ ни тупъ сынъ, но онъ все-таки какъ-нибудь разсуждаетъ. Что-же отвѣчаетъ бригадиръ на его глупые софизмы? Онъ не способенъ дать никакого отвѣта и угрожаетъ только пустить въ дѣло свои кулаки. Онъ отвѣчаетъ сыну: „Что ты щенокъ, такъ въ томъ никто не сомнѣвается; однако, я тебѣ, Иванъ, какъ присяжный человѣкъ, клянусь, что ежели ты меня еще примѣнишь къ собакѣ, то скоро самъ съ рожи на человѣка походить не будешь. Я тебя научу, какъ съ отцомъ и заслуженнымъ человѣкомъ говорить должно. Жаль, что нѣтъ со мною палки!“ Пятое дѣйствіе „Бригадира“ начинается сценой, въ которой глупый французоманъ опять оказывается и умнѣе, и нравственнѣе людей стараго склада. „*Бригадирша*. Не упрямясь, Иванушка, для чего тебѣ не жениться? — *Сынъ*. Матушка, довольно видѣть васъ съ батюшкою, чтобъ получить совершенную аверсію къ женитьбѣ“. — *Бригадирша*. Какъ-же, Иванушка, вѣдь мы ужъ на словѣ положили? — *Сынъ*. Да я нѣтъ. — *Бригадирша*. Да что намъ до этого? Наше дѣло сыскать тебѣ невѣсту, а твое дѣло жениться. Ты ужъ не въ свое дѣло и не вступайся. — *Сынъ*. Какъ, ма шѣге, я женюсь, и мнѣ нужды нѣтъ до выбора невѣсты? — *Бригадирша*. И вѣдомо!..“ Всякій, конечно, согласится, что въ этихъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, случаяхъ масса французомановъ имѣла очевидный умственный перевѣсъ надъ людьми дожостровскаго міросозерцанія.

Что же касается основныхъ общественныхъ воззрѣній этой массы, то они нисколько почти не разнились отъ воззрѣній разныхъ Стародумовъ, такъ-что послѣднимъ не за что было нападать на французовъ въ этомъ отношеніи. Вотъ въ комедіи „Выборъ губернатора“ княгиня Слабоумова разсуждаетъ съ Сеумомъ о воспитаніи своего сына, котораго она непремѣнно хочетъ послать во Францію. „Сеумъ. Да слышали-ли вы, что во Франціи уже князей нѣтъ?—*Княгиня*. Это почти невѣроятно; я что-то и сама слышала, да не могу вѣрить. — *Сеумъ*. Неужели вы не имѣете понятія о французскихъ замѣшательствахъ?—*Князь*. Я вѣрю, что они велики, когда и князей поставили на одну доску со всѣми. — *Нельстецовъ*. Вашъ сынъ, пріѣхавъ во Францію, не будетъ уже князь.—*Княгиня*. Такъ я его не пошлю туда ни изъ чего“...

Отрицая французованію, фон-Визинъ подъ старость сталъ отрицать и движеніе прогрессивной европейской мысли XVIII вѣка. Онъ признавалъ за представителями ея извѣстное цивилизующее вліяніе, но считалъ его одностороннимъ и потому вреднымъ. „Они, правда, искореняютъ сильно предрасудки, да воротятъ съ корня добродѣтель“, говоритъ Стародумъ. Одного развитаго ума далеко не достаточно, чтобы быть хорошимъ человѣкомъ и доблестнымъ гражданиномъ. Прежде всего нужно заботиться не объ умѣ, а о сердцѣ, о развитіи добродѣтели. „Имѣй сердце, имѣй душу, и будешь человѣкъ во всякое время. На все прочее мода: на умы мода, на знанія мода, какъ на пряжки, на пуговицы“ (Стародумъ). „Объ исправленіи ума столь много нынѣ помышляютъ, сколь мало объ исправленіи сердца, не зная того, что добродѣтельное сердце есть первое достоинство человѣка и что въ немъ одномъ только искать и находить можно блаженство жизни нашей“ (Переписка, стр. 302). Для проведенія этихъ идей въ своихъ комедіяхъ, фон-Визинъ сочинялъ теоретическихъ героевъ, вроде Стародума, которые трактуютъ въ духѣ Екатерины и Бецкаго о необходимости реформировать основы воспитанія, которое создало-бы новую породу людей, украшенныхъ добродѣтелями и „изящнымъ сердцемъ“. Фон-Визинъ въ этомъ случаѣ плылъ по теченію и изъ роли сатирика переходилъ въ роль моралиста. И это самая слабая сторона фон-визинскаго таланта. Въ этомъ отношеніи мы воспользуемся оцѣнкой г. Стоюнина („Руководство для историч. изуч. рус-

ской литературы“, 3-е изд., 1673), оцѣнкой того міросозерцанія, котораго держался фон-Визинъ въ сферѣ своихъ отвлеченныхъ воззрѣній. Сдѣлавъ ложный выводъ, „будто наука безсильна нравственно развивать человѣка, въ воспитаніи стали давать ей неважное мѣсто, учили *слегка, чему-нибудь и какъ-нибудь*, чтобы только наполнить праздное время, но не разсуждали о томъ, что безъ науки нѣтъ прочнаго основанія для нравственности, которая тверда только тогда, когда ея начала будутъ ясно сознаны и обратятся у человѣка въ убѣжденія. Въ странахъ образованныхъ, гдѣ наука уже утвердилась издавна, такой взглядъ на науку не могъ принести большого вреда; но у насъ было совсѣмъ другое дѣло. У насъ нужно было особенно ухаживать за наукой, чтобы привлечь къ ней жизненныя силы, а этихъ-то заботъ о ней и не доставало въ новой системѣ воспитанія. Отсюда и произошло, что она не произвела той новой породы, которой ожидали; люди, наиболѣе образованные и дѣятельные, выходили изъ другихъ заведеній, гдѣ наука помогала развитію духовныхъ силъ; они оправдывали стремленія Ломоносова и составляли главныя силы русскаго просвѣщенія“. А между тѣмъ фон-Визинъ, вмѣстѣ съ другими, видѣлъ въ своемъ идеальномъ воспитаніи залогъ общественнаго спасенія отъ золь и основу для другого орудія государственнаго совершенствованія—*правосудія*. Въ его комедіяхъ зло и порокъ искореняются идеальными людьми, вроде Правдина и Добролюбова, которые то-и-дѣло твердятъ, что „мы счастливы тѣмъ, что всякій можетъ прямо идти къ вышнему правосудію“ (соч., стр. 29), что намѣстники „съ ревностью помогаютъ страждущему человѣчеству“ (стр. 57), что „мы видимъ своими глазами“ господство въ Россіи самой примѣрной справедливости (стр. 101) и т. д. Эти мнѣнія въ значительной степени были мотивированы извѣстными обстоятельствами. Другіе сатирики того времени вынуждены были карать заднимъ числомъ; фон-Визинъ-же выводилъ настоящее, сегодняшнее зло, но тутъ-же и пресѣкалъ его дѣйствіемъ „вышняго правосудія“. Но при всемъ томъ, что онъ сочинялъ теоретическихъ представителей этого правосудія, самая теорія о немъ была ему въ высшей степени сочувственна. Эта теорія выработана не имъ самимъ, а заимствована съ того-же Запада, который ему такъ не нравился и на которомъ она была до извѣстной степени осуществляема Іосифомъ II, Фридрихомъ II

и др. „Великій государь есть государь премудрый, говорить Стародумъ. — Его дѣло показать людямъ прямое ихъ благо. Слава премудрости его та, чтобы править людьми, потому что управляться съ истуканами нѣтъ премудрости... Дстойный престола государь стремится возвысить души своихъ подданныхъ“. Та-же идея проводится въ похвальномъ словѣ Марку-Аврелію и въ „Жизни Сифа“. Въ послѣдней прославляется мудрая царица, которая издавала прекрасные законы, „добродѣтель свою посвящала благополучію своихъ подданныхъ, знатныхъ особъ честь сохранить старалась, но притомъ не допускала ихъ преступить предѣлы должнаго себѣ повиновенія, народныя тягости облегчала своимъ милосердіемъ“ и т. д. Въ „Словѣ“ на выздоровленіе цесаревича Павла Петровича фон-Визинъ излагаетъ тотъ-же идеаль уже специально по отношенію къ Россіи. „Буди правосуденъ, милосердъ, чувствителенъ къ бѣдствіямъ людей, и вѣчно въ ихъ сердцахъ ты будешь обитать. Не ищи другія себѣ славы. Любовь народа есть истинная слава государей. Будь властелиномъ надъ страстями своими и помни, что тотъ не можетъ владѣть другими со славою, кто собой владѣть не можетъ. Внимай единой истинѣ и чти лести измѣною“. Тотъ-же самый идеаль выражался и въ одахъ Державина, но у послѣдняго онъ представлялся уже осуществленнымъ, между тѣмъ какъ у правдиваго, чуждаго лести фон-Визина это былъ, дѣйствительно, идеаль и этотъ идеаль долго послѣ того еще жилъ въ передовой русской литературѣ. Такъ въ посланіи Жуковскаго добрый правитель народа долженъ:

„Жить для вѣковъ въ величій народномъ,
 Для блага всѣхъ свое позабывать,
 Лишь въ голосъ отечества свободномъ
 Съ смиреніемъ дѣла свои читать“, и т. д.

Этотъ идеаль господствовалъ въ Европѣ въ XVIII в. и увлекалъ всѣхъ мыслящихъ людей, послѣдователей которыхъ въ этомъ случаѣ является фон-Визинъ. Въ своихъ воззрѣніяхъ на дворянство онъ также былъ сыномъ своего времени; если онъ не раздѣлялъ воззрѣній г-жи Простаковой, то не особенно далеко и уклонялся отъ нихъ. Его очень занималъ вопросъ о нравственномъ возрожденіи дворянства. „Чѣмъ можно возвысить упавшія души дворянства? Какимъ образомъ выгнать изъ сердецъ нечувственность къ достоинству бла-

городнаго званія? Какъ сдѣлать, чтобы почтенное титуло дворянина было несомнѣннымъ доказательствомъ душевнаго благородства? Но какъ осуществить подобныя идеалы—этого, конечно, не могъ рѣшить фон-Визинъ, и ему оставалось только рисовать ихъ отвлеченное осуществленіе, какъ это дѣлали и многіе другіе, напр., кн. Щербатовъ... „Если-бы такъ должность исполняли, какъ о ней твердятъ, говоритъ Стародумъ, — всякое состояніе людей осталось-бы при своемъ любочестіи и было-бы совершенно счастливо. Дворянинъ, напр., считаль-бы за первое безчестье не дѣлать ничего, когда есть ему столько дѣла, есть люди, которые помогать, есть отечество, которому служить. Тогда не было-бы такихъ дворянъ, которыхъ благородство, можно сказать, погребено съ ихъ предками“. Но фон-Визинъ былъ достаточно уменъ для того, чтобы, не удовлетворяясь этой отвлеченной моралью и этими утопическими идеалами, перейти на почву практическихъ соображеній. Онъ желаетъ, чтобы „въ университетахъ преподавалась истинная наука“ (соч., стр. 254), чтобы судебныя и финансовыя дѣла предавались гласности (стр. 204), чтобы человѣческая личность высоко уважалась государствомъ. Онъ—искренній другъ мира и врагъ войны, „неприносящихъ ни малѣйшей пользы, кромѣ пустой славы“ (стр. 275). Онъ, въ лицѣ Стародума, сожалѣетъ о томъ, что у насъ нѣтъ великихъ ораторовъ. „Истинная причина малаго числа ораторовъ еще недостатокъ въ случаяхъ, при какихъ-бы даръ краснорѣчія могъ показаться. Мы не имѣемъ тѣхъ народныхъ собраній, кои витіи большую дверь въ славу отворяютъ. Демосфенъ и Цицеронъ въ той землѣ, гдѣ даръ краснорѣчія въ однихъ похвальныхъ словахъ ограниченъ, были-бы риторы не лучше Максима Тиранина, а Прокоровичъ, Ломоносовъ, Елагинъ и Поповскій въ Афинахъ и Римѣ были-бы Демосфены и Цицероны. Пресвященные наши митрополиты Гавріиль, Самуиль, Платонъ суть наши Толотсоны и Бурдалу; а разныя мнѣнія и голоса Елагина, составленные по долгу званія его, доказываютъ, какого рода и силы было-бы россійское витійство, еслибы мы имѣли гдѣ разсуждать о законѣ и податяхъ и гдѣ судить поведеніе министровъ, государственнымъ рулемъ управляющихъ“ (стр. 249). Въ то-же время фон-Визинъ думалъ объ улучшеніи условій литературной дѣятельности, чтобы писатели могли „возвысить громкій голосъ противъ злоупотребле-

ній и предрасудковъ, вредящихъ отечеству“, не боясь „ни одной робкой души, обитающей въ тѣлѣ знатнаго вельможи“.

Такимъ образомъ, упомянутое выше недовольство Европой и даже предпочтеніе ей Россіи вовсе не было у фон-Визина своекорыстнымъ или самодовольнымъ оптимизмомъ. Въ Европѣ онъ отвергалъ старыя порядки; онъ не мирился съ ними и въ отечествѣ. Тѣ вліянія, подъ которыми онъ находился, тѣ сферы, въ которыхъ онъ вращался, дали его мысли направленіе, не совѣмъ соотвѣтствовавшее истиннымъ потребностямъ общества. Но онъ былъ честнѣйшимъ представителемъ этого направленія и однимъ изъ немногихъ честнѣйшихъ русскихъ писателей XVIII в. Онъ имѣлъ полное право сказать о себѣ:

сердца моего товаръ

За деньги я не продаю.

Будучи современникомъ Державина, онъ въ нравственномъ отношеніи былъ совершенною противоположностью послѣдняго. „Фон-Визинъ, говоритъ Добролюбовъ, — не умѣлъ вполне понять великой Екатерины и, вслѣдствіе этого, онъ не пользовался расположеніемъ при дворѣ. Это былъ, конечно, одинъ изъ умнѣйшихъ и благороднѣйшихъ представителей истиннаго, здраваго направленія мыслей въ Россіи, особенно въ первое время своей литературной дѣятельности, до болѣзни; но его горячія, безкорыстныя стремленія были слишкомъ непрактичны, слишкомъ мало общались существенной пользы предъ судомъ императрицы, чтобы она могла поощрять ихъ. И она сочла за лучшее не обращать на него вниманія, показавъ ему предварительно, что путь, которымъ онъ идетъ, не приведетъ ни къ чему хорошему“. Главнымъ поводомъ къ неудовольствію на фон-Визина были его откровенныя „Вопросы сочинителю Былей и Небылицъ“, т. е. Екатеринѣ. Для поддержанія своей репутаціи, эти вопросы пришлось помѣстить въ „Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова“ и давать на нихъ изворотливыя отвѣты. Скрытое раздраженіе замѣтно въ каждомъ отвѣтѣ, а въ 15-мъ выражено уже прямо недовольство авторомъ. Раздраженіе Екатерины было такъ сильно, что фон-Визинъ счелъ за нужное извернуться и написать къ сочинителю „Былей и Небылицъ“ новое письмо. „Признаюсь, говоритъ онъ, — что благоразумные ваши отвѣты убѣдили меня внутренно, что я самаго добраго намѣренія исполнить не умѣлъ и что не

могъ дать моимъ вопросамъ приличнаго оборота. Сіе внутреннее мое убѣжденіе рѣшило меня заготовленные еще вопросы отбѣнить, не столько для того, чтобъ невиннымъ образомъ не быть обвиняемому въ *свободоязычїи*, ибо у меня совѣсть спокойна, сколько для того, чтобъ не подать повода другимъ къ дерзкому *свободоязычїю*, котораго всею душою ненавижу“. Хотя, отсылая эти письма для напечатанія къ вн. Дашковой, Екатерина писала, что она „радуется о возвращеніи на путь истинный заблудшей овцы“, но въ сдѣланномъ ею въ письму примѣчаніи видно то-же скрытое раздраженіе, какъ и въ отвѣтахъ. Либеральныя бесѣды фон-Визина въ частныхъ кружкахъ и ходившія въ рукописяхъ его сочиненія, какъ, напр., „Придворная грамматика“, еще болѣе усиливали это неудовольствіе. Когда фон-Визинъ, по порученію гр. Н. Панина, написалъ для наслѣдника одно политическое разсужденіе, въ которомъ коснулся государственныхъ преобразованій, то Екатерина сказала въ кругу своихъ приближенныхъ: „плохо мнѣ приходится жить! Ужь и г. фон-Визинъ хочетъ учить меня царствовать!“ Въ 1788 г., уже больной, фон-Визинъ затѣялъ издавать сатирической журналъ „Стародумъ“, но не получилъ дозволенія. Въ 1790 г. онъ принялся переводить Тацита и писалъ по этому случаю къ императрицѣ, но отвѣтъ былъ тоже неблагопріятный.

„Всѣ медики единогласно утверждаютъ, что стихотворецъ паче всѣхъ людей долженъ апоплексїи опасаться, писалъ фон-Визинъ въ 1769 году, по поводу своихъ нервныхъ страданій. — Бѣдная жизнь, тяжкая работа и скоропостижная смерть—вотъ чѣмъ пинтъ отъ прочихъ тварей отличается“. Предчувствіе фон-Визина оправдалось: въ 1785 г. его разбилъ параличь, отнявшій у него лѣвую руку и ногу и сильно поразившій языкъ. Лечение не имѣло никакого успѣха, и болѣзнь сдѣлала добродушнаго, веселаго фон-Визина чрезвычайно раздражительнымъ и мрачнымъ, довершивъ тотъ ужасный переломъ, который начался въ немъ еще въ молодости. Опъ счелъ болѣзнь за наказаніе и за призывъ къ покаянію, какъ это дѣлали многіе его современники, грѣшившіе и вольничавшіе до паралича. Такъ, въ „С--Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1779 г. 30-го мая говорится: „Тепловъ въ присутствіи палъ. Кончина его весьма страшною подобнымъ была. Черезъ три дня рѣчь отнята и былъ мучимъ велико. А послѣ того

началъ говорить, открываясь передъ духовникомъ и передъ всѣми: я не почиталъ ни церкви, ни Бога и святыхъ его гнушался, и нынѣ пропадаю. Вы-жь, слышашіе, господа генералитеты, видя столь мучительную мою кончину, кайтесь и будьте добродѣтельными“. То-же было и съ фон-Визиномъ. Сидя въ московской университетской церкви, онъ, указывая на свои разбитые члены, говорилъ студентамъ: „дѣти, возьмите съ меня примѣръ: я наказанъ за вольнодумство; не оскорбляйте Бога ни словомъ, ни мыслью“. Въ одно изъ своихъ старческихъ размышленій, фон-Визинъ самъ рассказываетъ, какъ отразилась болѣзнь на его дѣятельности. „Всѣмъ, знающимъ меня, извѣстно, что я стражду отъ слѣдствія удара апоплексическаго; не болѣе, какъ втеченіи года поразили меня четыре таковыхъ удара, но Господь всегда отвращалъ вознесшуюся на меня злобу смерти. Воспоминаю то, что лишился я пораженныхъ членовъ въ то время, когда, возвратясь изъ чужихъ краевъ, упоенъ былъ мечтою о моихъ знаніяхъ, когда безумное на разумъ мой надѣянье изъ мѣръ выходило и когда, казалось, представлялся случай къ возвышенію въ суетную знаменитость, тогда Всевидѣць, зная, что таланты мои могутъ быть болѣе вредны, нежели полезны, отнялъ у меня самого способъ изъясниться словесно и письменно и просвѣтилъ меня въ разсужденіи меня самого“. Это мрачное настроеніе фон-Визина имѣло много сходнаго съ предсмертною психическою болѣзнию другого, позднѣйшаго сатирика, Гоголя. То-же самое раскаяніе въ своей молодой дѣятельности, то-же самое разочарованіе и исканіе душевнаго успокоенія во внутреннемъ примиреніи съ самимъ собою. Письма перваго очень сходны съ „Избранными мѣстами переписки“ втораго. „Авторскую исповѣдь“ Гоголя также можно поставить рядомъ съ „Чистосердечнымъ признаніемъ въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ“ фон-Визина. Причины, вызвавшія эти произведенія двухъ нашихъ сатириковъ, однѣ и тѣ-же; но Гоголь въ послѣднюю эпоху своей жизни, окончательно сбитый съ толку своими московскими друзьями, возбуждаетъ крайне непріятное впечатлѣніе тою ролью самозваннаго пророка, какую онъ принялъ на себя, тѣмъ смиреніемъ, которое служило только покровомъ самолюбія и надменности. „Признаніе“-же фон-Визина дышетъ почти дѣтскою искренностью, и, читая его, проникаешься невольнымъ сожалѣніемъ къ этой

драматической борьбѣ съ самимъ собою. Еще болѣе грустное чувство навѣвается дневникомъ фон-Визина за 1786—1789 гг. Это не дневникъ, а буквально скорбный листъ, исторія болѣзни несчастнаго писателя. Два раза втеченіи этой семилѣтней болѣзни наставляли для фон-Визина свѣтлыя промежутки, когда онъ оживалъ нравственно и начиналъ писать съ прежнею силою. Въ 1788 г. онъ затѣялъ издавать журналъ. Передъ смертью онъ написалъ комедію „Гобмейстеръ“, потерянную. Иванъ Дмитріевъ такъ описываетъ свою встрѣчу съ нимъ у Державина, наканунѣ его смерти. „Пріѣхалъ фон-Визинъ. Увидя его въ первый разъ, я вздрогнулъ и почувствовалъ всю бѣдность и нищету человѣческую. Онъ вступилъ въ кабинетъ Державина, поддерживаемый двумя молодыми офицерами, выпущенными изъ шлювскаго кадетскаго корпуса и пріѣхавшими съ нимъ изъ Бѣлоруссіи. Уже онъ не могъ владѣть одной рукою, равно и одна нога одервенѣла; обѣ пораженны были параличомъ; говорилъ съ крайнимъ усиліемъ и каждое слово произносилъ голосомъ охриплымъ и диеимъ; но большіе глаза его быстро сверкали. Онъ сказалъ хозяину, что привезъ ему свою комедію „Гобмейстеръ“; хозяинъ и хозяйка изъявили желаніе выслушать эту новость. Онъ подалъ знакъ одному изъ своихъ вожатыхъ. Тотъ прочиталъ комедію однимъ духомъ. Впродолженіи чтенія авторъ глазами, киваніемъ головы, движеніемъ здоровой руки подкрѣплялъ силу тѣхъ выраженій, которыя ему самому нравились. Игривость ума не оставляла его и при болѣзненномъ состояніи тѣла. Несмотря на трудность разсказа, онъ заставлялъ насъ не однажды смѣяться. Во всемъ уѣздѣ, пока онъ жилъ въ деревнѣ, удалось ему найти одного русскаго литератора, городского почтмейстера. Онъ выдавалъ себя за жаркаго почитателя Ломоносова. „Которую-же изъ одъ его вы признаете лучшею?“ — „Ни одной не случилось читать“, отвѣтствовалъ почтмейстеръ. За то, продолжалъ фон-Визинъ, доѣхавъ до Москвы, я уже не зналъ, куда дѣваться отъ молодыхъ стихотворцевъ. Отъ утра и до вечера они вокругъ меня роились и жужжали. Однажды докладываютъ мнѣ: пріѣхалъ трагикъ. „Принять его“, сказалъ я, и черезъ минуту входитъ авторъ съ пучкомъ бумагъ. Послѣ первыхъ привѣтствій и оговорокъ, онъ просить меня выслушать трагедію его въ новомъ вкусѣ. Нечего дѣлать, прошу его садиться и читать. Онъ предвѣряетъ меня, что раз-

вязка драмы его будетъ самая необыкновенная: у всѣхъ трагедіи оканчиваются добровольнымъ или насильственнымъ убійствомъ, а его героиня, или главное лицо, умретъ естественною смертію. И въ самомъ дѣлѣ, заключилъ фон-Визинъ, — героиня его отъ акта до акта чахла, чахла и, наконецъ, скончалась“. Это былъ послѣдній свѣтлый промежутокъ въ болѣзненномъ состояніи фон-Визина и послѣдній день его жизни. Назавтра, 1 декабря 1792 года, онъ умеръ 48 лѣтъ отъ роду.

Своею сатирою, своимъ отрицаніемъ извѣстныхъ общественныхъ волей фон-Визинъ принесъ, конечно, большую пользу и литературѣ, и обществу. Онъ былъ первымъ крупнымъ талантомъ, низведшимъ литературу изъ заоблачныхъ высотъ на почву дѣятельности и направившимъ ее на борьбу съ недостатками и зломъ невѣжества и крѣпостного права. При нормальныхъ условіяхъ жизни и литературной дѣятельности онъ сдѣлалъ-бы, конечно, несравненно больше сдѣланнаго имъ. Но русская жизнь, лишивъ его возможности нормального развитія, настроила его на очень исключительный и узкій ладъ. Не говоря уже о внѣшнихъ препятствіяхъ, всѣ другія условія его жизни и дѣятельности были въ высшей степени неблагоприятны. Вступивъ въ общество, въ которомъ боролись новыя идеи съ старыми, онъ, не обладая никакими убѣжденіями, подчиняется попеременно двумъ противоположнымъ вліяніямъ и окончательно отдается тому изъ нихъ, которое соотвѣтствовало впечатлѣніямъ и преданіямъ его дѣтства. Добродушный, искренній, безкорыстный, онъ проникается духомъ фрондерской партіи, осваивается съ ея привычками и взглядами и становится служителемъ ея идеаловъ. Чрезмѣрные наслажденія молодости рано губятъ его здоровье, и болѣзнь, отражаясь на свѣтломъ умѣ его, окончательно укрѣпляетъ сатирика на несвойственномъ ему пути. Онъ много работаетъ надъ своими идеалами, но создаетъ только утопическихъ героевъ, и подкладкою сатиры является у него проповѣдь объ исправленіи нравовъ. Правда, онъ предлагаетъ мѣры къ практическому усовершенствованію общества, но его планы не развиты и сильно отзываются духомъ того замкнутого кружка, въ которомъ онъ вращался. Онъ хлопочетъ о воспитаніи народа, но разумѣетъ подъ нимъ не научное образованіе, а нравственное исправленіе, и тѣмъ содѣйствуетъ подрыву значенія науки, какъ одного изъ существенныхъ факторовъ народнаго развитія. Да о

народномъ развитіи у фон-Визина собственно и рѣчи не было. Изобразивъ зло крѣпостного права, онъ не сказалъ ни слова объ его уничтоженіи, а своими выходками противъ сословныхъ предразсудковъ даже поддерживалъ, хотя ненамѣренно, тѣхъ-же Простаковыхъ и Скотининныхъ, которыхъ онъ каралъ своей сатирой. Онъ былъ достаточно уменъ и честенъ, чтобы видѣть зло, но обстоятельства лишили его возможности понимать действительныя средства къ искорененію его. Поэтому его сатира не имѣла никакой естественной связи съ его-же собственными идеалами. Сатира его была порождена тѣми понятіями и чувствованіями, которыми былъ проникнутъ фон-Визинъ въ самомъ началѣ своей дѣятельности; идеалы-же его сформировались совершенно подъ другими вліяніями. Оттого такъ и тяжело читать его произведенія, въ которыхъ, дѣйствительно, реальное зло перемѣшано съ отвлеченною моралью и утопическіе идеалы пришиты бѣлыми нитками къ самой ослзательной, некрасивой дѣйствительности. Фальшивость тенденцій сдѣлала то, что фон-Визинъ не могъ имѣть такого благотворнаго развивающаго вліянія на литературу и общество, какое онъ имѣлъ-бы въ томъ случаѣ, еслибы ограничился одною сатирой, чуждой всякой тенденціи. Поэтому его отвлеченныя стремленія, его положительные идеалы не имѣли въ обществѣ достаточныхъ условій для своего осуществленія; что-же касается его моральныхъ доктринъ, то онѣ могли принести на общественной почвѣ только такіе плоды, которые не имѣли ничего общаго съ принципомъ сатиры. Идеалы фон-Визина, подобно мистическимъ идеаламъ другого современнаго ему сатирика, Новикова, служили укорененію домостроевскихъ началъ, а сатира его и до сихъ поръ можетъ служить въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ средствомъ для возбужденія прогрессивныхъ идей.

С. Шашковъ.

ВОЛОНТЕРЪ:

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ПЕРЕСА ГАЛЬДОСА.

(Переводъ съ испанскаго).

ГЛАВА I.

Городъ Сольсона, который давно уже пересталъ быть епископатою и крѣпостью и успѣлъ даже забыть свой гербъ, изображавшій золотой крестъ, золотой замокъ и золотой цвѣтокъ на полѣ, усѣянномъ львиными пастями, въ смутныя времена начала XIX вѣка пользовался репутаціею одного изъ самыхъ безобразныхъ и скучныхъ мѣстечекъ, несмотря на свои громадныя стѣны, на свои новыя стройныя колокольни, на свой древній римскій замокъ—остатокъ прежнихъ славныхъ временъ—и несмотря даже на свой монументальный соборъ. Мѣстечко это гордилось теперь болѣе всего пышными куполами своихъ четырехъ монастырей, служившихъ вѣкогда убѣжищемъ для набожныхъ людей и постояннымъ источникомъ благочестивыхъ размышленій для горожанъ. Оно имѣло вавилонски-многочисленное населеніе, въ цѣлыхъ двѣ тысячи пятьдесятъ шесть душъ *).

Эти 2,056 жителей — надо правду сказать — занимали по-

---

*) Сольсона лежитъ въ Каталоніи, верстахъ въ 120 отъ Барселоны внутри материка.

Прим. переводчика.

четное мѣсто въ промышленномъ мірѣ за свои восемь ножевыхъ фабрикъ, три ламповыхъ и еще нѣсколько другихъ, менѣе важныхъ. Они занимались также выращиваніемъ муловъ, которыхъ закупади въ Пиринеяхъ, воздѣлывали фруктовыя деревья, свойственныя Каталоніи, и пользовались нѣкоторою репутаціею за умѣнье разводить домашнюю птицу, а также стрѣлять дичь, изобилующую въ горахъ и по берегамъ богатыхъ водою рѣкъ.

19-го сентября 1810 года французы, точно буря, ворвались въ Сольсону и, надѣлавъ много множество всякихъ глупостей, принялись опустошать соборъ, разрушать башни и сбрасывать колокола съ колоколенъ. Потомъ они бросились въ монастырь и съ монахинями творили такія дѣла, что лучше уже и не говорить. Доминиканская пустынь св. Саломона, основанная въ 1573 году однимъ маркизомъ, носившимъ это имя, подверглась такой участи, которая надолго осталась въ памяти инокинь. Много сокровищъ исчезло въ этотъ ужасный день; пустынь осталась даже безъ великой чаши и безъ паникадилъ. Исчезли и картины, и статуи; а одинъ изъ корпусовъ западнаго крыла монастырскихъ зданій былъ разрушенъ пушками, такъ-что трапеза нижняго этажа и шесть келій верхняго просто обратились въ развалины.

Монастырь св. Саломона заслуживаетъ самаго полнаго нашего вниманія. То было зданіе, состоявшее изъ многихъ разнохарактерныхъ частей и напоминавшее старый плащъ изъ дорогой, но выцвѣтшей ткани, заштопанный скверными тряпками. Здѣсь видѣлся остатокъ благороднаго овальнаго стиля, преобладающаго въ Каталоніи, тамъ — римскіе своды, дальше — ворота въ стилѣ Чурригеры *) и рядомъ — колонны безсмысленной архитектуры прошлаго столѣтія, кирпичныя оштукатуренныя стѣны, перегородки изъ булыжника, надтреснутыя пристройки, крыши, накупившіяся, какъ широкая шляпа, бискайскія окна чердаковъ, окруженныя выбѣленными деревянными рамами, рѣшетки, покрытыя мохомъ и полузавѣшенныя полусгнившими жалюзи, въ отверстія которыхъ монахины едва-ли могла-бы просунуть свой низинецъ, деревянныя подпорки, заплаты, сисящіяся прикрыть разрушенія, нанесенныя временемъ или ядрами пушекъ, маленькая колокольня, на которой едва сохранилось небольшое било, и т. д. Сло-

*) Извѣстнаго испанскаго архитектора.

Прим. переводчика.

вомъ, монастырь представлялъ собою стараго бойца, упорно державшагося противъ времени, невзгодъ и войны, но державшагося хорошо, залечивая свои раны, переживая свои невзгоды, какъ Богъ поможетъ, и общая себѣ еще долготѣнее существованіе вплоть до грядущихъ вѣковъ, несмотря на всѣ опухоли, нарывы, перевязки, припарки и деревашки.

Помѣщался монастырь св. Саломона на оконечности города, въ самой пустынной его части — тамъ, гдѣ начинается дорога въ Гуардиолу и Перакампсъ, поднимающаяся вслѣдъ затѣмъ на крутой склонъ одного изъ отроговъ сосѣднихъ горъ. Несмотря на жалкій внѣшній видъ монастыря, въ немъ не знали тогда нищеты; сальсонцы увѣряли даже, что въ Сан-Саломонѣ все дышало полнымъ благосостояніемъ и обиліемъ. Доминиканскій орденъ никогда не жаловалъ абсолютной бѣдности: онъ всегда былъ скорѣе аристократиченъ и всегда отбывалъ у другихъ орденовъ благородныхъ сеньоровъ, которыхъ влекли въ монастырь или истинное благочестіе, или несчастная любовь, или, наконецъ, невозможность занять въ свѣтѣ высокое положеніе. Двадцать двѣ сеньоры, принявшія монашество по одной изъ этихъ трехъ причинъ, жили въ то время въ Сан-Саломонѣ. Всѣ онѣ жили порознь, каждая въ своей собственной кельѣ, кушая каждая особо у себя и держа служанокъ; нерѣдко случалось, что нѣкоторыя сестры не кланялись другъ другу при встрѣчѣ и не говорили между собою: онѣ были въ ссорѣ; наконецъ, были и такія сестры, которыя ненавидѣли другъ друга до глубины души.

Монастырь пользовался большою славой во многихъ отношеніяхъ, но въ особенности въ кулинарномъ искусствѣ. Въ немъ, какъ гласила молва, заготовлялось столько варенья, сколько монашескія руки способны приготовить его во всѣхъ другихъ монастыряхъ, нынѣшнихъ и грядущихъ, вмѣстѣ взятыхъ; молва гласила далѣе, что тамъ приготавливались, съ пособіемъ самой нечистой силы, всѣ самыя вкусныя и хитрыя блюда иностранной кухни; нигдѣ нельзя было найти хоть сколько-нибудь подобнаго тому, что выходило изъ печей, съ плитъ и изъ духовыхъ шкафовъ Сан-Саломона. Еще не такъ давно былъ живъ одинъ изъ самыхъ горячихъ защитниковъ этого неоспоримаго первенства; отецъ Меркадеръ, благочинный Агерскій, который нѣкогда былъ вапе-

ланомъ въ монастырѣ. Старый, больной, онъ воскресалъ при одной мысли о вкусныхъ обѣдахъ, приславшихся ему изъ монастыря въ торжественные дни, объ обѣдахъ, отличавшихся тѣмъ, что святая матери всегда съумѣютъ, бывало, приготовить такое блюдо, какого нигдѣ не дѣлывала ни одна повариха: онѣ сами выдумывали новыя кушанья и всегда умѣли соединить прелесть самой обаятельной новизны со вкусомъ въ высшей степени тонкимъ и пикантнымъ. Ихъ умѣнье изготвить обѣдъ, способный довести человѣка до восторга, строго соблюдая при этомъ законы поста—это умѣнье не имѣло границъ. Самый великопостный обѣдъ, строжайшимъ образомъ удовлетворяя уставамъ постничества, могъ служить источникомъ самыхъ возвышенныхъ гастрономическихъ наслажденій. И всѣ помнили, какое глубокое впечатлѣніе произвелъ въ средѣ духовенства одинъ обѣдъ, приготовленный ими на страстной: такой рыбной амброзіи никто никогда не вкушалъ, ни прежде, ни послѣ; ее помнятъ до сихъ поръ, ей завидуютъ еще и теперь. Довольно сказать: поссорившись изъ-за права на наибольшую долю этого обѣда, капеланъ и пѣвчій семь лѣтъ не говорили другъ съ другомъ.

Но довольно о кухнѣ.

ГЛАВА II.

Впродолженіи цѣлыхъ сорока лѣтъ, псаломщикомъ монастыря былъ человѣкъ честный и набожный, по-имени Хосе Арменголь. Чувствуя приближеніе смерти, онъ постоянно горевалъ о томъ, что не оставитъ послѣ себя наследника, которому могъ-бы передать свое мѣсто. Дѣтей у него больше не было, съ тѣхъ поръ, какъ единственный сынъ его умеръ на войнѣ отъ раны. Но у него былъ внукъ, правда, очень молодой, и онъ часто подумывалъ, какъ хорошо было-бы, если-бы благочестивыя монахини воспитали ребенка въ страхѣ и благочестіи, обучили его набожнымъ обязанностямъ псаломщика и приняли на мѣсто дѣда. Желаніе старика исполнилось, и Арменголь умеръ спокойно, когда мать-настоятельница общала ему, что мальчикъ заступитъ его мѣсто.

Цепета выписали изъ горъ Серданьи, гдѣ онъ воспитывался

до сихъ поръ, вольный и дикій, какъ птица, близко знакомый съ хвойными лѣсами горныхъ вершинъ, съ уединенными ущельями, съ шумными и быстрыми потоками и съ торжественнымъ величіемъ мрачной Кадійской Кордильеры *). Ему было двѣнадцать лѣтъ, когда онъ увидалъ себя подлѣ матери-настоятельницы, которая, положивъ ему на голову свою морщинистую руку, сказала торжественно-добродушнымъ голосомъ:

— Дитя, Господь благословилъ тебя, предназначивъ, хотя и недостойнаго, служить въ этомъ домѣ. Тебѣ выпала великая честь: немногіе въ твои годы бывають такъ счастливы. Докажи намъ, что ты заслужилъ милость господню и способенъ поддерживать доброе имя твоего дѣда.

Пепеть смотрѣлъ со страхомъ на настоятельницу. Онъ не понималъ, что все это значить, но чувствовалъ, что поступить подъ власть этихъ сеньоръ, блѣдныхъ, страшнаго вида, покрытыхъ бѣлыми платками и въ черныхъ платьяхъ. Онъ хотѣлъ-было протестовать, но ни голоса; ни смѣлости не хватило у него.

Первую ночь въ монастырѣ онъ провелъ безпокойно: его мучили страшныя грѣзы, въ которыхъ носились передъ нимъ блѣдныя лица, мертвыя очи, застывающія улыбки и ледяной видъ монахинь. Ихъ спокойная и неслышная походка скорѣе внушала ему страхъ, чѣмъ уваженіе. Онъ дрожалъ при звукахъ ихъ тихихъ голосовъ, напоминавшихъ ему шопотъ отдаленнаго ручья... Но дни проходили, и первое впечатлѣніе ослабѣло: ребенокъ привыкъ смотрѣть на монахинь безъ страха, какъ на очень добрыхъ сеньоръ, гораздо болѣе добрыхъ, чѣмъ женщины, съ которыми онъ встрѣчался прежде.

Пепеть учился своимъ обязанностямъ у одного причетника, нанятаго временно для этой цѣли изъ монастыря Богородицы дель-Клаустро. Человѣкъ строгій и сдержанный, братъ Тиньебласъ, конечно, обращался-бы северно со своимъ ученикомъ за его высокоумѣрный замыселъ тоже сдѣлаться со-временемъ причетникомъ, если-бы ему не мѣшали монахини, рѣшительно всѣ принявшія мальчижа подъ свое покровительство.

Такимъ образомъ, мальчикъ быстро входилъ въ свое ремесло,

*) Въ Каталоніи.

Примѣч. перев.

и мать-настоятельница, надзирая со своего мѣста за первыми шагами своего избранника, не разъ говаривала съ гордостью, что этотъ темный отпрыскъ будетъ достойнымъ наслѣдникомъ прочнаго дерева, именовавшагося Хозе Арменголемъ.

Черезъ два мѣсяца послѣ поступленія въ монастырь, Пепеть былъ свидѣтелемъ одного зрѣлища, оставившаго слѣдъ въ его душѣ. Въ этотъ день было великое торжество. Храмъ блестѣлъ огнями, которыхъ горѣло столько, что одинъ Пепеть зажегъ болѣе двухсотъ свѣчей. Лѣтъ только-что наступало, и алтари были буквально покрыты массами свѣжихъ, душистыхъ цвѣтовъ, нѣжно ласкавшихъ обоняніе. Вѣрующіе толпились въ храмѣ, спора за мѣста и чуть не удушая слабыхъ. Сеньеръ архіепископъ, сопровождаемый множествомъ канониковъ и раціонеровъ, вышелъ изъ главнаго алтаря и вошелъ въ сакристию. Платья духовенства горѣли золотомъ и дорогими каменьями, а въ хорѣ раздавались мелодичные звуки органа, сливаясь съ нѣжными голосами монахинь. Пепеть смотрѣлъ и слушалъ, какъ очарованный, и въ душу его проникала какая-то невѣдомая еще экзальтированность: онъ и раньше страстно любилъ все торжественное, громкое и таинственно-прекрасное.

Но удивленіе будущаго псаломщика достигло высшей степени, когда онъ увидалъ, что въ ряду монахинь, собравшихся въ передней части хора, появилась дѣвушка замѣчательной красоты. Она была одѣта въ роскошный нарядъ. Искрящіеся драгоценные камни украшали ея шею, на которую спускались, величественно и граціозно, прекраснѣйшіе черные волосы. Ея чудное лицо было такъ-же блѣдно, какъ воскъ свѣчи, горѣвшей въ ея рукѣ. Она не поднимала съ пола своихъ глазъ, не шевелила ни опущенными рѣсницами, ни блѣдными губами: она стояла, какъ статуя, какъ мертвая.

Епископъ говорилъ очень много по-латыни, и всѣ прочіе говорили по-латыни, и Пепеть—съ ними, хотя и не понималъ ни слова изъ того, что заучилъ на память, а органъ акомпанировалъ имъ мягко, нѣжно, точно пѣлъ пѣсню любви, точно стройный хоръ пастушьихъ рожковъ на пышныхъ весеннихъ лугахъ. Народъ млѣлъ въ удивленіи и восторгѣ; многіе плакали. Латинскія изліянія, музыка и слезы доходили до апогея, когда Пепеть замѣтилъ, что всѣ подошли къ красавицѣ-дѣвушкѣ, ко-

торая, казалось, уже умерла; они сняли съ нея ея драгоценные камни, сорвали съ ея груди цвѣты и потомъ... Пепеть почувствовалъ, что кровь закипаетъ въ его жилахъ... онъ услышалъ звуки ножицъ. Ужасное преступленіе! Они обрѣзали ей волосы!.. Маленькое сердце мальчика наполнилось удушающею, неопределимою, вулканическою злобою, и, самъ не помня какъ, онъ бросился впередъ и съ отчаяніемъ крикнулъ:

— Злодѣи!.. Мучители!..

Произошло смятеніе. Пепеть, упавшій въ обморокъ, былъ поднятъ съ пола. Епископъ засмѣялся, а за нимъ — и остальные.

Когда Пепеть потомъ оправился, Тиньблассъ вывелъ его изъ сакрестіи; но мальчикъ съ этой минуты почувствовалъ, что цѣлая масса новыхъ мыслей зародилась въ его умѣ; въ его совѣсти начался какой-то разладъ. Онъ слушалъ равнодушно рѣчь каноника, съ кафедры уговаривавшаго сольсонскихъ дѣвушекъ послѣдовать примѣру благородной дѣвицы, покинувшей роскошь своего дома и ласки родительскія, чтобы стать невѣстой Христа и обречь себя на жизнь, полную смиренія и раскаянія въ этой небесной обители. Онъ разслушалъ только, что имя красивой дѣвушки, принявшей монашество, было — Теодора де-Арансисъ-и-Пеньяфортъ и что она племянница графа Миралькампа.

Вскорѣ послѣ этого событія, Пепеть опасно заболѣлъ упорною лихорадкою. Когда ему стало лучше, святая матери, понимая, какъ нужны больному ребенку развлеченія, позволили ему играть каждый день съ сосѣдними ребятишками, собиравшимися всегда около полудня на берегу Черной рѣчки, гдѣ имъ бывало полное раздолье для всевозможныхъ школьничествъ и для ихъ любимой игры въ солдаты. Здѣсь собирались войска, вооруженныя деревянными саблями и въ большихъ бумажныхъ шляпахъ; здѣсь брались приступомъ непреступныя крѣпости, защищались высокіе замки и разрушали каконадю (каменною, конечно) другіе замки; и здѣсь герои могли стяжать безсмертныя лавры, получая славныя раны, вслѣдъ за которыми обыкновенно получалась еще порка родителей или школьнаго учителя.

Немного потребовалось времени, чтобы Пепеть проявилъ свои высокіе таланты въ этомъ обществѣ, гдѣ такъ вѣрно оцѣнивались военныя способности. Мальчикъ обладалъ тѣмъ обаяніемъ, которое часто возвѣщаетъ въ дѣтствѣ будущее превосход-

ство. Онъ былъ храбръ, наносилъ сильные удары, не прощаль проступковъ противъ дисциплины, изобрѣталъ самые удивительные планы сраженій и перестрѣловъ камнями и смѣло рѣшалъ всякіе споры, какъ личные, такъ и тѣ, которые возникали вслѣдствіе антагонизма между главными начальниками храбраго войска. Онъ помнилъ обо всемъ, наблюдалъ за всѣмъ; былъ смѣлъ въ рекогносцировкахъ, героиченъ въ сраженіяхъ, остороженъ въ отступленіяхъ, всегда предвидѣлъ всякую мелочь. Шла-ли рѣчь о запасахъ, необходимыхъ для крѣпости, чтобы выдержать осаду, онъ искусно умѣлъ направить мародеровъ въ сосѣдніе сады, или на грабежъ крестьянскаго дома, въ минуту отсутствія хозяевъ. Много ударовъ выпадало на долю храбраго войска въ такихъ набѣгахъ, уши часто и подолгу болѣли у мародеровъ, но большею частью понесенные труды и раны съ избытками вознаграждались запасами похищеннаго винограда, грушъ и персиковъ.

Пепеть не поднимался по лѣстницѣ чиновъ; онъ сразу сталъ генераломъ за свою природную смѣлость и энергію и удержался бы съ честью на своемъ постѣ, если-бы его славной карьеры не прервала лихорадка, полученная на Черной рѣчкѣ, — притонъ всякихъ зловредныхъ мязмовъ. Много дней провелъ ребенокъ между жизнью и смертью; но заботы добрыхъ матерей спасли его.

Бѣдный генераль жилъ съ Тиньбласомъ въ квартирѣ причетника, — просторной, сводчатой комнатѣ, находившейся подъ главнымъ алтаремъ. Одна дверь изъ нея выходила на дворъ монастыря, и хотя по уставу этой двери слѣдовало постоянно быть запертой, для чего на ней имѣлся даже громадной засовъ съ замкомъ, но святые матери держали ее открытою втеченіи дня, чтобы ходить въ комнату Пепета и ухаживать за нимъ: грѣхъ выкупался своею хорошею цѣлью. Мать-настоятельница и сестра Теодора больше другихъ занимались этимъ похвальнымъ дѣломъ.

Выздоровленіе Пепета шло трудно и медленно. Онъ былъ худъ и блѣденъ; большіе глаза страшно смотрѣли на исхудаломъ лицѣ. Едва онъ былъ въ состояніи немного ходить, добрая старая Теодора де-Арансисъ и прекраснѣйшая сестра Ангаса де-Сан-Франсиско стали водить его въ солнечные дни подъ руки по двору и по саду. Они садились на скамейку, и здѣсь онъ проводилъ

долгіе часы, скрестивъ руки и уставивъ глаза въ землю. А когда онъ немного окрѣпъ, монахини старались развлечь его чѣмъ-нибудь; известно, что ничто такъ не укрѣпляетъ ребенка, какъ занимающая его какая-нибудь игрушка, а потому сестра Теодора, ужъ начинавшая пользоваться общею симпатіею въ Сан-Саломонѣ за свою доброту, — граціею и красотою она давно уже выдавалась среди всѣхъ, — однажды сказала ребенку:

— Бѣдный Пепеть, какъ жалко, что у насъ нѣтъ въ монастырѣ хоть какой-нибудь плохойки игрушки, чтобы развлечь тебя!

Пепеть улыбнулся, смотря въ прекрасныя глаза монахини, чарующую силу которыхъ онъ уже не разъ испытывалъ.

— Чего-бы ты хотѣлъ? Скажи мнѣ, я посмотрю, нельзя-ли достать... чего-бы тебѣ хотѣлось?

Пепеть промолчалъ, продолжая смотрѣть съ чувствомъ, похожимъ на экстазъ. Спрошенный еще разъ, онъ отвѣчалъ:

— Я хочу... да, сеньора, я хочу...

— Что?

— Барабанъ, рѣшительно сказалъ, наконецъ, ребенокъ.

Монахиня засмѣялась.

— Я знаю, что ты большой вояка, замѣтила она, — но у насъ ничего нѣтъ такого. Вотъ-бы забавно было, еслибы вдругъ здѣсь началъ гремѣть барабанъ! Нѣтъ, ты это выкинь изъ головы, бѣдный Пепеть... Не сдѣлать-ли тебѣ шляпу изъ бумаги и саблю; ты будешь гулять по саду, какъ генераль.

И, не дожидаясь отвѣта, монахиня побѣжала въ свою келью и скоро вернулась, неся шляпу, сдѣланную изъ бумаги, на которой сажали въ печь пирожное, и шпагу, вмѣсто шпаги. Давая ихъ Пепету, она съ гордостью сказала:

— Видишь, какъ скоро сдѣлала... Хорошо?

Пепеть не шевельнулся, чтобы завладѣть доспѣхами. Онъ далъ надѣть себѣ шляпу; но глаза его блеснули, и онъ оттолкнулъ шпагу, говоря:

— Мнѣ нужна не деревянная шпага, а желѣзная.

ГЛАВА III.

Наконецъ, Пепеть выздоровѣлъ. Проходили годы; ребенокъ

подросталь, а въ монастырѣ жизнь инокинь текла по-прежнему спокойно и приятно. Преимникъ Арменголя выказывалъ такія способности къ своей службѣ, что, наконецъ, монахини отпустили его учителя, брата Тиньбласа.

Точный въ исполненіи своихъ обязанностей, почтительный съ матерями, всегда исправный и фанатично привязанный къ религіи, Пепеть становился образцовымъ причетникомъ. Его сосредоточенный характеръ, его обращеніе — скорѣе пасмурное, чѣмъ любезное — и самая жесткость рѣчи не составляли недостатка въ лицѣ, занимавшемъ этотъ постъ: всѣ хвалили его за строгость. Онъ забывалъ шумныя игры дѣтства; въ кабаки не ходилъ; не тратилъ словъ на споры, ни денегъ на пирушки, ни времени на пустяки, чуждые его обязанностей.

Такъ достигъ онъ восемнадцати лѣтъ, вполне здоровый, ведя скучную и методическую жизнь и оставаясь вполне цѣломудренными.

Роста онъ былъ ниже средняго, сухой, крѣпкій, легкій въ движеніяхъ. Лицо его не было красиво; одни только глаза поражали твердостью и живостью взгляда; онъ могъ видѣть такъ далеко, что, казалось, скорѣе угадывалъ отдаленные предметы, чѣмъ разсматривалъ ихъ. Его густыя брови близко сходились другъ съ другомъ и подчасъ совершенно сдвигались. Цвѣтъ лица его былъ землястый; губы — толстыя, зубы — крѣпкіе; на подбородкѣ видѣлся шрамъ, полученный въ одной изъ битвъ на Черной рѣчкѣ; высокій лобъ обрамленъ черными волосами, густыми, какъ щетина. Его живость и легкость поражали всѣхъ; онъ могъ безъ усталы видѣлывать самыя удивительныя гимнастическія упражненія и каждый годъ приводилъ въ изумленіе всѣхъ монахинь, когда приготавлилась иллюминація въ монастырѣ.

Когда Арменголю было восемнадцать лѣтъ, онъ получилъ прозвище, заставившее скоро забыть его настоящее имя. Дѣло случилось такъ. Извѣстно, что во время разграбленія монастыря французами, въ 1810 году, исчезло много дорогихъ для монахинь вещей и, между прочимъ, всѣ колокола. Съ тѣхъ поръ, въ монастырѣ имѣлось только чугунное било, въ которое колотили, чтобы сзывать къ обѣднѣ и на трапезу; а время отъ времени на немъ можно было даже учинить родъ трезвона, вызывавшаго

самыя язвительныя насмѣшки во всей Сольсонѣ. „Ну, постукиваютъ монахини въ свою ступку“, говорили остряки, а другіе прибавляли: „видно, нынче праздникъ у святыхъ матерей — *затмиликами* своими бубенчиками“.

Жалкій звукъ била и послужилъ основаніемъ для прозвища Пепету. Однажды, когда онъ шелъ по площади, проходящая женщина сказала: „здравствуй, сеньоръ Тилинъ“. И съ тѣхъ поръ, когда онъ гулялъ, размышляя, по Темной улицѣ, ребяташки, прячась за углами и корча рожицы, стали постоянно кричать ему: „Тилинъ! Ти-линъ!“ и сами бросались бѣжать во всѣ лопатки при первой попыткѣ преслѣдованія.

Трудно сказать, какой таинственный законъ управляетъ распространеніемъ подобныхъ прозвищъ, какъ закрѣпляются они и какъ приобретаютъ вѣковѣчность, несравненно большую, чѣмъ самыя премудрыя изрѣченія философовъ. Несомнѣнно одно, что съ этихъ поръ у Пепета Арменголя не было другаго имени, какъ Тилинъ, послѣ чего такъ и звали его Тилиномъ во всю послѣдующую его жизнь.

Неизвѣстно также, какимъ образомъ проникали въ монастырь всѣ новости и сплетни изъ внѣшняго міра; но несомнѣнно, что онѣ проникали въ это святилище покоя и аскетизма. И вотъ, въ одинъ вечеръ, когда Пепеть сидѣлъ и разговаривалъ на дворѣ съ матерью Теодорою де-Арансисъ, къ которой онъ относился со времени своей болѣзни съ самымъ теплымъ обожаніемъ, монахиня сказала ему, улыбаясь:

— Тилинъ, принеси мнѣ воску, я буду дѣлать цвѣты. Что же ты стоишь, Тилинъ? Не слышишь, что я тебѣ говорю? Да иди-же скорѣе, Тилинъ!

Съ этой минуты Пепеть помирился со своимъ прозвищемъ.

Капеланъ Сан-Саломона, человекъ ученый и начитанный, долгое время старался познакомить своего сослуживца съ теологіей. Но попытка не удалась: Пепеть оказался до такой степени неспособнымъ въ латыни, что капеланъ Мосенъ Криспи де-Тортеля назвалъ своего ученика тупоумнымъ и неотесаннымъ. Однако, Тилинъ проводилъ цѣлыя часы въ бібліотекѣ капелана, зачитываясь историческими сочиненіями и забывая за ними весь остальной міръ. Напрасно Мосенъ Криспи дѣлалъ ему выговоры за нелюбовь къ поэтамъ и ученымъ богословамъ: Тилинъ, вѣр-

въ своихъ привязанностяхъ, все болѣе и болѣе влюблялся въ Плутарха, Тита Ливія, Масду, Маріана, словомъ, во всѣхъ тѣхъ, кто много говорилъ о войнахъ, о набѣгахъ, сраженіяхъ, геройскихъ подвигахъ, штурмахъ и осадахъ.

Въ это время характеръ Пепета сталъ совсѣмъ мрачнымъ: во время службы онъ бывалъ иногда до того разсѣянъ, что приходилось ему выслушивать выговоры святыхъ матерей. Года четыре продолжался мрачный періодъ въ жизни Тилина, а съ нимъ и воркотня матери-настоятельницы. Сестра Теодора де-Арансисъ тоже морщила брови. Она одна умѣла ласково выговаривать Пепету за его вины, тономъ матери, хотя все еще чрезвычайно красивая монахиня была старше Тилина не болѣе, какъ лѣтъ на десять. Однажды, улучивши минуту, чтобы серьезно поговорить съ нимъ, встрѣтившись въ саду, она начала:

— Тилинъ, ты ведешь себя не такъ, какъ должно псаломщику, даже не такъ, какъ должно хорошему человѣку. Мать-настоятельница говорила, что если ты будешь все также пренебрегать своими обязанностями, она вынуждена будетъ отпустить тебя.

— Такъ и будетъ, сенбора? съ выраженіемъ ужаса воскликнулъ Тилинъ.

— Не знаю, можетъ быть, и нѣтъ. Я все еще надѣюсь, что ты справишься.

— Исправиться! возразилъ Тилинъ съ горечью. — Что-же значить, по вашему, исправиться?

— Дѣлать все, какъ слѣдуетъ: не сбиваться во время обѣдн, держать въ чистотѣ паникадила, зажигать всѣ свѣчи, словомъ, дѣлать такъ, какъ дѣлалъ прежній Тилинъ — человѣкъ золотой, рачительный, исправный.

— Прежній Тилинъ! пробормоталъ Пепетъ. — Ахъ, то былъ ребенокъ, а теперь я — человѣкъ.

— Человѣкъ? Что-жь, договаривай, прибавь еще: человѣкъ честолюбивый.

— Сенбора, воскликнулъ Тилинъ съ внезапною энергіею, поразившею красивую монахиню, — посадить меня псаломщикомъ — все равно, что дать чорту въ руки кадилицу... Нѣтъ, конечно, конечно...

— Ахъ, сьумасшедшій, сказала Теодора де-Арансисъ съ вол-

неніемъ. — Такъ-то ты обращаешься съ бѣдными монахинями за то, что онѣ воспитали тебя? Неблагодарный!..

— Сенъора, я самъ не знаю, что говорю, отвѣтилъ Тилинъ, проводя рукою по своему высокому лбу, похожаму на бронзовый сводъ, обрамленный густыми волосами. — Бываютъ минуты, когда я становлюсь просто съумасшедшимъ, и самъ не знаю, что со мной дѣлается... Я не могу забыть, какъ многимъ я вамъ обязанъ... Я не хочу оставить монастыря; но я хочу... хочу доказать, что Тилинъ годится на что-нибудь лучшее, чѣмъ на должность псамошника.

— Тилинъ, ты честолюбивъ, ты мечтатель, грѣшникъ, котораго пожираетъ жгучая жажда мірскаго счастья, сказала схимница, настолько заинтересованная этою темою, что ея щеки стали покрываться легкимъ румянцемъ. — Тобой овладѣлъ сатана, и онъ хочетъ втянуть тебя въ міръ, въ самый омутъ нечестія. Ты погубишь свою душу, Тилинъ... милый мой, сдерживайся, голубчикъ, съночекъ... Вотъ братъ мой, я его очень люблю: онъ былъ такой-же честолюбивый, какъ ты, и погубилъ себя. Онъ ушелъ изъ отцовскаго дома, бросился въ круговоротъ свѣта, и теперь — изгнанникъ, развращенный яacobинствомъ. Еслибъ ты зналъ, какъ онъ измучилъ нашу старушку-мать, а она такъ любила его!

Теодора скрестила руки, какъ-бы умоляя, и казалось, изъ ея раскрасѣвшихся глазъ немедленно брызнуть слезы.

— Чего-же ты хочешь? Куда ты стремишься? продолжала она. — Ты хотѣлъ-бы... быть богатымъ?

— Нѣтъ.

— Занимать высокій постъ?

— Нѣтъ.

— Но, еслибы ты ушелъ изъ нашей святой обители, чѣмъ ты желалъ-бы быть?

Тилинъ поднялъ голову и, сверкнувши глазами, быстро отвѣтилъ:

— Солдатомъ, воинномъ.

— А! воскликнула шутиво Теодора де-Арансисъ, срывая цвѣтокъ и нюхая его. — Такъ тебѣ хотѣлось-бы убивать людей!.. Хорошее занятіе!.. Впрочемъ, что-жь? Можно быть воинномъ и святымъ въ то-же время. Вѣдь были-же св. Фердинандъ, великомученикъ Георгій, св. Людовикъ. И въ самомъ небѣ есть

силы ангельскія, предводительствуемыя архистратигомъ Михаиломъ.

Глубокое огорченіе на лицѣ Пепета ясно говорило, что онъ стремится въ ряды не небснаго воинства, а земного.

— Я несчастный, я грежу на-яву, пробормоталъ онъ слабымъ голосомъ.— Если вы не будете смѣяться надо мною, я расскажу вамъ все, что чувствую и думаю; рассказъ мой удивитъ васъ, но вы почувствуете ко мнѣ... самъ не знаю что: либо жалость, либо симпатію.

— А, можетъ быть, и то, и другое. Я тебя слушаю.

Монахиня сѣла на каменную скамью; Пепеть—на возлѣ стоявшую тачку съ землею.

ГЛАВА IV.

— Да, сеньора, сказалъ Тилинь,— у меня нѣтъ призванія къ церковной службѣ, ни къ тому, чтобы жить среди монахинь. Съ самаго дѣтства, когда я бродилъ одинокій въ Кадійскихъ горахъ, перепрыгивая съ утеса на утесъ, скатываясь въ пропасти, раздирая себѣ кожу о колючки, прячась въ пещерѣ, гдѣ живутъ дикіе звѣри, переходя бурливые потоки, ломая сучья и пробираясь въ чащахъ, какъ вепрь, прокладывая себѣ дорогу зубами,—съ тѣхъ поръ, сеньора, у меня была одна мысль... Какая?.. Надѣлать побольше шума въ свѣтѣ. Мнѣ казалось, что мнѣ предназначено совершать перевороты, бороться... и побѣждать; всѣ мои сраженія должны были кончиться побѣдой, такъ, чтобы у ногъ моихъ лежали злодѣи, непризнавшіе сразу моего величія.

Монахиня улыбнулась.

— Я зналъ, что сеньора будетъ смѣяться надо мной. Оно естественно; конечно, дѣтскія грезны! Говорятъ, всѣ дѣти такъ-же мечтаютъ, какъ я; но каждый мечтаетъ согласно своимъ вкусамъ. Одинъ воображаетъ себя епископомъ и раздастъ благословенія на всѣ стороны; другой актеромъ, который тѣшитъ народъ, и мечтаетъ о рукоплесканіяхъ. А меня ничто такъ не увлекло, какъ мечта—взять въ руки мечъ противъ многихъ враговъ, разбить ихъ и поставить мой законъ превыше всѣхъ законовъ... Съ тѣхъ поръ я, конечно, узналъ нѣсколько жизни и подѣ-часъ посмѣивался надъ своими грезами, какъ сеньора сейчасъ смѣялась... Но какъ тяжело смѣ-

яться надъ самимъ собою, надъ тѣмъ, что было грезомъ и видѣннѣмъ съ самаго дѣтства!.. Многое великое стало мелкимъ въ моихъ глазахъ... Я выросъ, я сталъ человѣкомъ, но все-таки грезы не покидаютъ меня. Нѣтъ, нѣтъ, я не на то родился, чтобы похоронить себя въ стѣнахъ монастыря.. Во мнѣ двѣ жизни: жизнь псаломщика и жизнь воина; въ одной—я зажигаю свѣчи, служу въ обѣднѣ, чищу паникадила, звоню въ било, въ другой — я командую войскомъ, беру крѣпости, разрушаю города, жгу села, уничтожаю старыя границы и создаю новыя, и все это я дѣлаю, не переставая быть тѣмъ-же Тилиномъ, не гордясь собою, не впадая въ роскошь, не употребляя другой пищи, кромѣ той, которую ѣсть простой солдатъ на полѣ битвы. Кусокъ сухого мяса и стаканъ вина, голая земля, вмѣсто постели, и пушечный лафетъ, вмѣсто подушки, а барабанъ... чтобы писать на немъ мои приказы; всегда храбрый, сеньора, но всегда простой—вотъ истинный путь къ величію!

Сестра Теодора де-Арансисъ смотрѣла на Пепета со смѣсью любопытства и удивленія. Потомъ машинально, какъ пѣвчій вторяетъ въ хорѣ знакомый стихъ, она сказала:

— Суета суеть!

— Я думалъ иногда, сеньора, что одна изъ этихъ жизней дана мнѣ Богомъ Вседержителемъ, а другая — злымъ демономъ, чтобы погубить меня. Но нѣтъ! Сатана тутъ не причемъ. Самъ Богъ вдохнулъ въ меня этотъ огонь. Есть вещи, которыя могутъ быть только отъ Бога; это легко узнать, и я знаю, что оно такъ: когда я думаю о войнахъ, то мнѣ грезится, что я ихъ дѣлаю лишь только для того, чтобы возстановить справедливость, чтобы наказать злодѣевъ, чтобы превыше всего поставить религію, превыше всѣхъ людей — возвеличить Господа Бога.

Теодора сидѣла въ задумчивости, опершись щекою на одну руку и медленно качаясь всѣмъ тѣломъ... Она уже не повторила „суета суеть“, а сказала:

— Продолжай, Тилинъ... продолжай.

— Господь, сказалъ онъ, — привелъ меня въ библіотеку г. капелана, гдѣ книги окончательно увлекли меня, когда я прочелъ въ нихъ то, о чемъ я думалъ, и увидалъ въ живыхъ то, что до тѣхъ поръ носилось въ грезахъ. Читая, я воображалъ

себя совершающимъ эти подвиги въ другую, давно прошедшую, забытую эпоху. Я говорилъ себѣ: „что разъ бывало, то можетъ повториться, я такой-же человѣкъ, какъ Цезарь“. Но, взглянувъ на мой подрясникъ, я падалъ, какъ птица, подстрѣленная пулей, когда она взлетаетъ на воздухъ... Мой подрясникъ!.. Вотъ гдѣ сидитъ, сеньора, настоящій дьяволъ: въ моемъ подрясникѣ!

Тилинъ ударилъ кулакомъ по каменной скамьѣ съ такою силою, точно его рука была виною всѣхъ его несчастій.

— Да, сеньора, продолжалъ онъ.— Моимъ демономъ я называю эту проклятую судьбу, которая поставила меня въ глупое положеніе. Псаломщикъ женскаго монастыря! Нѣтъ, сколько я ни читалъ, а нигдѣ я не видѣлъ, чтобы кто-нибудь изъ великихъ воиновъ былъ въ юности псаломщикомъ. Случались всякіе скачки, изъ самыхъ низшихъ классовъ до самаго высокаго положенія, но —ничего подобнаго!.. Псаломщикъ женскаго монастыря!.. Нѣтъ, начать жизнь въ сакристіи и кончить ее въ Капитоліѣ, или на поляхъ Мантиней, или въ Нарвѣ, гдѣ Барль XII съ восемью тысячами шведовъ разбилъ 80,000 русскихъ! Судьба всѣхъ этихъ людей видна была съ дѣтства; да и самыя ихъ имена были такія, что могли перейти въ потомство: Эламинондъ, Фернандо Кортесъ, великій Фридрихъ; но ни одинъ изъ нихъ не достигъ-бы высокаго положенія, если-бы ихъ звали такъ, какъ меня зовутъ. Ахъ, это имя — моя смерть, мое рабство. Носить его, все равно, что быть запертымъ за чугуною дверью. Скажите мнѣ, сеньора-мать, со всею откровенностію, развѣ это не такъ? Развѣ Фернандо Кортесъ могъ-бы завоевать Мексику, если-бы его звали Тилиномъ? Нѣтъ, вы не найдете ни одной книги, озаглавленной: „Завоеваніе такого-то царства королемъ Тилиномъ I“, или „Реляція о побѣдѣ Тилина надъ императоромъ такимъ-то“.

Горькія усмѣшки бѣднаго Пепета обличали въ немъ и самую горячую энергію, и самую нѣжную скромность. Обнаруживался львенокъ, сохранившій еще на губахъ молоко своей матери. Теодора внимательно смотрѣла на него; въ ея головѣ бродили, путаясь, мысли, которыя рѣдко посѣщаютъ голову монахини. Она молчала, боясь сказать однимъ словомъ слишкомъ много.

— И не въ одномъ себѣ, продолжалъ Тилинъ съ отчаяніемъ,— вижу я препятствія къ осуществленію моихъ замысловъ. На свѣтѣ

нѣтъ уже болѣе войнъ. Все тихо. Испанія хочетъ мира и мира. Съ тѣхъ поръ, какъ мы прогнали французовъ, а за ними либераловъ, ничего не осталось дѣлать. Нѣтъ узурпатора, вторгнувшагося въ страну; нашъ король — законный, истинный король, и никто не посмѣетъ поднять на него руку. Ничего... миръ и миръ, сеньора, — вотъ все, что мы видимъ вокругъ.

— Миръ? переспросила Теодора де-Арансисъ съ граціозною кривіею.

— Да, сеньора, миръ.

— Но я его не вижу.

Монахиня наклонила свою красивую шею и покачала головой, поднимая брови съ выраженіемъ истинно-свѣтскимъ.

— Я не вижу ничего, кромѣ войны, сказала она, помолчавъ и смотря передъ собою, какъ-будто глядѣлась въ зеркало.

— Но гдѣ-же эта война?

— Въ Испаніи.

— Въ Испаніи? У насъ нѣтъ теперь войны.

— Она будетъ, твердо сказала Теодора.

— За что? Развѣ у насъ нѣтъ короля? Развѣ либералы могутъ подняться еще разъ?

— Нѣтъ. Но масоны окончательно подкопали тронъ.

— Тронъ? воскликнулъ Пепеть, совершенно растерявшись. — Онъ прочище, чѣмъ гдѣ-либо на свѣтѣ.

— Не совѣтъ.

— Вѣдь наше правленіе — неограниченное?

— На-половину; правленіе съ доброю примѣсю масонства, а ужъ масоны вовсе не охотники до того, чтобы поставить религію на высоту... Да я вижу, что ты ничего не смыслишь, Ти-линъ. Мы вотъ никогда не выходимъ изъ монастыря, а лучше тебя знаемъ, что дѣлается на свѣтѣ. Конечно, въ библіотекѣ ты ничего не узнаешь, кромѣ сказаній о прошломъ. Погоди, я объясню тебѣ все, вѣря въ твою скромность; ты вѣдь уважаешь меня и долженъ хранить тайну, которой никто не знаетъ, кромѣ очень немногихъ.

Тилинъ горячо обѣщалъ сеньорѣ быть нѣмымъ, какъ могла. Она собралась съ духомъ и начала такъ:

— Ты глубоко ошибаешься, думая, что нашъ предстоитъ миръ. Нѣтъ, сынъ мой; насъ ждетъ война, и война самая ужасная.

Все еще осталось много сдѣлать. Пораженіе либераловъ еще ни къ чему не привело; все осталось по-прежнему: религія затоптана, инквизиція не восстановлена, монастыри — нищенствуютъ, прелаты не имѣютъ никакой власти. Гдѣ тѣ великіе дни, когда духовникъ короля управлялъ народомъ? Печатаются книги, враждебныя религіи, съ духовенствомъ никто не совѣтуется, а многое, очень многое дѣлается даже противъ его воли. Какой позоръ! Правда, кортесовъ больше нѣтъ, но есть совѣтъ и министры, которые всѣ — свѣтскіе и не вхохновляются небеснымъ свѣтомъ истины. Конечно, правятъ не либералы, но ихъ духъ всѣмъ управляетъ, и секты, ужасныя секты масоновъ остались нетронутыми. Войско, все абсолютно состоящее изъ масоновъ, осталось нераспущеннымъ, а королевскихъ волонтеровъ не хотятъ организовать. Тысячи ужасныхъ нововведеній совершились со времени того страшнаго потрясенія *), и болѣе нѣтъ тѣхъ очистительныхъ учрежденій, которыя столько помогли святости нашего королевства, т. е. инквизиціи. Что за позоръ! Правда, много льготъ дано духовенству, но все хорошее захватили въ свои руки яansenисты, а лучшіе люди, работавшіе словомъ и снагою, на кафедрѣхъ и на полѣ битвы, остались невѣдомыми, въ тѣни. Они ходятъ на волѣ, гордо поднявши голову, — тѣ, которые, подъ именемъ національныхъ волонтеровъ, были убійцами монаховъ и монахинь; и масонство достигло самаго трона... самаго трона, Тилинь!

Пепеть, пораженный, озадаченный, слушалъ эти рѣчи монахини, лившіяся съ твердостью и глубокою вѣрою и становившіяся еще болѣе увлекательными, благодаря красотѣ говорившей. Онъ не раскрывалъ рта и слушалъ Теодору, какъ ангела, слетѣвшаго съ небесъ, чтобы повѣдать правду людямъ.

— Этотъ тронъ, который такъ дорого намъ стоилъ, продолжала Теодора съ горячимъ энтузіазмомъ, — этотъ тронъ, который мы защищали сперва отъ французовъ, а потомъ отъ либераловъ, не удовлетворяетъ требованіямъ католицизма. Религія еще не восторжествовала, а она должна побѣдить. Сант-Яго, нашъ славный покровитель, не допуститъ, чтобы его полчища оставались сложа руки. Противъ масонства, противъ правленія сатаны возстанетъ религія, правленіе Бога. Все, что противится, а если и

---

*) Войны за независимость въ 1812 году.

не противится, то мѣшаетъ торжеству святой вѣры, падеть, а если тронъ будетъ мѣшать, то и онъ также падеть. Я вижу, ты задумываешься, Тилинъ, ты пугаешься моихъ рѣчей?

— Нѣтъ, сеньора, нѣтъ; Тилинъ никогда не пугается великихъ дѣлъ, великихъ замысловъ, страшныхъ столкновений между людьми, внезапныхъ переворотовъ и никакихъ ужасныхъ проявлений человѣческой природы... Но я не думалъ, не подозревалъ, чтобы права нашего короля, столь любимого, могли-бы быть подвергнуты сомнѣнiю.

— Грѣхъ падеть на того, кто не сумѣлъ идти по пути, начертанному Провидѣнiемъ, живо возразила экзальтированная монахиня. — Ты не знаешь развѣ, что есть князь, всѣмъ извѣстный, ревностный католикъ, любимый своимъ народомъ, ревностный послѣдователь вѣрнѣй церкви, показавшiй каждымъ своимъ поступкомъ, что онъ живетъ въ святой вѣрѣ и для вѣры? Этотъ князь окружилъ себя самыми учеными мужами, самыми добродѣтельными прелатами, самыми дальновидными людьми изъ духовенства и набожными изъ свѣтскихъ; для него религiя стоитъ выше всего земного, выше народовъ и царствъ; этотъ князь исповѣдуются и приобщается св. таинъ каждую недѣлю, подавая прижѣръ всѣмъ земнымъ владыкамъ, и онъ никогда не разстается съ иконою Пречистой Дѣвы — его лучшей покровительницы и совѣтницы... Желаетъ знать больше? Говорить тебѣ дальше?

— Да, да! воскликнулъ Тилинъ. — Не любопытство меня мучить, а лихорадка жжетъ.

— Религiя должна восторжествовать, а чтобы она восторжествовала, ей нуженъ защитникъ, сказала монахиня, принимая голосъ и позу сивилы. — Ты говоришь, что будетъ миръ, а я говорю — будетъ война, жестокая война... Я ничего не скажу тебѣ о твоёмъ назначенiи, о твоей судьбѣ: ты самъ будешь знать, что дѣлать. Одно я хотѣла показать тебѣ: что времена теперь вовсе не такiя глухiя, какъ ты думалъ; что готовятся великiя, громкiя, героическiя событiя; что воинское призванiе и нынѣ не запоздало и что человѣкъ можетъ называться Тилиномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ...

И, быстро мѣняя тонъ и вставая, она прибавила:

— Однако, вечерѣетъ... Какъ поздно! Тилинъ, бѣги, звони Angelus... Что скажетъ мать-настоятельница, если увидитъ, что

я тутъ такъ заболталась! Бѣги, другъ, бѣги... Ты точно совсѣмъ обезумѣла!..

Монахиня торопливо удалилась. Тилинъ, неподвижный, слѣдилъ, какъ она скрывалась подъ низкою аркою монастырскаго двора, подобно тѣни, расплывшейся во мракѣ ночи. Медленно направился онъ къ сакристїи и, взявъ въ руки било, началъ звонить Angelus. И доска разливала свои глухіе звуки далеко за Сольсону, вплоть до ближайшихъ предгорїй; казалось, она возвѣщала это смѣшное прозвище, которое вскорѣ будетъ именемъ героя, воспевающая настойчиво: Ти-линъ, Ти-линъ.

— Господи Іисусе, Матерь Божїя и Іосифъ! охала мать-настоятельница. — Вотъ выдумалъ, какъ звонить Angelus! Что онъ, съума сошелъ, что-ли? Точно набать бьетъ.

А сосѣди говорили: „А монашки-побрякушки никакъ на пожаръ звонять“.

ГЛАВА V.

Прошло много дней, наступалъ мартъ 1827 года, а сестра Теодора де-Арансисъ болѣе не вступала съ псаломщикомъ въ такіе долгіе и горячіе разговоры, какъ вышеописанный. Пепеть становился все разсвѣннѣе и дѣлалъ подчасъ такія упущенія, которыя приводили въ ужасъ сестеръ и набожныхъ людей. Иногда онъ проводилъ цѣлыя ночи въ городѣ; нравъ его становился все угрюмѣе и рѣзче.

Однажды вечеромъ, въ апрѣлѣ, двѣ дамы прїѣхали въ монастырь и вошли въ наружную прїемную. Одна изъ нихъ была чрезвычайно красива, роскошно одѣта, съ величавою походкою, лѣтъ подъ сорокъ, какъ можно было судить по ея наружности. Одѣта она была роскошно и изысканно. Донья Хосефина Комерфордъ, — такъ называлась эта историческая личность — была уже увядающею красотою, но это не мѣшало ей быть все еще красивой. Другая дама казалась ея служанкою.

Онѣ прождали уже нѣсколько минутъ, когда уголь занавѣса, спущеннаго надъ рѣшеткою, приподнялся и изнутри раздался голосъ:

— О, Хосефина... онѣ не сказали мнѣ, что это вы... Я сейчасъ прикажу отворить двери.

— Прикажете, я войду, отвѣчала донья Хосефина, заглядывая въ рѣшетку и ничего не видя.

Она стала нетерпѣливо ходить по пріемной, смотря въ землю, какъ дѣлають люди, когда обдумываютъ важный проектъ.

Наконецъ, старая служанка монастыря предстала передъ нею, заперла наружную дверь, ведущую на улицу, предложила другой пріѣзжей женщинѣ оставаться здѣсь и, сдѣлавъ знакъ доньѣ Хосефинѣ, чтобы та шла за нею, повела ее темнымъ коридоромъ, черезъ который проходили во дворъ монастыря. Здѣсь Комерфордъ уже не нуждалась въ проводникѣ, чтобы найти внутреннюю залу пріемной, гдѣ ее дожидались три монахини.

Большая зала была темна, несмотря на бѣлую окраску стѣнъ. Нижняя часть послѣднихъ была раскрашена на манеръ голандскихъ изразцовъ, а мягкій, ветхій коверъ охранялъ ноги отъ холода каменнаго пола. Здѣсь стоялъ дорогой аналой, а на стѣнахъ висѣли три черныя, закопченныя картины. Красноватый полусвѣтъ проникалъ сквозь занавѣски, покрывавшія окна. Подюжинны кресель и большая скамья были сдѣланы, должно быть, для цѣлей инквизиціи, чтобы подвергать пыткѣ посѣтителей, — такъ жестки, неудобны и строго-холодны были они! На одно изъ этихъ кресель и сѣла пріѣзжая послѣ того, какъ поздоровалась поочередно съ монахинями.

Красноватое освѣщеніе дѣлало лицо доньи Хосефины заревомъ, воплощеннымъ въ человѣческой образъ, и неугасаемая горячность ея рѣчей какъ нельзя болѣе подходила къ ея наружности. Три монахини, тоже окрашенныя заревомъ и похожія скорѣе на кровавыя призраки, симметрично занимали свои позиціи, вполне гармонируя деревянностью своихъ позъ съ жесткими орѣховыми креслами. Начался живой разговоръ на каталонскомъ нарѣчій.

— Мы еще вчера васъ поджидали, сказала настоятельница.

— Нельзя было, никакъ нельзя, отвѣчала Комерфордъ. — Очень затягиваются переговоры. Я только-что изъ Берга, едва успѣла переодѣться... И нынче-же вечеромъ должна ѣхать въ Майресу; время дорого. Я въ немногихъ словахъ расскажу вамъ, что нужно, а затѣмъ — прощайте, до слѣдующаго раза.

— И мы будемъ говорить кратко, отвѣчала настоятельница. —

Прежде всего скажите, пожалуйста... правда, что Планась и Льереть повѣшены?

— Да, конечно, змѣя поранила двухъ самыхъ храбрыхъ изъ нашихъ львовъ, сказала Комерфордъ съ живостью. — Не все одни цвѣточки. Будетъ много жертвъ и немало мучениковъ. Еслибы ихъ не было, наше дѣло было-бы менѣе свято... Банды, формирующіяся теперь, должны только развѣдать настроеніе деревень на границахъ Каталоніи. А потомъ мы увидимъ, что думаетъ вся провинція. Главное — не испортить предпріятіе излишней торопливостью. Этими мы и заняты, и, если приказанія будутъ исполняться въ точности, все удастся, какъ нельзя лучше. На нашей сторонѣ много военныхъ начальниковъ, передавшихъ намъ втайнѣ за деньги. Нѣкоторые боятся, что они измѣнятъ намъ, но я не думаю. Кроме того, изъ Мадрида каждый день приходятъ завѣренія, что мы встрѣтимъ поддержку въ высшихъ сферахъ. Да, наша маленькая хунта *) не дремлетъ. Она сумѣла соединить всѣ желанія, слить ихъ въ одну душу, и теперь, подруги мои, уже много есть такихъ, которые, хотя и держались разныхъ мнѣній, но нынче уже всѣ стоятъ за-одно. Согласіе — полное, могу васъ увѣрить; архіепископъ тарагонскій, вице-канцлеръ Серверы, отецъ Мигуэль, отецъ Барри изъ Сан-Доминго, лектораль Вичскій, сеньоръ дон-Хосе Корронсъ, домеро Манрезскій, настоятель капуциновъ въ Манрезѣ и, наконецъ, храбрѣйшій изъ храбрецовъ, нашъ неопѣванный Эстанисъ, — всѣ, всѣ за-одно. Инструкціи, полученныя хунтою изъ Мадрида, совершенно опредѣленны и разрѣшаютъ всѣ сомнѣнія въ очень важныхъ вещахъ; колебанія извѣстныхъ вамъ личностей прошли; благословеніе Господне видно уже и теперь, и можно считать несомнѣннымъ покровительство Россіи и Франціи. Да что! Въ самомъ мадридскомъ дворцѣ извѣстно все, что здѣсь дѣлается, и ни одного шага мы не сдѣлаемъ безъ того, чтобы онъ не былъ звеномъ превосходно обдуманнаго плана. О, подруги мои, будемъ радоваться, проникнемся энтузіазмомъ отъ мысли, что, наконецъ, наша христіанская земля получить истинно-христіанское правленіе.

— Хвала Господу! воскликнула настоятельница. — Это согла-

*) Нарячительное имя всякаго вообще выборнаго правительства, но преимущественно оппозиціоннаго.

Прим. перев.

сіе между столь именитыми людьми доказываетъ, что мы дѣйствуемъ не по капризу и фантазіи, а движемся небеснымъ голосомъ, прозвучавшимъ въ насъ. Пречистая Богородица да будетъ съ нами! Хорошо, дорогая моя; такъ-какъ мы тоже готовы трудиться ради святаго дѣла по мѣрѣ нашихъ силъ, то мы ждемъ черезъ тебя приказаній отъ манреской хунты.

— Вотъ въ чемъ дѣло, сказала донья Хосефина, придвигая свое инвизиціонное кресло въ кресла монахинь. — Прежде всего, въ деньжонкамъ, припасеннымъ вами, скоро присоединятся другія деньги, собранныя въ сольсонскомъ округѣ, и часть тѣхъ, которыя пришлютъ изъ Мадрида. Хранить ихъ будетъ священникъ нашей святой церкви, и вы выдадите изъ нихъ Хелу, Караголю и Пиксолъ, по-скольку будетъ сказано въ письмахъ, которыя они вамъ предъявятъ. Вы получите, можетъ быть, еще денегъ отъ альвальда сольсонскаго *), или выдадите ему, смотря по надобности. Письма будутъ писаны шифромъ, и я сейчасъ объясню вамъ его ключъ.

Донья Хосефина достала бумажку изъ ридикюля и стала объяснять монахинямъ знаки шифра и ихъ расположеніе.

Когда это кончилось и возстановилась симетрія, нарушенная тѣмъ, что всѣ три монахини склонились головами надъ бумажкой, настоятельница заговорила на-распѣвъ:

— Поняла, мой другъ, все поняла. Все будетъ исполнено, какъ приказано. Сладко намъ чувствовать, что и мы трудимся для успѣха такого великаго дѣла.

Мать-настоятельница, не глупая отъ природы, успѣла, однако, поглубѣ въ средѣ монахинь, и, встанутая въ нелѣпный заговоръ, она приняла наставительно-торжественный тонъ, съ дипломатическимъ пошибомъ, подражая пламенной рѣчи каталонской заговорщицы—доньи Хосефины Комерфордъ, которая въ своихъ фанатическихъ рѣчахъ напокинала горячность и многословіе влюбныхъ ораторовъ.

— Теперь, подруги души моей, сказала снова донья Хосефина, — теперь, когда весь матеріалъ подготовленъ, нужно пустить въ ходъ то тонкое оружіе, передъ которымъ ничто всѣ самыя высокія и крѣпкія башни и самая страшная артилерія: я говорю

*) Начальника города.

объ оружіи молитвы. Я, какъ грѣшница, мало могу сдѣлать на этомъ поприщѣ; но вы можете сдѣлать многое. Помощь набожности и вѣры — великое дѣло. Сеньоръ-лектораль въ Вичѣ при мнѣ говорилъ монахинямъ этого города: „молящія слезы слабыхъ дадутъ побѣду сильнымъ“.

Мать-настоятельница наклонилась на-бокъ, скрестивши руки, въ знакъ глубокаго волненія, и симетрія группы нарушилась. Въ это-же время раздался глухой голосъ, исходящій изъ усть той монахини, которая сидѣла по правую руку отъ настоятельницы.

— Охъ, охъ, говорила она, — такой высокой цѣли только и можно достигъ молитвами!.. Никакіе лекторалы изъ Вича и всѣ прелаты христіанскаго міра не убѣдятъ меня, чтобы дѣло Господне и торжество св. вѣры можно было утвердить войнами, насиліями и убійствами. Довня Хосефина говорить о молитвахъ для подготовленія войны... Одиѣ молитвы должны быть мечомъ и оружіемъ полковъ Иисусовыхъ.

Поднимая руки, причемъ обширные бѣлые рукава придавали нѣкоторое величіе ея движеніямъ, монахиня оживлялась. Слова этой старой, трупобразной женщины звучали какимъ-то тономъ авторитета, точно слова, выходящія изъ могилы. Но прежде, чѣмъ старуха произнесла свои послѣднія изрѣченія, въ залѣ послышалось слабое восклицаніе — одинъ изъ тѣхъ звуковъ голоса, которые предшествуютъ смѣху. Этотъ звукъ исходилъ отъ третьей монахини, сидѣвшей по лѣвую руку настоятельницы. Затѣмъ раздался смѣхъ, а за нимъ слова:

— Что рассказываетъ мать Монсерать!

Прекрасный, свѣжій тембръ голоса, граціозная интонація и веселый смѣхъ ясно указывали, что говоритъ сестра де-Арансисъ.

— Только этого не доставало! смѣло продолжала она.— Побѣдить зло и масонскія секты кротостью! Страну, наводненную еретиками, очистить молитвами монахинь!.. Говорить это, значитъ—жить въ облакахъ. Прекрасное дѣло—молиться; но когда зло такъ разрослось и царить вездѣ: и вверху, и внизу, и возлѣ трона, и въ невѣжественной толпѣ, нельзя обходиться одними молитвами... И откуда такое презрѣніе къ войнѣ? Война за святое дѣло необходима. Мы пугаемся войны, а война проходитъ

сквозь всю исторію нашей вѣры, со временъ избраннаго народа. Развѣ не сражались Іосифъ, Матфей, Маккавей, царь Давидъ? Хорошо-бы сдѣлалъ св. Фердинандъ, если-бы, вмѣсто того, чтобы взять шпагу и идти противъ мавровъ, началъ молиться и думать побѣдить ихъ четками! Война противъ невѣрныхъ всегда священна, и да благословенъ будетъ тотъ, кто умретъ на такой войнѣ! Онъ увидетъ въ рай: недаромъ на небѣ есть особое мѣсто для храбрыхъ, погибшихъ за вѣру!

Сестра Теодора оживлялась, говоря такъ, и ея прекрасныя черты вдохновлялись. Донья Хосефина и настоятельница слушали ее съ одобреніемъ, но мать Монсерать бросала гнѣвные взгляды на эту защитницу силы.

— Сестра Теодора де-Арансисъ, прошептала она, — вы еще ребенокъ.

— Мнѣ тридцать два года, быстро отвѣтила де-Арансисъ, не удостоивъ даже взглядомъ свою собесѣдницу.

— А мнѣ семьдесятъ; я видѣла войны, а вы ничего не видѣли; я видѣла ужасы войны, видѣла, какъ эта святая обитель была осквернена, какъ стѣны рушились отъ ядеръ, и солдаты наполнили всѣ дворы и кельи. Все осквернили, все! Я видѣла, какъ все западное крыло было обращено въ развалины и изъ всѣхъ зданій уцѣлѣлъ одинъ *Островъ*, — вотъ тотъ домишко, гдѣ вы теперь живете; я видѣла, какъ тутъ убили трехъ сестеръ и какъ оскорбляли всѣхъ остальныхъ. Немного у меня осталось волосъ, а и тѣ дыбомъ встанутъ, какъ вспомню о сентябрѣ 1810 года. Былъ денекъ, Господи Іисусе! Какъ-же мнѣ послѣ этого радоваться войнѣ? Я ненавижу ее, боюсь ея; одинъ грохотъ барабановъ меня въ гробъ уложить... Теодора де-Арансисъ — ребенокъ и думаетъ по-свѣтски, даромъ-что не первый годъ живетъ въ монастырѣ; вѣтрена она, вотъ что!

— Теперь рѣчь идетъ, сеньора, не о солдатахъ проклятаго Наполеона, сказала Теодора, разгораясь. — Солдаты вѣры не тронутъ напуганной матери Монсерать.

— Всѣ солдаты хороши, и всѣ войны—одно и то-же... Есть глушия головы, которымъ ничего не втемяшишь.

— Есть и такія, которыя и во всю-то свою жизнь ничего понять не могли.

— Есть и такія дѣвченки, которыя забываютъ о своемъ званіи и перестаютъ уважать старшихъ.

— Да, есть и такія упрямныя привидѣнія, которыя готовы спорить противъ всего и своимъ кислымъ выраженіемъ да неосноснымъ чванствомъ становятся просто невыносимыми для другихъ.

— Есть и такія красотки-монашенки, что наряжаются да приглаживаются, да наглядѣться на себя не могутъ въ своихъ кельяхъ, и не забываютъ того времени, когда отплясывали — прости Господи! — на балахъ.

— Да ужь лучше такія, чѣмъ добродушныя старушки, зеленныя отъ злости, прожившія семьдесятъ лѣтъ, завидуя всякому.

— Чего-же хуже тѣхъ, у кого языкъ слишкомъ длиненъ и...

— Еще хуже, когда языкъ ядовитъ, какъ...

— Миръ, миръ! воскликнула настоятельница, распростирая въ обѣ стороны свои бѣлые рукава.

— Мать Теодора нѣсколько вспылчива, замѣтила Комерфордъ, подмигивая ей глазомъ, — а мать Монсерать слишкомъ уже ригористка. Вѣдь весь споръ вышелъ изъ-за войны. Я думаю, что иногда война необходима и что самъ Господь велитъ намъ начинать ее. Есть святые изъ постниковъ, есть святые и изъ воиновъ. Но это не резонъ, чтобы мать Монсерать сердилась изъ-за этого.

— И чтобы тѣмъ нарушался миръ, долженствующій всегда царить въ обители, провозгласила настоятельница высоко-торжественнымъ тономъ. — Во имя Господа нашего Іисуса Христа, прощающаго врагамъ, я приглашаю обѣихъ сестеръ, здѣсь присутствующихъ... да, я приглашаю ихъ, какъ сестра и какъ старшая, чтобы онѣ заглушили немедленно злобу и примирились, закрѣпивъ миръ родственнымъ поцѣлуемъ.

— Моя душа неспособна на злобу, сказала мать Монсерать.

— Я прощаю отъ всего сердца, прибавила Теодора.

Онѣ поцѣловались. Старуха приложила свои губы къ красивымъ щекамъ молодой, которая, въ свою очередь, отвѣтила тѣмъ-же, едва прикоснувшись къ сухой кожѣ сестры своими свѣжими губами.

— Донья Хосефина, повторивъ свои наставленія, удалилась.

ГЛАВА VI.

Несмотря на дѣятельныя приготовления, объ обширности которыхъ можно было судить по кипучей дѣятельности доньи Хо-сефины Комерфордъ, мѣсяцы май и іюнь прошли мирно. Баталонія оставалась спокойною и не вооружалась; Сольсона жила, по-прежнему, тою-же мирною, монотонною жизнью, которую такъ любили ея каноники. Полу-организованная рота волонтеровъ-роялистовъ да нѣсколько артиллеристовъ, отправлявшіе гарнизонную службу въ укрѣпленіяхъ, скорѣе казались фигурами въ декорации, чѣмъ войскою, готовымъ къ бою.

Однажды, въ концѣ іюня, въ Сольсонѣ увидели нѣчто совсѣмъ необычное, возбудившее множество толковъ. Вверхъ по Главной улицѣ шелъ Тилянъ, облеченный въ мундиръ волонтера-роялиста. Онъ не былъ, конечно, образцомъ молодцоватости, но все-таки шелъ по улицѣ съ нѣкоторымъ задоромъ, равнодушно выслушивая замѣчанія, дѣлавшіяся по поводу его новаго наряда.

— Ужь лучше-бы не снималъ подрясника, говорили прохожіе.— И куда идетъ этотъ бездѣльникъ, обвѣшанный сумками и галунами!.. Смотри, смотри, какъ ходко идетъ!.. А вѣдь, не бойсь, всѣ обшивки на мундирѣ собственноручно нашивали монашки.. Самый красивый мундиръ въ Сольсонѣ.. Говорятъ, онъ поступаетъ прямо прапорщикомъ... Еще-бы! Кому-же и быть генераломъ, если не псаломщику нашихъ монахинь-погремушекъ?.. Нѣтъ, бабы, не прапорщикомъ, а унтеромъ покуда; а вотъ, какъ начнется война, такъ поглядите, какъ онъ въ чины полѣзетъ: святая матери помогутъ, не бойсь... Гляди, гляди, какимъ фертомъ идетъ: никому не кланяется... Ахъ, ты, проклятый Тилянъ, со смѣху уморить всѣхъ волонтеровъ, никто и слушать не станетъ...

И пересуды продолжались.

Подобно тому, какъ чайка служитъ предвѣстницей бури, такъ и появленіе Тилина въ его необычномъ нарядѣ было предвѣстникомъ болѣе крупныхъ событій. Дѣйствительно, черезъ нѣсколь-ко дней, раннимъ утромъ, сонъ мирныхъ обывателей Сольсона былъ прерванъ неистовымъ грохотомъ барабановъ. Граждане выскакали на улицу, какъ попало, и увидели, что на площади

собрались двѣ роты волонтеровъ, пришедшихъ,—какъ оказалось впоследствии,—изъ Берги *), подъ начальствомъ бывшаго мясника Пиксола (донъ Нарсисъ Абресъ). Среди вооруженныхъ людей стоялъ монахъ. Онъ торжественнымъ жестомъ велѣлъ барабанщикамъ умолкнуть и обратился къ гражданамъ съ рѣчью, объясняя имъ, что Каталонія поднимаетъ войну, потому что монархъ не пользуется нынѣ свободой, необходимою ему для управленія своимъ государствомъ. Рѣчь лилась изъ устъ оратора, который закончилъ ее, говоря, что его величество самъ отдалъ тайный приказъ, разрѣшающій возстаніе и возлагающій соотвѣтствующія обязанности на каждый изъ отрядовъ, которые — о, самоотверженіе! — покинули свои дома, чтобы защищать святую вѣру христіанскую и славный тронъ всей Испаніи.

По окончаніи рѣчи монаха, барабаны снова забили, и отряды волонтеровъ торжественно прошли по городу и по укрѣпленіямъ, какъ-бы въ знакъ того, что они вступаютъ въ обладаніе городомъ отъ имени апостолическихъ войскъ. Немногіе линейные солдаты, стоявшіе въ городѣ, разошлись, такъ-какъ они уже раньше согласились съ волонтерами. Начался трезвонъ; муниципалитетъ объявилъ себя въ инсурекціи, и нѣсколько знаменъ, вышитыхъ въ монастырѣ, стали носить по городу, дабы объявить народу великую новость.

Пиксола издалъ приказъ, по которому обыватели должны были сдать ему все имѣвшееся у нихъ оружіе, а регулярные офицеры, жившіе въ отпуску въ городѣ и въ окрестностяхъ, немедленно явиться „въ наше главное управленіе“ за полученіемъ приказаній. Нѣсколько изъ нихъ повиновалось: одни—потому что сочувствовали возстанію, другіе—такъ-какъ имъ надоѣла скучная, безвыходная жизнь, третьи—изъ страха, нѣкоторые-же встрѣтили эмисаровъ Пиксола бранью и насмѣшками, такъ что разъяренный кабелильа *) поклонялся, что вырѣжетъ всѣхъ таковыхъ офицеровъ,—даже самъ Богъ придетъ имъ на помощь.

Самымъ упрямымъ и дерзкимъ былъ отставной полковникъ, донъ Педро Гимараенсъ,—человѣкъ старый, роялистъ, но другаго закала, чѣмъ Пиксола. Полковникъ жилъ въ уединенномъ домикѣ, въ полу-лье отъ Сольсоны, на другомъ берегу Черной рѣчки.

*) Мѣстечко въ 75 верстахъ къ с.-з. отъ Барселоны.

Прим. пер.

*) Начальникъ шайки.

Прим. перев.

— Ты поди и скажи этому живодеру, отвѣтилъ онъ эмиссару, — что я явлюсь въ Сольсону, чтобы оборвать уши ему, провлятому бандиту. Оружія у меня много, — да, много, — но для защиты короля и религіи. А если онъ хочетъ испробовать мою силу, то пусть самъ приходитъ сюда со всею своею шайкою причетниковъ и воровъ.

Такъ и было передано посланіе дону Наркису Абресу, который просто зарычалъ отъ злости, вскочилъ изъ-за стола и уже собирался въ походъ, чтобы самолично наказать оскорбителя.

— Успокойтесь, ваше превосходительство, тихо сказалъ Пепеть Арменголь, обѣдавшій за тѣмъ-же столомъ виѣстѣ съ двумя другими начальниками и капеланомъ Сан-Саломона. — Это чудяще, Гимараенса, не возьмешь угрозами. Я хорошо его знаю: много разъ ходилъ къ нему съ порученіями изъ монастыря... его сестра, знаете, въ Сан-Соломонѣ... Онъ — чистый баринъ. Вы лучше отпустите меня, ваше превосходительство, и вы увидите, какъ безъ всякаго шума и безъ ссоръ, а умѣнемъ да ловкостью я отберу у него оружіе и заставлю признать власть, данную вамъ каталонскою хунтою.

— Хорошая мысль! замѣтилъ Мосень Криспи де-Тортелья, осушая стаканъ и ударяя имъ по столу. — Посмотримъ, какъ будетъ дебютировать Тилинъ... Подвигъ, милый Абресь, подвигъ у насъ будетъ, потому ужъ очень начитанъ этотъ Тилинъ.

Никсола засмѣялся.

— Я не смѣюсь, продолжалъ капеланъ. — Тилинъ — пріятель Гимараенсу, и, вдобавокъ, эта хитрая лисица — самый первый обжора по части куропатокъ... Да, сеньеры, не одна рыба ловится отъ жадности, а и храбрые люди — тоже. Этотъ Гимараенсъ въ сраженіи будетъ драться, какъ пять львовъ; а ужъ никогда не сдѣлаетъ того, что сдѣлалъ донъ Марьяно Альвересъ въ Геронѣ, потому что никогда не рѣшится поголодать. Вы знаете-ли, господа, чѣмъ этого челоувѣка можно покорить? Артилерією монахинь Сан-Саломона... она уже многихъ храбрецовъ побѣдила... Вы только поручите это Тилину, и вы увидите, съ какою побѣдою онъ вернется. Вѣдь вы что думаете? Онъ забѣжитъ сперва въ монастырь за парочкою куропатокъ подъ соусомъ, да за тарелочкой патальясовъ, — такихъ, о которыхъ не слѣдуетъ даже слишкомъ много разговаривать,

а то родъ человѣческой вѣсь избалуется, какъ Ганнибалъ въ Капуѣ.

Пиксола и его товарищи смѣялись до упаду.

— Ничего, иди, сынокъ мой, иди, заключилъ Тортелья, ударяя своего бывшаго ученика по плечу. — Иди и скажи матери Пурификаціонъ, чтобы она постаралась... Рѣчь идетъ, скажи, о большой побѣдѣ, объ осадѣ Сарагосы.

— Можешь идти, сказалъ Абресъ. — Нужны тебѣ люди?

— Три человѣка, на выборъ.

— Бери, кого хочешь.

— Черезъ два часа я вернусь.

„Я знаю домъ, думалъ Тилинъ. — Гимараенсъ будетъ въ садикѣ курить сигару. Съ нимъ навѣрно будутъ оба старыхъ артиллериста, его двое слугъ и сеньора Бадорета... Въ домѣ двѣ двери; въ саду — уголь стѣны... потомъ три ступеньки... Ладно, ладно... Сдѣлаемъ визитъ г. полковнику“.

Спустя нѣсколько минутъ, Тилинъ перешелъ уже рѣку въ сопровожденіи трехъ серданьскихъ горцевъ, одѣтыхъ не по военному, но вооруженныхъ. Вмѣсто того, чтобы направиться прямо къ дому, выдѣлявшемуся бѣлымъ пятномъ на темномъ фонѣ перелѣска, Тилинъ и его спутники повернули вправо, пошли внизъ по рѣкѣ, описали большой кругъ, и только тогда, когда почти дошли до горы, свернули влѣво, пробираясь по косогору, среди садовъ и виноградниковъ. Они скоро вошли въ лѣсокъ и стали тихо подходить къ дому. Черезъ четверть часа, Тилинъ, пошептавшись со своими товарищами, влѣзъ на дерево, съ котораго былъ видѣнъ садъ. Сеньора Бадорета развѣшивала бѣлье въ полисадникѣ, Валентинъ, наиболѣе храбрый изъ двухъ ветерановъ-артиллеристовъ, чистилъ коня, а Суаресъ подвязывалъ вѣтви молодыхъ деревьевъ. Слугъ не было видно, и Тилинъ заключилъ, что они оба — въ дождѣ. Спустившись съ дерева, онъ отдалъ приказанія своимъ спутникамъ, повторивъ ихъ до трехъ разъ, чтобы они врѣзались въ памяти; указалъ имъ на одно низкое, открытое окно, рассказалъ, какъ они легко могутъ перебраться черезъ стѣну и направиться къ дому.

Сеньора Бадорета ввела его въ комнату, гдѣ обыкновенно сидѣлъ Гимараенсъ и, конечно, посмѣялась по пути надъ его но-

вымъ костюмомъ; старшій полковникъ встрѣтилъ его отчаяннымъ хохотомъ.

— Тилинъ, а, чортъ-бы тебя побралъ, Тилинъ!.. Вотъ штуку выкинулъ: такъ ты взаправду воинномъ сталъ! Въ жизнь не видалъ такого шута! Повернись, чудище, чтобы поглядѣть на тебя сзади!.. И штаны висить!.. Какъ-же эти разбойники не дали тебѣ ружья?.. И ты этакъ взаправду изъ него могъ-бы выпалить!.. Ай да Тилинъ! Божій человекъ, да кто-жъ тебя назоветъ псаломщикомъ съ этою саблею?.. Кой діаволь! Ну, если ты будешь служить за обѣдею съ такою харею, ей-Богу-же, приду на тебя посмотрѣть.—Ну, что говорятъ почтенныя сеньеры?

— У сеньеръ нѣтъ ничего новаго, сухо отвѣтилъ Тилинъ.

— Прислали мнѣ что-нибудь?.. Съ пустыми руками ты вѣдь никогда не приходилъ.

Сеньеръ Гимараенсъ былъ типъ испанскаго вояки старыхъ временъ: безъ бороды и усовъ, съ сѣдыми, довольно длинными волосами и съ эспаньолкою, хотя и пожилой, но крѣпкій, статный, нѣсколько плотный и съ благородною осанкою, онъ былъ очень набоженъ и преданный роялистъ, хотя и не изъ аристократовъ. Когда вошелъ Пенетъ, онъ, сидя въ большомъ креслѣ, читалъ житіе святаго, приходившееся на этотъ день—обычай, которому ни разу онъ не измѣнилъ въ продолженіи тридцати лѣтъ. Онъ былъ холостъ и жилъ съ двумя старыми честными товарищами по походу генерала Рикардоса. Поваренокъ, слуга и сеньера Бадорета, славившаяся своимъ поварскимъ искусствомъ и нѣкогда бывшая прислужницею въ Сан-Саломонѣ, дополняли семейство мирнаго ветерана.

Увидавъ, что Тилинъ явился безъ корзинки, покрытой снѣжно-бѣлою монастырскою салфеткою, онъ вздрогнулъ.

— Достопочтенныя сеньеры, увлекшись возстаніемъ, забыли свои духовныя печи, сказалъ онъ.—Чего торчишь? Садись, Тилинъ, поговоримъ; сигару выкуришь.

— Благодарю васъ, сеньеръ; мнѣ нужно скоро назадъ, отвѣчалъ волонтеръ, приближаясь на одинъ шагъ къ полковнику.

— Такъ зачѣмъ-же ты пришелъ?

— Передать вамъ одно порученіе.

— Отъ монахинь?

— Отъ монахинь, да, сеньеръ.

— Чтобы вы немедленно сдали мнѣ все оружіе, имѣющееся въ вашемъ домѣ, и шли со мною поступить подѣ начальство Писсоли.

Тилинъ говорилъ съ такою увѣренностью, что Гимараенсъ на минуту смѣшался. Но онъ скоро оправился и началъ смѣяться, хлопая въ ладоши.

— Брависсимо, г. псаломщикъ, превосходно! Скажи своимъ нянькамъ, что ты чуть со смѣха меня не уморилъ. Кому отдать оружіе!.. Господи, бѣдный Тилинъ! Дай-же, я расцѣлую тебя за то, что такъ насмѣшилъ... Шутъ ты гороховый... въ этомъ мундирѣ... и съ генеральскими ухватками...

Но Гимараенсъ вдругъ пересталъ смѣяться, увидавши, какъ преобразился Тилинъ. Лицо волонтера поблѣднѣло, глаза блестѣли, а рука судорожно сжимала пистолетъ.

— Я не смѣяться сюда пришелъ...

— Несчастный, что ты дѣлаешь? воселикнулъ Гимараенсъ, вскакивая.

— Я простѣлю вамъ черепъ, если вы немедленно не пови-
нуетесь.

Тилинъ поднималъ пистолетъ до высоты лица старика, который схватился за стулъ.

— Если вы певельнетесь, сказалъ Тилинъ, доводя свою смѣ-
лость до крайняго предѣла, — если вы крикнете, я убью васъ,
какъ собаку. У меня въ лѣсу сорокъ человѣкъ, и имъ прика-
зано срыть до основанія вашъ домъ при малѣйшемъ сопротив-
леніи съ вашей стороны.

— Подлецъ! заревѣлъ Гимараенсъ. — Эй, Валентинъ, Суа-
ресь!

Въ ту-же минуту влетѣлъ въ комнату испуганный юноша. Въ саду послышались два выстрѣла и крики сеньеры Бадореты: „воры, воры!“ Юноша бросился на защиту своего хозяина, но Тилинъ, быстрый, какъ мысль, прислонился къ высокому шкапу и выстрѣлилъ по юношѣ, который упалъ замертво, не промолвивъ ни слова. Гимараенсъ, видя Тилина безоружнымъ, прыгнулъ на него, какъ левъ, но волонтеръ, успѣвшій уже бросить пистолетъ, встрѣтилъ полковника съ обнаженнымъ кинжаломъ, стараясь, однако, не пускать въ ходъ оружіе. Они схватились руками, и завязалась жестокая борьба, въ которой Арменголь, защищаясь отъ

своего противника, всячески старался въ то-же время не поранить его. Наконецъ, на порогъ показался, облитый кровью, одинъ изъ трехъ горцевъ.

— Подлые воры, кричалъ полковникъ, — ничего вы не добьетесь вашимъ гнуснымъ измѣнническимъ нападеніемъ!.. Суаресъ, Валентинъ!

Но онъ былъ, наконецъ, побѣжденъ, хотя потребовалась помощь другаго борца, чтобы скрутить ему руки за спину. Храбрый старикъ изрыгалъ страшныя ругательства.

Валентинъ, одинъ изъ ветерановъ, вошелъ тяжело раненый, теряя кровь горломъ, держа шпагу въ дрожащей рукѣ. Онъ попытался было помочь своему другу, но, обезсиленный, долженъ былъ тоже сдаться. Суаресъ лежалъ раненный, подъ деревомъ. Схватенные врасплохъ, оба служаки не успѣли вооружиться, не успѣли крикнуть сосѣдей на помощь. Планъ Пепета удался вполнѣ, хотя и нелегко: одинъ изъ горцевъ былъ убитъ Суаресомъ, который успѣлъ схватить кирку; другой получилъ сильный ударъ кочергою отъ сеньеры Бадореты, которой опасность придала силы львицы.

Еще до наступленія ночи Тилинъ и два горца вопли въ Сольсону, ведя связаннаго полковника Гимараенса. За нимъ ѣхала повозка, нагруженная разнымъ оружіемъ. Массы народа сходились посмотреть на призъ, такъ-какъ всѣ знали полковника за человека крайне гордаго и котораго въ послѣднее время, за слишкомъ умѣренный роялизмъ, начали даже подозрѣвать въ якобинствѣ.

VII.

На другой день Пиксола, рассказавши капелану про дѣяніе Тилина, прибавилъ:

— Сдается мнѣ, что мы нашли въ немъ *человѣка*. Когда монахини рекомендовали Тилина, я думалъ помѣстить его гдѣ-нибудь при обозѣ, а теперь вижу, что этотъ рыцарь колокольни далеко пойдетъ. Я дамъ ему роту. Да, нашъ псаломщикъ дороже сотни епископовъ!

Орды Пиксолы представляли самый разношерстный сбродъ, состоявшій изъ волонтеровъ, остатковъ корпусовъ 24 года, дезер-

тировъ, крестьянъ, вооруженныхъ чѣмъ попало, трубукаиресовъ *) и контрабандистовъ изъ горъ Серданьи и изъ долинъ Арана и Андоры. Въ этомъ импровизованномъ войскѣ повышеніе въ чины шло, смотря по военнымъ заслугамъ, по личнымъ качествамъ, а также, конечно, и въ силу интригъ, неизбѣжныхъ во всѣхъ людскихъ дѣлахъ, такъ-какъ мелкія страстишки всегда кипятъ на-ряду съ великими замыслами. Неудивительно, стало быть, что удачнаго исполненія порученія въ связи съ рекомендаціею монахинь было достаточно, чтобы Тилину сразу дали чинъ поручика. Мясникъ отозвалъ его въ сторону, взялъ за пуговицу нагрудника, какъ онъ всегда дѣлалъ, разговаривая съ друзьями, и провзнесъ слѣдующую рѣчь:

— Видишь, Тилинъ, я отправляюсь сейчасъ въ Балагеръ и въ Конку-де-Трешъ, чтобы привести войска, которыя тамъ сьорганизовались. А ты ступай въ Пинось: тамъ много народа, который еще не хочетъ присоединиться къ намъ. Тамъ нужна здоровая рука. Ты выбери пятьдесятъ человекъ, но смотри, приведи мнѣ двѣсти. Въ тѣхъ краяхъ много лошадей, такъ ты всѣхъ заberi.. Да еще вотъ что, прибавилъ Пиксола, держа псаломщика за пуговицу: — тамъ и денегъ много, такъ забирай все, что сможешь: людей, деньги, лошадей... Слышишь? Людей, деньги, лошадей! Надѣюсь, что ты, псаломщикъ-монашекъ, и эту обѣдню хорошо отпоешь. А потомъ мы соединимся въ Кардонѣ и тронемся на Манрезу: тамъ будетъ ждать насъ генераль Хепъ-дель-Этанисъ... Ахъ, да! Совсѣмъ-было забылъ! Если встрѣтишь войска правительства, отойди въ горы, пропусти ихъ.

Съ такими инструкціями и съ 50-ю человекъ Тилинъ выступилъ 8-го іюля по направленію къ Кларіанѣ и къ рѣкѣ Кардонеру. Всѣхъ удивила превосходная организація, которую онъ сумѣлъ дать своему отряду, начавъ съ установленія въ немъ строжайшей дисциплины. Такъ на другой день по выступленіи два новобранца самаго буйнаго характера полѣнились исполнить какое-то приказаніе великаго Тилина. Онъ сдѣлалъ имъ строгій выговоръ безъ дерзостей, безъ оскорбительныхъ словъ. Но когда они стали кричать, что не позволяютъ командовать собою бабешу

---

*) *Трабуко*—короткое ружье громаднаго калибра, съ раструбомъ на концѣ, заряжающееся нѣсколькими пулями. *Трабукаиресъ*—вооруженные этими трабуко.

причетнику, что отрезвонить на колоколахъ они и сами съумѣютъ не хуже его, тогда Тилинъ немедленно приказалъ ихъ разстрѣлять. Отрядъ заколебался на минуту; но казнь была приведена въ исполненіе, и за выстрѣлами, положившими на мѣстѣ обоихъ молодцовъ, наступила та мертвая тишина дисциплины, которая напоминаетъ собою тишину смерти. Тилинъ имѣлъ при себѣ съдюжину отборныхъ, свирѣпыхъ людей, повиновавшихся ему слѣпо, и съ этимъ ядромъ онъ установилъ въ своемъ маленькомъ отрядѣ замѣчательное повиновеніе и единство дѣйствія.

Всегда бодрый, внимательный къ своимъ обязанностямъ, онъ предвидѣлъ все, всегда превосходно зналъ мѣстность и съ замѣчательнымъ умѣньемъ выбиралъ пути для отряда. Странный пса-ломщикъ казался великимъ полководцемъ.

Прежде, чѣмъ идти на Кардону, онъ отправился на рекогносцировку въ горы Пинось. Во всѣхъ деревушкахъ и городкахъ Тилинъ вербовалъ людей; иные присоединялись добровольно, но многіе скрывались въ горы; тогда онъ сталъ изобрѣтать самыя остроумныя приемы для удержанія бѣглецовъ. Первый городокъ на его пути былъ Сан-Сальвадоръ-де-Торуэлья. Войдя въ него, онъ потребовалъ къ себѣ алькальда и двухъ-трехъ наиболѣе зажиточныхъ стариковъ и объявилъ имъ, что они должны поставить въ отрядъ всѣхъ здоровыхъ людей городка, отъ 20-ти до 45-ти лѣтъ, какъ можно больше лошадей, муловъ и всякихъ четвероногихъ, пригодныхъ для перевозки тяжестей, и въ довершеніе—нѣкую сумму денегъ, которую онъ, Тилинъ, опредѣляетъ по совѣсти въ 30,000 реаловъ *). Старики запумѣли: они стали увѣрять въ своей безконечной и всегдашней преданности королю, но клялись и божились, что еслибы продать весь городокъ со всѣми людьми, то и тогда ни за что не выручишь такой ужасной суммы денегъ. Что же касается до молодежи, то она вся и безъ того стоитъ въ рядахъ католическаго войска, а о четвероногихъ и рѣчи быть не можетъ: всю работу животныхъ справляютъ здѣсь сами люди.

Переговоры велись въ кабачкѣ. Тилинъ, скупой на слова, какъ всѣ тѣ, кто богатъ дѣйствіями, приказалъ алькальду стать посреди двора и читать послѣднія молитвы.

*) Реаль—четверть франка.

— Простите! кричалъ несчастный, становясь на колѣни.

Но Тилинъ спокойно, точно давалъ кому-нибудь совѣтъ, отдалъ страшный приказъ растрѣлять алькальда, и алькальдъ былъ разстрѣлянъ. Та-же участь ждала и стариковъ, но они сдались и скоро принесли всѣ деньги, какія нашлись, ведя за собою шесть лошадей и 14 молодыхъ людей, которые до того прятались по ригамъ и овинамъ.

Въ Прадесѣ шайка встрѣтила уже лучшей приѣмъ. Алькальдъ явился самолично на-встрѣчу и донесъ, что въ городѣ имѣются два сержанта, политическія убѣжденія которыхъ очень неясны, и цѣлыхъ четыре либерала, которые во всякое время говорятъ ужасно дурно о правительствѣ и о религіи. Тилинъ, не останавливаясь на такихъ пустякахъ, потребовалъ сразу денегъ, оружія, людей, лошадей. Ему указали на одного очень скупого богача, имѣющаго четырехъ сыновей, двѣ пары муловъ, шесть ружей и пушку, изъ тѣхъ, что были отняты у французовъ въ Бручѣ. Тилинъ самъ отправился въ домъ богача, вполне понявъ цѣну всѣхъ этихъ богатствъ, и завладѣлъ ими; но отнесся съ большимъ пренебреженіемъ къ пушкѣ, имѣвшей только археологическую цѣнность. Монахи вышли на-встрѣчу ему всю общиною и чуть-было не вынесли иконъ; они расцѣловали Тилина и устроили ему самый пышный обѣдъ. Тилинъ, однако, ѣлъ мало, пилъ еще меньше; а вечеромъ, передъ воротами монастыря, разстрѣлялъ двухъ новобранцевъ, попытавшихся бѣжать.

Въ Куадрельсѣ онъ разстрѣлялъ пятерыхъ. Но число новобранцевъ доходило уже до 80-ти, и изъ нихъ меньше половины было набрано силою; остальные пристали добровольно: кто по увлеченію, кто по бездѣлю, кто по бѣдности. Денегъ набралось до 10,000 дуросовъ *), а оружія цѣлый небольшой арсеналь, правда, довольно разнородный. Лошадей и муловъ было достаточно, чтобы составить маленькій эскадронъ.

Въ Торѣ случился родъ возмущенія. Нѣсколько недовольныхъ, подстрекаемыхъ однимъ прапорщикомъ родомъ изъ Берги, захотѣли отдѣлиться отъ шайки. Тилинъ немедленно положилъ конецъ беспорядку, разстрѣлявъ семь человекъ; а разстриту монаха изъ Сан-Франциски, который состоялъ при немъ и, зная о заго-

*) Дурось—пять франковъ.

ворѣ, не донесъ во время, Тилинъ наказалъ пятьюдесятью палками.

Внушая уваженіе и наводя страхъ, онъ шелъ, такимъ образомъ, становясь грозю деревушекъ и городковъ и правую руку шайки волонтеровъ. Повсюду присоединялись къ нему крестьяне этихъ земледѣльческихъ провинцій и изъ этихъ деревенскихъ простаковъ онъ дѣлалъ героевъ.

При выступленіи изъ Торы, его соглядатаи донесли, что по манрезской дорогѣ идутъ правительственныя войска: наканунѣ они были въ Фальсѣ, а теперь направились, повидимому, въ Кастель-Фулиту. Монахъ немедленно составилъ планъ—напасть врасплохъ на эти войска, какъ-бы ни было велико ихъ число; составить-же планъ и начать его исполненіе — было для него одно и то-же. Ночь выпала превосходная; темнота помогала отряду. Подъ руководствомъ хорошихъ проводниковъ, онъ выступилъ, обгоняя свое войско, чтобы хорошенько поразвѣдать мѣстность; не жалѣя золота на лазутчиковъ и пользуясь фанатизмомъ населенія, онъ легко могъ узнавать во-время все, что ему было нужно. Свои войска онъ сумѣлъ воодушевить и заставилъ ихъ въ шесть часовъ сдѣлать титанической переходъ по горахъ и трущобамъ. Наказавъ палками трусовъ, разстрѣлявъ еще какого-то недовольнаго, щедро награждая смѣлыхъ, онъ подвигался впередъ, выслѣживая, вынюхивая врага, узнавая каждый его слѣдъ съ тѣмъ чутьемъ гверильера *), которое приводитъ въ отчаяніе стратеговъ, и передъ разсвѣтомъ 20-го іюля налетѣлъ, какъ лѣтній дождь, на войска полковника Рода, проходившія по большимъ дорогамъ Каталоніи, чтобы успокоивать городки и обезоруживать волонтеровъ. Отрядъ, состоявшій изъ трехъ ротъ пѣхоты и сорока кавалеристовъ, былъ буквально уничтоженъ псаломщикомъ, возмечтавшимъ о лаврахъ Виріата. Онъ приказалъ своимъ сорванцамъ не шадить никого. Рѣзня была страшная въ этой короткой, кровопролитной борьбѣ; радость Тилина — безмѣрная. Половина солдатъ разсѣялась по склонамъ Монсерата; многіе погибли, защищаясь съ ожесточеніемъ; пятьдесятъ человекъ пошло въ плѣнъ; 32 лошади и много оружія достались въ добычу.

Такова была первая, настоящая побѣда, одержанная этимъ

*) Гверилья—малая война.

орломъ, выросшимъ въ гнѣздѣ, свитомъ въ сакрестіи, съ подражникомъ вмѣсто крыльевъ. Но побѣдитель смотрѣлъ на свою побѣду, какъ на дѣло совершенно естественное, и тотчасъ-же сталъ принимать мѣры, чтобы извлечь изъ нея наибольшую пользу. Не давая вздохнуть своимъ людямъ, онъ прошелъ по всѣмъ смежнымъ городкамъ вплоть до Серверы. Калафъ, Вилла-майоръ, Монфалько, Рабаса увидали его въ своихъ стѣнахъ и волею-неволею подчинились всѣмъ его требованіямъ. Молодежь приставала съ охотою, подготовленная уже пропагандою монаховъ. Не было недостатка и въ деньгахъ, хотя для добыванія ихъ и приходилось подчасъ прибѣгать къ ружьямъ свирѣпыхъ воиновъ шайки. Оваціи и поздравленія всюду встрѣчали героя; монахи пѣли ему хвалы, монахини присылали ему конфеты и печенья, пророча ему такую-же славу, каковую заслужили самые великіе бойцы христіанства.

Тилинъ не засидѣлся въ Серверѣ и вернулся назадъ, въ горы Пиносъ, чтобы пройти оттуда, чрезъ рѣку Кардонеръ, на городъ Бардону, гдѣ онъ надѣялся найти дальнѣйшія приказанія. Онъ набралъ уже до 200 человекъ, больше 15,000 дурсовъ, много оружія и 80 лошадей. По дорогѣ онъ занимался организаціею своего отряда, обучалъ новобранцевъ, сформировалъ эскадронъ кавалеріи.

Довольный своими успѣхами и предвидя, что впереди ждетъ его слава еще болѣе громкая, онъ рѣшилъ, что заслужилъ званіе полковника, и хотѣлъ самъ себя произвести въ этотъ чинъ; но скромность заговорила въ немъ, онъ удовольствовался чиномъ капитана и написалъ Пиксолѣ слѣдующую записку, сохранившуюся до сихъ поръ:

„Во вниманіе къ моимъ великимъ заслугамъ на пользу католичества и трона, я произвожу себя въ чинъ капитана войскъ вѣрнѣ“.

И, погрузившись въ свои горделивыя мечтанія, онъ сказалъ про себя:

— Клянусь хвостомъ и копытами Люцифера, что если Пиксола не признаетъ за мной этого чина... я его разстрѣляю!

ГЛАВА VIII.

Отрядъ стоялъ 1-го августа около Кардоны. Жара въ это время была страшная; солнце жгло и душило все и всѣхъ, играя всѣми отблесками самоцвѣтныхъ камней на громадной горѣ, поднимающейся возлѣ Кардоны и состоящей изъ глыбы каменной соли, которой хватило-бы на всѣ кухни всего земного шара на сотни вѣковъ. Магическіе переливы всѣхъ цвѣтовъ радуги дѣлали изъ горы родъ громаднаго бриліанта, сваливагося съ огненнаго неба.

Вечерѣло; жара начинала уже спадать, когда войска Тилина расположились возлѣ маленькой деревушки, въ тѣни небольшихъ перелѣсковъ. Начальникъ прогуливался по дорогѣ, въ сопровожденіи своего помощника, отца Масы, — не того, что получилъ пятьдесятъ палокъ, но другого, — изъ Серверы, который присоединился къ отряду въ качествѣ капелана, военнаго асесора и интенданта, съ нѣкоторыми поползновеніями на званіе начальника штаба. Тилинъ задумчиво ходилъ взадъ и впередъ, заложивши руки за спину, — привычка, часто встрѣчающаяся у великихъ военныхъ геніевъ, — и заглядывая на блестящую соляную гору, въ которой инны части горѣли такъ ярко, что нельзя было выносить ихъ свѣта.

Гуляющіе скоро замѣтили, что на-встрѣчу имъ ѣдетъ всадникъ. Сперва его трудно было разглядѣть, такъ-какъ отблески свѣта, отраженные отъ кристаллической горы, какъ-бы окружали всадника какимъ-то дьявольскимъ свѣтомъ, похожимъ на огненное сіяніе; но когда онъ приблизился, тогда можно было замѣтить, во-первыхъ, что онъ — лихой ѣздокъ, а, во-вторыхъ, что конь его — превосходной породы.

— А вѣдь подозрительный путешественникъ, замѣтилъ отецъ Маса. — Чемоданчикъ въ торокахъ. Я побожусь, что онъ военный, хотя и переодѣтъ крестьяниномъ.

— Я то-же думаю, замѣтилъ Тилинъ; — во всей Каталоніи не найти такого коня.

Когда онъ подѣхалъ шаговъ на десять, Тилинъ крикнулъ:

— Стой!.. Остановитесь-ка, всадникъ.

Всадникъ пріостановился, но не охотно.

— Куда вы ѣдете? гордо спросилъ Тилинъ.

— А вамъ что за дѣло? Кто вы такой?

— Я—капитанъ Арменголь, начальникъ батальона изъ Сольсонской дивизіи, отвѣтилъ псаломщикъ, видимо довольный, что ему приходится произносить такіе громкіе военные титулы.

— А!.. воскликнулъ всадникъ нѣсколько флегматично.— Однако, что это за батальонъ и что за дивизія?.. Я, вѣрно, встрѣчаю отрядъ знаменитаго Тилина, о которомъ теперь всё говорятъ въ странѣ?

— Да, это я, отвѣтилъ псаломщикъ съ гордостью.

Всадникъ раскланялся.

— Въ такомъ случаѣ, милостивый государь... очень радъ... Надѣюсь, что я могу спокойно продолжать свой путь?

— Увидимъ. Кто вы такой?

— Я — мирный человѣкъ. Роялисты, либералы, яебинцы и католики—для меня все едино.

— Такъ-что вы не принадлежите ни къ какой партіи?

— Ни къ какой.

— Напрасно: надо быть нашимъ.

— Я купецъ.

— А какъ ваше имя?

— Господинъ капитанъ, вы очень любопытны.

— Откуда вы?

— Цѣлый допросъ?

— Полегче, полегче, сказалъ Тилинъ, схватывая подъ уздцы горячую лошадь. — Вы не поѣдете дальше, не доказавши намъ, что вы не подозрительный человѣкъ, не шпионъ Коломарда, или маркиза де-Кампо-Саградо. Мы васъ обыщемъ и посмотримъ, нѣтъ-ли у васъ съ собою какихъ-нибудь бумагъ. Если ничего подозрительнаго не окажется, то мы отпустимъ васъ, оставивъ себѣ коня.

— Ну, коня-то я вамъ не дамъ, отвѣтилъ всадникъ съ увѣренностью.— За него я сѣмью постоять.

Цапъetz позвалъ своихъ людей, находившихся по близости.

— Этотъ человѣкъ арестованъ, сказалъ онъ. — Сведите его въ кабачокъ, гдѣ я остановился. Идемъ, отецъ Маса! Или я ровно ничего не понимаю, или изъ этой встрѣчи что-нибудь да выйдетъ.

Всадникъ, видя, что сопротивленіе, само по себѣ очень рискованное, еще больше ухудшить его и безъ того скверное положеніе, предпочелъ покориться и пошелъ за Тилиномъ, проклиная сквозъ зубы злополучный часъ, когда злая судьба направила его по этой дьявольской дорогѣ. Идя къ дому начальника, онъ старался, впрочемъ, сохранить свое достоинство и наружное спокойствіе, потому что обнаружить признаки малѣйшаго волненія среди подобныхъ людей—значило-бы возбудить еще болѣе ихъ варварскія наклонности. Если они примутъ его за челоуѣка знатнаго, который по своимъ связямъ стоитъ выше всякихъ формальностей, то очень можетъ быть, что они ему не сдѣлаютъ зла. Поэтому, когда онъ дошелъ до кабака и замѣтилъ, что всѣ присутствующіе дивятся превосходной породѣ его коня, онъ тотчасъ-же обратился къ тому, кто держалъ узду, и сказалъ ему повелительнымъ голосомъ:

— Дай ей овса и напой. Да присмотри хорошенько, если желаешь получить на водку. А если, вмѣсто награды, хочешь три палки отъ меня и выговоръ отъ сеньора Тилина, то можешь и не смотрѣть.

Съ нѣжностью потрепавъ раза два своего аргмака, онъ вошелъ въ квартиру Тилина, состоявшую изъ двухъ комнатъ, страшно грязныхъ; деревянныя столы и скамьи были всѣ перепачканы порохомъ и залиты виномъ. Всадникъ велѣлъ внести свой чемоданикъ и сталъ прохаживаться по передней комнатѣ, не обращая вниманія на солдатъ, изъ которыхъ одни спали, а другіе пили или играли въ карты.

Плѣннику было года тридцать четыре; онъ былъ очень статенъ; осанка его мужественная. Его лицо, манеры, умѣнье одѣваться, все обличало то изящество, которое прежде считалось принадлежностью „породы“, а теперь стало достояніемъ всѣхъ классовъ, хотя всегда пріобрѣтается только съ ранняго дѣтства. Во взглядѣ его видна была твердость и нѣкоторая надменность, смягченная, впрочемъ, вѣжливостью. Его тонкая кожа была довольно смугла, и онъ носилъ черныя усы. Онъ носилъ высокіе польскіе сапоги, и вся его одежда обличала рѣку иностраннаго портного. Его шляпа, красиво сидѣвшая на его головѣ, имѣла видъ круглаго поярковаго блюда и въ то время не была еще въ испанскихъ модахъ, хотя впоследствии стала очень популярной.

Не прошло еще десяти минутъ, какъ вошелъ Арменголь, со своимъ помощникомъ и отцомъ Масою. Не давая ему заговорить, плѣнникъ уже сказалъ:

— Намъ слѣдовало-бы, сеньоръ бригадьеръ, остаться на минуту однимъ.

При этомъ онъ самъ знакомъ приказалъ гверильерамъ выйти, а отецъ Маса, полагая, что приказъ не можетъ относиться до него, растянулъ свою наигрязнѣйшую персону на скамейкѣ.

— Если понадобится духовная исповѣдь, я приглашу отца минорита, замѣтилъ, улыбаясь, плѣнникъ. — А куда, мнѣ нужно только переговорить съ сеньоромъ бригадьеромъ.

Когда они остались одни, Тилинъ сказалъ ему:

— Вамъ слѣдуетъ знать, что я вовсе не бригадьеръ *).

— Неужели? Я такъ думалъ... Въ Кардонѣ столько говорятъ о васъ; говорятъ, что вы покорили всю провинцію Лерида, и я полагалъ, что такой храбрый начальникъ навѣрно занимаетъ высокую должность въ войскѣ вѣры.

— Я капитанъ, сухо отвѣтилъ Тилинъ.

— Мнѣ говорили, что вы очень молоды, продолжалъ плѣнникъ, разглядывая его съ любопытствомъ и удивленіемъ, — но я никогда-бы не подумалъ, что вы такъ молоды. Вы достигнете высокаго поста, хотя, конечно, придется посчитаться съ завистниками, которые постараются помѣшать вашей карьерѣ. Другіе начальники захотятъ умалить ваши заслуги, унизить васъ, не останятся и передъ клеветою... Даже теперь, когда заслуги Тилина такъ очевидны, я слышалъ уже упреки въ излишней смѣлости; мнѣ говорили даже, что Пиксола собирается лишить васъ начальства надъ этою частью... Другъ мой, вы не приняли въ расчетъ зависти, а она, къ сожалѣнію, портитъ у насъ всякое дѣло...

— Смѣнить меня!.. Отставить!.. воскликнулъ Тилинъ со злобою, блеснувшей въ его глазахъ — Нужно еще моего позволенія спросить! Объ этомъ говорить въ Кардонѣ?

— Вчера объ этомъ говорили два брата-францисканцы; они обѣдали съ Пиксоломъ въ Кларіанѣ.

— Развѣ Пиксола въ Кларіанѣ?

---

*) Бригадьеръ—чинъ генеральскій.

— Да, въ Кларіанѣ. Вотъ вы теперь узнаете, что такое военная карьера. Довольно того, что вы начали ее съ честью, и вы увидите, какъ всѣ эти нелѣпыя фигуранты, всѣ эти надутые бездѣльники постараются затмить васъ и приписать себѣ всю вашу славу.

— Мои заслуги и моя слава, отвѣтилъ съ важностью Тилинъ,—если онѣ будутъ и если я съумѣю продолжать, какъ началъ, стануть выше ихъ интригъ.

— Я то-же такъ думаю. Но вернемся къ дѣлу. Вы должны отпустить меня тотчасъ же.

— Увидимъ, отвѣтилъ Пепеть. — Кто-же вы такой? Я поклянусь, что вы не торговецъ.

— Понятно, отвѣтилъ кавалеръ съ любезною откровенностью. — Я не могъ отвѣтить вамъ, такъ-какъ вы были съ этими монахами, а монахи—народъ болтливый, любятъ сплетничать. Теперь, когда мы одни, я вамъ скажу и имя свое, и цѣль путешествія. Меня зовутъ дон-Хайме Серветъ; ѣду я изъ Барселоны.

— Куда вы ѣдете?

— Въ Серверу.

— Съ какою цѣлью? Въ этомъ вся суть. Вся суть въ этомъ, прибавилъ Пепеть добродушнымъ тономъ. — Если вы другъ нашего дѣла и докажете мнѣ это, показавши ваши письма, тогда поѣзжайте. Если вы ѣдете, какъ частный человѣкъ, по своимъ дѣламъ, и докажете это, я опять-таки васъ отпущу, только задержу коня. А если вы шпионъ или посланецъ Каломарды, или маркиза де-Кампо Саградо, тогда я васъ разстрѣляю... Отвѣчайте, нечего больше разговаривать.

Дон-Серветъ отвѣтилъ безъ всякой запинки:

— Я ѣду въ Серверу съ приказаніями отъ Барселонской хунты.

— Покажите ваши пакеты, сказалъ Тилинъ, не глядя на своего собесѣдника.

— Данное мнѣ порученіе настолько секретно, что при мнѣ ничего нѣтъ писаннаго. Всѣ приказанія будутъ переданы устно.

Улыбка сомнѣнія и насмѣшки сжала громадные губы Тилина.

— Въ такомъ случаѣ, хунта дала вамъ пропускной листъ, для проѣзда по возмущившейся странѣ?

— Нѣтъ у меня никакого пропускного листа, ни чего-либо подобнаго, отвѣтилъ кавалеръ, не теряя присутствія духа. — У меня былъ листъ, но по ошибкѣ, за которую мнѣ теперь дорого придется заплатить, я оставилъ его у Хепъ дельсь-Эстаниса, когда являлся ему въ Вичъ.

— Странный случай!.. Ладно, передайте мнѣ устныя приказанія, которыя вы везете въ Серверу.

— Еслибы вы были братъ Августинъ Бари, настоятель капуциновъ въ Серверѣ, съ удовольствіемъ передалъ-бы. Но мой долгъ мнѣ приказываетъ умереть хоть сто разъ, но не выдать никому другому ни одного словечка.

— Такія ужь секретныя приказанія?

— Да, и столь важныя для Каталоніи, для Испаніи и для всего свѣта, что страшно даже подумать.

Тилинъ молчалъ съ минуту, поглаживая свою бороду; потомъ посмотрѣлъ на плѣнника и съ флегматическимъ спокойствіемъ сказалъ ему:

— Вы обманщикъ: вы просто шпионъ Каломарды! Я сейчасъ прикажу васъ разстрѣлять!

Плѣнникъ вздрогнулъ; но, осиливая леденящей страхъ, онъ возразилъ:

— Пусть такъ! Одинокій и беззащитный, я только передъ Богомъ могу протестовать противъ такого поступка. Но не одна божеская справедливость, а и человѣческая когда-нибудь отомститъ за меня; осыянный своими успѣхами, вы хотите прикрыть хоругвию вѣры убійство человѣка, который служитъ тому же дѣлу. Пусть такъ! Но вы скоро, очень скоро отдадите отчетъ въ моей смерти, и во всю свою жизнь, какъ-бы долга она ни была, вы не искупите своего преступленія.

Торжественный тонъ смутилъ на минуту королевскаго волонтера. Но, вперивши свой глубокой и пронизательный взглядъ въ лицо плѣнника, онъ все-таки сказалъ:

— Блянусь хвостомъ и хогтами сатаны! Если вы не измѣните, пусть меня разстрѣляютъ! Никогда я не ошибусь... Однако, у васъ былъ съ собою чемоданъ. Давайте-ка ключъ!

Серветъ досталъ ключъ, бросилъ его на полъ къ ногамъ Арменголя, повернулся къ нему спиною и, проведя рукою по лбу,

сталъ ходить изъ угла въ уголъ. Тилинъ отперъ чемоданъ и началъ рыться въ вещахъ съ усердіемъ подлаго таможеннаго.

— Плать... деньги... говорилъ онъ, вынимая разныя вещи.— А это что?

Онъ досталъ конвертъ. Называвшійся Серветомъ задрожалъ при видѣ письма въ рукахъ волонтера. Уже не сдерживаясь больше, онъ вскрикнулъ:

— Ну да, письмо, убійца! Прочти, если съужьнешь!

Тилинъ внимательно разсматривалъ три таинственныя буквы, написанныя на конвертѣ.

— Какіе-то масонскіе знаки, сказалъ онъ съ дьявольской улыбкою.— Что-бы это значило? F. P. D.? Хвостъ и копыто!.. Клянусь жизнью, я что-то подобное слышалъ отъ Мосенъ Бриспи!

— Эти три буквы, сказалъ Серветъ, схватившись за счастливую мысль, — значатъ: „Ferdinandum pedibus destrue“.

— А! Я слышалъ объ этой „Lilia pedibus...“ „топтала ногами лиліи...“.

— Здѣсь топчуть ногами Фернандо. Это яacobинскій знакъ, лемма...

— Лемма?.. заговорилъ Тилинъ съ безпокойствомъ.— А вотъ, прочтемъ, такъ увидимъ.

— Лемма апостолическая, подсказалъ скоро и твердо называвшійся дономъ Хаиме.

Тилинъ вскрылъ конвертъ и развернулъ письмо, но сейчасъ же воскликнулъ съ отчаяніемъ:

— Оно по-латыни!

На лицѣ плѣнника блеснулъ лучъ надежды. Онъ повеселѣлъ, какъ приговоренный къ смерти, передъ которымъ внезапно мелькнула надежда на спасеніе.

— Позову отца Масу, онъ переведетъ, проворчалъ Пепеть.

Лицо Сервета снова омрачилось. Но, къ счастью, Тилинъ, прежде чѣмъ отойти отъ чемодана, увидалъ другой конвертъ, на которомъ было написано:

*Сеньоръ, матери настоятельница
монастыря Сан-Саломона,
въ Сольсонъ.*

Озадаченный, онъ не отводилъ глазъ отъ этихъ словъ.

— Читайте, читайте, сказалъ плѣнникъ, оживляясь, — чи-

тайте: таковъ ужъ у воиновъ христовыхъ обычай заглядывать и въ женскія тайны.

— Это письмо...

— Это письмо отъ доньи Хосефины Комерфордъ, отвѣтилъ Серветъ съ непоколебимою наглостью.

Тилинъ, уже запустившій свой толстой палецъ подъ обложку, остановился. Пльнникъ, ставя на карту все въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, произнесъ:

— Довольно, однако! Меня возмущаетъ эта инквизиторская сцена. Если меня должны разстрѣлять, разстрѣливайте скорѣе. Приведите исповѣдника: я христіанинъ и католикъ. Пусть моя кровь падетъ на голову моего убійцы! Я прошу только объ одномъ...

— О чемъ?

— Чтобы эти свертки золота и это письмо были доставлены по назначенію.

— Монахиня?

— Да. Остального я не могу открыть. Тайна погибнетъ со мною, и на васъ пусть падетъ отвѣтственность за такое преступленіе.

Тилинъ быстро бросилъ письма въ чемоданъ и, сопровождая свои слова великодушнымъ движеніемъ руки, произнесъ:

— Вы свободны и можете продолжать свой путь.

И покуда проѣзжіи благословляли свою судьбу за счастливое окончаніе такого опаснаго приключенія, грозный воинъ складывалъ деньги и платье въ чемоданъ.

— У меня къ вамъ одна просьба, сказалъ онъ, окончивши укладку.

— Я къ вашимъ услугамъ.

— Передайте это письмо въ Сан-Соломонъ. Оно къ сестрѣ Теодорѣ де-Арансисъ.

Тилинъ досталъ изъ-за пазухи письмо, написанное имъ въ этотъ день, поглядѣлъ на него съ выраженіемъ нѣжности въ глазахъ и вручилъ его Сервету.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ФРАНЦУЗСКОЕ СЕЛО ВЪ КОНЦѢ XVIII ВѢКА *).

Когда умиралъ Людовикъ XIV, онъ вполне былъ убѣжденъ, что царствованіе его осчастливило Францію, что на развалинахъ стараго феодальнаго порядка онъ воздвигъ такое благосостояніе своего народа, какого еще не было нигдѣ. „Изъ-за виѣшняго блеска, окружавшаго короля,—говоритъ историкъ „Французскихъ крестьянъ“, Леймари, — онъ не видѣлъ тѣ многочисленныя толпы нищихъ, той страшной голытбы, на которую ему указывалъ Вобанъ; онъ не слышалъ или, вѣрнѣе, не хотѣлъ слышать ни стоновъ, ни воплей бретанской жакери и оставался въ полной увѣренности, что во Франціи все такъ-же обстоитъ благополучно, какъ въ его увеселительныхъ павильонахъ версальскаго сада“ (*Hist. des paysans en France*, p. 309). А между тѣмъ придворный проповѣдникъ, Масильонъ, вотъ что говорилъ въ своихъ письмахъ изъ Оверна: „Народъ нашихъ деревень живетъ въ ужасной бѣдности, не имѣя ни кроватей, ни мебели; у большинства цѣлую половину года не достаетъ овсянаго и ячменнаго хлѣба, составляющаго его единственную пищу; но и въ этомъ ему приходится часто отказывать и себѣ, и своимъ дѣтямъ, чтобы оплатить свои подати. Каждый годъ, во время моихъ посѣщеній, я съ грустію смотрю на это печальное зрѣлище... Въ этомъ отношеніи негры нашихъ острововъ гораздо счастливѣе французскихъ крестьянъ; первыхъ за ихъ трудъ кормятъ и одѣваютъ, точно такъ-же, какъ

---

*) *Le Village francais sous l'ancien régime*, par Albert Babeau. Paris, 1878.—*Une province sous Louis XIV*, par Alex. Thomas. Paris, 1858.—*Histoire des paysans en France*, par A. Legmarie. Paris, 1856.—*Histoire des classes rurales en France et de leurs progres*, par Henry Doniol. Paris, 1857.

ихъ женъ и дѣтей, а вторые, самыя трудолюбивыя въ королевствѣ, несмотря на самую суровую и упорную работу, не могутъ прокармливать себя и свои семьи и выплачивать налоговъ (Hist. des classes rurales en France, p. 404).

Впрочемъ, не одинъ король не хотѣлъ знать дѣйствительнаго положенія французской деревни; ее игнорировали и всѣ другіе высшіе классы, жившіе на ея счетъ и ея трудами. Для государственныхъ людей она существовала, только какъ платежная величина, и Кольберъ, министръ Людовика XIV, былъ совершенно правъ, докладывая королю, что „всѣ государственныя тягости падаютъ на народъ, а между тѣмъ никто не хочетъ знать его настоящаго положенія и войти въ его интересы“. Это онъ говорилъ по поводу декрета о прекращеніи злоупотребленій чиновниковъ, сборщиковъ податей и налоговъ, которые въ одно и то-же время наживались и на-счетъ народа, и королевскаго сундука. Для писателей всевозможныхъ оттѣнковъ деревня тоже не представляла никакого, ни соціальнаго, ни политическаго интереса, и слово „vilain“ было чѣмъ-то до такой степени презрѣннымъ, что о немъ не стоило и говорить. Только хроническія возставія простодушнаго Жака напоминали о его существованіи. „Почти весь XVIII вѣкъ, — говоритъ Дониоль, — не далъ ни одного публициста и историка, который-бы обратилъ вниманіе на положеніе крестьянства и сдѣлалъ его предметомъ своего изслѣдованія. Только кой-гдѣ разбросанныя замѣтки и официальные акты указываютъ на существованіе того, что мы теперь называемъ народомъ. И это продолжалось вплоть до революціи, которая своимъ взрывомъ вдругъ освѣтила эту угнетенную, разоренную и всѣми будто забытую массу“. (ib., p. 308.) Но и революція, такъ-сказать, мимоходомъ зацѣпила французское село и затѣмъ отвлекла вниманіе дѣятелей ея въ совершенно противоположную сторону. Экономическіе вопросы отступили на задній планъ, потому что вниманіе было поглощено политическими задачами и борьбой за личную и гражданскую свободу. На сценѣ явились привилегированныя сословія и ихъ представители, а народъ опять ступешался и замолкъ. Послѣдующіе историки революціи точно также отнеслись съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ положенію крестьянства, къ его роли и пассивному или активному участию его въ великой борьбѣ. Да и что имъ было за дѣло до

этого темнаго и бѣднаго Жака, когда цѣлые томы можно было наполнить описаніемъ грандіозныхъ картинъ, вродѣ ночи 4-го августа, или театрално блестящихъ сценъ изъ парижской жизни этой эпохи! И только въ послѣднее время французская литература стала удостоивать своимъ вниманіемъ вовсе неизящнаго Жака и останавливаться передъ вопросомъ: „что-же онъ такое, этотъ французскій мужикъ, пережившій столько катастрофъ и лиленій и все-таки непотерявшій ни своего великаго значенія, ни права на его несомнѣнный авторитетъ? Какъ онъ прожилъ болѣе тысячи лѣтъ, чѣмъ онъ былъ въ прошломъ и чѣмъ обѣщаетъ быть въ будущемъ? Эти вопросы съ каждымъ днемъ становятся болѣе и болѣе жгучими и требуютъ категорическихъ отвѣтовъ. Этого мало: многіе изъ французскихъ писателей начинаютъ догадываться, что безъ подробнаго и разносторонняго изученія крестьянскаго быта, во всѣхъ его историческихъ метаморфозахъ, исторія Франціи невозможна; безъ него она будетъ представлять не болѣе, какъ парадную страницу въ иллюстрированномъ альбомѣ, какія обыкновенно выставляются за витринами книжныхъ лавокъ для удовольствія уличныхъ ротозѣевъ. „Я не понимаю, говорилъ нѣкогда Огюстенъ Тьері, — какъ это демократическая нація, провозгласившая великій принципъ равенства, — нація, обязанная своей славой и столькими побѣдами своему народу, не имѣетъ и не хочетъ имѣть полной и подробной его исторіи. Народъ вынесъ на своихъ плечахъ величіе Франціи; слѣды его крови на поляхъ всего міра; плодами его умственныхъ и соціальныхъ побѣдъ воспользовалась вся Европа, а между тѣмъ мы не имѣемъ никакого понятія о его прошедшемъ и вислоко не интересуемся его настоящимъ. Онъ совершить подвигъ, онъ произведетъ великій переворотъ, онъ купитъ намъ цѣною своей жизни новое право на существованіе и свободу, и мы, убирая его поскорѣе со сцены, ставимъ затѣмъ, какъ ненужный кумиръ, въ самый темный уголъ и совершенно о немъ забываемъ“. („Etudes historiques“, р. 17).

Почти также думаетъ и авторъ „Французскаго села при старомъ порядкѣ“, Альбертъ Бабо, по поводу книги котораго мы говоримъ здѣсь. Сочиненіе его, при всѣхъ его критическихъ недостаткахъ, составляетъ значительный вкладъ въ литературу этого вопроса, уже давно ожидающаго всесторонней разработки.

Первыя главы своей книги Бабо посвящаетъ крестьянскому міру, крестьянскому самоуправленію. Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ, бросимъ бѣглый взглядъ на общинное землевладѣніе во Франціи, которому изслѣдователь французскаго села отводитъ не послѣднее мѣсто.

Долгое время держалось у насъ мнѣніе, что общинное землевладѣніе составляетъ какую-то особую отличительную черту славянскихъ народовъ, но теперь эта ученая иллюзія совершенно разсѣяна цѣлымъ рядомъ превосходныхъ изслѣдованій, какъ, на примѣръ, Дж. Ст. Миля и Мэна. Общинное землевладѣніе было одной изъ коренныхъ и генетическихъ формъ соціального строя не только у славянъ, но и въ Германіи, Италіи, Англии, Испаніи, Индіи и т. д.; въ Россіи оно только сохранилось долѣе, чѣмъ на Западѣ, въ его первобытной и болѣе чистой формѣ. Во Франціи оно также существовало съ незапамятныхъ временъ. Правда, уже въ XIII в., а, можетъ быть, даже и въ XI, во Франціи можно встрѣтить, при полномъ господствѣ крѣпостного состоянія, сильное стремленіе крестьянъ къ индивидуальной землевладѣнію, къ приобрѣтенію мелкихъ участковъ на правѣ личной собственности, и число этихъ мелкихъ собственниковъ особенно возрастаетъ въ XV вѣкѣ. Но рядомъ съ этими участками имѣются и обширныя общинныя земли: пашни, выгоны и лѣса; причѣмъ пашни и луга разбиваются на отдѣльныя части и распределяются между всѣми общинниками по жребію; передѣлы эти происходятъ приблизительно каждыя 15—20 лѣтъ. Въ этой формѣ общинное землевладѣніе продолжаетъ существовать въ продолженіи всего XVII и даже XVIII вѣка вплоть до революціи и слѣды его уцѣлѣли даже до-нынѣ, несмотря на упорную борьбу, которую общинѣ пришлось выдержать съ феодалами и съ подавляющимъ авторитетомъ королевской власти.

Сохранить общинамъ свои земли было, конечно, очень трудно. Но если онѣ и утратили ихъ, то отнюдь не потому, чтобы община въ себѣ самой носила задатки разрушенія, а вслѣдствіе разныхъ постороннихъ вліяній и подъ давленіемъ государственнаго фиска. Съ одной стороны, высшіе классы постоянно захватывали невоздѣланныя общинныя земли и государство утверждало эти захваты; съ другой—само государство, вмѣстѣ съ феодальнымъ сеньеромъ, отягощая общину непосильными поборами, заставляло

жителей или „брести розно“, ища себѣ болѣе льготной жизни на земляхъ крупныхъ васаловъ, или закладывать и продавать общинные участки, чтобы выплачивать недоимки. Такъ, напримѣръ, въ XVI в., когда феодальное дворянство достигло высшей степени своего господства, оно вездѣ захватываетъ невоздѣланныя общинныя земли, прибѣгая для этого то къ простому грабежу, то къ поддѣлкѣ документовъ, то къ уничтоженію хартій, утверждавшихъ за общинами владѣніе на извѣстныя пространства земли; и никакіе королевскіе указы, стремившіеся ограничить этотъ захватъ, не въ силахъ были остановить его, такъ-какъ фактически власть находилась въ рукахъ того-же дворянства. Эта борьба королевской власти съ феодальнымъ произволомъ, — борьба, имѣвшая цѣлю оградить крестьянъ отъ окончательнаго разоренія, почти всегда оканчивалась въ пользу феодаловъ. При этомъ, защищая общины отъ угнетенія ихъ дворянствомъ, государство, конечно, преслѣдовало прежде всего свои ближайшія фискальныя цѣли: оно стремилось главнымъ образомъ обезпечить себѣ исправный взносъ податей. Но такъ-какъ оно само въ то-же время прогрессивно увеличивало налоги, постоянно нуждаясь въ деньгахъ на разорительныя войны и на содержаніе громаднаго числа чиновниковъ, все болѣе и болѣе вытѣснявшихъ выборныхъ отъ общества, то само-же оно роковымъ образомъ вело къ подрыву и уничтоженію общиннаго землевладѣнія. Такъ, въ первой половинѣ XVII в., особенно во время войны Фронды, общины, разоренныя войной и налогами, вынуждены были распродать большую часть своихъ земель, а на оставшихся неприкосновенными участкахъ оказались въ послѣдствіи такіе громадныя долги (напримѣръ, 2,874,434 ливра на сельскихъ общинахъ одной Бургундіи), что владѣніе ими сдѣлалось чисто-номинальнымъ. До какой степени эти долги тяготѣли надъ деревней, можно видѣть изъ подробнаго перечня неоплатныхъ недоимокъ, лежавшихъ на двухъ третяхъ Франціи, — перечня, приводимаго Томасомъ въ его „Провинціи при Людовикѣ XIV“. Такъ, наприм., всѣ доходы общины Бонъ въ 1664 году простирались до 16,500 ливровъ, а долгъ ея былъ въ 559,494 ливра. Чтобы уплатить этотъ долгъ, община должна была, не расходуя ни копейки на свои неотлагательныя нужды, отдавать всѣ свои доходы въ продолженіи цѣлыхъ 30 лѣтъ только на погашеніе недоимки. А она росла съ

каждымъ годомъ въ возрастающей прогрессіи. Понятно, почему королевская власть приняла подъ свою защиту общину и старалась освободить ее отъ окончательнаго раззоренія подъ феодальнымъ гнетомъ. „Большая часть общинъ, говоритъ декретъ 1659 г., — была вынуждена продать и уступить вліятельнымъ лицамъ, т. е. мѣстнымъ помѣщикамъ, свои земли и права за очень небольшія деньги, и часто изъ этихъ денегъ онѣ ничего не получали, вслѣдствіе насилія пріобрѣтателей, которые подъ разными предлогами вынуждали владѣльцевъ подписывать въ документахъ, будто они, владѣльцы, задолжали раньше покупщикамъ или обязаны были отблагодарить ихъ“. Этотъ декретъ давалъ общинамъ право снова, безъ всякихъ оговорокъ, вступить во владѣніе землями, проданными за послѣдніе двадцать лѣтъ. Но декретъ, наносившій феодальной организаціи одинъ изъ самыхъ чувствительныхъ ударовъ, вѣроятно, не приводился въ исполненіе, и въ 1667 году Людовикъ XIV издаетъ уже новый законъ, по которому общины имѣютъ право выкупать по продажной цѣнѣ всѣ земли, проданныя ими съ 1620 года. Въ то-же самое время Кольберъ принималъ различныя мѣры, чтобы погасить долги, накопившіеся на общинахъ. Онъ безпощадно преслѣдовалъ казнокрадовъ, отнималъ привилегіи фиска у дворянъ и назначилъ общую ревизію финансовъ по всей Франціи. Ясно, однако, что къ единственной цѣлесообразной въ этомъ случаѣ мѣрѣ — къ уничтоженію долговъ или перечисленію ихъ на-счетъ государства Кольберъ не могъ прибѣгнуть; равнымъ образомъ, и казенныя недожки, въ силу государственной же необходимости, могли сълагдываться лишь изрѣдка, да и то только на половину суммы; а потому, несмотря на чувствительныя слова, сопровождавшія манифесты 1659 и 1667 года, общинныя земли не выкупались и громадная часть ихъ такъ и осталась въ рукахъ покупщиковъ и заимодавцевъ. Такимъ образомъ, не общины промотали свои земли, а государство, вовсе не желая того, допустило ихъ перейти въ руки „вліятельныхъ лицъ“.

Затѣмъ, въ первой половинѣ XVIII в., правительство, видя въ общинномъ землевладѣніи единственное обезпеченіе правильнаго взноса податей, всячески старалось поддержать это старинное учрежденіе. Но оно не придумало, да и не могло придумать, ничего лучшаго, какъ только регламентировать и обставить разными преградами право заклада и продажи этихъ земель. Ре-

гламентація въ это время доходить до крайнихъ предѣловъ: правительство зорко слѣдитъ за всякими расходами общинъ, и какъ только замѣчаетъ, что они превышаютъ платежныя силы, оно запрещаетъ ихъ. Но... принесла-ли это мѣра какіе-нибудь плоды?— неизвѣстно; надо думать, что она не имѣла никакого успѣха. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ историкъ того времени: „Тѣ дикіе звѣри, которыхъ мы называемъ *seigns* и *villains*, обитающіе въ какихъ-то удушливыхъ логовищахъ, не находя въ своемъ трудѣ удовлетворенія самымъ насущнымъ своимъ потребностямъ, бѣгутъ изъ своихъ деревень въ города и на большія дороги, чтобы милостыней и фабричной работой обезпечить себѣ существованіе. Община, обремененная непосильными долгами, уже болѣе не можетъ поддерживать ихъ; а истощенная почва и крайній упадокъ производительности увеличиваютъ общее раззореніе страны. Преступленія противъ собственности растутъ въ ужасающей прогресіи, и самыя строгія репрессивныя мѣры становятся безсильными“.

Наконецъ, начиная съ 1750 года, подъ вліяніемъ развивающагося городского пролетаріата и буржуазныхъ политико-экономическихъ теорій, то-же правительство, продолжая свою опеку, стало поощрять разверстку общинныхъ земель, и въ царствованіе Людовика XV изданъ цѣлый рядъ постановленій и предписаній интендантовъ, разрѣшающихъ эту разверстку; разверстка совершалась, такимъ образомъ, въ большинствѣ провинцій Франціи, особенно на сѣверѣ и на югѣ, причемъ земли дѣлились лишь между владѣльцами недвижимаго имущества; пролетаріи-же, батраки ничего не получали. Но, несмотря на это, раздѣлъ общинныхъ земель все-таки шелъ туго, такъ-что передъ самой революціей, по совершенно вѣрнымъ и нисколько не преувеличеннымъ расчетамъ вн. Васильчикова, крестьяне имѣли въ общинномъ владѣніи *отнюдь не меньше* пяти-шести миліоновъ гектаровъ, т. е. одну девятую часть всѣхъ удобныхъ земель, которыми тогда владѣли крестьяне. Даже и по-нынѣ крестьянскія общины Франціи владѣютъ болѣе чѣмъ 5½ миліонами гектаровъ, несмотря на всѣ продажи и разверстки, сдѣланныя до революціи и во время ея, и на захваты общинныхъ земель, совершенные въ силу закона 1857 года хищной стаей, окружавшей Наполеона III.

Судьба общинныхъ земель во время революціи извѣстна. За-

коны 1791, 1792 и 1793 годовъ уничтожили всѣ раздѣлы, произведенные со времени 1669 года, возстановили общины въ ихъ прежнихъ владѣніяхъ и пользованіяхъ, отнятыхъ у нихъ вслѣдствіе насилій феодальнаго дворянства, и объявили ихъ владѣльцами всѣхъ пустопорожнихъ земель. Но, возстановляя общины въ ихъ владѣніяхъ и давая имъ новыя земли, законъ 1793 года предписалъ вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣлить всѣ эти земли поголовно между всѣми общинниками безъ исключенія; ясно, что тамъ, гдѣ раздѣлъ былъ сдѣланъ. большая часть участковъ, доставшаяся бѣднымъ семьямъ и бобылямъ, распродана за безцѣнокъ и скуплена кулаками. Къ счастью, раздѣлъ, хотя и предписанный закономъ, не вездѣ былъ сдѣланъ, и общинное владѣніе во Франціи существуетъ кое-гдѣ и до сихъ поръ, съ раздачею полевыхъ надѣловъ по жребію.

Результаты этой многовѣковой борьбы коллективныхъ идеаловъ и общинной жизни народа съ индивидуалистическими инстинктами буржуазіи и съ требованіями государственнаго фиска слишкомъ хорошо извѣстны: съ одной стороны, около десяти миліоновъ сельскихъ батраковъ, повинувшихъ свои деревни, усиливаютъ контингентъ городского пролетаріата, работающаго надъ изготовленіемъ предметовъ роскоши, вовсе недоступныхъ остальнымъ 30 миліонамъ французскаго населенія; а до пяти миліоновъ мелкихъ землевладѣльцевъ владѣютъ землею только номинально, и концентрировка мелкихъ участковъ въ рукахъ немногихъ крупныхъ землевладѣльцевъ совершается съ возрастающею скоростью. Съ другой стороны, государство, сосредоточившее въ себѣ, какъ въ фокусѣ, всѣ политическія и соціальныя права прежней феодальной власти, стремится теперь развиться въ группы независимыхъ городскихъ комунъ и, вѣроятно, сельскихъ союзовъ. Наконецъ, пробуждавшееся въ рабочихъ классахъ стремленіе къ ассоціаціямъ и развитію промышленной дѣятельности, окончательное поглощеніе деревни городомъ и подавляющее вліяніе капитала на трудъ были неизбѣжными послѣдствіями этого экономическаго переворота.

Подобно общинному землевладѣнію, и мірское самоуправленіе существовало во Франціи съ незапамятныхъ временъ. Акты XI, XII и XIII вв. уже говорятъ объ автономныхъ сельскихъ общинахъ, которыя, то добиваясь отъ помѣщика признанія независи-

мости, то покупая это признаніе у государства, то, наконецъ, самовольно практикуя его, достигаютъ значительной самостоятельности по дѣламъ внутреннихъ распорядковъ. Въ концу средних вѣковъ правительство уже официально признаетъ за ними право управлять независимо своими землями: покупать, продавать и закладывать ихъ, право выбирать себѣ ходатаевъ на случай тяжбъ, имѣть свою администрацію, распредѣлять въ своей средѣ налоги и принимать участіе въ ихъ распредѣленіи по округамъ; а во время генеральныхъ совѣтовъ 1584 и 1614 годовъ выборные крестьянскихъ общинъ принимаютъ участіе и въ общемъ управленіи государствомъ. Позже огражденіе общины отъ помѣщичьего вліянія составляетъ одну изъ главныхъ заботъ центральной власти, и черезъ посредство интендантовъ она покровительствуетъ сельскимъ обществамъ, ограждаетъ ихъ отъ всякаго вмѣшательства помѣщика въ ихъ внутреннія дѣла и поземельные распорядки и отъ контроля помѣщичьихъ судовъ. Но при этомъ правительство преслѣдуетъ опять-таки исключительно фискальныя цѣли: охраняя земли отъ захватовъ помѣщика, оно прежде всего обезпечиваетъ возможность увеличивать свои доходы; устраняя участіе помѣщика въ сборѣ податей, оно стремится только—и само откровенно сознается въ этомъ—устранить лицо, которое болѣе заботилось-бы о своемъ карманѣ, чѣмъ о государственныхъ интересахъ; наконецъ, оно видитъ въ общинѣ и физическую рабочую силу, которую можно воспользоваться для своихъ денежныхъ цѣлей: такъ, оно признаетъ круговую поруку, чтобы обезпечить себѣ возможно полное ноступленіе податей, и изобрѣтаетъ новые налоги, тоже оплачиваемые круговой порукой, напримѣръ, налогъ на соль; оно вводитъ обязательную военную службу, въ которой привлекаетъ уже не одни прежніе служилые классы, а все крестьянство; оно заставляетъ общину провести сѣть государственныхъ дорогъ и чинить ихъ, возить войска, провіантъ, преступниковъ и выполнять длинный рядъ натуральныхъ повинностей.

Итакъ, охрана мірскаго самоуправленія въ селахъ служить въ XVII и XVIII вв. предметомъ постоянныхъ заботъ правительства, и, благодаря этому, автономія сель держится вплоть до революціи, но въ то-же самое время то-же самое правительство разрушаетъ послѣдніе слѣды муниципальной независимости городовъ. Въ этомъ отношеніи оно постоянно стремилось къ уничто-

женію выборнаго начала, замѣняя его своимъ административнымъ управленіемъ. Всякій разъ, какъ ему представлялся болѣе или менѣе благовидный предлогъ, оно накладывало свое „veto“ на муниципальные совѣты и назначало на мѣсто ихъ своихъ чиновниковъ и агентовъ. Правда, эта существенная реформа не обошлась безъ борьбы, иногда принимавшей довольно острый характеръ, особенно въ такихъ безпокойныхъ городахъ, какъ Дижонъ, но къ концу XVII вѣка въ большинствѣ провинцій отъ муниципальной автономіи оставалась только одна тѣнь. Бюрократическій порядокъ вездѣ вытѣснялъ общественный строй. Нѣтъ сомнѣнія, что, подъ влияніемъ этой государственной централизаціи и характеръ мірскаго самоуправленія совершенно преобразуется подъ опекою государства: кругъ его отправленій суживается, и въ XVIII в. оно становится лишь однимъ изъ орудій правительственной системы. Во всякомъ случаѣ, въ XVIII в. оно еще существуетъ, и вотъ какъ описываетъ его Бабо: „Въ воскресенье, послѣ обѣдни, когда женщины расходятся по домамъ, крестьяне собираются около церкви, большею частью подъ тѣнью традиціонныхъ вязовъ. Тутъ, усѣвшись на травѣ или на церковной оградѣ, или стоя, домохозяева, изъ числа которыхъ не исключались иногда и женщины, толковали о своихъ нуждахъ въ присутствіи судьи, старосты или писаря. Иногда сходка собиралась и въ самой церкви. Созывался сходъ самими крестьянами, и интенданты часто охраняли его отъ притязаній помѣщиковъ и ихъ судей, утверждавшихъ, будто имъ однимъ принадлежитъ право созывать сходъ: интенданты объясняли въ такихъ случаяхъ, что помѣщикъ или его судья могутъ присутствовать на сходѣ, но не иначе, какъ простые обыватели. Десять человѣкъ составляли сходъ; но если рѣчь шла о какомъ-нибудь займѣ общины, то требовалось присутствіе двухъ третей всѣхъ обывателей, и если міръ рѣшалъ сдѣлать заемъ, то къ приговору всѣ должны были приложить руку, или дать руку грамотному. Присутствовать на сходѣ было обязательно, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на отсутствующаго налагался штрафъ: четверть вина въ пользу міра, или четверть фунта воску въ пользу церкви“.

Міръ, конечно, выбиралъ себѣ старосту, называвшагося на югѣ консуломъ, а на сѣверѣ и въ центрѣ — синдикомъ. Сперва староста не былъ начальникомъ; это былъ, какъ и въ средневѣковой Руси,

Просто ходатай, родъ адвоката, или просто исполнитель рѣшенія міра. Но ясно, что этой роли государство не могло оставить за нимъ; въ XVIII вѣкѣ оно дѣлаетъ изъ него чиновника, правда, безвластнаго, но вполне зависящаго отъ него; оно взваливаетъ на него надзоръ за сборомъ податей, за рекрутчиной, за отбываніемъ натуральной повинности, за исполненіемъ мѣръ противъ падежей, за починкою сельскихъ дорогъ, за исправной продажей крестьянскаго добра при взысканіи недоимокъ и т. д. и т. д. Но такъ-какъ обязанности и права его никогда не были точно разграничены, то всѣ имъ помѣкаютъ: и интендантъ, и помѣщикъ, и міръ. Губернаторъ штрафуетъ его; помѣщикъ требуетъ себѣ „уваженія“ и при случаѣ дуется его палкой; крестьяне корятъ его за то, что онъ продалъ міръ, держать руку помѣщика, а начинаетъ онъ стоять за міръ, — интендантъ видитъ въ немъ бунтовщика. Словомъ, на эту должность смотрятъ скорѣе, какъ на повинность: богатые мужики отъезжаются отъ нея, а если и идутъ, то для того только, чтобы обирать міръ; часто въ выборѣ старосты орудуетъ за кулисами и помѣщикъ.

Но самыя несчастныя личности изъ мірскихъ выборныхъ были сборщики податей. Правда, нѣкоторые писатели утверждаютъ, что сборщики имѣли чуть не абсолютную власть въ раскладѣ податей между членами общины, причемъ они основываются на нѣкоторыхъ словахъ писателей XVIII в., приписывавшихъ неравномѣрную раскладку податей въ селахъ плутовству сборщиковъ. Но это не вѣрно, и эти-же писатели сами опровергаютъ свое утвержденіе, рассказывая, что за несчастная личность въ селѣ былъ этотъ сборщикъ. Раскладка податей производилась самою общиною, какъ это можно было-бы заключить à priori при существованіи круговой поруки (уничтоженной только въ 1775 году) и какъ это видно изъ нѣкоторыхъ актовъ; такъ, напримѣръ, если крестьянинъ жаловался на чрезмѣрное обложеніе и интендантъ или *subdélégué* (завѣдывавшій крестьянскими дѣлами) требовалъ сбавки, то міръ, а не сборщикъ, протестовалъ противъ нея. Отъ этой должности, которая не безъ основанія называлась *волчьей*, всѣ отъезжались, какъ отъ повинности, и богатые крестьяне всегда умѣли отъ нея отдѣлаться; попадали-же въ нее люди самыя безобидныя: какой-нибудь плохой мужиченко, а не то

я безотвѣтная баба-вдова. Подъ-часъ случалось, что общины вовсе отказывались выбирать сборщиковъ, и такой отказъ распространялся на цѣлыя провинціи. Въ другихъ случаяхъ выборы дѣлались только для вида, и должность отбывалась по очереди, по подворному списку. Словомъ, всѣ писатели единогласно говорятъ о незавидной участи сборщиковъ, которые не только должны были цѣлыя дни таскаться изъ дома въ домъ, выпрашивая уплаты, но еще постоянно отсиживали въ тюрьмахъ, когда недоимка росла. Такъ, въ 1789 году, въ тюрьмахъ одного изъ округовъ Шампани сидѣло за недоимки не менѣе 85 сборщиковъ и старость. — Что-же касается счетоводства сборщиковъ, то оно, конечно, было самое первобытное: бирка замѣняла всякіе грось-буки позднѣйшихъ временъ; когда въ 1784 года интендантъ Оша потребовалъ, чтобы ему привезли старыя счеты по оброку (taille), то сборщикъ явился съ двумя возами палокъ, на которыхъ были намѣчены рубчиками и крестиками взносы плательщиковъ.

Главною заботою міра была, конечно, разверстка пашенъ и луговъ, распахвка пустопорожныхъ земель, сдача ихъ въ аренду и займы подъ свою землю; причемъ, начиная съ конца XVII вѣка, правительство все болѣе и болѣе вмѣшивалось въ эти дѣла, ради сохраненія общинныхъ земель. Другимъ предметомъ заботъ были общинные лѣса, которые находились отчасти и подъ охраною лѣсничихъ. Эти послѣдніе опредѣляли ежегодно, какую часть лѣса можно вырубить, и продукты порубки дѣлились поровну между общинниками. На починку избъ лѣсъ отпускался особо, тоже подъ надзоромъ правительственнаго агента. Любопытно, что нѣкоторыя общины завладѣли, между прочимъ, правомъ охоты, которое, какъ извѣстно, принадлежало однимъ дворянамъ и считалось „неприличнымъ для сельскихъ обывателей“. Другія владѣли сообща рыбными ловлями, которыя правительство стало подъ конецъ предписывать отдавать въ кортомъ. Но вообще доходы общинъ были крайне ничтожны, и въ спискахъ, которые просматривалъ Бабо, въ графѣ доходовъ большею частью стоитъ *ничего* (néant.)

Но зато расходы ихъ были очень почтенные. Починка церкви, содержаніе дома для патера, поддержка кладбищенской ограды, устройство часовъ на колокольнѣ, содержаніе школы, расходы по набору, содержаніе неимущихъ, жалованье субделегату, плата курьерамъ, привозившимъ указы правительства (о новыхъ нало-

гахъ, конечно), подводчъ, содержаніе пастуха и школьнаго учителя (жившихъ иногда въ одномъ домѣ и получавшихъ одинаковое жалованье), содержаніе коновала, починка сельскихъ дорогъ и мостовъ и т. д. Наконецъ, бывали и необыкновенные расходы: напримѣръ, по тяжбамъ, или „на посылку двухъ окороковъ герцогу Ноальскому“, „на подарокъ, который намъ посоветовали сдѣлать господамъ выборнымъ Санса, чтобы сбавили оброкъ, — 32 ливра“, „на покупку подарковъ высокопоставленнымъ лицамъ“, „на украшеніе сада интенданта“ и т. п. Словомъ, если міру немного предстояло хлопотъ по управленію своими доходами, то немало было ему хлопотъ, чтобы удовлетворить всѣхъ тѣхъ, кто стремился тѣмъ или инымъ способомъ урвать что-нибудь изъ крестьянскаго обихода. И, — надо сознаться, — заботы эти еще болѣе усилились, когда правительство стало зорко опекавать общины, когда всякое новое обложеніе требовало разрѣшенія высшихъ властей.

Вотъ въ бѣгломъ очеркѣ главные предметы занятій мірскаго схода. Правда, что всѣ они сильно напоминали заботы пѣтуха, размышлявшаго, подъ какимъ соусомъ онъ желаетъ быть съѣденъ, но все-же міръ составлялъ нѣчто цѣльное и до нѣкоторой степени независимое. Съ наступленіемъ-же либеральныхъ реформъ Людовика XVI и это стало исчезать. Ученые политики нашли, что такое управленіе слишкомъ безформенно. „Сходки слишкомъ многочисленны, шумны и часто неразумительны“, писалъ Тюрго, и хотѣлъ ограничить ихъ присутствіемъ только солидныхъ людей, владѣющихъ недвижимою собственностью. Поэтому, въ Шампани, напримѣръ, уже въ 1776 и 1777 годахъ мірскіе сходы замѣнены собраніями нотаблей, которые должны были выбираться міромъ, или-же только частью крестьянъ, имѣющихъ право голоса; а за два года до начала революціи введена уже общая мѣра для большой части Франціи: мірскія сходки уничтожены и всѣ дѣла общиннаго самоуправленія переданы въ руки совѣта, состоящаго изъ 6—9 членовъ и въ которомъ непремѣнно засѣдаютъ священникъ и помѣщикъ. Словомъ, введенъ родъ всеобщей волости, въ которой члены совѣта выбирались уже не міромъ, а только тѣми изъ обывателей, кто платитъ 10 ливровъ поземельнаго и личнаго налога. Впослѣдствіи мірскіе сходы были созваны еще разъ въ 1789 году, при выборахъ въ національное собраніе; но и на

нихъ допускались только 25-лѣтніе и записанные въ тягло. „Любопытно, — замѣчаетъ Бабо, — что крестьянскіе cahiers („тетради“, раздававшіяся выборнымъ и содержавшія изложеніе нуждъ избирателей) нигдѣ почти не требуютъ возстановленія мірскаго схода. Мы думаемъ, что это объясняется отчасти тѣмъ, что когда рѣчь шла о продажѣ или арендѣ общинныхъ земель, то мірской сходъ все еще продолжалъ собираться, и еще тѣмъ, что крестьянскія тетради не были выраженіемъ голытбы, а скорѣе болѣе зажиточныхъ крестьянъ-кулаковъ, чрезвычайно усилившихся въ царствованіе Людовика XVI и невидѣвшихъ никакой пользы въ прежнемъ сходѣ; извѣстно, что большая часть дошедшихъ до насъ „тетрадей“ была писана или сельскими адвокатами, или грамотьями изъ нарождающейся сельской буржуазіи“.

Въ самый разгаръ крестьянскаго возстанія, т. е. 14 декабря 1789 года, національное собраніе окончательно уничтожило мірской сходъ и создало вмѣсто него совѣтъ, избираемый только тѣми, кто платитъ подать, равную тремъ рабочимъ днямъ; самый сходъ запрещенъ и не иначе, какъ съ разрѣшенія совѣта, могъ собираться въ крайней надобности. При конвентѣ мірской сходъ опять разрѣшенъ, въ видѣ *assemblée primaire*, выбирающей совѣтъ, и на него допускались всѣ граждане безъ исключенія; но онъ долженъ былъ состоять не менѣе какъ изъ 200 человекъ. Консульство, имперія и королевство, конечно, и не думали о возстановленіи его.

Такимъ образомъ, и съ общиннымъ самоуправленіемъ государство распорядилось такъ-же, какъ и съ общиннымъ землевладѣніемъ. Сперва оно приняло его подъ свою охрану, но не потому, чтобы оно, дѣйствительно, хотѣло охранить и улучшить его, а потому, что въ немъ оно видѣло своего слугу и пособника для болѣе успѣшной борьбы съ феодальнымъ самоуправствомъ и новое средство закабалить самобытные крестьянскіе союзы и обращать ихъ въ органы государства, въ новое орудіе экономической эксплуатаціи въ пользу центральнаго фиска. Неудивительно, что потомъ административная машина стала скрипѣть при всякомъ своемъ движеніи, что при отсутствіи независимаго мірскаго схода крестьянинъ (какъ это превосходно доказали Токвиль и Миль) потерялъ всякій интересъ къ общественнымъ дѣламъ, что погоня за должностями и соединенными съ ними разными привилегіями

(по выбору или по назначенію — это все равно) проникла изъ высшихъ правительственныхъ сферъ въ каждую провинцію, въ каждый городъ, въ каждое село, что все общество раздѣлилось на управляемыхъ и управляющихъ, что послѣдніе выродились въ особую касту, живущую управленіемъ другихъ. Говорить, что государство могло-бы или должно было-бы сохранить мірское самоуправленіе, а не уничтожать его, — было бы бесплоднымъ соболѣзнованіемъ. Уничтожая его, французское государство оставалось вѣрнымъ своему основному принципу: замѣнить свободную группировку снизу вверхъ насильственной группировкою сверху внизъ и передать заботу объ общихъ дѣлахъ изъ рукъ всѣхъ въ руки немногихъ. Эта бюрократическая сѣть, охватившая Францію со всѣхъ концовъ, впоследствии развилась въ такую чудовищную централизацію, что ни одна общественная функція не была свободной. Шло-ли дѣло о починкѣ сельской колокольни или о постройкѣ плотины и моста — все восходило на благоусмотрѣніе властей, начиная отъ полевого сторожа и до короля, смотря по важности предпріятія. Машина эта, крайне сложная и неуклюжая, дѣйствовала медленно и тяжело, отучая народъ постепенно отъ своей собственной инициативы и предпримчивости.

Теперь посмотримъ на отношенія сеньера къ французскому крестьянину.

Въ XVIII в. феодальный замокъ, нѣкогда служившій убѣжищемъ для крестьянъ, опустошаемыхъ войнами и возстаніями, впоследствии сдѣлавшійся разбойничьимъ гнѣздомъ и предметомъ ужаса для сосѣдей, сталъ уже приходиться въ упадокъ. Забрала стѣны разсыпаются, башни обращаются въ груды развалинъ, всякіе мосты спущены развѣ навсегда, рвы зарастаютъ. Сеньеръ не живетъ больше въ замкѣ, а если и живетъ, то въ стѣнахъ вмѣсто узкихъ бойницъ пробиты широкія окна; вмѣсто волчьихъ ямъ и капкановъ разводятся сады, гдѣ избѣженное дворянство окружаетъ себя балующими глазъ цвѣтниками, идилическими бесѣдками и въ празднонѣгѣ проводитъ лишенную смысла жизнь. Надъ своевольнымъ феодаломъ-воинемъ возвысился король, и уже въ XVI вѣкѣ этотъ глава возникающаго государства велитъ ломать замки, построенные безъ его позволенія; вѣкомъ позже, онъ запрещаетъ исправлять обветшалые замки, а въ началѣ XVII в., поддерживаемый третьимъ сословіемъ и даже духовенствомъ, онъ приказываетъ раз-

рушить не одинъ старинный оплотъ феодализма противъ королевской власти. Впослѣдствіи озлобленный Жакъ, уже не ожидая королевскихъ декретовъ, самъ началъ жечь послѣдніе замки и растаскивать ихъ камни на постройку своихъ хижинъ. Въ другихъ мѣстахъ на мѣстѣ разореннаго дворянскаго гнѣзда вырастаютъ, какъ въ романѣ Шпильгагена, безвкусный, аляповатый домъ разбогатѣвшаго буржуа. Правда, этотъ буржуа еще не смѣетъ выстроить голубятни — прерогативы дворянина; онъ не смѣетъ также поставить на шпиль скрипящій четырехугольный флюгеръ — символъ дворянскаго герба; но время идетъ, и скоро, провозгласивъ могущество капитала, онъ вывѣситъ свое „комерческое“ трехцвѣтное знамя — символъ соглашенія всѣхъ партій и начнетъ эксплуатировать крестьянскія поля, какъ никогда еще не эксплуатировали ихъ голуби сеньеровъ.

Въ концѣ XVIII вѣка отъ феодальнаго режима остались однѣ развалины и кой-какіе слѣды прежняго дикаго произвола. Политическая власть вся была въ рукахъ короля, а матеріальная сила и богатство — въ рукахъ средняго сословія. Прежніе гордые сеньеры теперь толпились въ длинныхъ коридорахъ версальскаго дворца и то, что нѣкогда брали силой, теперь вымаливали и выпрашивали холопствомъ. Старый феодалъ сошелъ со сцены. Прошло то время, когда онъ жилъ въ своемъ помѣстьи, какъ король, окруженный конюхами, пажами, дворянами и лакеями, когда собственныя войска охраняли его и колоколь сзывалъ на „выходъ“ цѣлую свору дворянъ-прихлебателей, когда за обѣдомъ онъ возсѣдалъ подъ балдахиномъ, на возвышеніи, и все, отъ крестьянина до интенданта и придворной челяди, падало ницъ передъ нимъ. Большинство мелкихъ дворянъ, еще непокинувшихъ своихъ родовыхъ и наслѣдственныхъ гнѣздъ, стараясь сохранить прежній характеръ жизни, становятся только смѣшными въ глазахъ крестьянъ. Они держатъ по-прежнему „пять лакеевъ, двѣ дѣвки, да псарню,“ ведутъ праздную жизнь; но оборванный видъ этого сеньера и его прислуги заставляеть только подсмѣиваться надъ нимъ, сперва втихомолку, а потомъ и въявь. „Они были жалки, говорить современники, — когда, съѣхавшись къ обѣднѣ, сажались на свою скамью, требовали отъ патера, чтобы онъ кропилъ ихъ, подносилъ имъ просвиру, а потомъ развѣзжались по домамъ на своихъ

тощихъ вляченкахъ“. Недаромъ крестьянинъ сложилъ пѣсенку о нихъ:

C'est un gentilhomme de Beauce,
Qui se tient au lit quand on refait ses chausses *).

„И въ чему, говорить одинъ писатель въ 1756 году, — эти знаки почета, обращающіеся въ ничто, влѣдствіе бѣдности, эта особая скамья въ приходской церкви, въ которой по настоящему слѣдовало-бы поставить кружку въ пользу помѣщика, эти именныя молитвы священника, который, еслибы смѣлъ, то скорѣе замѣнилъ-бы ихъ воззваніемъ къ благотворительности прихожанъ!.. Всѣ эти претензіи на превосходство становятся тѣмъ смѣшнѣе, что онѣ не оправдываются никакими дѣйствительными фактами. Какую власть можетъ имѣть помѣщикъ надъ крестьяниномъ, когда онъ не можетъ ни заставить его что-нибудь сдѣлать, ни оплатить его работы? А таково положеніе большей части дворянъ. Наскучивши бѣдною жизнью среди крестьянъ, которые болѣе его не уважаютъ, дворянинъ часто продаетъ свои земли и идетъ искать счастья при дворѣ или въ войскахъ. Онъ выпрашиваетъ, чтобы его сыновей приняли даромъ въ военную школу, а для себя добивается пенсіи или простой подачки. Его земли обыкновенно приобрѣтаетъ разбогатѣвшій буржуа, желающій извлечь изъ нея какъ можно больше дохода. Онъ пренебрегаетъ пустыми помпами, но дорожить болѣе всего деньгами, зная очень хорошо, что онѣ дѣйствительнѣе всякихъ помпъ“.

Эти немногія слова резюмируютъ все, что можно сказать о матеріальномъ положеніи тогдашняго дворянства, такъ вѣдо осмѣянаго въ памфлетахъ XVIII вѣка. Въ то-же время и его общественное значеніе умалилось почти до нуля.

Административной, полицейской власти въ деревняхъ сеньеры уже не имѣютъ никакой; все перешло въ руки центрального правительства. Конечно, богатый аристократъ пользовался и въ концѣ XVIII вѣка большимъ вліяніемъ у интендантовъ и провинціальныхъ властей, но это было личное вліяніе, обусловленное связями, а не закономъ. Съ мелкимъ-же помѣщикомъ губернскія власти не церемонились и въ спорахъ, возникавшихъ между дворянами и крестьянами, очень часто брали сторону послѣднихъ;

*) Это дворянинъ изъ Боса; онъ вьдается въ постели, пока чинятъ ему обувь.

точно также и въ судѣ, какъ это мы сейчасъ увидимъ ниже, власть помѣщика выражалась скорѣе косвенно, чѣмъ непосредственно. Мы видѣли также выше, что къ концу царствованія Людовика XVI правительство попыталось поднять снова власть помѣщика въ деревнѣ, давая ему мѣсто въ сельскомъ самоуправленіи и предоставляя предсѣдательствовать въ совѣтѣ нотаблей. Но крестьянское возстаніе въ деревняхъ, вызванное отчасти борьбой съ послѣдними феодальными прерогативами, скоро унесло это жертвожденное учрежденіе.

По самому любопытному для насъ вопросу объ экономическихъ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ историки французской деревни крайне бѣдны фактами. Надо, впрочемъ, правду сказать, что и во всей французской литературѣ царить по этому предмету полный хаосъ. Это отчасти объясняется тѣмъ, что тогдашняя Франція не была такимъ строго регламентированнымъ государствомъ, какимъ мы знаемъ ее теперь; въ различныхъ провинціяхъ, въ различныхъ мелкихъ округахъ отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ были не одинаковы. Они представляли собою результатъ экономической борьбы, длившейся цѣлыя столѣтія между каждымъ феодаломъ и каждою общиною порознь, лицомъ къ лицу, при сравнительно слабой центральной власти. Какое-же могло быть тутъ однообразіе?

Не вдаваясь въ подробности, можно, впрочемъ, такъ охарактеризовать эти отношенія. Въ половинѣ XVIII вѣка крѣпостное право уже почти не существовало. Со времени XIII в. и даже съ XI в., когда были сдѣланы первые шаги на пути уничтоженія его, оно медленно, но постепенно исчезало во Франціи, и вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, т. е. въ 1777 году, Людовикъ XVI уничтожилъ послѣдніе остатки его въ королевскихъ имѣніяхъ, а за нимъ уничтожили его въ своихъ имѣніяхъ и крупные землевладѣльцы. Поэтому въ концѣ XVIII в. мы находимъ только 80,000 крѣпостныхъ въ Юрскихъ горахъ и, можетъ быть, еще до одного миліона отдѣльными группами въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, преимущественно церковныхъ. Но и это не были крѣпостные въ собственномъ смыслѣ, а только mainmortables, т. е. такіе крестьяне, которые были прикрѣплены къ землѣ, но не находились въ личной зависимости, или-же такіе,

по смерти которыхъ помѣщикъ наследовалъ все ихъ имущество. Личная-же крѣпостная зависимость давно исчезла во Франціи.

Но съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости, экономическое подчиненіе крестьянъ помѣщику не уменьшилось; оно, можетъ быть, даже усилилось; такъ по крайней мѣрѣ надо думать потому, что земли все болѣе и болѣе переходили въ руки привилегированныхъ классовъ. Извѣстно, что передъ революціею крестьяне владѣли только четвертою частью всѣхъ земель, а остальные три части принадлежали дворянамъ и духовенству. На этихъ земляхъ жили крестьяне, или какъ арендаторы, по условію или по обычаю, или, гораздо чаще, какъ исполнители; и размѣры того, что они платили помѣщику въ томъ и другомъ случаѣ, были чрезвычайно велики; причѣмъ платилось и деньгами, и въ видѣ всевозможныхъ поборовъ. Жалобы на высокую плату за землю, на самые разнообразные поборы за нее и на выкупъ за бывшую крѣпостную зависимость (даже за обязательство караулить его замокъ и унимать ввабающихъ лягушекъ) были повсемѣстны. Кромѣ того, помѣщикъ взималъ пошлину при продажѣ и покупкѣ каждаго участка земли, доходившую иногда до четверти, а иногда и до половины его стоимости. Ему платили также оброкъ (*taille*), размѣры котораго хотя и были ограничены законами, но все-таки были очень велики; наконецъ, барщина тоже существовала въ разныхъ мѣстахъ, но надъ ней былъ организованъ строгій правительственный контроль. Впрочемъ, если законъ XVI вѣка и ограничивалъ господскую барщину двѣнадцатью днями въ году, а въ XVIII в. она, можетъ быть, была даже еще меньше, то нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что та-же барщина въ XVIII вѣкѣ возродилась въ другой формѣ — въ видѣ всякихъ работъ, отбываемыхъ на помѣщика, по соглашенію съ нимъ. Кромѣ того, сеньоръ имѣлъ еще очень много разнообразныхъ другихъ правъ: напримѣръ, право содержать кабакъ, право на ярмарку, право взиманія пошлинъ на нѣкоторыхъ мѣстахъ и перевозахъ (приходившее, впрочемъ, въ упадокъ), право исключительной продажи вина въ первый мѣсяцъ по сборѣ винограда и т. д.

Что-же касается такихъ феодальныхъ обязательствъ, какъ обязательство крестьянъ молоть хлѣбъ на господской мельницѣ, печь хлѣбъ въ господской печи, жать вино въ господской да-

вильнѣ и т. д., и т. д. (такихъ правъ насчитываютъ до трех-сотъ), то они существовали, но не повсемѣстно; и общественное мнѣніе было уже противъ этихъ мелкихъ придирокъ, такъ-что интенданты нерѣдко отказывали помѣщикамъ, когда они преслѣдовали крестьянъ за неисполненіе подобныхъ обязательствъ. Эти права и прерогативы, ужь слишкомъ мозолившія глаза всѣмъ, какъ архаическій остатокъ стараго феодализма, теперь исчезали сами собою въ царствованіе Людовика XVI. Но право охоты существовало еще во всей силѣ; помѣщичьи егери постоянно преслѣдовали браконьеровъ, въ то время, какъ дворянская дичь, особенно кролики, опустошала крестьянскія поля. Жалобы на этихъ опустошителей, особенно на кроликовъ, были тогда такъ-же часты, какъ теперь въ Англій. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что, когда историки даютъ намъ длинный списокъ самыхъ разнообразныхъ феодальныхъ повинностей, они положительно вводятъ насъ въ заблужденіе. Нѣкоторыя права существовали только въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, особенно въ восточныхъ, другія—только въ нѣкоторыхъ селахъ, и рядомъ съ селомъ, гдѣ имѣлась, на примѣръ, господская давальня, стояло село, гдѣ ея не было; или-же существовала господская печь, но не было ни одного изъ тѣхъ правъ, которыя сохранились въ другихъ мѣстахъ. Наконецъ, всѣ историки до сихъ поръ слишкомъ смѣшиваютъ права, существовавшія въ разныя времена, и совершенно упускаютъ изъ вида, что очень многія повинности въ концѣ XVIII вѣка или исчезли сами собою, или были уничтожены во время реформъ Людовика XVI, а не то и просто рѣшеніями интендантовъ.

Вообще мы думаемъ, что будемъ недалеки отъ истины, если скажемъ, что, хотя подобныя феодальныя права болѣе всего кололи глаза, но не они были главною тягостью, давившею крестьянъ передъ революціей. Главная тягость по отношенію къ помѣщику была въ платѣ ему за землю, въ выкупѣ и въ натуральныхъ повинностяхъ и поборахъ, выполняемыхъ по условіямъ. Недаромъ во время возстанія крестьянъ въ 1789 году главное озлобленіе ихъ было направлено не противъ мельницы, давальни или псарни; нѣтъ, крестьяне прежде всего протестовали противъ тяжелыхъ налоговъ и угрожали, говоря, что первый, кто заплатитъ что-нибудь помѣщику, и первый помѣщикъ, который возьметъ что-нибудь, будутъ казнены,—такъ, говорятъ они, приказано

королеми, котораго указъ ходитъ по деревнямъ вмѣстѣ съ его вторымъ сыномъ; или-же они идутъ на замокъ, чтобы завладѣть *terrier*'омъ — уставною грамотою, гдѣ прописаны всѣ ихъ земли и размѣръ платежей и поборовъ за нихъ, и сжечь ее. Вездѣ тяжелая аренда и тяжелый выкупъ — главные импульсы озлобленія. Въ заключеніе не мѣшаетъ замѣтить для полноты, что то, что платилось помѣщику, было все-таки нѣсколько меньше того, что платилось въ видѣ всякихъ налоговъ государству.

Одна изъ главныхъ привилегій дворянства — право суда на своихъ земляхъ тоже существовала только номинально въ ХVІІІ вѣкѣ. Прошли тѣ времена, когда владѣнія грознаго феодала узнавались по висѣлицамъ и позорному столбу, когда на пути къ замку встрѣчались вмѣстѣ съ гербами на щитахъ и желѣзные ошейники на красныхъ столбахъ. Теперь правительство взяло на себя право охранять народъ отъ дворянскаго произвола, но ему не сдѣлалось оттого легче.

Въ ХVІІІ вѣкѣ отъ древняго права суда осталось только право помѣщика назначать судью, но и то съ большими ограниченіями. Судья, назначенный имъ, долженъ былъ избираться изъ судейскихъ-же, пробывшихъ нѣсколько времени при какомъ-нибудь королевскомъ судѣ, который утверждалъ всякаго судью; а при отправленіи обязанностей судья находился подъ надзоромъ парламента и королевскаго прокурора. Лучше-ли стало отъ этого народу? Нѣтъ сомнѣнія, что произвола и самоуправства было меньше; но такъ-какъ судья (*bailli*) все-таки былъ представителемъ административныхъ интересовъ, то онъ находился подъ ихъ давленіемъ, и такъ-какъ онъ принадлежалъ къ привилегированному сословію, то тянулъ на руку помѣщика, а королевскій прокуроръ (*procurateur fiscal*), который наблюдалъ также за исправностью взносовъ помѣщичьихъ оброковъ, частенько бывалъ просто управляющимъ, а не то и лакеемъ помѣщика. И если по закону власть помѣщика и была ограничена, то околное его вліяніе бывало нерѣдко такъ-же сильно, какъ и въ эпоху полного господства феодальныхъ порядковъ. Достаточно было, напримѣръ, малограмотному господину де-Фонтену написать начальнику провинціи, что

въ его селѣ „завелся грубіянь, который ко св. причастію не ходитъ и патера оскорбляетъ“, и прибавить: „если вы позволите мнѣ посадить его въ тюрьму, то я полагаю, что это будетъ очень полезно для примѣра, тѣмъ болѣе, что есть въ селѣ и другіе грубіяны“,—чтобы начальство дало на то полное согласіе и начиналось полное безсудіе; оговореннаго заключали немедленно въ тюрьму, если помѣщикъ вносилъ кормовныя.

Кромѣ помѣщичьихъ судовъ, по деревнямъ существовали еще королевскіе суды, юрисдикціи которыхъ были страшно запутаны и постоянно сталкивались съ помѣщичьими судами. Но мы не станемъ распространяться о нихъ и отмѣтимъ только ту любопытную черту, что въ XVIII вѣкѣ по селамъ расплодилось страшное множество подъячихъ, въ свою очередь расплодившихъ страшное множество судейскихъ вляузъ и процесовъ. „Эти науки, писалъ современникъ,—такъ опутали народъ своей паутиной, что сосѣдъ съ сосѣдомъ боялся говорить, чтобы не возбудить противъ себя какого-нибудь судебного преслѣдованія“. А между тѣмъ это крапивное сѣмя все росло и росло. Въ маленькихъ приходахъ насчитывали, напримѣръ, по шести прокуроровъ и по шести нотаріусовъ, которые составляли въ нѣкоторомъ смыслѣ тѣсно-сплоченную касту.

„— Отложите въ сторону оружіе и мирно обрабатывайте землю, говорилъ феодалъ, платите мнѣ небольшую подать: я одинъ съ моими слугами обороню васъ отъ всякихъ набѣговъ. Я выстрою замокъ: онъ будетъ вашимъ убѣжищемъ. Я никогда не дамъ васъ въ обиду“: такъ говорилъ нѣкогда феодалъ окрестнымъ крестьянамъ. Крестьяне складывали оружіе, скоро забывали его употребленіе, но феодалъ не оборонилъ ихъ; мало того, онъ самъ сдѣлался впоследствии хищникомъ, грозой своихъ данниковъ. и его непрерывныя войны съ сосѣдями довели крестьянъ до того, что они снова взяли, наконецъ, за оружіе, чтобы положить предѣлъ непрерывнымъ грабегамъ. Тогда явился новый покровитель — король. Крестьяне видѣли, что онъ ведетъ войну съ ихъ притѣснителями, раззоряетъ ихъ разбойничьи гнѣзда, вмѣсто пристрастныхъ помѣщичьихъ судей ставитъ своихъ, болѣе безпристрастныхъ, и они признали въ королѣ своего покровителя. Такимъ образомъ,

они помогли королю создать государство, и вотъ черезъ нѣсколь-
ко сотъ лѣтъ мы видимъ, что это государство при Людовикѣ
XIV все сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ, все поглощаетъ
въ себя. Увлеченное въ этомъ направленіи идеаломъ своего могу-
щества, оно не сумѣло отличить здоровыхъ общественныхъ эле-
ментовъ отъ гнилыхъ и подъ-вонецъ уничтожило даже послѣдніе
слѣды прежняго самоуправленія, въ которомъ оно могло почерп-
нуть свою силу и жизнь. Мало того, поработная васаловъ, унич-
тожая ихъ власть и самое ихъ обаяніе, оно ухитрилось еще
болѣе покорить крестьянъ не только себя, но и самымъ потом-
камъ этихъ васаловъ, сдѣлавъ крестьянина экономическимъ ра-
бомъ того-же феодала, только подъ другимъ именемъ. Обременяя
народъ постоянно возрастающими налогами, оно въ то-же время
пренебрегало развитіемъ производительныхъ силъ страны и обра-
тило вниманіе на ея истощеніе тогда, когда уже были безсильны
всякія паліативныя мѣры.

Дѣйствительно, во всей исторіи Франціи налоги росли бы-
стрѣе благосостоянія, и ни бѣдность крестьянъ, ни накоп-
ляющіяся недоимки не могли остановить этого роста. „На-
родъ, говорили выборные на соборѣ 1484 года, — находится
въ худшемъ положеніи, чѣмъ даже при феодальномъ угнетеніи“;
налоги-же увеличивались. Въ 1535 г. писалось, что на-
родъ не въ силахъ нести большихъ податей, а подати все ро-
сли. Въ 1680 г. Кольберъ пишетъ, что народъ бросаетъ землю
и идетъ толпами въ бродяги и нищіе, за невозможностью выпла-
чивать подати, и, несмотря на это, съ 1757 по 1789 г. на-
логи возрастаютъ съ 283 миліоновъ ливровъ до 476 миліоновъ.

Перечислять-ли всѣ эти налоги? Говорить-ли объ оброкѣ (taille)
поземельномъ и, такъ-сказать, приблизительно подходящемъ на-
логѣ, размѣры котораго опредѣлялись центральной властью, а
потомъ раскладывались по провинціямъ, по округамъ и въ каж-
домъ округѣ. при помощи выборныхъ между общинами, послѣ
чего община сама раскладывала налогъ въ своей средѣ, въ при-
сутствіи комисара? Извѣстно, что этотъ оброкъ взимался толь-
ко съ „неблагородныхъ“ (roturiers). Говорить-ли о добавочномъ
оброкѣ (taille additionnelle), который скоро достигъ половины
нормальнаго налога, о двадцатыхъ, которыя взимались со всѣхъ
безъ исключенія, смотря по стоимости ихъ земли, т. е. со всѣхъ

de jure, тогда - какъ на дѣлѣ духовенство откупалось отъ него, а дворянство оцѣнивало свои земли по баснословно-низкой нормѣ? Говорить ли, что эти двадцатия были введены, чтобы замѣнить мало-по-малу оброкъ, но что оброкъ увеличивался и двадцатия возрастали? Говорить ли, наконецъ, о capitation (подушныхъ), которыя опять-таки взимали de facto только съ roturiers? Достаточно сказать, что налоги эти разрослись до того, что, напримеръ, ферма, которую нельзя было отдать въ аренду дороже 240 ливровъ, платила въ концѣ XVIII вѣка 35 ливровъ taille, 17 ливровъ taille additionnelle, 21 ливръ capitation, 24 ливра vingtièmes и 5 ливровъ вмѣсто натуральной повинности, всего 106 ливровъ изъ 240, не считая аренды помѣщику за землю; а что касается до нефермеровъ, то овернское собраніе прекрасно доказало, что они платили еще болѣе, т. е. отъ 56% до 71% своего дохода государству, да еще приблизительно половину того помѣщику. Эти цифры лучше всякихъ разсужденій характеризуютъ тогдашніе поборы, особенно если прибавить, что всякая недоимка взыскивалась, по словамъ современниковъ, съ такою-же строгостью, какъ военная контрибуція: двери, окна, самая солома съ крыши продавались съ аукціона.

Но одни прямые налоги, какъ ни были они велики, все-таки оказывались недостаточными, чтобы удовлетворить всѣмъ потребностямъ государства, и явились косвенные налоги на соль и вино, столь ненавистные народу и которые французское правительство счумѣло сдѣлать еще болѣе ненавистными по способу ихъ взиманія. Кто не знаетъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ въ половинѣ XVIII вѣка французскій крестьянинъ былъ обязанъ брать семь фунтовъ соли въ годъ на всякую душу и платить за нихъ втридорога? Кто не знаетъ также, что послѣ хлѣба налогъ на соль и акцизъ на вино были главными орудіями народныхъ волненій и главнымъ горючимъ матеріаломъ для подготовленія революціи? Эти-то налоги и создали смѣлую расу контрабандистовъ, которые позже, въ 1789 г., первые составляли шайки, двигавшіяся изъ села въ село, чтобы жечь помѣщичьи замки и уставныя грамоты и уничтожать во имя короля всѣ помѣщичьи поборы за землю.

Но скоро и всѣхъ этихъ налоговъ оказалось недостаточно. Расходы государства прогрессивно увеличивались; войны и содержаніе громаднаго войска, самой сложной и дорогой бюрократиче-

скої машины, поглощали огромныя суммы, а между тѣмъ новыхъ источниковъ для дохода не открывалось. Въ концѣ концовъ за все и про все отвѣчало то-же село, которое сосалось такимъ образомъ государствомъ, какъ Франція. До XVII вѣка государство брало съ него одни денежные поборы, но позже, когда платежная сила изсыхла, оно требовало у сель ихъ времени и рукъ для натуральныхъ повинностей и рекрутчины. Государство, такимъ образомъ, скоро замѣнило помѣщика, который долгое время пользовался тою-же натуральною повинностью, какъ ему вздумается (*à merci*). Помѣщичьи дороги съ ихъ пошлинами и перевозки съ ихъ мытами, правда, исчезаютъ, но является потребность въ государственныхъ дорогахъ, большихъ, широкихъ, обсаженныхъ деревьями, превосходно шоссированныхъ, соединяющихъ между собой губернскіе города; такимъ образомъ, дорожная повинность вводится уже при Людовикѣ XIV. Въ 1737 году дорожныя натуральныя повинности отбываются повсемѣстно; крестьяне проводятъ на дорогахъ по 50-ти дней въ году и на королевскую барщину (*corvée royale*) гоняютъ всѣхъ безъ исключенія, стариковъ до 70 лѣтъ, бабъ до 60-ти. Въ иныхъ случаяхъ крестьянинъ проводитъ четверть года на казенной работѣ. Государственныя дороги превосходны, но села нищаютъ и сельскія дороги и мостишки приходятъ въ полный упадокъ. Позже дорожную повинность ограничиваютъ 12-ю днями и платятъ за каждую „рабочую душу и лошадь“, но эта плата равнялась такой ничтожной суммѣ, что многіе отъ нея отказывались, благодаря разнымъ проволочкамъ, чтобы получить ее. А рядомъ съ этимъ возникаетъ цѣлый новый рядъ другихъ натуральныхъ повинностей: перевозка войскъ, постой солдатъ, доставка провіанта, арестантовъ, содержаніе тюремъ и т. д. Словомъ, въ половинѣ XVIII в. на натуральную повинность государство смотритъ, какъ на неизсякаемый источникъ дохода. Известно, правда, что позже либеральный интендантъ, впоследствии министръ, Тюрго, а послѣ него земскія собранія (*assemblées provinciales*), созванныя Людовикомъ XVI, старались переложить натуральную повинность на денежную, выплачиваемую всѣми землевладѣльцами, и что въ 1787 г. былъ изданъ королевскій декретъ въ этомъ смыслѣ для всей Франціи. Но легко понять, что такая мѣра возбудила только всеобщее неудовольствіе: помѣщиковъ — за нарушеніе ихъ привилегій, крестьянъ — по невозможности нести

новне денежныя поборы. Поэтому натуральная повинность и налогъ, замѣнившій ее, оставались однимъ изъ самыхъ ненавистныхъ учрежденій.

Одни сельскіе обыватели несли тяжесть оброка, одни они отбывали натуральныя повинности; на нихъ-же взымали и отбываніе военной службы.

До конца XVII в. Франція имѣла наемныя войска, и только въ случаѣ крайней надобности созывалось ополченіе номѣщиковъ, обязанныхъ являться на службу вооруженными съ нѣсколькими слугами. Конечно, въ случаѣ непріятельскаго вторженія, страна подвергалась страшному раззоренію, — можетъ быть, даже большому, чѣмъ въ 1870 году при нашествіи германцевъ, — такъ какъ государство искало средствъ для защиты только въ самомъ себѣ, а не въ народѣ; оно запрещало обывателямъ учиться стрѣльбѣ въ цѣль и даже въ случаѣ непріятельскаго набѣга избѣгало поднимать крестьянское возстаніе, ограничиваясь созывомъ ротъ волонтеровъ (исключеніе было только при Людовикѣ XIII). Но во всякомъ случаѣ постояннаго налога людьми не существовало вплоть до 1688 года. Общины платили только извѣстную сумму за постои и на прокормленіе войскъ (причемъ, конечно, случалось, что сумма расходовалась на другіе предметы и повинность отбывалась своимъ чередомъ). Первая попытка набора была сдѣлана въ 1574 году, во время междоусобной войны, но она не имѣла успѣха. Позже, въ первой половинѣ XVII в., такая-же попытка не удалась вслѣдствіе отпора выборныхъ, и государство довольствовалось тѣмъ, что избирало нѣсколько пѣхотинцевъ въ артилерію и нѣсколько матросовъ. Въ 1688 году Лувуа при Людовикѣ XIV ввелъ первый наборъ, причемъ, чтобы позолотить пиллю, въ декретѣ говорилось, что общины должны выбирать рекрутовъ, какъ своихъ должностныхъ лицъ на почетную должность. Ясно, впрочемъ, что отъ такой почетной должности всѣ поголовно отказывались и что черезъ три года пришлось предписать, чтобы въ рекруты сдавали по жребію. Сперва наборъ не былъ, впрочемъ, тяжелъ; число милиціонеровъ, за исключеніемъ времени войны за австрійское наслѣдство, не превышало 60,000 и срокъ службы былъ два, четыре

и шахішм шесть лѣтъ. Ежегодно наборъ не превышалъ 10,000 съ 40,000 крестьянскихъ общинъ. Служба также не была особенно трудна, говоритъ Бабо, — особенно въ мирное время, когда милиціонеры собирались только на короткій срокъ. Но извѣстно, что этотъ налогъ возбуждалъ неудовольствія среди крестьянъ. Каждый наборъ сопровождался разными скандалами: рекруты бѣжали, другіе крестьяне бросались за ними, ловили ихъ, поднималась цѣлая усобица. И les cahiers 1789 года единодушно требуютъ отміны этого налога, говоря, что онъ „подрываетъ довѣріе массы къ правительству и отвлекаетъ лучшія силы отъ производительнаго труда“. Много помогали также неудовольствію всевозможныя исключенія отъ военной повинности, которыя дѣлались для городовъ, для лакеевъ при помѣщикахъ, для дворянъ и т. д., а также денежные поборы, которые брались для милиціи и росли въ возрастающей прогрессіи. Но, сравнивая тягость военной повинности въ настоящее время съ тѣмъ, чѣмъ она была въ концѣ XVIII вѣка, конечно, нельзя не удивляться, что теперь населеніе переноситъ налогъ несравненно болѣе тяжелый, не жалуясь противъ него такъ, какъ оно жаловалось тогда.

Нѣтъ сомнѣнія, что при низкомъ экономическомъ уровнѣ не могъ быть высокимъ и уровень умственнаго развитія крестьянина XVIII вѣка. Поглощенный вѣчными заботами о насущномъ кускѣ хлѣба, подавленный нравственно, народъ не имѣлъ ни средствъ, ни желанія развиваться умственно. Рядомъ съ яснымъ ‘практическимъ’ умомъ, вообще отличающимъ національный умъ французскаго крестьянина, мы, конечно, видимъ полное отсутствіе знаній о чемъ-либо происходящемъ внѣ села и абсолютную невозможность приобрѣсти эти знанія. Грамотныхъ — одинъ или два на все село, да и тѣ болѣею частью не крестьяне, а если крестьяне, то мірофды. О томъ, что дѣлается во Франціи, узнается лишь по темнымъ, переиначеннымъ, полу-легендарнымъ слухамъ. О газетахъ по селамъ, конечно, не могло быть и помина. Артуръ Юнгъ, проѣзжавшій по Дофине, говоритъ, что черезъ недѣлю послѣ взятія Бастиліи объ этомъ ничего еще не знаютъ въ провинціальныхъ городкахъ и что въ кафе вовсе нѣтъ газетъ. Кре-

стьянинъ, какъ и теперь, совершенно изолированъ въ своемъ селѣ: общихъ интересовъ и государственныхъ вопросовъ для него не существуетъ. Всѣ ихъ бесѣды вертятся на мелкихъ домашнихъ дѣлишкахъ, сплетняхъ и дразгахъ, столь свойственныхъ деревенскому захолустью. Вражда къ фиску и его агентамъ накопилась у нихъ годами, замѣчаетъ одинъ писатель; всякая власть для нихъ — источникъ недовѣрія, прибавляетъ другой. — Они заслушиваются по вечерамъ, а впоследствии зачитываются рассказами о разбойникахъ, особенно о Мандренѣ, который въ 1745 г. грабилъ богатыхъ, перевозилъ контрабанду и велъ правильную войну съ стотысячною арміею. Они вѣрятъ только въ одну власть — въ короля и обращаются къ нему за защитою. Но и тутъ они не вдаются въ обобщенія, а просто заявляютъ, что наборы и налоги невыносимы и просятъ облегченія. Въ крестьянскихъ жалобахъ слышится постоянно одна и та-же просьба: облегчите насъ отъ поборовъ, защитите насъ отъ произвола помѣщиковъ и чиновниковъ. Въ 1754 году жители Лангедока писали на имя министра: „Государь, все, что намъ присылали отъ васъ, всегда было требованіемъ денегъ. Насъ увѣряли, правда, что скоро это кончится, но съ каждымъ годомъ съ насъ требуютъ все болѣе и болѣе. Мы ропщемъ не на васъ, — мы васъ любимъ, — но на вашихъ чиновниковъ, которые лучше ведутъ свои дѣла, чѣмъ наши. Мы думали всегда, что они васъ обманываютъ, и въ своей горести говорили себѣ: еслибы нашъ добрый король зналъ все это!“ Въ этихъ немногихъ словахъ резюмируется все міросозерцаніе крестьянъ XVIII вѣка.

Гдѣ нѣтъ свѣта и простора человѣческой мысли, тамъ полное раздолье самымъ грубымъ суевѣріямъ: если еще недавно, послѣ всѣхъ потрясеній, пережитыхъ Франціею, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, крестьяне одного села хотѣли сжечь своего патера за то, что онъ летаетъ по воздуху и сѣетъ плевелы на поля, то легко вообразить себѣ суевѣрія крестьянъ XVIII вѣка. „Всякая идея, — вѣрно замѣчаетъ Тэнъ, — должна сперва превратиться у нихъ въ легенду, простую и нелѣпую, чтобы они восприняли ее“. И. дѣйствительно, всякая мѣра правительства, всякій политическій слухъ превращаются у нихъ въ таинственныя легенды, гдѣ всякая любовь, всякая ненависть сосредоточиваются не на партіи, а на той или другой знакомой личности. Голодъ, говорятъ по деревнямъ, при-

чинилъ графъ Артуа; ему нужны ванны изъ дѣтской крови, — вотъ какъ крестьяне того времени истолковываютъ политическія событія и придворные толки. Наконецъ, самые протесты долгое время не имѣютъ ничего, выражающаго какое-нибудь обобщеніе: если они голодны, они останавливаютъ хлѣбный транспортъ или заставляютъ крупнаго хлѣботорговца открыть свои амбары; если они выведены изъ терпѣнія налогомъ на соль, они убиваютъ таможенныхъ; если интендантъ имъ сталъ поперекъ горла, они убиваютъ и его.

Что-же касается матеріальнаго положенія крестьянъ въ XVIII вѣкѣ, то извѣстно, что по этому предмету существуетъ всего болѣе разногласія между писателями. Роялисты, какъ извѣстно, стараются доказать, что благосостояніе крестьянъ, видимо, росло въ царствованіе Людовика XVI; они говорятъ, что, конечно, существовала нѣкоторая бѣдность въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, но что общій уровень благосостоянія поднимался и что свидѣтельства, на которыя ссылаются историки другого лагера, преувеличены; что крестьяне въ своихъ тетрадахъ, понятно, должны были жаловаться, если отъ нихъ требовали, чтобы они высказывали свои жалобы, а донесенія интендантовъ, — говорятъ они-же, — стремятся выставить свои провинціи бѣднѣе, чѣмъ онѣ были на самомъ дѣлѣ, чтобы уменьшить обложеніе податями. Приблизительно такъ-же разсуждаетъ Бабо въ своемъ, въ сущности ничего неговорящемъ очеркѣ. Наоборотъ, историки противоположнаго лагера не жалѣютъ, какъ мы знаемъ, самыхъ мрачныхъ красокъ, чтобы обрисовать положеніе крестьянъ въ XVIII в. и самое крестьянское возстаніе 1789 года.

Въ сущности положеніе дѣлъ было нѣсколько иное. Мы видѣли, что въ царствованіе Людовика XVI уничтожены послѣдніе остатки личнаго крѣпостнаго права и быстро шло обѣдненіе помѣщиковъ. И вотъ, съ уничтоженіемъ личнаго закрѣпощенія и особенно съ распродажею общинныхъ и помѣщичьихъ земель, началъ создаваться цѣлый классъ мелкихъ собственниковъ — крестьянъ-кулаковъ, благосостояніе которыхъ видимо росло передъ революціей, несмотря на всякіе поборы. Но рядомъ съ ними еще болѣе разрастался классъ безземельныхъ батраковъ, отягощенныхъ непосильными налогами и поборами и обнищаніе которыхъ шло еще съ большею быстротою. Недаромъ нищенство оставалось повсе-

мѣстнымъ, и побирались не отдѣльныя единицы, а цѣлыя семьи, цѣлыя села, и не послѣ пожаровъ или градобитія, а постоянно. Нищенство было организованнымъ промысломъ, и „бродячая Франція“, по выраженію Бабо, была „чугуннымъ ядромъ на ногахъ Франціи осѣдлой“. вмѣстѣ съ этимъ крестьяне шли изъ селъ въ города работать на развалившихся фабрикахъ или вообще искать отхожаго промысла, и въ городахъ скоплялись десятки и тысячи нищихъ, которыхъ правительство безуспѣшно старалось занять общественными работами. Въ такомъ маленькомъ городкѣ, какъ Руанъ, насчитывали до 12,000 нищихъ, въ Лионѣ — 30.000, въ Парижѣ — двѣ трети населенія нищихъ и т. д. Земледѣльческій трудъ и вообще сельское хозяйство были обставлены такъ плохо, что при самомъ энергическомъ трудѣ земля не давала и половины того, что она стала давать впоследствии, когда образованіе и свобода явились на помощь французскому крестьянству. Хроническія голодовки посѣщали Францію лишь по-временамъ и случались они одновременно лишь въ одной или двухъ провинціяхъ; но забота о хлѣбѣ для прокормленія „своей“ провинціи и обрѣженія полей составляла постоянную задачу интендантовъ цѣлыхъ частей государства. Вообще, зажиточность нѣсколькихъ и бѣдность массъ составляли отличительную черту французскихъ селъ второй половины XVIII вѣка. Изъ одной мѣстности пишутъ, что крестьяне круглый годъ ѣдятъ одну гречу и пьютъ одну воду; изъ другой — что винодѣлы вынуждены побираться круглую зиму; тамъ — хлѣбъ косятъ зеленый, ибо нечего ѣсть; тутъ — многія общины грозятъ бросить свои земли и разбрестись и, дѣйствительно, (это утверждаютъ генеральныя совѣты въ 1784 г.) „бредутъ розно“, несмотря на то, что законъ всячески затрудняетъ переходъ съ мѣста на мѣсто; въ другомъ мѣстѣ небольшая засуха и просто неурожай становятся причиною сильнаго голода; „въ-третьемъ, пишетъ Тюрго, — исполнители получаютъ всегда ровно столько, чтобы не умереть съ голода“; наконецъ, вездѣ во все царствованіе Людовика XV происходятъ самовольные захваты перевозимаго хлѣба и угроза расправы съ крупными хлѣбопродавцами... „Еслибы я вздумалъ перечислить всѣ бунты, возстанія голодныхъ и ограбленія магазиновъ, я никогда-бы не кончилъ“, говоритъ Тэнъ. Ясно, что такое положеніе нельзя назвать иначе, какъ состояніемъ обрѣденія, экономическаго худосочія страны, хотя-бы рядомъ съ

этимъ и процвѣтали семьи собственниковъ, имѣвшихъ и довольно скота, и ситцевые пологи, и чистыя комнаты.

Такимъ образомъ, въ концѣ ХVІІІ вѣка истощеніе почвы, упадокъ производительныхъ силъ ея и общая бѣдность крестьянскаго населенія сдѣлались до того очевидными, что министры, подобныя Тюрго, не скрывали уже своихъ тревожныхъ опасеній за будущее. „Общее недовольство, говорилъ онъ въ одномъ изъ своихъ отчетовъ, — поднимается снизу; оно растетъ быстро и прогрессивно, такъ-что еще нѣсколько лѣтъ такого состоянія — и успокоеніе массъ сдѣлается невозможнымъ, всѣ правительственныя мѣры и самыя либеральныя его реформы будутъ бесполезными. Упорство, съ которымъ господствующіе классы держатся своихъ старыхъ традиціонныхъ привилегій, только раздражаетъ народъ, и негодованіе его, вѣками накопившееся, можетъ окончиться общимъ взрывомъ“. „Всѣ недовольные, пишетъ Артуръ Юнгъ, свидѣтель тогдашняго настроенія Франціи, — ждуть чего-то новаго и надѣются на болѣе лучшую жизнь. Но чего именно ждуть и на что именно надѣются — этого никто не знаетъ и никто не можетъ сказать. Одно только ясно сознается всѣми — невозможность жить такъ, какъ жилось прежде“.

Н. С.—вскій.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ТУРИСТЪ-ЭСТЕТИКЪ.

(«Воспоминанія и критическіе очерки». Собраніе статей и замѣтокъ П. В. Анненкова. 1849—1868 г. Отдѣлъ второй. Спб., 1879.

Помните-ли вы, уважаемые читатели и прелестныя читательницы, въ августовской книжкѣ „Дѣла“ 1877 года статью...

На вопросъ мой раздается смѣхъ моихъ уважаемыхъ читателей и прелестныхъ читательницъ. Какъ! Вы вообразили, что можно помнить и помнить черезъ *два юда* статью, помѣщенную въ журналѣ? Да не для того-ли существуетъ журнальная пресса, чтобы быть сейчасъ-же забытой? Для нея существуетъ l'espace d'un matin, хотя на „розы“ она не похожа. Журналы живутъ и умираютъ въ короткій срокъ, который подписываютъ имъ прямо на лбу ихъ издатели, чтобы читатели такъ и знали, до какихъ поръ книжку или листокъ журнала можно считать еще живымъ и когда онъ составляетъ трупъ, уснувшую рыбу, которую ѣдятъ лишь за недостаткомъ свѣжей. Изъ этой литературы остаются въ памяти лишь тѣ вещи, которыя собственно нечего и помнить, какъ статьи журнала, такъ-какъ онѣ вслѣдъ затѣмъ печатаются особыми изданіями. Помнятъ статьи журнала лишь по поводу какого-нибудь скандала, въ нихъ заключавшагося; остальное остается лишь въ памяти библиографовъ.

Ну, и прекрасно. Если вы не помните, то я вамъ напомнимъ.

Болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, въ августовской книжкѣ „Дѣла“ была помѣщена статья: „Русскій туристъ 40-выхъ годовъ“, гдѣ были обрисованы три типа писателей: *сидни, путешественники по плану и туристы*. Такъ-какъ мнѣ приходится говорить здѣсь о *пи- „Дѣло“, № 10, 1879 г.*

сателѣ послѣдняго типа, то я позволю себѣ возстановить въ памяти читателя главныя черты, характеризующія типы „туриста“.

Это—продуктъ новаго экономическаго періода денежной подвижности и жажды комфорта, продуктъ новаго слоя людей безъ преданій и безъ серьезной, опредѣленной цѣли въ жизни, продуктъ распространенія интересовъ въ сферѣ знанія, искусства и политики. Впрочемъ, имъ нѣтъ никакого дѣла до того, чтобы знаніе сдѣлалось глубже, чтобы искусство стало производительнѣе и плодотворнѣе, чтобы политическіе интересы сдѣлались выше и общедоступнѣе. Напротивъ, всѣ эти „высшія“ сферы для нихъ важны только, какъ мимолетное украшеніе жизни, увеличеніе ихъ личнаго комфорта: ученая философская книга для нихъ дѣлается предметомъ клубной болтовни въ двухъ-трехъ цитатахъ, взятыхъ даже не изъ самой книги, а изъ статьи о ней, помѣщенной въ популярномъ журналѣ; статуетка художника обращается въ пресъ-папье или въ украшеніе обѣденнаго стола; политика служитъ орудіемъ карьеризма бюрократическаго или биржевого. Въ комфортѣ человѣкъ ненасытенъ и ему нужно, чтобы этому комфорту служилъ весь міръ, со всѣмъ своимъ адомъ тяжелаго труда, со всѣмъ своимъ разнообразіемъ культурныхъ привычекъ и историческихъ эпохъ, со всѣми своими высшими продуктами мысли, чувства и нравственнаго убѣжденія. Но для полноты этого самаго комфорта всѣ подобные предметы не могутъ и не должны входить въ жизнь серьезнымъ элементомъ, тяжелою заботою: это было-бы не комфортъ, а страданіе, потому что въ глубинѣ всякаго факта культуры, всякаго высшаго продукта мысли лежитъ бездна человѣческихъ мукъ, сомнѣній, неудовлетворенныхъ порывовъ, которую слѣдуетъ забыть, чтобы жить комфортабельно. Всѣхъ этихъ предметовъ достаточно касаться настолько, насколько они пріятны и эффектны. По нимъ надо скользить, снимая съ нихъ только верхній слой сливокъ; надо оставлять въ сторонѣ глубокій ихъ смыслъ, а глотать ихъ поверхностное выраженіе. Надо порхать по цвѣткамъ жизни, отыскивая въ нихъ медъ и не входя въ разборъ всего того, изъ чего этотъ медъ вырабатывается. Надо быть въ жизни, въ мысли, въ дѣятельности—*туристомъ*.

И такъ-какъ это соціальное положеніе приходится какъ-разъ по плечу большинству, то туристы плодятся очень легко и очень быстро. Они не сидни,—избави Боже! Какая отсталость быть сиднемъ на какой-нибудь засиженной идеѣ! Они смѣются отъ всей души надъ этою невѣжественною односторонностью. Ихъ, напротивъ, ничто удовлетворить не можетъ: ихъ природа требуетъ передвиженія съ одной идеи на другую, точнѣе, съ одного подобія маленькой идейки на другое такое-же подобіе. Они объѣзжаютъ

весь міръ, заглядываютъ во всѣ классы общества, знакомятся съ биржевиками и съ пролетаріями, съ ученымъ мыслителемъ и съ завсегдатаемъ моднаго кафе на парижскихъ бульварахъ, съ секретаремъ Наполеона III и съ сподвижникомъ Гарибальди, и изъ всего этого изученія, изъ всѣхъ этихъ знакомствъ выходятъ довольные, веселые, розовые, безъ малѣйшей морщинки на лицѣ, безъ малѣйшей заботы въ сердцѣ, безъ лишняго вопроса въ головѣ. Они наполняютъ свою жизнь отрывочными и изящными воспоминаніями, могутъ однимъ и тѣмъ-же ровнымъ и спокойнымъ тономъ рассказать о сценѣ на парижскихъ бульварахъ и о толкотнѣ на вѣнской биржѣ въ день кризиса 1873 года. Они пишутъ свои воспоминанія съ увѣренностью, что „ничему человѣческому они не остались чужды“, что они-то именно жили *воплнмъ* *человѣчною* жизнью.

Я не берусь рѣшить вопроса, суждено-ли прогресу цивилизации обратить все человѣчество въ расу подобныхъ туристовъ, но, при настоящихъ, можетъ быть, и рутинныхъ взглядахъ на задачи жизни, приходится усомниться, точно-ли это невозмутимое порханіе по всѣмъ верхамъ и низамъ человѣческаго существованія, это стремленіе туристовъ обратить весь настоящій, прошедшій и будущій міръ въ средство для увеличенія своего умственнаго комфорта,—точно-ли все это можетъ назваться „воплнмъ *человѣчною*“ жизнью, даже включаетъ-ли оно въ себѣ что-нибудь похожее на дѣйствительную человѣческую жизнь?

Впрочемъ, это сомнѣніе можетъ, конечно, родиться лишь въ головахъ *не* туристовъ. Самимъ-же туристамъ оно совершенно недоступно. Да и къ чему имъ подобные вопросы? Къ чему имъ забота о человѣчномъ и нечеловѣчномъ существованіи? Развѣ эти заботы могутъ увеличить хотя на одинъ золотникъ ихъ умственный и физическій комфортъ? Улыбаясь, отвертываются милые туристы отъ всякихъ головоломныхъ вопросовъ; съ иронической улыбкой проходятъ они мимо упорныхъ, узкоголовыхъ сидней и мимо измученныхъ, израченныхъ и изкалѣченныхъ путешественниковъ по плану, у которыхъ и лобъ весь въ морщинахъ, и сердце бьется неровно, и мысль вѣчно озабочена; туристы идутъ своей торной, столбовой дорогой, пожимаая руки „почтеннымъ друзьямъ“ во всѣхъ сферахъ жизни и насвистывая арію изъ послѣдней оперы Оффенбаха.

Между всѣми туристами съ особенною типичностью выдвигается туристъ русскій. У европейскаго туриста есть еще традиція семьи, сословія, національности, которая не дозволяетъ ему относиться одинаково индифферентно ко всѣмъ событіямъ исторіи, ко всѣмъ явленіямъ современной культуры, ко всѣмъ землетрясеніямъ, ко-

торья порою вызываетъ среди самыхъ цвѣтущихъ садовъ жизни тотъ вулканъ, который въ глубинѣ своей заключаетъ цѣлый адъ общественныхъ столкновений. Европейскій туристъ не можетъ, если-бы даже и хотѣлъ, сохранить свое беззаботное отношеніе къ окружающей его дѣйствительности. У него есть *обязательныя* для него ненависти и привязанности вслѣдствіе самаго его общественнаго положенія. Для собственнаго комфорта жизни среди своихъ пріятелей, ему приходится волноваться изъ-за рѣчи Гамбеты или изъ-за болѣзни Бисмарка, и эти волненія составляютъ уже отклоненія отъ чистаго типа туриста. Европейскій туристъ, вслѣдствіе установившихся формъ европейскаго общества, вслѣдствіе традицій европейской исторіи, можетъ лишь *стремиться* къ типу чистаго туриста, но не можетъ вполне достигнуть этого типа въ его совершеннѣйшей формѣ.

Совсѣмъ иное дѣло туристъ русскій. Какія у него традиціи? Какія у него общественныя обязательныя антипатіи и симпатіи? Къ какимъ волненіямъ и некомфортабельнымъ афектамъ можетъ его принудить давленіе пріятельскихъ связей? Все это — обуза, ему вполне чуждая. Онъ имѣетъ традиціи самодурства и „широкой натуры“, но вѣдь это традиціи самыя любезныя для туристовъ. Онъ имѣетъ традиціи молчалинской „умѣренности и аккуратности“, молчалинскаго угожденія „всѣмъ людямъ безъ изъятія“, но и это даетъ плодородную почву для выработки туристовъ. Онъ имѣетъ традиціи обломовщины; но хотя обломовщина способна выработать видоизмѣненіе, соединяющее въ себѣ типы сидней и туристовъ, однако, при многихъ ея формахъ, допускающихъ достаточную подвижность, она даетъ не мало туристовъ прекраснѣйшаго сорта.

Нѣтъ, какъ я ни посмотрю на дѣло, а русскіе люди по натурѣ своей склонны быть туристами; они склонны собирать со всѣхъ нивъ и луговъ исторіи и культуры лишь цвѣты, радующіе беззаботнаго туриста; они склонны порхать по поверхности событій, знакомиться съ внѣшностью литературъ, искусствъ, наукъ, не допрашивая этой внѣшности, какое скрыто подъ нею содержаніе, и склонны потомъ передавать беззаботно другимъ братьямъ-туристамъ свои наблюденія и впечатлѣнія, воспоминанія и очерки, „нечуждые ничего человѣческаго“. Не думаю, чтобы какая-либо страна міра представляла столь благодатную почву для выработки туристовъ, какъ именно наше милое отечество.

Эту характеристику вызвало тогда появленіе перваго отдѣла сочиненій г. Анненкова. Въ этомъ первомъ отдѣлѣ говорилось о наблюденіяхъ *жизненныхъ*, о Россіи наканунѣ крымской войны, о Гоголѣ въ минуту перелома его литературной дѣятельности, о

парижской революціи 1848 года. Именно та манера, съ которою г. Анненковъ отнесся въ свое время къ этимъ предметамъ, навела меня на типъ туриста въ литературѣ.

Теперь, черезъ два года, появился второй отдѣлъ того-же сборника, и въ немъ г. Анненковъ перешелъ въ область менѣе жгучихъ вопросовъ, въ область художественной литературы. Его интересуютъ: беллетристика 1848 года; беллетристика 1853 года; беллетристика 1863 года; Тургеневъ, Л. Толстой, Островскій, А. Толстой, Писемскій, и все это въ ту эпоху, когда таланты развертывались, когда было столько надеждъ, когда, послѣ тяжелаго гнета, мысль Россіи забила влючомъ, смѣшивая въ одномъ искрящемся потокѣ и то, что пошло потомъ искать палку Пантелея, и то, что засмердѣло грязными водами „Взбаломученнаго моря“; время, заслуживающее самаго тщательнаго изученія, особенно теперь, когда мы видимъ плоды, и очень разнообразныя плоды, съ этихъ деревьевъ и кустиковъ, которые, казалось, цвѣли тогда такъ ровно и возбуждали такіе серьезные литературныя вопросы.

Кромѣ того, литературныя вопросы гораздо болѣе подъ силу г. Анненкову. Мы видимъ изъ его послужнаго литературнаго списка, помѣщеннаго издателемъ въ предисловіи, что онъ имѣлъ честь помѣщать свои литературно-критическія статьи какъ-разъ послѣ смерти Бѣлинскаго въ журналѣ, который былъ проникнутъ духомъ послѣдняго. „Съ 1849 года, втеченіи восьми лѣтъ, П. В. Анненковъ помѣщалъ свои статьи въ „Современникѣ“; это были первые годы существованія журнала, подъ новою редакціей; въ самомъ концѣ 50-хъ годовъ его статьи встрѣчаются въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и въ „Атенеѣ“; въ первой половинѣ 60-хъ годовъ онъ принималъ участіе въ критическомъ отдѣлѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“; во второй половинѣ 60-хъ годовъ помѣщалъ свои критическія статьи въ „Вѣстникѣ Европы“, въ самые первые годы его существованія“. По мнѣнію издателя, статьи г. Анненкова „представляютъ теперь довольно полный обзоръ нашей новѣйшей литературы за двадцати-лѣтній ея періодъ (1849—1868)“. При этомъ говорится, что „П. В. Анненковъ продолжалъ преданія критической школы предшествующаго ему времени“, т. е. Бѣлинскаго, что „въ тѣ времена, и позднѣе, чисто-литературная критика была дѣломъ необходимости, когда жгучіе интересы были сосредоточены въ литературѣ художественной съ нравственно-психологическимъ бытовымъ содержаніемъ“.

Продолжалъ преданіе Бѣлинскаго!.. Но въ чемъ-же оно состояло? Что именно характеризовало дѣятельность Бѣлинскаго, преимущественно въ его послѣдніе годы? На этотъ вопросъ послѣдній, самый тщательный біографъ Бѣлинскаго отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ:

„О Бѣлинскомъ справедливо можно было сказать, что онъ никогда не измѣнялъ своимъ идеаламъ, потому что дѣйствительно господствующій идеалъ Бѣлинскаго былъ *всегда одинъ*, хотя въ частности, мы видѣли, что онъ увлекался въ разное время различными представленіями объ обществѣ и о личности. Другими словами, при одномъ господствующемъ характерѣ мысли и чувства, измѣнялись подробности отвлеченнаго теоретическаго *содержанія*... Наступилъ послѣдній періодъ его идей, въ которомъ онъ остался до конца, развивая его все болѣе и болѣе, распространяя на различныя области личной и общественной жизни, „волнуясь и спѣша“, чтобы опредѣлить себѣ и другимъ истинныя требованія чело-вѣческой и общественной сущности: идея „общества“ разъяснилась для него въ совершенно иномъ смыслѣ, и съ тѣхъ поръ онъ неизмѣнно служилъ ей со всѣмъ энтузіазмомъ своей натуры... Общественный вопросъ сталъ его господствующимъ интересомъ, и передъ нимъ отступили на второй планъ всѣ другіе, и въ томъ числѣ интересы отвлеченнаго искусства. Поэтическое чутье осталось при немъ, но въ послѣдніе годы онъ уже не довольствовался отвлеченнымъ эстетическимъ наслажденіемъ; въ его глазахъ это было-бы себялюбивое эпикурейство среди положенія вещей, призывавшаго къ сознанію общественной обязанности...

„Какъ ни мало сходны были точки зрѣнія, которыя онъ послѣдовательно принималъ, черезъ весь путь его размышленія и дѣятельности проходило одно основное начало, которому служили всѣ его свойства — и сильный, точный умъ, и фантазія, и впечатлительное чувство. Это начало было глубокое чувство *нравственной правды и чело-вѣческаго достоинства*... Это чувство правды и чело-вѣческаго достоинства, высказываемое съ горячимъ фанатическимъ убѣжденіемъ, было, безъ сомнѣнія, главнѣйшимъ основаніемъ его литературнаго вліянія... Въ прежнее время онъ думалъ дѣйствовать на общество въ отвлеченно-нравственномъ смыслѣ, путемъ „эстетическаго воспитанія“; теперь становилось очевидно, что одно подобное воспитаніе, дѣйствующее отчасти на отдѣльныя личности, было-бы слишкомъ трудно и безразлично для „улучшенія“ общественныхъ нравовъ и положенія, что само наслажденіе искусствомъ есть своего рода роскошь среди умственной и нравственной нищеты массъ, и эта роскошь въ инныя минуты была самому Бѣлинскому ненавистна. Какъ только онъ пришелъ къ мысли о состояніи общества, къ которому самъ принадлежалъ и для котораго хотѣлъ работать, ему стала ясна, во-первыхъ, необходимость иного воспитанія его, кромѣ „эстетическаго“, и, во-вторыхъ, необходимость преобразованія самыхъ условій, въ кото-

рыхъ оно живетъ, потому что въ условіяхъ, тогда существовавшихъ, никакой успѣхъ общества былъ невозможенъ...

„Бѣлинскій въ свое время имѣлъ задачей, какъ выражается г. Тургеневъ, показать, „что въ словесности нашей представлялось, какъ правда и какъ красота“; ему нужно было, въ исторіи литературныхъ явленій, объяснить ихъ эстетическій смыслъ, растолковать, что можетъ считаться истинной поэзіей и что было стихотворствомъ, гдѣ были самостоятельныя проблески настоящаго „искуства“ и гдѣ было механическое, рабское подраженіе; и съ этой стороны, онъ для своего времени и для перваго объясненія дѣла мастерски работалъ и анализировалъ факты, т. е. выдѣлилъ, дѣйствительно, поэтическое и самобытное изъ массы сухого и бездарнаго риторическаго подраженія“...

„Бѣлинскій гѣмъ и дорогъ для русской литературы, что его дѣятельность имѣла важность воспитательнаго элемента, вліяніе котораго, несомнѣнно, и оказалось въ дальнѣйшемъ литературномъ развитіи. Литературныя взгляды Бѣлинскаго за послѣднее время установили новую реалистическую критику. Его общественныя понятія, какъ они были изложены имъ въ 1847 году и, которыя, замѣтимъ, никѣмъ въ то время не были высказаны такъ рѣшительно и такъ ясно, могутъ считаться исходнымъ пунктомъ, съ котораго начинается новое развитіе этихъ понятій. Наконецъ, въ его положительно выраженныхъ мысляхъ и его идеалахъ уже были задатки многоаго, что въ наше время стало предметомъ общественнаго интереса и идеальныхъ увлеченій. Его личная многострадальная жизнь останется, безъ сомнѣнія, не для одного настоящаго поколѣнія высокимъ примѣромъ нравственнаго достоинства и стремленія къ жизненной истинѣ“.

И *это* дѣло, *это* „преданіе“ въ состояніи былъ-бы „продолжать“ туристъ, который порхалъ съ улыбочкой по Россіи наканунѣ крымской войны, отмѣчалъ въ Гоголѣ однѣ безразличныя или непонятныя для него внѣшности и въ февральскомъ взрывѣ 1848 г. видѣлъ лишь то, что могъ подмѣтить любой boulevardier! Это была-бы психическая невозможность.

Само собою разумѣется, что въ сферѣ литературы туристъ окажется способнѣе, чѣмъ въ сферѣ жизненныхъ столкновеній. Какъ ни жгучи бываютъ литературныя вопросы, но жгучесть ихъ зависитъ не отъ того, что это вопросы „литературныя“, а потому, что литература отражаетъ въ себѣ заботы жизни, а степень воспримчивости автора къ вопросамъ жизни сообщаетъ его пониманію литературы патетическую силу и умственное вліяніе. Но если литература черпаетъ неизбежно свое содержаніе изъ

жизни, то она есть въ то-же время техника слова и, какъ техника слова, имѣетъ *свои* вопросы формы, отдѣлки. Умы искренніе, открытые для жизненныхъ интересовъ, на этихъ вопросахъ формы остановиться не могутъ и никогда не останавливаются. Они проходятъ сквозь нихъ до жизненнаго содержанія. Болѣе узкіе и упорные умы, „сидни“ въ литературѣ, просто игнорируютъ форму, требуютъ содержанія исключительно *одного* типа и внѣ этого не видятъ ничего. Умы болѣе широкіе и разнообразно-критическіе, „путешественники по плану“ въ области литературы, не устраняютъ совершенно ничего, признаютъ великое значеніе литературной формы, способности владѣть техникою слова, признаютъ и разнообразіе содержанія литературы, которая должна отражать жизнь, какъ она есть. Но для нихъ, во имя ихъ „плана“, не все одинаково важно и существенно, во всемъ *относительное* значеніе. Форма болѣе или менѣе искусно отдѣланной рѣчи становится для нихъ лишь элементомъ цѣлаго, болѣе или менѣе могучимъ орудіемъ для охватываемаго ею содержанія. Въ широтѣ содержанія дѣятельности разбираемаго автора они разглядываютъ господствующую мысль, господствующую задачу. Предъ ихъ критикою форма и содержаніе, точно такъ-же, какъ различные элементы этого содержанія, располагаются *иерархически*, подъ руководствомъ той самой идеи, которая характеризуетъ „планъ“ ихъ жизненнаго и литературнаго путешествія.

Но какъ поступаютъ „туристы“ по натурѣ? Само собою разумѣется, что они, привыкшіе касаться по-возможности слегка всего, что можетъ вызвать заботу и безпокойство, бережно охраняющіе *свою* брезгливую и элегантную натуру отъ всего „жгучаго“, и въ литературѣ будутъ останавливаться преимущественно на ея „внѣшнихъ“, техническихъ элементахъ. Изъ двухъ элементовъ литературной критики, упомянутыхъ выше въ отзывѣ И. С. Тургенева о Бѣлинскомъ, для нихъ „правда“ ступевывается, отодвигается на задній планъ. Для нихъ „*глубокое чувство нравственной правды и человѣческаго достоинства*“ будетъ китайскою грамотою. Какъ въ жизни, они, въ ту самую минуту, когда на ихъ литературнаго противника обрушатся самыя тяжелые удары, первые подадутъ голосъ за невмѣшательство, за то, чтобъ оставить гибнущаго на произволъ враждебныхъ общественныхъ силъ, и во всѣхъ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ сьумѣютъ сохранить полное приличіе; точно такъ-же въ области литературной критики они *прилично* отнесутся къ задачамъ „нравственной правды“, устраняясь отъ ихъ осуществленія, и скажутъ *приличныя* фразы о „человѣческомъ достоинствѣ“, оставаясь при смутномъ представленіи, что это за штука — это человѣческое достоинство. Они будутъ

преимущественно *эстетиками*. Они выставляют себя преимущественными, если не исключительными, борцами за начало „красоты“...

Красота!.. Эстетика!.. Какъ удобна эта область для туриста!.. Вѣдь красивъ можетъ быть и бессмысленный цвѣтокъ, и весьма зловредный жучокъ... Вѣдь можно захлебываться отъ восторга при бессодержательномъ впечатлѣніи тихаго вечерняго ландшафта, гдѣ лучи свѣта такъ интересно скользятъ надъ полуразрушенной избой, съ крыши которой снята за безкормицей почти вся солома... Вѣдь изящныя формы проститутки, въ отдѣланномъ со вкусомъ будуарѣ, куда какъ болѣе соотвѣтствуютъ задачѣ эстетики, чѣмъ исхудалыя и блѣдныя щеки этой другой женщины въ какомъ-то пустомъ, темномъ помещеніи!.. Вѣдь подъ разливъ музыкальныхъ звуковъ можно подложить воображеніемъ какое угодно содержаніе... Да, наконецъ, если предъ нами настоящій поэтъ, настоящій художникъ, который, какъ человѣкъ, развилъ себя до того, что его мысль бессознательно и ненамѣренно обращена на жизненныя задачи, на жгучіе вопросы, если у него изящество формы становится лишь болѣе могучимъ средствомъ для патетическаго потрясенія читателя жгучими заботами объ общественныхъ страданіяхъ, объ общественныхъ нуждахъ, объ общественной жаждѣ лучшаго, — это-же принуждаетъ критика-эстетика углубляться именно въ *этотъ* элементъ произведенія? Почему и тутъ не остановиться преимущественно, почти исключительно, на „формѣ“ словесной техники и среди мелкихъ техническихъ замѣтокъ, среди упиванія изяществомъ формы, почему не сгладить, или, пожалуй, даже затушевать то самое, что волновало художника, что вызвало его къ могучей поэтической рѣчи? Да, красота есть область, въ которой всего легче и всего удобнѣе вращаться литературному туристу. Онъ можетъ сказать здѣсь много умнаго и даже дѣльнаго въ техническомъ отношеніи, не потерявъ ни на минуту той улыбки, съ которою всякій туристъ обязанъ отворачиваться отъ всякихъ головоломныхъ вопросовъ. Онъ можетъ касаться самыхъ волнующихъ душу предметовъ, не вызывая никакого волненія въ душѣ читателей и самъ вовсе не волнуясь. Конечно, для него, отвернувшись отъ области „правды“, и красота будетъ имѣть иной характеръ: это не можетъ быть красота Фауста, Лира или Тартюфа, красота „Исповѣди Наливайко“ или „Пѣсни о рубашкѣ“. Но онъ вполне способенъ понять красоту Венеры Тиціана, Татьяны Пушкина, „Малороссійской ночи“ Куинджи. Все *вытисне* ему вполне доступно, и вы можете у него встрѣтить въ этомъ отношеніи даже весьма недурныя замѣтки. Да и почему нѣтъ? Онъ развилъ свой вкусъ гастрономически на хорошей кухнѣ и на хорошей литературной

техникѣ. Онъ подмѣтитъ многое, чего, пожалуй, не замѣтитъ критикамъ съ *иными* требованіями. Такъ-какъ для него мелочныя техническія приемы составляютъ *всю* интересующую его сущность, то немудрено ему приобрести въ критикѣ этихъ приемовъ замѣчательную виртуозность. Но во всемъ этомъ не будетъ ровно ничего общаго съ дѣломъ человѣка, который стремился, „волнуясь и спѣша“, „опредѣлить себѣ и другимъ истинныя требованія человѣческой и общественной сущности“, ровно ничего общаго съ преданіемъ того, кто „неизмѣнно служилъ“ идеѣ „общества“ „со всѣмъ энтузіазмомъ своей натуры“. Самыя лучшія указанія „туриста въ литературѣ“ будутъ ограничиваться внѣшностью, и, признавая мѣткость частныхъ, вы будете чувствовать, что на васъ давить отсутствіе общаго пониманія, отсутствіе глубоко-проникающей мысли, отсутствіе „нравственной правды“.

Это именно поражаетъ читателя, когда онъ перелистываетъ новый томъ произведенія г. Анненкова. Въ немъ можно найти весьма немало мелочей, достойныхъ полнаго вниманія и которыя будущій историкъ литературы занесетъ, можетъ быть, на страницы своего труда, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ или мелкимъ шрифтомъ, въ *дополненіе* къ общимъ характеристикамъ эпохи. Но во всемъ этомъ, „довольно полномъ, обзорѣ“ русской литературы за 20 лѣтъ—и довольно важныхъ 20 лѣтъ—ея существованія читатель не найдетъ ни одной уясняющей мысли, ни одного звука, который-бы свидѣтельствовалъ, что авторъ „пережилъ“ эти 20 лѣтъ въ связи съ волненіями, страданіями и порывами общества. Нѣтъ, онъ не *пережилъ* эти годы; онъ, какъ и слѣдовало заправскому туристу, скользилъ по ихъ поверхности, срывая то тамъ то здѣсь цвѣтки изящнаго, между тѣмъ какъ волны ходили кругомъ все грознѣе и небо становилось все мрачнѣе.

Но если онъ не *пережилъ* эти годы, онъ все-таки *прожилъ* ихъ, и прожилъ въ близкихъ, личныхъ сношеніяхъ съ тѣми личностями русскаго литературнаго міра, которыя были знаменосцами идей въ ту минуту, когда литература несла на себѣ самыя серьезныя обязанности. Знамя идей было не только руководящимъ началомъ и сердечною болью для нѣкоторыхъ, оно было и *моднымъ* знаменемъ въ литературѣ. Но туристъ есть всегда дитя и поклонникъ моды во всѣхъ областяхъ. И потому въ эту серьезную для Россіи эпоху литературной жизни туристы скрывали частью свою порхающую, скользящую по верхамъ натуру. Они надѣвали маски дѣльцовъ, работниковъ идей, „путешественниковъ по плану“. И немало юмора, вполне невольнаго для нихъ, заключалось въ этомъ маскарадѣ идей, въ этомъ стремленіи принудить свою натуру, способную лишь вкушать конфеты

эстетическаго наслажденія, толковать о подробностяхъ идейнаго содержанія, о значеніи мысли въ произведеніи, объ отсутствіи значенія писателя, который чуждъ существеннымъ интересамъ и существенной жизни своего времени. Всему этому немало примѣровъ можно найти въ книгѣ Анненкова.

Чтобы не говорить голословно, приведу нѣкоторые изъ этихъ примѣровъ.

Г. Анненковъ самъ прямо говоритъ (стр. 87): „мы преимущественно обсуждаемъ внѣшнюю сторону авторскаго таланта, его приемы и способы созданія, оставляя въ сторонѣ сущность произведеній, такъ-какъ настоящая цѣль этой статьи заключается въ одномъ: открыть и уяснить себѣ, сколько позволяютъ намъ силы, художническія привычки писателя, его сноровку и своеобразный образъ исполненія темъ. Намъ всегда казалось, что это самая поучительная и самая важная часть во всякомъ человѣкѣ, посвятившемъ себя искусству“. И много разъ возвращается онъ къ порицанію противоположнаго этому взгляда на критику. Такъ, въ 1856 г., послѣ появленія „эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности“, онъ считаетъ „вопросъ о художественности“ „жизненнымъ вопросомъ для отечественной литературы, предъ которымъ всѣ другія требованія, какъ, напримѣръ, нынѣшнее требованіе идеальнаго обращенія съ природою и обществомъ, кажутся намъ требованіями второстепенной важности“ (1—2), хотя признаетъ, что, по современному взгляду на вещи, „литературное произведеніе, имѣющее жизненное содержаніе и исчерпавшее все свое содержаніе, уже обладаетъ правомъ на полное вниманіе общества, а о степени художественности его, о формахъ и законахъ, какими достигается художественность, общество предоставляетъ судить наукѣ“ (7); признаетъ, что новая критика „исканіе художественности въ искусствѣ считаетъ забавой людей, имѣющихъ досугъ на забавы, а проявленіе его — игрой формъ, потѣшающихъ ухо, глазъ, воображеніе, но не болѣе“ (11). Этимъ взглядамъ онъ противопоставляетъ другой (98—99): „Постоянныя хлопоты о мысли, которыми занята не одна публика, но и критика, сообщаютъ педагогическій характеръ изящной литературѣ вообще, какъ это мы видимъ не только въ нашемъ прошломъ, но и въ нашемъ настоящемъ. Съ одной стороны, кругъ дѣйствія литературы отъ этого, можетъ быть, и расширяется, но съ другой — онъ утрачиваетъ большую часть самыхъ дорогихъ и существенныхъ качествъ своихъ: свѣжесть пониманія явленій, простодушіе во взглядѣ на предметы, смѣлость обращенія съ ними. Тамъ, гдѣ опредѣляется относительное достоинство произведенія по количеству мысли и цѣнность его по вѣсу и качеству идеи, тамъ рѣдко является близ-

кое созерцаніе природы и характеровъ, а всегда почти философствованіе и нѣкоторое лукавство. Не говоримъ уже о томъ, что на основаніи мысли легко быть судьей литературнаго произведенія всякому, кто признаетъ въ себѣ мысли (кто-же не признаетъ ихъ въ себѣ?), а на основаніи эстетическихъ условій — это тяжело; не говоримъ также, что по существу критикъ, ищущихъ предпочтительно мысли, вся лучшая сторона произведенія, именно его постройка, остается почти всегда безъ оцѣнки и опредѣленія; но скажемъ, что, обыкновенно и не тѣхъ мыслей требуютъ отъ искусства, какія оно призвано и способно распространять въ дѣйствительной жизни. Подъ видомъ наблюденія за значеніемъ и внутреннимъ достоинствомъ произведенія, большею частію предъявляютъ требованія не на художническую мысль, а на мысль или философскую, или педагогическую. Съ такого рода мыслями искусство никогда имѣть дѣла не можетъ, да онѣ уже много способствуютъ и къ смѣшенію всѣхъ понятій о немъ“. Г. Анненковъ выступаетъ рыцаремъ за „художественность“, за „художественное воспитаніе общества“, идеалы котораго „подымаютъ уровень понятій, дѣлаютъ сердца доступными всему кроткому и симпатическими откровеніями души, освѣжающею любовью къ человѣку, обуздываютъ и умѣряютъ волю“ (15),—иначе говоря: отнимаютъ у общества и у личности энергію борьбы со зломъ, внушаютъ дряблость и покорность,—и утверждаетъ, что „у насъ еще необходимо продолженіе чистой художественной поэзіи“, потому что не сдѣлались еще общи „изящество образа мыслей, благородство побужденій, пониманіе тончайшихъ душевныхъ ощущеній и уваженіе къ нимъ“ (стр. 14).

Это исключительное значеніе, придаваемое г. Анненковымъ художественному элементу въ произведеніяхъ литературы, не мѣшало ему высказать нѣкоторыя эстетическія положенія, которыя, выражаясь учтиво, можно назвать весьма... странными. Такъ, вдругъ онъ выстрѣливаетъ въ читателя слѣдующимъ „эстетическимъ закономъ“ (62): „читатель болѣе опытный знаетъ, однакожь, хорошо, что существуетъ непреложный эстетическій законъ на самыя противоположности или контрасты. Дѣйствительно, они могутъ быть допущены въ литературномъ произведеніи, но съ условіемъ, чтобъ въ сущности ихъ не заключалось упорной и непримиримой вражды. Только тогда могутъ они сдѣлаться достояніемъ искусства и подлежать его вѣденію, когда между ними есть возможность примиренія, хотя-бы случайнаго, мгновеннаго и непредвидѣннаго. Напротивъ, голое противопоставленіе несоединимыхъ вещей, какъ добра и зла, чернаго съ бѣлымъ, развитой образованности и грубаго отрицанія ея и проч., искусству не принадлежитъ, отпадая

въ область наукообразнаго наблюденія, съ которой оно ничего общаго не имѣетъ“. Между тѣмъ чуть-ли не у любого замѣчательнаго поэта-художника можно найти множество фактовъ, отрицающихъ этотъ „законъ“. Или вдругъ г. Анненковъ весьма серьезно отрѣзываетъ отъ царства искусства огромную область, увѣряя, что (178): „частная жизнь есть настоящее его достоиніе“ или, что „развитіе психологическихъ сторонъ лица или многихъ лицъ составляетъ основную идею всякаго повѣствованія, которое почерпаетъ жизнь и силу въ наблюденіи душевныхъ оттѣнковъ, тонкихъ характерныхъ отличій, игры безчисленныхъ волненій человѣческаго нравственнаго существа въ соприкосновеніи его съ другими людьми. Никакой другой „мысли“ „не можетъ дать повѣствованіе“ (99—100); при этомъ, называя романъ, гдѣ господствуетъ общественный интересъ въ противоположеніи частнымъ интересамъ, „дѣловымъ романомъ“, г. Анненковъ отзывается объ этомъ родѣ произведеній такъ (181): „онъ способенъ возбуждать самыя разнородныя ощущенія, кромѣ одного—чувства поэзіи. Негодованіе, смѣхъ, благородныя стремленія къ высшей нравственной идеѣ, состраданіе, ужасъ—всѣ эти и множество другихъ психическихъ ощущеній легко пробуждаются въ человѣкѣ дѣловымъ романомъ, но до поэзіи и поэтическаго обаянія достигаетъ онъ рѣдко. Передъ глазами читателя прямо разстилается одна безплодная, сухая степь, гдѣ, поднимая ѣдкую пыль, свирѣпо сталкиваются животныя страсти человѣка — корысть, злоба, эгоистическій расчетъ. Таково неизбѣжное условіе всякаго романа, занимающагося судьбою дѣловаго человѣка, а не жизненной исторіей, которую онъ долженъ болѣзненно возмутить или разстроить окончательно“. Но затѣмъ г. Анненковъ дѣлаетъ уступку, которая еще несравненно страннѣе предшествующаго, уже достаточно изумительнаго положенія, именно (179): „можетъ статься, что русскому искусству суждено измѣнить эту программу и создать новую, по которой частное событіе и сфера отвлеченныхъ вопросовъ права, психическая исторія лица и дѣловые интересы могутъ быть примирены и безразлично попадать въ главныя пружины романа, не нарушая тѣмъ законовъ свободнаго творчества. Вѣдь была-же эпоха, гдѣ, дѣйствительно, отдѣльный человѣкъ и исторія народа шли, дружно обнявшись, гдѣ мысли перваго составляли содержаніе послѣдней, гдѣ послѣдняя говорила только то, что говорилъ первый — эпоха эпическая, оставившая намъ образцы своихъ безукоризненныхъ произведеній“. Скажите, пожалуйста! Какому здравомыслящему человѣку можетъ придти въ голову, что историческое развитіе человѣческой мысли въ какой-либо изъ ея областей можетъ вернуться къ своему зародышному состоянію? „Эстетическое воспи-

таніе“ личности, въ лицѣ г. Анненкова, очевидно, дало очень оригинальные результаты. Послѣ этого насъ не удивляетъ нисколько, что, разбирая женскую фигуру романа, г. Анненковъ вдругъ восклицаетъ (188): „Намъ-бы хотѣлось только, чтобъ она примирялась съ женской граціей, съ поэтическимъ элементомъ, которые должны преобладать въ образѣ любящей, страстной, благородной женщины: иначе зачѣмъ-же ей быть героиней?“ Или когда онъ ставитъ романамъ съ общественнымъ интересомъ (и почему-же только романамъ? Почему не драмамъ? Почему не „Ревизору?“) необходимымъ условіемъ введеніе въ нихъ блаженной памяти „резонеровъ“, или „благородныхъ существъ“, роль которыхъ „становится посреди столеновій двухъ различныхъ мировъ... умѣряя присутствіемъ своимъ энергію ихъ ошибокъ, обезоруживая побѣдителя, утѣшая и подкрѣпляя побѣжденных“ (182). Ну, эстетика!

Если въ области, наиболѣе ему сродной, мы находимъ у г. Анненкова такіе вопіющіе абсурды, то совершенно естественно, когда въ области, болѣе далекой для него, именно въ области историческаго пониманія русской жизни и русской литературы, найдемъ столь-же поразительные „раритеты“. Напримѣръ, знаете-ли вы, почтенный читатель и прелестная читательница, что совершили „Горе отъ ума“ и „Онѣгинъ“? Научитесь: „Нѣкоторые типы „Горя отъ ума“ исчезли постепенно въ дѣйствительности, послѣ того, какъ показаны были во всей ясности общему сознанію... Съ послѣдней главой „Евгенія Онѣгина“ наступило время преобразования для всѣхъ тѣхъ въ сущности грубыхъ натуръ, которыя выставляли свой эгоизмъ, какъ доблесть, спокойное, безотчетное презрѣніе къ другимъ, какъ превосходство надъ ними, и скуку въ праздности, какъ почетное занятіе“. Или какъ вамъ нравится пониманіе оппозиціи стрѣльцовъ, все-таки пронизанной преданностью идеѣ, хотя-бы и устарѣлой, когда эта оппозиція отождествляется съ механическою дѣятельностью солдата, которому ставится въ обязанность исполнять приказаніе, не разсуждая? Именно *это* говоритъ г. Анненковъ (154): „Крамольный стрѣлецъ, который умираетъ на плахѣ, изрыгая проклятія, и молодой преображенецъ, застрѣливающій его изъ пищаля, — развѣ это не одинъ и тотъ-же характеръ?“ Послѣ этого, почему Обломову и Базарову не быть однимъ и тѣмъ-же лицомъ? Оно такъ и есть для г. Анненкова. Читайте и удивляйтесь (247—248): „Происхожденію своему отъ понятій знаменитые типы эти обязаны и своимъ поразительнымъ сходствомъ... Обломовъ, переродившійся въ Базарова, долженъ былъ, конечно, измѣниться во внѣшнемъ видѣ, въ образѣ жизни и въ привычкахъ; но зерно, изъ ко-

того у одного растеть непробудная душевная апатія, а у другого — судорожная дѣятельность, неимѣющая никакой нравственной опоры, заложено одно и то-же въ обѣихъ натурахъ. Оно знакомо намъ, какъ нельзя болѣе, какъ плодъ, данный свойствами нашего образованія, особенностями нашего развитія. Лишь только Обломовъ пробудился и раскрылъ свои тяжелые глаза, онъ долженъ былъ дѣйствовать не иначе, какъ Базаровъ; мягкая, податливая натура его, покуда онъ находился въ летаргическомъ состояніи, должна была преобразиться въ грубую, животную природу Базарова: на этомъ условіи Обломовъ только и могъ подняться на ноги. Такъ точно и Базаровъ, незнающій на свѣтѣ ничего святѣе запросовъ своей, не вполне просвѣтленной, личности, есть только Обломовъ, котораго расшевелили и который степеніемъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ принужденъ думать и дѣлать что-нибудь“ и т. д., и т. д. Далѣе этого непониманія содержанія трудно и идти. Это совершенно все равно, когда ботаникъ отождествлялъ-бы два организма, произрастающіе на одной и той-же почвѣ, но которые принадлежатъ къ совершенно разнымъ *отдѣламъ* по своему строенію.

Какъ сказано выше, это не мѣшаетъ г. Анненкову дѣлать мѣстами весьма вѣрные частныя замѣтки, которыя кажутся тѣмъ изумительнѣе, что онѣ выступаютъ среди сплошнаго непониманія общей сущности дѣла. Но онѣ есть, и справедливость требуетъ отмѣтить ихъ. Таковы замѣчанія его о нѣкоторыхъ литературныхъ дѣятеляхъ. Напримѣръ, объ Островскомъ (10—11): „Онъ уже, во-первыхъ, художникъ въ языкъ, потому что не ограничился любимыми реченіями народа и даже любимыми оборотами его рѣчи, а уразумѣлъ логическую связь понятій, живущую въ извѣстномъ классѣ общества и рождающую его *слово*. Во-вторыхъ, онъ художникъ по свойству находить границы и настоящія очертанія для своей мысли: часто двумя, тремя подробностями онъ передаетъ цѣлый характеръ, а иногда и цѣлую сцену, исполненные содержанія... Надо замѣтить, что тамъ, гдѣ г. Островскій перестаетъ быть художникомъ, тамъ, гдѣ онъ является просто умнымъ человѣкомъ, имѣющимъ свои цѣли и особенныя убѣжденія, напримѣръ, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ, покидая художническое обращеніе съ предметомъ, онъ круто поворачиваетъ на поученіе или моральный выводъ, тамъ пропадаетъ у него ясное выраженіе фizioномій, мѣшается и путается представленіе самой народности“. Или о Григоровичѣ (51—52): „Съ инстинктомъ рисовальщика останавливается онъ также на эффектахъ, какіе имѣютъ, при извѣстномъ освѣщеніи дня или ночи, плетень, уголь избы, рука, отбрасывающая тѣнь на лицо, и проч., и проч.; да тотъ-же инстинктъ ри-

совальщика преобладаетъ и въ его описаніяхъ мѣстности и природы. Тутъ гораздо болѣе живописи, т. е. старанія подмѣтить краски и формы предметовъ, чѣмъ поэтическаго созерцанія и передачи прямыхъ впечатлѣній... Чѣмъ ближе вглядываешься въ романъ г. Григоровича, тѣмъ яснѣ видишь, что *литературная выдумка* просачивается сквозь всѣ слои и толщи и проникаетъ почти во всѣ его представленія, наравнѣ съ чертами изъ дѣйствительнаго быта". Или указаніе, что Потѣхинъ описываетъ характеры „со стороны, какъ дѣлаетъ, наприимѣръ, составитель каталога въ картинной галереѣ или размышляющій библіографъ при реестрѣ книжныхъ драгоценностей“ (54). Или замѣтка объ Авдѣевѣ (78): „Взгляните на основную мысль „Огненнаго змѣя“ и на весь составъ его. Какая картина въ разныхъ вкусахъ, или, лучше какая турнировская скачка на пяти лошадяхъ въ одно время!“ Удаются г. Анненкову иногда и нѣкоторыя обобщенія. Такъ онъ совершенно вѣрно говоритъ, что иногда „блестящія темы, еще неясныя вполне самимъ современникамъ и насильно навязанныя искусству, разрѣшаются уродливыми, мертворожденными произведеніями“ (12); или замѣчаетъ (21—22), что „когда въ основаніи произведенія лежитъ художническое наблюденіе міра и событій“, то „самъ идеаль и теплое настроеніе души къ природѣ и къ людямъ являются тутъ такъ-же просто, какъ очень обыкновенное лицо и какъ всякое другое чувство. Вѣдь они принадлежатъ жизни, и никакихъ особенныхъ усилій фантазіи и творчества не надо дѣлать для нихъ тамъ, гдѣ жизнь берется въ возможной полнотѣ“; или въ другомъ мѣстѣ (153): „Общество, имѣющее литературу и взятое цѣликомъ, даже думаетъ литературными типами, а совѣтъ не статьями и лекціями, такъ-что любимый публикой образъ можетъ служить барометромъ, по которому легко узнается состояніе мысли у многихъ тысячъ людей, никогда ее невысказывавшихъ“.

Но здѣсь мы уже приближаемся къ той сферѣ, гдѣ нашъ туристъ въ литературѣ, скользящій по поверхности предметовъ и срывающій цвѣты эстетики, внезапно прикидывается человѣкомъ идеи и ставитъ требованія, которыя показываютъ, что для него, писавшаго сначала въ „Современникѣ“, являлась иногда потребность маскироваться мыслителемъ, какъ ни противно было это его натурѣ, увлекавшей его къ „внѣшней“ сторонѣ произведеній. Къ подобному „маскированію“ приходится отнести выраженіе, что „дѣльному обсужденію критики“ могутъ подпасть только журналы, въ которыхъ „замѣтно какое-то единство мысли при разнородности литературныхъ произведеній и серьезное стремленіе достигъ задуманнаго идеала, каковъ-бы онъ ни былъ“ (43);

или, что „для общественнаго просвѣщенія важны не стихи, не повѣсти, даже удачныя, а только поэтъ съ яснымъ характеромъ и писатель, прокладывающій новую стезю въ области искусства или дающій какой-либо полезный выводъ для общества“ (44 — 45); или, что „послѣдняя и высшая цѣль всякой литературы состоитъ въ томъ, чтобы привести общество къ *самопознанію*, къ открытію нравственныхъ силъ, дѣйствовавшихъ въ немъ прежде, и тѣхъ, какія еще могутъ дѣйствовать въ немъ“ (131). Само собою разумѣется, что туда-же относятся слѣдующія краснорѣчивыя заявленія: „горы свѣдений и всѣ сокровища цивилизаціи суть только сырой матеріалъ, изъ котораго самъ человѣкъ прядетъ ткань своей жизни съ красивымъ или безобразнымъ рисункомъ, на пользу или во вредъ себѣ... Познанія, которыми человѣкъ гордится, условія общественной жизни, которыми наслаждается, и даже удовольствіе созидать мысли до безконечности даны ему благотворнымъ дѣйствіемъ общества, государства, и если въ немъ нѣтъ воли, энергіи и потребности возвратить обществу трудомъ своимъ хоть часть того, что имъ взято задаромъ—человѣкъ не заслуживаетъ даже названія честнаго существа, на которое имѣеть большее право первое домашнее животное его задняго двора, лошадь или собака“ (151—152). Въ какой благородный костюмъ г. Анненковъ маскируется, когда допрашиваетъ Калиновича (изъ „Тысячи душъ“ Писемскаго) не о внѣшней отдѣлкѣ и выпуклости характера, а вдругъ о такихъ чуждыхъ эстетикѣ вещахъ: „какую руководящую идею добылъ онъ въ жизни?“ и отвѣчаетъ: „за дѣятельностію его нѣтъ мысли, нѣтъ глубокаго представленія современныхъ нуждъ, нѣтъ живого взгляда на общество; оттого она вскорѣ сама переродится въ злоупотребленіе“ (190). Маскируется и тогда, когда изъ „Дворянскаго гнѣзда“ дѣлаетъ выводъ, что всѣмъ классамъ нашего общества „нужно обновленіе“ (280). Помилюйте, г. Анненковъ, какое тутъ обновленіе при вѣчныхъ задачахъ вѣчной красоты? Когда вы толковали о „художественномъ воспитаніи“ для увеличенія эстетическихъ наслажденій, это было понятно съ вашей точки зрѣнія. А тутъ какія-то „обновленія“! Видно, что это писано въ 1859 г., когда, одновременно съ вашею статьею въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, печаталась въ „Современникѣ“ статья о „Темномъ царствѣ“. Снимите маску, любезный туристъ, и улыбнитесь! Ну, какое вамъ нужно „обновленіе?“ Подумайте сами: вотъ вы пережили автора „Темнаго царства“; онъ лежитъ въ могилѣ и кругъ его друзей уже сошелъ со сцены дѣятельности; на его томительный вопросъ: „когда-же придетъ настоящій день?“ на жажду, съ которой онъ отвѣчалъ: „придетъ-же, наконецъ, этотъ день“, послѣдовало рѣшеніе: „восходъ солнца откладывается на неопре-

дѣленное время по ненадобности“, а вы писали себѣ очерки беллетристики, да похваливали „Взбаломученное море“ *съ 1863 году*; писали разборы драмъ А. Толстого въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ г. Каткова въ 1868 году, да и теперь пишете объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ. Ну, на какой чортъ было вамъ обовленіе?

Для полного опредѣленія значенія критики г. Анненкова, останюсь на двухъ специальныхъ вопросахъ, которые играли важную роль въ развитіи нашей беллетристики того времени и къ которымъ г. Анненковъ возвращался не разъ, и эпизодически, и въ отдѣльныхъ статьяхъ. Это вопросы о народномъ элементѣ въ беллетристикѣ и о типѣ слабаго человѣка.

Пробужденіе литературы 50-хъ годовъ къ новымъ задачамъ было обозначено, какъ извѣстно, возникновеніемъ множества разсказовъ изъ быта простонародья. Конечно, эта литература была слаба, искусственна, заключала въ себѣ много фальши; но тѣмъ не менѣе она вся имѣла опредѣленный характеръ, опредѣленное направленіе, а когда мы вспомнимъ, что дѣло шло о времени начала крымской войны, о 1854 г., эпохѣ, къ которой не разъ примѣнялся стихъ:!

Когда свободно рыскалъ звѣрь,
А человѣкъ бродилъ пугливо...

то явленіе это имѣло немалое и очень немалое значеніе. Отношеніе къ нему опредѣляло тогда лагерь, къ которому могъ въ близкомъ будущемъ пристать тотъ или другой писатель. И вотъ въ 1854 г., г. Анненковъ помѣщаетъ въ „Современникѣ“ статью о „романахъ и разсказахъ изъ простонароднаго быта“. Оставляя въ сторонѣ частныя замѣтки, изъ которыхъ многія были очень дѣльны, иныя-же приведены выше, останюсь лишь на общихъ выводахъ автора.

Онъ начинается любезностью (49): „созданія, въ основаніи которыхъ лежатъ жизнь и обычаи простого народа, замѣтно расплодился у насъ во всѣхъ формахъ и уже начали составлять яркую и, скажемъ, утѣшительную черту современной литературы“. Но затѣмъ говоритъ (47): „Многіе думаютъ, что простонародная жизнь можетъ быть введена собственно въ литературу во всей своей подробности, безъ малѣйшаго ущерба для истины, цвѣта и значенія своего. По нашему крайнему разумѣнію, это весьма важная ошибка, способная породить (и порождающая) безплодныя стремленія къ такой цѣли, которая врядъ-ли можетъ быть достигнута“. Онъ находитъ крайне неудобною, порождающею „все насильственное, искусственное и невѣрное въ литературѣ“, мысль (которую, впрочемъ, называетъ „счастливою“) сопоставить въ ро-

манѣ „два противоположные круга“ (крестьянство и „культурное“ общество) „на одну общую почву“. Наконецъ, приходитъ къ такому заключенію: „ясно дѣлается, по крайней мѣрѣ, для насъ, что въ настоящую минуту предметъ описанія — простонародный бытъ стоитъ еще враждебно къ самому способу описанія его въ романахъ и разсказахъ“ (81). „Естественный бытъ врядъ-ли можетъ быть воспроизведенъ чисто, вѣрно и съ поэзіей, ему присущей, въ установленныхъ формахъ нынѣшняго искусства, выработанныхъ съ другою цѣлью и при другихъ поводахъ. Первые, основныя правила изящнаго здѣсь не находятъ приложенія цѣлостнаго, а только допускается приложеніе ихъ урывками, по кускамъ и случайное; хитрыя подготовки, обычныя илюзіи искусства, принятія всѣми по общему соглашенію и невозбуждающія при другихъ случаяхъ ни малѣйшаго возраженія, здѣсь становятся ложью, обманомъ, иногда чудовищностью“ (83). Въ другомъ мѣстѣ г. Анненковъ ставитъ и разрѣшаетъ вопросъ, относящійся уже къ области жизни (232): „въ какомъ-же отношеніи должна находиться образованность нашихъ сословій къ народной культурѣ? По мнѣнію лучшихъ европейскихъ умовъ, ей предстоитъ трудная задача разобрать нравственные элементы, изъ которыхъ состоитъ народная культура, очистить ихъ отъ всего случайнаго, наноснаго, невыдерживающаго повѣрки, и подъ конецъ слиться съ нею въ одно общее психическое, умственное и духовное настроеніе“.

Все предыдущее можно характеризовать двумя словами: *брезгливость и непониманіе*, — брезгливость туриста, котораго обстоятельства поставили предъ задачею, неподходящею къ его вкусамъ, а болѣе серьезною и менѣе внѣшнею, чѣмъ то, на чемъ онъ особенно охотно останавливается, и онъ старается отдѣлаться отъ этой задачи, третируя ее, какъ эстетически неудобную, и скрывая подъ этимъ желаніе скорѣе перейти къ другимъ любимымъ предметамъ; непониманіе литературнаго лакомки предъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ и питательныхъ элементовъ литературы, но который для слабаго желудка этого лакомки былъ непереваримъ. Не ему было угадать ходъ литературы о простонародѣ въ послѣдующую четверть вѣка.

Гораздо жарче принялся г. Анненковъ за типъ слабаго человека. Много разъ возвращается онъ къ нему. Еще въ 1849 г., видя вступленіе этого типа въ литературу, онъ спрашиваетъ съ досадою (33): „Насколько можетъ быть интересно апатическое лицо, ненаходящее себѣ никакихъ силъ для выхода изъ стѣсненнаго положенія? Заслуживаетъ-ли оно той примѣрной любви, какую питають къ нему нѣкоторые писатели?“ Черезъ 6 лѣтъ онъ долженъ признать совершившійся фактъ (94): „Въ теченіи послѣд-

ного десятилѣтія литература наша постоянно и во всѣхъ видахъ старалась передать нравственную фізіономію человѣка съ развитою мыслию, но съ неопредѣленной волей и ничтожнымъ характеромъ, съ громкими задачами для жизни и большими требованіями отъ нея, но съ безсиліемъ къ исполненію самой малой доли житейскихъ обязанностей“; и выводитъ изъ этого заключеніе о „дѣйствительномъ существованіи“ этого типа „между нами, или, можетъ быть, въ насъ самихъ“. И вотъ въ 1858 году онъ выступаетъ на защиту этого разобиженнаго типа. Онъ противопоставляетъ этому типу „слабыхъ“ характеровъ типъ „сильныхъ“, выработанный литературой и подмѣченный исторіей. Эти „сильные“ рисуются ему въ литературѣ, какъ Багровы, какъ самодуры, какъ безцеремонные эксплуататоры въ исторіи, какъ петербургскіе фавориты, какъ безцеремонные представители власти. Затѣмъ онъ спрашиваетъ: который лучше? и прародителями современныхъ „слабыхъ“ ставитъ въ исторіи Новикова, Лопухина съ компанією. Генезисъ этого типа онъ идеализируетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Благодаря вліянію общей европейской цивилизаціи, образовался классъ людей, понявшій науку, какъ живое и нескончаемое воспитаніе. Съ него начинается у насъ разумная жизнь общества“. Это, видите-ли, и были родоначальники нынѣшнихъ „слабыхъ людей“. Слѣдующее поколѣніе „переворотило совершенно задачу общественнаго воспитанія, сдѣлало ее изъ блестящей, бойкой, внѣшней задачи тихой, скромной, внутренней задачей“ и „разбудило въ себѣ и другихъ стремленіе поставить науку и мысль законами для собственнаго существованія“. Эти люди „создали себѣ отдѣльный міръ разумности, понятій о правомъ и неправомъ, объ истинѣ и призракѣ, который почасту занимаетъ ея мѣсто“. У нихъ, „вмѣстѣ съ строгимъ взглядомъ на самихъ себя, необходимо должно было явиться и нѣсколько чуждое отношеніе къ окружавшей ихъ средѣ“. Въ нихъ обнаружилась „совершенная невозможность жить, дышать и двигаться въ стихіи неразумности, случайности, каприза или мелкихъ разчетовъ... Они всюду вносили съ собою отвлеченную, но провѣряющую мысль, не боялись своего одиночества, не предпринимали никакихъ мѣръ освободиться отъ него и терпѣливо стояли каждый на своемъ мѣстѣ, зная, что, рано-ли, поздно-ли, люди придутъ къ нимъ сами... Но они никогда не могли быть сами исполнителями своихъ совѣтовъ и идеаловъ. Тому мѣшала даже многосторонность ихъ образованія“. Однако, „они умѣли создать вокругъ себя цѣлительную атмосферу, освѣжавшую всякаго, кто подходилъ къ нимъ... Таковъ былъ у насъ первообразъ „слабаго“ характера“. Затѣмъ явилось третье поколѣніе, гдѣ эти тенденціи отъ *избранныхъ* перешли „въ толпу“ и обнаружили „чер-

ты загрубѣнія и паденія... при раздробленіи своемъ на множество лицъ, менѣе серьезныхъ или менѣе счастливо-надменныхъ (не „надѣленныхъ“ -ли?) живой, упругой и плодотворной мыслию. Писатели наши завладѣли этимъ характеромъ, когда уже онъ сдѣлался общимъ и, такъ-сказать, будничнымъ явленіемъ жизни, потерявъ свою идеальную сторону и свое оправданіе“. Какъ видите, генезисъ оказался весьма почтенный и заслуживающій похвалы. Но и результаты совсѣмъ не такъ худы, какъ рисовали современные г. Анненкову белетристы. Между этими людьми, по словамъ нашего автора, „только и берегается еще настоящая живая мысль, отвѣчающая нуждамъ современнаго образованія... Кто-же возбуждаетъ всѣ запросы, поднимаетъ пренія, затрогиваетъ предметы съ разныхъ сторонъ, копошится въ изысканіяхъ для подтвержденія какой-либо общеплодотворительной мысли, силится устроить жизнь наукой и, наконецъ, представляетъ въ свободномъ творчествѣ повѣрку настоящаго и стремленія къ поэтическому идеалу существованія?“ Г. Анненковъ не сомнѣвается, что на это приходится отвѣтить: о, это все они, „слабые характеры“! Мало того, именно „слабый“ человѣкъ „положилъ начало тому повсемѣстному общенію образованныхъ и благонамѣренныхъ людей, которое составляетъ нравственный кругъ, гдѣ не имѣютъ понятія о сословныхъ различіяхъ и гдѣ всякій честный человѣкъ, откуда-бы ни выходилъ, дѣлится только по добросовѣстности и пользѣ своего жизненнаго труда“. Г. Анненковъ даже съ торжествомъ предлагаетъ читателю, чтобы „убѣдиться въ значеніи слабаго человѣка... посмотрѣть, нѣтъ-ли чего другого въ образованномъ обществѣ, за нимъ или около него?“ и утверждаетъ, что тамъ ничего нѣтъ, „кромя совершенной нравственной пустоты и тѣхъ характеровъ, которые мы называемъ „цѣльными“, т. е. безсовѣстныхъ эксплуататоровъ всего окружающаго. „Когда насмотришься на „сильные“ характеры современной жизни, потребность возвратиться, для освѣженія мысли и чувства, въ кругъ „слабыхъ“ становится ничѣмъ неудержимой, страстной потребностью“. Отсюда выводъ: „Орудіемъ современной работы мы считаемъ... „слабаго“ человѣка... Кругъ, такъ-называемыхъ, *слабыхъ* характеровъ есть *историческій* матеріалъ, изъ котораго творится самая жизнь современности. Онъ уже образовалъ, какъ лучшихъ писателей нашихъ, такъ и лучшихъ гражданскихъ дѣятелей, и онъ-же въ будущемъ дастъ основу для всего дѣльнаго, полезнаго и благороднаго“ (стр. 149—172)

Какъ видите, адвокатъ „слабыхъ характеровъ“ повелъ свою защиту рѣшительно и не побоялся договориться до очень смѣлыхъ результатовъ. Само собою разумѣется, что читателю и ука-

зывать не нужно на фальшь всей этой аргументаціи, на то, что и въ исторіи, и въ современности, на ряду съ тѣми „сильными натурами“, о которыхъ говоритъ г. Анненковъ, и съ тѣми „слабыми характерами“, противъ которыхъ возмутилось сознание бѣлетристовъ 40-хъ годовъ, существовали еще постоянно личности иного типа, которыхъ судьба была постоянно печальна, но которыя *одни* хранили въ себѣ возможность будущаго. Г. Анненковъ не видалъ ихъ; да и гдѣ-же *ему* замѣтить ихъ въ русской исторіи, когда онъ поставилъ *рядомъ* стрѣльца, умирающаго за убѣжденіе (каково-бы оно ни было), и машину, стрѣляющую въ него изъ пищаля? „Сильные“ засѣдали на Олимпѣ съ богами и вкушали амброзію, которую разныя Гебы выжимали изъ крови „слабыхъ характеровъ“, покорно ползавшихъ около алтарей олимпійцевъ и покорно дававшихъ изъ себя выжимать все, что угодно. Но рядомъ съ олимпійцами и съ тѣми существами, которыя, по выраженію Шекспира, были то-же для олимпійцевъ, что мухи для ребятишекъ, глазъ Эхила подмѣтилъ Прометей. Реальная исторія Прометеевъ не лишена значенія, и тотъ, кто выгидываетъ ихъ изъ прошедшаго и настоящаго своей страны, обнаруживаетъ или жалкую близорукость, или легкомысліе туриста-эстетика, который далеко не Эхиль, а потому ему Прометеевъ видѣть и не полагается. Конечно, въ прошедшемъ Прометей отражали свое время: они были окрашены и фанатизмомъ скита сектантовъ, и безшабашною удалью казацкаго наѣзда; конечно, они и въ болѣе близкое къ намъ время иногда не обходились безъ „трескучихъ фразъ“, которыя такъ возмущали спокойствіе и комфортъ нашего туриста-эстетика въ 1859 году. Но все-таки это были Прометей. Они не только не свосили пассивно „бремя нищеты и преслѣдованій“,—они бросали въ глаза олимпійцамъ смѣлые укоры; они пытались достать огонь съ неба для слабыхъ смертныхъ, зная, что у олимпійцевъ въ запасѣ много коршуновъ, и порою приносили этотъ похищенный огонь (похищенный нелегально—должно сознаться въ этомъ) въ жилища слабыхъ смертныхъ, чтобы освѣтить и согрѣть эти жилища, чтобы развить изъ нихъ новыя поколѣнія Прометеевъ, чтобы сохранить традицію тѣхъ титановъ, которые, и задавленные горами, и прикованные на вѣчное мученіе, все-таки протестовали противъ несправедливости олимпійцевъ, все-таки своими движеніями вызывали землетрясенія въ мірѣ „сильныхъ“ собутыльниковъ Зевса и „слабыхъ“ смертныхъ. Тотъ, кто помнитъ эту сторону прошлаго и настоящаго, тотъ только улыбнется презрительно на слова г. Анненкова: „Въ свойствахъ нашего характера и складѣ нашей жизни нѣтъ ничего похожаго на *героическій* элементъ“, и на восхваленіе тѣхъ „слабыхъ“ характеровъ, *благодаря которымъ*

въ обществѣ атрофировались всѣ силы нравственнаго достоинства, все сознание обязанности протеста противъ мучителей Прометеевъ.

Г. Анненковъ захотѣлъ, впрочемъ, и болѣе опредѣленно подчеркнуть свое отношеніе къ только-что упомянутому вопросу и внесъ въ „отдѣлъ второй“ своихъ „Воспоминаній и критическихъ очерковъ“ драгоценныя страницы (313 — 322) отзыва своего о „Взбаломученномъ морѣ“ г. Писемскаго, этомъ первообразѣ цѣлой литературы, пахучесть которой, все усиливаясь, должна была заразить и заразила въ настоящую минуту всю русскую литературную атмосферу, переходя черезъ гг. Лѣскова, Авенариуса, Незлобина, Суворина и К^о до высокоученаго Цитовича. Отношеніе къ этой литературѣ и къ ея первообразу вполне опредѣляетъ нравственное значеніе туриста-эстетика. Онъ могъ безстрастно и съ благодушной улыбкой прочесть эти грязныя страницы и остаться вѣрнѣ своей исключительно „вишней“, исключительно плоско-эстетической оцѣнкѣ. Онъ нашель, что „обиліе таланта и разнообразныхъ творческихъ силъ, употребленныхъ въ дѣло авторомъ при созданіи своего романа, не соотвѣтствуетъ результатамъ, какихъ можно было ожидать отъ нихъ“. Онъ восклицаетъ: „Сколько въ сценахъ и картинахъ этихъ встрѣчается типическихъ личностей, взятыхъ изъ разныхъ слоевъ общества, сколько юмора, комизма и одушевленія, не всегда даже умѣющаго и владѣть собою!“ Онъ даже защищаетъ г. Писемскаго отъ „обвиненія въ непониманіи великаго значенія протеста, которымъ нѣкоторыя эпохи спасаютъ нравственную свою сущность“, и находить, что „картина всеобщей игры орудіями протеста, при неимѣннй истиннаго его содержанія, набросана у автора сценами и очерками, но чрезвычайно бойко и широко, со смѣлостію кисти, отличающей вообще весь романъ“.

Довольно. Есть вещи столь ясныя, что ихъ пояснять было-бы оскорбленіемъ для читателя. Мы безпристрастно отнеслись къ этому „туристу-эстетикѣ“, котораго хотять намъ выставить продолжателемъ „предавія“ Бѣлинскаго. Мы не побоялись надобѣсть читателю многочисленными цитатами собственныхъ словъ г. Анненкова. Въ голословномъ приговорѣ насъ обвинить нельзя. Мы и кончимъ словами г. Анненкова, въ которыхъ онъ самъ произнесъ надъ собою приговоръ.

Рисуя развитіе типа „слабаго характера“, который, какъ мы видѣли, онъ горячо защищаль, борясь pro domo suo, г. Анненковъ проговаривается, однако, слѣдующими словами: „Нѣкоторые изъ нихъ приняли даже тщательный осмотръ своихъ впечатлѣній за серьезную работу и, лишеныя моральнаго чувства и высокой цѣли, необходимыхъ для душевныхъ анализовъ, дошли до рѣдкаго

и тончайшаго эгоизма. Продолжая посмѣиваться надъ собою, онъ мало-по-малу полюбилъ себя и незамѣтно выродился въ безграничныхъ сибаритовъ нравственнаго міра, готовыхъ помириться со всякимъ явленіемъ, которое приноситъ новое ощущеніе въ ихъ сердце и порождаетъ новый, еще неиспытанный психическій процессъ... Это, конечно, уже свидѣтельство близкой, духовной смерти лица“. У г. Анненкова можно подмѣтить не мало подобнаго „сибаритства“, но да не подумаетъ онъ, что мы примѣняемъ предыдущую цитату къ нему. Нѣтъ, онъ не принадлежитъ къ этимъ натурамъ. Онъ слишкомъ скользитъ по поверхности предметовъ, чтобы рѣшиться хотя-бы на такую „серьезную работу“, какъ „тщательный осмотръ своихъ впечатлѣній“. Приговоръ себѣ онъ написалъ въ другомъ мѣстѣ: „Чувство изящнаго, особенно у поверхностныхъ, неглубокихъ натуръ, къ числу которыхъ принадлежитъ большая часть нашихъ любителей и любительницъ изящнаго, служитъ только чѣмъ-то въ родѣ красиваго, кокетливаго мостика, сокращающаго и облегчающаго имъ дорогу къ страстямъ и чисто-животнымъ упражненіямъ“ (стр. 205).

Это—истинный девизъ жизни и литературной дѣятельности туриста-эстетика.

II. Э.

НОВЫЯ КНИГИ.

Экскурсія на рѣку Молочную. Опытъ сельско-хозяйственнаго и экономическаго изслѣдованія южно-русскихъ хозяйствъ. Хозяйства русскихъ землевладѣльцевъ, землевладѣльцевъ-менонитовъ и колонистовъ-менонитовъ и лютеранъ. Выпускъ I. Н. К. Калагеорги и В. М. Борисова. Спб. 1878.

Читателю, сколько-нибудь знакомому съ дѣйствительнымъ положеніемъ нашего сельскаго хозяйства, не покажется парадоксомъ, если мы скажемъ, что въ собственномъ значеніи его у насъ не существуетъ. Въ немъ нѣтъ ни экономическихъ, болѣе или менѣе рациональныхъ, началъ, ни системы, ни прогрессивнаго развитія, ни даже элементарныхъ знаній. Цѣлые вѣка оно покоится на рутинныхъ основахъ, и рутина или практика, выработавшаяся подъ вліяніемъ полнѣйшаго отрицанія всякой теоретической мысли, составляетъ что-то незбылемое, недоступныя ни одному лучу свѣта въ этомъ темномъ царствѣ. Нашъ допотопный плугъ, наша деревянная борона, которой ковыряетъ черноземныя почвы всѣмъ извѣстная деревенская кляча, остаются тѣмъ-же, чѣмъ они были назадъ тому двѣсти лѣтъ! Ни въ какой сферѣ нашей дѣятельности не оказывается такого упорнаго противодѣйствія нововведеніямъ и теоретическому анализу, какъ въ сельскомъ хозяйствѣ... Но что спокойно стояло на своемъ мѣстѣ при крѣпостномъ правѣ, то теперь сдвинулось и разшаталось. Подъ давленіемъ экономическаго *быть* или *не быть*, намъ приходится подумать о своемъ будущемъ и разочароваться въ несокрушимости рутины. Волей-неволей мы должны присмотрѣться поближе къ своему дѣйствительному положенію и изучить его въ деталяхъ. Съ этой благой цѣлью авторы вышеозначенной книги предприняли экскурсію въ мелито-

польскій и бердянскій уѣзды таврической губерніи, желая сравнить хозяйства русскихъ землевладѣльцевъ и землевладѣльцевъ-нѣмцевъ, крестьянина русскаго и „поселянина-собственника“ менонита. Путемъ такого сравненія они надѣялись „уяснить причины, почему поселенцевъ-менонитовъ можно считать если не всѣхъ богачами, то *поголовно-достаточными* людьми, въ то время, какъ нашъ русскій крестьянинъ южной полосы зачастую бѣдствуетъ, несмотря на высокую здѣсь заработную плату, и, вопреки сказочному плодородію „дѣвственной“ почвы Новороссіи, кое-какъ перебивается, а частенько и голодаетъ, вынуждая то тамъ, то здѣсь особыя усилія земства для обезпеченія его отъ голода“. На первой-же страницѣ своего „изслѣдованія“ авторы заявляютъ, что на рѣшеніе этого несомнѣнно важнаго вопроса „могъ-бы навести простой фактъ начавшагося выселенія менонитовъ въ Америку, тотчасъ по обнародованіи общаго закона о воинской повинности“, т. е. фактъ, указывающій на привилегированное положеніе колонистовъ среди нашего крестьянства; но... такое простое объясненіе ихъ, видимо, не удовлетворило, надо полагать, благодаря именно своей простотѣ. И вотъ они пустились въ экскурсію, желая „воочию удостовѣриться, происходитъ-ли обогащеніе нѣмцевъ-поселянъ и сравнительная бѣдность русскихъ поселянъ отъ причинъ чисто-экономическаго свойства или-же оно заключается (sic!) также въ нравственныхъ качествахъ обѣихъ народностей, въ ихъ трудолюбіи и въ *системѣ* ихъ хозяйства“. Уже изъ самой постановки цѣли экскурсіи видно, что любознательные путешественники-изслѣдователи не захотѣли идти по избитой дорогѣ, не желали заниматься такими пустяками, какъ экономическія причины, а взглянули на дѣло глубже, задумали привлечь къ слѣдствію о мужицкой бѣдности „нравственныя качества“... Злополучныя экономическія причины, по собственному ихъ признанію, бьютъ имъ въ глаза, но они отвертываются отъ нихъ и идутъ своимъ путемъ. И хорошо дѣлаютъ. Вѣдь всѣмъ бьетъ въ глаза тотъ, напримѣръ, „фактъ“, что солнце прогуливается около земли. А между тѣмъ наука утверждаетъ, что это вовсе не фактъ, а какой-то вздоръ. Или вотъ другой, еще болѣе подходящий примѣръ: казалось-бы, что кварталные несомнѣнно принимали дѣятельное участіе въ позорномъ истязаніи слесарши Пошлепкиной, а между тѣмъ, по наведеніи точныхъ справокъ, оказалось, что вышеупомянутая слесарша сама себя висѣкла. Такъ и тутъ. Очень можетъ быть, что русскіе мужики „частенько голодаютъ“, а колонисты-менониты оказываются „поголовно достаточными людьми“ совсѣмъ не въ силу экономическихъ условій, а просто потому, что... первыхъ украшаетъ всклокоченная, нечесанная борода, а у вто-

рых подбородки гладко выскоблены, что русскій мужикъ ни что иное, какъ „русска свинѣ“, а колонистъ — человекъ культурный, додумавшійся до мысли о пользѣ плодоперемѣнной системы хозяйства, до жатвенныхъ машинъ, до сѣялокъ, паровыхъ молотилокъ и рациональнаго удобренія почвъ и т. д. и т. д. И притомъ для того, чтобы роль „нравственныхъ качествъ“ выступила въ данномъ случаѣ какъ можно рельефнѣе, прежде всего необходимо разчистить дорогу для изслѣдованія, тщательно устранивъ съ нея все то, что назойливо и некстати напрашивается на вниманіе изслѣдователя и можетъ сбивать его съ намѣченнаго имъ пути. На этомъ разумномъ основаніи слѣдуетъ остерегаться удѣлять хотя-бы частицу вниманія вопросамъ и фактамъ, постороннимъ задачѣ изслѣдованія. Таковы, наприм., данныя о величинѣ надѣловъ, о количествѣ податей и всяческихъ повинностей, о размѣрахъ платежныхъ силъ сравниваемыхъ хозяйствъ, о качествѣ земли, о густотѣ населенія и т. д. Все это можетъ только мѣшать изслѣдованію, заслонять собою нечесанную бороду и бритый подбородокъ, и лѣнь русскаго мужика, и трудолюбіе колониста, и различныя системы хозяйства того и другого и т. д. И нужно отдать справедливость господамъ Калагеорги и Борису: такихъ постороннихъ данныхъ въ изслѣдованіи ихъ почти совершенно не встрѣчается. Въ ихъ книгѣ читатель также не найдетъ ни малѣйшаго указанія и на тѣ условія, при которыхъ возникали и обогащались менонитскія колоніи. И это опять-таки совершенно понятно и послѣдовательно со стороны авторовъ: когда намѣреваешься дѣлать экскурсію въ сферу нравственныхъ качествъ изучаемыхъ народностей и различіемъ этихъ качествъ стараешься объяснить различіе въ житейской обстановкѣ ихъ, то бросать какіе-бы то ни было ретроспективные взгляды—является дѣломъ, по меньшей мѣрѣ, излишнимъ... Если я сравниваю два хозяйства, изъ которыхъ въ одномъ вся оwoць въ огородѣ состоитъ изъ хрѣна да капусты, а изъ хозяйственныхъ принадлежностей имѣется только крестъ да пуговица, между тѣмъ какъ въ другомъ—домъ полная чаша, въ стойлахъ фрисландскія коровы, на конюшнѣ породистыя лошади и т. д., и если при этомъ я убѣжденъ, что мерзость запустѣнія въ первомъ зависитъ отъ лѣни или какихъ-нибудь другихъ „нравственныхъ качествъ“ хозяина, а всяческое изобиліе во второмъ—отъ трудолюбія и сравнительно высокаго нравственнаго уровня обладателя благъ земныхъ, то съ какой стати я буду обращаться къ исторіи этихъ двухъ хозяйствъ? Тутъ нужно только констатировать „фактъ“ лѣни, съ одной стороны, похвальное трудолюбіе—съ другой, уста-

новить причинную связь между лѣнью и нищетою, трудолюбіемъ и процвѣтаніемъ,—и дѣло сдѣлано, задача рѣшена. А объ экономическихъ и тому подобныхъ причинахъ пусть, буде есть охота, толкуютъ другіе, болѣе досужіе умы. Я уже замѣтилъ, что въ этомъ отношеніи авторы „Экскурсіи“ стоятъ внѣ всякихъ упрековъ и... критики: занимаются они „причинами нравственнаго свойства“, ищутъ въ изучаемыхъ хозяйствахъ слѣдовъ трудолюбія и лѣни и ничего другого знать не хотятъ. На 103-хъ страницахъ 1-го выпуска своего труда они остались вѣрны себѣ, вѣрны поставленной при отправленіи въ экскурсію цѣли. Это, конечно, похвально и достойно поощренія. Одно только смущаетъ меня немного: какъ-бы не вышло путаницы при классифицированіи причинъ на экономическія и нравственныя... Дѣло въ томъ, что хотя экономическія причины и недостойны просвѣщеннаго вниманія ученыхъ изслѣдователей народнаго быта, но... хочешь-не хочешь, а считается съ ними приходится на каждомъ шагу, даже и тамъ, гдѣ, повидимому, должны безраздѣльно царить „причины нравственнаго свойства“. Возьмемъ, на примѣръ, вопросъ о трудолюбіи и лѣни. Извѣстно, конечно, всѣмъ и каждому, что рабъ „лѣнивый“ пропуститъ промежъ пальцевъ даннаго ему таланты, а рабъ „добрый“ приумножитъ ихъ, изъ одного сдѣлаетъ десять. Въ результатъ получится то, что одинъ будетъ нищимъ, прощальгой, а другой заслужитъ почетъ, уваженіе и милостивое вниманіе какого-нибудь изслѣдователя. Такъ; но мы очень хорошо знаемъ, что сплошь и рядомъ лѣность, апатія, опусканіе рукъ являются слѣдствіемъ тяжелыхъ, невыносимыхъ *экономическихъ* условий. Частенько, выражаясь мягкимъ слогомъ авторовъ „Экскурсіи“, человекъ работаетъ съ ранняго утра до поздняго вечера, истощается отъ непосильнаго труда, губитъ на работѣ свои силы и здоровье, а между тѣмъ плодовъ своего труда не видитъ, или-же видитъ, какъ ихъ вкушаютъ другіе, неударившіе, что называется, пальцемъ о палецъ. При такихъ условіяхъ,—а они, какъ мы знаемъ, существуютъ для извѣстной категоріи членовъ общества,—невольно пропадетъ всякая энергія, невольно обнаружится недостатокъ трудолюбія; да хорошо еще, если обнаружится только это: на сцену можетъ выступить и кабакъ, а съ нимъ утрата и другихъ „нравственныхъ качествъ“, необходимыхъ для „обогащенія“. Какъ тутъ быть? Чему приписать, чѣмъ объяснить бѣдность: причинами экономическими или нравственными? Я, по крайпей мѣрѣ, колеблюсь, не рѣшаюсь высказывать категорическаго мнѣнія и обращаюсь за разрѣшеніемъ моихъ недоумѣній къ гг. Калагеорги и Борису, какъ къ личностямъ, повидимому, компетентнымъ въ подобныхъ вопросахъ. Далѣе, наши изслѣдова-

тели толкуютъ о системахъ хозяйства, какъ причинахъ бѣлаго или меньшаго благосостоянія. И эти причины они выдѣляютъ изъ разряда причинъ экономическихъ. Если подъ словами „системы хозяйства“ тутъ подразумѣваются способы пользованія *даннымъ* участкомъ земли, извѣстный распорядокъ и обстановка хозяйственной дѣятельности, то въ-концѣ-концовъ вопросъ сводится опять-таки на экономическую почву. Понимаемая въ этомъ смыслѣ, „система хозяйства“ прямо или косвенно зависитъ отъ состоянія кошеляка хозяина. Будетъ у этого послѣдняго достаточный оборотный капиталъ, — будутъ и фрисландскія коровы, и породистые жеребцы, какъ у менонитовъ; будетъ, значить, и удобреніе не только для полей, но и для луговъ, заведутся и косилки, и жатвенныя машины, и сѣялки. Будетъ въ его распоряженіи достаточно земли и рабочаго скота, — онъ, какъ и менонитъ, засѣетъ „свое поле по навозу“, разработаетъ почву, введетъ и „улучшенную зерновую систему“, облюбуетъ и „черный паръ“, этотъ „идеаль, въ которому долженъ стремиться нашъ южный хозяинъ и который уже достигнутъ менонитами“ (стр. 101). А нѣтъ денегъ, мало земли, — и не будетъ всѣхъ этихъ прелестей... Вонъ у тѣхъ-же южно-русскихъ хозяевъ-крестьянъ „частенько“ зерна для посѣвовъ не хватаетъ, „частенько“ единственная коровѣнка (русская, а не фрисландская) продается отъ нужды, — такъ ужъ какой тутъ „черный паръ“! Того и гляди, — если только „особыя усилія земства для обезпеченія отъ голода“ не вывезутъ, — и вся земля останется... подъ паромъ... Какія-же тутъ „системы“! Не до жиру, быть-бы живу... Нѣтъ, несмотря на все мое почтеніе къ авторамъ „Экскурсія“, по этому пункту я съ ними рѣшительно не согласенъ и полагаю, что они сдѣлали крупный промахъ, разсматривая систему хозяйства не какъ слѣдствіе, а какъ причину, и ставя эту причину въ близкое отношеніе съ причинами нравственными.

Говоря все это, я далекъ отъ мысли подрывать авторитетъ почтенныхъ экскурсистовъ. Вышеприведенными соображеніями я хотѣлъ только показать, что, изслѣдуя *экономическое* положеніе хозяевъ, невозможно упускать изъ вида факторовъ *экономическихъ*, а если упустишь и ограничишься экскурсіею въ сферу нравственности, то неизбежно запутаешься, ничего не „уяснишь“ и наговоришь разнаго вздору. Научная экскурсія обратится тогда въ увеселительную прогулку и вмѣсто серьезнаго изслѣдованія получится праздное толченіе воды въ ступѣ...

Если мы обратимъ вниманіе на дѣль, которую поставили себѣ гг. Калагеорги и Борисовъ, предпринимая свою экскурсію, и затѣмъ бросимъ общій взглядъ на то, что они сдѣлали и что на-

писали въ своей книжкѣ, то только руками разведемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что-бы вы подумали о профессорѣ, который, пообщавъ познакомиться васъ, напр., съ финансовымъ хозяйствомъ Россіи, вдругъ началъ-бы просвѣщать васъ... по части спектральнаго анализа или посвятилъ-бы свою лекцію на описаніе подвиговъ Александра Македонскаго? Вы имѣли-бы полное право заключить, что профессоръ васъ мистифируетъ. Почти то-же самое дѣлають и гг. Калагеорги и Борисовъ. Мы поѣхали, говорятъ они, — съ цѣлью сравнить хозяйства данной мѣстности, „въ надеждѣ, что такое сравненіе можетъ уяснить намъ, почему... русскій крестьянинъ голодаетъ, а нѣмецъ-колонистъ благоденствуетъ и обогащается“. Прекрасно... Прочтя такое заявленіе, всякій въ правѣ ожидать, что за ними послѣдуетъ обстоятельное описаніе хозяйствъ *русскаго мужика* и *нѣмца-менонита*, сравненіе ихъ между собою и затѣмъ выводы. Не тутъ-то было! Авторы наши находятъ это совершенно излишнимъ; по крайней мѣрѣ, такъ слѣдуетъ заключить изъ того, что $\frac{4}{5}$ ихъ „изслѣдованія“ посвящены самому мелочному описанію *крупныхъ* хозяйствъ края; хозяйства-же поселянъ-менонитовъ такого вниманія не удостоились: авторы наши только *проѣхались* по колоніямъ, останавливаясь въ нихъ, повидимому, только для утоленія аппетита. Они сами сознаются, что „изучили менонитскія хозяйства, составившія цѣль экскурсіи, не такъ всесторонне, какъ-бы слѣдовало“. „Для такого изученія, говорятъ они далѣе,—необходимо было-бы *пожить* въ каждой колоніи нѣсколько времени, а этого мы исполнить не могли“ (стр. 86). Въ первую менонитскую колонію, Альтенау, наши путешественники-изслѣдователи „пріѣхали, порядочно проголодавшись“. Голодное брюхо на ученѣ глухо; надобно покушать. Забрались они къ одному хозяину и принялись ѣсть. „Напившись кофе, наѣвшись масла, творогу, ветчины и яицъ, запивши явствіе виномъ“, покалякавши между блюдами съ хозяиномъ, т. е., „изучивши“ его хозяйство, они „отправились къ самому богатому колонисту въ Альтенау, къ Давиду Региру, обладателю 23 лошадей“ (стр. 89). „Осмотрѣвъ это хозяйство, пишутъ они нѣсколько далѣе,—мы отправились въ Гальбштадтъ (Альтенау, значить, уже достаточно изучена), проѣхавъ при этомъ черезъ... цѣпь колоній, состоящую, кромѣ конечныхъ, Альтенау и Гальбштадта, изъ 8 колоній“ (стр. 92). Въ Гальбштадтѣ были осмотрѣны хозяйства двухъ поселянъ: нѣкоего Винса, закупившаго въ 1874 году въ Одессѣ для продажи менонитамъ до 300 одиѣхъ жатвенныхъ машинъ (человѣка, очевидно капитальнаго), и г. Дика, помощника старшины. Въ сопровожденіи перваго изъ нихъ они сдѣлали прогулку по полямъ колоніи, чѣмъ и завершилось изученіе хозяйствъ поселянъ-менонитовъ.

Итакъ, гг. изслѣдователи удостоили своимъ вниманіемъ только первую и послѣднюю колоніи, а въ нихъ—хозяйства „самыхъ богатыхъ“ поселянъ. Что-же касается 8, упоминаемыхъ ими, промежуточныхъ колоній, то относительно ихъ въ книжку занесены исключительно только впечатлѣнія путевыя, т. е. только то, что промелькнуло передъ ихъ глазами въ то время, когда породистые жеребцы, взятые, быть можетъ, изъ конюшни упомянутаго Регира, мчались съ гг. путешественниками изъ Алтенау въ Гальбштадтъ. Скудны эти впечатлѣнія, мизерны данныя, долженствующія лечь въ основу „сравненія хозяйствъ“ и т. д.; но... путешественники-изслѣдователи въ этомъ не виноваты: жеребцы мчались слишкомъ быстро. Тѣмъ не менѣе, кое-что они все-таки подмѣтили. Отъ ихъ вниманія не ускользнула и дорога—алея, „густо усаженная развѣсистыми деревьями, а по бокамъ цвѣтуція поля менонитовъ, правильно разграниченныя рядами деревьевъ“, и колоніи, окруженныя садами и рощами, и великолѣпный ландшафтъ, „заставляющій поневолѣ забыть бѣдныя русскія деревни“ (стр. 91).

Въ лежащемъ передъ нами выпускѣ о бѣдномъ русскомъ хозяйствѣ не упоминается ни единымъ словомъ; надо полагать, что о немъ будетъ трактоваться дальше. Но мы нисколько не будемъ удивлены, если и во второмъ (и послѣднемъ) выпускѣ „Экскурсіи“ не найдемъ никакихъ данныхъ о хозяйствѣ русскаго крестьянина, если этотъ крестьянинъ будетъ, дѣйствительно, „поневолѣ забыть“. Приятно и любопытно *пожить* у какого-нибудь г. Куликовскаго, владѣльца 20,000 десятинъ земли и счастливаго обладателя 70,000 р. годового дохода; интересно погостить у г. Мазаева, миліонера и владѣльца 50,000 овецъ; не бесполезно изучать, какъ слѣдуетъ, имѣнія гг. Мартенса и Корниза—колонистовъ, располагающихъ каждый чѣмъ-то въ родѣ 6,000 десятинъ; не безъ удовольствія можно провести время и у простаго поселянина, если только въ конюшнѣ у него стоятъ 23 породистыя лошади, какъ у г. Регира. Хозяйства такихъ почтенныхъ людей стоитъ изучать; стоитъ изслѣдовать въ нихъ всѣ детали сельско-хозяйственной обстановки. Немудрено, если изъ-за нихъ и забудется „поневолѣ“ то, что помельче, да побѣднѣе. Мы уже видѣли, что такому невольному и, если хотите, вполне извинительному забвенію подверглись въ значительной степени даже и „поголовно достаточные“, но не „самые богатые“ колонисты-менониты, хотя ихъ хозяйства, по словамъ самихъ-же авторовъ, и составляли прямую цѣль экскурсіи. Если тщательность изученія будетъ такимъ образомъ уменьшаться прямо-пропорціонально уменьшенію размѣровъ хозяйствъ и капиталовъ хозяевъ, то на долю „частенько голодающаго“ русска-

го крестьянина, очевидно, выпадетъ еще болѣе полное забвеніе, на что уже заранѣе намекають гг. изслѣдователи. Пожалуй, это будетъ и къ лучшему.

Покончивъ съ менонитами, авторы въ слѣдующемъ выпускѣ общають приступитъ къ сравненіямъ и выводамъ. О хараткерьѣ этихъ выводовъ до извѣстной степени мы можемъ уже судить и теперъ, не дожидаясь продолженія „Экскурсіи“. Такъ, одна изъ самыхъ главныхъ причинъ обогащенія и процвѣтанія менонитовъ и голоданія русскихъ крестьянъ, по глубокому убѣжденію гг. Калагеорги и Борисова,—убѣжденію, сложившемуся, очевидно, еще до отправленія въ экскурсію, — заключается въ томъ, что менонитъ есть поселянинъ-собственникъ, а русскій крестьянинъ — общинникъ. У описываемыхъ ими менонитовъ земельная собственность не дѣлится между взрослыми членами семьи; она „составляетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ *миноратъ*, переходящій отъ отца наичаще къ младшему сыну“. Такимъ образомъ, на землѣ хозяйничаютъ „младшіе братья“. Другіе-же, „старшіе братья, получаютъ свою часть деньгами, такъ-что земля не подвергается дробленію и трудъ менонита, въ нее положенный, не можетъ пропасть даромъ или быть эксплуатируемъ другимъ колонистомъ; нашихъ тормазовъ развитія благосостоянія крестьянъ—передѣловъ земли и выдѣловъ нѣтъ“ (стр. 88). Коротко и ясно, и второго выпуска не надо. Если русскій крестьянинъ бѣденъ и тощъ, такъ это потому, что онъ живетъ въ общинѣ. Уничтожьте общину, этотъ „тормазъ развитія“,—и все пойдетъ, какъ по маслу, и русскіе мужики-бѣдняки тотчасъ-же начнутъ процвѣтать и обогащаться. Такъ вотъ въ чемъ корень зла—въ общинѣ! Бѣдная община! Кто, кто только тебя не лягаетъ!

Заговоривъ о „старшихъ“ и „младшихъ братьяхъ“, отмѣтимъ кстати слѣдующій фактъ, сообщенный авторами. Колонистъ, у котораго они угощались разными разностями и позаимствовались свѣденіями о „миноратѣ“, былъ одинъ изъ „старшихъ братьевъ“. Младшій братъ получилъ отъ отца 65 десятинъ земли, со всѣмъ хозяйственнымъ инвентаремъ. Старшіе братья, кромѣ доставшихся на ихъ долю денегъ, успѣли добиться выдѣла изъ отцовскаго имѣнія по 12 десятинъ на каждого. „Но какъ это имъ казалось еще мало, то они стали покупать себѣ на складочный капиталъ цѣлыя имѣнія; такъ, недавно они приобрѣли въ херсонской губерніи до 20,000¹/₂ десятинъ земли“. Отсюда ясно, что для процвѣтанія и обогащенія еще далеко не достаточно минората или майората, а требуется для выдѣла прочимъ наслѣдникамъ почтенный капиталецъ, позволяющій имъ прикупать изрядные куски земли на сторонѣ. Располагая такими средствами, съ большимъ удоб-

ствомъ можно процвѣтать и обогащаться и въ нелюбимой авторами общинѣ, какимъ-бы тормазомъ для хозяйственнаго развитія она ни была. Вѣдь и община не препятствуетъ своимъ членамъ покупать земли на сторонѣ въ личную собственность. Но посмотримъ, что слѣдуетъ далѣе. „При такомъ устройствѣ (общемъ менонитамъ съ прочими нѣмецкими колонистами или „поселянами“), говорятъ авторы, — земли южно-русскихъ степей все болѣе и болѣе переходятъ въ руки нѣмцевъ, — фактъ, заслуживающій самаго серьезнаго вниманія политико-эконома“ (стр. 88). Да, этотъ фактъ знаменательный; призадуматься есть надъ чѣмъ, тѣмъ болѣе, что подобное-же явленіе замѣчается не только на югѣ, но и въ другихъ мѣстахъ. Нѣмцы на югѣ, евреи въ Малороссіи и юго-западномъ краѣ, разные хищники на востокѣ, а у русскаго мужика земли становится все меньше и меньше; онъ все болѣе и болѣе обезземеливается. Что-то выйдетъ изъ этого завоеванія русской земли „иноплеменниками?“ Но разбирать этотъ важный вопросъ въ короткой рецензій, конечно, неумѣстно. Будемъ лучше мерелистывать дальше произведеніе гг. Калагеорги и Борисова: авось, еще наткнемся на что-нибудь курьезное и поучительное. Вотъ, напр., авторы наши, описывая хозяйство землевладѣльца (крупнаго, конечно) Корниза, нѣсколько долѣе останавливаются на той отрасли этого хозяйства, которую особенно знаменито его имѣніе,—на разведеніи лѣса. Вопросъ объ облѣсеніи нашихъ южныхъ степей, въ виду постоянныхъ засухъ и неурожаевъ, является вопросомъ первостепенной важности для всего землевладѣльческаго населенія нашего юга. Посмотримъ, что-же скажутъ намъ на этотъ счетъ специалисты-ислѣдователи. Стоитъ-ли разводить лѣса? Выгодно-ли это будетъ? По свѣденіямъ, сообщаемымъ авторами, у г. Корниза „втеченіи 41 года, съ 1833 по 1874, разведено лѣса всего 26 десятинъ“ (стр. 77). Въ среднемъ счетѣ, съ одной десятины лѣса получается чистаго дохода около 33 р. Такимъ образомъ, „пока доходъ съ лѣса въ таврической губерніи не составляетъ значительнаго процента, но, принимая во вниманіе другія обстоятельства, для которыхъ собственно служить здѣсь разведеніе лѣса, мы поймемъ необходимость и важность его разведенія и вполне удовлетворимся небольшимъ процентомъ, который даетъ здѣсь лѣсъ“ (стр. 79). Итакъ, лѣсъ разводить и необходимо, и важно, а изъ дальнѣйшихъ подробностей мы узнаемъ, что это даже и нетрудно, и неособенно дорого: по мнѣнію херсонскихъ хозяевъ, при упрощенныхъ способахъ облѣсенія, разведеніе десятины лѣса обойдется ни какъ не дороже 50 или 60 р.“ (стр. 85). Но вотъ на стр. 40 мы читаемъ: „немного нужно нашимъ степямъ, чтобы избавить ихъ отъ засухи. Надо бросить рутину,

взяться за разумное, рациональное хозяйствованіе, и страхи передъ мрачною будущностью Новороссіи уничтожатся сами собою и сохранятъ намъ (страхи-то!) львиную долю изъ тѣхъ сотенъ миліоновъ, которые мы собираемся создать изъ ничего, чтобы употребить ихъ на облѣсеніе и орошеніе края“. Изъ этихъ словъ приходится заключить, что, повидимому, авторы относятся болѣе чѣмъ косо къ проектамъ облѣсенія: слишкомъ, молъ, дорого, да и денегъ взять негдѣ, да и болѣе простыя средства для борьбы съ засухой есть,—„нужно только ихъ найти, изслѣдовать, а не сидѣть, сложа руки“ (стр. 40). Такъ какъ-же, гг. ученые изслѣдователи? Значить, лѣсъ разводить,—съ одной стороны, и необходимо, и важно, а съ другой—по меньшей мѣрѣ излишне и нерасчетливо?! Съ одной стороны, и просто, и дешево, а съ другой—сотни миліоновъ, которыхъ и взять-то негдѣ?! Извините, я васъ что-то плохо понимаю; впрочемъ, можетъ быть, это происходитъ оттого, что я не специалистъ по лѣсному хозяйству, какъ вы. А заговорили наши авторы о средствахъ противъ засухи, помимо лѣсоразведенія и противъ этого послѣдняго, вотъ по какому поводу. Осенью 1872 года везли въ Каховку (имѣніе уже упомянутаго нами ранѣе г. Куликовскаго) возъ соломы. „Возъ опрокинулся на сосѣднее, только-что засѣянное поле. Его, конечно, подняли, солому кое-какъ собрали, но не всю: на полѣ ея осталась малая толика. И что-же? На слѣдующее лѣто,—когда хлѣбъ яровой весь выгорѣлъ или былъ поѣденъ прусомъ (родъ саранчи), а озимой едва достигалъ двухъ четвертей роста и далъ урожай самъ 2 и самъ 3,—на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ опрокинутъ возъ соломы, выросъ хлѣбъ, который рѣзкою полудуговою линіею отграничивался отъ сосѣдняго, какъ это мы видѣли собственными глазами: онъ былъ ярко зеленъ, тогда-какъ сосѣдній, во время цвѣтенія уже, отливалъ желтизною; онъ былъ густъ и высокъ, съ толстою соломою, а сосѣдній былъ тонокъ, жидокъ и низокъ. Словомъ, влияніе легкой покрывки хлѣба стебельками соломы проявилось самымъ очевиднымъ и разительнымъ образомъ“ (стр. 40). Фактъ этотъ, въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно интересенъ, дакъ съ теоретической, такъ и съ практической точекъ зрѣнія, и крайне желательна была-бы опытная провѣрка его. Почему знать? Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ онъ служить драгоценнымъ указаніемъ на способъ предохраненія полей отъ засухи, этого бича нашихъ безлѣсныхъ и безводныхъ степей...

Впрочемъ, сваливать на засуху причину плохого состоянія большей части южныхъ хозяйствъ, какъ оказывается изъ наблюденій Калагеорги и Борисова, совершенно неосновательно. По ихъ словамъ, достаточно осмотрѣть хозяйства гг. Дика и Корниза (во-

зырные тузы между менонитами), чтобы получить понятие о томъ, „что трудолюбіе и предусмотрительность могутъ сдѣлать изъ нашихъ степей“ (стр. 57).—„И въ безводной степи, при отсутствіи всякой рѣчной или ставочной воды, а при пользованіи лишь одною колодезною водою, можно вести хозяйство... и не жаловаться на засуху и отсутствіе дождей“ (стр. 70). Главное дѣло—трудолюбіе и предусмотрительность; все остальное—пустяки. „Частенько голодающимъ“ русскимъ поселянамъ юга слѣдуетъ настойчиво рекомендовать эти драгоцѣнныя „нравственныя качества“. Съ ними они изъ голодающихъ уже навѣрное обратятся въ „поголовно достаточныхъ“, если не сравняются съ упомянутыми Дикомъ и Корнизомъ. Одно только не совѣмъ ладно въ данномъ случаѣ: для того, чтобы „не жаловаться на засуху и отсутствіе дождей“, нужно рыть колодцы. Вонъ, у г. Дика ихъ оказывается 13. А рытье колодцевъ здѣсь кусается: устройство каждаго обходится отъ 600 до 700 р. (стр. 61). Но это, конечно, вздоръ; были-бы только трудолюбіе и предусмотрительность.

Изслѣдователями нашими рѣшенъ еще и другой жгучій вопросъ нашей деревни, — вопросъ о конокрадствѣ, и притомъ рѣшенъ радикально и въ высшей степени оригинально. „Не хитрому уму не выдумать-бы въ вѣкъ“, а гг. Калагеорги и Борисовъ выдумали. Основываясь на разсказахъ многихъ хозяевъ, что табунщиками у нихъ служатъ завѣдомые конокрады и что при этомъ у нихъ не только ничего не пропадаетъ, но „табунъ еще приращается извнѣ“, наши авторы рекомендуютъ ввѣрять лошадей „завѣдомымъ конокрадамъ“, дѣлать ихъ охранителями табунновъ и при этомъ прибавляютъ... „вотъ вамъ безобидное и самое радикальное рѣшеніе вопроса о конокрадствѣ“ (стр. 32). Владѣльцамъ лошадей беспокоиться тогда будетъ нечего: „табуны еще будутъ приращаться извнѣ“... И дешево, и мило!

На этой замѣчательной комбинаціи мы и покончимъ рѣчь объ „Эвскурсіи“. Если авторы подарятъ насъ 2-мъ выпускомъ своего труда, то мы не замедлимъ ознакомить съ нимъ читающую публику, хотя и не общаемъ ей ничего лучшаго, сравнительно съ тѣмъ, что сказано нами о 1-мъ выпускѣ.

Общедоступная гигиена. Д-ра Эрисмана. С.-Петербургъ. Изданіе Л. Ф. Пантелѣва. 1878.

Едва-ли можно указать на какую-нибудь другую науку, которая имѣла-бы такъ мало практическаго значенія, какъ гигиена.

Въ самомъ дѣлѣ, почти вся эта наука исчерпывается извѣстнымъ совѣтомъ доктора бѣдняку-паціенту:

„...Нужно питательной пищей питаться,
Въ холодное время теплѣй укрываться“...

А между тѣмъ много-ли найдется въ современномъ обществѣ людей, которые могутъ слѣдовать этому благоразумному совѣту? Такіе счастливыцы считаются единицами на тысячи; они представляютъ изъ себя каплю въ морѣ „алчущихъ и жаждущихъ“, обездоленныхъ и обойденныхъ благами современной цивилизаціи, имя - же имъ легионъ. Толковать этому легиону о гигиенѣ — значить глумиться надъ нимъ; гигиеническіе совѣты, обращенные къ нему, онъ не можетъ не принять за оскорбительную насмѣшку надъ своимъ тяжелымъ положеніемъ. И такъ, подавляющее большинство членовъ общества въ настоящее время не имѣетъ, да и не можетъ имѣть, никакого отношенія къ гигиенѣ: гигиена сама по себѣ, а они также сами по себѣ. Остается меньшинство, которое, будучи обставлено въ матеріальномъ отношеніи несравненно выгоднѣе массы, живетъ себѣ въ свое удовольствіе, но при этомъ менѣе всего справляется съ гигиеной, какъ съ наукой. Да и къ чему этому меньшинству гигиена? Зачѣмъ ему утруждать себя чтеніемъ гигиеническихъ трактатовъ? Питается оно пищей „питательной“, „вкусной“ и „разнообразной“; воздуху въ его распоряженіи достаточно; одежда, сообразная съ сезономъ; трудъ не обременителенъ, силъ не истощаетъ... Слѣдовательно, гигиенѣ тутъ нѣтъ никакого дѣла. Такимъ образомъ, выходитъ, что одни не могутъ слѣдовать указаніямъ гигиены, для другихъ—эти указанія отчасти излишни, отчасти бесполезны, и съ *практической* точки зрѣнія *частная* гигиена, обращающаяся съ своими совѣтами къ отдѣльнымъ личностямъ, имѣетъ очень мало правъ на существованіе. Нѣсколько большее значеніе имѣетъ гигиена *общественная*, указывающая, въ видахъ общественнаго здоровья, на необходимость тѣхъ или другихъ общихъ санитарныхъ мѣропріятій, каковы, напр., канализація городовъ, регулированіе работы на фабрикахъ и заводахъ и т. д. Такія мѣры имѣютъ болѣе шансовъ на осуществленіе и, несомнѣнно, приносятъ свою долю пользы. Такъ, изъ лежащей передъ нами книги Эрисмана мы узнаемъ, что „въ Гамбургѣ число случаевъ заболѣваній тифомъ, за 1872—74 года, равнялось 2,68 на 1,000 жителей въ оздоровленныхъ частяхъ города; оно было равно 3,2 на 1,000 въ участкахъ менѣе оздоровленныхъ и 4,6 на 1,000 въ кварталахъ грязныхъ и сырыхъ (стр. 69). Но если мы обратимъ вниманіе на то, что подобныя улучшенія санитарной обстановки населенныхъ

мѣсть, по недостатку средствъ, практикуются только въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ, что благими результатами ихъ пользуется только незначительная часть населенія, между тѣмъ какъ другая, неизмѣримо большая, или остается при условіяхъ жизни, все болѣе и болѣе ухудшающихся, или-же благодѣтельное вліяніе санитарныхъ мѣръ парализуется для нея другими неблагоприятными факторами житейской обстановки; если, наконецъ, подумаемъ о томъ, что широкая и плодотворная санитарная дѣятельность возможна только тамъ, гдѣ она пользуется сочувствіемъ и содѣйствіемъ со стороны всѣхъ членовъ общества, а не встрѣчаетъ, какъ бываетъ въ большинствѣ случаевъ теперь, упорнаго противодѣйствія со стороны лицъ, такъ или иначе заинтересованныхъ въ поддержаніи существующаго анти-гигіеническаго порядка вещей; если, говорю я, мы подумаемъ обо всемъ этомъ,—то должны будемъ придти къ тому заключенію, что при настоящихъ условіяхъ нельзя рассчитывать и на такія санитарныя мѣропріятія. Мы на нихъ не можемъ и не должны смотрѣть иначе, какъ на жалкіе паліативы, какъ на попытки ставить заплаты на ветхое рубище. Дѣло не въ тѣхъ или другихъ частныхъ попыткахъ улучшенія гигиенической обстановки населенія, а въ измѣненіи общихъ условій житейской обстановки. По словамъ Эрисмана, „здоровье рабочихъ существенно страдаетъ главнымъ образомъ отъ трехъ причинъ: во-первыхъ, отъ *недостатка работы*, вслѣдствіе чего наступаютъ нужда и заботы о пропитаніи; затѣмъ отъ *чрезмѣрной работы*, если отъ рабочаго требуется больше труда, чѣмъ допускаютъ его силы, и, наконецъ, отъ *опасностей, связанныхъ съ самою работою*, которыя могутъ быть сведены на неправильное положеніе тѣла при работѣ, на вредныя свойства разрабатываемаго матеріала, на устройство рабочихъ помѣщеній и т. п.“ (стр. 290). Очевидно, что по отношенію къ первымъ двумъ причинамъ, отъ которыхъ въ сущности и зависитъ все зло, гигиена безсильна: она можетъ только констатировать фактъ—не болѣе; что же касается до третьей, то гигиена можетъ бороться съ нею почти исключительно одними „жалкими словами“. „Для устраненія опасностей для здоровья, связанныхъ съ промышленнымъ трудомъ,—читаемъ мы у Эрисмана,—необходимы... благоразуміе и гуманность со стороны промышленниковъ... Промышленники... должны уважать законы и предписанія властей“... (стр. 298). Далѣе, желательнo, „чтобы промышленники никогда не отказывались, подъ вліяніемъ грубаго эгоизма, отъ проведенія необходимыхъ мѣръ предосторожности вездѣ, гдѣ это легко исполнимо“ (стр. 299). Наряду съ этимъ нужно также и „энергическое вмѣшательство государственной власти и пониманіе рабочими того, что имъ вред-

но" (тамъ-же). Да, все это нужно. Но такъ-какъ, по словамъ того-же Эрисмана, конкуренція является главнѣйшимъ двигателемъ во всѣхъ сферахъ жизни, а „въ основаніи ея лежитъ грубый эгоизмъ, лозунгомъ котораго служить: „убирайся съ дороги, чтобы мнѣ было мѣсто“ (стр. 271), то, очевидно, что на осуществленіе всего того, что необходимо и желательно, рассчитывать положительно невозможно. Въ Англіи, на примѣръ, фабричная и заводская промышленность подчинена контролю „фабричныхъ инспекторовъ“, снабженныхъ довольно широкими полномочіями и облеченныхъ властью привлекать къ отвѣтственности нарушителей „фабричныхъ законовъ“, берущихъ подъ свое покровительство интересы рабочей массы. И что-же? Достаточно просмотрѣть „отчеты“ этихъ инспекторовъ для того, чтобы убѣдиться въ бесилии власти бороться съ „грубымъ эгоизмомъ“ и эксплуататорскими стремленіями промышленниковъ. Контроль надъ дѣятельностію этихъ рыцарей индустріи является дѣломъ въ высшей степени труднымъ, чтобы не сказать—невозможнымъ. Предприниматели находятъ тысячи средствъ ускользнуть отъ контроля и обойти законъ, ставящій нѣкоторыя преграды ихъ стремленіямъ къ наживѣ,—къ наживѣ во что-бы то ни стало. Мы знаемъ, что во всѣхъ „цивилизованныхъ“ странахъ промышленная дѣятельность точно также регламентируется закономъ; но при этомъ мы знаемъ и тотъ прискорбный фактъ, что эта регламентація нисколько не гарантируетъ рабочаго отъ самой наглой эксплуатаціи, нисколько не мѣшаетъ предпринимателямъ совершать надъ ихъ наемными рабочими самыя возмутительныя безобразія. Правда, иногда (конечно, въ ничтожномъ меньшинствѣ случаевъ) подобныя дѣянія приводятъ ихъ авторовъ на скамью подсудимыхъ; но, во-первыхъ, это бываетъ рѣдко, только тогда, когда то или другое безобразіе является уже совершенно выходящимъ изъ ряда вонъ, а во-вторыхъ, и самый законъ относится къ нимъ довольно снисходительно и... гуманно. Какой-нибудь фабрикантъ Морозовъ, заставлявшій своихъ рабочихъ питаться обрѣзками кожъ и другими отбросами своего кожевеннаго производства, привлекается за это къ суду и отдѣливается... нѣсколькими десятками рублей штрафа. А такихъ Морозовыхъ много. Въ періодъ времени 1855—65 гг. въ Лондонѣ насчитывалось около 300 случаевъ *голодной* смерти. Что голодъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, былъ непосредственною причиною этихъ смертей, это было засвидѣтельствовано присяжными коронарами. Сомнѣніе въ приведенной цифрѣ, такимъ образомъ, невозможно. Въ столицѣ высоко-культурнаго государства, въ центрѣ наукъ, искусствъ, промышленности, политической и общественной жизни, въ одинъ годъ, по officialнымъ свѣденіямъ, умираетъ,

как оказывается, до 300 человекъ отъ голода! Въ другомъ мировомъ центрѣ, блестящемъ своею цивилизаціею, въ Парижѣ, по частному сообщенію одного полицейскаго чиновника, оказывается въ настоящее время до 80,000 лицъ, просыпающихся отъ сна въ полной неизвѣстности на-счетъ того, чѣмъ они наполнятъ свои пустые желудки.

Какъ я только-что замѣтилъ, докторъ Эрисманъ самъ не придаетъ большого практическаго значенія тѣмъ требованіямъ, которыя выставляются гигиеною. Но если гигиена должна имѣть въ виду главнѣйшимъ образомъ массу населенія, а не отдѣльныхъ личностей, и если эта масса не можетъ въ настоящее время жить иною, болѣе здоровою жизнію, то, спрашивается, какой смыслъ имѣютъ всѣ эти выводы и указанія науки? Авторъ отвѣчаетъ на это слѣдующимъ образомъ: „Требованія гигиены... могутъ показаться слишкомъ идеальными; но вѣдь теорія всегда должна идти впереди практики и стремиться къ совершенству, не соображаясь съ тѣмъ, возможно-ли немедленное примѣненіе ея“ (стр. 47). Указывая на идеальную гигиеническую обстановку человекъ и общества, онъ при каждомъ удобномъ случаѣ обращаетъ вниманіе читателя на то, что болѣе или менѣе полное осуществленіе этого идеала мыслимо только въ будущемъ... Задача истиннаго гигиениста, по нашему мнѣнію, заключается не въ одномъ только проповѣдываніи золотыхъ правилъ гигиены, а главнѣйшимъ образомъ въ томъ, чтобы настойчиво указывать читателямъ или слушателямъ на корень зла, подтачивающаго общественное здоровье, направлять ихъ мысль и сознательную дѣятельность на *общія* пагубныя для здоровья причины и вліянія, съ устраненіемъ которыхъ гигиенической образъ жизни установится самъ собою. И нашъ авторъ выполнилъ эту задачу настолько хорошо, насколько это вообще возможно при данныхъ условіяхъ. Указанная нами сейчасъ тенденція красною нитью проходитъ черезъ все сочиненіе и сообщаетъ ему крайне живой характеръ; въ „Общедоступной гигиенѣ“ читатель не найдетъ и слѣда ученаго педантизма и филистерскаго доктринерства, которыми сплошь и рядомъ бывають переполнены сочиненія подобнаго рода. Въ авторѣ на каждомъ шагу чувствуется живой человекъ, живой членъ общества, проникнутый искреннимъ сочувствіемъ и неподдѣльнымъ участіемъ ко всѣмъ страждущимъ и обездоленнымъ. Тонъ книги теплый, симпатичный. Все это, и помимо научныхъ достоинствъ, которыми отличается разбираемое нами сочиненіе и о которыхъ мы скажемъ нѣсколько словъ ниже, заставляеть насъ рекомендовать „Общедоступную гигиену“ читателямъ.

Обращаясь со своимъ трудомъ къ публикѣ, которая, какъ извѣстно, весьма не богата точными знаніями, авторъ всюду пред-

посылаетъ изложенію гигиеническихъ положеній объясненія, необходимыя для пониманія различныхъ физическихъ, химическихъ, физиологическихъ и т. д. явленій. Объясненія эти въ высшей степени просты и удобопонятны для каждаго читателя. Несмотря на такое вполне популярное изложеніе, книга ни мало не теряетъ при этомъ и въ строгой научности. Все сообщаемое авторомъ основано на послѣднихъ результатахъ современной мысли. Имъ не обойдены также и спорные пункты, такъ-называемые открытые вопросы, по которымъ онъ приводитъ всѣ данныя за и противъ. Сдѣлано имъ это въ тѣхъ видахъ, чтобы дать публикѣ возможность хотябы до нѣкоторой степени слѣдить за ходомъ научныхъ изслѣдованій.

Для тѣхъ изъ читателей, которые еще не успѣли познакомиться съ „Общедоступною гигиеною“ въ оригиналѣ, мы сдѣлаемъ общій обзоръ ея содержанія и остановимся на пунктахъ наиболѣе интересныхъ.

Самый необходимый для жизни элементъ—это воздухъ. Весьма естественно поэтому, что большинство трактатовъ по гигиенѣ начинается съ рѣчи о воздухѣ. Тѣмъ-же вопросомъ начинается свое популярное сочиненіе и г. Эрисманъ. обстоятельно изложивъ составъ, роль и значеніе воздуха для жизни, разобравъ весьма важный вопросъ о физиологическомъ и гигиеническомъ значеніи свѣта, авторъ переходитъ къ изложенію тѣхъ данныхъ, которыя имѣются въ настоящее время въ наукѣ относительно другого, въ высшей степени важнаго элемента въ гигиенической обстановкѣ, а именно почвы. Въ этой главѣ читатель найдетъ много интересныхъ свѣденій о „терпѣливой матушкѣ землѣ“, старательно загрязняемой человѣкомъ на каждомъ шагѣ и частенько мстящей ему за его неряшливость и неопрятность тифами, лихорадками и т. д. Тутъ-же, между прочимъ, авторъ говоритъ о кладбищахъ, которыя, по мнѣнію гигиенистовъ, сильно заражаютъ своими испареніями атмосферный воздухъ, портятъ воду источниковъ продуктами разложенія труповъ и, такимъ образомъ, постоянно угрожаютъ общественному здоровью. По точнымъ наблюденіямъ и изслѣдованіямъ, оказывается, однако, что кладбища вполне незаслуженно пользуются такою дурною репутаціею. Любая помойная яма въ любомъ изъ нашихъ домовъ несравненно опаснѣе для здоровья, чѣмъ рационально эксплуатируемое кладбище. „Можно положительно сказать, читаемъ мы у Эрисмана, — что опасность, угрожающая съ этой стороны общественному здоровью, часто преувеличивается и что страхъ, внушаемый кладбищами, основывается болѣе на теоретическихъ представленіяхъ о вредности ихъ, чѣмъ на опытѣ“ (стр. 11). „Вмѣсто того, чтобы бояться

кладбищъ, было-бы не бесполезно почаще вспоминать о томъ, что нечистоты живыхъ гораздо болѣе загрязняютъ почву, чѣмъ гніеніе труповъ“ (стр. 32). Насколько чиста кладбищенская почва, это доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что „вода въ колодцахъ, лежащихъ вблизи или даже на самомъ кладбищѣ, нисколько не хуже, а иногда даже и чище воды другихъ городскихъ колодцевъ“ (стр. 32). Объясняется это тѣмъ, что разложеніе труповъ въ могилахъ идетъ крайне медленно, такъ-что окружающей почвѣ передается въ каждый данный моментъ только ничтожное количество продуктовъ разложенія, а именно менѣе одной сотой грамма ($\frac{2}{1000}$ золотника) въ день на квадратный метръ кладбищенской поверхности.

Въ прямой зависимости отъ качества воздуха и свойствъ почвы стоятъ и климатъ данной мѣстности. Въ гигиеническомъ отношеніи климатъ, несомнѣнно, играетъ важную роль: дѣйствительно, существуютъ климаты здоровые и нездоровые. Но, какъ и въ вопросѣ о кладбищахъ, вліяніе климата и погоды на здоровье населенія часто преувеличивается. „Мы слишкомъ привыкли смотрѣть на климатъ, какъ на козла отпущенія, и сваливать на него многое, что въ сущности зависитъ отъ человѣческой неразумности и плохихъ социальныхъ условій“ (стр. 41). Если мы надлежащимъ образомъ оцѣнимъ тотъ фактъ, что въ мѣстностяхъ съ „нездоровымъ климатомъ“ смертность въ средѣ обеспеченныхъ классовъ очень часто мало чѣмъ отличается отъ той-же смертности въ мѣстностяхъ, пользующихся хорошею репутаціею, то, конечно, не замедлимъ согласиться съ только-что приведеннымъ мнѣніемъ почтеннаго автора. Людямъ, „пользующимся всѣми преимуществами богатства“, живетъ недурно почти при всякомъ климатѣ, тѣмъ болѣе, что они не страдаютъ и отъ другого зла, порождаемаго современными бытовыми условіями: для нихъ почти нечувствительна *тѣснота населенія*, въ большихъ городахъ достигшая за послѣднее время страшныхъ размѣровъ. Вслѣдствіе сильнаго вздорожанія жизни и, между прочимъ, громаднаго увеличенія цѣнъ на квартиры, масса недостаточнаго населенія вытѣсняется въ извѣстныя части города, гдѣ квартиры тѣснѣе, хуже, а, значитъ, и дешевле, и гдѣ, благодаря этому, люди скучиваются до крайней степени. Чѣмъ тѣснѣе они живутъ, „тѣмъ болѣе они отнимаютъ другъ у друга воздуха, тѣмъ болѣе заражаютъ почву и атмосферу, тѣмъ труднѣе становится опрятное содержаніе домовъ и улицъ и тѣмъ болѣе жертвъ похищается во время эпидемическихъ болѣзней“ (стр. 46). Всегда и вездѣ, конечно, бывали бѣдныя и богатыя части городовъ, но, благодаря прогресу и „цивилизаци“, которыми мы такъ гордимся, „въ по-

слѣднее время контрастъ между ними значительно усилился* (стр. 50). Въ то время, какъ богатые кварталы все болѣе и болѣе обстраиваются прекрасными, комфортабельными домами, украшаются садами, фонтанами и т. д., — населеніе бѣдныхъ кварталовъ дѣлается все гуще, дома и улицы тѣсныѣ, грязныѣ, опасность для общественнаго здоровья все усиливается. Что-же дѣлать въ виду этого страшнаго зла? Докторъ Эрисманъ говоритъ, что „радикальная помощь можетъ быть достигнута только существенными перемѣнами въ жилищныхъ условіяхъ населенія бѣдныхъ кварталовъ“ (стр. 50). Зло можетъ быть устранено „только подъ условіемъ совершеннаго исчезновенія грязныхъ кварталовъ съ лица земли и доставленія ихъ обитателямъ здоровыхъ жилищъ, соответствующихъ ихъ потребностямъ и средствамъ“ (стр. 51). Да, но какимъ образомъ осуществить все это? Наука, конечно, молчитъ и, по обыкновенію, не даетъ отвѣтовъ на такіе тревожные вопросы. Приходится возложить надежды на ту-же „цивилизацию“, авось, она сама себя высѣчетъ и... исправится, а пока это совершится, —довольствоваться классическими совѣтами нашего знакольца-доктора:

„...Нужно питательной пищей питаться,
Въ холодное время теплѣй укрываться“...

Въ виду той неприглядной картины, которую представляютъ намъ собою наши тѣсныя, душныя, грязныя города, небезынтересно познакомиться съ тѣмъ идеаломъ города, который рисуетъ намъ гигиена. „Слѣдуетъ разъ навсегда, пишетъ Эрисманъ, —проститься съ узкими улицами и по-возможности совершенно отказаться отъ сплошныхъ рядовъ домовъ. Будущія человѣческія поселенія не должны соответствовать нашимъ настоящимъ представленіямъ о городахъ и скорѣе должны походить на собранія загородныхъ домовъ. О такихъ большихъ домахъ, похожихъ на казармы, какіе теперь встрѣчаются на каждомъ шагу, не должно быть и рѣчи: за правило должны быть приняты двухъ-этажные дома, вмѣщающіе не болѣе четырехъ семействъ; каждый домъ долженъ быть окруженъ дворами и садами; улицы должны быть широки, хорошо вымощены и снабжены по обѣимъ сторонамъ широкими тротуарами, посаженными деревьями; еще лучше устраивать посреди улицъ бульвары. Центръ городской жизни — правительственныя учрежденія, школы, университеты, театры, рынки и т. п. должны быть разбросаны небольшими группами по всему городу, чтобы умѣрить стремленіе населенія къ централизаци; всѣ эти общественныя зданія слѣдуетъ окружить садами. Сообщеніе улицъ съ этими разбросанными

центрами экономической и умственной жизни должно быть по возможности облегчено конно-железными дорогами и т. п. Промышленные заведения, при которых нельзя избѣгать зараженія воздуха, воды или почвы, безусловно изгоняются изъ окрестностей городовъ. Водопроводы, фонтаны и хорошие водостоки необходимы для каждаго города“ (стр. 48).

Далѣ идетъ рѣчь о жилищахъ. Всякому извѣстно, что дурныя жилищныя условія чрезвычайно сильно увеличиваютъ число заболѣваній и цифру смертности. Легочные катары, чахотка, золотуха, ревматизмъ и тому подобныя страданія въ душныхъ, сырыхъ подвальныхъ помѣщеніяхъ встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ въ свѣтлыхъ и сухихъ. Мало того: обстановка жилища оказываетъ чрезвычайно сильное вліяніе и на настроеніе духа, на нравственныя качества человѣка. Эрисманъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что „кому дома не хорошо, тотъ ищетъ пріюта по трактирамъ и кабакамъ, а для многихъ посѣщеніе этихъ заведеній составляетъ первый шагъ къ хроническому пьянству и даже преступленію“ (стр. 73).

Посмотримъ теперь, чего требуетъ гигиена отъ жилища и насколько эти требованія гармонируютъ съ дѣйствительностію. „Жилыя комнаты должны быть отдѣльны отъ хозяйственныхъ помѣщеній“. „Самое скромное жилище должно состоять изъ чистой комнаты, спальни и кухни“. „Подвальные помѣщенія не должны быть употребляемы для жилья“ (стр. 82—83). „Въ частныхъ квартирахъ комнаты не должны быть ниже 4 аршинъ“. Въ нихъ должно доставляться свѣжаго воздуха 50 — 60 куб. метровъ въ часъ на человѣка“ (стр. 90 — 91). „Температура жилищъ должна быть возможно болѣе равномерна“ (стр. 97). И т. д., и т. д. Выставляя такія требованія, наука говоритъ, что „покуда самыя бѣднѣйшія семейства не будутъ въ состояніи располагать такими квартирами, общественная гигиена не можетъ сдѣлать существенныхъ успѣховъ“ (стр. 82). А такъ-какъ при настоящихъ условіяхъ жизни человѣкъ въ большинствѣ случаевъ принужденъ довольствоваться, вмѣстѣ со своимъ семействомъ, одной комнатой, служащей ему и столовой, и спальней, и кухней, и мастерской, да въ-добавокъ тутъ-же помѣщается еще и всякій мелкій домашній скотъ, какъ это сплошь и рядомъ бываетъ, напр., у нашихъ крестьянъ, то на „существенныя успѣхи“ рассчитывать, очевидно, нельзя.

„Пища, — читаемъ мы на страницѣ 152, — должна содержать питательныя вещества въ правильной смѣси, какъ по количеству, такъ и по качеству; должна быть на столько удобоварима, чтобы не отягощала собою желудка, и, наконецъ, должна быть вкусна и

возбуждать аппетитъ". Но... „продовольствіе рабочаго класса (т. е., самаго многочисленнаго и наиболѣе заслуживающаго вниманія элемента населенія) рѣдко удовлетворяетъ правиламъ гигиены. Изъ наблюденій надъ пропитаніемъ рабочихъ въ Англии оказалось, что цѣлыя группы рабочаго населенія не въ состояніи доставлять себѣ даже того минимума азотистыхъ веществъ, который необходимъ для поддержанія тѣла при полномъ покоѣ его; подобныя-же грустные факты навѣрно нашлись-бы также и въ Германіи, Россіи и т. д.“ (стр. 163).

Но если питаніе большинства населенія неудовлетворительно, то какія-же средства рекомендуетъ наука для улучшенія условій существованія? Тутъ мы опять наталкиваемся на новый варіантъ стараго мотива. „Лучшимъ средствомъ для упроченія за рабочимъ сословіемъ возможности хорошаго питанія было-бы существенное измѣненіе его бытового положенія, которое сразу положило-бы конецъ эксплуатаціи его другими элементами населенія“ (стр. 163). Но такъ-какъ на это „лучшее средство“ рассчитывать нельзя, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, то, очевидно, и никакихъ „существенныхъ улучшеній“ теперь не полагается. Впрочемъ, на дыру все-таки можно положить заплатку: можно организовать народныя кухни, общества потребителей и т. д. Но толковать здѣсь объ этомъ мы уже не будемъ. Отмѣтимъ лучше слѣдующую частность. Говоря о продовольствіи войскъ, Эрисманъ замѣчаетъ, что въ современномъ государствѣ „солдаты получили какъ-бы привилегированное положеніе и... его стали питать болѣе цѣлесообразно“ (стр. 272). Оказывается, однако, что это привилегированное существо питается все-таки дурно.

Человѣкъ не только ѣстъ, но и пьетъ,—пьетъ, между прочимъ, и спиртные напитки. Пить ихъ въ мѣру, конечно, можно; сама наука, въ лицѣ Эрисмана, разрѣшаетъ. „Человѣческое существованіе,—пишетъ авторъ,—стало-бы окончательно безцвѣтнымъ, еслибы мы захотѣли отказаться отъ употребленія оживляющаго вина или пива“ (стр. 197). Вредно только излишество, прискорбно пьянство. Но... „удивительно-ли, что въ настоящее время бѣднякъ, имѣющій слишкомъ мало средствъ для порядочной жизни, заливаетъ свое горе „живительной влагой“ и тащитъ въ кабакъ послѣднюю копейку, которой во всякомъ случаѣ не хватило-бы для достаточнаго пропитанія? Удивительно-ли, что рабочій, не имѣющій другой возможности удовлетворить своему вполне законному стремленію къ развлеченію и удовольствію, прогуливаетъ по воскреснымъ днямъ свой недѣльный заработокъ въ трактирѣ? Пока соціальныя условія, вызывающія пьянство, не замѣнятся лучшимъ общественнымъ строемъ, до тѣхъ поръ всѣ попытки къ

ограниченію потребленія водки останутся несовершенными. Бѣдность и пороки, порождаемые дурными общественными условіями, не могутъ быть устранены законодательными предписаніями или полицейскими мѣрами“ (стр. 198). Этими глубоко-вѣрными и поучительными словами мы и закончимъ рѣчь о гигиенѣ питанія.

Много интересныхъ и поучительныхъ данныхъ приводится авторомъ въ главахъ о раннемъ дѣтствѣ и о школѣ. Но, за недостаткомъ мѣста, мы не будемъ останавливаться на нихъ и перейдемъ прямо къ главѣ о профессиональной дѣятельности. Для того, чтобы существовать, надо работать, трудомъ добывать себѣ кусокъ насущнаго хлѣба; не трудясь, живутъ только немногіе баловни судьбы, которые, какъ мы говорили выше, не нуждаются въ гигиеническихъ совѣтахъ и которыхъ, строго говоря, гигиена не должна была-бы принимать и въ расчетъ. Для громаднаго-же большинства людей трудъ есть единственный источникъ существованія. Вслѣдствіе этого, вопросъ о гигиенической обстановкѣ труда пріобрѣтаетъ первостепенную важность. На стр. 265 „Общественной гигиены“ мы читаемъ, что „правильное распредѣленіе времени работы и отдыха, въ особенности-же полное удовлетвореніе потребности въ снѣ и количество работы, непревышающее силъ организма, суть условія, при которыхъ возможна успѣшная дѣятельность человѣка, неведущая къ разстройствамъ здоровья“. Къ сожалѣнію, работникъ въ высшей степени рѣдко бываетъ поставленъ въ такія благоприятныя условія. „Чрезмѣрная работа и недостатокъ въ отдыхѣ составляютъ обыкновенный удѣлъ работника, какъ въ области физическаго труда, такъ и при умственной дѣятельности“ (стр. 265). Естественнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ такого положенія трудящейся массы является высокій процентъ заболѣваемости и смертности въ ея средѣ. И чѣмъ хуже обставленъ тотъ или другой трудъ, тѣмъ выше, конечно, и этотъ процентъ. При этомъ не надо забывать того обстоятельства, что на здоровье вліяетъ не только сама работа, но и вся обстановка жизни, существенно опредѣляющаяся родомъ ремесла данной личности. До какой степени отъ характера професіи зависитъ средняя продолжительность жизни индивидуума, это лучше всего показываютъ слѣдующія данныя. Средняя продолжительность жизни въ Европѣ, при всѣхъ професіяхъ, взятыхъ вмѣстѣ, равняется 30—40 годамъ. Но для отдѣльныхъ професій мы имѣемъ крайне различныя цифры. Такъ, въ средѣ духовенства средняя продолжительность жизни всего больше и равняется 65—68 годамъ; высшіе чиновники и купцы живутъ, въ среднемъ выводѣ, по 56—60 лѣтъ; адвокаты, артисты, учителя и врачи только 52—54 г.; работники-же въ области физическаго труда только 30 лѣтъ. Между этими послѣдними продолжительность

жизни, смотря по роду занятій, колеблется въ очень широкихъ границахъ. Есть ремесла, при которыхъ рабочіе живутъ до 40—50 лѣтъ; но зато нѣкоторые доживаютъ, въ среднемъ итогѣ, только до 24-хъ лѣтъ, какъ, наприм., работающіе на фабрикахъ мельничныхъ жернововъ въ Лондонѣ (стр. 266—267). Чрезвычайно любопытны также приводимыя Эрисманомъ данныя относительно зависимости, существующей между родомъ професіи и частотою умственного разстройства. На 1,000 умственно-трудящихся приходится 3 душевно-больныхъ, на 1,000 военныхъ—2, на 1,000 поденщиковъ и слугъ—1,5, а на 1,000 купцовъ и лавочниковъ только 0,5. Счастливы лавочники: они въ 6 разъ „здоровѣе“ умственно-трудящихся! Между этими послѣдними на 1,000 артистовъ, поэтовъ и актеровъ приходится 10 случаевъ умопомѣшательства; юристы сходятъ съума нѣсколько рѣже; въ средѣ духовенства и врачей насчитывается 4 случая на тысячу; а среда чиновниковъ даетъ душевно-больныхъ 1—1,5 на 1,000 (стр. 268). Ужь не потому-ли лавочники и чиновники, какъ болѣе „здравый“ общественный элементъ, являются въ настоящее время господами положенія во всѣхъ „цивилизованныхъ странахъ?“

О вредныхъ, съ гигиенической точки зрѣнія, вліяніяхъ, при-сущихъ професіямъ различнаго рода, мы говорить здѣсь не будемъ. Этотъ отдѣлъ гигиены гораздо обстоятельнѣе разработанъ въ другомъ трудѣ того-же автора („Професіональная гигиена“). А теперь скажемъ нѣсколько словъ о заключительной главѣ разбираемаго нами сочиненія. Въ ней рѣчь идетъ о заразныхъ болѣзняхъ, извѣстныхъ также подъ именемъ инфекціонныхъ, повальныхъ, эпидемическихъ. Эпидемическія болѣзни съ незапамятныхъ временъ были бичомъ человѣчества; и хотя въ наше время сила эпидемій значительно уменьшилась, но страхъ передъ ними остался прежній. Этимъ, по словамъ Эрисмана, объясняется и то обстоятельство, что „стремленія многихъ современныхъ гигиенистовъ направлены преимущественно на изысканіе предохранительныхъ средствъ противъ эпидемическихъ болѣзней, такъ-что иногда даже можетъ показаться, будто вся гигиена только въ этомъ и заключается“ (стр. 305). Между тѣмъ статистика показываетъ намъ, что „въ настоящее время въ Европѣ, среднимъ числомъ, приходится никакъ не болѣе 10 процентовъ всего числа смертныхъ случаевъ на долю эпидемическихъ болѣзней“ (стр. 305). Такимъ образомъ, выходитъ, что человѣкъ имѣетъ въ 9 разъ больше шансовъ умереть отъ какой-нибудь другой болѣзни, чѣмъ отъ заразной. Мало того,—намъ хорошо извѣстенъ тотъ фактъ, что жертвами различныхъ эпидемій становятся большею частію люди истощенные, слабые, плохо питающіеся, вообще живущіе при дурныхъ гигие-

ническихъ условіяхъ, т. е., люди, у которыхъ сила противодѣйствія болѣзнетворнымъ вліяніямъ ослаблена. Мы знаемъ, что во время эпидемій тифа, горячекъ и др. наибольшій контингентъ больныхъ доставляется бѣдными классами населенія. Изъ этого уже à priori можно было-бы заключить, что успѣшная борьба съ эпидемическими болѣзнями возможна только тогда, когда будутъ измѣнены къ лучшему общія условія существованія. При томъ анти-гигіеническомъ образѣ жизни, который ведетъ громадное большинство населенія, всѣ мѣры, принимаемыя для борьбы съ эпидеміями, увѣнчиваются весьма сомнительнымъ успѣхомъ. Когда въ нашу среду врывается врагъ, въ образѣ тифа, горячки, холеры, и начинаетъ опустошать города и веси, мы просыпаемся отъ своей обычной спячки, вдругъ замѣчаемъ, что живемъ по уши въ навозѣ, начинаемъ очищаться отъ него, разрываемъ вѣсковые склады нечистотъ, дезинфицируемъ все и вся, направо и налѣво льемъ карболовую кислоту, энергически истребляемъ мѣдный купоросъ, — вообще, „принимаемъ мѣры“, не задавая себѣ даже и вопроса о томъ, насколько онѣ цѣлесообразны и не приносятъ-ли, вмѣсто ожидаемой пользы, вреда, какъ это часто и случается въ дѣйствительности. Хлопочемъ, суетимся, — „а Васыка слушаетъ, да ѣсть“. Есть полное основаніе думать, что эпидеміи прекращаются вовсе не отъ нашихъ мѣръ, которыя, какъ я сейчасъ замѣтилъ, бывають даже вредны для общественнаго здоровья (напр., неумѣлая возня во время эпидемій съ нашими классическими помойными ямами и навозными формаціями), а просто, такъ-сказать, отъ недостатка питанія: вымретъ все слабое, хилое, неспособное противостоятъ дѣйствію заразительнаго начала, — и эпидемія исчезнетъ. Мы-же, со сладкимъ сознаніемъ одержанной побѣды, успокоиваемся на лаврахъ и мало-по-малу снова начинаемъ зарываться въ навозъ, по-прежнему безучастно смотримъ на то, что дѣлается вокругъ насъ и какъ, такимъ образомъ, подготавливается почва для новыхъ эпидемій...

Закончимъ науку, и безъ того уже слишкомъ растянувшуюся, рецензію слѣдующими словами автора: „тѣ-же средства, которыя существенно улучшаютъ общія санитарныя условія населенныхъ мѣстъ, защищаютъ также отъ тифа, холеры (и, прибавимъ мы, отъ большинства другихъ заразныхъ болѣзней), — и еслибы, кромѣ того, посредствомъ улучшенія экономическихъ условій, когда-нибудь удалось поднять уровень питанія населенія и тѣмъ уменьшить его восприимчивость къ болѣзнетворнымъ ядамъ, то человѣчество могло-бы мало-по-малу совершенно избавиться отъ болѣзней, которыя теперъ наводятъ на него страхъ и ужасъ“ (стр. 341).

Надѣмся, что всѣмъ сказаннымъ мы достаточно познакомили

читателя съ содержаніемъ и характеромъ „Общественной Гигіены“, которая, по нашему мнѣнію, является однимъ изъ самыхъ лучшихъ популярныхъ сочиненій по этой отрасли знанія.

О психомоторныхъ центрахъ и развитіи ихъ у чело- вѣка и животныхъ. Изъ популярныхъ лекцій профе- ссора И. Тарханова. Спб., 1879.

Заглавіе этой книжки, особенно если авторъ имѣлъ въ виду обширный кругъ читателей, выбрано не совсѣмъ удачно. Слово „психомоторные центры“, взятое прямо съ нѣмецкаго „psychomotorische Zentra“, не имѣетъ еще по-русски достаточно яснаго и опредѣленнаго значенія и потому легко можетъ ввести въ заблужденіе многихъ изъ читателей не-специалистовъ. Названіе „психомоторный центръ“ точно такъ-же можетъ означать „центръ душевныхъ движеній“, какъ и „душевный центръ движеній“ (т. е. механическихъ, мышечныхъ).

Впрочемъ, и самъ авторъ предполагалъ возможность такой путаницы и потому, къ сожалѣнію, только на 21 страницѣ, выясняетъ положеніе вопроса, говоря: „Область психическихъ явленій обнимаетъ собою, какъ извѣстно, сферу ощущеній, представленій, понятій и чувствъ, присущихъ данному животному индивидууму; полушарія являются въ данномъ случаѣ механизмомъ, дѣятельностью котораго вырабатываются всѣ эти звѣнья мысли и чувства съ конечнымъ продуктомъ ихъ—волею. Послѣдняя, дѣйствуя на двигательные механизмы, заложенные въ полушаріяхъ, приводитъ въ исполненіе, въ формѣ опредѣленныхъ движеній различныхъ органовъ, требованія ума и чувства. Эти-то двигательные механизмы, заложенные въ коркѣ полушарій и приводимые въ игру волевыми импульсами, даны въ формѣ, такъ называемыхъ, психомоторныхъ центровъ. Они въ сущности суть лишь двигательные органы корки полушарій, а потому, говоря о психомоторныхъ отправленіяхъ послѣднихъ, надо разумѣть подъ этимъ словомъ только двигательныя функціи ихъ“.

Такимъ образомъ, задача автора рѣзко суживается: рѣчь будетъ идти только о двигательныхъ нервныхъ центрахъ, заложенныхъ въ полушаріяхъ, и будетъ касаться только вліянія этихъ центровъ на движенія извѣстныхъ мышечныхъ группъ. Что-же касается сущности причинъ, возбуждающихъ эти двигательные аппараты къ дѣятельности, то о нихъ мы пока еще ничего не знаемъ, тѣмъ болѣе, что при опытахъ для вызванія движеній черезъ

мозговые центры употребляются вѣшніе раздражители вродѣ электричества, механическаго или химическаго поврежденія и т. д., то есть импульсы, неимѣющіе достаточной аналогіи съ тѣми, подѣ влияніемъ которыхъ двигательные центры возбуждаются къ дѣятельности въ нормальномъ организмѣ, какъ напр., воля.

Вслѣдствіе такого, почти неизбѣжнаго для экспериментальнаго фізіолога, узкаго ограниченія задачи, предметы изслѣдованія пр. Тарханова касаются вопросовъ на-столько спеціальныхъ и малодоступныхъ большинству читателей, что писать о нихъ интересно и популярно въ одно и то-же время становится абсолютной невозможностью. Поэтому неудивительно, что книжка о психомоторныхъ центрахъ заводитъ обыкновеннаго читателя въ такія дебри нервной фізіологіи, въ которыхъ можетъ не запутаться только спеціалистъ.

Ученіе о нервныхъ центрахъ, часть котораго представляютъ собою изслѣдованія о психомоторныхъ центрахъ, есть, несомнѣнно, самая модная задача современной фізіологіи. Въ послѣдніе двадцать лѣтъ ни одинъ вопросъ въ этой наукѣ не вызвалъ такого громаднаго количества работъ и не обогатился такимъ множествомъ фактовъ. Но, къ сожалѣнію, мало есть вопросовъ, даже въ фізіологіи, оставшихся болѣе невыясненными, допускающихъ болѣе произвольныхъ толкованій и почти противоположныхъ другъ другу выводовъ, какъ именно плодъ этой модной теоріи, нужно сказать, довольно несчастной. Тутъ не обошлось даже безъ постороннихъ наукъ влияній. Стремленіе къ централизациі въ политикѣ, въ экономіи и во многихъ другихъ сферахъ человѣческой жизни, имѣло обратное влияніе и на естественныя науки, между прочимъ и на фізіологію. Многие ученые филистеры, болшею частью нѣмцы, т. е. централисты и администраторы по природѣ, производившіе главнымъ образомъ свои опыты и живосѣченія надъ позвоночными животными, мало знакомые съ зоологіей, сравнительной анатоміей и фізіологіей, и особенно съ растительной фізіологіей, имѣютъ постоянную наклонность приписывать нервной системѣ слишкомъ большую роль, какъ центральному, повелѣвающему органу во всѣхъ отправленіяхъ животнаго организма. Для высшихъ, чистопсихическихъ функцій такое стремленіе, по всей вѣроятности, вполне справедливо, но только потому, что для этихъ отправленій нервная система составляетъ такой-же свой мѣстный органъ, какъ мышечная система служитъ мѣстнымъ органомъ для отправленій движенія, желудочно кишечный каналъ—для пищеваренія и т. д. Думать-же, что нервная система необходимо имѣетъ какое-то господствующее влияніе надъ всѣми отправленіями организма,

между прочимъ, надъ такими, какъ мышечныя движенія, нѣтъ достаточныхъ основаній по многимъ причинамъ.

Первая изъ нихъ та, что движеніе есть явленіе общее и животнымъ и растеніямъ, но до сихъ поръ, на сколько мы знаемъ, еще не удалось найти нервной системы у растений. Между тѣмъ многія растенія, не говоря уже о тайнобрачныхъ, совершаютъ движенія, имѣющія такой-же рефлективный и повидимому цѣлесообразный характеръ, какъ и движенія животныхъ. Сюда относятся, напр., схватываніе настькомыхъ *мухоловкой*, спаденіе листьевъ у *мимозы*, движеніе тычинокъ у *барбариса* и т. д. По работамъ *Сакса* о вліяніи распредѣленія воды на сравнительную упругость тканей и *Негели* о строеніи протоплазмы, движенія эти объясняются чисто механическими началами, имѣющими совершенно мѣстное дѣйствіе, безъ всякаго вмѣшательства какой-бы то ни было центральной власти, какъ-бы она ни называлась: жизненной силой, нервной системой и т. д.

Во-вторыхъ, и между низшими животными есть множество такихъ, которыя совершаютъ быстрыя и разнообразныя движенія подъ вліяніемъ различнѣйшихъ высшихъ стимуловъ, вродѣ перемѣны температуры, среды, или подъ вліяніемъ толчковъ и пр.. У этихъ животныхъ тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ старанія, до сихъ поръ не открыто слѣдовъ нервныхъ ганглій и волоконъ, этихъ необходимыхъ атрибутовъ центральнаго господства животнаго организма. Вотъ почему намъ кажется, что пр. Тархановъ не вполне правъ, выражаясь вообще, безъ оговорки, что „присутствіе известной части нервной системы служить условіемъ необходимымъ для регуляціи отношеній животныхъ къ окружающей ихъ средѣ“ *). Напротивъ, у цѣлыхъ классовъ животныхъ, отношенія которыхъ къ окружающей средѣ регулированы настолько хорошо, что имъ удалось размножиться въ несмѣтномъ числѣ и создать изъ своихъ тѣлъ цѣлыя острова, горныя породы, даже части материковъ (напр., полипы, фораминиферы и др.), до сихъ поръ не найдено ни одной ганглии, ни одного осевого цилиндра.

Въ третьихъ, у всѣхъ высшихъ животныхъ и у самого человека многія части обладаютъ способностью къ самостоятельнымъ движеніямъ безъ всякаго вмѣшательства нервной системы. Кромѣ мышечныхъ волоконъ, могутъ производить движенія въ человеческомъ организмѣ: 1) лимфатическія тѣльца и родственныя имъ образованія, т. е. безцвѣтные кровяные шарики, тѣльца соединительной ткани, гноя, слизи; 2) мерцательныя вѣтки; 3) сѣмян-

*) См: стр. 7.

ныя тѣльца и 4) клѣточки съ молекулярными движеніями въ ихъ содержимомъ ¹⁾.

Наконецъ, въ четвертыхъ, даже мышечная ткань способна сокращаться сама собою, безъ участія нервовъ. Въ этомъ можно убѣдиться непосредственнымъ опытомъ, раздражая мышцы, не заключающія нервовъ, напр., оконечность *портняжной мышцы* (*musculus sartorius*) у лягушки ²⁾. Той-же цѣли можно достигнуть, отравляя нервы индійскимъ стрѣльнымъ ядомъ (кураре), недѣйствующимъ на мышцы, или-же поражая нервы извѣстною 'степенью холода, еще недостаточнаго для омертвѣнія мышцъ, и тому подобными способами. Кромѣ того, при нѣкоторыхъ состояніяхъ, напр., при сильномъ утомленіи мышцы, раздраженіе ея вызываетъ исключительно мѣстное сокращеніе (идіомускулярное сокращеніе по Шифу). По новѣйшимъ изслѣдованіямъ Энгельмана, гладкія мышцы мочеточниковъ обладаютъ также способностью совершать самостоятельныя (автоматическія) сокращенія. Наконецъ, сравнивая работы Брюке ³⁾ о строеніи мышцъ, изслѣдуемыхъ при помощи поляризованнаго свѣта, съ подобными-же работами Сакса и Негели ⁴⁾, о строеніи протоплазмы и растительныхъ тканей, нельзя не согласиться, что между этими, столь различными, органами есть значительныя аналогіи, и при томъ невольно является мысль, что если растительныя ткани могутъ производить движенія подъ вліяніемъ чисто-мѣстныхъ причинъ, зависящихъ отъ измѣненій въ распредѣленіи воды и упругости тканей подъ вліяніемъ укола, толчка, то подобныя-же явленія легко могутъ имѣть мѣсто и въ мышцѣ, этомъ главномъ двигательномъ органѣ всѣхъ отпавленій животныхъ.

Указавъ на эти данныя для того, чтобы показать какъ недостаточны еще строго-научныя основы въ пользу повсемѣстнаго вліянія центральной силы нервной системы, мы переходимъ къ содержанію изслѣдованія пр. Тарханова, т. е. къ разсмотрѣнію тѣхъ случаевъ, гдѣ, по его мнѣнію, вліяніе нервныхъ центровъ двигательной сферы можетъ уже считаться вполне доказаннымъ. Намъ придется коснуться при этомъ только тѣхъ изъ центровъ движеній, которые помѣщены въ большихъ полушаріяхъ головного мозга.

Долгое время способность возбуждать движенія не признавалась отравленіемъ мозговыхъ полушарій. Всѣ физиологи, занимав-

1) См. у *Hermann*. „Grundriss des Physiologie“. VI изданіе, 1877, стр. 228.

2) *Hermann*, стр. 255.

3) См. „Учебникъ гистологіи“ *Штрикера*.

4) Въ „Учебникѣ ботаники“ *Сакса*.

шіея раздраженіемъ коркового вещества мозга электрическими, механическими, химическими агентами, получали постоянно отрицательные результаты: ни одна мышца въ тѣлѣ животнаго не приводилась въ сокращеніе. Но въ 1870 году, двое нѣмецкихъ ученыхъ, Фричъ и Гицигъ, электризируя постояннымъ электрическимъ токомъ, голову одного больного, замѣтили, что, при приложеніи электродовъ къ опредѣленнымъ точкамъ черепа, начинались всякій разъ извѣстныя движенія глазъ. Повторивъ опытъ надъ собакой со вскрытымъ черепомъ и локализируя точнѣе раздраженіе, они пришли къ заключенію, что извѣстныя мѣстности корки сѣраго вещества мозга, если ихъ раздражать, вызываютъ всегда сокращенія въ извѣстныхъ опредѣленныхъ мѣстностяхъ мышечной системы, напр., въ конечностяхъ, мышцахъ лица и пр.

Вопросъ, поднятый Фричемъ и Гицигомъ, былъ разобранъ въ Англіи—*Ферье*, во Франціи—*Шарко* и *Карвилемъ*, въ Германіи—*Нотнагелемъ*, *Гольцемъ*, *Германомъ*. Нужно замѣтить, что выводы этихъ многочисленныхъ работъ до сихъ поръ еще крайне неудовлетворительны. У *рыбъ*, *земноводныхъ* и *птицъ* существованіе психомоторныхъ центровъ не могло быть доказано опытнымъ путемъ, такъ-какъ раздраженіе коркового вещества полушарій у этихъ животныхъ остается безъ всякаго эффекта. Этотъ фактъ не имѣлъ бы особенной важности, еслибы дѣло касалось какихъ-либо высшихъ душевныхъ отправления; въ данномъ случаѣ, для такой общераспространенной въ животномъ царствѣ функціи, какъ движеніе, онъ прямо указываетъ на несущественность централизаціи для управленія этой функціей. Несомнѣнно, что отправления движенія, и по силѣ, и по разнообразію, у многихъ птицъ и даже насѣкомыхъ развиты не хуже, если даже не лучше, чѣмъ у многихъ млекопитающихъ. Пр. Тархановъ, правда, считаетъ себя вправѣ заключить, что чѣмъ выше стоитъ животное по своей организаціи, тѣмъ болѣе подчиняется сфера мышечныхъ движеній центрамъ коркового вещества полушарій. Но что въ вопросахъ о движеніи значить *выше* и *ниже*? Неужели морская свинка или ежъ, только потому, что они млекопитающіе, стоятъ въ развитіи двигательныхъ или даже умственныхъ способностей выше попугая или муравья.

Въ наукѣ, работающей при помощи такихъ сложныхъ методовъ, какъ нынѣшняя опытная физиологія, нужно быть чрезвычайно осторожнымъ какъ въ выборѣ способовъ производства опытовъ, такъ и въ самыхъ выводахъ. Примѣненіе такихъ средствъ, какъ химическіе раздражители или электричество, къ такимъ нѣжнымъ частямъ, какъ органы центральный нервной системы, по удачному выраженію извѣстнаго физиолога *Людвига*, равняется

желанію разобрать карманные часы посредствомъ пистолетныхъ выстрѣловъ. Совершенно справедливо также говорить Германъ, что электрическіе токи, не говоря о неизбѣжныхъ поляризаціяхъ, т. е. возбужденіи побочныхъ токовъ, всегда раздражаютъ или парализуютъ подлежащія или сосѣднія части, и наблюдать ихъ дѣйствія, въ большей или меньшей чистотѣ, нѣтъ почти никакой возможности. До какой степени раздраженіе мозга электричествомъ дѣйствуетъ сильно на общее состояніе организма, доказываетъ крайне жестокой и несчастный опытъ американскаго врача *Бартоло* надъ одной женщиной, у которой на заднемъ и верхнемъ краяхъ обѣихъ темяннымъ костей черепа была большая язва, обнажавшая мозгъ. Больная, впрочемъ, мало отъ этого страдала, была немного слабоумна, но на вопросы отвѣчала вѣрно и смотрѣла почти всегда веселой. Желая добыть новыя доказательства въ пользу существованія психомоторныхъ центровъ, д-ръ Бартоло рѣшился воткнуть въ мозгъ больной полюсы раздражающаго индукціоннаго тока, съ цѣлю искусственнаго возбужденія мозга и наблюденія послѣдствій. При введеніи иглы въ вещество мозга, больная жаловалась на боль въ затылкѣ; не взирая на это, Бартоло увеличилъ силу тока; лицо больной при этомъ приняло выраженіе болѣзненное, она начала кричать, вслѣдъ за этимъ лѣвая рука судорожно вытянулась и сжалась, глаза сдѣлались неподвижны, губы потемнѣли и у рта появилась пѣна. Больная потеряла сознаніе, и во всей лѣвой половинѣ тѣла появились сильныя судороги. Картина припадка падучей болѣзни была въ полномъ разгарѣ. Пять минутъ спустя, больная лежала неподвижно, безъ памяти, въ разслабленномъ состояніи. Черезъ полчаса она была приведена въ чувство, причѣмъ жаловалась на слабость и головокруженіе. Черезъ двое сутокъ, когда надъ ней захотѣли повторить тѣ-же опыты, она уже оказалась слабой, едва живой, съ параличомъ правой стороны тѣла, и говорила непослѣдовательно, какъ идиотка. Вскорѣ наступила смерть. Вскрытіе мозга показало, что раздражающія иглы были приложены какъ въ правомъ, такъ и въ лѣвомъ полушаріяхъ преимущественно къ верхней части восходящей темянной извилины.

Д-ръ Бартоло сдѣлалъ изъ этого опыта какіе-то выводы въ пользу теоріи психомоторныхъ центровъ; но какое значеніе можно придавать въ такихъ тонкихъ изслѣдованіяхъ опыту, который въ пять минутъ произвелъ судороги, обморокъ, параличъ, окончательное слабоуміе и разрѣшился смертью? Понятно, что опыты, предпринимаемые надъ животными, также производятъ глубочайшее разстройство во многихъ отправленияхъ организма, и выдѣлить при этомъ отношенія, существующія между опредѣленными округами

коркового вещества и движеніями извѣстныхъ группъ, должно быть въ настоящее время очень трудно.

Другимъ важнымъ средствомъ для отысканія психомоторныхъ центровъ служатъ вскрытія мозговъ лѣдей, страдавшихъ въ теченіи жизни извѣстными аномаліями двигательныхъ функцій. Уже очень давно Булло замѣтилъ, что потеря рѣчи сопровождается процессомъ кровоизліянія въ переднія доли полушарій. Брока указалъ на третью лобную извилину лѣваго полушарія, какъ на мѣсто, разрушеніе котораго почти всегда сопровождается потерей членораздѣльной рѣчи, такъ-называемой, *афазіей*. Разрушеніе соотвѣствующихъ частей праваго полушарія гораздо рѣже ведетъ къ этому страданію. Для объясненія этого факта, Брока указываетъ на то, что передняя доля праваго полушарія обыкновенно менѣе развита, чѣмъ лѣваго. Намъ подобное объясненіе кажется до крайности натянутымъ, потому что, если даже фактъ неодинаковаго развитія полушарій и справедливъ, то различіе это такъ ничтожно, что приписывать ему рѣшающее вліяніе на управленіе такой сложной функціей, какъ членораздѣльная рѣчь, не представляется сколько-нибудь рациональнымъ. Возможность даже прибѣгать къ такимъ объясненіямъ показываетъ уже ясно всю слабость основъ, на которыхъ построено ученіе о психомоторныхъ центрахъ. Недаромъ поэтому очень извѣстные физиологи, какъ, напр., *Бровнъ-Секаръ*, занимающій въ настоящее время кафедру Клода Бернара въ Коллежъ де-Франсъ, относятся къ этой теоріи совершенно отрицательно.

Съ другой стороны, извѣстны также случаи почти полного разрушенія одного изъ двухъ полушарій, несопровождавшіеся потерей сознанія, параличами и вообще никакимъ ослабленіемъ движенія въ которой-либо изъ сторонъ тѣла. Во многихъ учебникахъ цитируется, между прочимъ, примѣръ далматинца, раненаго во время ссоры ножомъ въ голову. Человѣкъ этотъ скоро оправился, принялся за свои обычныя занятія и около мѣсяца чувствовалъ себя совершенно здоровымъ. Потомъ онъ внезапно умеръ, и по вскрытію оказалось, что почти все соотвѣствующее правѣ полушаріе мозга превратилось въ одно гнойное гнѣздо. Этотъ и многіе подобные факты прямо указываютъ на то, съ какою осторожностью нужно принимать результаты новѣйшихъ ученыхъ, стремящихся для каждой группы мышечныхъ движеній найти имъ соотвѣтствующій, опредѣленный, болѣе или менѣе ограниченный округъ сѣраго мозгового вещества, т. е., такъ-называемый, психомоторный центръ.

По словамъ Германа, специально работавшаго надъ этимъ вопросомъ, опыты Фрича, Гицига и Гольца, состоявшіе въ разруше-

ніи или вырѣзываніи извѣстныхъ частей мозга и наблюденіи затѣмъ послѣдствій этой операціи, не доказываютъ непосредственной связи коркового вещества мозга съ опредѣленными чувствительными или двигательными нервами органовъ ¹⁾. Замѣчательно, что если даже при разрушеніи извѣстныхъ частей мозга и наступали ожидаемыя измѣненія въ чувствительной или двигательной сферѣ, то измѣненія эти часто современемъ проходили, даже безъ того, чтобы разрушенное мозговое вещество возобновлялось. Это прямо указываетъ на то, что измѣненіе могло произойти подѣ влияніемъ пораженія мозга вообще или какихъ-либо глубже лежащихъ частей его, вслѣдствіе нанесеннаго поврежденія, причемъ, послѣ прекращенія инсультовъ, разстроенныя отправленія черезъ нѣсколько времени опять могутъ придти въ порядокъ. При этомъ самое положеніе мѣстности разрушеннаго коркового вещества мозга можетъ и не играть особенно важной роли.

Все вышеизложенное по вопросу о психомоторныхъ центрахъ, надѣмся, могло подготовить читателя къ тому, что онъ безъ особеннаго затрудненія встрѣтитъ наше мнѣніе, что проф. Тархановъ выбралъ вопросъ еще несозрѣвшій для популяризаціи, что вопросъ этотъ до сихъ поръ, къ сожалѣнію, находился въ рукахъ ученыхъ, исключительно эмпириковъ, необладавшихъ широкимъ общимъ образованіемъ по естественнымъ наукамъ, и потому былъ разрѣшаемъ ощупью и слишкомъ односторонне.

Несмотря на это, книжка проф. Тарханова имѣетъ значеніе, какъ описаніе работъ и опытовъ, предпринятыхъ для разрѣшенія вопроса о психомоторныхъ центрахъ, а также какъ изложеніе собственныхъ работъ автора въ этомъ направленіи. Послѣднія, въ настоящей своемъ видѣ, представляютъ, впрочемъ, ближайшій интересъ только для спеціалистовъ, и потому мы не будемъ касаться ихъ здѣсь. Что же касается предложеній объ изслѣдованіи мозгового кровообращенія у кретиновъ и забытыхъ, а также при измѣненіи положенія головы относительно горизонта, то предложенія эти остроумны и, хорошо исполненныя, вѣроятно принесли бы больше цѣнныхъ результатовъ, чѣмъ многія лабораторныя работы, предпринимаемыя при помощи сложнѣйшихъ инструментовъ и при самыхъ искусственныхъ условіяхъ.

Поэтому, еслибы изслѣдованіе проф. Тарханова было статьей спеціального журнала или диссертацией, то мы, не соглашаясь съ нѣкоторыми мнѣніями автора, отдали-бы полную справедливость

---

¹⁾ Hermann l. с. стр. 471.

полезности его работъ; но мы находимъ совершенно преждевременной попытку обобщать и популяризировать новое учение о наукѣ и внести нѣчто новое въ міровоззрѣніе всякаго образованнаго читателя. Въ этомъ отношеніи попытка пр. Тарханова остается крайне неудачнымъ подражаніемъ извѣстному изслѣдованію И. М. Сѣченова: „Рефлексы головного мозга“.

ОБРАЗЦОВОЕ ЗЕМСТВО ВЪ ЗАКОЛДОВАННОМЪ КРУГУ.

(Журналы рязанскаго губернскаго земскаго собранія. Рязань и Москва, 1865—1878.—Доклады членовъ рязанской губернской земской управы о ревизіи уѣздовъ. Т. I, Рязань, 1874; т. II и III, Москва, 1877—78.—Сборникъ постановленій рязанскаго губернскаго земскаго собранія. 2 т., Рязань, 1874—77.—Обзоръ земской дѣятельности рязанской губерніи за девятилѣтіе съ 1866 по 1875 г. Докладъ князя С. Волконскаго. Р., 1875.—Протоколы сѣзда земскихъ врачей рязанской губерніи. 2 выпуска, Р., 1874—75.—Журналы земскихъ собраній скопинскаго, данковскаго, спасскаго и раненбургскаго за разные годы).

Когда 14 лѣтъ назадъ вводились земскія учрежденія, многіе возлагали на нихъ большія надежды и ликовали, считая эту реформу новой эрой въ нашей общественной жизни. Правда, въ этихъ ликованіяхъ было много притворства, и извѣстная часть земцевъ только на словахъ увлекалась надеждой на развитіе новыхъ формъ государственной жизни; въ сущности-же она радовалась тому, что въ ея руки переходитъ большое земское хозяйство, которое, если вести его умѣючи, можетъ вознаградить, и въ корпоративномъ, и въ личномъ отношеніи, за убытки, нанесенные освобожденіемъ крестьянъ. Къ разряду этихъ дальновидныхъ земскихъ хозяевъ принадлежали тогда почти исключительно помѣщики, и только впоследствии, хотя и очень скоро послѣ введенія земства, къ нимъ присоединился новый, свѣжій элементъ изъ купцовъ-землевладѣльцевъ, торгующихъ крестьянъ, волостныхъ старшинъ, зажиточныхъ мѣщанъ, — словомъ, наша юная мелкая буржуазія, формирующаяся изъ кулаковъ всевозможныхъ оттѣнковъ. Этотъ элементъ болѣе или менѣе присущъ всѣмъ земствамъ; онъ при данныхъ условіяхъ — сила... Но въ земской средѣ, кромѣ этихъ дѣльцовъ, были, — кое-гдѣ есть и до сихъ поръ, — люди совершенно другого сорта, благородные идеалисты, кото-

рые привѣтствовали введеніе земскихъ учреждений совершенно искренно, надѣясь, что они сдѣлаютъ принести пользу обществу. Въ ряду этихъ лучшихъ земцевъ одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежало рязанскимъ дѣтелямъ, вродѣ князя С. Волконскаго и Дашкова. И не только рязанскіе земцы горѣли въ то время самыми свѣтлыми надеждами, даже мѣстная тогдашняя администрація увлеклась восторгами медоваго земскаго мѣсяца, и, открывая первую сессію губернскаго земскаго собранія, тогдашній губернаторъ говорилъ: „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, почти всѣ дворянскія собранія заявляли о необходимости преобразованія существующей организаціи управленія земскими повинностями, какъ непредставляющей собою всѣхъ условій, требующихся для истинно-успѣшнаго веденія земскаго хозяйства. Съ вопросомъ объ этомъ преобразованіи, независимо отъ прямой его цѣли—предоставленія дѣлъ, относящихся до мѣстнаго благосостоянія, ближайшему завѣдыванію самихъ сословій, связаны были для всѣхъ самые живые общественные интересы: сближеніе сословій въ дѣлѣ общихъ нуждъ и пользы, приложеніе общественныхъ умствѣнныхъ силъ къ серьезной практической дѣятельности, наконецъ вообще расширеніе условій гражданской жизни. Понятно, что все это вмѣстѣ въ высшей степени возбуждало интересъ страны къ преобразованію одной изъ важнѣйшихъ отраслей губернской администраціи и что дарованныя нынѣ земству права полагаютъ начало новой и важной эры нашей публичной жизни. Съ чувствомъ глубокаго удовольствія открывая первое губернское земское собраніе во ввѣренную управленію моему губерніи, я поспѣшаю заявить самое полное мое сочувствіе къ предстоящимъ этому собранію трудамъ, долженствующимъ положить основы дальнѣйшему и непрерывному развитію благосостоянія губерніи. Настоящимъ преобразованіемъ призывается къ участию въ мѣстныхъ дѣлахъ та общественная самодѣятельность, которая при правильномъ и всегда законномъ ея направленіи является однимъ изъ существеннѣйшихъ источниковъ народнаго благосостоянія“. Но для большинства эти надежды и увлеченія были самага неопредѣленнаго свойства, и за восторгами медоваго мѣсяца слѣдовало полное охлажденіе гласныхъ къ земскому дѣлу. Управы, худо-ли, хорошо-ли, отправляли свою службу, а гласные съѣзжались ради исполненія одной формальности и, можетъ быть, для развлеченій, равнодушно выслушивали отчеты и доклады управъ, выбалотировывали иногда противорѣчашія одни другимъ рѣшенія по одному и тому-же вопросу и даже разѣзжались, не рѣшивъ самыхъ важныхъ дѣлъ, для обсужденія которыхъ они собственно и собирались („Обзоръ девятилѣтія“, 4, 52—59). Но, несмотря на эту апатію гласныхъ, разъ за-

веденная административная земская машина шла своимъ ходомъ, расходуя миліоны земскихъ рублей. И надо отдать справедливость рязанской губернской управѣ, она 14 лѣтъ дѣлаетъ все, что можетъ для рациональной постановки земскаго дѣла. Уже и то должно быть поставлено ей въ заслугу, что она потрудилась, насколько позволили ей средства, изучить экономическое положеніе губерніи и условія народной жизни въ то время, какъ многія другія земства, считающіяся передовыми или образцовыми, какъ, напримѣръ, новгородское или херсонское, почти ничего не сдѣлали въ этомъ отношеніи. Эти труды рязанскихъ дѣятелей тѣмъ почтениѣе, что губернія не доходила еще до общаго серьезнаго кризиса и ее не поражали тѣ удары, которые заставляли другія земства хотя немного очнуться отъ сна и внимательноѣе взглянуть на положеніе дѣлъ. Рязанское земство не знало еще ни самарскаго голода, ни вятскаго, херсонскаго или смоленскаго разоренія, и все-таки оно въ лицѣ своихъ губернскихъ администраторовъ съ примѣрною заботливостію слѣдило за состояніемъ земской массы, увидѣло и указало всѣмъ, имѣющимъ глаза, то незавидное положеніе, въ которомъ находится губернія, то напряженіе всѣхъ платежныхъ и рабочихъ силъ, при которомъ земству и думать нечего о сколько-нибудь крупныхъ новыхъ задачахъ.

Губернское земство съ самаго начала своей дѣятельности вполне справедливо отнеслось къ раскладкѣ налоговъ и занялось переоцѣнкой имуществъ, подлежащихъ обложенію. По этой новой оцѣнкѣ оказалось во всѣхъ уѣздахъ:

Цѣнность поземельной собственности	. 187,467,426 р.
городскихъ домовъ, торговыхъ	
„ заведеній, садовъ и т. д. . . .	8,437,689 „
„ фабрикъ и заводовъ	9,333,621 „

Общая стоимость по новой оцѣнкѣ . . . 205,418,736 р.

Общая стоимость по старой оцѣнкѣ . . . 147,217,038 „

Эта переоцѣнка дала земству возможность значительно увеличить налоги, особенно по тремъ уѣздамъ, въ которыхъ всѣхъ имуществъ числилось:

	По старой оцѣнкѣ.	По новой оцѣнкѣ.
Въ раненбургскомъ уѣздѣ	12,400,889	24,037,135
„ сапожковскомъ „ .	14,497,422	21,442,091
„ скопинскомъ „ .	10,777,632	21,311,162

Фабрики и промышленныя заведенія были оцѣнены вдвое дороже прежняго (по старой оцѣнкѣ 3,580,000 рублей, по новой — 7,014,000 р.), а въ егорьевскомъ уѣздѣ цѣнность ихъ опредѣлена даже втрое больше прежней: вмѣсто 536,000 рублей, 1,611,000

(„Ж. губ. собр.“, 1875, 76—79). Но, несмотря на эту сравнительно высокую оцѣнку, многія фабрики и промышленныя заведенія остались оцѣненными чрезвычайно низко, а многія вовсе не оцѣнены и не платятъ земству никакихъ налоговъ („Ж. губ. собр.“, 1872, 156, 183). Въ силу извѣстнаго закона, налогъ съ фабрикъ очень ограниченъ, такъ-какъ онъ берется не съ производства, а съ цѣнности зданій и машинъ, и поэтому не можетъ давать земству значительныхъ ресурсовъ. Городскія имущества земство тоже переоцѣнило вдвое дороже прежняго: вмѣсто 4,789,000, въ 8,437,000 рублей („Обзоръ девятилѣтїя“, 27). Между прочимъ, новая оцѣнка возвысила стоимость имущества Спасска на 8⁰/₀, Рязани—на 38⁰/₀, Раненбурга—на 51⁰/₀, Пронска—на 56⁰/₀, Сапожка—на 61⁰/₀, Касимова—на 73⁰/₀, Егорьевска—на 83⁰/₀, Михайлова—на 150⁰/₀, Данкова—на 158⁰/₀, Рязска—на 162⁰/₀, Скопина—на 190⁰/₀, Зарайска—на 283⁰/₀ („Ж. губ. собр.“, 1874, 113). По этимъ цифрамъ можно приблизительно судить, до какой степени фабриканты и горожане уклоняются отъ правильной оцѣнки своихъ имуществъ и платежа налоговъ, взваливая всю тяжесть ихъ на народъ. Губернская земская администрація, произведшая упомянутую переоцѣнку, вполне ясно понимала и честно заявляла, что „бремя налоговъ тяжело, что податныя силы губерніи достигли крайняго напряженія и что облегчить податныя сословія посредствомъ болѣе правильнаго распредѣленія налоговъ между тѣми-же сословіями нѣтъ никакой возможности“. И губернская управа, и комисія, занимавшаяся разработкой возбужденнаго правительствомъ вопроса о податной реформѣ, высказались за привлеченіе къ платежу прямыхъ налоговъ всѣхъ сословій. Всѣ земскія собранія, какъ извѣстно, высказались въ томъ-же смыслѣ, и либеральныя газеты успѣшили воскурить имъ надлежащій фиміамъ за ихъ патріотическую самоотверженность, хотя эта самоотверженность не шла дальше согласія на ту реформу, которая земцамъ казалась неизбѣжною и которую они въ своихъ проектахъ направляли такъ, что бѣднѣйшіе плательщики отъ нея почти ничего не выигравали. Рязанскіе земцы въ этомъ случаѣ даже не сдумѣли, какъ слѣдуетъ, сыграть комедіи и заявить о своемъ патріотизмѣ, съ которымъ другія земства готовы были облегчить крестьянина отъ подушной подати. Принявшись за обсужденіе податной реформы, губернскіе гласные прежде всего постарались рѣшить, что и личный трудъ долженъ подлежать налогу, потомъ, испугавшись, вѣроятно, какъ-бы по неопытности не просчитаться и не обложить себя лишней копеечкой, не кончивъ дѣла, бросили его и разѣхались по домамъ („Обзоръ девятилѣтїя“, 56—59). Вопросъ о реформѣ замолкъ, и налоги по-прежнему остались на

землѣ да на крестьянскомъ трудѣ. Рязанское земство ходатайствовало, чтобы по крайней мѣрѣ привлечь къ платежу налоговъ богатяя имущества желѣзныхъ дорогъ, но получило рѣшительный отказъ („Сборн. постановлений“, I, 404). Какъ трудно оцѣнить земли съ цѣлю болѣе или менѣе равномерной раскладки налога, можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ, показывающихъ, что въ концѣ шестидесятыхъ годовъ продажная цѣнность земли была въ уѣздахъ:

Сапожковскомъ	отъ 7 до 111 р.	Данковскомъ	отъ 9 до 57 р.
Михайловскомъ	„ 9 „ 114 „	Зарайскомъ	„ 8 „ 120 „
Раненбургскомъ	„ 10 „ 180 „	Скопинскомъ	„ 9 „ 70 „
Пронскомъ.	„ 9 „ 123 „	Ряжскомъ	„ 6 „ 171 „
Касимовскомъ	„ 4 „ 188 „	Спасскомъ	„ 9 „ 157 „
Егорьевскомъ	„ 5 „ 112 „		

Губернская управа долго хлопотала, чтобы оцѣнить всѣ земли по возможности точнѣе, раздѣливъ ихъ на разряды. Управа надѣялась собрать точныя свѣденія черезъ уѣздныхъ гласныхъ отъ обывателей и въ особенности отъ уѣздныхъ гласныхъ, но громадное большинство обывателей, равно какъ и гласные, не доставили этихъ отзывовъ, и управѣ оставалось одно — оцѣнить земли огуломъ, „цѣлыми мѣстностями“ и „приблизительно“, что она и сдѣлала („Ж. губ. соб.“, 1872, 131; „Ж. раненб. уѣзд. собр.“, 1869, 145). Никакого замѣтнаго облегченія для крестьянина отъ этого не произошло, и онъ по-прежнему платитъ большіе налоги со своего небольшого надѣла. Величина надѣла измѣняется у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ отъ $\frac{1}{2}$ десятины до $2\frac{3}{4}$ дес., а у государственныхъ отъ 1 до 4 десятинъ. Доходность крестьянской пахатной десятины рязанской губерніи, по даннымъ земскихъ управъ, опредѣляется въ 9 р. 75 коп., но эта цифра во многихъ случаяхъ слишкомъ далека отъ дѣйствительности. Немало крестьянъ въ губерніи уже совершенно обезземеленныхъ, еще болѣе надѣловъ никуда негодныхъ, которые не стоитъ даже обрабатывать, и владѣющіе ими крестьяне или вовсе не занимаются хлѣбопашествомъ, или принуждены арендовать землю у помѣщиковъ („Доклады о ревизіи“, II, 133, 466, 514; III, 419, 440). Между тѣмъ сумма всѣхъ сборовъ доходить до 18 руб. съ cadaго душевого надѣла („Ж. губ. соб.“, 1874, 245 — 247). Еслибы, по вычисленію земской управы, всѣ платимыя крестьянами денежные сборы перевести съ душъ на ихъ земельные надѣлы и по тому же размѣру обложить земли другихъ владѣльцевъ, то съ каждаго 250 десятинъ пришлось-бы платить въ егорьевскомъ уѣздѣ 975 р., въ данковскомъ—1,115, въ сапожковскомъ—1,125, въ раненбургскомъ—1,245 р. („Обз. девятил.“, 56). Крестьянская земля въ боль-

ОБРАЗЦОВОЕ ЗЕМСТВО ВЪ ЗАКОЛДОВАННОМЪ КРУГУ.

иствѣ случаевъ не въ состояніи оплачивать всѣ эти налоги даже постоянно хорошихъ урожаяхъ; между тѣмъ почва отъ недостаточнаго удобренія все болѣе и болѣе истощается, нерѣдко случаются неурожаи, и крестьянское хозяйство далеко не процвѣтаетъ. Вотъ, напр., данныя объ урожаяхъ:

	въ 1874 г.		въ 1875 г.	
	озимой	яровой	озимой	яровой.
	самъ	самъ	самъ	самъ.
въ данковскомъ уѣздѣ	6	2	3	2
„ егорьевскомъ „	3	2 $\frac{1}{2}$	3 $\frac{1}{2}$	3
„ зарайскомъ „	3 $\frac{2}{3}$	1 $\frac{1}{3}$	3 $\frac{1}{2}$	3
„ васимовскомъ „	3 $\frac{1}{2}$	3	4	4
„ михайловскомъ „	4 $\frac{1}{2}$	1 $\frac{1}{4}$	4	2 $\frac{3}{4}$
„ рязанскомъ „	5	2	4 $\frac{1}{2}$	5
„ раненбургскомъ „	8	3	1 $\frac{1}{2}$	2
„ ряжскомъ „	7	3	3	3
„ скопинскомъ „	6	4	4	4
„ сапожковскомъ „	4	1 $\frac{1}{2}$	4 $\frac{1}{2}$	3

Въ большей части уѣздовъ за эти два года былъ или полный неурожай или недостаточный урожай, но преимущественно на крестьянскихъ, плохо удобренныхъ земляхъ; въ раненбургскомъ уѣздѣ, напр., на помѣщичьихъ земляхъ хлѣбъ родился озимой самъ 4 $\frac{1}{2}$, яровой самъ 5, а на крестьянскихъ первый самъ 1 $\frac{1}{2}$, второй самъ 2 („Ж. губ. собр.“, 1875, 161—164).

Въ 1876 г. тоже плохой урожай, особенно въ уѣздахъ: егорьевскомъ—озимый самъ 1 $\frac{1}{4}$, яровой—2 $\frac{1}{2}$, пронскомъ—3 и 3 $\frac{1}{2}$, сапожковскомъ—3 $\frac{1}{6}$ и 2 $\frac{2}{3}$, зарайскомъ—2 $\frac{3}{4}$ и 3 $\frac{1}{6}$, ряжскомъ, спаскомъ и михайловскомъ самъ 3. И несмотря на свою репутацію плодородія, уѣзды нерѣдко требуютъ отъ губернскаго земства значительныхъ суммъ для своего пропитанія: въ 1867 году, напр., требовалось болѣе 200,000, въ 1876 г. асигновано 195,000 р. („Обзоръ“, 41; „Журн.“ 1876, 110). И хотя губернский продовольственный капиталъ рязанской губерніи еще не истощенъ, какъ въ вятскомъ или херсонскомъ земствѣ, но зато мѣстные продовольственные запасы существуютъ только на бумагѣ, а по мѣстамъ даже не значатся ни въ какихъ бумагахъ. Мѣстныхъ продовольственныхъ капиталовъ въ 1873 году было въ наличности 491,000, а въ ссудахъ 375,000 р. Уплата этихъ долговъ идетъ чрезвычайно туго; такъ, напр., въ 1875 г. по рязанскому уѣзду на 121,864 р. уплочено 15,125, по зарайскому на 79,257 р.—3,911. Уплативъ такимъ образомъ часть долга, крестьяне иногда въ томъ-же году снова забираютъ еще больше. Что-же касается хлѣбныхъ запасовъ, то въ 1875 г. во всѣхъ магазинахъ было 107,000 четв., а въ дол-

гу 300,000 четв., но и это только на бумагѣ, а въ дѣйствительности гораздо меньше, такъ-какъ въ большей части магазиновъ хлѣба или вовсе нѣтъ, крестьяне давно уже разобрали его, а возобновить запасы не въ силахъ, или-же хлѣбъ есть, но гнилой, нигуда негодный, а счетоводство по этимъ запасамъ въ самомъ незавидномъ состояніи. Вотъ, напр., какъ описываетъ членъ управы состояніе магазина въ казачьей волости данковского уѣзда: „подъѣхали въ магазину, бились полчаса и не могли отпереть совершенно заржавѣвшій замокъ, пригласили кузнеца и сломали его. Огромная стая голубей поднялась съ нашимъ входомъ. Поднялись по лѣстницѣ на верхнюю площадку; по обѣимъ сторонамъ ея глубокіе закрома, устроенные на самыхъ рациональныхъ основаніяхъ, такъ, чтобы воздухъ свободно проходилъ между ними и стѣнами. Но въ этихъ закромахъ лишь одинъ голубиный пометъ. Рожь оказалась, по словамъ старосты, раскраденною, да мало того, что рожь, начали красть доски, изъ которыхъ построены закрома. Да и не мудрено: магазинъ остается неприступнымъ для старосты, а воры уже выбили себѣ слуховое окно, и изъ него устроили прекрасную лѣстницу, по которой очень удобно спускаться съ него. По откровенному объясненію сельскаго начальства, въ него никто не заглядывалъ болѣе полугода. Три другіе маленькіе магазина, имѣющіеся въ казачьей волости, по словамъ того-же начальства, пусты“. Въ алабинской волости „хлѣбныхъ запасовъ совсѣмъ нѣтъ, отчетности не ведется никакой“. Въ напольновской волости, сапожковского уѣзда, хлѣба тоже нѣтъ, весь разобранъ. „Какъ на причину такого разбора хлѣбныхъ запасовъ, волостное начальство ссылается на бѣдность и нужду крестьянскихъ обществъ, происходящую, по мнѣнію того-же начальства, отъ малоземельности ихъ: есть много обществъ, у которыхъ надѣла $\frac{3}{4}$ десятины на душу. Все спасеніе ихъ въ испольной работѣ у владѣльца, и то какъ задастся. Доходитъ дѣло до того, что вырываютъ ключи у магазинныхъ смотрителей, и на всѣ увѣщанія сихъ послѣднихъ одинъ отвѣтъ: „не умирать-же съ голоду, дѣлай что хочешь“! Въ такомъ положеніи находятся хутора Боголюбовка, Свищевка и Николаевка. Въ магазинахъ чулковской волости, скопинскаго уѣзда, хлѣбъ есть, „но до того соренъ, гниль и перебитъ мышами, что въ цѣлой горсти этой пыли не найдешь ни одного цѣлаго зерна; препровожденный мною въ управу образецъ этого хлѣба убѣдить, что лучше вовсе не имѣть засыпки, чѣмъ засыпать хлѣбъ такого качества, о которомъ мнѣ нѣкоторые общества весьма наивно заявили, что и разбирать его не стоитъ, потому что придется выкинуть въ навозъ, а вмѣсто него, пожалуй, будутъ требовать засыпки новымъ хлѣбомъ“. („Журн. губ. собр.“,

1873, 19; 1875, 254; 1876, 167, 171; „Доклады о ревизіи“, I, 81, 159, 175, 221; II, 141, 205, 366, 335, 513; III, 464). Земледѣліе, такимъ образомъ, не можетъ удовлетворить всѣмъ личнымъ и платежнымъ потребностямъ рязанскаго крестьянина, и ему необходимы еще какіе-нибудь другіе заработки, мѣстные или отхожіе. Многіе изъ мѣстныхъ промысловъ, которыми занимаются крестьяне, мало того, что не обезпечиваютъ работника, но положительно губятъ его безобразіемъ своей обстановки. Таково, напр., добываніе жернового камня въ острокаменской волости, данковскаго уѣзда. „Камень, говорить въ своемъ отчетѣ членъ управы, — лежитъ подъ краснымъ пескомъ, на глубинѣ восьми и болѣе аршинъ, сплошнымъ пластомъ, и находится на землѣ помѣщика. Добываніе самое первобытное и напоминаетъ древнія египетскія работы. Жизнь рабочихъ до того тяжелая, что остается удивляться, какъ можетъ выносить ее природа человѣческая. Желаящіе добывать жернова соединяются въ одну общую артель, которая, за право пользованія камнемъ, выплачиваетъ помѣщику по 30 руб. съ человѣка. Артель ощупываетъ камень особеннымъ щупомъ или буромъ и, удостовѣрившись въ его присутствіи, начинаетъ рыть яму, дорывается до камня и, продолбивъ его, высыпаетъ въ сдѣланное отверстие нѣсколько фунтовъ пороху; тогда въ артели выбирается смѣльчакъ и отправляется зажигать порохъ. Онъ пропцается со всѣми, и на проводахъ товарищи угощаютъ его виномъ. И есть причины прощаться. Зажиганіе пороха дѣлается такъ: берется желѣзная лопата съ жаромъ, и изъ рука бросается огонь въ порохъ. Часто зажигающій погибаетъ или приходитъ искалѣченнымъ, но еще чаще русское *авось* вывозить, и тогда нѣтъ конца торжеству. Виновику его предоставляется право второго выбора изъ всѣхъ имѣющихъ быть добытыми камней, такъ-какъ первый выборъ принадлежитъ цѣловальнику, который давно уже купилъ лучшей камень рублей за 12, далъ впередъ деньги и, получивъ его, черезъ годъ продаетъ за 90 рублей. Разорвавъ каменное гнѣздо, артель устраиваетъ ступенями спускъ въ яму и начинаетъ подрываться подъ отдѣльные куски камня, развороченные взрывомъ. Земля при этомъ передается наверхъ со ступеньки на ступеньку. Если оторванный кусокъ слишкомъ великъ, то его отсѣкаютъ желѣзными клиньями. Когда кусокъ достаточно окопанъ, его поддѣваютъ веревками и воротомъ вытаскиваютъ наружу. Тамъ уже окончательно обдѣлываютъ камень посредствомъ клиньевъ и клюва (остраго молотка) и придаютъ ему форму жернова. Очень часто въ ямѣ случаются обвалы, придавливающіе рабочихъ, и въ Остромъ Камнѣ я видѣлъ одного искалѣченнаго такимъ обваломъ. Во все время этой работы артель живетъ въ землянкахъ,

Послѣ страшныхъ трудовъ при скудной пищѣ является сильная потребность въ винѣ, но и вино-то такой рабочій пьетъ не какъ люди, по мѣткому выраженію одного изъ крестьянъ, а „на-скоро напьется, какъ телокъ, — и готовъ“. Результаты далеко не вознаграждаютъ рабочихъ за такіе труды: въ лѣто рабочій выручить много 50 руб. Между тѣмъ 30 человѣкъ добудутъ въ лѣто до 60 жернововъ. Хорошій жерновъ стоитъ на мѣстѣ 100 и болѣе рублей, а меньше какъ за 15 р. не купишь никакого жернова; если-же счесть мелкіе обломки, изъ которыхъ составляются подъ-часъ цѣнные составные жернова, то выручка рабочаго не должна-бы быть менѣе 150 руб. Почему-же такъ мало выручается? Отвѣтъ простой: потому что трудами артели пользуются скупщики, кулаки, цѣловальники и всякій промышленный народъ. Въ каменоломнѣ работаютъ бѣдняки, и около нихъ наживаются люди и безъ того достаточные. Въ Остромъ Камнѣ у порядочнаго хозяина всегда найдется десятокъ и больше жернововъ, купленныхъ имъ у артели за безцѣнокъ въ голодное для нея время. Всѣ расходы артели ведутся однимъ старостою и покрываются выручкою за первые добытые жерновы. Остальные жернова дѣлятся между рабочими въ артели поровну. Лѣнливыхъ артель не держитъ и въ мелочные расчеты, что одинъ работалъ меньше, а другой больше, не входитъ. („Доклады о ревизіи уѣздовъ“, т. I, стр. 106—107.) Такъ-же добывается жерновой камень въ скопинскомъ уѣздѣ въ навелецкой волости, крестьяне которой работаютъ еще при болѣе неудобной обстановкѣ въ каменноугольной копи, получая — мужчина 30, а женщина 10 коп. въ день (ib., II, 444—46). Въ каменноугольныхъ шахтахъ чулковской волости рабочій получаетъ въ день 35 коп., а обстановку работъ членъ управы описываетъ такъ: „Галереи или штреки въ большинствѣ случаевъ вышины въ ростъ средняго человѣка; впрочемъ, есть и такія, гдѣ пришлось сильно гнуться; въ этихъ-то послѣднихъ я засталъ рабочихъ за ломкою угля. Работа производилась при олейныхъ лампахъ; выламывали уголь рабочіе кирками и ломами, стоя на колѣняхъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на вершокъ, а то и выше въ грязи. Хотя я не чувствовалъ ни усталости, ни жары, но потъ лилъ съ меня градомъ, вѣроятно, отъ учащеннаго дыханія. Надо признаться, что 12 часовъ, которые приходится въ сутки поденщику пробыть въ рудникѣ, вполне заслуживаютъ щедраго вознагражденія. Говорятъ, что въ рудникахъ есть особо отведенные ретирады, но мнѣ часто приходилось встрѣчать нечистоты въ самыхъ штрекахъ. Говорятъ, бывають нерѣдко несчастные случаи и втеченіи 4 лѣтъ было 6 случаевъ серьезныхъ, но причины ихъ всѣхъ отнесены къ неосторожности рабочихъ“. Въ нѣкоторыхъ

волостяхъ крестьяне курятъ смолу, причеиъ работникъ получаетъ за зиму рублей 25; но по мѣрѣ истребленія лѣса промыселъ этотъ падаетъ, и бывшіе смолокуры болѣе и болѣе уходятъ на заработки въ другія мѣста, какъ, напр., крестьяне бѣльской волости, спасскаго уѣзда. Въ этой и во многихъ другихъ волостяхъ крестьяне вовсе бросили хлѣбопашество, которымъ занимаются исключительно женщины, а всѣ мужчины уходятъ на постороннія работы, добывая въ годъ, за исключеніемъ харчей, рублей по 30 на человѣка (ib., 113 — 15, III, 37 — 40). Отхожіе промыслы особенно быстро развиваются въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя раньше жили обработкою лѣсныхъ продуктовъ, смолокурениемъ или бондарствомъ, какъ ижевская волость, жители которой съ уничтоженіемъ лѣсовъ начали ходить бондарничать въ Астрахань, Баку, Ростовъ, Одессу (ib., II, 98). Мѣстныя мануфактурныя производства хотя еще и продолжаютъ существовать по мѣстамъ, но тоже не процвѣтаютъ, и рабочіе, занимавшіеся ими прежде дома, уходятъ на фабрики. Крестьяне луховицкой волости, зарайскаго уѣзда, зимою ткутъ на станкахъ демикатонъ, получая эту работу отъ егорьевскихъ фабрикантовъ и зарабатывая въ день копеекъ 14. Въ троснянской волости это производство уже пало, и всѣ крестьяне, прежде бывшіе самостоятельными хозяевами, превратились въ простыхъ рабочихъ на фабрикѣ въ селѣ Озеркахъ, коломенскаго уѣзда; взрослый рабочій получаетъ тутъ въ мѣсяцъ рублей 6, а домой приносить не болѣе двухъ; дѣти-же работаютъ даромъ, изъ-за одного хлѣба (ib., I, 59 — 61). Крестьяне някинскій волости, спасскаго уѣзда, ходятъ въ качествѣ чернорабочихъ на суконныя фабрики владимірской губерніи и получаютъ въ лѣто рублей по 40 (ib., II, 139). Крестьяне чернослободской волости, сапожковскаго уѣзда, приносятъ домой съ фабрикъ не болѣе 30 руб. въ годъ (ib., 292). Крестьяне спась-клепиковской волости, рязанскаго уѣзда, зарабатываютъ въ годъ на ватныхъ фабрикахъ отъ 15 до 100 руб. (ib., III, 46). Многія волости живутъ исключительно черными работами по добыванію торфа, по силавамъ судовъ и на желѣзныхъ дорогахъ, зарабатывая въ годъ на человѣка рублей 60, 50, 40, 25 (ib., II, 139, 145, 326; III, 61, 79). Нѣкоторыя волости отличаются чрезвычайнымъ разнообразіемъ мелкихъ промысловъ, и крестьяне стараются по возможности со всего снять пѣну. Такова, напр., шатрищенская волость, спасскаго уѣзда. Главный промыселъ жителей—проводъ нагруженныхъ барокъ. Этимъ занято большинство населенія, уходящаго на промыслы (въ годъ берутъ по 500 паспортовъ), и только незначительная часть уходитъ на красильныя фабрики. Взрослый рабочій приноситъ домой съ промысла отъ 25 до 50 руб. въ годъ. Остающееся населеніе зани-

мается, чѣмъ придется: а) рыбною ловлей, приче́мъ крупная рыба сбывается бронницкимъ и московскимъ купцамъ, а мелкая въ уѣздѣ по базарамъ; всѣхъ рыболововъ до 20; выручаютъ они прибыли, по 30 руб. на человѣка; б) тарханнимъ ремесломъ, приче́мъ шкуры скупаютъ по уѣзду и перепродаютъ на заводы; в) мелочною торговлею по мѣстнымъ базарамъ и ярмаркамъ—шерстью, кожанымъ товаромъ и другими продуктами; д) горшечнымъ ремесломъ (дворовъ пять) и другими. Словомъ, нѣтъ такой торговли въ сельскомъ быту уѣзда, въ которую не вмѣшались-бы старо-рязанскіе жители. „Нужда, говорить пословица, заставитъ калачи ѣсть, и старо-рязанскіе жители изъ всякой дряни извлекаютъ себѣ средства къ существованію; всякая забѣжавшая безъ хозяина собака дѣлается жертвою старо-рязанскихъ шкурятниковъ. Всякое изношенное тряпье находятъ въ нихъ покупателей, въ надеждѣ сбыть его нуждающимся. Многіе изъ старо-рязанцевъ просто пробавляются кулачествомъ на городскихъ и другихъ базарахъ. Наконецъ, Старая Рязань недаромъ слыветъ за одну изъ пристаней конокрадовъ и сама можетъ похвалиться очень ловкими конокрадами, вышедшими изъ нея. Приговоры мѣстныхъ мировыхъ судей, въ случаѣ нужды, могутъ доставить доказательства справедливости народной молвы“. („Доклады“, II, 87.) Множество крестьянъ работаетъ въ качествѣ сельскихъ рабочихъ у мѣстныхъ помѣщиковъ и зажиточныхъ мужиковъ. Въ скопинскомъ уѣздѣ „годового работника можно имѣть за 36—40 р., работницу отъ 12 до 18 руб., лѣтомъ отъ 25 до 30 руб.; мѣсячнаго найма нѣтъ въ обычаѣ. „Поденный работникъ въ рабочее время на хозяйскомъ содержаніи—50 к.; преимущественно-же въ обычаѣ наемъ съ полученіемъ денегъ впередъ „съ пары“, т. е. двѣ десятины, озимую и яровую, посѣять и убрать; эта „пара“ стоитъ 8 р. и до 12-ти, смотря по качеству земли и урожаю, который возможно съ нея ожидать; впрочемъ, бывають случаи, что цѣна на эту сдѣльную работу значительно понижается неотложной нуждой въ деньгахъ, которыя въ послѣднемъ случаѣ уплачиваются за годъ и болѣе впередъ, что еще болѣе обезсиливаетъ крестьянина, такъ-какъ эта-же самая работа при условіяхъ полученія платы по мѣрѣ исполненія, обходится нанимателю не дешевле 17 рублей; вотъ какой процентъ приходится платить кредитующему!“ (ib., 463). Въ касимовскомъ уѣздѣ годовой работникъ 40—50 р., работница 15—20 руб., полная обработка десятины 7 р. (ib., III, 229). Вообще, сельскіе рабочіе зарабатываютъ очень мало, такъ-какъ забирають деньги впередъ и „положительно не выходятъ изъ долговъ“ (ib., 410). Желаніемъ забирать деньги впередъ пользуются разнаго рода жулаки. Вотъ, напр., павловская волость, скопинскаго уѣз-

да: „Отхожіи промыслы въ этой волости годъ отъ году принимаютъ все большіе размѣры, такъ-что въ послѣдніе годы паспортовъ изъ правленія выдавалось до 600. Агенты и подрядчики компаній желѣзныхъ дорогъ и каменноугольныхъ копей являются въ общества, какъ-будто по чутью, въ самое тяжелое для крестьянина время сбора податей и при помощи волостного, а частію и сельскаго начальства, задобряя ихъ, совершаютъ условія, выдавая отъ 10 до 25 р. задатка рабочимъ и законтрактывая ихъ на отхожіи трудъ, часто несоразмѣрный; при невыполненіи урочныхъ по условію работъ дѣлаются вычеты изъ остального вознагражденія, такъ-что рабочіе, возвращающіеся большею частію до срока, приходятъ ни съ чѣмъ домой, упустивъ работы полевныя и не вознаградивъ ихъ отхожими“ (ib., II, 481). Въ кривополянскій волости, раненбургскаго уѣзда, несмотря на ея подгородное положеніе и обиліе заработковъ, міроѣдство достигаетъ громаднхъ размѣровъ. „Въ положеніи подгороднаго крестьянина и крестьянина-земледѣльца, населяющихъ села и деревни нашего уѣзда, въ этомъ отношеніи большая разница. Въ то время, какъ уѣздный крестьянинъ-земледѣлецъ вынужденъ за-дешево отдавать свой трудъ сосѣднимъ землевладѣльцамъ, получая иногда за то лишь нелегко поддающіяся оцѣнкѣ удобства, въ родѣ, напримѣръ, права пасти свой скотъ на владѣльческомъ пару, либо снимать землю по такой цѣнѣ, что въ награду за потраченный на ея обработку трудъ едва достанется одна солома, и всю жизнь не выходитъ изъ долговъ, выбиваясь изъ силъ, чтобы раздѣлаться съ ними, — пригородный крестьянинъ находитъ работу за деньги. Заработаетъ онъ, можетъ быть, и больше, живетъ зачастую даже хуже и тоже всю жизнь ходитъ „въ долгу, какъ въ шелку“, но все-же деньги ему переплаваютъ, а съ ними рѣдкій потеряетъ надежду улизнуть и отъ долговъ, и отъ податей. Надежда обманчивая. Долгъ не пропадетъ, а недоимка растетъ все грознѣе и грознѣе, пока не схватитъ, наконецъ, несправнаго плательщика и не ввергнетъ его въ окончательную безысходную нужду. Значительное число кривополянскихъ крестьянъ находится именно въ такомъ положеніи. Винавата близость города и денегъ. Но если деньги ведутъ къ обѣдненію, то онѣ-же способствуютъ и наживѣ: „гдѣ падалъ, тамъ и коршунъ“. Достатки, проживаемые безопаснымъ жизнелюбивымъ большинствомъ, скопляются въ рукахъ смышленнаго, но жаднаго меньшинства, у котораго и образуются состоянія. Міроѣдство нигдѣ такъ не развито, какъ здѣсь. Оно наложило свой отпечатокъ и на бытъ, и на общественныя учрежденія с. Кривополянскія“ („Докл.“ III, 367—370). Вообщемъ „большинство народонаселенія кормится трудами рукъ своихъ, находясь въ зависимости отъ своихъ зажиточ-

ныхъ односельцевъ“ (ib., 397, 428). „Всѣ самые разнообразныя промыслы и работы обыкновенно зиждутся на закабаленномъ трудѣ односельцевъ и сосѣдей“ (ib., 442). „Масса крестьянъ заработками осилить податей не можетъ. Набравшись подъ обработку земли у личныхъ землевладѣльцевъ, можно добыть половину податей; въ крайнемъ случаѣ, если удастся, можно забраться у двоихъ разомъ, но все-таки остается недостатокъ. Его надо пополнить какъ-нибудь иначе, продажей хлѣба и надѣльной землей, что-ли. Если пополнить не чѣмъ, тогда есть еще одно средство—поставить сына въ батраки. Этимъ и хлѣбъ дома соблюдеши, и подати уплатиши, и лишній ротъ съ кормовъ долой. И дѣйствительно, это средство все болѣе и болѣе приходится по вкусу крестьянамъ. Прежде, бывало, только плохой работникъ нанимается въ батраки, а теперь рѣдкій сынъ хорошей семьи не прожилъ года два-три у хозяина. Если-же, наконецъ, и это средство не поможетъ, тогда остается махнуть рукой на все: и на надѣль, и на собственное хозяйство, и приниматься за разрѣшеніе третьей и послѣдней задачи крестьянина—какъ самому прокормиться“ (ib., 453). ...„Достатки крестьянина, даже самага зажиточнаго, такъ малы,—говоритъ кн. Волконскій,—что даже въ хорошей годъ ихъ только хватаетъ, чтобы справиться съ тремя задачами, а сберегать и откладывать на черный день рѣшительно нечего. Для того, чтобы урѣзывать свои, и безъ того скудныя, потребности, нужна уже бережливость, а подвигъ. Что-же мудренаго, если большинство населенія неспособно на подвигъ и, живя изо-дня-въ-день, оказывается совершенно незащитнымъ на черный день? Придетъ этотъ день — и разореніе неизбежно. А мироѣдъ, этотъ крестьянинъ, совершившій надъ собою трудный подвигъ воздержанія, тутъ какъ тутъ, и если его стало на то, чтобы урѣзать свои собственные скудныя потребности, не только имущественныя, но и человѣческія,—какъ-же ему не урѣзать у своего, впаваго въ нужду, сосѣда?“ (ib., 457). Крестьянинъ, такимъ образомъ, хотя и употребляетъ послѣднія усилія, чтобы не упустить изъ рукъ свой жалкій надѣль, но онъ уже почти превратился въ батрака, работающаго за полцѣны, причемъ, по отзывамъ членовъ управы, ревизовавшихъ волости, всѣ недоразумѣнія между нанимателемъ и работникомъ волостные суды рѣшаютъ обыкновенно въ пользу перваго („Докл.“, I, 120, 134, 138, 143, 148, 179). А рязанскіе землевладѣльцы все-таки плачутъ „о недостаткѣ и недоброкачественности работниковъ“ и ворочаютъ своими мозгами, измышляя „способы для кореннаго исправленія свойствъ и нравственности работниковъ“ („Журн. раненб. уѣздн. собр.“ 1859, 234—6).

Въ селахъ, такимъ образомъ, народилась новая общественная

сила, выдѣлившаяся изъ народа. При бѣдности и поголовномъ невѣжествѣ крестьянъ, даже то, что при другихъ условіяхъ могло-бы служить имъ защитой отъ этой силы, — сельское самоуправленіе находится теперь въ рукахъ міроѣдовъ. Во многихъ волостяхъ старшины, сельские старосты, сборщики совершенно безграмотны, всѣ обходятся безъ книгъ, всѣ надѣются на память и всѣ не знаютъ даже, сколько съ нихъ слѣдуетъ сборовъ, а большинство не знаетъ, кто сколько заплатилъ? Случается, что для того только, чтобы найти грамотѣя, который написалъ-бы въ земскую управу просьбу о пособіи, волость собираетъ по 2 коп. съ души („Докл. о ревиз“., I, 74; III, 362, 411 и др.). Въ нѣкоторыхъ волостяхъ до сихъ поръ въ ходу первобытное орудіе счета, извѣстное въ этнографіи подъ названіемъ квипоса. „Неграмотный староста или сборщикъ никакого обезпеченія плательщикамъ въ полученіи имъ платежа не даетъ; единственною гарантіею, что тотъ-же платежъ не будетъ взысканъ вдвойнѣ, для плательщиковъ служатъ его честность и память. Первая по большей части хорошая гарантія, вторая никуда не годится при мало-мальски большомъ обществѣ. Грамотные старосты или сборщики, въ особенности у государственныхъ крестьянъ, ведутъ у себя такъ-называемые дневники, въ которыхъ отмѣчаютъ подневно получаемые ими платежи, и по датныя тетради, гдѣ для всякаго плательщика открытъ счетъ по каждому родабору; каждый плательщикъ, въ свою очередь, снабженъ особою податною тетрадкою, въ которой староста или сборщикъ помѣчаетъ полученные платежи имъ цифрами или буквами и знаками. („Докл.“, I, 71). Въ Казачьей слободѣ, данковскаго уѣзда, эти записи еще первобытнѣе. „Всѣ сборы, кромѣ страховыхъ, сложены въ общую цифру и приходится 13 руб. на душу. Старостѣ дается длинная бичева, съ нанизанными на нее четырехгранными бирками, по порядку дворовъ, на каждый дворъ по биркѣ. Каждая бирка распиlena на двѣ половины, снабженныя деревянными гвоздиками и дырочками, такъ-что гвоздикъ одной половины какъ разъ приходится въ дырочку другой. На толстомъ концѣ каждой половины, сходящемся съ тонкимъ концомъ другой половины, отмѣчается, сколько во дворѣ душъ и сколько оклада приходится съ него. Затѣмъ обѣ половины бирки складываются и на составившихся граняхъ отмѣчается уплата, такъ-что одна половина знака приходится на одной половинѣ бирки, а другая на другой; послѣ отмѣтки одна половина бирки остается у старосты, а другая отдается плательщику. Чтобы счетъ былъ признанъ вѣрнымъ, надо, чтобы не только обѣ половины бирки пришлись другъ къ другу, но чтобы полужнаки изъ нихъ составили цѣльные знаки. Знаки при этомъ употребляются слѣдующіе: 10 руб., X—1 р., 1—5 р.

I—1 в., а на ребрахъ отмѣчаются четверти копеекъ („Докладъ“, I, 114). Отчетность почти во всѣхъ волостяхъ безъ исключенія находится въ самомъ безобразномъ состояннѣ; счеы перепутаны; деньги растрачиваются; налоги собираются вдвойнѣ; старшинъ и сборщиковъ крестьяне или вовсе не учитываютъ или считать не могутъ; „нѣсколько разъ собираются сходы ихъ учитывать и каждый разъ получаютъ новые результаты начета, такъ-что не знаешь, чему и вѣрить“. Въ одной волости старшина растрачиваетъ 1,587 р., въ другой—409 р., въ третьей—844 р., въ четвертой—580 р. и т. д. Сборщики и старшины нерѣдко не знаютъ, сколько у нихъ своихъ денегъ и сколько общественныхъ, такъ-какъ тѣ и другія они держатъ вмѣстѣ; „не знаютъ, сколько какихъ сборовъ слѣдуетъ съ души, не ведутъ никакихъ счетовъ съ отдѣльными плательщиками; въ книгу сборы заносятся огуломъ“; во многихъ волостяхъ „съ роду ничего не записывали и никакихъ книгъ не знали“ (ib., I, 10, 15, 27, 31, 33, 62, 108, 146, 208; II, 281, 289; III, 35, 44, 66, 75, 201, 376, 401, 483; „Журн. губерн. собран.“ 1874, 248 — 251). Правильныхъ волостныхъ сходовъ почти никогда не собирается, и все волостное самоуправленіе находится въ рукахъ мѣстныхъ дѣльцовъ, которые или помыкаютъ властями, или сами выбираются обществомъ въ кормилу правленія. „Эти вожаки общества, съ которыми старшинѣ приходится совѣтоваться, и составляютъ настоящую силу. Власть ихъ настолько велика, что старшина, который вздумалъ-бы обойтись безъ нихъ, не продержался-бы въ должности и двухъ недѣль. Волей-неволей всякій старшина долженъ угождать имъ и за то получаетъ полную свободу дѣйствовать по дѣламъ волости и общества, какъ ему вздумается. Такъ и дѣйствовалъ бывший волостной старшина Архипъ Сафоновъ Викулинъ. Съ 1868 года онъ безконтрольно правилъ волостью и кривополянскимъ обществомъ до самой ревизіи, получалъ и расходовалъ суммы частныхъ мірскихъ сборовъ, сдавалъ въ аренду мірскія оброчныя статьи, распоряжался суммами вспомогательной кассы, штрафными и другими, какія были за это время въ волостномъ правленіи. Никто никогда его не учитывалъ и никому онъ не давалъ отчета“. Въ 5 лѣтъ этотъ старшина пропилъ на угощеніе стариковъ болѣе 400 рублей своихъ денегъ, понятно, недаромъ („Доклады“, III, 374, 431—35“). Волостные расходы вообще „составляютъ ни болѣе ни менѣе, какъ издержки на содержаніе мѣстной уѣздной администраціи, уплачиваемые самими волостями. Вотъ, напр., бюджетъ 6 волостей: всѣхъ расходовъ 6,104 руб.; изъ нихъ 5,248 руб., т. е. болѣе $\frac{5}{6}$ всего сбора, идетъ на неизбѣжные расходы по волостному правленію и только 856 руб. — на обще-

ственные потребности, церковь, школу и т. д. Въ кривополянской волости (раненб. уѣзд.) волостныхъ расходовъ 878 руб., и почти всѣ они идутъ на содержаніе волостной администраціи: 150 руб. старшинѣ, 200 руб. писарю, 120 его помощнику, 60 сторожамъ, 138 на наемъ ящика для развѣздовъ по волости, 16 руб. на ремонтъ и страховку зданія правленія, 12 руб. на разсылнаго становому, 12 руб. на квартиру лѣсничему. На общественныя нужды остается всего 71 р.: оспопрививателю 61 руб. и земскому гласному 10 р. Расходы по кривополянскому сельскому обществу составляютъ 1,505 р., по 68 к. на душу; изъ нихъ 530 р., т. е. болѣе одной трети, идетъ на содержаніе сельскаго управленія, а около двухъ третей на общественныя потребности: на церковь 359 р., на училище 145 (изъ нихъ 120 учителю и 25 попечителю), на исправленіе дорогъ 131, ходатаю по дѣламъ общества 50, гласному 20, на ремонтъ пожарныхъ инструментовъ 18, на угощеніе стариковъ виномъ 36 р. Значительная часть денегъ, по свидѣтельству кн. Волконскаго, тратится совершенно даромъ. „Такъ, сельскій писарь получаетъ въ годъ 100 руб. жалованья, между тѣмъ писмоводство по дѣламъ общества ведется въ волостномъ правленіи, гдѣ своихъ два писаря. Сельскій староста получаетъ 70 р., но, какъ уже сказано, настоящій староста—волостной старшина, а лицо, носящее названіе старосты, рѣшительно ничего не дѣлаетъ. Церковныя сторожа получаютъ 70 руб. въ годъ отъ общества и должны за ту-же плату отапливать и выметать училище; помѣщающаеся въ колокольнѣ, между тѣмъ какъ школа по цѣлымъ днямъ не топится, а подметаетъ ее самъ учитель съ учениками. попечитель училища получаетъ 25 руб. и ровно ничего не дѣлаетъ. Гласный земскаго собранія получаетъ отъ общества 20 р., несмотря на то, что отъ волости ему кромѣ того начначено 10 р. Для уясненія всѣхъ подобныхъ расходовъ приведу слѣдующій разговоръ мой съ попечителемъ школы. Когда, посѣтивъ школу, я нашелъ ее нетопленною среди зимы и съ перебитыми стеклами, я сталъ упрекать попечителя: онъ получаетъ 25 р., а между тѣмъ ровно ничего не дѣлаетъ. „Экъ, баринъ, отвѣтилъ онъ,—да развѣ я 25 р. получу? Вѣдь для того, чтобы получить 25 руб., надо 15 пропойть. Да еще когда-то ихъ получишь“ („Докл.“, III, 381). Село Дубовое: расходы по волости 1,451 р.; изъ нихъ 1,388 руб. на содержаніе волостного правленія и только 68 р. на общественныя нужды: на содержаніе призываемыхъ во время набора 12 р., оспопрививателю 30 и гласному земскаго собранія 16 р. „Расходуются деньги лучше, чѣмъ въ Кривополяни: такъ, напиримѣръ, училище топится и метется; сельскій староста за 55 руб. жалованья кое-что дѣлаетъ. Но и здѣсь проглядываетъ наклонность

къ большимъ окладамъ и непроизводительнымъ расходамъ, хотя въ меньшей степени, чѣмъ въ Кривополянѣ. Смотритель запаснаго магазина получаетъ 40 руб., а между тѣмъ дѣла у него очень мало. На учебныя принадлежности было выдано попечителю школы 89 руб., между тѣмъ никакихъ принадлежностей, кромѣ свѣчей, попечитель не покупалъ. Ему-же выдано 25 руб. въ награду за покупку дома подѣ училище, тогда какъ домъ этотъ приобрѣтенъ помимо его трудовъ. Мнѣ говорили, что эти деньги опредѣлены въ возмѣщеніе убытковъ на угощеніе стариковъ, по случаю покупки, и только записаны на счетъ попечителя школы. За счетъ другихъ обществъ волостное правленіе израсходовало съ 1875 года по буховскому обществу 619 руб. 82 коп., по лычинскому 165 р., по обществу с. Пупокъ 264 р. 86 коп. Суммы не маленькія! Во всѣхъ другихъ волостяхъ то-же самое („Доклады о ревизіи“, III, 373, 378, 401, 460). Должности старшинъ, сборщиковъ, школьныхъ попечителей сдѣлались доходными; „мѣсть этихъ добиваются, заискиваютъ передъ сходомъ, угощаютъ виномъ и входятъ въ издержки“ (ib., 463). Понятно, что, достигнувъ этихъ мѣсть, стараются и вознаградить себя за сдѣланныя затраты и нажитья; возникаетъ цѣлая система хищничества и взяточничества. Ревизовавшему нѣкоторые уѣзды члену губернской управы, Левашеву, „въ числѣ сельскихъ расходовъ встрѣтилось нѣсколько статей: „на пріѣздъ старшины“, „на пріѣздъ старшины и писаря“; расходъ не малый,—доходитъ до 2 р. 75 к. за пріѣздъ. Я спросилъ, что это значить? Староста пренаивно мнѣ объяснилъ, что это такъ издавна у нихъ водится, на пріѣздъ каждаго начальства въ село полагается старостѣ извѣстная сумма. Я спросилъ: что-же, старшина и писарь забирали что-нибудь у него, старосты, съѣстнаго или кормъ лошадямъ? Староста отвѣчалъ, что ничего не забирали, но что это такъ уже заведено и что на меня запишутъ, когда я уѣду, хотя я въ этой деревнѣ ничего ни у кого на бралъ и пробылъ не болѣе полутора часа. Такое отношеніе къ дѣлу весьма характеристично; при разъѣздахъ моихъ по рязанскому уѣзду, до меня доходили нѣсколько разъ слухи, что будто для обществъ крестьянскихъ посѣщеніе начальства всегда сопряжено съ расходами, но я этимъ слухамъ не вѣрилъ, пова самъ не выслушалъ простоватаго бѣштвинскаго старосту. Очень вѣроятно, что старосты и сборщики пользуются пріѣздами начальства и берутъ за это деньги, подѣ предлогомъ расходовъ на харчи и на прокормъ лошадей профъжающихъ чиновниковъ“ (ib., 60 — 61). „Тамъ, говорить кн. Волконскій,—гдѣ на общественныя дѣла смотреть исключительно съ точки зрѣнія личныхъ интересовъ,—тамъ взяточничество совершенно естественно; оно является логическимъ

послѣдствіемъ такого взгляда. Оттого въ нашихъ сельскихъ и волостныхъ учрежденіяхъ оно повсемѣстно господствуетъ и является тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше общество или волость. Кто только не беретъ въ этихъ учрежденіяхъ? Беретъ сельскій сходъ, и нужды нѣтъ, что беретъ водкой, — водка тутъ только мелкая разиѣнная монета, удобная тамъ, гдѣ взятку приходится дробить на многія части, а сущность дѣла та-же, — съ лицъ, которыя въ немъ нуждаются, со своихъ должностныхъ лицъ, за то, что предоставляютъ имъ право въ свою очередь брать, и за назначеніе имъ жалованья. Берутъ старосты и сборщики податей за отсрочку сбора, за выданныя въ ссуду общественныя деньги; беретъ волостное правленіе во всѣхъ случаяхъ своей многосторонней дѣятельности. Берутъ съ волостного правленія во время учета, за то, чтобы простить ему прочетъ, какъ это было въ трехъ изъ посѣщенныхъ мною волостей, или за то, чтобы вовсе не учитывать, какъ это втеченіи 7 лѣтъ происходило въ кривополянской волости. Кривополянскій сходъ ухитрился даже спать съ лицъ, выбранныхъ для учета старшины, за право его учитывать. И это никого не коробитъ; это кажется до того естественнымъ, что простодушный и, по своему, честный старшина 2-й дубовской волости пренаивно заноситъ въ приходо-расходную книгу правленія, взятку данную имъ засѣдателю полицейскаго управленія за то, чтобы тотъ не бралъ подводъ. Удивительнаго тутъ ничего нѣтъ, — стоитъ только взглянуть на общественное дѣло съ точки зрѣнія личныхъ интересовъ, и все это покажется какъ нельзя болѣе естественнымъ. Въдъ въ сущности всѣ эти спивки и взятки — вовсе не взятки, а только плата за послугу“ (id., 458). Мудрено-ли, что при такихъ условіяхъ люди, такъ близко стоящіе къ мужику, его-же выборные представители становятся къ нему въ положеніе не помощниковъ его, а выжимателей и враговъ. Въмѣсто того, чтобы явиться его заступникомъ и посредникомъ между нимъ и высшими классами, эти мирофды подтачиваютъ его благосостояніе хуже другихъ. Неудивительно послѣ этого, что крестьянинъ дѣлается до апатіи равнодушень къ собственному положенію. Падаетъ изба у него — онъ ее не чинитъ и не кроетъ. Развалилась печь — нужды нѣтъ, что жена и дѣти забнутъ. Онъ равнодушень къ тому, что у него нѣтъ ни лошади, ни коровы и самъ босъ и голъ. Равнодушень становится даже къ своему собственному тѣлу“ („Журн. губ. собр.“ 1872, 382). Во множествѣ деревень „бѣдность бросается въ глаза при одномъ взглядѣ на постройки крестьянъ: всѣ онѣ изъ самаго дурного, чуть-ли не дровяного лѣса, стары, малы и худы, дворы тѣсные и развалившіеся“ („Доклады о ревизіи“, I, 61). По мѣстамъ до сихъ поръ даже въ ходу перво-

бытныя свайныя постройки. Село Любичи, зарайскаго уѣзда, напр., ежегодно затопляется водою, и нѣкоторые дома выстроены поэтому на сваяхъ; постройки всѣ скучены до крайности, „такъ-что одинъ домъ сидитъ на другомъ; да и понятно, потому что мѣсто, незатопляемое водою, ограничено, а населеніе увеличивается“ (ib., 76). Или вотъ село Дубовое, раненбургскаго уѣзда — „это буквально сплошная куча соломенныхъ крышъ, соединенныхъ одна съ другою. При повѣркѣ страхового списка я прошелъ 38 дворовъ. Ну, право, они занимали по улицѣ пространство въ какихъ-нибудь 150 саж. Пройдешь дворъ до конца, тамъ начинается другой дворъ, за нимъ третій и т. д. Попадались усадьбы съ 5-ю, 6-ю и даже съ 7-ю дворами (въ глубину). На дворахъ, уже и безъ того тѣсныхъ, лѣпятся хлѣвушки, амбарчики, половинчики; свободное пространство завалено вывезеннымъ изъ лѣсу и оставшимся отъ раздѣла лѣсомъ и хворостомъ, такъ-что повернуться негдѣ. Еслибы случился пожаръ въ этомъ порядкѣ, то не только нельзя-бы было выгнать скота, но и самому едва удалось-бы выскочить“ (ib., III, 404). Таково положеніе рязанскаго крестьянина, выясненное трудами и изслѣдованіями, можно сказать, единственныхъ въ Россіи земскихъ дѣятелей, вродѣ кн. Волконскаго. Но такихъ дѣятелей мало; большинство рязанскихъ земцевъ ничѣмъ не отличается отъ земцевъ другихъ губерній, и всѣ благородныя стремленія упомянутыхъ дѣятелей не ведутъ въ сущности ни къ чему. При всемъ томъ, рязанское земство можетъ похвалиться нѣкоторыми чертами, чрезвычайно выгодно отличающими его отъ другихъ земствъ. Въ большинствѣ земствъ разные „сѣятели и дѣятели“ прежде всего заботились о томъ, чтобы назначить себѣ губернаторское жалованье, и содержаніе земскихъ управъ составило одну изъ крупныхъ цифръ земскаго бюджета. Въ рязанскомъ земствѣ на управы асигнуются суммы сравнительно очень скромныя, и въ то время, какъ во многихъ земствахъ предсѣдатели губернскихъ управъ получаютъ по 4,000 и 5,000, а члены тысячи по 3, въ Рязани въ 1874 г. предсѣдателю назначено 2,400 р., а членамъ по 1,800 р.; раньше-же они получали еще меньше („Ж. губ. собр.“, 1874, 44). Во всѣхъ земствахъ безъ исключенія страшно развито попрошайничество; только лѣнивый не проситъ пособій, вспомошествованій, пенсій изъ земской суммы, и собранія сплошь и рядомъ даютъ награды полицейскимъ чинамъ, стипендіи баричамъ, пенсіи чиновникамъ и ихъ вдовамъ. Пенсіи вдовамъ лицъ, служившихъ по мировымъ и крестьянскимъ учрежденіямъ, сплошь и рядомъ назначаются изъ земскихъ денегъ; но рязанское земство и въ этомъ случаѣ щадитъ интересы земской суммы, отклоняя всѣ подобныя просьбы о пенсіяхъ, „на основаніи существующихъ узаконеній“ („Ж. губ. собр.“,

1875, 14; 1876, 45; „Сборникъ постановлений“, II, 69). Подъ предлогомъ улучшения породы крестьянскихъ лошадей многія земства завели случныхъ жеребцовъ, оказывающихъ услуги только помѣщикамъ; рязанское-же земство и тутъ рѣшило „отъ матеріальныхъ затратъ на это дѣло воздержаться“ („Сборникъ“, I, 359). Все это показываетъ, что въ рязанскомъ земствѣ есть дѣйствующія разумныя и благородныя силы, и не ихъ вина, если онѣ часто не достигаютъ своей цѣли, если рядомъ съ отмѣченными нами свѣтлыми чертами всплываютъ наружу обычное хищничество, низкія интриги и дразги.

Одною изъ главныхъ заботъ рязанскаго земства съ самаго начала его дѣятельности было народное образованіе. Для содержанія народныхъ школъ, богадѣленныхъ пріютовъ и обезпеченія сельскаго духовенства, земство думало организовать всюду приходскія попечительства; но планъ этотъ почти ни въ комъ не встрѣтилъ сочувствія, а крестьяне взглянули „на это дѣло недобѣрчиво и съ подозрительностью“ („Ж. спасск. собр.“, 1869, 13; „Ж. губ. собр.“, 1865, 68; „Сборникъ“, I, 194; „Обзоръ“, 7). Земству послѣ этого осталось одно — помогать, на сколько хватаетъ силъ, сельскимъ обществамъ въ открытіи и содержаніи школъ и приготовленіи учителей. Въ первое девятилѣтіе всѣ уѣзды заплатили на народныя школы 265,000 р., въ томъ числѣ данковскій больше всѣхъ—46,400, а михайловскій меньше всѣхъ—3,400 р.; ежегодный расходъ на образованіе увеличился почти втрое, съ 24,000 до 70,000 р. При этомъ за тотъ-же періодъ губернское земство издержало 24,000 р. на стипендіи гимназистамъ и студентамъ московскаго университета, да ежегодно асигнуется еще на реальныя училища 18,000 р. („Обзоръ девятилѣтія“, 15). Но дѣло народнаго образованія, несмотря на всѣ усилія земства, плохо подвигается впередъ. Вотъ данныя о состояніи народныхъ школъ и земскихъ асигновокъ на нихъ въ 1876 г.:

УѢЗДЫ.	Смѣты на народныя школы.	Проц. отношеніе къ общей смѣтѣ.	Число школъ	Сколько дѣтей учится на 100.
Данковскій . . .	10,042 р.	20%	49	27
Егорьевскій . . .	2,900 „	5 „	36	16
Зарайскій . . .	5,444 „	11 „	35	15
Касимовскій . . .	6,800 „	9 „	57	20
Михайловскій . . .	800 „	2 „	15	7
Пронскій . . .	9,980 „	21 „	27	15
Равенбургскій . . .	3,912 „	6 „	23	10
Рязанскій . . .	4,775 „	6 „	35	10
Рязскій . . .	1,400 „	1 „	23	13

Сапожковскій . . .	3,300 „	4 „	27	14
Скопинскій . . .	5,000 „	9 „	27	11
Спасскій . . .	6,235 „	9 „	43	24

60,588 р.   8⁰/₁₀   397   16

(„Журн. губ. собр.“, 1875, 404—420).

Въ двухъ лучшихъ уѣздахъ, такимъ образомъ, учится только $\frac{1}{4}$ дѣтей, а въ остальныхъ 15, 10, даже 7 изъ 100, да и тѣ только *учатся*, потому что значительная часть ихъ ничему не выучивается и все забываетъ по выходѣ изъ школы. Похвалиться нечѣмъ, тѣмъ болѣе, что и существующія 400 училищъ находятся въ очень незавидномъ положеніи. Въ касимовскомъ уѣздѣ, напр., учителя получаютъ въ годъ 100, 70, даже 30 *рублей!* Да и это нищенское жалованье сплошь и рядомъ выдается крайне неисправно. Въ раненбургскомъ уѣздѣ приглашенъ былъ „одинъ изъ лучшихъ учителей“ въ дер. Набережную, человѣкъ семейный, на жалованье въ 60 р., и съ ноября по февраль получилъ всего 3 руб. („Ж. г. с.“, 1872, 364, 369). „Даже существованіе самихъ школъ,—говоритъ кн. Волконскій,—до того шатко, что для многихъ изъ нихъ достаточно одного какого-нибудь мѣстнаго несчастія, напр., большого пожара, градобитія, чтобы онѣ были закрыты, а учителя ихъ искали другихъ занятій“.

Для приготовленія учителей рязанское земство открыло въ 1869 г. свою семинарію и заботилось о ней, какъ о родимомъ дѣтищѣ. Въ 1872 г. былъ сдѣланъ первый выпускъ 16 учителей, а число воспитанниковъ доходило до 106; изъ нихъ крестьянъ и солдатскихъ дѣтей 59, духовныхъ 28, дворянъ и чиновниковъ 16, мѣщанъ и купцовъ 5. Выпущеннымъ воспитанникамъ опредѣлено жалованье отъ 180 до 240 р. („Ж. губ. собр.“, 1872, 233—5). Содержаніе училища стоило земству около 20,000 въ годъ, а постройка дома 30,000. Какъ относились крестьяне къ этой семинаріи, можно судить по тому, что „крестьяне пригородной Троицкой слободы не только согласились уступить нужную подъ училище землю съ готовымъ на ней садомъ, но, несмотря на двоекратное разъясненіе управы, что земля эта, какъ находящаяся подлѣ станціи желѣзной дороги, имѣетъ значительную цѣнность и будетъ дорожать съ каждымъ годомъ, приговоромъ постановили, что подъ училище они жертвуютъ землю даромъ, лишь-бы обучали дѣтей ихъ грамотѣ“ („Обзоръ девятил.“, 11). Но въ средѣ рязанскаго земства есть находящаяся не у дѣла партія, которой очень хотѣлось-бы водвориться въ земской управѣ, выживъ пынѣшній составъ ея. Эта партія называетъ себя „консерваторами“, хотя весь консерватизмъ ея ограничивается въ сущности апетитными мечтаніями о

вкусѣ и сытности земскаго пирога. Еще въ 1874 г. эта партія, въ лицѣ кн. Крапоткина и нѣкоторыхъ другихъ гласныхъ, начала дѣлать нападки на губернскую управу по нѣкоторымъ вопросамъ о народномъ образованіи, но потерпѣла поражение. Въ слѣдующемъ году „консерваторы“ попали въ составъ ревизіонной комисіи и смѣло пошли на штурмъ учительской семинаріи, рассчитывая по этому поводу сбить съ позиціи губернскую управу. Ревизіонная комисія открыла въ семинаріи такіе ужасы, что еслибъ докладъ ея оказался справедливымъ, то семинарію слѣдовало-бы немедленно закрыть, а ея преподавателей и членовъ губернской управы—самое меньшее—выслать „въ отдаленнѣйшія губерніи, кромя сибирскихъ“. Въ воздухѣ запахло сыскомъ, уголовщиной, и началась одна изъ самыхъ характерныхъ земскихъ исторій. По докладу комисіи, воспитанники учительской семинаріи шатаются по кабакамъ и трактирамъ, не ночуютъ дома, „ходятъ къ обѣднѣ безъ контроля и надзора“, „посты хотя и соблюдаютъ, но совершенно машинально“, а по окончаніи курса нѣкоторые въ посты ѣдятъ скоромное; „религіозныя убѣжденія воспитанниковъ“ пагубны; ихъ „манеры грубы и предвзято-безцеремонны“; ихъ волосы длинны и „прически непристойны“; вообще-же училище „сгладило въ нихъ присущій русскому крестьянину отпечатокъ врожденной религіозности“ („Ж. губ. собр.“, 1875, 17—18). Когда собраніе потребовало у комисіи какихъ-нибудь фактовъ, подтверждающихъ обвиненіе, то представитель дворянства Рюминъ, ревизовавшій семинарію, представилъ слѣдующіе, на первый взглядъ убійственные для училища, аргументы: 1) Отъ инспектора народныхъ училищъ Епифантьева въ частномъ разговорѣ онъ узналъ, что распущенность въ александровскомъ училищѣ дошла до того, что воспитанники его совершенно свободно посѣщаютъ питейныя заведенія. 2) Изъ разсказовъ волостного старшины и сельскаго писаря видно, что воспитанники ведутъ себя дурно, ходятъ по трактирамъ, напиваются пьяными, заводятъ на слободѣ шумъ и драки. Однажды двое изъ нихъ пьяные просидѣли даже ночь въ кутузкѣ и выпущены становымъ, который будто-бы подтвердилъ разсказы старшины и старосты. 3) Показаніе о томъ-же и о равнодушіи къ церкви приходскаго священника Алякова. 4) Письмо о томъ-же инспектора школъ Епифантьева, который сообщаетъ, что „ѣхавши разъ съ Буджинскимъ (другимъ инспекторомъ), онъ встрѣтилъ входящими въ трактиръ воспитанниковъ въ числѣ 3-хъ человекъ; что крестьяне Троицкой слободы приносили жалобу старшинѣ паучениковъ, что они не даютъ имъ покоя“; что изъ числа выпущенныхъ воспитанниковъ спасскій учитель Крутовъ велъ себя неприлично передъ начальникомъ губерніи, за что и удаленъ

отъ должности; что другой учитель Развѣтаевъ разсказывалъ гласному Оленину, что „въ училищѣ имъ давали читать Фейербаха и Мошота“. Начали повѣрять эти показанія. Губернаторъ сообщилъ, что ничего подобнаго съ учителемъ Крутовымъ не было, отъ должности онъ не удаленъ и даже получилъ награду отъ училищнаго совѣта. Староста, старшина, становой и исправникъ объяснили, что пьянства и буйствъ за воспитанниками никогда не замѣчали, что никогда никакихъ пьяныхъ воспитанниковъ въ волостную кутузку не забирали. По дознанію члена училищнаго совѣта Мансурова, оказалось, что относительно нравственности учителей изъ воспитанниковъ „ничего лучшаго нельзя и желать“. Законоучитель Алешинскій и многіе сельскіе священники дали тоже хорошіе отзывы о религіозности и нравственности воспитанниковъ; всѣ мнимыя обвиненія были совершенно опровергнуты, и выяснилось при этомъ, что инспекторъ Елифантьевъ, ссылаясь на упомянутые факты, требовалъ назначенія надзирателемъ въ училище священника, имѣя въ виду именно одного изъ обвинителей, священника Аляброва. Ревизіонная комисія съ ея извѣтами и ложными обвиненіями была посрамлена („Ж. губ. собр.“, 1875, 109—149). Но есть люди, которые „срама не имутъ“, и партія, враждебная семинаріи, продолжала интриговать противъ нея до тѣхъ поръ, пока земство рѣшило закрыть ее. „Дѣлу народнаго образованія, — справедливо замѣчаетъ кн. Волконскій, — нанесена глубокая рана“. („Ж. губ. собр.“, 1877, I, 36).

Состояніе народнаго здоровья, въ общемъ итогѣ, было-бы удовлетворительно, если-бъ на помощь явились правильно организованныя медицинскія средства. Теперь-же заболѣваемость и смертность, благодаря совершенному отсутствію гигиеническихъ мѣръ, стоятъ на довольно высокомъ уровнѣ. „Въ губерніи сильно распространены сифилисы, многія села имъ заражены; часто свирѣпствуетъ оспенная эпидемія; въ мѣстностяхъ болотныхъ и въ нѣкоторыхъ селахъ постоянно господствуютъ тифъ и злокачественныя лихорадки; временами въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ цифра смертности доходитъ до значительныхъ размѣровъ“ („Ж. губ. собр.“, 1874, 71). Такъ въ 1874 г. въ хрущовской волости болѣло оспою до 100 человѣкъ, умерло 25; въ сурковской волости изъ 300 оспенныхъ больныхъ умерло 100 („Доклады о ревизіи“, I, 97). Расходы земства на медицину растутъ съ каждымъ годомъ. Уѣзды истратили на медицинскую часть:

въ 1866 . . .	31,000 р.	въ 1871 . . .	78,000 р.
„ 1867 . . .	34,000 „	„ 1872 . . .	94,000 „
„ 1868 . . .	30,000 „	„ 1873 . . .	104,000 „
„ 1869 . . .	44,000 „	„ 1874 . . .	133,000 „
„ 1870 . . .	60,000 „	„ 1875 . . .	140,000 „

Всего въ десять лѣтъ — 748,000 р. „Цифра, — замѣчаетъ управа, — почтенная, и при всемъ томъ послѣдній съѣздъ врачей призналъ единогласно, что медицинское дѣло въ губерніи еще непочатое дѣло и что для преслѣдованія одного сифилиса, — распространеннаго всюду и притомъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ ужасающихъ размѣрахъ, такъ - что имъ заражены цѣлыя селенія, не исключая дѣтей и старцевъ, — нынѣшній врачебный персоналъ и вообще медицинское устройство въ уѣздахъ далеко не достаточны“ („Ж. г. с.“, 1875, 39). Вотъ, напр., сергіевская волость: въ ней врачъ по случаю холеры былъ лѣтомъ 1871 г. и съ тѣхъ поръ до іюля 1875 г. не бывалъ ни разу; ближайшая больница въ Скопинѣ; „больныхъ — когда отвозить въ больницу, а когда нѣтъ“; фельдшера нѣтъ; оспопрививатель есть, но что онъ дѣлаетъ — неизвѣстно („Доклады о ревизіи“, II, 465). Даже той незначительной долѣ больныхъ, которой удается попасть въ больницы, земство не въ состояніи оказывать надлежащей помощи. Вотъ, напр., пронская больница въ 1872 году: помѣщеніе тѣсно, сыро и грязно; солома въ тюфякахъ давно не перемѣнялась; простыни, наволочки и даже запасное бѣлье въ шкафу весьма грязны; пища плохая. Губернская больница и сѣумасшедшій домъ еще хуже; они тѣсны, душни, безъ вентиляціи, пропитаны міазмами; больныхъ иногда, за неимѣніемъ кроватей, кладутъ на полъ; больные простужаются, наживаютъ чахотку и рожу; заболѣваютъ даже солдаты, стоящіе на часахъ въ коридорѣ. Число больныхъ ежегодно увеличивается и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается смертность. Такъ, за исключеніемъ умершихъ отъ дряхлости, больныхъ умерло:

въ 1863 г. . . .	4,7%	въ 1872 г. . . .	6,2%
„ 1865 „ . . .	5,9%	„ 1875 „ . . .	7,7%

Въ годы-же эпидемій, 1866, 1867 и 1871 г., смертность колебалась между 9,3% и 10,5%.

На переустройство больницы земство вынуждено было занять 100,000 руб., но началась война, и эти 100,000 руб. истрачены на совершенно другія цѣли. („Обзоръ девятилѣтія“, 65; „Журналы губ. собранія“ 1872, 80, 109, 115, 314; 1874, 140, 161; 1875, 35; 1876, 201; экстр. собр., апрѣль 1877, 7). Немудрено, что при подобныхъ условіяхъ у нѣкоторыхъ земцевъ заходитъ, что называется, умъ за разумъ. Вотъ, напр., губернской гласный Селивановъ въ горячей рѣчи описываетъ печальное положеніе земства въ медицинскомъ вопросѣ и съ восторгомъ указываетъ найденный имъ выходъ: „Всѣ земства озабочены этимъ дѣломъ, вездѣ судили и рядили, а исхода не нашли... Камнемъ преткновенія все-таки является экономическая скудость, а если-бы не такъ, то земствамъ не о чемъ-бы и забо-

тяться. Будь только народъ побогаче, позажиточнѣе, то сейчасъ-же повсемѣстно въ селеніяхъ, какъ теперь въ городахъ, и аптеки-бы открылись, и врачи-бы явились... А теперь?.. Теперь свободную врачебную практику народъ привлечь къ себѣ не въ состояніи. Остается еще надежда на земство: посмотримъ, что можетъ оно сдѣлать? Чтобы вполнѣ достигнуть благотворительной цѣли, необходимо пригласить немалое количество врачей, которые жили-бы въ средѣ народа, являлись-бы къ больнымъ по первому призыву. Необходимо въ разныхъ мѣстахъ уѣздовъ, сообразно ихъ населенности, устроить больницы и настолько просторныя, чтобы больные всякаго пола и возраста во всякое время безотказно могли быть въ нихъ принимаемы. При больницахъ должны быть и аптеки, и такъ-какъ все это дѣлается для немущей братіи, то уже само собою разумѣется, что и приемъ въ больницу и отпускъ лекарствъ должны производиться даромъ. Планъ великолѣпный!.. Но гдѣ-же взять денегъ, чтобы осуществить его? Цифра понадобится немалая... Новый налогъ, соразмѣрный такому обширному предпріятію, упалъ-бы новымъ бременемъ и на безъ того обремененный платежами народъ... Есть другая система леченія, которая, по мнѣнію моему, могла-бы съ успѣхомъ быть примѣнена къ народному врачеванію. При этой системѣ леченія не нужно ни аптекъ съ лабораторіями, ретортами, провизорами, гезелями и съ необъятнымъ количествомъ банокъ, ни фельдшеровъ, ни ваннъ, ни припарокъ, ни пьявокъ, ни спиртовъ, ни мазей, ни кровопусканій. Почти не нужно больницъ, развѣ только въ исключительныхъ случаяхъ, когда дѣло касается хирурга. Не нужно цѣлаго сонма врачей, а достаточно одного на цѣлую нашу губернію, лишь-бы онъ добросовѣстно только занялся тѣмъ дѣломъ, для котораго будетъ призванъ. Эта система есть гомеопатія". („Ж. губ. собр.", 1873, 31—32). Раненбургское собраніе даже поручило управѣ ввести гомеопатическое леченіе; „но желающихъ заняться имъ не оказалось" („Ж. раненб. собр.", 1869, 164). Еще болѣе безуспѣшны хлопоты земства о призрѣніи людей дряхлыхъ и убогихъ. Вотъ, напр., данковское собраніе рѣшаетъ составить списокъ „вообще всѣхъ бѣдныхъ", асигнуетъ на нихъ 600 р., которые раздаетъ 11 мужчинамъ и 23 женщинамъ, и воображаетъ, что дѣлаетъ дѣло („Журн. данк. собр.", 1876, 69, 73; 1877, 75). Губернское земство даетъ на бѣдныхъ всей губерніи 2,400 р. („Сборникъ постановл.", I, 153). Земцы мечтали-было устроить это дѣло при помощи приходскихъ попечительствъ, но откуда-бы взяли деньги приходы при нынѣшнихъ условіяхъ крестьянскаго бюджета?

Пожары—обыкновенное явленіе и страшное бѣдствіе Россіи. Рязанская губернія не составляетъ исключенія въ этомъ отно-
„Дѣло", № 10, 1879 г.

пеніи. О надлежащей распланировкѣ деревень, объ улучшеніи построекъ, о заведеніи повсюду пожарныхъ инструментовъ нечего и думать, — иѣтъ средствъ. И вотъ издаются правила „о предосторожности отъ огня“, а сельскія общества, ради формы, конечно, составляютъ нелѣпые приговоры, „чтобы всѣ печи топились до восхожденія солнца“, „трубокъ въ опасныхъ мѣстахъ не курить и притомъ до 18-лѣтняго возраста куреніе трубки и прочее (sic!) воспретить совсѣмъ“ и т. д. Велѣно дѣлать пруды, но помощи отъ нихъ мало, а между тѣмъ они гниютъ и заражаютъ воздухъ; въ нѣкоторыхъ „вода кипитъ водяными насѣкомыми и въ санитарномъ отношеніи сущій ядъ“ („Ж. губ. с.“, 1874, 409; „Доклады о ревизіи“, II, 91, 223; III, 42). Населеніе губерніи, давая около 1,000,000 на земскія нужды, терпитъ еще на 1,000,000 убытковъ отъ огня. Число пожаровъ увеличивается: въ 1867 г. было 439; пожаровъ; въ 1868 г. 394; въ 1869 г. 753; въ 1870 г. 599; въ 1872 г. 798; въ 1873 г. 598. Земство ежегодно выдаетъ страховой преміи до 282,000 р. Черезъ два года послѣ введенія страхованія, запаснаго страхового капитала было 233,000 р. еще черезъ два года его оставалось только 12,000 р., въ 1872 г. земство принуждено было уже занять 150,000 р., а въ 1873 г. увеличить страховую премію на 50% („Обзоръ девятилѣт.“, 72; „Журн. губ. собр.“, 1872, 46, 104 и др).

Крестьянъ разоряютъ волки. По расчету гласнаго Оленина, каждый волкъ обходится населенію ежегодно въ 127 р., т. е. дороже многихъ изъ народныхъ учителей губерніи. Земство тратитъ ежегодно на истребленіе волковъ 1,700 р., а толку все нѣтъ („Журн. губ. собр.“, 1876, 158; „Сборн. постанов.“, II, 297; „Доклады“, III, 47).

Дороги въ губерніи отвратительныя; на проселочныхъ часто прерывается всякое сообщеніе или производится только на двухколесной телѣгѣ, называемой *бѣдою*. Кромѣ натуральной крестьянской работы по исправленію полотна, первые 9 лѣтъ земство издержало на дороги 761,000 р.; но во многихъ случаяхъ эти деньги пошли не на поправку, а только на порчу дорогъ, какъ, напр., въ пронскомъ уѣздѣ, гдѣ земцы такъ устроили мосты и дороги, что на нихъ не разъѣхаться двумъ встрѣчнымъ телѣгамъ. Или вотъ „впродолженіи 6 мѣсяцевъ по дорогѣ отъ Спасъ-Клепиковъ до Рязани положительно нѣтъ проѣзда; дорога эта разрушается, и громадная затрата денегъ на нее произведена не на исправленіе ея, а на совершенное разрушеніе“. Рязанская уѣздная управа сдаетъ безъ торговъ какому-то Дитрихсу исправленіе владимірскаго тракта; въ 1869 г. подрядчикъ получаетъ 862 р. и ничего не дѣлаетъ; на 1870 г. управа даетъ ему 2,462 р., но Дитрихсъ до-

роги опять не поправились; управа въ 1872 г. даетъ ему уже 4,700 р., а трактъ все-таки не улучшается; его только посыпали по мѣстамъ разноцвѣтнымъ песочкомъ. („Обзоръ“, 39—40; „Доклады“, I, 130; II, 103; „Журн. губ. собр.“, 1873, 158, 163, 299, 319; 1874, 227, 239). Какъ видно, и въ рязанскомъ земствѣ есть дѣльцы, знающіе толкъ въ дорожныхъ работахъ, особенно производимыхъ „хозяйственнымъ способомъ“ ...

Капиталы земства истощены, особенно послѣ расходовъ по поводу войны („Ж. экстр. г. собр.“, 1877, 2; 1878, 34); крестьяне не только не въ силахъ выдержать новаго налога, но не могутъ даже уплачивать бездоимочно стараго. Недавно судился одинъ рязанскій становой за истязаніе крестьянъ при взысканіи недоимокъ („Голось“, 1879, 45); но, несмотря даже на подобныя способы взысканія, недоимки не уплачиваются. Вотъ, напр., путятинская волость, сапожковскаго уѣзда: земскаго сбора съ нея слѣдуетъ 1,843 руб., а она уплачиваетъ только 6 р. 28 коп.; нѣкоторыя общества не платили ничего по пяти лѣтъ. Болшневская волость, ряз. уѣзда, изъ 1,800 р. уплачиваетъ только 500 р.; троицкая волость—изъ 2,300 только 400 р. и т. д. („Доклады“, II, 280; III, 59, 69 и друг.). При общей бѣдности, крестьянинъ лѣзетъ въ долги и платить до 100% въ годъ („Ж. губ. собр.“, 1874, 248). Земцы проектировали-было банкъ, но едва-ли онъ принесъ-бы болѣе пользы мужику, чѣмъ ссудо-сберегательныя товарищества, существующія только ради приращенія капиталовъ зажиточныхъ вкладчиковъ, у которыхъ не выходятъ изъ долговъ болѣе бѣдные крестьяне („Докл.“, III, 388, 450). Что-же дѣлать? Разсудительные земцы теряютъ всякую энергію, а консерваторы тянутъ пѣсню о лѣности и пьянствѣ мужика: „пьянствуютъ всѣ, даже женщины пьютъ, даже дѣти! Окончательное раззореніе, полнѣйшая деморализація!“ Одни предлагаютъ заводить вмѣсто кабаковъ чайныя; рязское собраніе рѣшаетъ внушать крестьянамъ „о пользѣ обществъ трезвости“, а гласный Рыковъ требуетъ „подчинить всѣхъ крестьянъ, подверженныхъ пьянству, опекунскому управленію“ („Журн. губ. собр.“, 1865, 89; 1873, 359; 1874, 398; „Сборн. постанов.“, I, 291).

Ничего не въ состояніи подѣлать порядочные земцы и съ разными безобразіями, совершающимися въ ихъ собственной средѣ. Вотъ, напр., гласный Горшковъ заявляетъ собранію, что, вопреки закону, онъ *высѣченъ* по опредѣленію волостного суда. Что-же тутъ дѣлать земству? Остается только сообщить объ этомъ губернатору („Сборн. постанов.“, I, 311). Въ уѣздныхъ собраніяхъ управы не допускаютъ ревизіонныя комисіи до ревизіи, и тутъ ничего не подѣлаешь („Ж. губ. собр.“, 1875, 311—316). Предсѣдатель рязскаго собранія, кн. Крапоткинъ, запрещаетъ собранію обсуждать

поднятый губернской управою вопросъ о переселеніяхъ крестьянъ, а предсѣдатель егорьевскаго собранія, Афанасьевъ, закрываетъ собраніе, когда дѣло коснулось повѣрки суммъ, и вырѣзываетъ изъ журналовъ особое мнѣніе нѣкоторыхъ гласныхъ объ этой ревизіи (ib., 1874, 341; 1875, 224). Или вотъ семь уѣздовъ на меблировку воинскихъ присутствій ничего не назначили, потому что для этихъ присутствій есть мѣсто въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ; спасское собраніе назначило на мебель 40 р., михайловское 250 р., рязанское и сапожковское по 300, а на квартиру (совершенно лишнюю) и освѣщеніе тѣхъ-же присутствій земства даютъ: зарайское—450, раненбургское—1,500, рязанское—30 р. и т. д. (Одна уже огромная разница между этими цифрами наводитъ на кое-какія соображенія относительно хозяйничанья уѣздныхъ управъ („Ж. г. собр.“, 1874, 12; „Сборн. постанов.“, II, 58—60). Это хозяйничанье то-и-дѣло сопровождается разными „исторіями“. Въ михайловской и зарайской управахъ не оказывается въ ящикѣ губернскихъ суммъ. Пронская управа удерживаетъ у себя и не высылаетъ губернской 17,000 р. не допускаетъ члена губ. управы до ревизіи кассы и до наложенія печати на ящикъ, который относится въ кладовую съ 7,000 р.—и остается тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ чего въ немъ оказывается 12,000, а потомъ, вмѣсто этихъ 12,000 р., только 10 коп.; на расходы 8,000 р. нѣтъ никакихъ оправдательныхъ документовъ и т. д. („Ж. губ. собр.“, 1872, 186, 278; 1873, 364—84, 407). Такіе-же „безпорядки“ относительно сундука и въ касимовской управѣ („Ж. г. собр.“, 1874, 24). Предсѣдатель егорьевскаго собранія, Афанасьевъ, онъ-же предсѣдатель и казначей управы, не дозволяетъ ревизионной комисіи даже однимъ глазомъ заглянуть въ сундукъ; ревизоры жалуются губернскому собранію, но оно оставляетъ эту жалобу безъ послѣдствій („Ж. г. собр.“, 1875, 32, 306). Между тѣмъ Афанасьевъ растратилъ 27,000 р., и егорьевское собраніе рѣшило не вмѣнять ему этого ни въ грѣхъ, ни въ преступленіе. Затѣмъ въ рязанской управѣ растрчено 11,000 р. („Новое Время“, 1878). Въ уѣздахъ вообще начала входить въ практику замѣна на время ревизіи губернскихъ суммъ уѣздными; губернское собраніе рѣшило поэтому ревизовать тѣ и другія, но и эта мѣра мало помогаетъ дѣлу. Вотъ, напр., приѣзжаетъ членъ губернской управы въ Раненбургъ ревизовать суммы. Предсѣдатель управы, онъ-же и казначей, г. Радинъ, сказывается больнымъ и проситъ отложить ревизію. Въ ящикѣ оказывается куда-то улетучившимися 11,800 руб. губернскаго сбора. При дознаніи предсѣдатель Радинъ заявилъ, что, „имѣя надобность въ деньгахъ, онъ имѣлъ неосторожность взять ихъ безъ вѣдома остальныхъ членовъ управы“. Онъ просилъ прощенія у собранія, но собраніе

не простило и передало дѣло въ сенатъ („Ж. экстр. губ. собр.“, 1878, 2—13).

Какіе-же плоды дѣятельности рязанскаго земства? Обсуждая эту дѣятельность за первое девятилѣтіе, кн. Волконскій говоритъ: „Съ экономической точки зрѣнія прожитое девятилѣтіе заслуживаетъ вниманія. Втеченіи этого времени мы израсходовали земскихъ денегъ:

губернскихъ	4,308,738 р.
уѣздныхъ	811,672 „
страховыхъ	2,660,066 „
общественнаго призрѣнія	471,417 „
Всего.	8,251,890 р.

Что-же сдѣлано на эти деньги?

„Для внутренняго сообщенія намъ достаются плохія дороги съ плохими на половину мостами и съ гатами, не всегда и не вездѣ проѣздными.

„Для обезпеченія продовольствія—истощенныя поля и пустыя запасныя магазины.

„Для охраненія здоровья—чистый воздухъ и то для большей части населенія внѣ дома, а для заболѣвающихъ 3 сельскихъ и 12 городскихъ больницъ, изъ которыхъ при трехъ по одному только врачу одновременно на больницу и на весь уѣздъ.

„Для призрѣнія неимущихъ—двѣ богадѣльни на 60 мужчинъ и 50 женщинъ на всю губернію.

„Для обезпеченія отъ пожаровъ—застроенныя проулки въ селеніяхъ и соломенные крыши на деревянныхъ постройкахъ, и для приведенія всего этого въ порядокъ—огромныя недоимки въ земскихъ сборахъ и менѣе 400 начальныхъ шволя на полутора-миліонное населеніе“ („Обзоръ девятилѣтія“, 77),

Заканчивая свой докладъ о ревизіи волостей, тотъ-же князь Волконскій говоритъ: „Что-же дѣлать? спросите вы.—Что дѣлать? Право, не знаю, гг. гласные! Надѣловъ увеличить вы не можете, податей убавить вы не можете, пріискать и создавать выгодныя заработки вамъ въ настоящее время тоже не по плечу. По-моему надо дѣлать то, что вы можете,—продолжать осмотръ волостей и по возможности знакомиться съ нуждами населенія“ („Доклады о ревиз.“, III, 456). Это знакомство съ нуждами и потребностями народа тѣмъ необходимѣе, что лучшіе изъ земцевъ часто не понимаютъ, что творятъ. Не зная дѣйствительнаго положенія народа, они, при всемъ добромъ желаніи оказать свои посильныя услуги обществу, попусту тратятъ свои силы и средства. А между тѣмъ кулаки и мироѣды, близко знакомые съ дѣломъ, пользуются

этимъ положеніемъ и высасываютъ послѣдніе жизненные соки изъ народа. Заодно съ ними дѣйствуетъ партія вновь возникающей буржуазіи изъ кабатчиковъ и разнаго рода хищниковъ, вытѣсняющихъ старыхъ консерваторовъ, тормозящихъ лучшія земскія предприятия отчасти изъ узкихъ эгоистическихъ цѣлей, а большею частію изъ какой-то платонической любви — противодѣйствовать всякому преуспѣванію и прогрессу.

Не будетъ-ли еще хуже, когда на смѣну ихъ придетъ это „либеральное“ кулачество, которое уже владычествуетъ, напр., въ пермскомъ земствѣ? Да, земскіе „консерваторы“ только и могутъ сдѣлать, что расчистить путь тѣмъ выходящимъ изъ народа либеральнымъ буржуа, которымъ уже заблаговременно читаютъ акафисты г. Мордовцевъ въ своемъ „Десятилѣтіи земства“ и другіе прихлебатели и панегиристы изъ старыхъ подъячихъ и молодыхъ шелкоперовъ. Изъ того круга, въ которомъ, какъ бѣлка въ колесѣ, вертится земство, другого выхода не предвидится...

С. Шапковъ.

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

III.

Въ наше время безпрестанно приходится читать и слышать, что беллетристическое произведение прежде всего должно быть правдивымъ отраженіемъ дѣйствительной жизни. Очень можетъ статься, что это требованіе и совершенно справедливо; но мнѣ кажется, что прежде чѣмъ предъявлять его, не мѣшало-бы выяснить хоть до нѣкоторой степени, въ чемъ именно заключается эта правдивость изображенія дѣйствительности... Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что правда сама по себѣ—прекрасная вещь, но когда согласишься на то, что сплошь и рядомъ дѣлается во имя ея, то, право, становится даже грустно за нее. Изобразить-ли писатель-художникъ улицу уѣзднаго города, на которой спятъ дворовыя собаки и прыгаютъ воробьи — какая это правда, реальная правда! Опишетъ-ли онъ, какъ въ тишинѣ сумерекъ спитъ и бредитъ человѣкъ, заснувшій въ креслѣ, а надъ его головою бьется о стекло и жужжитъ большая муха — опять-таки правда, поразительная правда! Передастъ-ли повѣствователь съ стенографическою точностью разговоръ двухъ мужиковъ, толкующихъ о томъ, какъ одинъ изъ нихъ завязъ со своимъ возомъ въ болотѣ, а другой вытащилъ его — и это будетъ тоже правда! Все правда, вездѣ правда; но такъ-какъ подобная правда мозолитъ глаза на каждомъ шагу, такъ сказать, валяется на улицахъ подъ ногами прохожихъ, то, наконецъ, она превращается просто въ пошлость. Молитва—весьма благое дѣло; но давно извѣстно, что если заставить молиться дурака, то онъ, чего добраго, разобьетъ себѣ лобъ...

Нѣсколько лѣтъ тому мнѣ пришлось остановиться въ великомъ изумленіи передъ чьей-то картиной, изображавшей Ивана

Грознаго въ бесѣдѣ, если память мнѣ не измѣняетъ, съ Малютой Скуратовымъ. Впрочемъ, я не знаю, бесѣдовалъ-ли въ самомъ дѣлѣ Грозный, или просто слушалъ предстоявшаго передъ нимъ, или, наконецъ, они оба молчали: меня поразили не эти люди, не ихъ лица и не что-либо въ нихъ, — я былъ приведенъ въ изумленіе бархатнымъ кафтаномъ, надѣтымъ на Скуратовѣ, и палкой, находившейся въ рукахъ царя. Боже, Боже, вотъ гдѣ была истинно поразительная и животрепещущая правда! И эта палка, и этотъ кафтанъ до такой степени какъ-бы выдвигались съ полотна картины, до такой степени смотрѣли живыми, реальными, выразительными, что въ-концѣ-концовъ начинало казаться, будто палка держитъ Ивана Грознаго, а Малюта Скуратовъ надѣтъ на кафтанъ въ видѣ необходимаго аксесуара.

Точно такого-же рода и та правда, которую усердно изображаютъ въ своихъ произведеніяхъ многіе изъ нашихъ писателей. Палки у нихъ выходятъ несравненно болѣе интересными, чѣмъ люди, и потому заслоняютъ ихъ; на мелочахъ эти писатели останавливаются съ особенной любовью и гораздо подробнѣе, чѣмъ на крупныхъ явленіяхъ, такъ-что мелочи начинаютъ, наконецъ, казаться чрезвычайно важными, а крупныя явленія представляются нестоящими вниманія. Если этимъ писателямъ придется изображать солнце, то все свое вниманіе они сосредоточатъ на его пятнахъ, такъ-что лучезарное свѣтило выйдетъ у нихъ совсѣмъ чернымъ. Если имъ случится изображать лучшаго изъ людей, то ничего нѣтъ мудренаго, что все свое вниманіе они сосредоточатъ на изображеніи его слабостей, странностей и недостатковъ, присущихъ каждому человѣку, и вслѣдствіе этого онъ выйдетъ у нихъ препорядочнымъ негодяемъ. А когда ихъ просятъ дать намъ „правду жизни“, правдивое изображеніе дѣйствительности, тогда они хватаютъ первую попавшуюся имъ на глаза уличную сцену и торжественно восклицаютъ: „вотъ правда!“ Нѣтъ, господа; эта капля, дѣйствительно, взята изъ моря, но она не море и не даетъ намъ ни малѣйшаго понятія о немъ... Страница, случайно вырванная изъ какой-нибудь большой книги, не даетъ намъ о ней никакого понятія или даетъ совершенно ложное. Точно также отрывочныя черты какого-бы то ни было явленія или даже все явленіе, случайно выхваченное изъ дѣйствительности, почти никогда не въ состояніи дать хоть сколько-нибудь вѣрнаго понятія о жизни.

Писатель можетъ, напримѣръ, взять для своего правдиваго произведенія какой-нибудь крошечный уголокъ дѣйствительности гдѣ людямъ не знакомы ни печаль, ни воздыханія, гдѣ веселье не прекращается ни на одну минуту, и, по всей вѣроятности, эта идиллія произведетъ на читателя самое отрадное впечатлѣніе. Но

вставьте этот уголок на свое мѣсто, въ ту широкую жизнь, изъ которой онъ выхваченъ, окружите его обыденною сѣрою дѣйствительностью, грязною и мрачною, тогда та-же самая идиллія явится передъ вами совѣмъ въ другомъ свѣтѣ и, можетъ статья, покажется просто возмутительною. Если писатель возьметъ почти совершенно отдѣльно отъ другихъ людей личность какого-нибудь героя-приобрѣтателя, собственными своими силами пробивающаго себѣ дорогу и изъ грязи поднявшагося на такую высоту, которая захватываетъ духъ, то ничего нѣтъ мудренаго, если эта личность покажется силою крупною, увлекательною и заслуживающею подражанія. Но перенесите эту силу обратно въ жизнь, изъ которой она вырвана, какъ листъ изъ большой книги, поставьте ее рядомъ съ другими силами, съ другими людьми, непрерывно борющимися съ нею, и часто даже не изъ-за своихъ личныхъ интересовъ, не изъ-за того, чтобы стать выше всѣхъ, — и тогда эта грубая сила не только не увлечетъ никого за собою, но вооружить противъ себя почти всѣхъ. Наши писатели съ такимъ усердіемъ изображаютъ въ своихъ произведеніяхъ любовь, любовь и любовь и такъ старательно анализируютъ ея мельчайшіе отгѣнки, что иныя юныя существа, еще незнакомыя съ жизнью, могутъ пресерьезно думать, что любовь — высшее благо въ мірѣ, что она правитъ судьбами народовъ, что она — возвышеннѣйшая мечта самыхъ возвышенныхъ душъ. Однакожь, оглянитесь, послѣ этихъ „правдивыхъ“ и тонко-изящныхъ произведеній, на суровую дѣйствительность, и вы увидите, что въ ней не все поютъ соловьи и цвѣтутъ розы и вовсе не такъ ужъ часто раздаются поцѣлуи и нѣжныя рѣчи.

Въ жизни очень много грязи, но есть и чистыя, свѣтлыя точки, Жизнь полна прозы, но въ ней много и поэзіи. Жизнь, безъ сомнѣнія, въ высшей степени реальна, но въ ней большую роль играетъ и то, что мы привыкли называть идеаломъ. Крупное и великое стоятъ въ ней рядомъ съ пустяками; смѣшное сливается съ наводящимъ ужасъ; подлѣ самаго глубокаго отчаянія таится вѣра въ лучшее будущее; изъ-за массы позора и паденія виднѣются свѣтлые поэтическіе образы; грубая сила встрѣчается лицомъ къ лицу съ высокою нравственною силою... Жизнь, если позволительно такъ выразиться, слишкомъ большая книга, чтобы съ нею можно было познакомиться по нѣсколькимъ, случайно вырваннымъ страницамъ. И если писатель, дѣйствительно, хочетъ посвятить свои силы правдивому изображенію жизни, то, какимъ-бы могучимъ талантомъ ни обладалъ онъ, ему приходится прежде всего прочитать эту книгу отъ первой ея страницы до послѣдней. Онъ долженъ изучить эту жизнь во всемъ сложномъ сочетаніи разнообразныхъ

силъ, ея направляющихъ, долженъ отдѣлить въ ней крупное отъ мелкаго, существенное отъ несущественнаго, и только тогда въ его произведеніяхъ можетъ отразиться истинная правда жизни. По всей вѣроятности, она будетъ имѣть очень мало общаго съ дешевой фотографическою правдою, потому что изъ этого изображенія жизни, быть можетъ, придется выбросить цѣлую массу тѣхъ мелкихъ подробностей и случайностей, которыя намъ бьютъ въ глаза единственно потому только, что онѣ ужь слишкомъ повседневы; придется выдвинуть на первый планъ тѣ силы, которыя обыкновенно не замѣтны для глазъ толпы; придется, напротивъ, удалить на задній планъ, затушевать и уменьшить многія изъ явленій, кажущихся толпѣ первостепенными по своей важности; но все-таки эта правда будетъ настоящею правдою. Конечно, для пониманія и изображенія ея нужно быть уже не фотографомъ, а художникомъ-мыслителемъ; но что-же дѣлать, если фотографія, — очень пригодная для домашняго обихода, для воспроизведенія утвари, фізіономій, костюмовъ, достопримѣчательныхъ зданій и мелкихъ уличныхъ сценъ, — совсѣмъ не годится для изображенія такой большой картины, какъ картина общественной жизни!

Въ январьской книжкѣ „Русской Рѣчи“ помѣщена повѣсть г. Б. Р. В.—и,—„Галатовъ“, —очень и очень много погрѣшающая не только противъ фотографической, но и противъ такъ-называемой художественной правды, такъ-какъ г. Б. Р. В.—и далеко не художникъ. Онъ изображаетъ, на примѣръ, „кварталь отверженныхъ“, но его изображеніе настолько блѣдно, что о ви́шнемъ видѣ этого квартала читатель можетъ составить только самое смутное понятіе. Въ повѣсти есть мечтатели, есть погибающіе люди, есть злодѣи, есть заурядные люди; но всѣ эти лица представляются воображенію читателя какими-то блѣдными тѣнями, слишкомъ большими по сравненію съ обыкновеннымъ человѣческимъ ростомъ. Эти лица дѣйствуютъ, но дѣйствуютъ они не столько въ силу извѣстнаго давленія ви́шнихъ обстоятельствъ или въ силу своихъ внутреннихъ побужденій, сколько по благоусмотрѣнію автора. Эти люди говорятъ между собою, но читатель не слышитъ ихъ рѣчи, потому что въ сущности за нихъ говоритъ авторъ и пересказываетъ ихъ слова своими собственными словами... Говоря короче, авторъ совсѣмъ не белетристъ; его повѣсть полна какъ-бы пробѣловъ и пропусковъ въ изображеніи выводимыхъ имъ дѣйствующихъ лицъ; читателю приходится на каждомъ шагѣ дорисовывать своимъ воображеніемъ то, что недосказано авторомъ, и, однакожь, несмотря на всѣ эти крупные недостатки, она производитъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ очень многія произведенія,

полныя самой „реальной“, самой несомнѣнной фотографической правды.

Дѣло въ томъ, что въ произведеніи г. Б. Р. В.—и чувствуется нѣкоторый, хотя и весьма слабый, намекъ на ту, другую, высокую правду, которую я противопоставлялъ правдѣ фотографической. Наши писатели, если они чувствуютъ себя сильными на такъ-называемой ими „реальной“ почвѣ, съ великою любовью занимаются воспроизведеніемъ первыхъ, попавшихся имъ на глаза, уличныхъ сценокъ и тщательно вырисовываютъ поучительныя картины въ такомъ родѣ, напримѣръ, что „протекаетъ рѣчка, черезъ рѣчку—мостъ, на мосту—овечка, у овечки—хвостъ“. Если-же они сознаютъ въ себѣ силы не простыхъ копистовъ и фотографовъ, а силы творческія, тогда... тогда отъ юности своя и до могилы они тинуть все одну и ту-же пѣсню, разнообразя ее только небольшими варіаціями, пѣсню о томъ, что „она его не любила, а онъ ее страстно любилъ“, о томъ, что Иванъ до безумія обожалъ Марью, а Марья отдала свое сердце Петру и т. д., и т. д. За неимѣніемъ ничего лучшаго, мы, разумѣется, прочитываемъ эти произведенія, иногда даже хвалимъ ихъ; но порою передъ нами возстаютъ тревожныя и глубокіе жизненные вопросы, и тогда намъ невольно думается, что литература должна быть тѣмъ огненнымъ путеводнымъ столпомъ, который освѣщаетъ дорогу обществу, бредущему во мракѣ, тогда намъ становится невыносимо тошно и скучно при чтеніи произведеній нашихъ современныхъ писателей. „Боже мой, да что намъ за дѣло, господа, до того разговора, который происходилъ гдѣ-то подъ воротами между Дарьей и Марьей?, говоримъ мы тогда почти со скрежетомъ зубовъ.—Какое намъ дѣло до излюбленнаго вами овечьяго хвоста? Оставить-ли насъ хоть на время въ покоѣ этотъ вѣчный Иванъ съ своею неизмѣнною любовью къ жестокосердой Марьѣ? Мы знаемъ, твердо знаемъ, что его любовь—„старая исторія, остающаяся всегда новою“; но намъ хорошо извѣстно также и то, что въ божьемъ мірѣ есть бездна другихъ исторій и вопросовъ, неизмѣримо болѣе интересныхъ и поучительныхъ. Освѣтите-же намъ ту темную житейскую дорогу, по которой мы бредемъ, какъ заблудившіеся путники въ осеннюю ночь; поднимите насъ хоть немного надъ нашими жизненными интересами и покажите намъ не уличную сценку, а жизнь, не закоулокъ, а широкий міръ божій“!

Лучъ этого желаннаго свѣта, — хотя и блѣдный, какъ я уже говорилъ, — мерцаетъ въ повѣсти г. Б. Р. В.—и, представляющей собою въ сущности исторію современной борьбы между грубо-эгоистическими, противообщественными инстинктами, съ одной стороны, и между лучшими и гуманнѣйшими идеями нашего времени—

съ другой. На одной сторонѣ видѣется, какъ сквозь туманъ, ка намѣченная авторомъ большая группа людей наживы, алчныхъ, враждующихъ другъ съ другомъ, подкапывающихся другъ подъ друга, смотрящихъ на мѣръ божій съ точки зрѣнія той карлейлевской свиньи, для которой вся вселенная представляется громадныхъ размѣровъ корытомъ, наполненнымъ соблазнительными помоями; на другой—стоятъ люди идеи, „восторженные души, полныя самоотверженія“, безъ которыхъ общество не можетъ обойтись, потому что безъ нихъ, говоря словами автора, „оно завязло-бы въ своемъ эгоизмѣ, все глубже забираясь въ тину мелочныхъ дрызгъ, все сильнѣе проповѣдуя циническую безцеремонность для оправданія прошлыхъ своихъ пакостей, воспоминаніями о которыхъ люди перекидываются, какъ комками грязи; оно-бы опустилсь въ болото до исчезновенія послѣдней надежды на возрожденіе“. Повидимому, побѣда рѣшительно на сторонѣ первыхъ. Но г. Б. Р. В.—и ставитъ на видъ своимъ читателямъ, что эта борьба далеко еще не кончена, что послѣднее слово вовсе еще не сказано и что идея братства людей,—какою-бы загнанною ни казалась она въ настоящее время,—на самомъ дѣлѣ представляетъ собою великую, творческую силу. Одинъ изъ носителей этой идеи—именно Галатовъ, и когда, наконецъ, Галатовъ умираетъ, одинъ изъ его друзей совершенно справедливо говоритъ ему:

—„Не печалься, Галатовъ, веселись: многіе тебя помнятъ будутъ! Въ нашей сторонѣ говорятъ: одинъ человѣкъ картофель занесъ, а сколько картофеля стало; одинъ человѣкъ замокъ занесъ, а сколько замковъ стало! Такъ и ты: одинъ человѣкъ сюда пришелъ, а столько твоего дѣла будетъ, что не обхватить. Умирай, не печалься; безъ голоса будешь, а голосъ твой все здѣсь будетъ, свидѣтели останутся, будешь жить промежъ насъ и конца тебѣ не будетъ, какъ картофелю и замку!“

Галатовъ—мечтатель. Галатовъ, какъ я уже говорилъ, кажется слишкомъ большимъ, сравнительно съ обыкновеннымъ человѣческимъ ростомъ. Въ своей галлюцинаціи,—когда, вмѣсто огромнаго костра, деревьевъ и скаль, передъ которыми онъ находится въ дѣйствительности, ему видится обширная зала, ярко освѣщенная и полная народомъ,—онъ произноситъ слѣдующую рѣчь:

„Прекрасна жизнь, если въ ней господствуетъ любовь! Мы сошли здѣсь не для того, чтобы торжественно провозглашать эту истину, а для того, чтобы сознать, что она осуществилась, и найти пути, на которыхъ это осуществившееся можно было-бы сохранить въ самой чистой и возвышенной формѣ. Да! То, что казалось невозможнымъ, сдѣлалось возможно, и что казалось невысшимымъ, сдѣлалось дѣйствительнымъ. Теперь уже пѣтъ болѣе на-

добности строить теоріи, теперь мы знаемъ на дѣлѣ и на практикѣ, какъ создается та атмосфера взаимности, которая насъ окружаетъ. Было время, когда громить, изображать въ мрачномъ и черномъ свѣтѣ не только группы, но цѣлыя массы людей,—значиво оказывать величайшую услугу своимъ единомышленникамъ; человѣкъ былъ тѣмъ болѣе героемъ въ глазахъ своихъ, чѣмъ искуснѣе онъ закидывалъ грязью своихъ противниковъ, чѣмъ болѣе онъ возбуждалъ противъ нихъ ожесточенія, презрѣнія и ненависти, чѣмъ съ большею хитростью онъ придумывалъ тѣ черныя и грубо-эгоистическія мѣры, которыми его единомышленники топтали противостоящихъ имъ и въ особенности безсильныхъ. Смотрите, какъ все это измѣнилось кругомъ насъ: не съ ненавистью, а съ любовью подходимъ мы къ разномыслящимъ; о ихъ порокахъ, о томъ, что для насъ въ нихъ всего отяготительнѣе, мы умалчиваемъ, а изображаемъ и восхваляемъ ихъ добродѣтели; добродѣтели эти растутъ, а пороки исчезаютъ незамѣтно, и мы все ближе другъ другу, и мы все болѣе дѣлаемся братьями. Пусть въ нашихъ собраніяхъ, пусть въ этихъ стѣнахъ никогда ничего не раздастся, кромѣ словъ любви! И въ нашихъ рѣчахъ, и въ нашихъ словахъ, и въ нашихъ дѣйствіяхъ да будетъ любовь, одна любовь и еще любовь! Могучія рѣчи любви, произнесенныя величайшими умами страны, пусть разносятся всюду, живымъ своимъ краснорѣчіемъ вдохновляютъ людей и научаютъ ихъ любить другъ друга! Слишкомъ долго великіе люди употребляли всѣ свои усилія, чтобы повсемѣстно сѣять ненависть, слишкомъ долго они употребляли все могущество своего вліянія, чтобы ожесточить до крайнихъ предѣловъ озлобленія менѣе дальновидныхъ и проницательныхъ, чѣмъ они сами, — и когда миліоны сердець охватывались ненасытною жадной мести и крови, тогда они дѣлали изъ этого ступени для своего возвышенія. Пусть никогда не возвратится то время, когда человечество воспитывалось такимъ образомъ! Пусть великая проницательность, великій умъ, великое краснорѣчіе будутъ истинно великими, а не подземною адскою силою; пусть сѣмена ихъ будутъ сѣмена любви; пусть люди учатся у нихъ любить, а не ненавидѣть; пусть воспитаніе ихъ будетъ воспитаніемъ любви, а не ненависти! Пусть люди, прислушиваясь къ ихъ голосамъ, научаются этой великой премудрости—любви, этому плодоснѣйшему источнику счастья; пусть они научатся единодушно отзываться на страданія и потребности своихъ братьевъ и неизмѣнно составлять въ ихъ пользу тотъ могучій потокъ симпатіи, которому противиться не въ состояніи ничто и который все увлекаетъ своей неодолимой силой; пусть никогда не возвращается къ намъ это общественное равнодушіе къ своему брату, это обще-

ственное филистерство, при которомъ люди, для того, чтобы жить и отстаивать себя, должны грызться, какъ лѣсные звѣри! Будемъ же поддерживать другъ друга въ выполненіи великой, трудной нашей задачи и не будемъ жалѣть усилій для изобрѣтенія путей къ этому выполненію! Еслибы понадобилось для этого изобрѣтенія такое великое напряженіе и для его осуществленія такое самоотверженіе, которое-бы уничтожило нашъ организмъ и разрушило наше существованіе, — мы все-таки должны ихъ сдѣлать. Лучше погибнуть, чѣмъ отступать передъ нашей задачей, — вотъ наша святая обязанность! „Побѣда или смерть!“ кричали люди крови, а мы будемъ кричать: любовь или собственная смерть, собственная смерть или любовь!“ (Стр. 79, 80.)

Мысли слишкомъ неожиданныя для нашего времени, несмотря на то, что они провозглашались уже тысячи лѣтъ назадъ... Многие не вполне согласятся съ ними; для многихъ вся личность Галатова представится лишеною плоти и крови. Справедливы или нѣтъ мысли Галатова, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что онѣ не взяты на прокатъ у перваго прохожаго, а пережиты, выстраданы, вынесены изъ цѣлой бездны сомнѣній и поэтому полны обаятельной силы.

Къ сожалѣнію, ничего подобнаго я не могу сказать о прочихъ беллетристическихъ произведеніяхъ „Русской Рѣчи“, несмотря на то, что въ ней довольно ихъ, и большихъ, и маленькихъ. Есть, напримѣръ, „Ненастье“, романъ г. А. Б. Сначала авторъ этого произведенія нѣсколько заинтересовываетъ читателей личностью своей героини, Дины, очень еще молоденькой дѣвушки, которая съ нѣкоторымъ смущеніемъ смотритъ на массу открывающихся передъ нею „несовершенствъ“ нашей жизни и растерянно спрашиваетъ себя: „что-же дѣлать, что слѣдуетъ дѣлать?“

„Что дѣлать, чтобы помочь этому бѣдствію, этому страданію, которое разлито вокругъ нея, которое давитъ, тѣснитъ ее, не даетъ ей жить такъ-же спокойно, какъ живутъ другіе, поставленные въ то-же обезпеченное положеніе, какъ и она? „Никто не имѣетъ права на излишнее, когда большинство не имѣетъ необходимаго“, вспоминалось ей, и ей сдѣлалось еще тоскливѣе. Здѣсь, рядомъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ ея дома, живутъ люди въ грязныхъ и нездоровыхъ жилищахъ, не имѣя не только сытной пищи, но даже часто куска чернаго хлѣба. Анна Михайловна не будетъ выдумывать. А она не только сыта и живетъ въ тепломъ чистомъ домѣ, она даже окружена изяществомъ и комфортомъ. „Но вѣдь это преступленіе“, думала бѣдная дѣвушка. Завести пріюты, больницы? Но на это нужны большія деньги, а она знаетъ, какъ ограничены средства ея отца; она знаетъ, что для

того, чтобы доставить ей этот комфорт, который окружает ее, онъ, кромѣ службы, постоянно трудится, дѣлаетъ планы, чертежи, рисуетъ для разныхъ журналовъ. Все, что она имѣетъ, все куплено на его трудовыя деньги. Имѣеть-ли она право сказать ему: „отецъ, трудись для этихъ несчастныхъ, а не для семьи твоей; прочь всѣ эти картины, бронза, рояль, органъ, книги, журналы, вкусный столъ, предупредительная прислуга; будемъ дѣлать все сами, будемъ жить безъ всего, что стало для тебя насущною потребностью, безъ всего, что украшаетъ жизнь, что даетъ ей смыслъ и прелесть (!?!), что особенно для тебя, разбитаго потерю дорогого существа, даетъ хоть рѣдкія минуты забвенія!“ (!?!)

Отказаться отъ музыки, отъ чтенія! Но вѣдь это все равно, что умереть нравственно. Музыка... въ которой воскресаетъ для него его потерянный рай!.. Нѣтъ, это невозможно... И ему-же, усталому отъ жизни, опять начать жизнь лишней и трудиться во имя какого-то принципа, не имѣя въ награду за этотъ трудъ даже матеріальнаго довольства! Что-же дѣлать? Ея личная помощь, ея личныя сбереженія такъ ничтожны. Вотъ она учитъ, и лечитъ, и подаетъ милостыню, но какой-же результатъ изъ этого всего? Никакого! Люди продолжаютъ жить въ тѣхъ-же курныхъ избахъ, дѣти ихъ умираютъ сотнями безъ надзора и воспитанія и страшная болѣзнь свирѣпствуетъ по-прежнему. Основать благотворительное общество? Но даже усилія Анны Михайловны, готовой на всѣ жертвы, не привели ни къ чему, — это говорилъ самъ ея отецъ. Она отдала все свое состояніе на устройство общины сестеръ милосердія, но не могла создать благотворительнаго общества. Всѣ, или почти всѣ, согласились дать деньги; но никто не захотѣлъ трудиться лично, никто не хотѣлъ взять на себя инициативы ни въ чемъ. Тетя Аня, ужъ что можетъ быть ея добрѣе? думала Дина,—однако, и она не принимаетъ участія въ богоугодныхъ дѣлахъ Анны Михайловны, и старанія послѣдней сдѣлать изъ нея себѣ помощницу остаются совершенно напрасными. Къ тому-же она видѣла эти благотворительныя общества въ Петербургѣ; она бывала нѣмною зрительницею на собраніяхъ разныхъ обществъ и комитетовъ, и, несмотря на свою молодость, она уже тогда хорошо понимала, что почти всѣ эти нарядныя барыни-патронесы въ сущности только толкутъ воду.

— „Въ Англіи, думала Дина, — частная благотворительность доведена почти до баснословныхъ размѣровъ; роог-тахе растутъ тамъ не по днямъ, а по часамъ; тамъ это не дѣло моды, а долгъ, обязанность, отъ которой не свободенъ никто. Но вѣдь у насъ не Англія, у насъ нѣтъ пролетаріата. Богъ спасаетъ еще отъ этого бѣдствія; у насъ каждый крестьянинъ—собственникъ... Отчего-же

онъ такъ-же бѣденъ, какъ англійскій батракъ, и даже бѣднѣе? Тотъ ѣстъ говядину по воскресеньямъ, нашъ—много что два раза въ годъ. Говорятъ: мужикъ бѣденъ, потому что пьетъ; но это вздоръ. Господи! Что-же дѣлать? Какъ помочь?" (Стр. 136—138, январь).

Читатель хотя и смущается до нѣкоторой степени убѣжденіемъ Дины, что картина, бронза, роуль, вкусный столъ и предупредительная прислуга составляютъ смыслъ и прелесть жизни, однако, по своей благосклонности надѣется, что современемъ весь этотъ скверно-пахнуцій дымъ пройдетъ и въ сердцѣ дѣвушки останется одинъ только чистый огонь любви къ человѣчеству. Онъ надѣется, что въ лицѣ этой Дины имѣеть удовольствіе видѣть передъ собою одно изъ тѣхъ чуткихъ и человѣчныхъ существъ, которыя отзываются сердцемъ своимъ на все, „что просить у сердца отвѣта“. Съ нѣкоторымъ даже замираніемъ сердечнымъ отъ опасенія за судьбу этого юнаго существа, читатель ожидаетъ: какъ-то разрѣшить она себѣ эти проклятые вопросы, какой-то тернистой дорогой пойдетъ она въ этомъ дремучемъ лѣсу, называемомъ общественною жизнью,—темномъ лѣсу, гдѣ гибель таится, неотразимо-грозная“?. Къ счастью, однакожъ, эти ожиданія читателя не особенно продолжительны, такъ-какъ возникаютъ они всего только въ концѣ первой части, а въ серединѣ второй обнаруживается, что эта многообщающая Дина есть на самомъ дѣлѣ самая обыкновенная Марья, ожидающая только своего Ивана. Иванъ приходитъ, — большой, „какъ стѣна“, съ большою темно-русою бородою, увѣряющій, что „съ самыхъ раннихъ лѣтъ“ онъ мечталъ о дѣятельности „защитника слабыхъ и угнетенныхъ, проповѣдника истины и мученика за правду“, но, какъ выясняется на страницѣ сорокъ первой въ третьей части, способный на нѣкоторую дѣятельность только тогда, когда подлѣ него есть возлюбленная Марья. Марья влюбляется въ Ивана, а Иванъ, со своей стороны, чувствуетъ, что для того, чтобы узнать, что такое называется счастьемъ въ жизни, ему необходимо обладать Марьею; но, увы, это оказывается не особенно удобнымъ, потому что онъ уже „имѣеть одну жену“, какъ выражаются нѣкоторые самоучители нѣмецкаго языка. Въ отчаяніи Иванъ предлагаетъ Марьѣ удалиться въ Америку. „Мы. — говоритъ онъ, — молоды и сильны; мы можемъ и умѣемъ работать; я знаю,—васъ не испугаетъ трудовая жизнь; вы такъ-же, какъ я, ненавидите богатство, эту причину нищеты, это богатство, которое я всегда считалъ за проклятіе, тяготѣвшее надо мною съ рожденія. Тамъ, вдали отъ этого стараго міра, погрязшаго въ гнусномъ эгоизмѣ, въ насиліи, въ дикихъ сословныхъ предразсудкахъ и недѣльныхъ обязательствахъ, свободные и счастливые, мы начнемъ новую,

честную жизнь, без гнетущей мысли, что мы живем чужим трудомъ, ѣдимъ чужой хлѣбъ. Дина, рѣшайтесь! Въ вашихъ рукахъ мое счастье и моя жизнь“ (Стр. 58, апрѣль).

Но Марья не рѣшается переселиться въ Америку, потому что не желаетъ огорчать своего отца, очень гуманнаго человѣка съ большою черною бородою и великаго любителя цвѣтовъ, музыки, античныхъ чашекъ и вазъ. Тогда Иванъ, очень хорошо понимая, что ему больше нечего дѣлать на бѣломъ свѣтѣ, заводитъ ссору, выходитъ на дуэль и падаетъ, смертельно раненный пулею въ животъ; послѣ чего Марья нѣкоторое время нездоровится, а одна умная женщина приходитъ къ вѣрному, по словамъ автора, заключенію, будто „онъ убилъ себя только потому, что онъ былъ не такой, какъ они всѣ, потому что любилъ слишкомъ много и въ этомъ мірѣ лжи и эгоизма искалъ правды, только правды“.

„Будто только одной правды? спрашиваетъ нѣсколько озадаченный и недоумѣвающий читатель.—Что-то не похоже на то, чтобы онъ искалъ только правды“...

Но да не подумаютъ тѣ, кто не читалъ „Ненастье“, будто я хочу сказать, что въ немъ нѣтъ рѣшительно ничего, кромѣ описанія страданій бѣднаго Ивана и Марьи, или что произведение г. А. Б. представляетъ собою нѣчто изъ рукъ вонъ плохое. Во-все нѣтъ. Написано „Ненастье“ гладко, читается довольно легко, вводныхъ лицъ въ немъ бездна: есть, на примѣръ, нѣкто Антонскій, „завистливый, желчный и жадный господинъ“; есть Анна Михайловна, посвящающая свои досуги филантропіи и молитвѣ; есть кулаки, князья и княжны, доктора, мужики, земскіе дѣятели; описываются репетиціи любительскихъ спектаклей, рождественскія елки, земскія собранія, даже крестьянскія вечеринки, оканчивающіяся, по словамъ г. А. Б., тѣмъ, что, напившись, наплясавшись и навизжавшись вдоволь, пейзаю тупатъ огонь, и тогда поднимается „не то что крикъ и хохотъ, а какой-то вой и ревъ голодныхъ звѣрей“... Очень можетъ быть, что многія изъ этихъ лицъ и сценъ списаны авторомъ прямо съ натуры, взяты изъ живой дѣйствительности и, слѣдовательно, представляютъ собою самую современную, самую модную „правду“; но въ общемъ цѣломъ, взятыя всѣ вмѣстѣ, эти сцены такъ-же далеки отъ правды, какъ земля далека отъ неба. Г. А. Б. бралъ первыя попавшіяся ему подъ руку, лица и, сшивая ихъ на живую нитку одно съ другимъ, воображалъ, что дѣлаетъ именно то, что слѣдуетъ дѣлать романисту-бытописателю нашей жизни. Онъ влагалъ въ уста своихъ героевъ и героинь тѣ или другія слова, но совершенно забывалъ

о томъ, что людскіе характеры высказываются не столько въ рѣчахъ, сколько въ дѣйствіяхъ этихъ людей. Онъ заставилъ, напримеръ, свою Дину печалиться на словахъ о неприглядномъ существованіи окружающихъ ее людей, но забылъ о пустякахъ,—забылъ вложить эту печаль въ ея душу, въ ея жизнь, во всѣ ея дѣйствія, какъ неизбѣжную составную часть всего ея существа, и поэтому Дина оказалась подъ его перомъ простой Марьей, обыкновенной вороной, нарядившейся въ орлиныя перья. Онъ заставилъ своего героя съ пафосомъ говорить о своемъ призваніи къ дѣятельности „защитника слабыхъ и угнетенныхъ, проповѣдника истины и мученика за правду“, но опять-таки забылъ вложить эту любовь къ людямъ и къ справедливости въ его плоть и кровь, въ его мечтанія и дѣйствія, и поэтому слова остались словами, „защитникъ и мученикъ“ является простымъ Иваномъ, который ищетъ не правду, а Марью, думаетъ не о борьбѣ, а о „ней“, стремится не на защиту угнетенныхъ, а въ Америку, подальше отъ нихъ... Рѣчи о „несчастныхъ“, о „страданіи, которое разлито вокругъ“, рѣчи о „кострѣ Гуса“ и о готовности идти на муки и смерть за свои убѣжденія — все это слова и слова, брошенные мимоходомъ, а дѣломъ, стоящимъ на первомъ планѣ и сосредоточивающимъ на себѣ все вниманіе автора, является опять „старая исторія, всегда остающаяся новою“,—исторія любви Ивана и Марьи, все собою наполняющая, всѣмъ двигающая, привлекающая къ себѣ всѣ взоры...

Есть въ „Русской Рѣчи“ романъ г-жи Семеновой „Къ росту“. Причину появленія на свѣтъ божій этого произведенія я не могу объяснить себѣ ничѣмъ инымъ, какъ просто тѣмъ, что въ одинъ прекрасный день г-жѣ Семеновой пришла случайная мысль: „дай, возьму, попробую и опишу рѣшительно все, что я видѣла, слышала, испытала и вообще знаю. Что изъ этого выйдетъ?“ И, дѣйствительно, описала, если не все, такъ-какъ для этого, во-первыхъ, понадобилось-бы слишкомъ много времени, чернилъ и бумаги, а во-вторыхъ, и невозможно запомнить все до послѣднихъ мелочей, то во всякомъ случаѣ то, что сохранилось у нея въ памяти. Описала, какъ одна дѣвочка Ляля жила со своими родителями и какіе у нихъ были знакомые, какъ она стала ходить въ гимназію и какія у нея были товарки, какъ она поѣхала въ деревню къ бабушкѣ и что тамъ видѣла, какъ потомъ захворала и что въ это время чувствовала, какъ ее свезли въ сумасшедшій домъ и съ кѣмъ она познакомилась въ теченіи своего продолжительнаго пребыванія въ немъ, какъ затѣмъ проводила время въ Павловскѣ и послѣ этого опять отправилась къ бабушкѣ,

какъ въ деревнѣ влюбилась въ женатаго доктора и поспѣшила уѣхать отъ него къ теткѣ. Этимъ финаломъ оканчивается этотъ замѣчательный романъ, и о томъ, какъ Ляля проводила свое время у тетки, у дяди, у кузины, въ Царскомъ Селѣ, въ Москвѣ и на всѣхъ промежуточныхъ станціяхъ между Петербургомъ и Москвою—мы узнаемъ, по всей вѣроятности, въ слѣдующемъ произведеніи г-жи Семеновоѣ...

Нужно отдать справедливость автору, всѣ эти „мелочи жизни“ Ляли описаны правдиво, просто, мѣстами съ проблесками таланта; но когда дочитаешь этотъ „романъ“ до его послѣдней строчки, когда убѣдишься, что онъ, дѣйствительно, оконченъ и больше ничего не будетъ, тогда, право, не знаешь, что дѣлать,—сердиться или смѣяться... Сердиться? Но авторъ, безхитростно сдѣлавшій свое дѣло, то-есть выложившій передъ читателемъ, не мудрствуя лукаво, весь свой запасъ наблюденій, воспоминаній и опыта, смотритъ такъ наивно-чистосердечно, что сердиться на него нѣтъ никакой возможности. Смѣяться?.. Но когда подумаешь, что, чего добраго, пожалуй и другіе начинающіе белетристы, ободренные примѣромъ г-жи Семеновоѣ и съ ея легкой руки, начнутъ рассказывать намъ все то, что они видѣли, слышали и знаютъ, тогда дѣло представляется вовсе не смѣшнымъ... Нѣтъ болѣе никакой надобности всматриваться въ общественную жизнь и изучать наиболѣе яркія и знаменательныя изъ ея явленій! Не нужно больше ломать голову и мучиться сердечно надъ разрѣшеніемъ представляемыхъ ею проклятыхъ задачъ и вопросовъ! Не нужно знаній, не нужно мысли, не нужно рѣшительно ничего! Нужно только обладать нѣкоторымъ запасомъ храбрости, чтобы явиться передъ обществомъ и развязно начать рассказывать ему, гдѣ расказчикъ былъ, кого встрѣтилъ, что кушалъ, какой видѣлъ сонъ, сколько истратилъ денегъ, въ какомъ положеніи чувствуетъ себя послѣ обѣда, о чемъ говорилъ съ женой, съ братомъ, съ кумомъ, съ тестемъ, съ кухаркой, съ дворникомъ и проч., и проч. Тогда всѣ сдѣлаются романистами. Тогда мы будемъ плавать въ цѣломъ морѣ „человѣческихъ документовъ“, какъ выражается Золя, въ цѣломъ океанѣ самой реальной правды; но, о, безсмертные боги, если правдою въ литературѣ называются, дѣйствитъ льно, эти... вещи, то умилосердитесь, помилуйте, сохраните и защитите насъ отъ этой правды!

Есть въ „Русской Рѣчи“ двѣ историческія драмы г. Вроцкаго, обѣ въ стихахъ, обѣ въ пяти дѣйствіяхъ и обѣ одинаково наводящія читателя на мысль, что авторъ ихъ долженъ быть еще очень молодымъ человѣкомъ, лѣтъ, приблизительно, двѣнадцати—

тринадцати. Именно въ этомъ блаженномъ возрастѣ молодые люди, питающіе въ себѣ склонность къ литературнымъ занятіямъ, чувствуютъ непреодолимое влеченіе писать непремѣнно стихами; и чего-бы это имъ ни стоило, какъ-бы тяжело ни доставалась имъ эта форма, какія-бы неуклюжія вирши ни выходили изъ-подъ ихъ пера, они съ упорствомъ, достойнымъ лучшей участи, продолжаютъ „служить музамъ“ и строчка за строчкой вымучивать изъ себя разный стихотворный сумбуръ, вродѣ слѣдующаго:

„*Бояринь.*“

Великъ избранникъ Бога

И настоятель Даниилъ; его
 Меня Господь не удостоилъ видѣть;
 Зато Андрей и мудростью, и словомъ
 Меня утѣшилъ. Здѣсь, въ покоѣ этомъ,
 Я съ нимъ бесѣду вель и долго
 Онъ поучалъ меня. Хоть младъ лѣтами,
 Но разумомъ обилень, и за вѣру
 Стоить вѣло“. (Стр. 43, февраль.)

Или-же въ такомъ родѣ:

„*Васіань.*“

Страшенъ тѣмъ лишь огонь вещественный,
 Кто огня любви божественной
 Не обрящетъ въ сердцѣ суетномъ,
 Падкомъ до грѣха!
 Лучше есть огнежь скончатися,
 Въ вѣрѣ древлей удержатися,
 Чѣмъ анафемѣ предатися,
 Душу погубя!

Питиримъ.

Какъ чада Азіярины въ печи,
 Все Бога славившія, или святая мать
 Соломонія той седмицы братьевъ
 И мучениковъ Макавей,—они,
 Пріявши смерть, очистились отъ скверны
 И тлѣна міра. Благо имъ, бо нынѣ
 Погибла правда на Руси! (Стр. 44. февраль.)

Именно только въ этомъ блаженномъ возрастѣ люди, подверженныя страсти къ рифмованной прозѣ, въ простотѣ своей душевной воображаютъ, подобно г. Вроцкому, что,—для того, чтобы наисильнѣе потрясти сердца своихъ согражданъ и въ наискорѣйшемъ времени войти съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ въ храмъ славы, — слѣдуетъ говорить не о насущныхъ интересахъ обыкновен-

ныхъ людей, а непремѣнно о мечахъ, ножахъ, поединкахъ, похищеніяхъ, сверженіи языческихъ идоловъ, о томъ, какъ отецъ убиваетъ свою дочь, о томъ, какъ цѣлая толпа людей, распѣвающая гимны, сожигаетъ себя въ наглухо заколоченной избѣ и „раздается грохотъ проваливающагося потолка, дѣтскій крикъ, и пѣніе умолкаетъ“. И, наконецъ, именно только въ этомъ невинномъ возрастѣ юные писатели, еще совершенно незнакомые съ окружающею ихъ жизнью, чуждые ей, равнодушные къ ея вопросамъ, стремятся уйти въ своихъ произведеніяхъ куда-нибудь въ глубь вѣковъ, во времена Семирамиды, Атилы, крещенія Руси, татарскаго ига или „Крещенія Литвы“. Конечно, да будетъ стыдно тѣмъ, кто вздумаетъ смѣяться надъ этими дѣтскими пробами пера, потому что пройдутъ годы, окрѣпнутъ и обогатятся познаніями умы этихъ сегодняшнихъ дѣтей, раскроются ихъ умственные очи на широкую общественную жизнь, и тогда—кто знаетъ, какое слово скажутъ и какія произведенія подарятъ намъ эти наивныя дѣти... Смѣяться надъ ними, повторяю, грѣшно; но.. съ другой стороны, я рѣшительно отказываюсь понять, какими соображеніями руководится солидная и ученая редакція „Русской Рѣчи“, помѣщая въ своемъ журналѣ эти ребяческія упражненія?

Наконецъ, есть еще въ этомъ почтенномъ журналѣ добрый десятокъ самыхъ разнообразныхъ рассказовъ и очерковъ г. Круглова. Иногда этотъ плодовитый писатель является просто обличителемъ и протоколистомъ, кратко изъясняющимъ въ своемъ рассказѣ, что у такихъ-то б — скихъ крестьянъ помѣщица Н. и М., почти-что силою отняли луга, что такой-то врачъ г. Курицынъ не совсѣмъ чистъ на руку и проч., и проч. Иногда г. Круглову приходитъ фантазія выйти изъ роли протоколита и что-нибудь „сотворить“; но творить онъ, по большей части, нѣчто совсѣмъ неподобное, вродѣ того, что девяти-лѣтній Леля очень любилъ семнадцати-лѣтнюю Шурку, что Шурку соблазнилъ нѣкто Щербинскій, и когда послѣ этого прошло пятнадцать лѣтъ, то-есть Леля сталъ совсѣмъ большой, то онъ взялъ и убилъ соблазнителя. „Такъ умри-же, говорить,—презрѣнная тварь, не губи тѣхъ, кто лучше и честнѣе тебя!..“ Иногда у г. Круглова выйдетъ очень недурной очеркъ, вродѣ „Бездипломнаго учителя“; иногда пойдетъ цѣлый рядъ неудачныхъ рассказовъ, какъ „Нехристъ“, „Демьянъ“, „Безродная“; и, вообще говоря, онъ только тогда и находится въ своей сферѣ, когда, не мудрствуя лукаво, передаетъ тѣ рѣчи, которыя слышалъ своими ушами, тѣ явленія, которыя онъ видѣлъ своими глазами, тѣ факты, которые онъ, такъ-сказать, ощущалъ своими перстами...

Факты и факты, протоколы и фотографіи, случаи и мелочи жизни, похождения бѣднаго Ивана и жестокосердой Марьи — такова, за рѣдкими исключеніями, вся наша современная белетристика! И такъ-какъ любая кумушка втеченіи одного вечера можетъ сообщить намъ всего этого добра гораздо больше, чѣмъ всѣ русскіе журналы, взятые вмѣстѣ, то, разумѣется, невозможно смотрѣть на нашу „изящную словесность“, какъ на какую-нибудь сокровищницу. Дѣло вовсе не въ томъ, что у насъ нѣтъ талантовъ, какъ полагаютъ многіе добрые люди. У насъ есть таланты,—они еще не совсѣмъ перевелись въ литературѣ, но возьмите ихъ лучшія произведенія, сопоставьте ихъ хотя-бы съ романомъ Шпилльгагена „Одинъ въ полѣ не воинъ“, и тогда, быть можетъ, вамъ придется сознаться съ горечью въ сердцѣ, что талантъ самъ по себѣ есть не болѣе, какъ средство, орудіе,—могучее, когда оно находится въ сильныхъ рукахъ, и совершенно безсильное, когда имъ распоряжаются руки немощныя... Какъ въ крошечномъ озерѣ отражается иногда все необъятное звѣздное небо, такъ и въ романѣ Шпилльгагена отразилась почти вся германская жизнь извѣстной минуты, сверху до низу, съ мыслителями и чернорабочими, борцами за дѣло и хищниками, такъ называемыми сливками общества и его подонками, мракомъ и свѣтомъ. А въ произведеніяхъ лучшихъ изъ нашихъ современныхъ писателей отражаются только „онъ“ и „она“, Иванъ и Марья, Петръ изъ Костромы, Сидоръ изъ Казани и прохожіе по „первой попавшейся“ улицѣ.

Одни изъ нашихъ писателей болѣе талантливы, другіе менѣе, одни болѣе правдивы въ своихъ описаніяхъ, другіе менѣе; но всѣ они, какъ я уже говорилъ въ одной изъ моихъ рецензій, имѣютъ между собою ту общую черту, что до крайности близоруки. Если они отойдутъ на такое разстояніе отъ жизни, что могли-бы охватить взглядомъ обширное пространство, то, по своей близорукости, ровно ничего не видятъ. Если-же они подходятъ къ ней какъ-разъ на разстояніе, сильное ихъ зрѣнію, то сейчасъ-же упираются носомъ въ рассматриваемый предметъ и видятъ только двѣ-три точки. Правда, какъ и всѣ близорукіе, они видятъ ихъ превосходно, ясно, отчетливо; но, Боже мой, что-же намъ дѣлать съ этими точками, что намъ дѣлать съ этими препаратами для микроскопа? Эта капля, которую вы рассматриваете сквозь увеличительное стекло, дѣйствительно, взята изъ моря, но она все-таки не море и даже не даетъ намъ ни малѣйшаго понятія о немъ...

А это море разстилается вокругъ насъ, темное, суровое, подернутое туманомъ... А эта жизнь, общечеловѣческая жизнь, общенародная жизнь идетъ и идетъ себѣ никогда неостанавливая-

щимся шагомъ все впередъ и впередъ, тоже окутанная туманомъ и мракомъ. „Куда мы идемъ? Гдѣ дорога? Куда мы пришли сегодня и по какому направленію пойдѣмъ дальше?“ спрашиваютъ люди усталые, сомнѣвающіеся въ вѣрности дороги, упавшіе духомъ и иногда даже дошедшіе до отчаянія. И нѣтъ отвѣта. Ни одного луча свѣта не упадетъ въ этотъ мракъ изъ той среды, которая всегда освѣщала путь общества; ни одного твердаго и ободряющаго слова не раздастся изъ той сферы, которая такъ часто давала людямъ высокіе идеалы, стоявшіе передъ ихъ глазами, какъ путеводные огненные столбы...

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Какъ „дѣлушка“ изъ „Молвы“ ошибся въ лѣтосчисленіи. — Мои бесѣды съ нимъ о гуманности и идеалахъ. — Разные факты на ту-же тему. — Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ.

Положимъ, что вы постоянный читатель „Молвы“ и проникаетесь всѣми ея общественными и личными симпатіями и антипатіями. Изъ всѣхъ ея статей вы непремѣнно вынесете убѣжденіе, что только она одна—самая разсудительная и честная газета, что „С.-Петербургскія Вѣдомости“, „Голосъ“, „Русская Правда“ и особенно „Новое Время“ населены только „прохвостами“ и „дураками“. Но предположите, что вы—читатель „Новаго Времени“; тогда васъ будутъ убѣждать, что „прохвосты“ и „дураки“ вездѣ, кромѣ „Новаго Времени“. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ будутъ внушать вамъ, что „прохвосты“, „дураки“ и „измѣнники“ вездѣ, кромѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Даже въ солидномъ „Голосѣ“, который держитъ себя съ наибольшимъ достоинствомъ, вы прочтаете между строками то-же, что и въ другихъ газетахъ. Теперь „прохвость“ и „подлецъ“ — обиходныя слова, которыми приправляется всякая литературная и нелитературная бесѣда, какъ неизбѣжнымъ соусомъ—всякое жаркое. Этотъ-же жаргонъ усвоился въ частныхъ личныхъ отношеніяхъ,—а, впрочемъ, Богъ его вѣдаетъ, изъ частной-ли жизни онъ перешелъ въ литературу, или изъ литературы въ частную жизнь. Наконецъ, каждый органъ только себя считаетъ умнымъ и честнымъ, такъ-же, какъ каждый отдѣльный человѣкъ только одного себя не считаетъ „прохвостомъ“. Это понятно.

И странная вещь—столько, повидимому, умныхъ и честныхъ людей въ нашемъ обществѣ и такъ мало въ Россіи ума и честности! А еще такъ недавно въ русскихъ головахъ бродили кой-какія идеи; теперъ-же чего было тогда меньше, стало больше, а

чего было больше, стало меньше. Даже логика куда-то улетучилась: ужь никогда, повидимому, русскій человекъ не чувствовалъ себя такимъ маленькимъ, какъ нынче, и въ то-же время онъ никогда не думалъ такъ много о своемъ величїи и о своей непогрѣшимости.

Ну вотъ хоть-бы „Молва“. Мы очень хорошо понимаемъ ея трудное положеніе, потому что новыя газеты появляются нынче всякій день, „писатели-же не растутъ, какъ грибы“. И, по пословицѣ: „въ степи и жукъ—мясо“, приходится брать въ сотрудники всякихъ „дѣдушекъ“. Конечно, почтенные старички являюся въ публику напомаженные, причесанные и въ своихъ лучшихъ фракахъ. Но, Боже мой, какіе это фраки! Въ нихъ вѣнчали „дѣдушекъ“ сорокъ лѣтъ назадъ; впрочемъ „дѣдушки“ не смущаются; они раскланиваются элегантно на всѣ стороны и затѣмъ начинаютъ шамкать губами.

На бѣду, нелегкая толкнула къ намъ еще Золя съ его экспериментальнымъ романомъ. Жевали до этого „дѣдушки“ свою старую кашу, и, ничего, всѣ привыкли; никто даже не замѣчалъ, что все это—давно пережеванная каша. А тутъ вдругъ цѣлый рядъ страшныхъ словъ. „Дѣдушки“ такъ испугались, жупела“, что рѣшились вновь тряхнуть мозгами, которыхъ у нихъ было не особенно много и, тряхнувъ ими, понесли старый вздоръ съ новыми варіаціями.

„Дѣдушка“ „Молвы“, приглашенный недавно на трибуну фельетоннаго критика, въ попыткахъ едва успѣлъ надѣть фракъ, до того онъ спѣшилъ на защиту своей умственной невинности противъ статьи, напечатанной въ сентябрьской книжкѣ „Дѣла“! Причина заключалась въ томъ, что у „дѣдушки“ было нѣсколько юношескихъ мыслей, съ которыми онъ свыкся, а тутъ вдругъ, по поводу какого-то проходимца Золя, ему приходится выйдти изъ своего умственного Монрепо. Но „дѣдушка“, — старый воробей; онъ очень хорошо знаетъ, какъ нужно держать себя, когда нѣтъ собственныхъ мыслей. Лучшее средство для этого принять видъ обиженнаго достоинства и сдѣлать презрительную мину. Сдѣлавъ эту мину, „дѣдушка“ выписываетъ изъ статьи слѣдующее мѣсто:

„Представитель французскаго романтизма Викторъ Гюго — *не больше* какъ геніальный риторъ, отличающійся наборомъ словъ и рифмъ, подъ которыми нѣтъ ничего, кромѣ невѣроятнаго хаоса, ошибокъ, противорѣчій, напыщенныхъ ребячествъ и *выстренныхъ мерзостей*“.

И затѣмъ говоритъ, что избавляетъ читателя отъ дальнѣйшихъ поясненій „почтеннаго автора“. Хитрый „дѣдушка“ скрылъ

отъ читателя, что эти слова принадлежать не „почтенному автору“, а самому Золя. Скрыть-же это нужно было для того, чтобы обрушиться на „нигилистов“. „Дѣдушкѣ“ почудилось, что онъ живетъ въ шестидесятыхъ годахъ и читаетъ „Русское Слово“. Богъ съ вами, „дѣдушка“, проснитесь! Мы вамъ уступаемъ Золя и съ руками, и съ ногами, и съ его псевдо-натуралистической, и съ его политической, и съ какой хотите теоріей. Вѣдь мы говорили не о немъ, а „по поводу“ его. Вѣдь это, „дѣдушка“, разница! Но „дѣдушка“ знаетъ, что онъ знаетъ; онъ знаетъ, что нужно спасти отечество, ибо отечеству грозитъ растлѣніе мыслей, и произносить противъ „почтеннаго автора“ слѣдующій грозный монологъ:

„Грубо берется онъ за тонкій и сложный вопросъ, грубо обращается съ нимъ на нѣсколькихъ печатныхъ листахъ, сваливая въ одну кучу пошлыя „амурныя поползновенія“ съ лучшими произведеніями крупныхъ талантовъ, которыми можетъ и должна гордиться русская литература, и въ своей дикой послѣдовательности доходить, наконецъ, до полного абсурда, до отрицанія своей литературы. Въ своемъ необузданномъ увлеченіи новизною, онъ, разумѣется, забываетъ, что исторія нашей литературы представляетъ поучительное зрѣлище сильныхъ, замѣчательныхъ дарованій, пробивающихся черезъ неимоверно трудныя условія воспитанія, среди, внѣшнихъ обстоятельствъ и невзгодъ всякаго рода. Ни одинъ европеецъ, какъ-бы ни расхвалился онъ съ господствующими въ литературѣ возрѣніями, никогда не броситъ съ такою легкостью камня въ своихъ историческихъ литературныхъ дѣятелей; европеецъ будетъ относиться къ нимъ критически, будетъ доказывать, что ихъ возрѣнія устарѣли, но всегда признаетъ, что эти возрѣнія имѣли въ свое время великое двигающее значеніе. Только несчастный русскій человѣкъ, только „руссакъ“, съ дѣтства привыкшій быть свидѣтелемъ рабства мысли, грубаго отношенія къ умственнымъ интересамъ мыслящихъ людей, никогда не вкушавшій дѣйствительной культуры въ жизни, знакомый съ нею только изъ книгъ,—да и то какъ знакомый!—только руссакъ бросается на всякую новизну съ жадностью голоднаго дикаря или раба и провозглашаетъ безъ застѣнчивости, что до Бокля не существовало исторіи, а до Писарева и Золя никто не имѣлъ понятія о художественномъ творчествѣ“. Бѣдный русскій человѣкъ! Да вы, „дѣдушка“, Демосфенъ! Только къ чему вы говорите все это въ 1879 г.? Все это блаженной памяти рѣчи Писемскаго, „Московскихъ Вѣдомостей“, „Русскаго Вѣстника“, „Всемирнаго Труда“, академической газеты, которую арендовалъ тогда г. Коршъ, однимъ

словомъ, всѣхъ тѣхъ журналовъ и газетъ, которыя въ шестидесятыхъ годахъ ополчались на лучшіе передовые наши органы и причину всѣхъ бѣдъ видѣли въ лягушкѣ и въ „оплеваніи авторитетовъ“. Тутъ и „руссака“, тутъ и „рабство мыслей“, тутъ и „жадность голоднаго дикаря“,—ну, слово въ слово, какъ тогда сквернословили нигилистовъ. „Дѣдушка“, да вѣдь вы очумѣли! Выслушайте спокойно. „Почтенный авторъ“ и не думаетъ ни въ кого плевать, а тѣмъ болѣе въ свою родную литературу, и вовсе ее не отрицаетъ. Онъ говорилъ лишь о томъ, что г. Гончаровъ только тогда задался вопросомъ: „а что-же я писалъ?“, когда закончилъ свое литературное поприще. Это говорить о себѣ самъ Гончаровъ, и вы, „дѣдушка“, можете прочесть объ этомъ въ его статьѣ, напечатанной въ іюньской книжкѣ „Русской Рѣчи“. Дальше говорится, что шопенгауэровскій песимизмъ Тургенева наши барышни не поняли и большинство училось на немъ мечтать о „счастіи“. Вѣдь вы этого тоже не опровергли. Еще далѣе говорилось о поврежденіи нравовъ, котораго и вы не отрицаете, и о томъ, что по теперешнему времени намъ нуженъ писатель такой силы, какъ Гоголь, а не Гончаровъ или Тургеневъ. Заслуги Тургенева останутся при немъ; на нихъ никто и не посягаетъ. На „Нови“-же онъ показалъ, что суть жизни ускользаетъ отъ его пониманія, да онъ это и самъ говорить. Чего-же вы расходились и испугались нигилизма?

А, впрочемъ, я вполне понимаю „дѣдушку“. Онъ, разумѣется, хорошій семьянинъ и его долженъ огорчать современный упадокъ нравовъ. И вотъ „дѣдушка“ думаетъ думу и рѣшаетъ, что все это зло отъ блаженной памяти „Русскаго Слова“ и „Современника“, которые внесли поврежденіе въ мысли и заразили неуваженіемъ къ авторитетамъ. Но отчего-же, „дѣдушка“, тѣ самые разрушители, которые усумнились въ Тургеневъ, Гончаровъ, Островскомъ и даже въ Пушкинъ, никогда не сомнѣвались въ Гоголь и Лермонтовъ? Я-бы вамъ совѣтовалъ, „дѣдушка“, подумать объ этомъ, и если вы додумаетесь до чего-нибудь полезнаго, то, конечно, и писать станете умнѣе. Изъ теперешняго-же вашего писанія видно, что у васъ есть инстинктъ добра и кое-какія традиціонныя правила, но отъ того, и отъ другого разить какою-то затхlostью, отдастъ старымъ погребомъ, стоявшимъ пятьдесятъ лѣтъ закрытымъ и который внезапно открыли, чтобы провѣтрить. Еслибы, „дѣдушка“, вы не были замогильнымъ человѣкомъ, живущимъ съ тѣнями усопшихъ, вы-бы не выступили въ наше время въ тогѣ художественнаго критика, а если вамъ есть что сказать—вы сказали бы это, какъ публицистъ. Теперь-же съ вашей художественной

критикой, никого вы не прошибете и не разбудите, а сообщите только унылый, спотворный тонъ „Молвъ“, въ которой участвуютъ люди даровитые — не въ примѣръ вамъ. Но такъ-какъ вы этого ничего не сообразили, то и являетесь какимъ-то гувернеромъ, желающимъ уберечь Россію отъ Писаревъ. Конечно, при Писаревѣ вы-бы не вылѣзли изъ своего погреба, хотя и теперь не спасете Россіи. Поэтому сидите смиренно въ своемъ погребѣ и закройте по-прежнему крышкой. Право, отъ того, что васъ пригласили на критическую трибуну „Молвы“, Россія ровно ничего не приобрѣтеть, ни умственно, ни нравственно.

Девятнадцатаго октября клубъ художниковъ давалъ вечеръ въ честь Пушкина, перваго русскаго поэта, воспитавшаго нѣсколько поколѣній въ художественномъ отношеніи и возвысившаго въ глазахъ общества какъ литературную дѣятельность, такъ и самое имя литератора. Съ эпохой Пушкина, рѣзко отмѣченной его громаднымъ талантомъ и которой онъ далъ могущественный толчекъ. соединяются наши лучшія воспоминанія о многихъ литературныхъ дѣятеляхъ, его сверстникахъ или его преемникахъ, о Рылѣевѣ, Гоголѣ, Лермонтовѣ и др. Юбилейный вечеръ, устроенный въ честь Пушкина, былъ не просто зауряднымъ торжественнымъ юбилеемъ, какіе обыкновенно празднуются у насъ въ честь разныхъ двадцатипятилѣтій, а юбилеемъ великаго общественнаго дѣятеля, юбилеемъ русской мысли, юбилеемъ нашего умственнаго роста; быть на немъ русскому писателю не только совѣсть, но и долгъ повелѣвалъ. Я проникаюсь идеей служенія и иду съ полнымъ убѣжденіемъ, что на торжествѣ будетъ вся русская литература. Ужь, конечно, „дѣдушка“, вы были тоже на торжествѣ, и вамъ, какъ художественному критику, обязательно повѣдать міру, какъ отпраздновали представители русской мысли юбилейный день въ честь своего поэта.

И все-таки странный былъ вечеръ. Публики было много, и всю ее составляли „хорошія буржуазныя семейства“. Дамъ было больше, чѣмъ мужчинъ, но духъ Пушкина не виталъ среди публики, а русскіе поэты, читавшіе со сцены его стихи, ужь конечно не звали его тѣни. Первымъ вышелъ неизбѣжный при юбилейныхъ торжествахъ поэтъ Аполонъ Майковъ и замогильнымъ голосомъ прочелъ воспоминаніе Пушкина объ его дѣтскихъ годахъ. Кончилъ и ушелъ. Публика похлопала. Затѣмъ вышли гг. Курочкинъ и Я. Полонскій и прочитали „Моцарта и Саліери“. Г. Курочкинъ

изображалъ Салери, а г. Полонскій Моцарта. Читали они тоже замогильно, и даже въ среднихъ рядахъ не было ничего слышно. Кончили, встали и ушли. Публика опять похлопала. Было-бы довольно и этого, но вотъ выходитъ г. Плещеевъ, вѣроятно, не зная того, что даже и очень хорошія вещи въ большомъ количествѣ бывають неудобоваримы. Между прочимъ, онъ прочелъ „Памятникъ“. Кончилъ, всталъ и ушелъ. Публика опять похлопала. Но вотъ о чемъ забыли наши поэты. Хотя на вечерѣ присутствовали все „хорошія буржуазныя семейства“, но едва-ли имъ было ясно, что это за вечеръ, по какому случаю, и что такое Пушкинъ? И въ самомъ дѣлѣ, для чего понадобился этотъ вечеръ? Хоть-бы одинъ изъ поэтовъ, которые взялись напомнить намъ о Пушкинѣ и которые замогильнымъ голосомъ томили публику своимъ чтеніемъ, объяснили, почему днемъ торжества избрано было девятнадцатое, а не двадцатое октября и почему вообще потребовалось это чествованіе. По плану составителей вечера, слѣдовало дать чтеніе изъ Пушкина, музыку на его слова, живыя картины на его темы и сцены изъ его драматическихъ произведеній. Музыка, конечно, составляла главное содержаніе. Оркестръ игралъ увертюры; пѣвцы, пѣвицы и хоръ пѣли изъ „Руслана и Людмилы“, изъ Чайковскаго, Даргомыжскаго, Кюи, Моношкю; однимъ словомъ, концертъ былъ, какъ концертъ, но поэтъ Пушкинъ все-таки остался не причемъ. Неужели это былъ вечеръ Пушкина? Я знаю, „дѣдушка“, что вы на меня разсердитесь, какъ и на „почтеннаго автора“, если я попрошу васъ объяснить, почему этотъ вечеръ произвелъ впечатлѣніе концерта. Конечно, можно сказать, что Пушкинъ далъ содержаніе русскому искусству, и сослаться на всѣ пьесы, которыя были пропѣты и сыграны на вечерѣ. Но если-бы произведенія Пушкина не служили матеріаломъ для Глинки, Даргомыжскаго, Кюи, Моношкю, явились-ли бы эти композиторы или не явились, была-ли-бы русская музыка или не была, и какое было-бы у нея содержаніе? Наши поэты утверждаютъ, что именно Пушкинъ далъ содержаніе русскому искусству, но почему никто изъ нихъ не потрудился объяснить все это публикѣ и доставить ей наслажденіе умственное, идейное, содержательное, а не то балетно-оперное, которое было придано вечеру? О значеніи Пушкина было много толковъ, и два противоположныхъ полюса изображаютъ взглядъ на него Бѣлинскаго и взглядъ Писарева. Послѣ статьи Писарева, въ литературѣ не явилось ни одного примиряющаго мнѣнія, и наша публика по-прежнему дѣлится на почитателей и порицателей Пушкина. Почитатели и почитатель-

ницы восторгаются въ немъ художественностью, не-почитатели требуютъ отъ поэта нѣсколько иной содержательности, требуютъ болѣе серьезной мысли. Когда г. Плещеевъ читалъ „Памятникъ“, читалъ, что о Пушкинѣ вспомнить всякій языкъ и калмыкъ съ лѣнью праздной, и тунгусъ,—о, дѣдушка, простите мое святотатство, я невольно вообразилъ, что вмѣсто „хорошихъ буржуазныхъ семействъ“ сидятъ мужики изъ деревень, калмыки, тунгусы и что имъ читаютъ наши поэты, съ г. Майковымъ во главѣ, что для нихъ-же поетъ и г-жа Скальковская-Бергенсонъ, поетъ хоръ, играетъ оркестръ Главача — и великая тѣнь Пушкина, и увѣреніе его, что онъ научилъ всѣхъ гуманности и любви и что за это не умретъ никогда его память, покажѣтъ живъ человѣкъ, показались мнѣ слишкомъ дѣтскимъ благодушіемъ. Знаю, дѣдушка, что вы меня также, какъ „почтеннаго автора“, обзовете „голоднымъ дикаремъ“, но подумайте вотъ о чемъ. Намъ съ вами хорошо разсуждать о искусствѣ и объ искусствѣ, да и что-бы мы съ вами стали дѣлать другое? За насъ съ вами первый шагъ сдѣлала бабушка, а начинать жить со второго шага нетрудно. А вотъ вы посидите хоть минуту въ кожѣ тунгуса и ужь, конечно, не явитесь такимъ врагомъ голодныхъ дикарей, на которыхъ смотрите теперь съ высоты своего обезпеченнаго довольства. „Хорошія буржуазныя семьи“, бывшія на вечерѣ, хотя и далеки отъ калмыковъ и тунгусовъ, однако, держали себя такъ-же равнодушно, какъ держали-бы себя и эти почтенные дикари. Какая-же причина этому? Причина очень простая. Конечно, Пушкинъ принесъ пользу русскому художеству, но онъ слишкомъ мало помогъ русскому сознанію даже въ свое время, и нынче, спустя сорокъ пять лѣтъ послѣ его смерти, его мысли не представляютъ уже никакого идейнаго содержанія. Публику изображаютъ собою люди жизни, люди дѣла. Публика—не художественная критика, обязанная восхищаться ех officio, какъ это дѣлаетъ почтенный критикъ „Молвы“. Публика—немножко тунгусъ. Ей нужно нѣчто осязательное, что можно взвѣсить и подержать руками, что даетъ ея мысли жизненное содержаніе. Если-же ей этого содержанія не даетъ поэтъ или писатель, если онъ является передъ нею такимъ художникомъ, какимъ явился Пушкинъ, то она и чтить его просто, какъ художника, съ точки зрѣнія простого наслажденія и празднаго любопытства. Благодаря поэтамъ, терзавшимъ Пушкина на вечерѣ, публикѣ не было предложено ни одной крупицы мысли, и еслибы не музыка, то представители современнаго русскаго Парнаса окончательно погребли-бы память о Пушкинѣ въ снотворной скукѣ унылаго чтенія; однимъ словомъ, литературный вечеръ вы-

шелъ вовсе не литературнымъ, а просто концертомъ, въ которомъ исполнялись музыкальныя пьесы Глинки и др. композиторовъ, а Пушкинъ былъ тутъ не причемъ.

Пушкинъ умеръ въ счастливомъ убѣжденіи, что онъ насаждалъ гуманность и что за это Россія его никогда не забудетъ. Много лѣтъ послѣ Пушкина мы насаждали въ своемъ отечествѣ эту добродѣтель, но она что-то у насъ очень плохо прививается. Ужъ не потому-ли, что мы живемъ, какъ та „прекрасная дама“, о которой рассказываетъ Новиковъ въ „Трутнѣ“? Прекрасная дама заливается слезами, читая любовныя сцены въ сентиментальномъ романѣ; но, вспомнивъ, что ей нужно высѣчь лакея, кладетъ книжку, отправляется въ конюшню и потомъ опять садится за романъ и опять плачетъ. Въ подобномъ идеализмѣ отчасти виноваты такіе книжники, какъ дѣдушка изъ „Молвы“, которые раздѣляютъ идеалы отъ идей. Къ идеаламъ мы всегда питали платоническую любовь, а идей у насъ не водилось и въ-концѣ-концовъ получилось двоедушіе. Живой человѣкъ хочетъ хорошихъ дѣлъ, а не однихъ хорошихъ словъ. И какой толкъ оттого, что только въ романахъ мы читаемъ о добродѣтели и счастьѣ, а жизнь путаемъ по своей глупости до того, что каждый готовъ лѣзть въ петлю? А ужъ мало-ли наши лучшіе люди и наши лучшіе писатели распинались за гуманность и любовь и за общія чувства! Гдѣ-же они? И критику „Молвы“, еслибъ онъ былъ живой человѣкъ, слѣдовало понять это, но онъ ничего не понимаетъ и только увеличиваетъ смуту, которой и безъ него ужъ слишкомъ много. Онъ говоритъ какіе-то вздоры о голодныхъ диваряхъ, высказываетъ страхъ передъ умершимъ Писаревымъ, а когда ему пришлось высказать теорію творчества, то онъ ограничился всего одной строчкой, разрѣшившись слѣдующей великой истиной, что у писателя должны быть возвышенныя стремленія, и онъ долженъ служить свѣточемъ. Критикъ „Молвы“, какъ и чувствительная дама новиковскаго „Трутня“, живетъ одними книжными идеалами, а настоящей, живой жизни не понимаетъ. Такихъ людей у насъ легіонъ, и только потому возможны тѣ печальные факты, которые на каждомъ шагу фигурируютъ или передъ судомъ, или въ корреспонденціяхъ.

Въ 271 номерѣ „Молвы“ корреспондентъ рассказываетъ о военныхъ подвигахъ въ мирныхъ Ахалкалакахъ нѣкоего драгунскаго прапорщика Мишевскаго. Этотъ доблестный воинъ, будучи дежурнымъ по полку, уходитъ съ дежурства на свадьбу къ одному ахалкалакскому жителю, который его не приглашалъ. Сейчас-же воинъ взялъ съ собою, неизвѣстно для чего, четырехъ драгунъ

изъ караула. Явившись на свадьбу, онъ началъ шумѣть, кричать, спорить, а кто съ нимъ не соглашался, тѣхъ бралъ подъ стражу. Мало того, что онъ арестовалъ гостей, но когда на выручку осажденныхъ явился воинскій начальникъ, онъ велѣлъ арестовать и его. Въ ту-же ночь, неизвѣстно по какимъ причинамъ, доблестный воинъ арестовалъ еще нѣсколько человекъ изъ мирныхъ ахалкалакахскихъ обитателей и затѣмъ учинилъ еще побоище. За всѣ эти подвиги Мишевскій былъ преданъ суду.

А вѣдь, навѣрное, прапорщикъ Мишевскій читалъ и романы, и „критику“ „Молвы“, есть у него и „идеалы“, и при такомъ умственномъ богатствѣ не доставало только одного—идей и понятій.

Или почтенные родители Сонгайло выдѣлываютъ съ своимъ ребенкомъ такія вещи. Они его били, чѣмъ и какъ попало, запирали въ подполье, давали ѣсть всякую дрянъ, крошили вмѣсто говядины пробки, и если ребенокъ отказывался ѣсть, его опять били, жгли ему пальцы сѣрными спичками, вымазывали лицо всякими мерзостями и даже набивали ему ими ротъ. Конечно, и Сонгайло читали романы, поучались гуманности и у Пушкина, и, можетъ быть, у критика „Молвы“, были у нихъ и идеалы, но такъ-же, какъ и у прапорщика Мишевскаго, отсутствовали только идеи и понятія.

А что можетъ быть ужаснѣе обращенія Чижевскаго съ женой? Выходитъ она за человекъ, который судился за мужеложство, но по невмѣняемости былъ оправданъ. Невмѣняемостью у него было признано опьяненіе. Хороши-же у него были мысли въ трезвомъ видѣ! И вотъ она выходитъ за Чижевскаго, потому что всѣ его бросили, всѣ презираютъ, и она считаетъ долгомъ любви поднять его нравственно и поддержать своимъ вліяніемъ. Какія средства ни употреблялъ братъ, чтобы отклонить ее отъ замужества, ничто не помогло. И эта мученица долга, отдавшаяся вся на служеніе погибающему нравственно человекъ, подвергается отъ него такимъ истязаніямъ, что, наконецъ, отравляется. Убийца ея, конечно, читалъ романы. Онъ артилерійскій офицеръ; конечно, были у него и стремленія, были и „идеалы“, но ему не доставало того-же, чего не доставало и Мишевскому, и у Сонгайло—идей и понятій.

А Поликарповъ? Что можетъ быть возвышеннѣе его стремленій? Онъ ищетъ общаго труда съ разумной женщиной, мечтаетъ объ идеалѣ семьи, мечтаетъ объ общей работѣ для счастья Россіи, и всѣ свои идеальничанья кончаетъ такимъ позорнымъ дѣйствіемъ, которое, конечно, хуже воинственныхъ подвиговъ Мишевскаго и жестокосердія Сонгайло. Тутъ вы видите только глу-

пость, а у Поликарпова совѣтъ не существуетъ никакихъ понятій нравственнаго порядка и царить полнѣйшее бездушіе. Мишевскій, несмотря на подвиги мужества, учиненные имъ въ мирномъ городѣ, въ мирное время, въ трезвомъ видѣ, можетъ быть, очень добродушный, хотя и ограниченный человѣкъ, но у такихъ интеллигентовъ, какъ Поликарповъ, — а ихъ то-же легионъ, — вмѣсто души, — камень и полное извращеніе всякихъ гуманнхъ представленій. Посмотрите, какъ все обдуманно имъ тонко и хладнокровно, какъ преднамѣренно и послѣдовательно составленъ имъ планъ самозащиты. Не понимаю, за что мы такъ нападаемъ на новгородскихъ диварсѣй, сжегшихъ колдунью. Да, ужасомъ вѣетъ отъ ихъ спокойствія; вы ни сердцемъ, ни мыслью не въ состояніи понять, какъ не одинъ, а двадцать человѣкъ такъ просто и, повидимому, равнодушно загоняютъ беззащитную старуху въ избу, оцѣпляють ее, чтобы колдунья не могла скрыться, заколачиваютъ двери и окна избы, потомъ суютъ зажженную лучину въ солому и, довольные, расходятся по домамъ не только со спокойной, но даже облегченной совѣстью. Васъ ужасаетъ эта невѣроятная дикость, это хладнокровіе безчеловѣчности, и вы изумляетесь этой обезоруживающей простотѣ, этой дикости понятій временъ инквизиціи, царящей въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Петербурга. Вы недоумѣваете этой душевной простотѣ, изъ-за которой не видно ни злости, ни ненависти, ни суевѣрнаго увлеченія, ни даже сознательнаго умысла. Но за что вы обвиняете во всемъ этомъ „деревню“? Лучшія симпатіи къ народу тутъ не причемъ и народъ останется народомъ. Въ этомъ случаѣ между поступкомъ новгородскихъ мужиковъ, сжегшихъ колдунью, и спокойною обдуманностью извѣстнаго прапорщика Маевского, или такого-же прапорщика Ландсберга, если и есть разница, то ужъ, конечно, не въ пользу послѣднихъ. Припомните, какой спокойный и обдуманный планъ составилъ Маевскій, какъ онъ, влюбившись въ одну, женится на другой только затѣмъ, чтобы удобнѣе ограбить ее. Какъ онъ затѣмъ заводитъ ее въ лѣсъ и убиваетъ двумя ударами кинжала, какъ въ тотъ-же день онъ пріѣзжаетъ на квартиру дѣвушки, въ которую влюбленъ, чтобы вести ее подъ вѣнчальный вѣнецъ, съ какимъ цинизмомъ онъ держитъ себя при вскрытіи трупа жены! А Ландсбергъ, составляющій такой-же хладнокровно-обдуманный планъ для убійства человѣка, который не сдѣлалъ ему ничего, кромѣ хорошаго! И у всѣхъ этихъ господъ, конечно, были „идеалы“. У нихъ были и честолюбивыя стремленія. Маевскій и Ландсбергъ отличались на войнѣ мужествомъ; они не считали себя заурядными людьми и въ то-же время дѣлають вещи, которыя много хуже инквизиціоннаго варвар-

ства новгородскихъ мужиковъ. Тутъ простота, глупость и невѣжество бьютъ прямо въ глаза, но ни о Маевскомъ, ни о Ландсбергѣ, ни о Поликарповѣ вы не скажете, что они глупы, тупы, необразованы. „Свѣта, больше свѣта!“ говорилъ Гете, умирая. Именно, нужно больше свѣта. Оттого-то, можетъ быть, такъ и радуется насъ каждая новая искорка свѣта, откуда-бы она ни блеснула.

Въ Петербургѣ есть общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ, только-что начинающимъ свою общественно-педагогическую карьеру. Какъ и всякому новому предпріятію въ такой общественной средѣ, какъ наша, высшимъ женскимъ курсамъ предстоитъ пережить еще немало неблагоприятныхъ шансовъ на пути ихъ развитія, тѣмъ болѣе, что какъ нравственная ихъ сила, такъ и матеріальное обезпеченіе опираются единственно на общественное сочувствіе. Отъ него зависитъ ихъ существованіе и дальнѣйшій успѣхъ. Поддержатъ-ли ихъ общество сознательно, пойметъ-ли оно, что намъ необходима образованная мать, которая могла-бы сама руководить воспитаніемъ своихъ дѣтей, не довѣряя ихъ швейцарскимъ кухаркамъ и французскимъ кокеткамъ.—пойметъ-ли оно, что съ высшимъ образованіемъ женщины неразрывно связывается болѣе высокой уровень семьи и, слѣдовательно, всего общественнаго быта? Установятся-ли эти курсы и какъ установятся? Все это вопросы будущаго. Никто, конечно, не станетъ искренно отрицать ни общественнаго значенія, ни насущной потребности въ этихъ курсахъ. Для тѣхъ, кто не мудрствуетъ лукаво, понятно безъ всякихъ объясненій, что если существуетъ высшее образованіе для мужчинъ, оно должно существовать и для женщинъ, и что если есть мужскіе университеты, то такое-же право на существованіе имѣютъ и университеты женскіе... Мы жалуемся на упадокъ нравовъ, на ту нравственную распущенность, которая такъ рѣжетъ глаза на каждомъ шагу, начиная проворовавшимися кассиромъ и кончая какимъ-нибудь крупнымъ казнокрадомъ. Но мы не должны забывать, что только женщина можетъ исправить нравы и сообщить имъ чистоту и достоинство. „Дайте намъ лучшихъ матерей, и мы будемъ лучшими людьми“, говорилъ Жанъ-Поль. Также думали и всѣ тѣ, кто, подобно Жанъ-Полю, мечталъ въ Европѣ обновить человѣчество женщиной. Также, вѣроятно, думаютъ и тѣ изъ русскихъ женщинъ, которымъ обязаны своимъ существованіемъ курсы, о которыхъ мы говоримъ. Намъ нужны не Татьяны Пушкина, не Вѣры и Лизы Тургенева и не Вѣры Гончарова. Всѣ эти оранжерейные цвѣтки, распустившіеся на крѣпостной почвѣ, въ душной крѣпостной атмосферѣ, уже отжили свое время. Намъ нужны другія матери и другія

жены... Создавать искусственную женщину нельзя; она будет такою, какою ее создасть жизнь и развитіе высшихъ правильныхъ понятій, а эти понятія дадутся только высшимъ образованіемъ, задачу котораго и должны выполнить высшіе женскіе курсы. Дѣло это у насъ еще совсѣмъ новое, едва возникшее, и потому-то слѣдуетъ къ нему отнестись какъ можно строже и выяснитъ себѣ, въ чемъ могутъ заключаться причины его удачи или неудачи.

Въ воскресенье, 21 октября, происходило общее собраніе „Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ“. Грустное впечатлѣніе произвело на меня это собраніе. По красивой парадной лѣстницѣ поднялся я во второй этажъ и вошелъ въ сравнительно небольшую комнату, уставленную рядами стульевъ, а впереди ихъ, какъ всегда въ подобныхъ засѣданіяхъ, стоялъ длинный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. Вокругъ стола расположились члены комитета. Прежде всего мнѣ бросилась въ глаза пустота, царившая въ собраніи и обиліе незанятыхъ стульевъ. Я тщательно три раза пересчиталъ всѣхъ присутствующихъ, и вмѣстѣ съ членами комитета оказалось четырнадцать мужчинъ и двадцать четыре женщины, всего 38 чел. Членовъ-же общества—128. Слѣдовательно, 90 членовъ не присутствовали въ собраніи. Если числомъ присутствующихъ опредѣляется мѣра участія членовъ въ интересахъ общества, то, конечно, слѣдуетъ заключить, что отсутствовавшіе не принадлежали къ числу лицъ, особенно интересующихся дѣломъ курсовъ. Съ другой стороны, если взять цифру всего числа по отношенію ко всему населенію Петербурга, то заключеніе будетъ еще печальнѣе. 128 человекъ на городъ почти съ миллионнымъ населеніемъ, который считаетъ женщинъ, конечно, не меньше 400,000, а изъ нихъ только 24 активно заинтересованныхъ дѣломъ—величины меньше чѣмъ микроскопическія. Эти цифры окажутся, можетъ быть, еще печальнѣе, если мы ихъ сопоставимъ съ числомъ слушательницъ. Всѣхъ ихъ считается 884. Сопоставляя эту цифру съ цифрой членовъ общества, мы видимъ что общество, покровительствующее высшему женскому образованію, а, слѣдовательно, и общество вообще относится къ этому дѣлу обратно-пропорціонально числу курсистокъ. Иначе сказать, женщинъ, стремящихся къ высшему образованію, гораздо больше, чѣмъ у русскаго общества желанія поддержать это образованіе. Это заключеніе подтверждается еще и цифрами смѣты. Въ смѣтѣ на 1879—1880 годъ, которая была прочитана въ общемъ собраніи, значится субсидія отъ г. министра народнаго просвѣщенія въ 3,000 р... Въ предыдущіе годы субсидія эта была еще меньше, именно въ 1877 году—1,000 руб. и въ 1878 году—1,500 р. Въ общей суммѣ всѣхъ взносовъ (35,800 руб.) субсидія

отъ министерства народнаго просвѣщенія составляетъ, слѣдовательно, менѣе 10 процентовъ. Остальныя средства общества на текущій годъ будутъ состоять изъ членскихъ взносовъ въ 1,500 р. изъ пожертвованія барона Гинцбурга—1,000 р., отъ продажи билетовъ за право слушанія лекцій — 25,000 р., процентовъ съ государственныхъ бумагъ — 1000 р., отъ устраиваемыхъ въ пользу общества баловъ и концертовъ — 4,000 руб., отъ продажи принадлежащихъ обществу книгъ—200 р., всего—35,800 р. Въ этомъ рядѣ цифръ членскіе взносы, пожертвованія и вообще денежное участіе общества фигурируютъ очень скромными величинами и самую существенную часть образуетъ та плата, которую вносятъ слушательницы, ибо она составляетъ больше 70 процентовъ всего поступленія. Ясно, слѣдовательно, что слушательницы не особенно обязаны обществу за то просвѣщеніе, котораго онѣ такъ жаждутъ и въ которомъ онѣ такъ нуждаются. И если общество отнесется еще равнодушнѣе къ высшему образованію женщинъ, если оно посмотритъ на него, какъ на что-то модное и случайное, то можно опасаться, что женскіе курсы будутъ не въ состояніи удовлетворить всѣмъ своимъ надобностямъ, ибо на членовъ надежда вообще плохая, а доходы отъ баловъ и концертовъ зависятъ не столько отъ сочувствія публики къ тому или другому дѣлу, сколько отъ простаго желанія развлечь себя. Но такъ-какъ для комитета, управляющаго дѣлами общества, все-таки нѣтъ другого выхода, то и приходится рассчитывать на божью милость, да на усердіе тѣхъ лицъ, которымъ удастся завербовать побольше денежныхъ членовъ и вообще открыть такіе источники для матеріальнаго обезпеченія курсовъ, которые-бы не были случайными и проблематическими. Пока-же комитетъ будетъ находиться въ положеніи зазывающемъ и просящемъ, судьба женскихъ курсовъ, какъ-бы оптимистически мы ни отнеслись къ ихъ будущему, не можетъ считаться внѣ всякаго солнѣнія...

Уже и въ настоящее время, въ моментъ, повидимому, наиболѣе благоприятный для процвѣтанія курсовъ—ибо всѣ новыя дѣла у насъ обыкновенно процвѣтаютъ — оказывается въ бюджетѣ общества дефицитъ. Такъ по смѣтѣ расходовъ на 1879 — 80 годъ предполагаются слѣдующія издержки: плата профессорамъ—21,450 руб., плата ассистентамъ—2,000 руб., учебныя пособия — 5,000 р., содержаніе прислуги — 1,800 руб., покупка и ремонтъ мебели — 2,000 р., освѣщеніе — 300 р., мелкіе, хозяйственные и канцелярскіе расходы — 1,000 р., квартира — 6,000 р. Итого — 39,550 р., или 3,750 руб. дефицита. Пополненіе этого дефицита изъ фонда составляетъ, конечно, крайнюю мѣру, идущую „обществу“ въ убытокъ. Ясно, слѣдовательно, что „обществу“ слѣдуетъ создать

постоянные источники доходов. Разумѣется, нынѣшній дефицитъ былъ-бы меньше, еслибы не предстоялъ такой большой расходъ на ремонтъ мебели. Въ будущемъ, конечно, расходы могутъ быть меньше, но тѣмъ не менѣе этимъ висколько не упрочатся дѣла „общества“, если успѣхъ ихъ будетъ зависѣть отъ расположенія жертвователей. Этотъ вопросъ долженъ-бы озаботить комитетъ, но озаботить его такъ, чтобы онъ серьезно призадумался надъ изысканіемъ постоянныхъ средствъ и надъ обезпеченіемъ женскихъ курсовъ прочнымъ фондомъ. Однимъ изъ средствъ, которое, конечно, много помогло-бы и самому комитету въ его дѣятельности, была-бы широкая гласность. Я знаю, чѣмъ мнѣ возразятъ члены комитета: они скажутъ, что отчеты ихъ печатаются въ вѣдомостяхъ, что собранія ихъ открыты для публики, что пренія происходятъ гласно. На это я возражу фактомъ, котораго былъ свидѣтелемъ. Когда всѣ собравшіеся усѣлись на своихъ мѣстахъ и выбранъ былъ предсѣдатель для управленія преніями, когда, наконецъ, былъ прочтенъ отчетъ за предыдущій годъ, — воцарилась въ залѣ мертвая тишина. Бесплодно устремилъ предсѣдатель свои взоры на собраніе, ожидая услышать хоть одинъ человѣческій голосъ, — голоса этого не раздалось. По прочтеніи отчета ревизионной комисіи — опять то-же бесплодное ожиданіе со стороны предсѣдателя и то-же гробовое молчаніе между членами. „Значитъ, вы, милостивые государи, утверждаете и отчетъ, и дѣйствія ревизионной комисіи“, сказала предсѣдатель, но это вовсе не то значило. Это значило только, что публика была въ недоумѣніи и что изъ всего того, что она слышала, не могла составить ровно никакого заключенія о дѣятельности комитета. Въ отчетѣ стояли огульныя цифры, а изъ какихъ подробностей онѣ составились — этого ни изъ чего нельзя было увидѣть. Когда, наконецъ, изъ дарившаго гробового молчанія выдѣлился одинъ голосъ, то предсѣдатель, согласившись со сдѣланнымъ замѣчаніемъ относительно огульныхъ цифръ, сказалъ, что отчетъ въ такомъ видѣ печатался для сокращенія расходовъ. Страшная причина для общества, которое только и можетъ существовать при условіи полной гласности и пропагандѣ его дѣятельности! Гробовое молчаніе хорошо въ дѣлахъ, требующихъ секрета, а дѣло высихъ женскихъ курсовъ только тогда и окрѣпнетъ, когда привлечетъ къ себѣ общія симпатіи, которыя создаются словомъ, а не молчаніемъ. Еще менѣе объяснима та нетерпимость, которая была выказана членомъ-казначеемъ комитета. Когда гробовое молчаніе было нарушено однимъ изъ членовъ, пожелавшимъ, чтобы отчетъ печатался подробно, то казначей, возражая не по существу, отвѣчалъ такимъ тономъ, въ которомъ чувствовалась какъ-бы личная обида. Въ

словахъ его возраженія заключался какъ-будто объясняющій отвѣтъ, но въ самомъ тонѣ рѣчи ясно выражалось: „что-же, вы намъ не довѣряете?“ Не о недовѣрїи рѣчь, а о правѣ контроля общественнаго мнѣнія, о правѣ контроля членовъ. Контроль не есть обида, а тѣмъ болѣе личная. Контроль даже не право суда. Онъ просто поправляющая и дополняющая мысль и постороннее умственное содѣйствіе въ такихъ общихъ дѣлахъ, которыя только тогда и ведутся хорошо, когда къ нимъ призвано наибольшее умственное соучастіе. Я боюсь, чтобы мои слова не были поняты комитетомъ иначе. Кромѣ добрыхъ пожеланій полнѣйшаго успѣха и процвѣтанія курсамъ, кромѣ благодарности лицамъ, которыя такъ энергично работали, чтобы создать эти курсы и укрѣпить ихъ, конечно, и не можетъ явиться ничего другого. Но въ интересахъ этихъ-же самыхъ курсовъ и будущей судьбы ихъ, нужно желать, чтобы лица, завѣдывающія ихъ управленіемъ и хозяйственной частью, стояли, какъ говорится, на высотѣ своей задачи, а этого они достигнуть только тогда, когда во всемъ управленіи будетъ проглядывать извѣстная свѣжесть, энергія и дѣловитость мысли. Еще страннѣе показалось намъ мнѣніе одного изъ членовъ ревизіонной комисіи, который доказывалъ, что комисія не могла подпергнуть оцѣнкѣ дѣйствія комитета въ расходованіи общественныхъ денегъ. Что за наивная щепетильность! Что за неумѣнье русскаго человѣка сойти съ личной точки зрѣнія и стать на общественную! Онъ боится всего—и обиженнаго самолюбія, и рѣзкаго и прямого возраженія, и критическаго отношенія къ дѣлу, которое, повидимому, уважаетъ и любитъ. Но можно-ли вести какое-нибудь серьезное общественное предпріятіе, можно-ли рассчитывать на его успѣхъ, если мы не умѣемъ отличить личныхъ интересовъ отъ общихъ и пожертвовать первыми ради вторыхъ? Потому-то мы, можетъ быть, и создаемъ на песокъ всѣ свои общественныя начинанія, и едва создадимъ ихъ, какъ начинаемъ подрывать и уничтожать. Мы увѣрены, что высшіе женскіе курсы избѣгнуть этой горькой участи, благодаря тому интеллигентному кружку, который руководитъ ими. И чѣмъ больше будетъ въ этомъ кружкѣ интеллигентнаго элемента, чѣмъ меньше личныхъ счетовъ и модныхъ напускныхъ сочувствій, тѣмъ прочнѣе и вѣрнѣе будетъ поставлено это прекрасное дѣло.

Съ 25-го октября, и всего на одну недѣлю, открылась въ Петербургѣ молочно-хозяйственная выставка. Выставка помѣщается въ домѣ адмиралтейства въ томъ самомъ залѣ, гдѣ была и выставка цѣмодоводства. Посѣтитель видитъ рядъ столовъ, на которыхъ лежатъ сыры; по стѣнамъ за стеклами выставлены образцы масла; въ

концѣ зала — буфетъ, и за столиками публика пьетъ не то пиво, не то чай, или кофе и пробуетъ молочные продукты, а въ концѣ зала пожарный оркестръ трубить съ усердіемъ, заслуживающимъ лучшей участи. Въ началѣ залы какой-то господинъ стоитъ на возвышеніи, указывая тонкой палочкой на какія-то баночки и стеклянные снаряды, читаетъ о чемъ-то лекцію пяти слушателямъ, которые едва-ли что-либо слышать, благодаря усердію пожарныхъ музыкантовъ. Въ противоположномъ концѣ зала, на правой сторонѣ, строится печка и предполагается въ поученіе публики производить пробное сыровареніе. На лѣвой сторонѣ, противъ этой печки, двѣ женщины отъ финляндскихъ экспонентовъ производятъ передъ публикой какіе-то эксперименты съ масломъ. Посѣтителей мало, до того мало, что если исключить экспонентовъ и распорядителей, то вниманіе Петербурга къ молочной выставкѣ окажется весьма микроскопическимъ. Вообще Петербургъ, считающій себя головой Россіи, городъ во многихъ отношеніяхъ очень странный; можетъ быть, онъ и правъ, не считая молочной выставки чѣмъ-нибудь грандіозно-патріотическимъ, можетъ быть, онъ считаетъ другіе вопросы болѣе важными, можетъ быть, ему даже надоѣли всякіе вопросы, и онъ, пожалуй, правъ по-своему; но за молочной выставкой есть то-же нѣчто, чего нельзя миновать, и во всякомъ случаѣ это вопросъ не менѣе важный, чѣмъ цвѣточная выставка или итальянская опера. Хотя молочная выставка мало льститъ глазу и воображенію, но у нея есть именно тотъ неказовый конецъ, который сообщаетъ ей большую важность, чѣмъ выставкамъ сельскаго хозяйства, скотоводства и садоводства, привлекавшимъ тѣмъ не менѣе вниманіе Петербурга.

Не одинъ Петербургъ, а, пожалуй, и вся Россія отнеслась совершенно равнодушно къ молочной выставкѣ и число русскихъ экспонентовъ на ней крайне незначительно. Эта выставка скорѣе—выставка продуктовъ финляндскаго хозяйства, чѣмъ русскаго, и наибольшее число экспонентовъ, явившихся на нее—финляндцы. Любопытно еще и самое соціальное различіе экспонентовъ. Въ числѣ русскихъ вы встрѣчаете очень громкія и извѣстныя имена, какъ, напримѣръ, князь Гагаринъ, братья Армфельдъ, Катенинъ, Сиѣшевъ, Оболенскій, Брянчениновъ, графиня Татищева. Всѣ эти фамиліи умѣщаются на первыхъ восьми страницахъ каталога выставки и составляютъ всего тридцать семь номеровъ; затѣмъ идетъ болѣе 500 номеровъ экспонентовъ изъ Финляндіи и изъ остзейскихъ провинцій. Этого мало. Въ то время, какъ между русскими экспонентами фигурируютъ имена болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, имена дворянскія, между финляндцами попадаются преимущественно крестьяне. Въ каталогѣ помѣщены нѣкоторые хозяйственныя подробно-

сти, изъ которыхъ можно составить хотя приблизительное понятіе, каковы эти крестьяне. Такъ, крестьянинъ Мартила, вазанской губерніи, имѣетъ у себя 28 коровъ, кормитъ ихъ тимофѣвкой и клеверомъ, производитъ въ годъ около 40 пудовъ масла и держитъ для этого мастерицу. Крестьянинъ Тавалуома держитъ 16 коровъ, кормитъ зимою скотъ тоже тимофѣвкою и клеверомъ и держитъ тоже мастерицу. Крестьянинъ Тальвитіе имѣетъ 23 коровы, кормитъ ихъ тимофѣвкой и частью луговымъ сѣномъ. Крестьянинъ Лахти имѣетъ 15 коровъ, кормитъ ихъ зимою сѣномъ, соломой и овсяной мукой и держитъ тоже мастерицу. Бентимяки имѣетъ 14 коровъ и для приготовления масла держитъ тоже мастерицу. Мы сдѣлали эти случайныя выписки только для того, чтобы показать, какого рода экспоненты явились изъ Финляндіи и какого рода средствами они располагаютъ. Финляндскимъ крестьянамъ принадлежитъ главная роль на выставкѣ и между ними не составляютъ особеннаго исключенія такіе крестьяне, какъ Юли-Никола, имѣющій 30 коровъ, или Ханнуксела, у котораго 27 коровъ. Что-же касается русскихъ деревенскихъ экспонентовъ, то представителями ихъ явилась только школа молочнаго хозяйства въ селѣ Едимоновѣ, близъ завидовской станціи николаевской желѣзной дороги.

Финляндія точно нарочно воспользовалась этой выставкой, чтобы щегольнуть передъ нами умѣlostью вести свои дѣла. Крошечная земляца, лежащая гдѣ-то на сѣверѣ, въ болотахъ и въ лѣсахъ, съ населеніемъ очень рѣдкимъ и въ 40 разъ меньшимъ, чѣмъ въ Россіи, Финляндія тѣмъ не менѣе обнаруживаетъ необыкновенную энергію въ достиженіи своихъ цѣлей и очень быстро увеличиваетъ свое благосостояніе; а между тѣмъ нельзя сказать, чтобы финляндское населеніе отличалось промышленными или торговыми наклонностями и владѣло свободными капиталами. Торговлею, мореходствомъ и промышленностью занимаются въ Финляндіи 7 процентовъ населенія, а около 80 процентовъ живутъ въ деревняхъ и кормятся хлѣбопашествомъ. Для такой маленькой земляцы, находящейся въ очень невыгодныхъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ, требовалась, разумѣется, особенная умственная энергія, чтобы бороться успѣшно съ суровой природой. Въ былые годы Финляндія не отличалась своимъ земледѣліемъ и только въ послѣднее время ея сельское хозяйство сдѣлало замѣтные успѣхи. Финляндцы думаютъ, что они обязаны этимъ своимъ земледѣльческимъ школамъ. Первая земледѣльческая школа была учреждена въ Мустіалѣ въ 1837 году; затѣмъ образовалось еще нѣсколько подобныхъ заведеній и въ настоящее время Финляндія считаетъ у себя 8 земледѣльческихъ школъ и одинъ земледѣльческій институтъ. Въ земледѣльческихъ

школахъ обучаютъ преимущественно крестьянъ. Учениковъ помѣщаютъ, содержатъ и обучаютъ даромъ и учатъ ихъ чистописанію, орфографіи, черченію, началамъ математики, арифметикѣ, растениеводству, лѣсоводству, даютъ свѣденія о кормовыхъ растеніяхъ, вредныхъ и сорныхъ травахъ, знакомятъ съ разными почвами и ихъ обработкой, съ свѣденіями о сѣвооборотѣ и скотоводствѣ. Въ видѣ практическихъ работъ, учениковъ занимаютъ уходомъ за домашнимъ скотомъ, правильнымъ употребленіемъ навоза, ручной выдѣлкой деревянныхъ и желѣзныхъ издѣлій, ковкой лошадей, сѣяніемъ, паханіемъ, проведеніемъ канавъ на поляхъ, уборкой, чисткой и храненіемъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Мы не знаемъ ни одной русской сельско-хозяйственной школы, которая бы предлагала русскимъ земледѣльцамъ подобныя свѣденія. Были у насъ сдѣланы кое-гдѣ подобныя попытки частью удѣльнымъ управленіемъ, частью министерствомъ государственныхъ имуществъ, но всѣ эти такъ-называемыя образцовыя фермы не принесли замѣтной пользы и объ ихъ ученикахъ что-то нигдѣ не слышится. Нужно думать, что финляндцы сдѣланы изъ другой глины и что тамъ или ужъ самъ народъ очень хочетъ учиться, или что его умѣютъ учить. Нужно думать также, что и тамошніе сельскіе хозяева непохожи на нашихъ, потому что для помощи сельскимъ хозяевамъ совѣтомъ и дѣломъ назначены отъ правительства два агронома, два специалиста-консультанта по молочному хозяйству, десять губернскихъ агрономовъ и семь плужныхъ инструкторовъ. У насъ не существуетъ ничего подобнаго, и завелся-было для совѣтовъ сельскимъ хозяевамъ одинъ агрономъ, да и тотъ—нѣмецъ Бааръ, который хотя и очень усердно предлагалъ себя въ газетахъ въ качествѣ консультанта, но, сколько мы знаемъ, особеннаго желанія пользоваться его совѣтами со стороны русскихъ хозяевъ заявлено не было. Наконецъ, финляндское правительство выписывало изъ-за границы племенныхъ животныхъ улучшенныхъ породъ, устроило рядъ молочно-хозяйственныхъ школъ, и именно рядъ, потому что такихъ школъ въ Финляндіи считается семнадцать, выдавало молочнымъ фермамъ субсидіи съ возвратомъ, а иногда и безъ возврата, ввело молочныхъ хозяекъ съ содержаніемъ отъ правительства, которыя объѣзжаютъ деревни и учатъ крестьянокъ приготовленію масла и сыра, однимъ словомъ, финляндское правительство принимало самыя энергическія мѣры, чтобы содѣйствовать развитію доходности финляндскаго сельскаго хозяйства, и достигло своей цѣли. Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, Финляндія втеченіи семнадцати лѣтъ съ 1861 по 1878 годъ увеличила вдвое свою внѣшнюю торговлю масломъ, а именно, въ 1861 году его вывозилось 143 тысячи пудовъ, а въ 1878 г. — 285,000 пудовъ

Главнымъ рынкомъ для сбыта финляндскаго масла служить Россія; ввозъ въ нее возрастаетъ изъ года въ годъ и особенно увеличился со времени открытія финляндской желѣзной дороги. Среднимъ числомъ Россія, или, точнѣе, Петербургъ, уплачиваетъ Финляндіи за молочные продукты 1,200,000 рублей. Наши сельско-хозяйственные статистики увѣряютъ, что Финляндія возвращаетъ съ лихвою эту сумму, покупая отъ насъ хлѣбъ, но въ этомъ увѣреніи утѣшительнаго немного. Молочные продукты составляютъ самое выгодное пользованіе земель. Мы могли-бы указать на примѣры хозяйствъ съ десятипольнымъ оборотомъ, въ которыхъ хлѣбъ оказывается лишь посредствующимъ продуктомъ и получаетъ цѣнность только потому, что служитъ средствомъ для полученія отъ скота молочныхъ и сырныхъ продуктовъ. Сыръ и масло есть наиболѣе компактная форма земледѣльческаго труда и потому финляндцы не сдѣлали никакой ошибки въ расчетъ, когда, превративъ продукты земледѣлія и скотоводства въ мало-объемистые и цѣнные молочные продукты, обмѣниваютъ ихъ на болѣе громоздкой и дешевый продуктъ, какъ рожь и овесъ. Тѣ-же статистики могутъ съ подобной-же гордостью сказать, что и мы ввозимъ въ Финляндію масло, и, дѣйствительно, можетъ показаться страннымъ, почему, получая масло изъ Финляндіи, мы тоже веземъ къ ней масло и, такимъ образомъ, мѣняемъ масло на масло. Но и этотъ вывозъ не можетъ особенно удовлетворить нашей патріотической гордости, ибо, получая изъ Финляндіи 101,000 пудовъ масла на 1.200,000 рублей, мы вывозимъ $7\frac{1}{4}$ тысячъ пудовъ масла на 73,000 руб. Еслибы этого вывоза совсѣмъ не существовало, то наше торговое равновѣсіе едва-ли-бы чѣмъ-нибудь нарушилось.

Причина, почему маленькая Финляндія обнаруживаетъ свою промышленную силу и смѣло идетъ въ борьбу съ такимъ колосомъ, какъ Россія, растянувшимся отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды, заключается въ томъ, что Финляндія по своей умственной культурѣ стоитъ гораздо выше и находится въ высшемъ моментѣ развитія сельскаго хозяйства, чѣмъ Россія. Наше полеводство представляетъ нѣсколько полосъ или районовъ, зависящихъ отъ господствующихъ въ нихъ системъ хозяйства и бытовыхъ условій. На югѣ и юго-востокѣ Россіи существуетъ скотоводство степное и нагульное; эта форма—полудикая и самая экстенсивная. Другимъ скотоводство это и быть не можетъ, потому что въ иной формѣ невозможно рѣдкому населенію пользоваться степнымъ раздольемъ. Сѣвернѣе, въ черноземной, не-степной полосѣ, рогатый скотъ является уже рабочей силой, но населеніе еще настолько рѣдко, а земля настолько прिवольна, что въ навозѣ нѣтъ необходимости. Еще сѣвернѣе является уже навозное скотоводство, но

оно еще практикуется въ такихъ скромныхъ размѣрахъ, что полеводство не въ состояніи вынести всей тяжести издержекъ, сопряженныхъ съ сильнымъ удобреніемъ. Есть только одно средство получить удобреніе возможно-дешевое—это усилить продуктивность скота, получить отъ него возможно большее количество молока и переработывать его въ самые цѣнные продукты молочнаго хозяйства. Этотъ періодъ развитія сельскаго хозяйства, уже наступившій вполнѣ для Финляндіи, для насъ только намѣчается.

Первое сыровареніе началось у насъ въ 1795 году, когда князь Мещерскій основалъ первую сыроварню. Примѣръ князя Мещерскаго оказался довольно вліятельнымъ, и во многихъ губерніяхъ сѣверной и средней полосы завелись подобныя-же сыроварни. Сыровареніе это было, конечно, помѣщичье, и послѣ освобожденія крестьянъ начался его упадокъ. Тогда-то Н. В. Верещагинъ задумалъ придать сыроваренію народный характеръ и сдѣлалъ попытку примѣненія артельного производства. Идея Верещагина встрѣтила большое сочувствіе со стороны вольно-экономическаго общества и земствъ многихъ губерній, въ особенности новгородскаго и ярославскаго, но, несмотря на всю его энѣргію, артельное сыровареніе не привилось, и къ 1871 году артельныя сыроварни стали закрываться съ такою быстротою, что въ настоящее время нѣтъ почти ни одной.

Россія хотя и производитъ достаточное количество молочныхъ продуктовъ и даже снабжаетъ ими Турцію, Грецію, Румынію, Австрію, Францію и даже Англию, но тѣмъ не менѣе наше сыровареніе и вообще обработка молочныхъ продуктовъ имѣютъ совсѣмъ не тотъ характеръ, какъ въ Финляндіи, и составляютъ принадлежность не земледѣльческаго, а землевладѣльческаго сословія. Въ этомъ и заключается коренная причина той силы, которую по отношенію къ намъ обнаруживаетъ Финляндія.

Слабость развитія у насъ сельскаго хозяйства имѣетъ своимъ ближайшимъ послѣдствіемъ недостаточность общаго продовольствія. Проще говоря, оттого, что наше земледѣліе не въ состояніи имѣть дешеваго удобренія, оно не можетъ заставить землю давать больше продуктовъ, а потому, что у него мало продуктовъ, оно не можетъ увеличить количество скота; оттого-же, что у него мало скота, оно не можетъ имѣть достаточно молока и молочныхъ продуктовъ, а оттого, что у него мало молочныхъ продуктовъ, оно питается хуже, чѣмъ могло-бы питаться. Насколько наше питаніе ниже питанія Европы, однимъ изъ лучшихъ доказательствъ можетъ служить Петербургъ, который хотя и поѣдаетъ все лучшее, что производитъ

Россія, но питается все-таки плохо. Изъ статистическаго очерка молочнаго хозяйства, изданнаго по случаю теперешней выставки, видно, что въ Петербургѣ существуетъ городское молочное хозяйство, снабжающее городъ 650,000 ведеръ молока. Городское молочное хозяйство доказываетъ только то, что районъ, снабжающій Петербургъ молокомъ, слишкомъ ограниченъ и русской деревнѣ неизвѣстно еще молочное хозяйство. Еслибы оно существовало въ деревнѣ, то Петербургъ отказался-бы держать своихъ коровъ, потому что это дѣло вовсе не городское. Въмѣсто того, чтобы русской деревнѣ снабжать молокомъ Петербургъ, снабжаетъ имъ сѣверную Пальмиру Финляндія, которая ввозитъ молока, сливокъ и сметаны, среднимъ числомъ, около 100,000 вед. на 100,000 рублей. Общее количество молока, получаемое Петербургомъ, но опять не изъ русскихъ деревень, а преимущественно по балтійской дорогѣ, по варшавской, изъ Финляндіи и отъ городскихъ хозяекъ, составляетъ 800,000 ведеръ или на каждаго петербуржца около $1\frac{1}{2}$ ведра въ годъ, или около 1 кружки въ мѣсяцъ. Въ Англійи всѣмъ ея 30-ти-миліоннымъ населеніемъ выпивается ежедневно 400,000 вед. или почти 4 кружки въ мѣсяцъ. Самый маленькій англійскій городокъ выпиваетъ 3 кружки въ мѣсяцъ на человѣка, такъ-что если принять эту норму для Петербурга, то ему слѣдовало-бы выпивать ежегодно 2,500,000 ведеръ. Потому, что Петербургъ снабжается такъ скудно молокомъ, должна была развиться, конечно, поддѣлка, которой усердно занимаются охтенки. По той-же причинѣ, т. е. по недостатку развитія молочнаго хозяйства, Петербургъ вмѣсто сыра питается сурогатомъ его,—творогомъ. Напримѣръ, Парижъ сѣдаетъ 600,000 пудовъ сыра или по 12 фунтовъ на человѣка въ годъ, Берлинъ больше 200,000 пудовъ или по $10\frac{1}{2}$ фун. на человѣка, Петербургъ-же только 50,000 пудовъ сыра или по 3 фунта на человѣка. Затѣмъ, чтобы хоть нѣсколько приблизиться къ европейскому потребителю, Петербургъ сѣдаетъ творожину и казеинъ въ видѣ 100,000 пудовъ творога, а въ цѣломъ вмѣстѣ съ сыромъ это составляетъ около 9-ти фунтовъ на человѣка.

Мы воспользовались свѣденіями, которыя представляетъ выставка, слишкомъ общимъ образомъ, да и не думаемъ, чтобы ея техническія и спеціальныя подробности могли представлять интересъ для обыкновеннаго читателя; но въ то-же время мы жалѣемъ объ этомъ,—жалѣемъ о томъ, что петербургскій человѣкъ, считающій себя наиболѣе просвѣщеннымъ и изображающимъ голову Россіи, не обнаруживаетъ почти никакого интереса ко многимъ фактамъ и не въ состояніи связать частныхъ явленій однимъ общимъ выводомъ. Еслибы только петербургскій житель

Былъ въ состояніи относиться сознательно къ обыденнымъ мелочамъ его повседневной жизни, хоть-бы даже къ тому, почему онъ пьетъ преимущественно финляндское молоко и ѣстъ сыръ финляндскихъ фермъ, еслибы онъ подумалъ, почему охтенка подливаетъ въ молоко воды, да и этого разведеннаго молока онъ получаетъ всего одну кружку въ мѣсяцъ, еслибы петербургскій житель былъ въ состояніи подняться отъ этихъ частныхъ явленій къ общимъ причинамъ, онъ, конечно, понялъ-бы лучше свою связь и солидарность съ обширными пространствами той деревенской Россіи, занимающейся неудачно сельскимъ хозяйствомъ, которой онъ теперь не видитъ, не чувствуетъ и не понимаетъ. Иначе мы себѣ не можемъ объяснить ни равнодушія русскихъ экспонентовъ къ молочной выставкѣ, ни равнодушія къ ней петербургскаго обитателя, который думаетъ, что выставки устраиваются для музыки и для того, чтобы пить въ общественномъ мѣстѣ пиво и закусывать...

Н. Ш.

КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

ПИСЬМА „ЗНАТНЫХЪ ИНОСТРАНЦЕВЪ“.

ПИСЬМА ЛОРДА РОЗБЕРРИ.

(Переводъ съ англійскаго).

Письмо тридцать девятое *).

Дорогая Дженни!

Послѣ шести мѣсяцевъ, столь безмятежно и счастливо проведенныхъ вмѣстѣ съ тобой въ дорогѣ отечествѣ, я благополучно ступилъ на русскую землю, въ Одессѣ, 15 сентября. Благодаря Бога, я здоровъ и невредимъ и твердо уповаю совершить второе мое путешествіе столь-же благополучно, какъ совершилъ первое. Ты очень хорошо знаешь серьезную цѣль настоящей моей поѣздки и, слѣдовательно, надо покорно переносить бремя разлуки и приготовиться къ неизбѣжнымъ маленькимъ случайностямъ и недоразумѣніямъ, неразлучнымъ спутникамъ всякихъ путешествій въ отдаленныя страны. Помни, Дженни, что ты англичанка, и не предавайся отчаянію. Вытри слезы съ прелестнаго твоего личика и не позволяй мрачнымъ предчувствіямъ овладѣвать твоимъ разсудкомъ.

Не могу я забыть, Дженни, какъ ты все упрашивала меня повременить отъѣздомъ въ Россію и выждать по крайней мѣрѣ окончанія авганистанской войны, и какъ, провожая меня въ Дуррѣ, ты такъ, бѣдняжка, просталась со мной, точно я отправлялся не въ союзную намъ великую державу, а въ страну зулусовъ. Снова повторяю тебѣ: успокойся и не предавайся нелѣпнымъ опасеніямъ, что меня какой-нибудь „амикусъ“ (такъ называются здѣсь,

*) Примѣч. См. 4-ю кн. „Дѣла“ 1879 г.—Письмо 38-е.

Дженни, журналисты, на обязанности которых слѣдить за поведениемъ гражданъ) заподозрить въ качествѣ англійскаго шпіона. Не забудь, во-первыхъ, что я путешествую съ паспортомъ знатнаго иностранца, во-вторыхъ, что я англійскій подданный, и, въ-третьихъ, повѣрь мнѣ (не разъ я писалъ и говорилъ съ тобой по этому поводу), что всѣ нелѣпыя свѣденія, сообщаемыя въ послѣднее время нашими газетами о Россіи, не имѣютъ ни малѣйшаго правдоподобія, а вызваны единственно интригами лордовъ Биконсфильда, Сэлусбюри, Кросса, князя Бисмарка и графа Андраши, какъ заявляютъ самымъ категорическимъ образомъ русскія газеты. Не стали-бы онѣ такъ категорически опровергать, если-бы въ самомъ дѣлѣ въ свѣденіяхъ нашихъ и нѣмецкихъ газетъ было хоть зерно правдоподобія. Съ откровенностью и прямою, отличающими русскую печать, когда дѣло коснется серьезныхъ вопросовъ, сказали-бы онѣ, что справедливо и что ложно въ сообщаемыхъ свѣденіяхъ, и если приписываютъ ихъ интригѣ европейскихъ министровъ, то безъ сомнѣнія дѣлаютъ это на основаніи данныхъ, обязательно предоставленныхъ имъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

Вотъ настоящая правда, и разъ навсегда предостерегаю тебя, Дженни, во имя спокойствія, отъ чтенія нашихъ газетъ во все время пребыванія моего въ гостеприимной странѣ. Письма мои замѣняютъ тебѣ газеты; въ моихъ наблюденіяхъ ты почерпнешь дѣйствительныя, а не вымышленныя свѣденія, которыми европейскіе министры хотятъ поселить въ народахъ нелюбовь къ Россіи, понимая, сколь завидуютъ они патріархальному и безмятежному счастью русскихъ.

Въ Константинополѣ я пробылъ три дня, но, къ сожалѣнію, не имѣлъ счастья видѣть его величества турецкаго султана. Настоящее положеніе дѣлъ въ этомъ городѣ таково, что бѣдному султану, дѣйствительно, нельзя позавидовать, и онъ по справедливости можетъ быть названъ однимъ изъ несчастнѣйшихъ людей въ мірѣ. Онъ одинаково боится и сера Лэйярда, и Фурнье, какъ и ятагана сѹмасшедшаго баши-бузука, неосторожности повара и продажности своихъ министровъ. Какъ хочешь, Дженни, а положеніе адски-непріятное, и будь твой Джонни на мѣстѣ его величества турецкаго султана, давно-бы онъ удалился отъ дѣлъ, предпочитая спокойное существованіе съ пятидесятью тысячами фунтовъ годового дохода (сумму эту, вѣроятно, гарантировали-бы падишаху). Однажды султанъ выѣзжалъ въ мечеть, но окружающая его свита такой непроницаемой стѣной окружала его, что я такъ и уѣхалъ изъ Константинополя, не имѣвши счастья видѣть черты повелителя правовѣрныхъ, могущество котораго подвергается столь тяжелымъ испытаніямъ со всѣхъ сторонъ. Если вѣрить корреспонден-

ту газеты „Голосъ“ (а этотъ корресподентъ, повидимому, заслуживаетъ довѣрія), то оказывается, что сами турки не имѣютъ никакого пристрастія къ своему повелителю и мечтаютъ о скорѣйшемъ наступленіи того времени, когда мѣсто падишаха будетъ занято какимъ-нибудь христіанскимъ принцемъ, согласно пророчеству русскаго журналиста, прозваннаго въ отличіе отъ собратьевъ „откровеннымъ рыцаремъ безъ страха и упрека“.

И что всего удивительнѣе, Дженни, если вѣрить тому-же корресподенту „Голоса“ (а длиннѣйшія его корреспонденціи, печатаемыя редакціей, свидѣтельствуютъ, что редакція ему вѣрить), это то, что турки послѣ встрепки, заданной имъ русскими, не только не питаютъ къ нимъ ни малѣйшаго зла, а, напротивъ. именно благодаря этой встрепкѣ, такъ полюбили русскихъ, что, по словамъ корресподента, только и говорятъ о своей любви къ нимъ. Правда, корресподентъ увѣряетъ, что „разные паши и беи, муллы и имамы съ мрачною и ядовитою злобою“ говорятъ о русскихъ; но населеніе всѣхъ состояній положительно съ непритворной симпатіей встрѣчаетъ каждаго русскаго.

Желая провѣрить достовѣрность корресподентскихъ сообщеній, я въ Константинополѣ бесѣдовалъ со многими изъ турецкихъ носильщиковъ и смѣло могу подтвердить справедливость наблюденій корресподента „Голоса“.

Вотъ это настроеніе турокъ и заставляетъ такъ злиться нашего Дизи. Онъ употребляетъ всевозможныя средства, чтобы выставить русскихъ въ глазахъ турокъ совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Изъ самыхъ достовѣрныхъ извѣстій узналъ я, что, единственно „благодаря коварной интригѣ“ нашего лукаваго министра, случился недавно „ардаганскій“ эпизодъ, краткая телеграмма о которомъ сперва сообщена была русской официальной газетой „Кавказъ“, а подробности „Тифлискимъ Вѣстникомъ“. Вотъ содержаніе упомянутой телеграммы изъ Ардагана отъ 18 сентября:

„15-го числа сего мѣсяца окружный начальникъ Раздеришинъ потребовалъ меня къ себѣ, велѣлъ разложить ^{меня} въ присутствіи многихъ зрителей и, раздѣвъ до-гола, дать мнѣ около пятидесяти ударовъ плетью; потомъ посадилъ въ тюрьму, гдѣ и донынѣ содержусь. Заболѣвши, я потребовалъ къ себѣ доктора, но онъ не былъ допущенъ. Причина варварскаго поступка со мною та, что я не удовлетворилъ частному требованію окружнаго начальника, имѣя законное основаніе. Прошу защиты у подлежащаго судебнаго мѣста. Одно слѣдствіе можетъ обнаружить учиненный мнѣ позоръ и степень превышенія Раздеришинимъ власти. Обращаю мольбы къ справедливымъ распоряженіямъ властей объ ос-

вобожденіи беззащитнаго отъ позора и о законномъ взысканіи съ виновнаго“.

„2-й гилдіи купецъ Суриновъ“.

Вслѣдъ за телеграмой были обнародованы и подробности, изъ которыхъ обнаружилось, Дженни, что почтенный джентльменъ, пострадавшій столь жестоко, не одолжилъ, несмотря на требованіе русскаго начальника, своей лошади, изукрашенной серебряной сбруей, для параднаго вѣзда въ Ардаганъ.

Такъ рассказываютъ всѣ газеты; по счастью, онѣ не знаютъ настоящаго виновника столь прискорбнаго недоразумѣнія и со свойственной имъ горячностью изобличаютъ бѣднаго титулярнаго совѣтника, унизившаго, по словамъ ихъ, страну поступкомъ, доселѣ никогда неслучавшимся.

А между тѣмъ, по собраннымъ мною справкамъ, дѣло это есть дѣло рукъ нашего ловкаго Дизи. Онъ нарочно послалъ тайнаго агента своего въ Ардаганъ, дабы склонить титулярнаго совѣтника, доселѣ отличавшагося примѣрнымъ уваженіемъ законовъ своей страны, къ акту, столь несвойственному добродѣтельному сердцу вышеупомянутаго агента. Послѣ долгихъ усилій англійское золото, представившее случай обезпечить будущность, возымѣло дѣйствіе: титулярный совѣтникъ былъ побѣжденъ.

Со слезами на глазахъ и съ мукой въ сердцѣ, рѣшился онъ отодрать купца Суринова, придравшись къ пустому предлогу. Интрига, такимъ образомъ, достигла цѣли, и шпіонъ лорда Биконсфильда, расхаживая по улицамъ Ардагана, иронически спрашивалъ у турокъ: „какова порка-то?“ Въ отвѣтъ на это, турки только мрачно покачивали головой, хотя, впрочемъ, къ досадѣ Биконсфильдова агента, все-таки повторяли, что любовь ихъ къ русскимъ искренна. Какъ англичанинъ, я не хочу разоблачать этой гнусной новой интриги нашего министра, тѣмъ болѣе, что она, какъ видишь, не могла пошатнуть расположенія турокъ. По всей вѣроятности, на судѣ титулярный совѣтникъ скроетъ истинную причину своего поступка. Тайна эта пусть сохранится въ твоей груди, Дженни; но по крайней мѣрѣ ты знаешь теперь, какъ правы русскія газеты, обличая интриги нашихъ министровъ, недостойныя истинныхъ джентльменовъ. Не знаю, принималъ-ли участіе въ названной интригѣ г. Бисмаркъ или она велась однимъ Дизи, но несомнѣнно только одно, что ардаганскій начальникъ безъ нашего Дизи никогда-бы не рѣшился на порку, и притомъ такую обстоятельную, какого-бы то ни было своего подданнаго, а тѣмъ болѣе подрядчика.

Однако, я забѣжалъ впередъ, рассказывая тебѣ о бѣдномъ джентльменѣ, пострадавшемъ изъ-за политическаго соперничества

двухъ великихъ державъ, и не упомянулъ о совершенномъ мною путешествіи на пароходѣ русскаго общества пароходства и торговли изъ Константинополя въ Одессу.

Черное море встрѣтило насъ весьма дружелюбно. Плаваніе на пароходѣ, весьма хорошо приспособленномъ для пассажировъ-перваго и втораго классовъ (о третьемъ я того-же, по чести, сказать не могу), было весьма пріятнымъ и поучительнымъ, тѣмъ болѣе, что изъ Варны въ числѣ пассажировъ съ нами ѣхало нѣсколько болгарскихъ депутатовъ, пожелавшихъ, въ видѣ ознакомленія съ своими обязанностями, посѣтить засѣданія земскихъ собраній и засѣданія городскихъ думъ. Болгарскіе депутаты, очень видные джентльмены, украшенные орденомъ Станислава третьей степени, очень весело рассказывали мнѣ о своей странѣ. Одно только печалило ихъ, это то, что русская армія оставила княжество.

— Развѣ вы боитесь нападенія турокъ?

— Нѣтъ, господине, не боимся!

— Такъ чего вы такъ жалѣете русскихъ?

— Очень хорошо при нихъ было. Золота много у русскихъ; они его не жалѣли. У нихъ много золота. Одно только неладно было, господине! проговорилъ одинъ джентльмень, пожимая какъ-то плечами.

— Что?

— Вспылчивъ очень братушка... Иной разъ нагайкой... Ну, разумѣется, больше для страха... Только взмахнетъ, а мы народъ смиренный, пугливый, признаться, пугливый...

— Ну, и на-счетъ женскаго пола, прибавилъ другой джентльмень, — очень ужъ лакомъ былъ братушка... Теперь у насъ вдовъ-то сколько осталось!..

На пароходѣ я имѣлъ случай, Дженни, познакомиться съ русскимъ корреспондентомъ одной изъ распространенныхъ газетъ. Онъ возвращался изъ Константинополя въ Петербургъ, чтобы отсюда ѣхать въ Авганистанъ поднимать племена противъ англичанъ.

Несмотря на то, что названный корреспондентъ очень хорошо зналъ о моей національности, онъ говорилъ о своемъ предпріятіи съ тѣмъ откровеннымъ легкомысліемъ, съ какимъ, сколько кажется, отличаются вообще спеціальные русскіе корреспонденты. Я разговаривалъ съ этимъ добрымъ, веселымъ малымъ и былъ, признаться, пораженъ тою, можно сказать, отважностью сужденій, какую обнаруживалъ мой собесѣдникъ. Начать съ того, что онъ не зналъ даже основательно, гдѣ находится Авганистанъ, и когда я искренно выразилъ недоумѣніе, найдеть-ли онъ дорогу, онъ, не задумавшись, отвѣчалъ:

— Какъ не найти, милордъ? Найду. Первымъ дѣломъ куплю

въ гостиномъ дворѣ чемоданъ, потомъ приобрѣту карту, возьму изъ редакціи триста рублей и немедленно-же маршъ впередъ безъ страха и боязни...

Когда я нѣсколько удивленно взглянулъ на корреспондента, онъ весело прибавилъ:

— Не въ первый разъ, милордъ, путешествовать налегкѣ. А насчетъ географіи я не боюсь... Какъ-нибудь въ вагонѣ повторю.

Затѣмъ почтенный джентльменъ принялся рассказывать, какъ онъ на своемъ вѣку бесѣдовалъ съ Бисмаркомъ, Гладстономъ, Биконсфильдомъ, Гамбетой, персидскимъ шахомъ и прочими важными лицами. Всѣ его очень любезно принимали, благодаря его умѣнью обходиться съ высокопоставленными особами. Бисмаркъ дружески его потрепалъ по плечу, Гамбета сыгралъ съ нимъ партію въ кегли, Диззи подарилъ ему экземпляръ романа, Гладстонъ оставилъ его обѣдать, а персидскій шахъ даже приглашалъ его на службу.

Обо всемъ онъ говорилъ, не моргнувъ глазомъ, очевидно, до-вольный, что нашелъ человѣка, который ему вѣритъ.

Да, Дженни, такъ врать, какъ врутъ здѣсь, трудно себѣ представить, не познакомившись съ типомъ Хлестакова, созданнымъ гениальнымъ русскимъ писателемъ. Здѣсь врутъ добродушно, откровенно и, что трогательно, иногда безъ всякой дѣли, а просто отъ нечего дѣлать, какъ птицы поютъ.

Одесса очень хорошенькій городокъ, напоминающій нѣсколько своимъ внѣшнимъ видомъ приморскіе города Средиземнаго моря. Въ Одессѣ много красивыхъ зданій, университетъ, окружной судъ и судебная палата, два театра, памятникъ графу Ланжерону, недурной бульваръ и бдительные, деликатные полицмены.

Если вѣритъ свидѣтельству бывшего одесскаго полиціймейстера, полковника Антонова, данному имъ при разборѣ его дѣла въ касационномъ департаментѣ сената (объ этомъ дѣлѣ мнѣ придется упомянуть), то нѣсколько лѣтъ еще тому назадъ одесскіе полицмены далеко не отличались разнообразіемъ похвальныхъ качествъ, а теперь, по крайней мѣрѣ если рѣшится судить по нѣкоторымъ наблюденіямъ, одесскіе полицмены вѣжливы, деликатны, усердны и бдительны. Какъ случилась такая метаморфоза, откуда достали такихъ идеальныхъ полицейскихъ чиновъ, никто объяснить мнѣ основательно не могъ, но я, съ своей стороны, долгомъ считаю сообщить тебѣ, Дженни, объ этомъ. Мнѣ кажется даже, что въ разсужденіи усердія, одесскіе полицмены грѣшатъ даже нѣкоторымъ избыткомъ, въ чемъ я имѣлъ случай убѣдиться по опыту въ первый-же день моего приѣзда. Не спору, что избытокъ упомянутаго качества во всякомъ случаѣ лучше совершеннаго недостатка, но

не скрою, что русскіе вообще любятъ доводить даже похвальныя черты своего характера за черту благоразумія и осторожности, впрочемъ, мало свойственныхъ ихъ національному темпераменту. Недаромъ, по выраженію поэта, русскіе любятъ:

Коль любить, такъ безъ разсудку,
Коль грозить, такъ не на шутку,
Коль ругнуть, такъ сгоряча,
Коль рубнуть, такъ ужъ съ плеча.

Какъ я писалъ тебѣ неоднократно, русскіе ругаются мастерски, уснащая рѣчь самыми разнообразными прилагательными въ сокращенной формѣ. И потому ты до нѣкоторой степени поймешь мое изумленіе, когда, выйдя изъ гостинницы на бульваръ (натурально, паспортъ свой я отдалъ для прописки немедленно по пріѣздѣ въ гостинницу) и остановившись на лѣстницѣ въ созерцаніи красиваго вида, я услышалъ надъ самымъ ухомъ нѣжный, ласковый голосъ:

— Простите, господинъ, за вопросъ. Что изволите вы тутъ дѣлать и зачѣмъ пристально смотрите на море?

Обернувшись, я увидѣлъ передъ собою полицмена. Это былъ, Дженни, весьма приличный джентльменъ, средняго роста, повидимому, бывшій военный.

— Да такъ, на море люблюсь.

— Не сообщите-ли вы мнѣ, господинъ, что нашли вы на морѣ интереснаго?

— Охотно. Посмотрите, что за гладь, что за тишина!.. Какъ блеститъ солнце на зеркальной поверхности!.. Вѣдь просто прелесть!..

Полицменъ и самъ размякъ подъ вліяніемъ прелестнаго вида на море и, вступивъ со мною въ дружескую бесѣду, цитировалъ Байрона, Данте и Леопарди. Послѣ сердечныхъ изліяній онъ спросилъ:

— Откуда изволили пріѣхать?

— Изъ Константинополя.

— Вы русскій?

— Нѣтъ, англичанинъ.

— Но почему вы такъ хорошо говорите по-русски?

— Выучился.

— Прекрасно говорите по-русски. Имѣю честь кланяться! промолвилъ онъ, прикидывая граціозно руку къ козырьку.

Возвращаясь назадъ въ гостинницу, я обернулся и замѣтилъ, что въ почтительномъ отдаленіи за мной слѣдуетъ мой пріятель. Очевидно, онъ былъ введенъ въ заблужденіе моею національностью и принялъ меня, пожалуй, за шпиона.

Когда я въ тотъ-же вечеръ рассказывалъ объ этомъ на вечерѣ у одного негоціанта, то онъ весело смѣялся и замѣтилъ:

— Не сердитесь, милордъ. Онъ по усердію...

Черезъ три дня, осмотрѣвъ всѣ достопримѣчательности и познакомившись съ мѣстной прессой, я поспѣшилъ уѣхать изъ Одессы, тѣмъ болѣе, что торопился заглянуть въ Крымъ. Кстати о прессѣ. Здѣсь, Дженни, нѣсколько газетъ и весьма приличныхъ. По крайней мѣрѣ бумага и шрифтъ не оставляютъ желать лучшаго. Что-же касается до содержанія, то, за исключеніемъ одного „Одесскаго Вѣстника“, всѣ одесскія газеты высказываются о своихъ потребностяхъ и нуждахъ въ самомъ откровенномъ направленіи. Рассказывали, что статьи извѣстнаго русскаго професора, Цитовича, печатаемыя въ „Новор. Телеграфъ“, производятъ сильное впечатлѣніе, но, къ сожалѣнію, я прочелъ только одну статью почтеннаго професора, въ которой онъ описываетъ какихъ-то „мадамшъ“, съ гражданскимъ мужествомъ, дѣлающимъ честь его откровенности. Правда, слогъ почтеннаго ученаго нѣсколько скабрёзень, даже для съискнаго отдѣла, въ статьѣ сквозитъ личное раздраженіе, но вообще статья недурна и откровенна.

Вообще, сколько я могъ замѣтить въ послѣднее время, журналистика русская сдѣлала большіе успѣхи въ смыслѣ откровенности, и если въ первое мое пребываніе въ Россіи журналисты какъ-будто были болѣе скрытны, то зато теперь они, какъ здѣсь говорятъ, „закусили удила“ и печатаютъ все, что только подходитъ подъ откровенное направленіе, безъ всякаго опасенія за розничную продажу. Впрочемъ, къ этому вопросу мнѣ еще придется вернуться, а теперь въ нѣсколькихъ словахъ расскажу тебѣ мою экскурсію на южный берегъ Крыма.

Прелестнымъ уголкомъ надѣлила Турція Россію (вѣрнѣе, прелестнымъ уголкомъ завладѣла императрица Екатерина): превосходные виды, голубое небо, превосходная природа и мягкій климатъ. Сюда многіе пріѣзжаютъ на осень, а больше проводятъ зиму. Этотъ уголокъ былъ-бы однимъ изъ прелестнѣйшихъ въ Европѣ, еслибы рука человѣка приложила нѣкоторыя усилія къ дарамъ природы. Но такъ-какъ русскіе, надѣясь на Господа Бога и рассчитывая, что божественный промыслъ не оставитъ ихъ, не особенно заботятся о своемъ краѣ, то въ-концѣ-концовъ оказывается, что жить въ Крыму возможно только очень богатымъ людямъ, а остальнымъ смертнымъ выгоднѣе ѣхать умирать въ Швейцарію или на югъ Франціи. Дороговизна страшная въ гостинницахъ и въ одномъ-двухъ пенсіонахъ, которые здѣсь находятся. Одинаково дороги и квартиры. Цѣны всѣхъ продуктовъ сумасшедшіе; ихъ привозятъ изъ Одессы или Севастополя. Купальни

не устроены. Общественная купальня въ Ялтѣ представляетъ собою скорѣе общественную выставку женскихъ тѣлъ, на которую ходятъ любоваться прїѣзжіе люди, чѣмъ сколько-нибудь сносное купанье. Дома отвратительно построены, развлеченій никакихъ, библиотека плохая... однимъ словомъ, кромѣ чуднаго климата и пзщныхъ дворцовъ, раскинутыхъ по по берегу, на южномъ берегу Крыма нѣтъ ничего, что-бы могло привлечь небогатаго человѣка..

— Отчего это ничего не устроить здѣсь? спрашивалъ я одного русскаго.

— Да развѣ здѣсь не устроено? Помилуйте, чего-же еще... слава Богу!

Я пробылъ въ Крыму недолго, и экскурсія моя окончилась, милостью Бога, благополучно. Правда, въ одной деревушкѣ моя шляпа съ бѣлой вуалюю чуть-было не сдѣлалась предметомъ серьезнаго недоразумѣнія, но я тотчасъ поднесъ подъ носъ сельскому писарю свой паспортъ знатнаго иностранца, и писарь разрѣшилъ мнѣ продолжать носить мою шляпу.

Да, Дженни, природа здѣсь разлила свои дары очень щедро, но пользоваться ими могутъ только очень немногіе.

До слѣдующаго письма, дорогая моя.

Твой Джонни, знатный иностранецъ.

Письмо сороковое.

Дорогая Дженни!

Благодареніе Всевышнему, я совершилъ путешествіе отъ Крыма до Петербурга здравъ и невредимъ. Я прибавилъ-бы: вполнѣ благополучно, еслибы чувство справедливости не заставило меня упомянуть о недоразумѣніяхъ, впрочемъ самыхъ незначительныхъ, бывшихъ со мною на дорогѣ, но по совѣсти скажу, что въ нихъ прежде всего виновать я самъ и никто болѣе.

Еще въ Бахчисараѣ одинъ русскій джентльменъ доброжелательно предупреждалъ меня, чтобы я снялъ шляпу съ вуалюю и по возможности освободился отъ слишкомъ, по его мнѣнію, свободныхъ манеръ, которыя могутъ быть поводомъ къ недоразумѣнію въ различныхъ захолустьяхъ, гдѣ нѣтъ просвѣщенныхъ агентовъ.

— Повѣрьте, милордъ, пояснилъ онъ, замѣтивъ изумленіе на моемъ лицѣ,—опытному человѣку. Я только-что возвратился съ Кавказа, испытавъ немало недоразумѣній въ путешествіи, единственно вслѣдствіе свободныхъ моихъ манеръ. Впрочемъ, не я одинъ. Быть можетъ, вы читали въ газетахъ происшествіе съ химикомъ-винодѣломъ Саломаномъ?

— Читаль...

Здѣсь будетъ умѣстно замѣтить тебѣ, Дженни, что почтеннаго винодѣла въ одной изъ деревень приняли за подозрительнаго челоуѣка, вслѣдствіе свободныхъ его манеръ и большого сходства съ европейцемъ.

— Если читали, то удивляюсь, милордъ, какъ это вы такъ размахиваете руками, громко разговариваете, однимъ словомъ, внушаете всѣмъ и каждому, что вы европеецъ?

— Но вѣдь я не на Кавказъ ѣду! отвѣчалъ я, искренно пожимая руку благожелателю за его предупрежденіе.

Подивившись, признаться, осторожности русскаго джентльмена, — осторожности, столь, казалось бы, несвойственной русскому племени, я пренебрегъ его совѣтомъ и надѣлъ шляпу съ вуалью, но въ скоромъ времени сталъ замѣчать, что злополучный мой головной уборъ, столь распространенный на Востокъ, обратилъ на себя вниманіе.

Нечего и говорить, что по приѣздѣ въ ближайшій городъ, гдѣ можно было купить себѣ шляпу (пришлось, впрочемъ, ѣхать цѣлые сутки до такого города), я немедленно отправился въ лавку и спросилъ себѣ шляпу.

— Какую вамъ?

— Самую благонамѣренную!

Приказиѣкъ не понималъ меня.

— У насъ, говорилъ онъ, — есть шляпы Бисмаркъ, есть шляпы „свободныхъ гражданъ“, есть гарибальдїйки, есть, наконецъ, обыкновенные цилиндры...

— Превосходно. Давайте мнѣ Бисмарка!

Шляпа была уродлива, нѣмецкаго фасона, похожая на цвѣточный горшокъ, но, дѣлать было нечего, я надѣлъ Бисмарка на голову. Но не прошло и дня, какъ Бисмаркъ подалъ поводъ ко второму недоразумѣнію, которое заключалось въ слѣдующемъ.

За нѣсколько станцій до Курска, въ вагонъ 1 класса, гдѣ я находился, вошелъ пожилой господинъ высокаго роста, съ длинной бородой. Онъ сѣлъ около меня и вначалѣ даже завелъ со мной самый дружескій разговоръ; но когда мы приѣхали въ Курскъ, и я хотѣлъ-было идти закусить, какъ вдругъ появились въ вагонѣ сторожа, а высокій джентльменъ произнесъ:

— Это ты! Берите его, братцы, этого нѣмца!

Откровенно признаюсь тебѣ, Дженни, у меня сильно забилось сердце. Сторожа были саженные молодцы, все на подборъ. Зная, сколь русскіе люди добросовѣстны при исполненіи своихъ обязанностей и какъ вообще не любятъ они нѣмцевъ, я, при ви-

дѣ четырехъ молодцовъ, соображалъ, сколько мѣсяцевъ придется мнѣ пролежать въ больницѣ.

— Остановитесь! воскликнулъ я отчаянно.—Я не нѣмецъ!

— Вреть онъ, ребята! У него самая нѣмецкая шляпа! проговорилъ джентльменъ съ длинными усами.—Онъ, навѣрное, Бисмарковъ шпионъ. Недаромъ нѣмецъ уже у воротъ Дерпта (джентльменъ, Дженни, цитировалъ восклицаніе извѣстнаго германофобскаго органа)! Онъ теперь къ намъ внутрь пробирается. Лупсуйка! По пяти рублей на рыло!

— Стой, ребята! Я не нѣмецъ: вотъ вамъ доказательство!

И я, Дженни, произнесъ подрядъ нѣсколько самыхъ отчаянныхъ ругательныхъ клятвъ, употребленіе которыхъ между русскими почему-то обязательно.

Всѣ остановились въ нѣкоторой нерѣшительности.

— Должно быть, они будутъ русскіе! проговорилъ одинъ изъ сторожей.

И чтобы окончательно убѣдить, что я русскій, твой другъ, Дженни, далъ одному изъ джентльменовъ такой ударъ бокса, что высокій господинъ тотчасъ послѣ этого подошелъ ко мнѣ и, объявивъ, что онъ купецъ второй гильдіи, торгуетъ мяснымъ товаромъ въ охотномъ ряду въ Москвѣ, сталъ извиняться и приглашалъ выпить вмѣстѣ съ нимъ, въ знакъ дружбы, бутылку пива.

— Ужъ вы простите. Я до страсти нѣмца не люблю, а въ послѣднее время такъ просто слышать о немъ не могу, какъ онъ нашу матушку Россію оплелъ.

Я простилъ этому чудаку, но не могъ не выразить удивленія по поводу его храбрости.

— Вы, прибавилъ я,—могли-бы пострадать, сэръ, за самоуправство!

— Ни въ жизнь! смѣясь, отвѣтилъ онъ.

— Какъ такъ?

— Очень просто. Я сказалъ-бы, что принялъ васъ за подозрительнаго человѣка, и дѣло въ шляпѣ!

— Ну?

— Ну, значить, и отлупцовали-бы васъ, милый человѣкъ, изъ патріотизма. Vous comprenez?

— Однако, сэръ...

— Что дѣлать? Надо, наконецъ, намъ перестать Европѣ въ зубы-то смотрѣть!

Несмотря на столь удачный исходъ недоразумѣнія, и то единственно благодаря моей находчивости и основательному знакомству съ русскимъ языкомъ, я все-таки, Дженни, пересѣлъ въ другой вагонъ и до самого Петербурга остерегался съ кѣмъ-либо

вступать въ разговоръ, тѣмъ болѣе, что и спутники мои русскіе, обыкновенно въ дорогѣ сообщительные, теперь сидѣли молча, подозрительно поглядывая другъ на друга.

Я остановился въ той-же „Европейской гостинницѣ“, въ которой останавливался и въ первый мой прїѣздъ, и первымъ моимъ дѣломъ, разумѣется, было отправить въ контору гостиницы свой паспортъ, чтобы въ газетахъ поскорѣй явилось извѣстіе о прибытіи знатнаго иностранца, столь преданнаго Россіи и русскимъ, и въ видахъ предосторожности противъ лакеевъ въ гостинницѣ, относящихся къ незнатымъ иностранцамъ съ какимъ-то непонятнымъ для насъ, англичанъ, подозрительнымъ предубѣжденіемъ.

Я нашель, Дженни, въ Петербургѣ нѣкоторыя перемѣны, свидѣтельствующія несомнѣнно о быстромъ ростѣ сѣверной Пальмиры. Во-первыхъ, мостъ черезъ Неву готовъ и открытъ для движенія. Мостъ очень красивъ, изященъ и, относительно, выстроенъ дешево, такъ-какъ, по словамъ русскихъ, никто не мѣшалъ, какъ здѣсь выражаются, „вкатить“ его въ три раза дороже. Относительно прочности самъ строитель утверждалъ неоднократно, что мостъ проченъ и вообще превосходно выстроенъ, а равно, что строитель — замѣчательный строитель и прекрасный гражданинъ. При замѣчательной скромности русскихъ, о которой я не разъ свидѣтельствовалъ въ моихъ прежнихъ письмахъ, подобное, очевидно вынужденное, заявленіе слѣдуетъ считать лучшимъ ручательствомъ какъ за достоинство постройки, такъ равно и за талантливость строителя.

Затѣмъ, что крайне порадовало меня, это удобство (котораго прежде не было) при отысканіи домовъ и квартиръ, а равно удобство быть внесеннымъ въ свою квартиру, въ случаѣ поздняго возвращенія домой въ такомъ видѣ, когда человѣкъ вовсе теряетъ способность движенія.

Прежде справки о томъ, гдѣ живетъ такое-то лицо, составляли воистинну адское дѣло въ Петербургѣ. Приходилось отыскивать дворника, что не всегда было легкимъ дѣломъ, а теперь обязательный и вѣжливый дворникъ всегда къ услугамъ твоимъ у воротъ и готовъ по-первому требованію показать не только дорогу въ квартиру, но, еслибы тебѣ понадобилось, то и дорогу въ ближайшій police-station.

Помимо того, Дженни, прежде знатный иностранецъ (какъ не разъ было со мною), возвращавшійся съ торжественнаго обѣда или съ ужина въ состояніи невмѣняемости, рисковалъ провести ночь у дверей своей квартиры, такъ-какъ здѣсь, какъ въ странѣ демократической, знатные иностранцы въ пьяномъ состояніи не пользуются привилегіей, оказываемой полицменами гражданамъ менѣе

почетныхъ сословій, быть отвезенными на извозчикѣ (gratis, разумѣется) въ участокъ для отрезвленія; такимъ образомъ, Дженни, вопросъ о нахожденіи дверей своей квартиры нерѣдко являлся роковымъ. Обязательные-же дворники всегда готовы теперь явиться на помощь и донести на своихъ плечахъ до постели гражданина, не въ мѣру выпившаго шампанскаго.

Затѣмъ, говоря о перемѣнахъ, я долженъ упомянуть о замѣтномъ оживленіи и о такой откровенности прессы, какой я прежде не замѣчалъ въ ней, а съ другой стороны о большей сдержанности и средоточіи въ себѣ жителей, въ виду грозящей, какъ увѣряютъ многія газеты, опасности отъ нѣмца. Рассчитывая коснуться этихъ явленій въ слѣдующемъ письмѣ, пока замѣчу тебѣ, что, благодаря пущенному органомъ крайнихъ джигговъ слуху, что нѣмцы ужь у воротъ Дерпта, русскіе стали рѣже оставлять свои дома и къ вечеру стараются быть дома, чтобы какъ-нибудь среди глубокой ночи не очутился нѣмецъ у ихъ воротъ и не засталъ-бы столичнаго жителя врасплохъ.

Но нововведеніе, въ особенности поразившее меня—и, признаюсь, поразившее неособенно пріятно мое обонаніе—это появленіе значительнаго количества тѣхъ специалистовъ извѣстнаго сорта, пріемы которыхъ и специфическій запахъ дали талантливому русскому сатирику идею назвать ихъ „уроженцами ретирадныхъ мѣстъ“.

Прежде, сколько помнится, названные джентльмены не съ тою свободой и съ меньшимъ по крайней мѣрѣ апломбомъ показывались днемъ и по возможности избѣгали общаго вниманія, понимая очень хорошо, что и безъ того столица не можетъ похвастать хорошимъ воздухомъ. Дѣятельность этихъ джентльменовъ начиналась обыкновенно ночью, и только запоздалые путники могли обонять всю прелесть ночного эфира. Теперь-же эти уроженцы не только свободно гуляютъ по улицамъ среди бѣлаго дня, но даже стали заниматься публицистикой, и вотъ, вѣроятно, причина ужаснѣйшаго запаха, издаваемого нѣкоторыми изъ здѣшнихъ газетъ.

Когда, вскорѣ послѣ приѣзда, я обратился за разъясненіемъ къ одному изъ „амікусовъ“, тотъ безъ всякой запинки отвѣчалъ:

— Это запахъ здоровый, очищающій нашу литературу.

— Развѣ она требуетъ такой радикальной дезинфекціи?

— Именно, милордъ. Пора очистить! Время нынче самое подходящее.

— Но отчего, скажите, все-таки газеты такъ скверно пахнутъ?

— Это вамъ съ непривычки кажется. Напротивъ, самый здоровый запахъ!

Быть можетъ, Дженни, онъ и правъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ своимъ соотечественникамъ (ты не забыла русской поговорки: „что русскому здорово, то нѣмцу смерть!“), такъ-какъ я встрѣчалъ очень много русскихъ, которые не только-что не надѣваютъ перчатокъ, приступая къ чтенію газетъ съ специфическимъ запахомъ, но даже облизываютъ ихъ, выражая этимъ, по русскому обычаю, высшій знакъ расположенія.

Какъ видишь, не только нравственныя понятія относительны, но и самое обоняніе относительно.

До слѣдующаго письма. Будь спокойна и вѣрь счастливой звѣздѣ твоего вѣрнаго

Джонни, знатнаго иностранца.

Письмо сорокъ первое.

Дорогая Дженни!

Прежде чѣмъ рассказать тебѣ о причинахъ необыкновеннаго оживленія русской печати, насколько я могу, по крайней мѣрѣ, догадываться, отмѣчу слѣдующій фактъ, поразившій меня въ настоящій прїѣздъ. Во-первыхъ, русская публицистика развилась за короткое время съ такою свободою, о которой едвали могли мечтать русскіе журналисты нѣсколько времени тому назадъ. Безъ какой-либо боязни, въ настоящее время можно говорить рѣшительно обо всемъ, а преимущественно о метеорологическихъ явленіяхъ... Прочитывая, въ качествѣ любопытнаго иностранца, здѣшнія газеты, я, съ ужасу своему, увидѣлъ, какая масса преступниковъ гуляетъ на свободѣ, и мало того, нѣкоторые изъ нихъ еще держатъ въ рукахъ перья и этими самими перьями, Дженни, если вѣрить ихъ обвинителямъ, совершаютъ по десяти уголовныхъ преступленій въ минуту. Не проходитъ дня, чтобы одна часть прессы, которую можно назвать вполне свободно въ розыскахъ, въ отличіе отъ другой части, которую слѣдуетъ назвать менѣе свободно, не обвиняла кого-нибудь изъ собратьевъ, а то даже и частныхъ людей въ какомъ-либо преступленіи, за которое слѣдовало-бы, какъ здѣсь выражаются, „за ушко да на солнышко“. Обвиненія пишутся и въ прозѣ, и въ стихахъ, съ прямымъ указаніемъ или въ формѣ иносказанія. Однимъ словомъ, Дженни, теперь можно, что называется, быть вполне откровеннымъ; если-же нѣкоторыя газетъ не воспользовались пока этимъ преимуществомъ, то единственно вслѣдствіе отсутствія таланта въ ихъ редакторахъ и сотрудникахъ.

Какъ я, со своей стороны, ни радовался за свободу русской прессы, но, признаюсь, сталъ побаиваться русскихъ журналистовъ, и когда одинъ репортеръ въ письмѣ просилъ позволенія видѣться со мной, чтобы „имѣть честь“ сообщить въ газету отчетъ о свиданіи съ знатымъ иностранцемъ, вѣроятно, прибывшимъ съ цѣлью окончательнаго соглашенія по азіатскимъ дѣламъ, то я написалъ въ отвѣтъ короткое письмо, въ которомъ извинялся, что не могу принять почтеннаго русскаго джентльмена за нездоровьемъ.

Другой фактъ, не менѣ любопытный, тотъ, что въ настоящее время сочиняется такое количество записокъ, меморій и проектовъ, какое едва-ли было въ другіе періоды русской исторіи. Одушевленные, разумѣется, благими побужденіями, многіе стали писать такъ-называемыя здѣсь „улики“ и „предувѣдомленія“. Есть улики времени, улики специальнымъ вѣдомствамъ, улики всѣмъ недостижимъ пятидесятилѣтняго возраста, улики частнымъ лицамъ, улики въ воровствѣ, въ мошенничествѣ и т. п. Такое множество накопилось этихъ уликъ, что разобраться въ нихъ, Дженни, рѣшительно нѣтъ никакой возможности. Видишь только, что уличаютъ одинъ другого, а московская газета г. Каткова уличаетъ поголовно всѣхъ, исключая своихъ сотрудниковъ и преподавателей древнихъ языковъ.

Потребность въ уликахъ даже обуяла должностныхъ лицъ, и недавно еще въ одномъ кавказскомъ подцензурномъ органѣ, „Тифлискомъ Вѣстникѣ“, была напечатана прелюбопытная полемика, въ которой одинъ правительственный агентъ (разумѣется, мелкій) уличилъ другого (то-же, конечно, мелкаго).

На далекомъ Кавказѣ есть шаропанскій уѣздъ. Начальникъ его — полковникъ Ефимовскій, а у начальника, какъ водится, былъ помощникъ, подполковникъ Кавтарадзе. Пока эти агенты были вмѣстѣ, никто изъ нихъ не пробовалъ себя на литературномъ поприщѣ; но вотъ помощникъ сдѣлался самъ начальникомъ, полицій-мейстеромъ города Поти, и напечаталъ статью, въ которой описалъ дѣйствія *одного* начальника, деликатно умалчивая, конечно, какъ это любятъ русскіе, кто такой этотъ „одинъ“. Но начальникъ узналъ себя и отвѣчалъ на статью статейкой, въ которой, между прочимъ, спрашивалъ:

„Что должны сказать о такомъ господинѣ (Кавтарадзе) *все честные люди*, когда узнаютъ, что ближній (Ефимовскій), въ котораго онъ бросилъ грязью, былъ его *начальникъ*, удостоивавшій его втеченіи многихъ лѣтъ *широкаго довѣрія* и оказывавшій не одинъ разъ ему *благодѣянія*, не подозрѣвая, что подъ личиною *преданнаго сослуживца* скрывается непримиримый и ожесточенный врагъ?“

Но „преданный“ сослуживецъ, въ отвѣтъ на увѣренія началь-

ника, что „трудно пошатнуть добрую репутацію, которую онъ себѣ составилъ безупречною службою въ Шаропани“, съ истинною неблагодарностью „преданнаго“ сослуживца попробовалъ въ новомъ литературномъ упражненіи „пошатнуть добрую репутацію“: онъ вспоминая, хотя, къ сожалѣнію, нѣсколько позднеенько, Дженни, о казакахъ, употребляемыхъ для прислуги, намекая на причины „незадержанія бѣглаго дворянина Абашидзе“ и совѣтуетъ бывшему начальнику „молчать“, причѣмъ онъ задаетъ, опять-таки нѣсколько поздно, такіе вопросы, свидѣтельствующіе несомнѣнно о благородствѣ возрѣній г. потійскаго полиціймейстера:

„Чѣмъ вы стяжали себѣ славу незамѣнимаго въ Шаропани уѣзнаго начальника, какъ вы всегда выражаетесь, втеченіи 13-ти-лѣтней службы вашей? Не тѣмъ-ли, что вы, съ 8-ми до 12-ти часовъ дня ежедневно, акуратно сидите въ уѣздномъ управленіи и занимаетесь составленіемъ или пересматриваніемъ ремарокъ, разныхъ *пустыхъ* предписаній къ сельскимъ старшинамъ и что, впродолженіи 13-ти лѣтъ вашей службы въ Шаропани, *13-ти разъ не ѣздили по уѣзду*, чтобъ поближе ознакомиться съ нуждами и потребностями народа, нравами и обычаями котораго вы всегда гнушались? Не тѣмъ-ли, что вы, впродолженіи *многихъ лѣтъ*, занимаетесь *мордобитіемъ* сельскихъ старшинъ и другихъ сельскихъ должностныхъ лицъ, срывая съ первыхъ цѣпи, должности ихъ присвоенныя? Наконецъ, не тѣмъ-ли, что вы ни одного слова не можете сказать своему чиновнику *безъ грубости и дерзости* при исполненіи имъ служебной обязанности?“

Я не знаю, Дженни, что отвѣтилъ на это, припертый къ стѣнѣ „преданнымъ“ сослуживцемъ, начальникъ, но что-бы онъ ни отвѣтилъ (а, быть можетъ, обоимъ джентльменамъ придется въ судѣ разговаривать), нельзя все-таки не пожалѣть, что благородныя изобличенія „преданнаго“ сослуживца покоились въ груди втеченіи тѣхъ самыхъ 13 лѣтъ, во время которыхъ почтенный начальникъ занимался дѣлами, о которыхъ теперь повѣствуетъ обличитель. Поздно, очень поздно спохватился преданный подчиненный, и этотъ жаръ въ крови, проявленный имъ теперь, едва-ли не слѣдуетъ приписать общему настроенію къ уликамъ.

Разумѣется, „преданный“ подчиненный преувеличилъ, говоря, будто начальникъ втеченіи 13 лѣтъ не могъ сказать ни одного слова безъ грубости и дерзости. Вѣдь если принять буквально слова полемизатора, то окажется, что втеченіи 13 лѣтъ сквернословіе не прерывалось ни на минуту, что едва-ли возможно, даже смѣло скажу, невозможно, такъ-какъ я видалъ джентльменовъ, очень способныхъ по части ругательствъ, но и тѣ позволяли себѣ съ своими подчиненными нѣкоторую передышку. Впрочемъ, быть

можетъ, на Кавказѣ оно и не такъ, достовѣрно увѣрять тебя не смѣю.

Но ты, Дженни, сдѣлала-бы большую ошибку, предположивши, что русскіе ругаются, тая въ сердцѣ зло. Въ томъ-то и заключается неотразимая прелесть ихъ взаимныхъ отношеній (я даже удивляюсь подполковнику Кавтарадзе, какъ онъ, наслаждаясь этой прелестью 13 лѣтъ, вдругъ отнесся къ ней сурово), что здѣсь не вполнѣ удобныя для передачи выраженія, заключаая въ себѣ энергію лондонскихъ извошниковъ, въ то-же время имѣютъ отгѣнонь искренности и дружелюбія и потому, когда одинъ другому здѣсь говорить: „скотина“ или „свинья“ (я беру самыя невыразительныя привѣтствія), то это означаетъ, собственно говоря, просто-на-просто вниманіе и почтеніе. Если вспоминаютъ родственниковъ, то этимъ хотятъ выразить благоговѣйную память къ умершимъ, а если при отдачѣ приказанія намекаютъ джентльмену на нѣкоторое сходство его съ собакой, то иносказательно одобряютъ его преданность, равную по силѣ съ собачьей.

Таковы обычаи въ этой странѣ, и тысячу разъ не правъ былъ-бы тотъ, кто, оглушенный по русскимъ улицамъ массою привѣтствій, раздающихся направо и налево, подумалъ-бы, что русскіе грубы и невѣжливы.

Такимъ-же обличительнымъ характеромъ отличалась и защита полковника Антонова въ сенатѣ. Полковникъ горячо защищался. Его обвиняли въ бездѣйствіи и предали суду, и вотъ что, между прочимъ, сказалъ онъ господамъ сенаторамъ въ свое оправданіе. Предварительно маленькое замѣчаніе. Ты увидишь, Дженни, какъ строги русскіе, когда попадется въ предосудительномъ поступкѣ какой-нибудь незначительный агентъ. По счастью, болѣе значительные не совершаютъ никогда предосудительныхъ поступковъ, и потому дѣла о нихъ никогда и не разбираютъ, а то-бы это былъ хорошій урокъ для нашихъ Дизи, Сэлисбюри и другихъ, воображающихъ себя безотвѣтственными. Побывали-бы они здѣсь, да посмотрѣли-бы, какъ строго наказывается здѣсь безпечность, бездѣйствіе, превышеніе, корыстолюбіе и т. п. поступки.

Сдѣлавъ предварительное замѣчаніе, перевозжу тебѣ изъ судебного отчета послѣднее слово обвиняемаго, бывшаго одесскаго полиціймейстера:

„Я не считалъ-бы для себя постыднымъ сознаться здѣсь предъ вами, гг. сенаторы, еслибъ я былъ сколько-нибудь виноватъ, еслибъ я по-совѣсти могъ принять на себя какую-нибудь виновность по должности моей одесскаго полиціймейстера. Мнѣ-бы не совѣстно было сказать здѣсь: „я проспалъ, прозѣвалъ, я ошибся“; только тотъ не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ. Но я слишкомъ много

дѣлалъ въ Одессѣ. Я 20 часовъ работалъ въ сутки, я дошелъ до кровохарканья, и не могу сказать, что я виноватъ. Здѣсь надо взять въ расчетъ время, когда я былъ командированъ въ Одессу, тѣ тяжолыя служебныя условія, въ которыя я былъ поставленъ во время нахождения въ Одессѣ, и ту задачу, которая была на меня возложена. Время это было 1871 года, послѣ тѣхъ знаменитыхъ пасхальныхъ уличныхъ беспорядковъ, когда двадцати-тысячная толпа шла по улицѣ, грабила, разбивала, жгла, убивала и увѣчила людей. Полиція выказала тогда всю безтактность и немѣлость; она вызвала пожарныя части, которыя стали угощать публику холодными душами. Естественно, эта мѣра не могла усмирить публику и еще болѣе раздражила ее. Тогда началась, гг. сенаторы, та знаменательная на всѣхъ перекресткахъ улицъ и площадяхъ порка жителей для усмиренія народа, при которой нѣкоторыя женщины, въ доказательство того, что онѣ выпороты, показывали извѣстныя части тѣла и тѣмъ не менѣе все-таки ихъ пороли... Вслѣдъ за этимъ генераль-губернаторъ тамошняго края обратился къ петербургскому градоначальнику, г. Трепову, съ просьбою дать ему опытнаго штаб-офицера для введенія новыхъ полицейскихъ началъ и уничтоженія той анархіи, того своеволія, которое существовало въ Одессѣ. Этотъ опытный офицеръ или, лучше сказать, этотъ злосчастный офицеръ—былъ я. Я пріѣзжаю и что-же застаю? Шутка сказать—снять вѣковую плѣсень, всосавшуюся въ плоть и кровь каждаго полицейскаго чиновника! Шутка сказать—уничтожить существовавшія традиціи! Хотя я и не хотѣлъ ѣхать въ Одессу, такъ-какъ и здѣсь мнѣ было хорошо на службѣ, но мнѣ сказали: „вы служите, вы должны ѣхать, извольте ѣхать!“—и я поѣхалъ“. Потомъ подсудимый разсказалъ, какъ онъ пріѣхалъ въ Одессу и занялся улучшеніемъ сначала нижнихъ чиновъ полиціи, для каковой цѣли и выписалъ изъ Петербурга 25 опытныхъ городскихъ, которыхъ самъ распредѣлилъ на посты и вручилъ каждому изъ нихъ изданную имъ инструкцію, какъ они должны вести себя по отношенію къ публикѣ. Потомъ онъ осмотрѣлъ пожарную команду и вотъ-что увидѣлъ: „Это какое-то разрушенное учрежденіе. сказалъ подсудимый.—Бочки представляли видъ какихъ-то укусныхъ боченковъ и почти всѣ текли, такъ-что дай Богъ довести до мѣста пожара два-три ведра воды; вся сбруя была гнилая, такъ-что не было возможности запрячь лошадей“ (г. первоприсутствующій остановилъ подсудимаго, замѣтивъ ему, что эти подробности излишни). Далѣе, полковникъ Антоновъ указалъ на то, что всѣ пожарные солдаты заявили ему, что они не поены, не кормлены, не полу-

чаютъ ни сапоговъ, ни рубахъ; лошади-же грызли ясли и выбрали кормъ изъ собственного навоза; солдаты заявили также, что они не получаютъ ни жалованья, ни порціонныхъ денегъ, и что лѣтомъ отправляются съ обозомъ въ Колонтаевку, за 35 верстъ отъ Одессы, тамъ косятъ сѣно цѣлое лѣто и потомъ привозятъ его въ городъ на продажу въ пользу брантъ-маіора. Въ виду такихъ злоупотребленій, онъ, обвиняемый, сдѣлалъ надлежащее донесеніе, въ которомъ просилъ объ увольненіи и привлеченіи къ суду брантъ-маіора, но въ тотъ-же день получилъ предписаніе, которымъ пожарная команда изымается изъ его вѣдомства, тогда-какъ по закону, она должна была находиться въ его непосредственномъ завѣдываніи. Далѣе, полковникъ Антоновъ, чтобы охарактеризовать тагдашнюю полицію, привелъ такой случай. Одинъ изъ полицейскихъ офицеровъ, помощникъ пристава, Генишъ, пересидѣвъ четырехъ мошенниковъ въ платьѣ городовыхъ, врывается съ ними въ находящійся на самой многолюдной улицѣ (Дерибасовской) табачный магазинъ Петрова они; требуютъ отъ него всего наличнаго капитала, грозя, въ случаѣ неисполненія, заковать въ кандалы, и когда Петровъ съ женою отказываются, то его начинаютъ заковывать въ кандалы; когда-же Петрову удалось выскочить изъ лавки, жена его выложила бывшіе у нея 2,000 руб. Деньги эти Генишъ беретъ себѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что ихъ разсмотрѣть въ полиціи и, выйдя на улицу, тутъ-же дѣлится ими съ мошенниками. Указавъ на то, въ какой средѣ онъ долженъ былъ вращаться, обвиняемый замѣтилъ, что Болотовъ былъ продуетъ этой среды, что онъ не могъ усмотрѣть за нимъ, тѣмъ болѣе, что надъ нимъ стоялъ специально назначенный для этого помощникъ полиціймейстера. Притомъ-же, кромѣ проституціоннаго дѣла, въ полицейской дѣятельности существуетъ много отраслей, за которыми онъ, обвиняемый, долженъ былъ наблюдать, какъ, на примѣръ, охраненіе народнаго здравія. Во время прїѣзда его въ Одессу базары, пекарни и т. п. представляли собою видъ клоаки, такъ-что ему пришлось уничтожить десятки тысячъ пудовъ негодной рыбы. Пекарни, которыя онъ потомъ перестроилъ, были сплошь покрыты клопами и тараканами. „Я, сказалъ полковникъ Антоновъ, — своими собственными руками вытаскивалъ ихъ изъ квашней; пекари, мѣшавшіе тѣсто, были съ ногъ до головы заражены венерическою болѣзью. Потомъ я укажу на существованіе стачекъ ремесленниковъ, которыя пріобрѣли какъ-бы право гражданства со своими марсельезами, значками, знаменами и т. д. На примѣръ, просыпается городъ,—и нѣтъ ни одного ломтя хлѣба; приходитъ пароходъ или желѣзнодорожный поѣздъ,—нѣтъ ни одного извозчика. Я укажу здѣсь на тотъ фактъ, что

когда одинъ изъ извозчиковъ, вопреки стачки, выѣхалъ на улицу, то его окружила громадная толпа, стащила съ дрожжъ сѣдока (мироваго судью Орлова) и избила извозчика. Потомъ, кто уничтожилъ въ Одессѣ страшные кулачные бои въ 10, 20 тысячъ человѣкъ, происходившіе нѣсколько разъ въ годъ, которые приобрѣли полное право гражданства? Я смѣло могу сказать, что я уничтожилъ эти бои, начинавшіеся съ боя на кулачкахъ и кончавшіеся убійствами, увѣчьями, поджогами и грабежами“. Указавъ потомъ на то, что даже тѣ полицейскіе чиновники, которые были исключены имъ изъ службы, не могли ничего показать на него на слѣдствіи и только терялись въ гадательныхъ предположеніяхъ, что, вѣроятно онъ зналъ о злоупотребленіяхъ Болотова, полковникъ Антоновъ въ заключеніе сказалъ слѣдующее: „гг. сенаторы! Я 33 года служу безъ малѣйшей зазоринки на совѣсти. Я не взываю къ состраданію, къ милости; виновать я—такъ карайте. Но смѣю сказать, что еслибъ въ моей натурѣ была какая-нибудь испорченность, то не было-бы причины не обнаружиться ей въ теченіи моей 33-лѣтней службы. Я уже на склонѣ лѣтъ, когда нужно разсчитываться съ жизнью, и по устраненіи меня отъ должности, у меня отнимаютъ всякую возможность къ жизни; всѣ прерогативы, приобретенныя мною втеченіи предшествовавшей службы, у меня отнимаются. За что? За то, что я работалъ по 20 часовъ въ сутки, дошелъ до кровохарканья и, можетъ быть, потерялъ рѣшительно все на службѣ. Всѣ лучшіе годы я отдалъ службѣ, я потратилъ здоровье, я изувѣченъ, израненъ, у меня перебиты руки и ноги, и теперь мнѣ говорятъ: „ты не годенъ, тебя нужно выбросить изъ службы“. Что-же дѣлать! Я вѣрую въ судъ и имѣю право разсчитывать на правосудіе и справедливость. Въ заключеніе скажу два слова. Я прошу при этомъ отнестись ко мнѣ снисходительно, потому что я нахожусь въ такой ажитации, что у меня, можетъ быть, вырвется что-нибудь неумѣстное... Дѣло въ томъ, что у меня есть четыре сына, четыре подростка; они готовятся быть гражданами, готовятся поступить въ то общество, которое отъ меня не отворачивается, но изъ котораго меня хотятъ выбросить. Эти четыре воспитывающіеся юноши ждуть отъ меня послѣдняго слова, которое должно заключаться въ отвѣтъ на вопросъ: чѣмъ выгоднѣе быть въ жизни, въ практическомъ примѣненіи—честнымъ человѣкомъ или безчестнымъ? Я, гг. сенаторы, скажу имъ это по выходѣ отсюда“.

Бывшаго полиціймейстера приговорили: „считать отрѣшеннымъ отъ должности по суду“, и многія газеты находятъ наказаніе, постигшее г. Антонова, тяжелымъ. Я, со своей стороны, конечно, не смѣю ничего сказать ни въ его обвиненіе, ни въ оправданіе. За-

мѣчу только, что русскіе вообще строги, когда приходится карать общественныхъ слугъ, по неопытности попадающихъ на скамью подсудимыхъ.

Но что процессъ Антонова передъ процессомъ новгородскихъ крестьянъ? Невдалекѣ отъ Петербурга сожгли живого человѣка, старую женщину, принявъ ее за колдунью, сожгли въ 1879 году по Рождествѣ Христовомъ, въ странѣ, гордящейся своимъ могуществомъ, арміей и успѣхами на поприщѣ гражданственности. Дѣло само по себѣ, Дженни, крайне любопытное, какъ иллюстрація къ тому положенію сельскихъ джентльменовъ, о которыхъ я не разъ тебѣ писалъ.

Объ этомъ въ слѣдующемъ письмѣ. Скажу только свое мнѣніе, что присяжные были правы, принявъ въ расчетъ всѣ эти обстоятельства и оправдавъ большинство подсудимыхъ. Дѣйствительно, они „не вѣдали, что творили“. Кстати замѣчу, что здѣсь не разъ я слышалъ недовольство оправдательными приговорами и за это винять присяжныхъ приписывая оправдательные приговоры ихъ неразвитію и необразованности. И такъ говорить не только лорды и джентльмены, желающіе совсѣмъ уничтожить гласный судъ, замѣнивъ его „согласнымъ“ съ ихъ мнѣніями, т. е. судомъ безгласнымъ,—а, къ сожалѣнію, и болѣе почтенные джентльмены, во чтобы то ни стало желающіе, чтобы присяжные были юридическіе крючководы, а не люди, ищущіе отвѣта на вопросы не въ статьяхъ закона, а въ своей совѣсти и въ сердцѣ своемъ. Мнѣ кажется, что жалобы эти напрасны, и я знаю отзывъ одного почтеннаго члена магистратуры, замѣтившаго, что „съ приговорами присяжныхъ можно иногда не соглашаться, но что они глупы или безтолковы не бываютъ никогда“.

Таково мнѣніе опытнаго и образованнаго предсѣдателя суда. Оно что-нибудь да значить... До слѣдующаго письма. Твой Джонни, знатный иностранецъ.

Письмо сорокъ второе.

Дорогая Дженни!

Приготовься къ одному изъ тѣхъ разсказовъ, написанныхъ дѣловымъ судейскимъ языкомъ обвинительнаго акта, которые именно по своей простотѣ и отсутствію художественныхъ прикрасъ дѣйствуютъ гораздо сильнѣе на человѣка, подавляя фактами и глубиной содержащагося въ нихъ смысла.

Съ этой стороны тихвинскій процессъ представляетъ серьезное и выдающееся явленіе.

Я тебѣ расскажу дѣло вкратцѣ, цитируя судебный отчетъ. Всякая прибавка тутъ святотатственна.

Въ деревню Врачево, деревенской волости, тихвинскаго уѣзда, за два года до трагическаго происшествія переселилась изъ Петербурга уроженка той деревни, солдатка Аграфена Игнатъева, которая съ-молоду слыла за колдунью, обладавшюю способностью „портить“ людей. Когда, два года тому назадъ, крестьяне услышали, что Игнатъева переселится въ деревню, то стали говорить, что пойдетъ „порча“, и уже въ то время высказывалось мнѣніе, что лучше взять Аграфену, заколотить въ срубъ и сжечь. Однако, Игнатъева переселилась, и ее боялись. И такъ-какъ она, по своему болѣзненному состоянію, не могла работать, то, какъ видно изъ показаній свидѣтельницъ Е. Ивановой, П. Симоновой, Д. Богдановой, А. Петровой и М. Григорьевой, всѣ крестьянки старались угождать ей и оказывать различныя услуги, какъ-то: отдавали ей свои лучшіе куски, мыли ее въ банѣ, стирали ей бѣлье, мыли полъ въ ея избѣ и т. п. Со своей стороны, Игнатъева, не увѣряя положительно, что она колдунья, не старалась и разубѣждать въ этомъ крестьянъ, пользуясь внушаемымъ ею страхомъ для того, чтобы жить на чужой счетъ. Глубоко вкоренившееся въ крестьянахъ убѣжденіе, что Игнатъева колдунья, находило себѣ поддержку въ нѣсколькихъ случаяхъ нервныхъ болѣзней, которымъ подверглись нѣкоторыя крестьянки той мѣстности послѣ возвращенія Игнатъевой, и начало всякой подобной болѣзни связывалось въ народномъ говорѣ съ какимъ-нибудь случаемъ мелкаго разлада заболѣвшей крестьянки съ Игнатъевою. Изъ показанія одного свидѣтеля видно, что около Крещенья 1879 г. Игнатъева приходила въ его домъ и просила творогу, но въ этомъ ей отказали, и вскорѣ послѣ того заболѣла его дочь, Настасья, которая въ припадкахъ выкликала, что испорчена Игнатъевой. Кузьминъ ходилъ къ Игнатъевой и кланялся ей въ ноги, проси поправить его дочь, но Игнатъева отвѣтила, что Настасья не портила и помочь не можетъ. Такою-же болѣзнию съ припадками была больна и крестьянка деревни Бередникова, Марья Иванова. Наконецъ, въ концѣ января 1879 г. въ деревнѣ Врачевѣ заболѣла дочь крестьянина Ивана Иванова Шипенка, крестьянка Екатерина Иванова, у которой ранѣе того умерла отъ подобной-же болѣзни родная сестра, выкликивавшая передъ смертью, что она испорчена Игнатъевою. Екатерина Иванова была убѣждена, что и ее испортила Игнатъева за то, что разъ она не позволила своему маленькому сыну идти къ Игнатъевой расколоть дровъ. Такъ-какъ Екатерина Иванова выкликивала, что испорчена Игнатъевою, то ея мужъ, отставной рядовой И. Н. Зайцевъ, подалъ жалобу уряднику, который и

пріѣзжалъ во Врачево для производства дознанія за нѣсколько дней до сожженія Игнатьевой“.

Всѣ эти „порчи“ заставили крестьянъ призадуматься.

4-го февраля, въ воскресенье, когда у одного крестьянина былъ семейный раздѣлъ и по этому случаю были гости, одинъ крестьянинъ (Никифоровъ) обратился къ сборищу съ просьбой защитить его жену отъ Игнатьевой, которая собирается будто-бы ее испортить, какъ объ этомъ выкликала его жена.

Тогда всѣ бывшіе въ гостяхъ крестьяне, убѣжденные, что Игнатьева колдунья, рѣшили тутъ-же обыскать ее, заколотить ее избу и караулить колдунью, чтобы она „никуда не выходила и не бродила въ народѣ“. Крестьяне пошли къ Игнатьевой и изъ найденныхъ въ ея домѣ снадобій убѣдились окончательно, что она колдунья, и стали заколачивать избу. Одинъ изъ крестьянъ подалъ мысль, что надо сжечь колдунью, и всѣ въ одинъ голосъ заговорили — „надо покончить съ нею, чтобы не шлялась по бѣлу свѣту, а то выпустимъ, и она насъ всѣхъ перепортитъ“.

„Послѣ того, какъ было рѣшено покончить съ Игнатьевой, въ избу отправились нѣсколько человѣкъ; остальные стояли на улицѣ у дверей. Игнатьева хотѣла выйти на улицу, но одинъ крестьянинъ толкнулъ ее назадъ, сказавъ: „куда ты валишься?“ и захлопнулъ дверь, а затѣмъ тотчасъ-же ткнулъ огаркомъ лучины въ связку соломы, стоящую у стѣны клѣти, и огонь сразу вспыхнулъ. Другой выхватилъ лучину и, задѣвъ ею за висѣвшіе тутъ-же вѣники, зажегъ послѣдніе. Услышавъ трескъ загорѣвшейся соломы, Игнатьева стала ломиться въ дверь, но послѣднюю придерживали и сверху того подперли жердями. Между тѣмъ два крестьянина, будучи увѣрены, что прежде, чѣмъ поджигать, будутъ заколачивать дверь, продолжали рыться въ клѣти. Но когда они замѣтили изъ-за стѣны клѣти огонь въ сѣняхъ, то выбѣжали вонъ. Всѣ крестьяне, стоявшіе снаружи, увидѣвши, что сѣни загорѣлись, не только не старались затушить пожаръ, но, напротивъ, говорили: „загорѣлось, такъ пусть горитъ; долго мы промаялись съ Грушкой“. Дымъ отъ горѣвшихъ сѣней былъ замѣченъ въ окрестныхъ деревняхъ и на пожаръ стало стекаться много народа. Въ числѣ первыхъ прибѣжалъ старикъ Иванъ Ивановъ Шипенокъ, который въ тотъ день приходилъ во Врачево къ своей больной дочери, Екатеринѣ Ивановой. Узнавъ, что Игнатьева заключена въ горѣвшей избѣ, онъ, по собственнымъ его словамъ, сталъ креститься и бѣгать около избы, говоря: „Слава Богу, пусть горитъ; она (т. е. Аграфена) у меня двухъ дочекъ спортила“. Вскорѣ пришелъ и братъ Игнатьевой, Осипъ. Онъ бросился къ дверямъ, но сѣни были въ огнѣ и туда нель-

зя было попасть; онъ подошелъ къ окну, желая оторвать прибитое полѣно, но крестьяне закричали на него, чтобы онъ не смѣлъ отрывать полѣна, потому что „міромъ заключено и пусть горить“. Въ этотъ день, по показанію всѣхъ, допрошенныхъ при слѣдствіи, крестьянъ, вѣтеръ былъ на рѣку, и потому огонь изъ горѣвшихъ сѣней распространялся не на избу, а на клѣтъ, и долго не добирался до избы, въ которой оставалась Игнатъева. Крестьяне подходили къ Аграфенѣ и говорили ей: „покайся, Грушка, мы тебя выпустимъ“; но Игнатъева молчала и не просила, чтобы ее простили. Братъ также совѣтовалъ ей покаяться мужичкамъ, но Игнатъева отвѣтила ему: „не виновата я, братецъ“. Одинъ крестьянинъ, какъ только прибѣжалъ на пожаръ и узналъ, въ чемъ дѣло, сталъ кричать крестьянамъ: „бѣда вамъ всѣмъ!“ и началъ убѣждать крестьянъ выпустить Игнатъеву и затушить пожаръ, говоря, что за такое дѣло ссылаютъ цѣлыя губерніи, а не только что деревни; по старикъ Иванъ Шипенокъ возражалъ ему въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, говоря, что за это рѣшительно ничего не будетъ; „берите у меня голову, я отвѣчу“, прибавилъ Шипенокъ. Игнатъева, видя неминуемую смерть, пробовала было спастись въ незаколоченное окно, выходившее на огородъ, но окно оказалось слишкомъ тѣснымъ, а крестьяне заколотили и это окно. Тогда Игнатъева стала въ окно выпихивать и подавать брату свои вещи. Такъ-какъ дымъ и огонь вѣтромъ отнесло на рѣку, въ сторону отъ избы, на крышѣ которой лежалъ толстый слой снѣга, то крестьяне рѣшили спихнуть крышу. Послѣ этого исчезла всякая возможность спасти Игнатъеву, такъ-какъ огонь обхватилъ всю избу и потолокъ провалился. Пожаръ продолжался всю ночь, и, по показанію урядника Лазарева, на другой день на пожарищѣ была только развалившаяся печь и яма, гдѣ въ пеплѣ онъ нашелъ остатки костей Игнатъевой.

Вотъ какъ сожгли пятидесятилѣтнюю старуху „волдунью“. Сожгли просто, искренно, чтобы она „не перепортила всѣхъ“. И она покорилась своей горькой участи, она даже не просила прощенія. Она умерла съ твердостью и, зная, что нѣтъ спасенія, „передавала вещи своему брату“. У этой женщины былъ характеръ.

Изъ всѣхъ свидѣтельскихъ показаній, данныхъ на судѣ, самымъ трогательнымъ по простотѣ было показаніе старика Ивана Шипенка.

Вотъ что говорилъ, между прочимъ, древній, совсѣмъ немощной старикъ, тотъ самый, который головой ручался, что ничего не будетъ, сидя въ судѣ на стулѣ, такъ-какъ стоять онъ не могъ:

„Господи благослови, истинный Христосъ и Пресвятая Бого-

родица (крестится). Пришелъ я это, значить, батюшка, дочку свою Катерину навѣститъ; больна, вишь, она была и жила съ мужемъ во Врачевѣ, а я-то въ другой деревнѣ. Поспѣлъ немного, настали сумерки, я и пошелъ домой. На улицѣ попался мнѣ навстрѣчу Григорій Тимофеевъ, солдатъ старый... старше еще меня будетъ. Ну, вотъ и говоритъ: „куда идешь, Иванъ?“ а я говорю: „домой“, молъ. — „Такъ какъ-же, говоритъ: — домой, а дѣло-то дѣлать?“ Я спрашиваю, какое, и поворотился я тутъ и гляжу: народъ бѣжить, и, Господи, сколько бѣжить его! Думаю, что молъ такое, слышу, кричатъ: „Грушка горитъ, Грушка горитъ“. Ну, вотъ я пошелъ туда на самой этотъ пожаръ-то и пришелъ. Ефимъ и говоритъ, что вотъ, ребята, старикъ пришелъ, ну, и стали спрашивать, какъ, говорятъ, дѣлу-то быть? Ну вотъ я и сказалъ: „Что ужъ, ребята, ужъ какъ горитъ, такъ и слава тебѣ Господи (крестится на образъ). Вотъ какъ передъ истиннымъ Богомъ говорю, баринъ. Только всего и словъ моихъ было (начинаетъ плакать и рыдать). Тошно мнѣ, душеньку всю выворачиваетъ, сироты вѣдъ теперь остались, цѣлыхъ трое у Аннушки-то сгубила ни за что! Другую-то дочку, тоже шла тутъ какъ-то, да какъ лопнетъ вдругъ (далѣе разобрать ничего нельзя было, потому что Шипенюкъ просто началъ выть; потомъ, нѣсколько успокоившись, продолжалъ). Ну, такъ вотъ и былъ я на пожарѣ-то; душа моя болитъ, теперь и согрѣшилъ я, что голосъ свой показалъ; ужъ горько очень было; ну, думаю, ничего, молъ, не будетъ, ребята. Вотъ только и сказалъ это, какъ сейчасъ предъ истиннымъ Христомъ небеснымъ. Судите меня, батюшки, какъ хотите и куда хотите“.

Ветхій старикъ и на судѣ крестился, когда произнесъ: „ужъ какъ горитъ, такъ и слава тебѣ Господи!“ Ты видишь полную искренность. Старикъ убѣжденъ, что сдѣлалъ доброе, богоугодное дѣло, и въ словахъ его: „судите меня, какъ хотите и куда хотите“ развѣ не звучитъ истинная готовность пострадать за правое дѣло?..

Многіе откровенные публицисты и фельетонисты поспѣшили обвинить тихвинскихъ крестьянъ въ жестокости, въ хитрости, въ сознательности преступленія, обзывая ихъ зулусами. Такъ-ли это? Простота самого дѣла, быстрота рѣшенія и глубокая тьма, царящая надъ русской деревней, не говорятъ-ли все это, что если кто виновать, то, разумѣется, не „деревня“, а „городъ“, питающійся всѣми соками деревни? Если позоръ сожженія живого человѣка выдается черными пятнами на фонѣ русской жизни, то отвѣтственность за него опять-таки долженъ принять городъ, а не безмолвная, невѣжественная, отягощенная, несчастная деревня.

Кромѣ того между строкъ, посвященныхъ негодованію и сожалѣнію, что звѣрство недостаточно наказано, ясно сквозила мысль: „вотъ какой, молъ, звѣрь русскій народъ и вотъ среди какихъ зулусовъ приходится дѣйствовать благовоспитанной русской интеллигенціи“. При этомъ, разумѣется, единичный фактъ возводился въ обобщеніе. Сожгли нѣсколько человѣкъ колдунью и уже *весь* народъ звѣрь, тотъ самый, замѣтъ Дженни, народъ, который тѣми-же публицистами не разъ выводился изъ соломеннаго царства на столбцы газетъ, для доказательства (когда это нужно) его необыкновенной выносливости, здраваго смысла, ума и неутолимаго желанія объявить войну Дизи.

Однимъ словомъ, тихвинское „звѣрство“ поразило интеллигенцію и до того поразило, что, негодуя, она забыла не менѣе ужасные (если не болѣе) факты звѣрства той-же самой интеллигенціи, по поводу которыхъ никому и въ голову не приходило ужасаться; стоитъ только вспомнить нѣсколько темныхъ страничекъ изъ хроники крѣпостнаго права, всѣхъ этихъ Салтычихъ, исправниковъ Крыловыхъ и т. п., чтобы не приходило въ ужасъ. А Маевскіе, Ландсберги — развѣ не такіе-же тихвинскіе звѣри? И всѣ эти ужасы не припомнили публицисты, ужасающіеся „сожженію колдуньи“, какъ не припомнили, ради уясненія факта, и другихъ явленій, которыя могли-бы свидѣтельствовать, что интеллигенція, которой больше дано и потому больше взыщется, вовсе не такъ далека отъ тихвинскихъ крестьянъ, какъ хотятъ насъ увѣрить. И если народъ — „зулусы“, то и большинство общества тоже „зулусы“, съ той только разницей, что у первыхъ жестокость является, какъ слѣдствіе отчаянія и невѣжества, а у вторыхъ далеко не слѣдствіе такихъ смягчающихъ обстоятельствъ.

Но когда рѣчь идетъ, напримѣръ, о помѣстной интеллигенціи (такъ, Дженни, называютъ здѣсь классъ землевладѣльцевъ), обыкновенно, факты, нерѣдко очень скверно рекомендующіе представителей этого класса, не обобщаются. Когда-же рѣчь о земледѣльцахъ, тогда сейчасъ-же обобщенія и негодованіе на оправдательный приговоръ...

Какъ думаешь ты, помогъ-ли-бы обвинительный приговоръ? Освѣтилъ-ли-бы онъ непроглядный мракъ невѣжества, нищеты и фанатизма? Уменьшилась-ли-бы отъ этого увѣренность, что есть „колдуньи“, которыя посылаютъ на этихъ людей дифтеритъ, болѣзни, нищету и всѣ бѣды людскія? Они чувствуютъ эти бѣды, они простодушно молятъ Бога избавить ихъ отъ нихъ; но бѣды вмѣстѣ съ мракомъ невѣжества совсѣмъ затемняютъ ихъ головы...

Кто-нибудь да виноватъ-же во всѣхъ этихъ „порчахъ“. Не можетъ-же милосердный Господь посылать на нихъ всѣ эти „пор-

чи"; нельзя-же предположить, чтобы братья-люди перестали быть людьми! Кто-же виновать? Навѣрно нечистая сила колдуньи.

„Давайте колдунью! Мы сождемъ ее, и порча исчезнетъ!“

Они сожгли и стояли передъ судомъ. Виноваты-ли они, какъ думаешь ты, дорогая моя Дженни? Да избавить Богъ быть за мѣстѣ судей такихъ ужасныхъ дѣлъ! Вотъ все, что я могу сказать, оканчивая письмо.

Твой Дженни, знатный иностранецъ.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Откровенный Писатель.

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

продаются слѣдующія изданія редакціи журнала „Дѣло“:

Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Чарльса Дарвина. Перев. съ англ., подъ редакціею Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна трехъ выпускамъ 5 р. сер.; съ перес. 5 р. 60 к.

Теорія естественнаго подбора. Очерки Альфреда Росселя Валласа. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Популярная гигиѣна. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Карла Реклама. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое, 1878 г. Съ приложеніемъ „*Военной гигиены*“ д-ра Вейнмана. Съ рисунками. Цѣна 2 руб.; съ пересылкой 2 руб. 30 к.

Вопросы общественной гигиены. В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 руб.; съ перес. 3 р. 50 к.

О питаніи въ фізіологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра Жюля Сира. Перев. съ французскаго, подъ редакціею А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной фізіологіи. Т. Гексли. Пер. съ англ., съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Изданіе третье. Цѣна 1 р. 25 к.; съ пер. 1 р. 40 к.

Комедія всемірной исторіи. Гог. Шерра. Историческій обзоръ событій въ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмецк. Два выпуска. Цѣна обоимъ выпускамъ 3 р.; съ пересылкой 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна трехъ выпускамъ 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

Избранныя рѣчи Джона Брайта. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціею Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Девяносто третій годъ. Романъ В. Гюго, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 40 к.

Современные политическіе дѣятели. (Біографіи и характеристики) Э. Реклю (М. Триго). Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Исповѣдь старика. Политическій романъ Иполита Ньёво. Перев. съ итальянскаго В. А. Зайцева. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. Дж. Ст. Миля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціею и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Юг. Шерра: „*Историческіе женскіе типы*“. Изданіе второе. Цѣна 1 руб. съ перес. 1 руб. 25 к.

Автобіографія Джона Стюарта Миля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціею Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 руб. 20 к.; съ перес. 2 р. 50 к.

Внѣ общественныя интереса. Романъ П. Лятнева, изданный безъ предварительной цензуры. Цѣна 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

Американка. Романъ Луизы Алькотъ. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ пересылкой 1 р. 50 к.

Русскія историческія женщины. (Женщины до-петровской Руси). Д. Л. Мордовцева. Цѣна 2 р. 75 коп.; съ перес. 3 р. 25 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. В. М. Флоринскаго. Цѣна 50 к.; съ перес. 70 к.

Сочиненія Ф. М. Толстаго. (Повѣсти и рассказы). Съ предисловіемъ Д. Н. Писарева. Два тома. Цѣна. 1 р. 50 к.; съ перес. 1 р. 80 к.

Мертвая петля. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Н. Потѣхина. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Записки военнаго. Белетристическіе очерки, рассказы и картины изъ военнаго быта. Д. Гирса. Цѣна 1 р. 60 к.; съ перес. 1 р. 80 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. Ж. Верна. Переводъ съ французскаго. Цѣна. 50 к.; съ перес. 70 к.

Бриллиантовое ожерелье. Романъ Антони Троллопа. Перв. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 20 к.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала „ДѢЛО“ уступается 20% съ номинальныхъ цѣнъ (стоимость книги безъ пересылки).

1880 (ГОДЪ XXIII) 1880

„НЕВА“

„Нева“ состоитъ изъ **ТРЕХЪ** иллюстрированныхъ журналовъ: 1) „Нева“. Лучшія повѣсти русскихъ писателей. Политика. Литература. Науки. Искусства. Промышленность. Судебная хроника и проч. и проч. Сжатая, доступно-изложенная, но подробная статья по всѣмъ вышеназваннымъ отдѣламъ, обнимающія собой всѣ явленія общественной жизни, дающія возможность слѣдить за ними даже и тѣмъ лицамъ, которыя почему либо не получаютъ ежедневныхъ газетъ. Ежегодно 52 №№, 2,448 столбцовъ текста со множествомъ великолѣпныхъ, художественныхъ иллюстрацій. 2) „Семейное Чтеніе“. Журналъ романовъ и повѣстей, избранныхъ изъ лучшихъ произведеній современныхъ авторовъ. Ежегодно 50 №№, 1,200 столбцовъ текста съ иллюстраціями къ романамъ, карикатурами, ребусами и проч. 3) „Парижскія Моды“. Войдя въ соглашеніе съ извѣстнѣйшей изъ парижскихъ редакцій, начиная съ новаго года, мы имѣемъ возможность помѣщать настоящія парижскія моды и тѣмъ самымъ дать нашимъ читателямъ изданіе, рѣзко выдѣляющееся отъ другихъ, однородныхъ съ нимъ изданій. 12 №№ въ годъ, 96 страницъ модныхъ рисунковъ съ 12 листами приложений выкроекъ и рукодѣлій большаго формата. 4) **Даровыя преміи**: „*Наши Дьятели*“, роскошное изданіе, удостоившееся со стороны публики самаго лестнаго приѣма, а со стороны выдающихся органовъ печати самаго одобрительнаго отзыва. Въ 1880 г. выйдутъ въ свѣтъ и разошлются безвозмездно подписчикамъ томы 7-й и 8-й (24 *увявленные на стали портреты съ біографіями*). Цѣна „Невы“ за годъ 4 р. 50 к., съ дост. 5 р. 50 к., съ пер. 6 р. Кромѣ того, подписчики получаютъ право приобрести вышедшіе уже 6 томовъ „*Дьятелей*“ по уменьшенной цѣнѣ. (Цѣна въ продажѣ за томъ: брошюр. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ перепл. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.). Для подписчиковъ за томъ: только 1 р. 25 к. брошюр., съ перес. 1 р. 50 к., въ красивомъ перепл. 1 р. 75 к.,

съ перес. 2 р. 5) Преміи по уменьшенной цѣнѣ. Желая угодить тѣмъ изъ нашихъ подписчиковъ, которые съ особенной благосклонностью относятся къ олеографіямъ, мы сдѣлали выборъ, который, навѣрное, удовлетворитъ ихъ. Величина картинъ равняется 39 с. ширины и 51 с. высоты (1989 квадрат. сантим.). Цѣна каждой только 75 к., съ тщательною упаковкою и перес. 1 р. За всѣ шесть картинъ только 4 р., съ перес. 5 р. Выборъ сюжетовъ слѣдующій: 4 копии съ *знаменитѣйшихъ картинъ древнихъ мастеровъ*: а) *Христосъ на крестѣ*, Фанъ-Дейка; б) *Ессе homo* (голова Христова). *Гвидо-Рени*; в) *Святое семейство*, *Мурильо*; г) *„Не возбраняйте дѣтямъ“*. *Мурильо*. 2 ландшафта извѣстнаго пейзажиста Энгельгардта; д) *На Бріенскомъ озерѣ*; е) *Мельница близъ Бергтесладена*. По желанію подписчиковъ къ картинамъ могутъ быть выписаны рамки черезъ насъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ВѢСТНИКЪ 1880.

Встрѣченный публикою самымъ благосклоннымъ образомъ, ежемѣсячный сборникъ этотъ помѣщаетъ лишь замѣчательнѣйшіе романы современныхъ писателей и рядъ статей разнообразнаго содержанія, съ художественными къ нимъ иллюстраціями. Въ годъ 12 №№ (1,152 столбца). Къ „Вѣстнику“ мы приготовляемъ премію, которая, навѣрное, будетъ для подписчиковъ самою пріятною неожиданностью. Состоитъ эта премія изъ рѣзаннаго на стали

БОЛЬШОГО ПОРТРЕТА Е. И. В. НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА,

который разошлется подписчикамъ отдѣльно и тщательно упакованный.

Желающіе получить болѣе одного экземпляра благоволятъ приплатить за каждый по 1 р. 50 к. Для неподписчиковъ цѣна портрета безъ пересылки 4 р. 50 к., съ перес. 5 р. Цѣна „Илл. Вѣстника“ за годъ, съ портретомъ 3 р. 50 к., съ доставк. и перес. 4 р. „Нева“ съ „Вѣстникомъ“, съ портретомъ Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича 7 р. 75 к., съ доставк. 8 р. 50 к., съ перес. 9 р. 50 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАЛЕНДАРЬ А. БАУМАНА.

Календарь этотъ годъ отъ году пользуется все большимъ и большимъ распространеніемъ. Кромѣ справочнаго отдѣла, напол-

неннаго общими календарными свѣдѣніями, въ нынѣшнемъ году помѣщается *цѣлый романъ изъ современной русской жизни*, полный животрепещущаго интереса и который *отдѣльно* будетъ продаваться по 1 р. 50 к. Цѣна календаря въ красивой папкѣ 1 р., въ изящномъ переплетѣ 1 р. 50 к., съ пересылкой въ папкѣ 1 р. 30 к., въ переплетѣ 1 р. 80 к. Для подписчиковъ на „Неву“ или „Вѣстникъ“, календарь въ папкѣ 75 к., въ переплетѣ 1 р. 20 к., съ перес. въ папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 50 к. Суммы менѣе 1 р. могутъ быть высланы *почтовыми марками*.

Адресовать Алексѣю Осиповичу Бауману, Исаакіевская Площадь, № 6, въ С.-Петербургѣ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

НАРОДНАЯ ШКОЛА

въ 1880 году (годъ XII).

Журналъ одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, учебнымъ комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ и удостоенъ золотой медали отъ комитета грамотности, состоящаго при Императорскомъ вольномъ экономическомъ обществѣ.

Вступая въ двѣнадцатый годъ своего существованія, журналъ „Народная Школа“ будетъ издаваться на прежнихъ основаніяхъ, по прежней программѣ и при участіи всѣхъ прежнихъ сотрудниковъ.

Програма журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I) Законодательство по народному образованію,—куда входятъ не только законодательныя постановленія въ собственномъ смыслѣ этого слова, прошедшія чрезъ высшую законодательную инстанцію, но также частныя правительственныя распоряженія, имѣющія обязательную силу для разныхъ учебныхъ заведеній низшаго разряда, высочайшіе рескрипты, касающіеся дѣятельности тѣхъ или другихъ лицъ и учрежденій на пользу народнаго образованія. II) Педагогика и дидактика. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются дидактическія и методическія статьи по всѣмъ предметамъ первоначаль-

наго обученія и воспитанія. III) Исторія народныхъ школъ и народнаго образованія. Сюда входятъ статьи историческаго содержанія о развитіи народнаго образованія въ Россіи и другихъ государствахъ, а также біографіи лицъ, съ пользою потрудившихся на этомъ поприщѣ. IV) Критика и библіографія — разборъ книгъ и періодическихъ изданій, посвященныхъ первоначальному обученію или вообще вопросамъ воспитанія, какъ съ теоретической, такъ и практической стороны. V) Новости и смѣсь. Этотъ отдѣлъ, соотвѣтствующій „современному обозрѣнію“ въ другихъ журналахъ, заключаетъ въ себѣ, кромѣ мелкихъ статей и корреспонденцій, систематическій обзоръ (подъ названіемъ *педагогической хроники*) всѣхъ наиболѣе интересныхъ явленій въ области народнаго образованія, а также мѣръ, принятыхъ у насъ, для развитія школьнаго дѣла, правительствомъ и общественными учрежденіями. Въ этотъ-же отдѣлъ будетъ входить въ неопредѣленные сроки, (смотря по накопленію матеріаловъ), очеркъ современнаго положенія народнаго образованія въ иностранныхъ государствахъ, далеко опередившихъ насъ, какъ извѣстно, на этомъ пути. Здѣсь-же помѣщаются обыкновенно, подъ именемъ „разныхъ извѣстій“, нѣкоторые любопытные факты изъ общественной жизни, могущіе имѣть интересъ для народнаго учителя. Иногда эти факты, по мѣрѣ ихъ важности, (какъ, напр., появленіе эпидемій въ астраханской губ.), группируются въ подробныя обозрѣнія извѣстныхъ сторонъ нашей внутренней жизни. VI) Приложенія къ журналу, куда входятъ: а) политическія извѣстія для народныхъ учителей, въ формѣ связнаго разсказа о политическихъ событіяхъ; б) чтенія для народа по всѣмъ предметамъ знанія и в) вообще всякія статьи научнаго содержанія, которыя могутъ содѣйствовать саморазвитію народнаго учителя, обогащая его полезными свѣденіями.

Эта обширная програма добросовѣстно исполнялась редакціею „Народной Школы“ въ теченіи одиннадцатилѣтняго существованія журнала; такое-же точно исполненіе можемъ мы обѣщать нашимъ читателямъ и на будущее время. Для будущаго года въ распоряженіи редакціи имѣются уже слѣдующія статьи: 4) Народныя школы въ православныхъ приходахъ Финляндіи, *В. Ассонова*; 2) Школа и жизнь, *Д. Тихомирова*; 3) Наши народныя школы, *И. Фесенко*; 4) Саксонскія ремесленныя школы, *его-же*; 5) Испорченныя дѣти и нѣмецкіе спасительные дома, *С. Миансикаго*; 6) Новыя повѣствованія изъ русской исторіи, *Е. Карновича*; 7) Ученіе Бена о воспитаніи, въ критическомъ изложеніи барона *Н. Корфа* и мн. др.

„Народная Школа“ будетъ выходитьъ въ 1880 г., по прежнему, ежемѣсячными книжками, отъ 4 до 6 печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Годовая цѣна журнала, со всѣми приложеніями, четыре руб. пятьдесятъ коп. съ пересылкою и доставкою. Иногородные подписчики адресуются *исключительно*: въ главную контору „Народной Школы“, въ С.-Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ, по 6 линіи, № 25. По тому-же адресу и по той-же цѣнѣ можно выписывать оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные экземпляры журнала за 1878 и 1879 г. (нов. редакціи)

Редакторы-Издатели { В. Евтушевскій.
А. Патковскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„НОВОСТИ“

на 1880 годъ

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПОДЪ НОВОЮ РЕДАКЦІЕЮ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ:

нвг.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
8	7 50	7 —	6 50	6 —	5 50	5 4 50	3 80	3 2 1			

Съ пересылкою:

9	8 25	7 50	7 —	6 50	5 75	5 4 50	4 —	3 2 1			
---	------	------	-----	------	------	--------	-----	-------	--	--	--

Подписывающіеся сразу на всѣ послѣдніе мѣсяцы 1879 г. и на весь 1880 г., платятъ за время: съ 1-го сентября 1879 г. по 1-е января 1881 г., т. е. за 16 мѣсяцевъ, 12 руб., съ 1-го октября 1879 г. по 1-е января 1881 г., т. е. за 15 мѣсяцевъ—11 р. 50 коп., съ 1-го ноября—всего 10 р. 50 к., и съ 1-го декабря 9 р. 50 к.

Подписывающіеся на весь 1879 г. получаютъ всѣ номера съ 1-го января.

Письма и деньги адресуются: въ С.-Петербургъ, въ редакцію газеты „НОВОСТИ“ (Гороховая, 32).

Газета „НОВОСТИ“ выходитъ, безъ предварительной цензуры, ежедневно, не исключая понедѣльниковъ, полными нумерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, въ видѣ прибавленій или телеграфныхъ бюллетеней.

Редакція строго соблюдаетъ принятое ею, съ самаго начала изданія правило—не оставлять ни одного болѣе или менѣе выдающагося явленія или событія безъ своевременной всесторонней оцѣнки и освѣщенія (отдѣлъ „Дневникъ“), не сообщать читателямъ ни одного извѣстія позже другихъ газетъ и не помѣщать въ газетѣ никакихъ статей, не представляющихъ общественно-политическаго интереса для большинства ея читателей. Изъ многочисленныхъ же извѣстій административнаго характера газета отдаетъ предпочтеніе такимъ, въ которыхъ заключаются рѣшенія какихъ-нибудь крупныхъ общественныхъ вопросовъ или отвѣты на различныя ходатайства мѣстныхъ обществъ, вынужденныхъ часто, для полученія подобныхъ свѣденій, прибѣгать къ командировкѣ въ Петербургъ специальныхъ уполномоченныхъ или по меньшей мѣрѣ къ продолжительной канцелярской процедурѣ переписки. Наконецъ, прочитавшій внимательно даже одинъ или два номера газеты можетъ убѣдиться въ томъ, что газета совершенно чужда рутинѣ, господствующей въ старыхъ изданіяхъ; что общій характеръ газеты носить на себѣ печать оригинальности, заключающейся именно въ томъ, что ни одинъ, болѣе или менѣе выдающійся изъ ряда обыкновенныхъ фактъ, не оставляется безъ освѣщенія; что, при огромномъ числѣ самыхъ разнообразныхъ извѣстій, получаемыхъ редакціей ежедневно отъ своихъ постоянныхъ репортеровъ и корреспондентовъ (рубрики: „Административныя Новости“, „Русская Лѣтопись“, „Внутренняя Почта“ и т. д.), она имѣетъ возможность заимствованія изъ другихъ изданій подчинять самому строгому критическому выбору и приурочивать къ текущимъ, наиболѣе популярнымъ вопросамъ. Такъ, напримѣръ, подъ рубрикою „Русская Печать“, редакція не только знакомитъ своихъ читателей со взглядами и сужденіями текущей періодической печати, но старается вкратцѣ освѣщать эти взгляды и сужденія съ научной и общественной точки зрѣнія. Также точно и подъ рубрикою „Свѣтъ и Тѣни“ наиболѣе выдающіяся явленія обще-государственной и мѣстной жизни приводятся не какъ простые факты, а какъ живой практическій матеріалъ, почерпнутый изъ всесторонняго житейскаго опыта, регулирующаго нравственный и матерьяльный уровень общественныхъ и гражданскихъ отноше-

ній. Наконецъ, справочный отдѣлъ газеты приуроченъ ко всевозможнымъ общественнымъ потребностямъ различныхъ классовъ („Справочный отдѣлъ“).

Содержаніе газеты „НОВОСТИ“

1) ПОЛИТИЧЕСКІЯ ТЕЛЕГРАМЫ (доставляемыя „Международнымъ Агенствомъ“ и собственными корреспондентами). 2) ДНЕВНИКЪ. До 1-го Сентября напечатано: по внѣшнимъ вопросамъ: около 600 статей, по внутреннимъ—около 80 статей. 3) АДМИНИСТРАТИВНЫЯ НОВОСТИ. (Отъ нашихъ специальныхъ репортеровъ). По 1-е сентября помѣщено болѣе 700 извѣстій. 4) РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ. (Отъ нашихъ специальныхъ репортеровъ). По 1-е сентября помѣщено болѣе 2,000 статей. Подъ эту-же рубрику печатались: всѣ важнѣйшія правительственныя распоряженія, сообщенія и телеграммы; отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ с.-петербургской] городской думы; отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ ученыхъ и другихъ обществъ: географическаго, мореходства, промышленности и торговли, вольно-экономическаго, техническаго, педагогическаго, естествоиспытателей, минералогическаго, этнологическаго, юридическаго, общества русскихъ врачей, общества практическихъ врачей, общества взаимнаго кредита, благотворительныхъ обществъ, лѣснаго общества, общества сельскихъ хозяевъ, садоводства, комисіи при педагогическомъ музеѣ. Кромѣ того, своевременно помѣщались всѣ болѣе или менѣе важныя распоряженія г. петербургскаго градоначальника и мелкія происшествія. 5) ТЕАТРЪ И МУЗЫКА. Подъ этой рубрикой помѣщено болѣе 1,000 извѣстій и отчетовъ, доставленныхъ нашими репортерами и рецензентами. Подъ этой-же рубрикою печатаются собственныя и заимствованныя извѣстія о провинціальныхъ русскихъ и иностранныхъ театрахъ. 6) ВСЕМІРНЫЙ КАЛЕЙДОСКОПЪ, печатающійся по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, заключаетъ въ себѣ самыя разнообразныя свѣденія о выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ явленіяхъ, событіяхъ и фактахъ, совершающихся во всѣхъ частяхъ свѣта. 7) ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ, представляющія общій интересъ или касающіяся отдѣльныхъ національностей, классовъ и городскихъ или сельскихъ населеній, печатаются цѣликомъ. 8) ВНУТРЕННЯЯ ПОЧТА (отъ нашихъ постоянныхъ и случайныхъ корреспондентовъ). 9) РУССКАЯ ПЕЧАТЬ (ежедневное обозрѣніе газетъ и журналовъ). 10) ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ. (Беллетристическія и публицистическія статьи). „Вчера и Сегодня“. (Воскресныя бесѣды *Коломенскаго Кандида*. „Дѣло“, № 10, 1879 г.

Еженедѣльно). — „Литературная хроника“. (Обозрѣніе толстыхъ журналовъ. *Вл. Чуйко*. Два разъ въ мѣсяцъ). — „Въ складахъ историческаго матеріала“. (Изъ разсказовъ архивной крысы. Обозрѣніе историческихъ журналовъ и книгъ, *Коломенскаго Кандида*. Ежемѣсячно). — „Обозрѣніе педагогическихъ журналовъ“ *Скромное Я*. Ежемѣсячно. — „Обозрѣніе духовныхъ журналовъ“. *Скромное Я*. Ежемѣсячно. — „Обозрѣніе художественныхъ выставокъ“. По поводу передвижной выставки 1879 г. *В. Чуйко*. — Третья годичная (1879 г.) выставка „Общества выставокъ художественныхъ произведешій“. *Коломенскаго Кандида*. 11) БИБЛИОГРАФІЯ: отзывы о новыхъ книгахъ. 12) ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ СТАТЬИ. Экскурсія въ область житейской философіи. *Скромное Я*. — Письмо къ ученому публицисту Н. К. Михайловскому. *В. Чуйко*. — Женскій трудъ (паралели. Вниманію великоsvѣтскихъ дамъ). — Знаменія времени въ области судебной практики. *Серебренникова*. — По поводу священническихъ рясъ. — Воспоминанія о чумѣ, полковника *Д. Н. Ганкевича*. — Русская ученая экспедиція въ Египетъ для изученія чумы въ 1839 — 1844 гг. *А. Скальковскаго*. — Ученое легкомысліе. *В. Никитина*. — Шипы сѣверныхъ розъ (путешествіе американской мухи), *П. Рачковскаго*. — По поводу кутаискаго дѣла, *П. Рачковскаго*. — Болѣзни Астраханскаго населенія, *Л. Бесина*. — Экскурсія въ царство мертвыхъ. — Торговля рабами въ Турціи, ст. *Паскаля Давида* и т. д. 13) БЕЛЛЕТРИСТИКА. „Русское Тайпобрачіе“, post-scriptum къ „Мелочамъ архіерейской жизни“, печатавшимся въ „Новостяхъ“ въ 1878 г. *Н. Льскова*. — „Бабушка и внучка“, оригин. повѣсть *Л. О. Леванды*. — „Призраки“, оригин. разсказъ *Нила Адмирари* (*Л. Панютина*). — „Страница изъ исторіи одного ребенка“, оригин. этюдъ *Сахаровой*. — „Женщина, разрѣзанная на куски“, сцены изъ соврем. „подземнаго Милана“. — „Безъимянный замокъ“, съ венгерскаго, романъ *Локаи*. — „Зачумленный городъ“, разсказъ. — „На Левантской эскадрѣ“, разсказъ *Литрова*. — „Уголовныя драмы“, романъ *П. Законна* и *Э. Море*. — „Месть или тайны серала“, романъ *Лейлы Ханумъ*. — „Изъ омута въ омутъ“, романъ *Максъ Амессы Флемингъ* (изъ американской жизни). — „Около золотого тельца“, оригин. романъ. — „Утесъ Почетнаго Легіона“ *Барт. Ауэрбаха*. — „Гиганты—полипы“. — „Дитя покойницы“, ром. *Ульбаха*. — Разсказы *Бретарта* и т. д. Воскресные нумера печатаются въ форматѣ, удобномъ для переилета. Изъ печатающихся въ воскресныхъ нумерахъ беллетристическихъ произведешій, по истеченіи года, составитя объемистый томъ въ 26 листовъ газетнаго формата. 14) СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ. Коммерческія телеграммы (доставляемыя редакціи „Международнымъ Агенствомъ“). — Хлѣбные и товарныя

рынки (столичные и провинціальные).—Бирживые курсы.—Тиражи процентных бумаг.—Минеральныя воды за границею (справочныя свѣдѣнія).—Желѣзныя дороги.—Указатель лечебницъ.—Указатель дѣлъ, назначаемихъ въ коммерческомъ судѣ.—Репертуаръ.—Прибывшіе и выбывшіе и проч. и проч. 15) СВѢТЪ И ТѢНИ. 16) СУДЕБНЫЙ ОТДѢЛЪ. (Отъ нашихъ стенографовъ и изъ официальныхъ газетъ). 17) ОБЪЯВЛЕНІЯ И РЕКЛАМЫ.

О Б ъ И З Д А Н І И

Г А З Е Т Ы

„СОВРЕМЕННОСТЬ“

СЪ ОСОБЫМЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

„СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНІЕ“

ВЪ 1880 ГОДУ.

Газета „Современность“ издается безъ предварительной цензуры. Въ ней будутъ помѣщаться: I. Передовыя статьи по вопросамъ политическимъ, учебно-воспитательнымъ, церковно-бщественнымъ, юридическимъ, литературнымъ и др. Обзорѣнія: внутреннее, имѣющее предметомъ обсужденіе болѣе крупныхъ фактовъ изъ современной общественной жизни,—иностранное и политическое. II. Правительственныя распоряженія, касающіяся всѣхъ вообще вѣдомствъ. III. Хроника, въ которую войдутъ разные слухи и свѣденія о событіяхъ, преимущественно столичной жизни. IV. Журнальные и газетные толки, или выдержки изъ статей, заслуживающихъ почему-либо особеннаго общественнаго вниманія. V. Внутреннія извѣстія, гдѣ первое мѣсто будетъ предоставлено разнаго рода корреспонденціямъ, чуждымъ всякихъ личностей и провинціальныхъ дрягъ, а также интересныя, въ какомъ-бы то ни было отношеніи, извѣстія, заимствованныя изъ другихъ газетъ. VI. Судебный отдѣлъ, въ которомъ будутъ печататься обстоятель-

ные отчеты о болѣе или менѣе замѣчательныхъ и поглощающихъ общественное вниманіе судебныхъ процессахъ. VII. Иностранныя извѣстія, касающіяся политической и внутренней жизни разныхъ чужеземныхъ народовъ. VIII. Разныя мелкія извѣстія изъ внутренней и иностранной жизни. IX. Фельетонъ, въ которомъ, между прочимъ, будетъ помѣщаться обзоръ текущей журналистики, какъ свѣтской, такъ и духовной, а равно и статьи ученаго и белетристическаго характера. X. Биржевыя свѣденія.

Въ будущемъ 1880 году „Современность“ будетъ выходить пять разъ въ недѣлю за исключеніемъ дней, слѣдующихъ за праздниками.

„Семейное Чтеніе“ будетъ заключать въ себѣ: статьи о современныхъ событіяхъ, романы, повѣсти, рассказы и т. д., и будетъ выходить разъ въ недѣлю въ объемѣ двухъ печатныхъ листовъ въ четвертую долю, въ три столбца.

Рѣшившись съ текущаго октября издавать при газетѣ „Современность“ еженедѣльное прибавленіе, подъ названіемъ: „Семейное Чтеніе“, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о цѣли и значеніи этого прибавленія.

„Семейное Чтеніе“ не имѣетъ въ виду преслѣдовать педагогическую цѣль, а тѣмъ менѣе доставлять русскимъ небогатымъ семействамъ матеріалъ для одного легкаго чтенія и развлеченія; назначеніе его несравненно серьезнѣе. Наше „Семейное Чтеніе“ будетъ служить необходимымъ дополненіемъ газеты „Современность“ и предназначается для того класса общества, который не имѣетъ возможности подписываться на большую ежедневную газету и толстый журналъ, стоящіе вмѣстѣ болѣе 30 рублей серебромъ.

Теперь нѣсколько словъ о характерѣ „Семейнаго Чтенія“.

У насъ еще не выработались серьезные взгляды на значеніе государства и общества, а также на обязанности наши относительно того и другого. Русская журналистика не должна оставлять безъ вниманія этотъ важный пробѣлъ въ нашемъ общественномъ пониманіи. Необходимо, по нашему мнѣнію, чтобы въ каждомъ грамотномъ семействѣ имѣлось такое изданіе, изъ котораго всѣ его члены могли-бы приобрѣтать вѣрныя понятія о своихъ многоразличныхъ обязанностяхъ и отношеніяхъ въ общественной жизни, могли-бы набираться честныхъ убѣжденій и проникаться правильными взглядами на государственные и общественные интересы,—которое сообщало-бы вѣрное освѣщеніе, какъ текущимъ событіямъ, такъ и болѣе крупнымъ вопросамъ, въ данный моментъ занимающимъ и волнующимъ русское общество, — добросо-

вѣство и честно разъясняло-бы дѣло и указывало, чего именно слѣдуетъ вѣрно держаться и чего избѣгать.

Русская семья, въ лицѣ старшихъ и младшихъ своихъ членовъ, должна знать, какъ для нея должна быть дорога судьба отечества и какой высокой интересъ должно представлять все то, что можетъ содѣйствовать нравственному и матеріальному благосостоянію Россіи.

Необходимо, чтобы каждый заѣзжій къ намъ иностранецъ и нашъ русскій пропагандистъ, попавшій въ нашу общественную среду, ясно видѣли, что русскаго человѣка нельзя отуманить ложными чужеземными ученіями, что онъ научился понимать и цѣнить свою вѣру, свой языкъ, свои завѣтные преданія и свою исторію, и что наша родная почва неудобна для безразсудной дѣятельности разрушителей созданнаго вѣками общественнаго порядка.

Таковы наши стремленія. Мы понимаемъ всю трудность предстоящей намъ задачи—содѣйствовать русской семьѣ къ достиженію высокаго призванія ея въ обществѣ и государствѣ; по крайней мѣрѣ мы не пожалѣемъ никакихъ усилій къ возможному ея осуществленію.

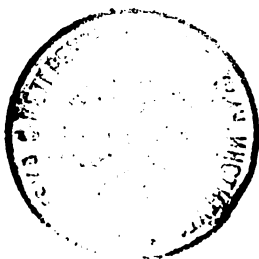

Подписная годичная цѣна съ пересылкою и доставкою на домъ — 6 руб.

Подписка принимается въ редакціи газеты въ С.-Петербургѣ, уголъ Ямской и Свѣчнаго пер., въ д. № 9, кв. № 18.

Редакторъ О. Е. Лозинскій.

Издатель А. А. Старчевскій.

РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ

до 500 печатныхъ страницъ, съ 300—400 рисунками, и есть необходимое дополненіе каждой хорошей библіотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостиной.

ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА

„ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“

изъ англ. коленкора, съ золотыми тисненіями по рисунку художника К. Брока. Цѣна покрывки для переплета на каждый томъ безъ пересылки 1 р. 75 к., съ пересылкою 2 р. 50 к.

Цѣна первыхъ 20 томовъ „Всемирной Иллюстраціи“:

1869 г. (томы I и II) 10 руб. безъ перес., въ англ. коленкор. перепл. 14 р.; 1870 г. (т. III и IV), 1871 г. (т. V и VI), 1872 г. (т. VII и VIII) и 1873 г. (т. IX и X)—по 8 р. безъ пересылки. каждый годъ. Въ англ., тисненн. золотомъ переплетахъ, каждый годъ стоитъ по 12 р. безъ пересылки. 1874 (т. XI и XII), 1875 (т. XIII и XIV), 1876 г. (т. XV и XVI), 1877 г. (XVII и XVIII) (безъ приложеній) и 1878 г. (т. XIX и XX) (безъ приложеній)—по 9 р. безъ перес., каждый годъ.

Въ переплетахъ безъ перес. по 13 руб.

На пересылку каждаго года слѣдуетъ прилагать 3 р. сер.

Главная контора редакціи „Всемирной Иллюстраціи“ въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая, д. № 16.

Редакторъ-издатель „Всемирной Иллюстраціи“, Германъ Гоппе.

Для удобства своихъ подписчиковъ, контора Германа Гоппе принимаетъ подписку и на всѣ русскіе и иностранныя журналы и газеты.

О ПОДПИСКѢ НА 1880 ГОДЪ НА

МОДНЫЙ СВѢТЪ.

самый полный и дешевый модный и семейный иллюстрированный журналъ въ Россіи.

Съ 1-го января 1880 года „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ начнетъ XIII годъ своего существованія и будетъ издаваться съ прежнею со стороны издателя заботливостью о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ въ 1880 году будетъ выходить также въ трехъ изданіяхъ, въ количествѣ 48 номеровъ въ годъ, т. е. четыре нумера въ мѣсяцъ (два модныхъ и два литературныхъ), и будетъ заключать въ себѣ втеченіи года:

Болѣе 2,000 полнотипажныхъ рисунковъ моды и руководѣній въ текстѣ.

Рисунки канвовыхъ и тамбурныхъ работъ. Рисунки и выкройки бѣлья мужского, дамскаго и дѣтскаго.

Раскрашенные рисунки канвовыхъ, тамбурныхъ и др. работъ. Рисунки въ русскомъ вкусѣ.

Болѣе 300 выроекъ на 12 большихъ листахъ.

24 вырѣзныхъ выкройки въ натуральную величину.

24 (или 12 для 1 изданія) модныхъ раскрашенныхъ парижскихъ картинки для II изданія, исполненныхъ лучшими иностранными художниками.

36 (24 раскрашенныхъ и 12 акварельныхъ) модныхъ парижскихъ картинокъ для III изданія.

Новѣйшія музыкальныя пьесы (ноты) любимыхъ композиторовъ.

Коллекцію рисунковъ: изъ семейной жизни, моды стараго времени, характерныхъ костюмовъ для маскарадовъ, портреты, типы и проч.

Новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетонъ, стихотворенія, анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.

Разныя отдѣльныя бесплатныя приложенія и „Почтовый ящикъ“ съ самыми разнообразными и полезными совѣтами.

Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ имѣетъ гораздо болѣе подписчиковъ, чѣмъ всѣ модные журналы, издающіеся въ Россіи, въ совокупности.

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ „МОДНАГО СВѢТА“ НА 1880 Г.:

I изданію, съ 12 раскрашенными парижскими картинками и со всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ доставки—4 р.; съ доставкой въ С.-Петербургѣ—5 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 6 руб.

II изданію, съ 24 раскрашенными парижскими картинками и со всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ доставки—5 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—6 р. 50 к.; со пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 7 р.

III изданію, съ 24 раскрашенными парижскими картинками, 12 раскрашенныхъ акварельными картинками и со всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ доставки—7 р.; съ достав. въ С.-Петербургѣ—8 р. 50 к.; съ пересылкою въ всѣ города Россійской Имперіи 9 руб.

Въ Москвѣ цѣна безъ доставки: I-му изданію 5 руб.; II-му изданію 6 р. 50 коп.; III-му изданію 8 р. 50 к.; съ пересылкою: I-му изданію 6 р.; II-му изданію 7 р.; III-му изданію 9 р.

издатель „Моднаго Свѣта“, Германъ Гоппе.

Главная контора редакціи „Моднаго Свѣта“ находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой улицѣ, домъ Коровина № 16.

Для удобства своихъ подписчиковъ, контора Германа Гоппе принимаетъ подписку и на всѣ русскіе и иностранныя журналы и газеты.

О ПОДПИСКѢ НА 1880 ГОДЪ

НА

И Л Л Ю С Т Р И Р О В А Н Н Ы Й Ж У Р Н А Л Ъ

Литературы, Наукъ и Искусствъ

„ОГОНЕКЪ“,

СЪ БЕСПЛАТНЫМИ ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

52 нумера въ годъ.

ПРОГРАМА „ОГОНЬКА“:

1) Романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, драматическія произведенія, юмористическіе очерки, оригинальные и переводные (съ рисунками съ нимъ).

2) Историческіе очерки, бытовыя картины изъ жизни древнихъ народовъ (съ рисунками къ нимъ).

3) Записки, мемуары, жизнеописанія великихъ людей и общественныхъ дѣятелей (съ портретами).

4) Систематическій обзоръ (съ рисунками, по надобности) замѣчательныхъ явленій въ области всѣхъ наукъ: естествознанія,

археологіи, географіи, медицины, механики и т. д., и искусствъ: скульптуры, живописи, архитектуры, музыки и т. д. Библиографія и замѣчательные процессы (безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній).

5) Смѣсь: анекдоты, афоризмы и т. п.

6) Почтовый ящикъ: отвѣты редакціи.

7) Тиражи выигрышей 1-го и 2-го внутреннихъ займовъ.

8) Частныя объявленія.

Громадный успѣхъ „ОГОНЬКА“ (22 тысячи подписчиковъ) въ первый-же годъ изданія дѣлаетъ лишними всякія пышныя общанія. Успѣху этому „ОГОНЕКЪ“ обязанъ: 1) Объемомъ своимъ онъ равенъ большимъ литературнымъ журналамъ, но дешевле ихъ вчетверо. 2) Въ немъ принимаютъ участіе лучшія литературныя и художественныя силы.

Въ прошломъ году въ „ОГОНЬКѢ“ принимали участіе, между прочимъ, слѣдующія лица: *В. Г. Авсѣенко, К. Алексѣевъ, К. П. Галлеръ, д-ръ Е. Д. Гончаровъ, Г. М. Данилевскій, В. В. Крестовскій, В. Корниевскій* (псевд.), *К. Орловскій, А. Н. Майковъ, Я. П. Полонскій, П. Полевой, гр. Е. А. Салиасъ, К. К. Случевскій, Д. И. Садовниковъ, А. Фетъ* и др.

При томъ-же составѣ редакціи, при стремленіи къ улучшенію журнала съ каждымъ номеромъ, въ 1880 г. съ первыхъ номеровъ редакція начнетъ печатать: „Масоны“, романъ въ 5 част. *А. Ѳ. Писемскаго*, и „Лихо“, историческая повѣсть *Д. В. Аверкіева*. Годовая цѣна „ОГОНЬКА“: безъ доставки 4 руб.; съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою во всѣ города Россіи 5 руб.

Подписка принимается въ конторѣ издателя журнала „ОГОНЕКЪ“, въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая улица, д. Коровина, № 16.

Редакторъ журнала „Огонекъ“ *Н. П. Ахзертъ*.
Издатель журнала „Огонекъ“ *Германъ Дмитр. Гоппе*.

Для удобства своихъ подписчиковъ, контора Германа Гоппе принимаетъ подписку и на всѣ русскіе и иностранныя журналы и газеты.

ВЪ 1880 ГОДУ

„СЕМЬЯ И ШКОЛА“,

(ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ),

ИЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДОМАШНЯГО И ОБЩЕСТВЕННАГО ВОСПИТАНІЯ,

будеть издаваться по той же программѣ, въ тѣ же сроки и въ такомъ же объемѣ, какъ и въ 1879 году.

Полное годовое изданіе журнала состоитъ изъ двадцати двухъ книгъ и сорока номеровъ „Педагогической Хроники“. Подписная цѣна на полный журналъ 12 р.

Полное изданіе состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, на которые допускается также отдѣльная подписка.

I. Семейное чтеніе (отдѣлъ для дѣтскаго чтенія) выходитъ ежемѣсячно, т. е. 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна съ пересылкой 10 р.

II. Воспитаніе и обученіе (отдѣлъ для родителей и воспитателей) выходитъ въ количествѣ 10 книгъ (т. е. ежемѣсячно, кромѣ іюня и іюля), съ добавленіемъ „Педагогической хроники“, выходящей въ количествѣ 40 номеровъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. 5 р.

Семейное чтеніе даетъ статьи религіозно-нравственнаго содержанія, рассказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр., а также игры, работы, руководія, мастерства и проч. матеріалъ для физическаго и умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

Воспитаніе и обученіе съ „Педагогическою хроникою“ содержитъ въ себѣ: общія статьи педагогическаго содержанія, статьи по воспитанію и обученію домашнему и общественному (высшему, среднему и начальному), нравственному, умственному и физическому; критику и библиографію; біографическіе очерки педагоговъ и статьи по исторіи педагогіи; отдѣлъ математическій (самостоятельныя изслѣдованія въ области элементарной математики; разработка тѣхъ или другихъ частей курса учебныхъ заведеній на научно-педагогическихъ основаніяхъ, и т. п.). „Педагогическая хроника“ даетъ отчеты по текущимъ вопросамъ учебно-воспитательнаго дѣ-

ла, какъ въ Россіи, такъ и за границею, и полную биб:
вновь выходящихъ по воспитанію и обученію книгъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Спб., Васильев-
скій остр., 15-я линія, д. № 8, кв. № 20; или адресуется просто-
въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Семья и Школа“ (адресъ
почтамту извѣстенъ),—съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени,
отчества, фамиліи и того почтоваго учрежденія, его губерніи и
уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

Редакторъ-издатель Н. Краевичъ.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

четвертое издание книги:

ПОПУЛЯРНАЯ ГИГИЕНА,

Настольная книга для сохранения здоровья и рабочей силы въ
средѣ народа.

Соч. **КАРЛА РЕКЛАМА** (професора медицины въ Лейпцигѣ)

СЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ

ВОЕННОЙ ГИГИЕНЫ.

Соч. **Д-ра ВЕЙМАНА.**

(ШВЕЙЦАРСКАГО ГИГИЕНИСТА.)

Издание редакціи журнала „Дѣло“. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

СОВРЕМЕННЫЕ

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ДѢЯТЕЛИ.

Э. РЕКЛЮ (м. ТРИГО.)

(Биографіи и характеристики). Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

При этомъ № помѣщены объявленія: 1) объ изданіи журнала „Дѣло“ въ 1880 г.; 2) объ изданіяхъ редакціи журнала „Дѣло“. 3) О подпискѣ на газету „Нева“ въ 1880 г.; 4) Объ изданіи журнала „Огонекъ“ въ 1880 г.; 5) О подпискѣ на „Всемирную Иллюстрацію“ въ 1880 г.; 6) О подпискѣ на журналъ „Модный Свѣтъ“ въ 1880 г.; 7) Объ изданіи журнала „Народная Школа“ въ 1880 г.; 8) О подпискѣ на газету „Новости“ въ 1880 г.; 9) О подпискѣ на газету „Современность“ въ 1880 г., 10, О подпискѣ на журналъ „Семья и Школа“ въ 1880 г.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Д Ъ Л О“

въ 1880 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ Редакціи
журнала „Дѣло“ (по Надеждинской улицѣ, д. № 39.)

Редакція считаетъ себя ответственной за исправную и своевременную
высылку журнала только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, ко-
торые подпишутся по указанному выше адресу.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „Дѣло“:

Безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	15 „ 50 к.
Съ пересылкою иногороднимъ	16 „
„ за-границу	19 „

Для слушащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе, какъ за поручи-
тельствомъ гг. назначеевъ.

Издатель Г. БЛАГОСВѢТЛОВЪ. Редакторъ Н. ШУЛЬГИНЪ.

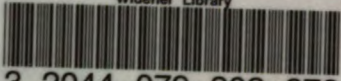
This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 302 378